

ISSN 0869-6063 (Print)
ISSN 3034-5774 (Online)

Российская Академия Наук

Номер 4

Октябрь - Ноябрь - Декабрь 2025

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

RUSSIAN ARCHAEOLOGY

НАУКА

— 1727 —

Российская Академия Наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ / RUSSIAN ARCHAEOLOGY

2025 № 4

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

ISSN 0869-6063 (Print)

ISSN 3034-5774 (Online)

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор
чл.-корр. РАН Л.А. Беляев

Редакционный совет

акад. РАН А.П. Деревянко, акад. РАН Н.А. Макаров,
акад. РАН В.И. Молодин, д.и.н. А.А. Тишкин,
проф. А. Буко (Польша), докт. М. Вемхофф (Германия),
проф. Ж.-П. Демуть (Франция), Я. Чехановец (Израиль)

Редакционная коллегия

акад. РАН Х.А. Амирханов, акад. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, к.и.н. А.Н. Гей,
д.и.н. Д.С. Коробов (зам. главного редактора),
д.и.н. Н.А. Кренке, д.и.н. В.Д. Кузнецов,
к.и.н. О.С. Румянцева (ответственный секретарь), д.и.н. А.В. Чернецов

Заведующая редакцией
к.и.н. О.В. Гусакова

Адрес: 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон (499) 124-34-42

Сайт: <http://rosarchras.ru>

E-mail: rosarch@pran.ru, ra@iaran.ru

Москва
ФГБУ «Издательство «Наука»

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4, 2025

Массовые и индивидуальные находки из раскопок 2024 г. на поселении Телль Ваджеф в Южном Ираке <i>Ш.Н. Амиров, Р.Г. Магомедов, М.Ю. Меньшиков, Н.Ю. Петрова, Л.А. Гусак, М. Хашим, М. Мохсен, Р. Саад</i>	7
Использование растений населением Нижнего Амура в I тыс. н.э.: археоботанические исследования на памятнике Малмыж 5 <i>Е.А. Сергушева</i>	24
Керамическая посуда из кургана тесинского времени в Красноярске <i>Д.А. Виноградов</i>	40
Кремационные площадки I–II вв. н.э. на некрополе Херсонеса Таврического: археологический анализ и культурный контекст <i>В.В. Вахонеев</i>	53
Археологические и палеогеографические исследования в западной части Гнёздовского комплекса <i>Н.А. Кренке, А.В. Чернов, Е.Г. Ершова, И.Н. Ершов</i>	70
Керамическая шкала кухонных горшков Переяславля Рязанского XII–XVIII вв. <i>П.С. Киреев, В.В. Судаков</i>	85

К 70-летию Н.А. МАКАРОВА

К 70-летию Николая Андреевича Макарова <i>Л.А. Беляев, П.Г. Гайдуков, И.Е. Зайцева, А.Н. Федорина</i>	105
Воздвиженский клад X века из Великого Новгорода: обстоятельства находки и состав <i>П.Г. Гайдуков, О.М. Олейников, А.А. Гомзин, К.К. Заболотная</i>	111
Металлические бусы Воздвиженского клада из Великого Новгорода: типология и конструктивные особенности <i>И.Е. Зайцева, П.В. Гурьева, Е.С. Коваленко, М.М. Мурашев, К.М. Подурец, Е.Ю. Терещенко, Е.Б. Яцишина</i>	125
Опыт изучения разрозненных остеологических материалов из раскопок на территории пойменной части поселения Гнёздовского археологического комплекса <i>М.В. Добровольская, В.В. Мурашева, И.К. Решетова, В.И. Данилевская, Е.В. Добровольская, А.А. Фетисов, А.А. Гольева, О.Н. Успенская</i>	145
Комплексное археогенетическое изучение погребения в северном склепе Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском <i>Т.В. Андреева, Т.В. Устьячкинцева, Вл.В. Седов, М.В. Добровольская, В.И. Данилевская, Е.И. Розаев</i>	156
Русские монеты XV – начала XVIII в. из раскопок в большом сквере Московского Кремля (2019–2021 гг.) <i>И.В. Волков, П.Г. Гайдуков, В.Ю. Коваль</i>	171
Новое в археологии города Суздаля. По материалам работ Института археологии РАН последних лет <i>А.Н. Федорина, С.И. Милованов</i>	179

ИСТОРИЯ НАУКИ

«Мой извилистый путь по тропам археологии»: к 140-летию со дня рождения А.Я. Брюсова <i>С.В. Кузьминых, И.В. Белозёрова</i>	192
--	-----

ДИСКУССИЯ

Сложные формы погребальной обрядности на варварских памятниках предгорного Крыма в IV в. до н.э. — III в. н.э. <i>И.И. Шкрибляк</i>	209
К вопросу о ранних формах керамики, предшествовавших появлению фарфора в Китае <i>Л. Чжоу</i>	226

ХРОНИКА

Академия наук и археология в регионах: взаимодействие и сотрудничество (к 300-летию РАН) (Москва, 2025) <i>Т.О. Галкин, Д.С. Коробов, И.А. Сорокина</i>	237
Всероссийская научная конференция «II Колчинские чтения. Археобиология» Институт археологии РАН, Москва, 12–13 марта 2025 г. <i>А.С. Алешинская, Л.В. Яворская</i>	240
Тарханкутские историко-археологические чтения (пос. Черноморское, Республика Крым, 2024 г.) <i>С.Б. Ланцов, Н.В. Куклева, В.В. Майко</i>	243
«Металл — человек — время...»: к 90-летию Евгения Николаевича Черных <i>С.В. Кузьминых</i>	246
Археология как путь жизни: к юбилею Ахмадали Аскаровича Аскарлова <i>Н.А. Аванесова, В.И. Ионесов</i>	250
К 75-летию Владимира Ивановича Дьякова <i>Е.В. Сидоренко</i>	253
Памяти выдающихся исследователей Причерноморья: А.А. Миллер (1875–1935), И.И. Аханов (1900–1960) <i>Лю Лицю, Ю.Г. Благодер</i>	256
К столетию Владимира Ильича Цехмистренко <i>А.Б. Лагутин, О.В. Лагутина (Цехмистренко)</i>	262
Юрий Петрович Матвеев (05.09.1948 — 30.04.2025) <i>Е.Ю. Захарова, Ю.В. Лунькова, Е.И. Гак, Л.И. Маслихова</i>	265

CONTENTS

Number 4, 2025

Frequent and individual finds from the 2024 excavations at Tell Wajef in Southern Iraq <i>S.N. Amirov, R.G. Magomedov, M.Yu. Menshikov, N.Yu. Petrova, L.A. Gusak, M. Hashim, M. Mohsen, R. Saad</i>	7
Use of plants by the Lower Amur river basin population in the 1st millennium AD: archaeobotanical studies at the Malmyzh 5 site <i>E.A. Sergusheva</i>	24
Ceramic ware from the mound of Tesinskaya period in Krasnoyarsk <i>D.A. Vinogradov</i>	40
Cremation sites of the 1st–2nd cc. AD at the necropolis of Tauric Chersonesus: archaeological analysis and cultural context <i>V.V. Vakhoneev</i>	53
Archaeological and paleogeographical research in the western part of the Gnyozdovo complex <i>N.A. Krenke, A.V. Chernov, E.G. Ershova, I.N. Ershov</i>	70
Ceramic scale of cooking pots from Pereyasavl Ryazansky of the 12th–18th centuries <i>P.S. Kireev, V.V. Sudakov</i>	85

TO THE 70th ANNIVERSARY OF N.A. MAKAROV

On the 70th anniversary of Nikolai Andreyevich Makarov <i>P.G. Gaidukov, L.A. Belyaev, I.E. Zaitseva, A.N. Fedorina</i>	105
Vozdvizhensky hoard of the 10th century AD from Veliky Novgorod: circumstances of the discovery and composition <i>P.G. Gaidukov, O.M. Oleynikov, A.A. Gomzin, K.K. Zabolotnaya</i>	111
Metal beads of the Vozdvizhensky hoard from Veliky Novgorod: typology and structural features <i>I.E. Zaitseva, P.V. Guryeva, E.S. Kovalenko, M.M. Murashev, K.M. Podurets, E.Yu. Tereschenko, E.B. Yatsishina</i>	125
Experience of studying disembodied osteological materials from excavations in the floodplain part of the Gnyozdovo settlement <i>M.V. Dobrovol'skaya, V.V. Murasheva, I.K. Reshetova, V.I. Danilevskaya, E.V. Dobrovol'skaya, A.A. Fetisov, A.A. Golyeva, O.N. Uspenskaya</i>	145
Comprehensive archaeogenetic study of a burial in the northern crypt of the Pereslavl-Zalessky Transfiguration Cathedral <i>T.V. Andreeva, T.V. Ust'kachintseva, V.V. Sedov, M.V. Dobrovol'skaya, V.I. Danilevskaya, E.I. Rogaev</i>	156
Russian coins of the 15th – early 18th century from excavations in the Grand Garden of the Moscow Kremlin (2019–2021) <i>I.V. Volkov, P.G. Gaidukov, V.Yu. Koval</i>	171
New developments in the archaeology of Suzdal. Based on the works of the Institute of Archaeology RAS in recent years <i>A.N. Fedorina, S.I. Milovanov</i>	179

HISTORY OF SCIENCE

“My winding path along the trails of archaeology”: to the 140th anniversary of A. Ya. Bryusov <i>S.V. Kuzminykh, I.V. Belozerova</i>	192
---	-----

DISCUSSION

Complex forms of funeral ritual at barbarian sites in the Crimean foothills from the 4th century BC – 3rd century AD <i>I.I. Shkriblyak</i>	209
On the early forms of ceramics – the precursors of porcelain in China <i>Zhou Lei</i>	226

CHRONICLE

The Academy of Sciences and archaeology in the regions: interaction and cooperation (on the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences) <i>T.O. Galkin, D.S. Korobov, I.A. Sorokina</i>	237
All-Russian scientific conference “II Kolchin Readings. Archaeobiology.” Institute of Archaeology RAS, Moscow, March 12–13, 2025 <i>A.S. Aleshinskaya, L.V. Yavorskaya</i>	240
Tarkhankut Historical and Archaeological Readings <i>S.B. Lantsov, N.V. Kukleva, V.V. Maiko</i>	243
“Metall – human – time”: to the 90th anniversary of Evgeniy Nikolaevich Chernykh <i>S.V. Kuzminykh</i>	246
Archaeology as a path in life: to the anniversary of Ahmadali Askarovich Askarov <i>N.A. Avanesova, V.I. Ionesov</i>	250
To the 75th anniversary of Vladimir Ivanovich Dyakov <i>E.V. Sidorenko</i>	253
In memory of outstanding researchers of the Black Sea region: A.A. Miller (1875–1935) and I.I. Akhanov (1900–1960) <i>Liu Liqiu, Yu.G. Blagoder</i>	256
On the centenary anniversary of Vladimir Ilyich Tsekhmistrenko <i>A.B. Lagutin, O.V. Lagutina (Tsekhmistrenko)</i>	262
Yuri Petrovich Matveyev (September 5, 1948 – April 30, 2025) <i>E.Yu. Zakharova, Yu.V. Lunkova, E.I. Gak, L.I. Maslikhova</i>	265

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Российская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

К публикации не принимаются статьи, основанные на анализе материалов, собранных в поле или полученных иным путем без официального разрешения государственных органов (открытого листа) или не сданных на хранение в Государственный музейный фонд (указание на место хранения материалов желательно).

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии со следующими правилами, принятыми в журнале.

Все рукописи предоставляются в электронном виде (на мэйл редакции или на диске). Оформление: **1.5 интервала**, шрифт **Times New Roman**, кегль **14**.

К рукописям (по разделам «Статьи», «Публикации», «Дискуссии») должно быть приложено краткое **резюме на русском и английском языке**, а также **ключевые слова на русском и английском языках** (не более 10 слов).

На отдельной странице — **подробные сведения об авторах** (с обязательным указанием почтового и электронного адресов, контактного телефона).

Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисовочные подписи и резюме) **не должен превышать 40 тыс. знаков (с пробелами)** и содержать **не более 8 иллюстраций** (цветных и/или черно-белых). Для раздела «Заметки» объем рукописи не должен превышать **15 тыс. знаков (с пробелами)**. Некрологи и юбилейные материалы, публикуемые в разделе «Хроника», не должны превышать **10 тыс. знаков (с пробелами)** и **не должны сопровождаться списком трудов ученого** (его наиболее фундаментальные труды должны быть упомянуты внутри текста).

Начало рукописи оформляется по следующему образцу:

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАНОВ У с. ОРЕХОВКА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

© 2022 г. М.В. Андреева^{1,*}, М.А. Очир-Горяева^{2, 3,**}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань, РФ

³Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, РФ

*E-mail: amvlad11@yandex.ru

**E-mail: mariaochir@gmail.com

Поступила в редакцию 06.06.2017 г.

Резюме:

Ключевые слова (не более 10)

Иллюстрации нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Подписи к иллюстрациям даются на отдельной странице.

Постраничные примечания даются внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1, 2, 3, ...).

Ссылки на литературу и источники даются по следующему образцу: (Коваль, 2011. С. 46. Рис. 12). Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке на отдельной странице и состоит из двух частей: первая — работы на кириллице, вторая — на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года к ним проставляются литеры а, б, в..., включая первое упоминание. Например:

монография: Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

сборник: Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2011. 456 с.

статья в сборнике: Коваль В.Ю. «Ростиславльский курган» (вал городища эпохи раннего железного века на Ростиславле) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2011. С. 35–57.

статья в журнале: Решетова И.К. Новые антропологические материалы салтово-маяцкой культуры из могильника Верхний Салтов-IV // РА. 2012. № 3. С. 129–136.

источники: Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л.: АН СССР, 1941. 147 с.

архивные материалы: Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Юбилейные и иные статьи, строго привязанные к датам, должны поступить в редакцию до конца декабря предшествующего года (в противном случае, редакция не гарантирует их выхода в юбилейном году).

Присланные статьи должны сопровождаться подписанным Договором о передаче авторских прав на публикацию Российской академии наук, который можно найти на сайте журнала «Российская археология» по адресу: http://www.ra.ian.ru/Dogov-or_2018.doc.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Статьи, оформленные с нарушением данных правил, редакция не рассматривает!

МАССОВЫЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ НАХОДКИ ИЗ РАСКОПОК 2024 Г. НА ПОСЕЛЕНИИ ТЕЛЛЬ ВАДЖЕФ В ЮЖНОМ ИРАКЕ

© 2025 г. Ш.Н. Амиров^{1,*}, Р.Г. Магомедов^{2,**}, М.Ю. Меньшиков^{1,***},
Н.Ю. Петрова^{1,****}, Л.А. Гусак^{3,*****}, М. Хашим^{4,*****},
М. Мохсен^{4,*****}, Р. Саад^{4,*****}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия

³Новгородский государственный университет, Россия

⁴Государственное управление по древностям и наследию Министерства культуры,
туризма и древностей, Амара, Ирак

*E-mail: shahmardan@mail.ru

**E-mail: mag-rabadan@yandex.ru

***E-mail: maxim-menshikov@yandex.ru

****E-mail: petrovanatalya7@mail.ru

*****E-mail: lika.gusak@gmail.ru

*****E-mail: murtadhaalaarajy@gmail.com

*****E-mail: mhmoodmohsin330@gmail.com

*****E-mail: roaa1987saad@gmail.com

Поступила в редакцию 26.12.2024 г.

После доработки 08.03.2025 г.

Принята к публикации 22.04.2025 г.

Статья посвящена массовым и индивидуальным находкам, собранным в ходе полевого сезона 2024 г. на поселении Телль Ваджеф, которое расположено в Южном Ираке, в провинции Майсан, на границе с Ираном. Собранная коллекция позволила получить предварительное представление о материальной культуре поселения позднего неолита и исторического времени. В силу близости памятника к Загросским горам при абсолютном количественном доминировании южномесопотамской керамики периода Убейд 2 здесь были обнаружены также многочисленные импорты из района равнины Дех Луран, которые преимущественно датируются периодом Мехмех. Облик материальной культуры позволяет говорить об определенном синкретизме культуры поселения, в некоторой степени отличающем его от синхронных поселений аллювиальной равнины Южной Месопотамии.

Ключевые слова: аллювиальная Месопотамия, «Плодородный полумесяц», расписная керамика, культура периода Убейд 2, периодизация культуры равнины Дех Луран, период Хазине, период Мехмех, период Баят.

DOI: 10.7868/S3034577425040015

В ходе полевых исследований 2024 г. поселения Телль Ваджеф, которое расположено в провинции Майсан в Южном Ираке, на самой границе с Ираном, была поставлена задача исследовать с помощью зондажной траншеи стратиграфию поселения

(Амиров и др., 2025. С. 55). Собранная в ходе раскопок коллекция массовых и индивидуальных находок позволила дать культурную интерпретацию и предложить предварительное датирование антропогенных отложений исследуемого памятника.

Керамическая посуда. Всего в ходе работ 2024 г. было извлечено ок. 4100 керамических фрагментов. На коллекционное хранение принято ок. 990 фрагментов. Часть коллекции, представленная керамическими фрагментами с наиболее полно сохранившимся профилем и с выразительным декором, фиксировалась графически. Большая часть отобранной для коллекционного хранения керамики представлена посудой эпохи первобытности (ок. 890 фрагментов); значительно меньшая часть (менее 100 экземпляров) — фрагментами сосудов эпохи цивилизации. Это соотношение, судя по всему, репрезентативно и отражает распределение разновременной керамики в слое памятника.

Собранная керамика шумерского времени представлена фрагментами столовой посуды и сосудами хозяйственного назначения, небольшая их часть декорирована гравированным и рельефным орнаментом (рис. 1). Среди неолитической керамики 70% — это сосуды, декорированные росписью, 30% лишены росписи¹. Большая ее часть представлена сосудами разновидности «*black on buff pottery*»: всего было обнаружено 475 фрагментов, или 53% от коллекции первобытной керамики. Отдельно фиксировалась тонкостенная разновидность² этой же посуды («*fine pottery*»), представленная 85 фрагментами, что составляет 9.5%. Оставшуюся часть коллекции составляет посуда разновидностей: «*buff pottery*» (222 фр-та, 25%); «*red on buff pottery*» (19 фр-тов, 2.1%); «*red on red pottery*» (43 фр-та, 5%); «*red pottery*» (45 фр-тов, 5%).

Таким образом, сосуды разновидности («*black on buff pottery*») вместе с тонкостенными сосудами в собранной коллекции составляют ок. 60%, а вместе с технологически аналогичной более грубой нерасписной керамикой («*buff pottery*») — все 85% от общего количества первобытной керамики. На Телле Ваджеф это ведущая разновидность керамической посуды (рис. 2–4, 4–10), которая, судя по всему, производилась непосредственно на поселении. Эта керамика подобна посуде равнины Дех Луран времени от конца фазы Хазине и следующей за ней фазы Мехмех и керамике Сузианы периода С (Hole et al., 1969. P. 141–164). С другой стороны, часть керамической

коллекции представлена относительно малочисленными группами сосудов, вероятно, импортированными («*red on red ware*», «*red on buff ware*» и другими разновидностями) (рис. 4, 1–3). Эта керамика отличается от локальной посуды как технологией изготовления, так и декором. Таких фрагментов в коллекции первобытной керамики ок. 7–8%. Будучи относительно немногочисленной, эта посуда тем не менее также характерна для фазы Мехмех равнины Дех Луран (Hole et al., 1969. P. 159–164; Fig 66). Приблизительно 5–6% от всей первобытной керамики составляют красноангобированные фрагменты, которые имеют заглаженную и иногда подлощенную поверхность («*red pottery*» согласно типологии, предложенной для керамики дехлуранских поселений). Однако надо помнить, что еще для памятников равнины Дех Луран было отмечено, что красноангобированная керамика характерна для двух периодов, и при некотором внешнем сходстве она отличается как технологически, так и морфологически (Hole et al., 1969. P. 110). Красноангобированная керамика на поселении Тепе Сабз известна начиная с периода Хазине, то есть по меньшей мере с середины VI тыс. до н.э. Однако реально в этом районе она известна с VII тыс. до н.э. Эта керамика содержит примесь навоза, изготовлена с помощью лоскутной налепной технологии, покрыта красным ангобом и залощена (Petrova, Darabi, 2022). Схожие признаки фиксируются и в более позднее время (Hole et al., 1969. P. 121). С другой стороны, здесь же на поселении Тепе Сабз, начиная с фазы Баят, следующей за фазой Мехмех (Hole et al., 1969. P. 164–167) и датирующейся в пределах V тыс. до н.э., также известна красноангобированная керамика, идентичная керамике периода Сузы А в Хузестане и более поздней керамике урукского времени в Месопотамии (Hole et al., 1969. P. 164). На Телле Ваджеф фрагменты красноангобированной керамики были зафиксированы во всех вскрытых отложениях, включая наиболее ранние нижние слои шурфа D3/с. Вероятнее всего, зафиксированные на Телле Ваджеф разновидности сосудов категории «*red pottery*» также относятся к двум разновременным и различным в культурном отношении керамическим традициям.

В большинстве случаев керамика фазы Мехмех равнины Дех Луран, равно как и керамика близкого к этим памятникам Телля Ваджеф, внешне трудно отличима от синхронной ей разновидности убейдской керамики аллювиев Южной Месопотамии середины — второй половины VI тыс. до н.э. Это касается как технологии

¹ Неолитическая керамика Телля Ваджеф при полевой фиксации классифицировалась с некоторыми дополнениями согласно делению, предложенному при исследовании достаточно близко расположенного поселения Тепе Сабз (Hole et al., 1969. P. 109–113).

² В качестве тонкостенных фиксировались керамические фрагменты, имеющие толщину черепка 2–3 мм.

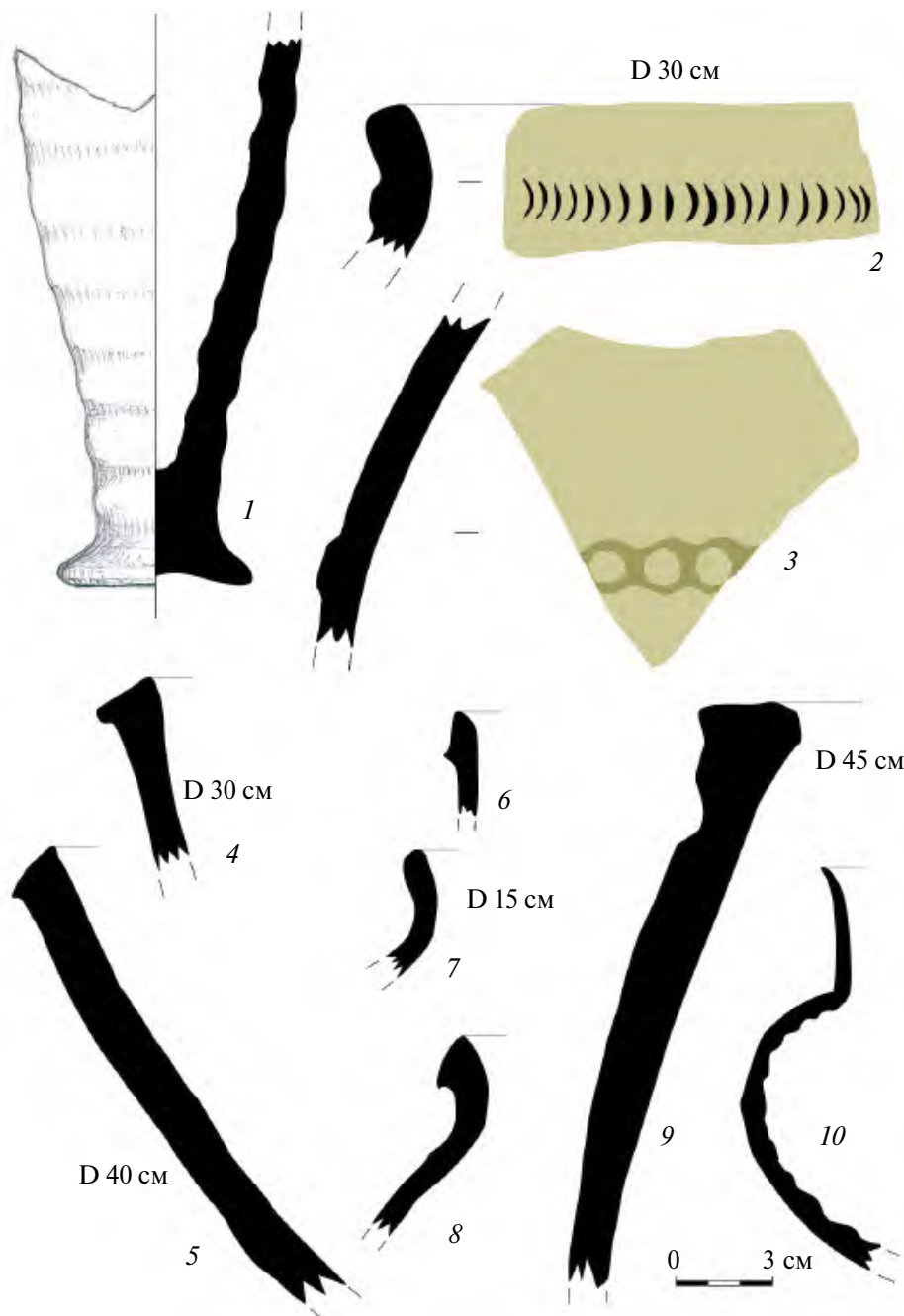

Рис. 1. Керамика шумерского времени.

Fig. 1. Tell Wajef. Sumerian pottery

производства и использования красителей, так и техники декорирования и воспроизведения значительной части мотивов и композиций, что позволяет рассматривать керамику этого времени («*Ubaid/black on buff pottery*») как маркер некой надкультурной общности (Volpi, 2023. Р. 96, 97). Тем не менее в рамках этого единства существуют локальные признаки, которые характерны, в частности, исключительно для

керамики Транс-Тигридной и Загросской зоны и не встречаются на аллювиальной равнине Двуречья. К их числу, в частности, относится такой популярный на Телле Ваджеф сюжет, как натуралистические изображения парнокопытных, вроде разновидности газелей и антилоп-ориксов (*Oryx gazella*) (рис.2, 7; 4, 7, 8).

«Автохтонная» посуда Телля Ваджеф (группы «*black on buff*», «*fine*», «*buff*») по большей части

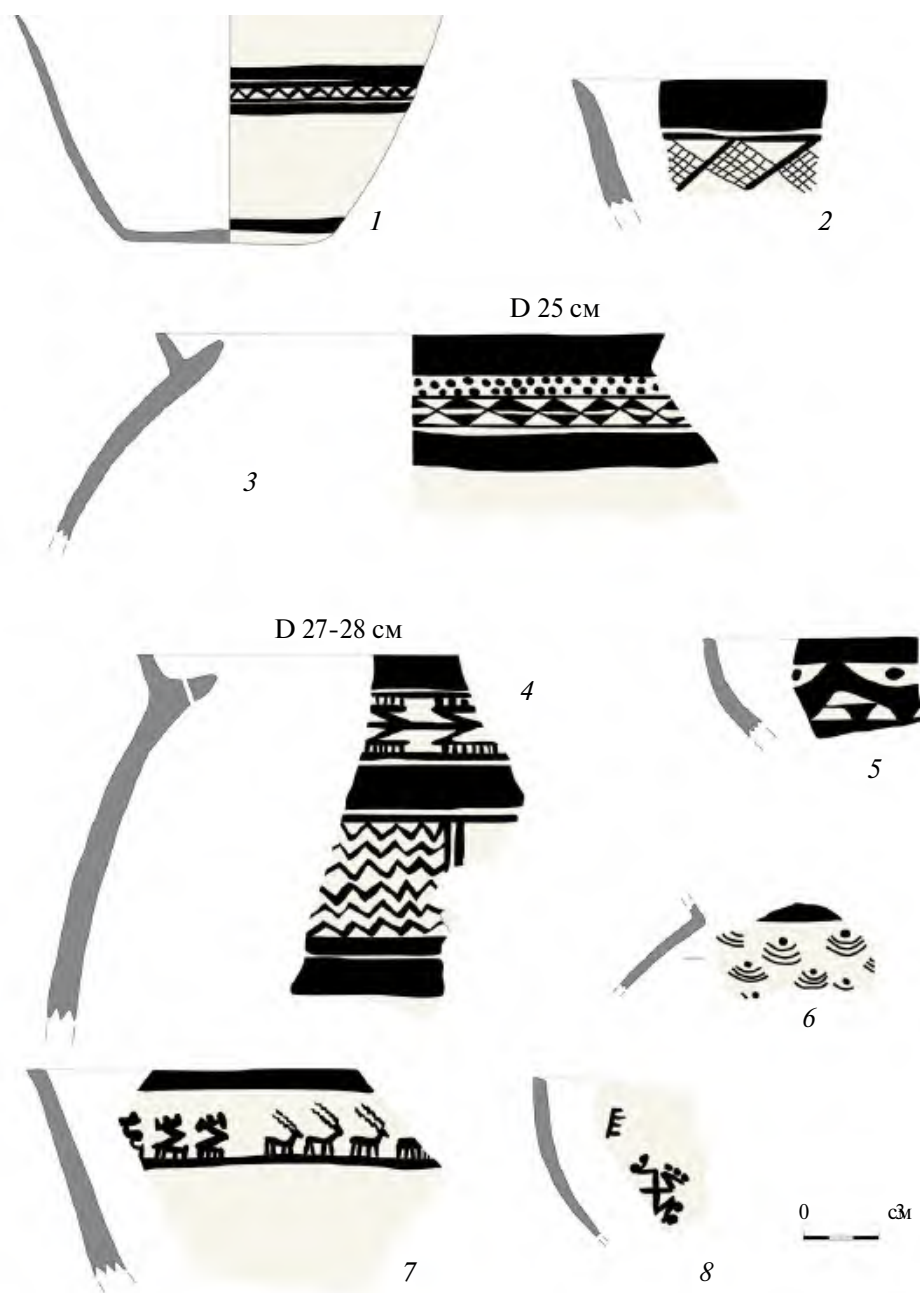

Рис. 2. Телль Ваджеф. Период Убейд 2. Массовая керамика позднего неолита.

Fig. 2. Tell Wajef. 'Ubaid 2 period. Late Neolithic Pottery (frequent finds)

представлена открытыми формами («миски», «тарелки», «кубки»). Среди открытых форм большая часть (230 сосудов, ок. 90% зафиксированной первобытной керамики) представлена глубокими емкостями — «чашами» и «мисками» различных размеров и различной степени открытости. Изнутри эти сосуды обычно декорированы более богато, чем с внешней стороны. Всего в ходе полевого сезона было зафиксировано ок. 35–40 сосудов (примерно 17% от всех открытых

форм неолитической керамики), которые могут быть классифицированы как «тарелки». Среди них девять сосудов (примерно 4% от всех открытых форм) имеют на внутренней поверхности, на дне, в качестве центра композиции розетку (рис. 3, 3–5).

Около 20 сосудов (8%) относятся к закрытым формам. Часть из них (6 экз.) представлена сосудами без выраженных венчиков («hole mouth jars»), остальные 14 экз. имеют выраженный

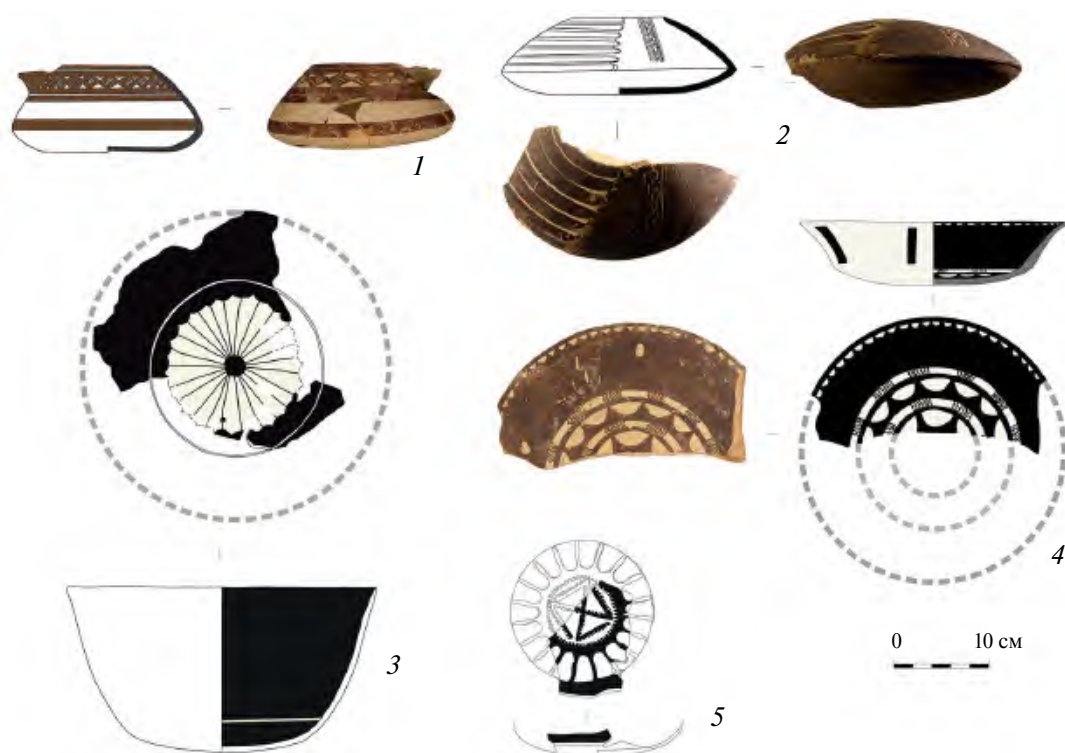

Fig. 3. Телль Ваджеф. Период Убейд 2. Индивидуальные керамические находки позднего неолита.

Fig. 3. Tell Wajef. 'Ubaid 2 period. Late Neolithic Pottery (individual finds)

венчик и значительно реже — вытянутое горло. Для сосудов с венчиком типичны формы с характерным выступом для «крышки» с внутренней стороны («ledge rim vessels»), в котором часто фиксируются сквозные отверстия (рис. 2, 3, 4). Всего обнаружено 8 таких сосудов. Также для закрытых форм характерны сосуды с носиком-сливом (4 экз.). Среди закрытых сосудов отмечены индивидуальные формы в виде приземистых, так называемых черепаховых («tortoise») сосудов (2 экз.), один из которых имеет сохранившийся носик-слив, а другой, вероятно, имел его на не сохранившейся части сосуда (рис. 3, 1, 2).

Роспись на керамических сосудах. Как уже отмечалось, абсолютное большинство неолитической керамики на Телле Ваджеф представлено сосудами, декорированными росписью. На «автохтонной» керамике поселения вся роспись монохромная, черного цвета, для которой в качестве красителя предположительно в большинстве случаев использовался битум. Для нанесения тонких горизонтальных линий и полос на поверхность сосудов был широко использован поворотный механизм. Мотивы росписи на керамике разновидности «black on buff» могут быть разделены на изобразительные

(воспроизводящие образы животных) и неизобразительные (геометрические фигуры) (рис. 2–4). Большая часть представлена геометрическими фигурами. Среди наиболее популярных мотивов можно отметить вертикальные широкие полосы, провисающие от венчика закрашенные сегменты, шевроны, «лабрисы», точечный орнамент, вертикальные, залитые краской ромбы, горизонтальные цепочки заштрихованных ромбов, каплевидные мотивы, многократно повторенные зигзаги и волнистые линии, волнистые заштрихованные полосы, иногда с заостренными вершинами, и цепочки с вершинами в виде точек. Также характерным геометрическим элементом декора являются треугольники, нанесенные на уплощенные закраины сосудов.

Распространенной декоративной техникой на керамике разновидности «black on buff» является очень плотная перекрестная штриховка, при которой фон сосуда виден в качестве точек, эта техника родственна технике декоративной росписи «в резерве», которая также является типичной для посуды Телля Ваджеф. Одним из наиболее типичных сюжетов, изображенных «в резерве», являются центральные розетки на внутренней поверхности тарелок (рис. 3, 3).

Рис. 4. Телль Ваджеф. Период Убейд 2. Керамика позднего неолита, сходная с посудой периода Мехмех (Дех Луран) (1–3) и периода Убейд 2 (Южная Месопотамия).

Fig. 4. Tell Wajef. Late Neolithic. Pottery similar to the Mehmehe phase pottery (Deh Luran) (1–3) and 'Ubaid 2 period pottery (Southern Mesopotamia) (4–10)

Изображения живых существ на посуде Телля Ваджеф могут быть классифицированы как натуралистические и значительно реже — как символические³. Натуралистические изображения на керамике представлены исключительно образами парнокопытных животных. На 10 сосудах

³ К их числу относятся встреченные среди подъемной керамики Телля Ваджеф геометризированные антропоморфные фигуры со строенными торсами.

были встречены изображения разновидностей саблерогих антилоп. Обычно они изображались на внешней поверхности открытых глубоких тонкостенных сосудов. В одном случае на внутренней поверхности блюда диаметром ок. 30 см было зафиксировано их шествие (рис. 2, 7).

Для композиций керамики Телля Ваджеф преимущественно характерны горизонтальные полосы разнообразной ширины, часто

заполненные отмеченными выше популярными на поселении изобразительными мотивами. С другой стороны, для «автохтонной» расписной керамики также характерны композиции, организованные в виде панелей.

Для более редких (импортных?) разновидностей посуды («*red on red*» и др.) характерна преимущественно перекрестная штриховка, которая иногда также может быть организована в панели, разделенные широкими вертикальными полосами (рис. 4, 1–3).

Обращаясь к **датирующим признакам массовой керамики**, следует помнить, что для относительного датирования материалов поселения Телль Ваджеф были использованы периодизационные колонки, построенные, с одной стороны, для памятников убейдской культуры Южной Месопотамии⁴, а с другой стороны, для памятников равнины Дех Луран (Hole et al., 1969. P. 110–169; Fig. 64, 69). Датирующее значение для керамической традиции культур убейдского круга, помимо частотных характеристик встречаемости мотивов и композиций, имеют также такие признаки, как количественное соотношение декорированной и недекорированной керамики; степень интенсивности нанесения росписи на поверхность сосудов, включая время первичного появления декоративной техники «в резерве»; тщательность нанесения росписи; частота использования тонкостенной посуды и применение поворотного механизма для декорирования сосудов.

В соответствии с этим было отмечено увеличение количества расписной керамики, степени интенсивности нанесения росписи и тщательности ее исполнения на керамике в интервале от периода Убейд 0 к периоду Убейд 1–2, а затем постепенное сокращение качества и количества росписи к финалу убейдской культуры (Larsa et 'Oueili, 1983; 1987. P. 293–303; 'Oueili, 1991; Huot, 1992. P. 192, 193; 'Oueili, 1996). В частности, если для наиболее позднего этапа убейдской культуры, известного как период Убейд 4 ('Uбайд 4 phase) и наиболее широко исследованного на поселениях Телль Уэйли, Телль Зургуль (Area B), характерно значительное превышение количества нерасписной керамики над керамикой, декорированной росписью⁵, то на памятниках периода Убейд 2 количество расписной

керамики значительно больше. В частности, на телле Кал'ат Хаджи Мухаммад было зафиксировано ок. 40% расписных сосудов (Volpi, 2021. P. 128). На Телле Ваджеф, как уже отмечалось, керамика с росписью составляет ок. 70%. Этот факт может как отражать региональное своеобразие Телля Ваджеф⁶, так и иметь некоторое датирующее значение.

Интенсивность нанесения декора на поверхность сосудов и качество росписи также имеют относительное датирующее значение для культур эпохи позднего неолита и раннего халколита в целом и культур убейдского круга в частности. Что касается интенсивности нанесения росписи, то для Телля Ваджеф отмечено следующее соотношение: только ок. 30 сосудов (12%) в собранной коллекции имеет низкую интенсивность росписи, в то время как сосуды с высокой интенсивностью росписи насчитывают ок. 154 экз. (62%). Высшей формой интенсификации росписи керамической посуды является использование техники изображения мотивов «в резерве», а также небольшого количества сосудов, которые имеют изображения «в резерве», нанесенные прочерчиванием по сплошному черному покрытию поверхности сосудов. На Телле Ваджеф было отмечено, что не менее 10 сосудов имели роспись «в резерве», что составляет примерно 4% от всей зарисованной расписной керамики.

Качество росписи на сосудах Телля Ваджеф является наивысшим из всех возможных диахронных разновидностей посуды убейдской керамической традиции. Такое качество росписи не известно ни на наиболее ранней, ни на поздней убейдской керамике.

К числу важных технологических признаков, имеющих датирующее значение, относится наличие в коллекции керамики Телля Ваджеф тонкостенной посуды разновидности «*black on buff*», включая также и сосуды исключительного качества, известные как «*egg-shell pottery*». Их количество составляет на поселении ок. 10% от всей неолитической керамики. Производство высококачественной посуды не известно на наиболее раннем этапе эволюции убейдской культуры, а уровень массового изготовления такой керамики был достигнут только на развитом этапе бытования убейдской керамической традиции.

Еще один важный технологический признак, имеющий датирующее значение, — следы

⁴ См., например, обобщения Джоан Оутс (Oates, 1960. P. 33–35; 1983. P. 251–281; 1987; 2010).

⁵ На Телле Уэйли для периода Убейд 4 известно ок. 88% (Huot, 1987. P. 296), а на Телле Зургуль ок. 84% недекорированных сосудов (Volpi, 2020. P. 64).

⁶ В частности, следует помнить, что среди общего количества расписной керамики Телля Ваджеф ок. 8–10% представлено сосудами инокультурных традиций.

использования поворотного механизма («*tournette*») при нанесении декора на сосудах. На керамике Телля Ваджеф следы использования поворотного механизма были многократно отмечены на сосудах разновидности «*black on buff*». Признаки первичного использования центрированного вращения для нанесения тонких горизонтальных линий на поверхности сосудов фиксируются в течение периода Убейд 2. В частности, следы использования поворотного устройства отмечены на поселении Телль Уэйли (напр. Lebeau, 1991. Р. 241–266; Pl. IV–VIII) и на ряде других памятников, таких как Эриду, слои XIV–XII (Lloyd, Safar, 1948. Р. 115–125; Safar et al., 1981. Р. 148; Fig. 72), и Хаджи Мухаммед (Volpi, 2021. Р. 131–134).

В целом отложения Телля Ваджеф синхронны нескольким исследованным убейдским памятникам Южной Месопотамии. Основными среди них являются Кал'ат Хаджи Мухаммад (Ziegler, 1953), слои XIV–XII на участке Temple Sounding в Эриду (Lloyd, Safar, 1948. Р. 115–125), слои I–V поселения Ра'с аль Амийа (Stronach, 1961. Р. 95–137) и слой 9 на участке Y27 на поселении Телль Уэйли (Lebeau, 1991. Р. 241–266), что однозначно свидетельствует в пользу датирования этих отложений Телля Ваджеф периодом Убейд 2 (или иначе, Хаджи Мухаммад).

На автохтонной керамике Телля Ваджеф, помимо общих с керамикой убейдской культуры признаков, говорящих о едином культурном пространстве по обе стороны течения Тигра, могут быть также отмечены культурные влияния и подражания другим синхронным культурам Месопотамии. В частности, на одной тарелке, выполненной в технике «*black on buff*», которая была обнаружена в нижней части культурного слоя в шурфе D3/с, на внутренней поверхности в качестве центральной розетки была изображена типичная для керамики самаррской культуры свастика (рис. 3, 5). Значительно большее количество черт на керамике Телля Ваджеф указывает на влияние халафской культуры. В частности, это такие, уже отмеченные выше мотивы, как «*лабрисы*» (рис. 4, 4), орнамент в виде крупных точек и цепочки заштрихованных ромбов (рис. 2, 2; 3, 1), а также характерные для халафской культуры композиции, такие как панели, были отмечены примерно на 6% от всей первобытной керамики поселения. При этом следует отметить, что указанные композиции и мотивы характерны в большей степени для раннего-среднего этапов халафской культуры и не известны в течение ее позднего периода.

Подобно корреляции с убейдскими памятниками аллювиальной равнины Месопотамии, для синхронизации отложений Телля Ваджеф с памятниками Северной Месопотамии, помимо сопоставления мотивов и композиций росписи, датирующее значение имеет также и ряд других признаков. В частности, к ним относится такой технологический признак, как время распространения навыков использования поворотного механизма для изготовления керамической посуды. Время первого появления на севере Месопотамии керамических сосудов с декором, нанесенным при помощи поворотного механизма, относится к позднему периоду бытования хассунской культуры (стандартная Хассуна) и связано с импортной керамикой самаррской культуры, обнаруженной, в частности, на поселении Ярым Тепе 1 (Petrova, 2022. Р. 29–38). На халафской керамике из Ярым Тепе 2 в течение раннего периода жизни поселения следов использования поворотного механизма для нанесения декора сосудов, напротив, не отмечено. Здесь регулярное появление сосудов, декорированных с помощью центрированного вращения, фиксируется после слоя VI, т.е. в течение позднего периода халафской культуры, что происходит под прямым влиянием носителей убейдской культуры (Amirov, 2018, Р. 18–22; 2021, Р. 100).

Соотношение отмеченных признаков свидетельствует в пользу того, что поселение Телль Ваджеф на раннем этапе своего бытования существовало одновременно с самым финалом самаррской культуры, а в течение большей части своей жизни было синхронно раннему и среднему периодам халафской культуры (Amirov, 2018; Amirov, Deorpeak, 1997). На уровне доступной нам на сегодняшний день информации мы можем предложить для датирования слоя Телля Ваджеф рамки абсолютных дат в интервале второй и третьей четверти VI тыс. до н.э. с возможностью их расширения в сторону V тыс. до н.э.

Миниатюрная пластика. В ходе раскопок были обнаружены четыре зооморфные статуэтки. Все они были найдены в кв. D5⁷. Фигурки изготовлены из хорошо обожженной глины и декорированы росписью. Три статуэтки изображают копытных животных, еще одна с высокой долей вероятности изображает птицу.

Орнитоморфная статуэтка (рис. 5, 1) была обнаружена в кв. D5/b. Она имеет размеры сохранившейся части 6.2 × 6.5 см. Голова у фигурки

⁷ Все отсылки к планиграфии вскрытого участка Телля Ваджеф здесь и далее см. в статье (Амиров и др., 2025).

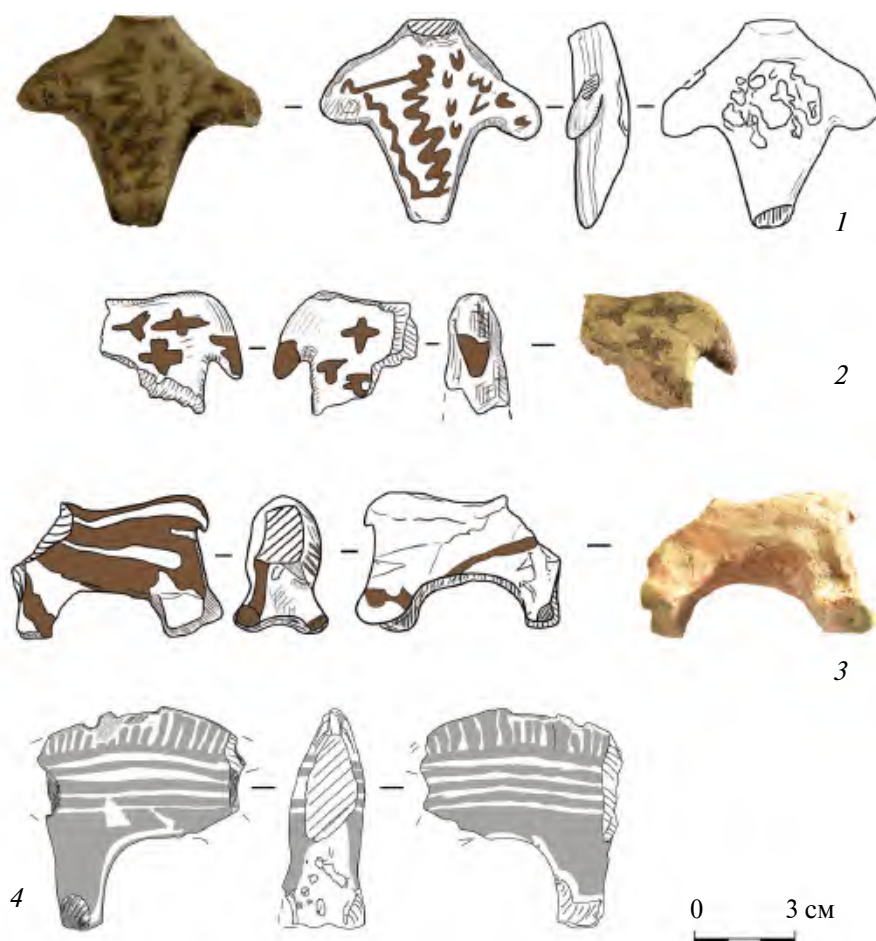

Рис. 5. Тель Ваджеф. Зооморфная пластика.

Fig. 5. Tell Wajef. Zoomorphic sculpture

отломана, других целенаправленных повреждений не отмечено. Широко расставленные относительно туловища короткие и уплощенные верхние конечности могут имитировать крылья. С лицевой стороны статуэтка декорирована росписью шевронами, волнистой и зигзагообразной линиями, а на ее тыльной стороне отмечены следы битума. Формально данная фигурка имеет некоторое сходство с антропоморфными статуэтками, однако следует отметить, что ее иконография не имеет важных признаков, характерных для большинства антропоморфных статуэток убейдского круга. В частности, она не воспроизводит нижние конечности, не имеет признаков, указывающих на половую принадлежность, равно как и широко расставленные конечности не совпадают с типичным для убейдских антропоморфных статуэток согнутым в локтях положением рук. Типологически эта статуэтка сближается с известными фигурками птиц на других памятниках эпохи позднего неолита и халколита. В частности, идентичная целая орнитоморфная фигурка была

обнаружена в слоях убейдской культуры в Уре (Woolley, 1955. P. 255; Pl. 21)⁸. Также типологически близкие изображения орнитоморфных статуэток были обнаружены в западной Анатолии и на Балканах. Например, многочисленные морфологически близкие фигурки были обнаружены на поселении Юнаците⁹ в слоях культуры Гумельница-Коджадермен-Караново 6, датированных второй половиной V тыс. до н.э. (Терзийска-Игнатова, 2004. P. 379–390; Fig.1–3).

⁸ Следует отметить, что фигурка, обнаруженная в Уре, имела в тулове отверстие для насаживания на штырь, что должно было демонстрировать ее оторванность от земли и связь с небесной стихией. С этой точки зрения следы от битума на тыльной стороне статуэтки из Ваджефа говорят о креплении на некоей плоскости выше уровня дневной поверхности, что семантически отражает ту же идею. Здесь же, пользуясь случаем, выражаем благодарность М. Самыгину, обратившему наше внимание на изображение птицы из Ура.

⁹ Авторы выражают благодарность Т.Н. Мишиной, указавшей на типологическое сходство орнитоморфной статуэтки из Телля Ваджеф с аналогичной мелкой пластикой из поселения Юнаците.

Статуэтки копытных животных воспроизводят по меньшей мере представителей двух видов. Одна из фигурок, обнаруженная в кв. D5/с, изображает дикого кабана (*Sus scrofa*). Она представлена фрагментом задней части тулова животного (рис. 5, 4). Размеры сохранившейся части фигурки 5.5×6 см. Статуэтка имеет роспись, включая горизонтальные полосы, идущие вдоль тела, и вертикальные полосы в верхней части, воспроизводящие щетину животного.

Еще одна фигурка воспроизводит копытное животное, вероятно разновидность горных козлов (род *Capra*). Фигурка была обнаружена в кв. D5/б. Голова у статуэтки отломана, поэтому определить видовую принадлежность животного не представляется возможным (рис. 5, 3). Фигурка имеет роспись в виде наклонных полос, идущих вдоль туловища, а также полосу вдоль спины животного. Сохранившаяся часть фигурки имеет размеры 6×4.5 см.

Третий фрагмент зооморфной фигурки был обнаружен в кв. D5/а. Фрагмент представляет круп копытного, имеет размеры 4×3.5 см и несет на себе роспись в виде крестообразных фигур (рис. 5, 2). Предположительно, фигурка могла воспроизводить парнокопытное животное (род *Capra*).

Таким образом, все обнаруженные статуэтки представлены фрагментами, что, вероятно, говорит о целенаправленном повреждении и является аргументом в пользу их использования в неких ритуально-магических действиях. Три статуэтки были обнаружены в непосредственной близости от конструкции № 1, в отложениях того же строительного горизонта, но несколько ниже уровня дневной поверхности его пола, и только одна статуэтка, изображающая дикого кабана, была найдена в слое предшествующего времени. Обнаружение трех статуэток около конструкции № 1 может указывать на их связь с данным сооружением и свидетельствовать в пользу использования здесь актов охотничьей магии.

Керамические «гвозди». В ходе работ 2024 г. в слое памятника были обнаружены три так называемых керамических гвоздя (рис. 6, 1, 2). Два таких предмета были обнаружены в кв. D4/д, еще один «гвоздь» был обнаружен в квадрате D5/с.

Эти изделия достаточно прочны и сделаны из хорошо обожженной глины. Они обычно имеют шляпку диаметром 6–7 см и заостренный стержень длиной ок. 10–12 см. Они часто бывают сломаны, но в случае, когда они имеют полную сохранность, отмечается, что их стержень, как правило, бывает целенаправленно изогнут при изготовлении.

Глиняные «гвозди» были многократно обнаружены преимущественно в Южной Месопотамии и Сузиане, как правило, в слоях среднего — позднего периодов бытования культур убейдского круга. На равнине Дех Луран из 35 таких предметов 33 были зафиксированы в отложениях фазы Мехмех (Hole et al., 1969. P. 210, 211; Fig. 91).

Эти изделия ни разу не были обнаружены *in situ*, что делает их атрибуцию гипотетической. Однако уже давно было отмечено, что в тех местах, где они были выявлены как относительно массовые находки, например в Тепе Гавра, они, как правило, были связаны с бытовой, а не храмовой архитектурой (Tobler, 1950. P. 169).

Глиняные «гвозди» находят главным образом на территориях, где тростник как в прошлом, так и настоящем широко используется в качестве строительного материала, а плетеные циновки, в частности, и как декоративный элемент архитектуры. В этой связи вполне допустимо предположить их использование для фиксации тростниковых циновок на стенах сырцовых конструкций домашнего назначения, в то время как в общественных зданиях использовались более дорогие декоративные техники, включая разноцветные мозаики. Поскольку циновки фиксировались в верхней части стен в интерьере помещений, глиняные «гвозди» никогда не встречаются *in situ*, хотя эти предметы являются, по сути, массовыми находками и были довольно широко распространены в регионе.

Изделия из расщепляемого камня. Собранная коллекция представлена в значительной степени отщепами и осколками. Орудия представлены семью предметами, из них четыре — это пластины и пластинки, один кремневый наконечник стрелы и два кремневых нуклеуса.

Наконечник стрелы был обнаружен в поверхностном слое в кв. D6/с. Морфологически он классифицируется как наконечник поперечно-лезвийной формы¹⁰ и имеет плоскую рабочую часть и заостренное основание (рис. 7, 1). Такие наконечники использовались для охоты на птиц и мелких копытных животных. Они были широко распространены в Западной Евразии в эпоху неолита и позднее (см., например: Yaroshevich et al., 2010; Schechter et al., 2016. P. 37; Осташинский, 2008. С. 69. Рис. 5). В этом же квадрате были обнаружены еще два кремневых орудия, нуклеус карандашевидного типа и пластина.

¹⁰ Авторы выражают благодарность Х.А. Амиранову за морфологическую интерпретацию этого предмета.

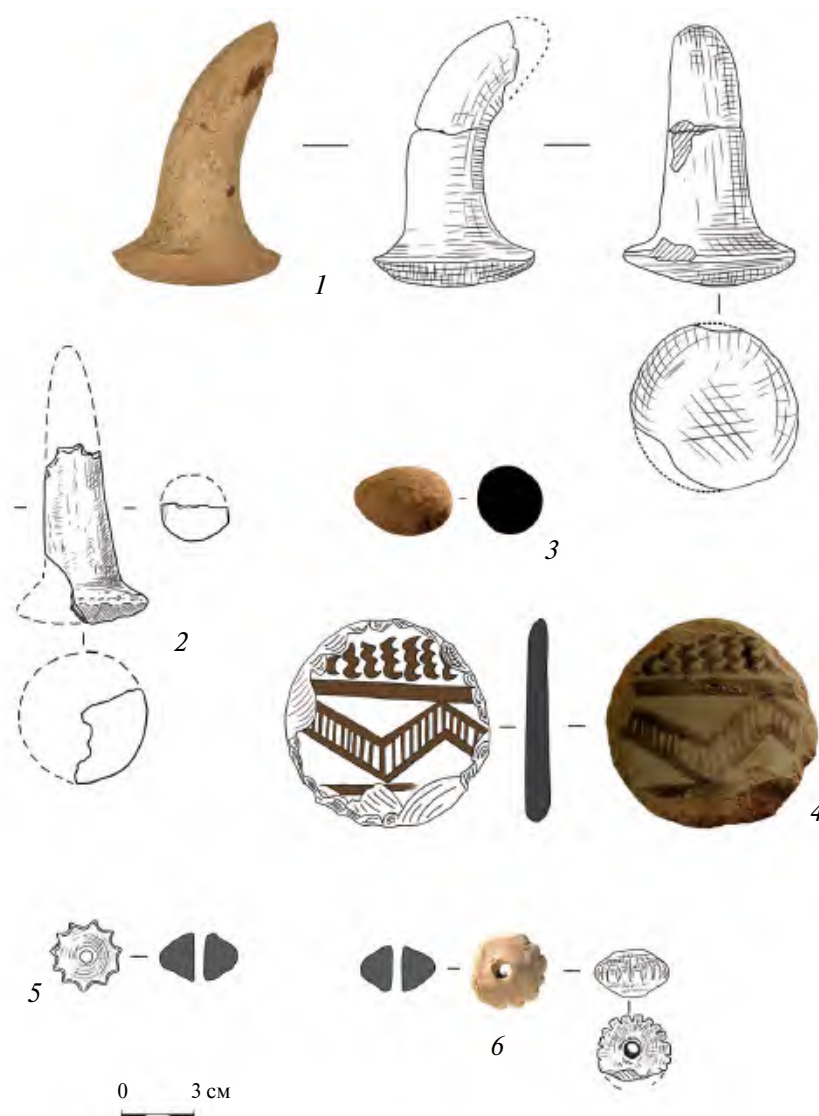

Рис. 6. Телль Ваджеф. Различные индивидуальные находки.

Fig. 6. Tell Wajef. Individual finds

Еще один нуклеус карандашевидной формы был обнаружен в стратиграфическом шурфе в кв. D3/с, в слое относительно раннего периода жизни поселения (рис. 7, 2).

Орудия из шлифованного камня. Распространенной категорией находок на Телле Ваджеф являются шлифованные орудия (кельты), сделанные из речной гальки. Как правило, они качественно отшлифованы и имеют с широкой стороны тщательно оформленный рабочий край, заточенный с двух сторон (рис. 7, 8). Аналогичные рубящие орудия (кельты) были в большом количестве обнаружены в памятниках с керамикой убейдского круга, декорированной росписью «black on buff», как на аллювиях Месопотамии,

так и в Хузестане и на равнине Дех Луран (Hole et al., 1969. P. 189–192; Fig. 82).

Кольцеобразный каменный предмет. Обнаружен фрагмент кольцеобразного каменного изделия, имеющего в вертикальном сечении вытянутую плоско-выпуклую форму. Его внешний диаметр — 7 см, минимальный внутренний диаметр — ок. 5.5 см. По внешней плоской поверхности он декорирован тремя горизонтальными линиями. Предмет был обнаружен в кв. D3/с, на уровне, близком к наиболее ранним отложениям, достигнутым в 2024 г. в стратиграфическом шурфе.

Фрагменты аналогичных предметов были зафиксированы в отложениях на поселении

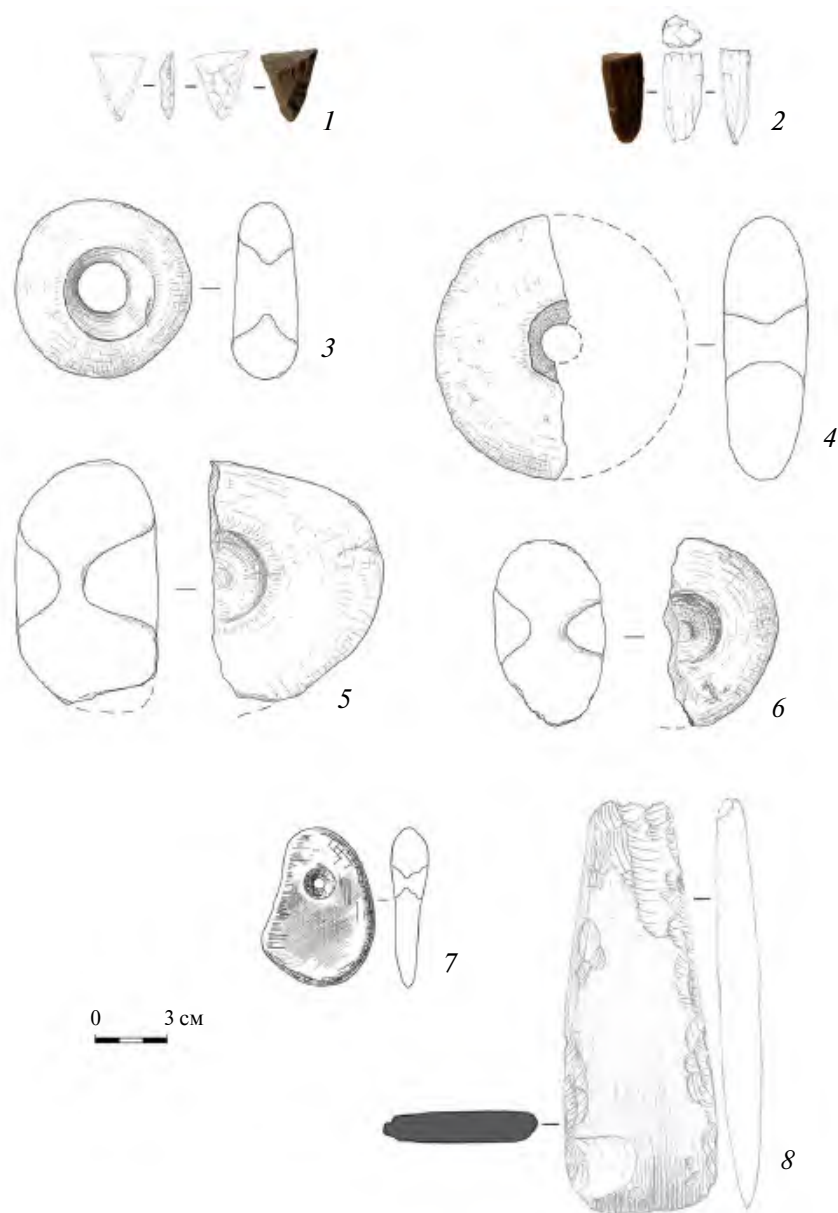

Рис. 7. Телль Ваджеф. Орудия из расщепляемого и шлифованного камня.

Fig. 7. Tell Wajef. Tools made of chipped and ground stone

Тепе Сабз (фазы Сабз, предшествующей фазе Мехмех). Они также имеют внешний диаметр ок. 7 см и были интерпретированы как каменные браслеты (Hole et al., 1969. P. 239, 240; Fig. 104, e–h). Судя по тому, что их внутренние диаметры ок. 5 см, эти предметы не могут быть браслетами, рассчитанными на руку взрослого человека, но теоретически они могут подойти для руки ребенка. Однако скорее эти предметы имели иное назначение и служили, например, в качестве кольцевых каменных поддонов-подставок под небольшие круглодонные сосуды.

Металл. Единственный обнаруженный металлический предмет представляет собой обломок бронзового/медного (?), четырехгранного шила (рис. 8, 1). Он был обнаружен в кв. D6/с, в отложениях, интерпретированных как свалка. Этот предмет с большой долей вероятности должен быть датирован историческим временем.

«Метательные снаряды». К числу довольно распространенных находок на поселении Телль Ваджеф относятся каменные шары геометрически правильной формы. Их размеры, как правило, укладываются в интервал от 3 до 5 см.

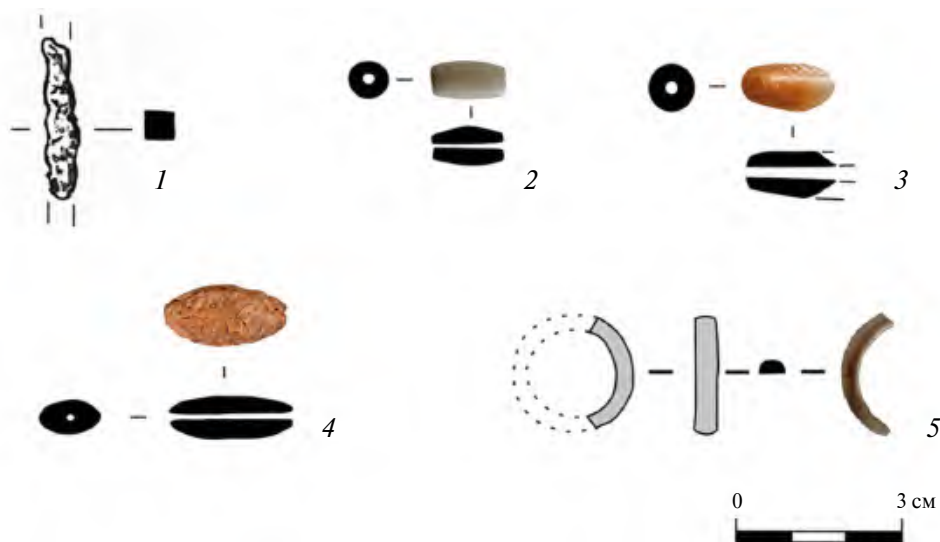

Рис. 8. Телль Ваджеф. Металлическое шило и индивидуальные украшения.

Fig. 8. Tell Wajef. Metal awl and personal ornaments

Логично предположить их использование в качестве метательных снарядов для пращи. Помимо каменных шаров, были также обнаружены предметы неправильной сферической формы, сделанные из обожженной глины. Эти предметы имеют, как правило, яйцевидную форму и размеры, близкие к 3×4 см (рис. 6, 3). Хотя их атрибуция не является безусловной, обычно их также принято трактовать как пращевые пули.

Украшения. Большая часть предметов, интерпретируемых как украшения, была обнаружена в кв. D6. К ним относится фрагмент колечка из алебастра (рис. 8, 5), найденный в поверхностном слое. Остальные предметы этой категории были зафиксированы в контексте надежно стратифицированных отложений. Среди них глиняная бусина биконической формы с гравированным изображением (рис. 8, 4) и еще одна халцедоновая (?) бусина-пронизь с гравированным декором (рис. 8, 3). Обе эти бусины обнаружены в слое исторического времени. Только одна алебастровая бусина биконической формы (рис. 8, 2) была обнаружена за пределами кв. D6 в стратиграфическом шурфе в отложениях эпохи керамического неолита.

Пряслица. В ходе раскопок были обнаружены два предмета, интерпретируемые как пряслица. Они представляют собой зубчатые выпуклые диски диаметром 3 см (рис. 6, 5, 6). Оба предмета были обнаружены в близком планиграфическом и стратиграфическом контексте в кв. D5/b, в слое, предшествующем финалу функционирования неолитического поселения.

Пряслица различных форм и декора, являются довольно распространенной категорией

находок на всех памятниках хронологической колонки равнины Дех Луран, где их обнаружено 96 экз. (Hole et al., 1969. P. 205–210). Наибольшую морфологическую близость зубчатые пряслица, обнаруженные на Телле Ваджеф, имеют с находками, сделанными в отложениях фаз Мех-мех и Баят (Hole et al., 1969. Fig. 90).

Каменные изделия с противоположащим двухсторонним сверлением. На Телле Ваджеф довольно часто встречаются уплощенные галечные камни округлой неправильной формы, часто с необработанным внешним краем, размерами от 7 до 10 см (рис. 7, 5, 6). Эти предметы, как правило, разбиты и имеют противоположащие углубления без сквозного сверления, образованные целенаправленным вращением. Диаметр лунок вращения, как правило, 3–4 см. Почти все эти предметы были обнаружены как подъемный материал, лишь один был найден в поверхностном слое в кв. D6/b. Их назначение пока непонятно, но они могли выполнять роль подшипника при горизонтальном вращении поворотного механизма неясного назначения. Тот факт, что, как правило, такие предметы бывают разбиты, может указывать на их высокую изнашиваемость в результате долговременного вращения. Было отмечено, что подобные изделия были встречены на ряде памятников, начиная со времени докерамического неолита (Hole et al., 1969. P. 199; Fig. 84, d).

Еще одной разновидностью являются диски, имеющие сквозное двустороннее сверление (рис. 7, 3, 4). В отличие от предыдущей категории находок, они имеют правильную форму и диаметр от 5 до 10 см. Всего на Телле Ваджеф

было обнаружено три таких предмета. Все они являются подъемным материалом. Предположительное назначение предметов — грузила к сетям для рыбной ловли.

Были найдены также два предмета из плоского речного галечника, имеющие каплевидную форму и размеры ок. 5 × 7 см, с двусторонним сверлением на узком конце (рис. 7, 7). Такие относительно легкие предметы могли служить в качестве отвесов, используемых при ткачестве, или грузил для сетей при охоте на мелких птиц.

Таким образом, в ходе работ получено предварительное представление о датировании слоя поселения и о синхронизации его отложений с памятниками сопредельных территорий. Определено, что основные отложения Телля Ваджеф синхронны преимущественно древностям фазы Мехмех равнины Дех Луран, памятникам периода Убейд 2 аллювиев Месопотамии и ранне-го-среднего периодов халафской культуры Джезиры. Отложения исторического времени, в силу малочисленности материала, пока датированы предварительно в интервале первой половины III тыс. до н.э., с возможностью уточнения датировки при увеличении коллекции из верхней части культурного слоя памятника.

В целом результаты работ на Телле Ваджеф являются исключительно многообещающими для определения системы разветвленных контактов второй половины VI тыс. до н.э. между районом подгорной равнины Загросских гор и Великой Месопотамской равниной, включая как аллювии, так и степную Джезиру.

Работа выполнена в рамках НИР ИА РАН «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (№ НИОКТР 122011200264-9).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амиров Ш.Н., Янковский-Дьяконов А.И., Магомедов Р.Г. и др. Полевые исследования Российской-Иракской археологической экспедиции на поселении Телль Ваджеф в южном Ираке (Общая характеристика поселения, его стратиграфия и элементы планиграфии) // Российская археология. 2025. № 3. С. 52–62.
- Осташинский С.М. Геометрические микролиты поселения Мешоко // Археология Кавказа и Ближнего Востока: сб. к 80-летию Р.М. Мунчаева / Отв. ред. Н.Я. Мерперт, С.Н. Корневский. М.: Таус, 2008. С. 53–70.
- Терзийска-Игнатова Ст. Къснохалколитни зооморфни фигури от селищна могила Юнаците // Праисторическа Тракия: доклади от международния симпозиум в Стара Загора 30.09–14.10.2003. София; Стара Загора, 2004. С. 379–390.
- Amirov Sh.N. The Morphology of Halafian Painted Pottery from Yarim Tepe II, and the Process of Ubaidian Acculturation // II Workshop on Late Neolithic Ceramics in Ancient Mesopotamia: Pottery in Context / Eds. A. Gómez-Bach, J. Becker, M. Molist. Barcelona: Museu Arqueologia de Catalunya, 2018. P. 15–23.
- Amirov Sh.N. Experience in Creating a Descriptive System for the Morphology of Halafian Painted Pottery from Yarim-Tepe 2 (Iraq) // Neolithic Pottery from the Near East. Production, Distribution and Use / Eds. R. Özbal, M. Erdalkıran, Y. Tonoike. İstanbul: Koç University press, 2021. P. 91–101.
- Amirov Sh.N., Deopeak D.V. Morphology of the Halafian Painted Pottery from Yarim Tepe 2, Iraq: Using Computerized Shape Analysis // Baghdader Mitteilungen. 1997. Vol. 28. P. 69–86.
- Hole F., Flannery K.V., Neely J.A. Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain, an Early Village Sequence from Khuzistan, Iran. Ann Arbor: University of Michigan Museum of Anthropology, 1969. 438 p.
- Huot J.-L. Un village de basse-Mésopotamie: Tell el 'Oueili à l'Obeid 4 // Préhistoire de la Mésopotamie: la Mésopotamie préhistorique et l'exploration récente du Djebel Hamrin: Paris, 17–18–19 décembre 1984 / Ed. J.-L. Huot. Paris: Centre national de la recherche scientifique, 1987. P. 293–303.
- Huot J.-L. The First Farmers at Oueili // The Biblical Archaeologist. 1992. Vol. 55, № 4. P. 188–195.
- Larsa (10e Campagne, 1983) et 'Oueili (4e Campagne, 1983). Rapport Préliminaire / Ed. J.-L. Huot. Paris: Recherche sur les civilisations, 1987. 246 p.
- Larsa (8e et 9e Campagnes, 1978 et 1981) et 'Oueili (2e et 3e Campagnes, 1978 et 1981): Rapport Préliminaire / Ed. J.-L. Huot. Paris: Recherche sur les civilisations, 1983. 357 p.
- Lebeau M. Les céramiques Obeid 2 et 3 de tell el'Oueili. Rapport préliminaire // 'Oueili: travaux de 1985 / Ed. J.-L. Huot. Paris: Recherche sur les civilisations, 1991 (Bibliothèque de la Délégation archéologique Française en Iraq; 6) (Centre de recherche d'archéologie orientale, Université de Paris I; 8). P. 241–266.
- Lloyd S., Safar F. Eridu. A Preliminary Communications on the Second Season's Excavations 1947–48 // Summer. 1948. Vol. 4. P. 115–125.
- Oates J. Ur and Eridu, the Prehistory // Iraq. 1960. Vol. 22. P. 32–50.
- Oates J. Ubaid Mesopotamia Reconsidered // The Hilly Flanks and Beyond: Essays on the Prehistory of Southwestern Asia, presented to Robert J. Braidwood, November 15, 1982 / Eds. T.C. Young Jr., P.E.L. Smith, P. Mortensen. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 1983 (Studies in ancient Oriental civilization; 36). P. 251–281.
- Oates J. Ubaid Chronology // Chronologies du proche orient = Chronologies in the Near East: Relative Chronologies and Absolute Chronology 16,000–4,000 B.P.: International Symposium (Lyon, 24–28 November 1986, Centre national de la recherche scientifique) / Eds.

- O. Aurenche, J. Evin, F. Hours. Oxford: Archaeopress, 1987 (British Archaeological Reports. International Series; 379). P. 473–482.
- Oates J. More Thoughts on the Ubaid Period // Beyond the Ubaid: Transformation and Integration in the Late Prehistoric Societies of the Middle East / Eds. R.A. Carter, G. Philip. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 2010 (Studies in Ancient Oriental Civilization; 63). P. 45–50.
- Oueili: travaux de 1985 / Ed. J.-L. Huot. Paris: Recherche sur les civilisations, 1991 (Bibliothèque de la Délégation archéologique Française en Iraq; 6) (Centre de recherche d'archéologie orientala, Université de Paris I; 8). 343 p.
- Oueili: travaux de 1987 et 1989 / Ed. J.-L. Huot. Paris: Recherche sur les civilisations, 1996. 453 p.
- Petrova N.Y. Classic Samarra Painted Pottery from Yarim Tepe I, the Neolithic of Northern Iraq // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2022. Vol. 50, № 3. P. 29–38.
- Petrova N., Darabi H. Analysis of Neolithic Pottery Technology along the Iranian Zagros Foothills // Documenta Praehistorica. 2022. Vol. XLIX. P. 318–342.
- Safar F., Mustafa M.A., Lloyd S. Eridu. Baghdad: Ministry of Culture and Information, State Organization of Antiquities and Heritage, 1981. 360 p.
- Schechter H.C., Gopher A., Getzov N. et al. The obsidian assemblages from the Wadi Rabah occupations at Ein Zippori, Israel // Paléorient. 2016. Vol. 42, № 1. P. 27–48.
- Stronach D. Excavations at Ras al 'Amiya // Iraq. 1961. Vol. 23, № 2. P. 95–137.
- Tobler A. Excavations at Tepe Gawra. Vol. II. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1950. 260 p.
- Volpi L. An assessment on the Ubaid pottery from Area B, Tell Zurghul (Southern Iraq) // The Italian Archaeological Excavations at Tell Zurghul, Ancient Nigin, Iraq. Final Report of the Seasons 2015–2017 / Eds. Davide Nadali and Andrea Polcaro. Roma: Sapienza Università di Roma, 2020 (Quaderni di Vicino Oriente; XVI). P. 53–88.
- Volpi L. Not Only Painted – A Re-examination of the Pottery Assemblage from the Site of Hajji Muhammad: A Techno-morphological Approach // Neolithic Pottery from the Near East. Production, Distribution and Use. Istanbul: Koç University Press, 2021. P. 117–140.
- Volpi L. The Emergence of Regionalisms in the late 6th – early 5th Millennium BCE. Ubaid/Black on buff horizon: Identifying Ceramics «Interaction Spheres» in Greater Mesopotamia // Origini. 2023. XLVII. P. 95–138.
- Woolley L. Ur Excavations. Vol. IV. The Early Periods. A Report on the sites and objects prior in date to the Third Dynasty of Ur Discovered in the Course of the Excavations. Philadelphia, 1955. 225 p.
- Yaroshevich A., Kaufman D., Nuzhnyy Dm. et al. Design and Performance of Microlith Implemented Projectiles During the Middle and the Late Epipaleolithic of the Levant: Experimental and Archaeological Evidence // Journal of Archaeological Science. 2010. Vol. 37, iss 2. P. 368–388.
- Ziegler C. Die keramik von der Qal'a des Hağgi Mohammed. Berlin: Gebr. Mann, 1953 (Ausgrabungen der Deutschen forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka; 5). 88 p.

FREQUENT AND INDIVIDUAL FINDS FROM THE 2024 EXCAVATIONS AT TELL WAJEF IN SOUTHERN IRAQ

Shahmardan N. Amirov^{1,*}, Rabadan G. Magomedov^{2,}, Maksim Yu. Menshikov^{1,***}, Natalia Yu. Petrova^{1,****}, Lydia A. Gusak^{3,*****}, Murtada Hashim^{4,*****}, Mahmud Mohsen^{4,*****}, and Rua Saad^{4,*****}**

¹*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

²*Institute of History, Archaeology and Ethnography, DFSRC RAS, Makhachkala, Russia*

³*Novgorod State University, Russia*

⁴*State Board of Antiquities and Heritage, Ministry of Culture, Tourism and Antiquities, Amara, Iraq*

**E-mail: shahmardan@mail.ru*

***E-mail: mag-rabadan@yandex.ru*

****E-mail: maxim-menshikov@yandex.ru*

*****E-mail: petrovanatalya7@mail.ru*

******E-mail: lika.gusak@gmail.ru*

******E-mail: murtadhaalaaarajy@gmail.com*

******E-mail: mhmoodmohsin330@gmail.com*

******E-mail: roaa1987saad@gmail.com*

The article considers frequent and individual finds collected during the 2024 field season at the Tell Wajef settlement located in Maysan Governorate of Southern Iraq, on the border with Iran. The obtained collection makes it possible to form a preliminary idea of the material culture of the settlement during the late Neolithic and recorded historical period. Due to the proximity of the site to the Zagros

Mountains, with the absolute quantitative dominance of Southern Mesopotamian pottery of the Ubaid 2 period, numerous imports from the Deh Luran Plain were also found there mainly dated to the Mehme period. The appearance of the material culture suggests a certain syncretism of the settlement's culture, which distinguishes it to some extent from the synchronous settlements of the alluvial plain of Southern Mesopotamia.

Keywords: Mesopotamian alluvium, Fertile Crescent, painted pottery, Ubaid II culture, periodization of the Deh Luran Plain culture, Hazine period, Mehme period, Bayat period.

REFERENCES

- Amirov Sh.N., 2018. The Morphology of Halafian Painted Pottery from Yarim Tepe II, and the Process of Ubaidian Acculturation. *II Workshop on Late Neolithic Ceramics in Ancient Mesopotamia: Pottery in Context*. A. Gómez-Bach, J. Becker, M. Molist, eds. Barcelona: Museu Arqueologia de Catalunya, pp. 15–23.
- Amirov Sh.N., 2021. Experience in Creating a Descriptive System for the Morphology of Halafian Painted Pottery from Yarim-Tepe 2 (Iraq). *Neolithic Pottery from the Near East. Production, Distribution and Use*. R. Özbal, M. Erdalkıran, Y. Tonoike, eds. İstanbul: Koç University press, pp. 91–101.
- Amirov Sh.N., Deopeak D.V., 1997. Morphology of the Halafian Painted Pottery from Yarim Tepe 2, Iraq: Using Computerized Shape Analysis. *Baghdader Mitteilungen*, 28, pp. 69–86.
- Amirov Sh.N., Yankovskiy-D'yakov A.I., Magomedov R.G. et al., 2025. Field research of the Russian-Iraqi archaeological expedition at the settlement of Tell Wajef in Southern Iraq (General characteristics of the settlement, its stratigraphy and elements of planigraphy). *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3. (In Russ.)
- Hole F., Flannery K.V., Neely J.A., 1969. Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain, an Early Village Sequence from Khuzistan, Iran. Ann Arbor: University of Michigan Museum of Anthropology. 438 p.
- Huot J.-L., 1987. Un village de basse-Mésopotamie: Tell el 'Oueili à l'Obeid 4. *Préhistoire de la Mésopotamie: la Mésopotamie préhistorique et l'exploration récente du Djebel Hamrin: Paris, 17–18–19 décembre 1984*. J.-L. Huot, ed. Paris: Centre national de la recherche scientifique, pp. 293–303.
- Huot J.-L., 1992. The First Farmers at Oueili. *The Biblical Archaeologist*, vol. 55, no. 4, pp. 188–195.
- Larsa (10e Campagne, 1983) et 'Oueili (4e Campagne, 1983). Rapport Préliminaire. J.-L. Huot, ed. Paris: Recherche sur les civilisations, 1987. 246 p.
- Larsa (8e et 9e Campagnes, 1978 et 1981) et 'Oueili (2e et 3e Campagnes, 1978 et 1981).: Rapport Préliminaire. J.-L. Huot, ed. Paris: Recherche sur les civilisations, 1983. 357 p.
- Lebeau M., 1991. Les céramiques Obeid 2 et 3 de tell el'Oueili. Rapport préliminaire. 'Oueili: travaux de 1985. J.-L. Huot, ed. Paris: Recherche sur les civilisations, pp. 241–266. (Bibliothèque de la Délégation archéologique Française en Iraq, 6) (Centre de recherche d'archéologie orientala, Université de Paris I, 8).
- Lloyd S., Safar F., 1948. Eridu. A Preliminary Communications on the Second Season's Excavations 1947–48. *Sumer*, 4, pp. 115–125.
- Oates J., 1960. Ur and Eridu, the Prehistory. *Iraq*, 22, pp. 32–50.
- Oates J., 1983. Ubaid Mesopotamia Reconsidered. *The Hilly Flanks and Beyond: Essays on the Prehistory of Southwestern Asia, presented to Robert J. Braidwood, November 15, 1982*. T.C. Young Jr., P.E.L. Smith, P. Mortensen, eds. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, pp. 251–281. (Studies in ancient Oriental civilization, 36).
- Oates J., 1987. Ubaid Chronology. *Chronologies du proche orient = Chronologies in the Near East: Relative Chronologies and Absolute Chronology 16,000–4,000 B.P.: International Symposium (Lyon, 24–28 November 1986, Centre national de la recherche scientifique)*. O. Aurenche, J. Evin, F. Hours, eds. Oxford: Archaeopress, pp. 473–482. (British Archaeological Reports. International Series, 379).
- Oates J., 2010. More Thoughts on the Ubaid Period. *Beyond the Ubaid: Transformation and Integration in the Late Prehistoric Societies of the Middle East*. R.A. Carter, G. Philip, eds. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, pp. 45–50. (Studies in Ancient Oriental Civilization, 63).
- Ostashinskiy S.M., 2008. Geometric microliths from the Meshoko settlement. *Arkheologiya Kavkaza i Blizhnego Vostoka: sbornik k 80-letiyu R.M. Munchaeva [Archaeology of the Caucasus and the Near East: Collected papers for the 80th anniversary of R.M. Munchaev]*. N.Ya. Merpert, S.N. Korenevskiy, eds. Moscow: Taus, pp. 53–70. (In Russ.)
- 'Oueili: travaux de 1985. J.-L. Huot, ed. Paris: Recherche sur les civilisations, 1991. 343 p. (Bibliothèque de la Délégation archéologique Française en Iraq, 6) (Centre de recherche d'archéologie orientala, Université de Paris I, 8).
- Oueili: travaux de 1987 et 1989. J.-L. Huot, ed. Paris: Recherche sur les civilisations, 1996. 453 p.
- Petrova N., Darabi H., 2022. Analysis of Neolithic Pottery Technology along the Iranian Zagros Foothills. *Documenta Praehistorica*, XLIX, pp. 318–342.
- Petrova N.Y., 2022. Classic Samarra Painted Pottery from Yarim Tepe I, the Neolithic of Northern Iraq.

- Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, vol. 50, no. 3, pp. 29–38.
- Safar F., Mustafa M.A., Lloyd S., 1981. Eridu. Baghdad: Ministry of Culture and Information, State Organization of Antiquities and Heritage. 360 p.
- Schechter H.C., Gopher A., Getzov N. et al., 2016. The obsidian assemblages from the Wadi Rabah occupations at Ein Zippori, Israel. *Paléorient*, vol. 42, no. 1, pp. 27–48.
- Stronach D., 1961. Excavations at Ras al ‘Amiya. *Iraq*, vol. 23, no. 2, pp. 95–137.
- Terziyska-Ignatova St., 2004. Late Chalcolithic zoomorphic figurines from the Yunatsite mound. *Praistoricheska Trakiya: dokladi ot mezhdunarodniya simpozium v Stara Zagora 30.09–14.10.2003 [Prehistoric Thrace: Reports for the International symposium in Stara Zagora 30.09–14.10.2003]*. Sofiya; Stara Zagora, pp. 379–390. (In Bulgarian).
- Tobler A., 1950. Excavations at Tepe Gawra, II. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 260 p.
- Volpi L., 2020. An assessment on the Ubaid pottery from Area B, Tell Zurghul (Southern Iraq). *The Italian Archaeological Excavations at Tell Zurghul, Ancient Nigin, Iraq. Final Report of the Seasons 2015–2017*. Davide Nadali, Andrea Polcaro, eds. Roma: Sapienza Università di Roma, pp. 53–88. (Quaderni di Vicino Oriente, XVI).
- Volpi L., 2021. Not Only Painted – A Re-examination of the Pottery Assemblage from the Site of Hajji Muhammad: A Techno-morphological Approach. *Neolithic Pottery from the Near East. Production, Distribution and Use*. Istanbul: Koç University Press, pp. 117–140.
- Volpi L., 2023. The Emergence of Regionalisms in the late 6th – early 5th Millennium BCE. Ubaid/Black on buff horizon: Identifying Ceramics «Interaction Spheres» in Greater Mesopotamia. *Origini*, XLVII, pp. 95–138.
- Woolley L., 1955. Ur Excavations, IV. The Early Periods. A Report on the sites and objects prior in date to the Third Dynasty of Ur Discovered in the Course of the Excavations. Philadelphia. 225 p.
- Yaroshevich A., Kaufman D., Nuzhnyy Dm. et al., 2010. Design and Performance of Microlith Implemented Projectiles During the Middle and the Late Epipaleolithic of the Levant: Experimental and Archaeological Evidence. *Journal of Archaeological Science*, vol. 37, iss 2, pp. 368–388.
- Ziegler C., 1953. Die keramik von der Qal’a des Haġgi Mohammed. Berlin: Gebr. Mann. 88 p. (Ausgrabungen der Deutschen forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka, 5).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАСТЕНИЙ НАСЕЛЕНИЕМ НИЖНЕГО АМУРА В I ТЫС. Н.Э.: АРХЕОБОТАНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПАМЯТНИКЕ МАЛМЫЖ 5

© 2025 г. Е.А. Сергушева*

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия

*E-mail: lenasergu@gmail.com

Поступила в редакцию 13.04.2025 г.

После доработки 02.06.2025 г.

Принята к публикации 18.06.2025 г.

В статье представлены результаты изучения коллекции семян растений, полученной в ходе спасательных археологических работ на памятнике Малмыж 5 на Нижнем Амуре. Исследованы котлованы 22 жилищ долговременного поселения польцевской культурной традиции железного века, датируемые по ^{14}C первой половиной I тыс. н.э. Из заполнений 9 объектов профлотировано почти 250 л грунта, получено 27 проб. Всего в 25 пробах обнаружено 1242 семян. Из них 702 экз. (56.5% всех семян) принадлежат двум видам культурного проса — итальянского (547 экз.) и обыкновенного (155 экз.). Дикорастущие пищевые растения представлены 410 экз. (33.0%), принадлежащими 11 таксонам. Среди 83 семян фоновых/сорных растений (6.68%) идентифицировано 14 таксонов. Семена культурного проса обнаружены во всех исследованных комплексах, при этом остатки проса итальянского численно преобладают. Количественные данные, повсеместность и частотность находок остатков проса демонстрируют его значимость для населения. Одновременно с этим невысокая насыщенность отложений семенами проса в совокупности с реконструируемыми размерами поселения, продолжительным периодом его функционирования и относительно небольшой площадью, потенциально пригодной для посевов земли, приводит к выводу, что продукты земледелия хотя и составляли обязательную часть диеты, но не являлись главным компонентом питания. Расположение поселения, многочисленные находки костных остатков рыб и специализированных орудий, очевидно, демонстрируют значительную роль речного рыболовства в питании обитателей Малмыжа 5.

Ключевые слова: водная флотация, земледелие, собирательство, *Panicum miliaceum*, *Setaria italica* subsp. *italica*.

DOI: 10.7868/S3034577425040025

Изучение остатков растений из древних и средневековых памятников — важная часть современных археологических исследований, нацеленная на реконструкцию многообразных сторон взаимодействия человека и растительного мира. Важным является выявление различных аспектов использования растений в системах жизнеобеспечения человека, в том числе земледелия и собирательства растений, определение их места в экономиках прошлого. Археоботанические источники обладают высокими информационными возможностями, что в совокупности с гарантированным присутствием в археологических контекстах и возможностью потенциального извлечения делает их привлекательными объектами изучения.

С недавнего времени такие исследования ведутся в Приамурье, где археологи систематически применяют методику водной флотации для извлечения из культуросодержащих отложений карбонизированных семян и плодов растений (карпоидов). Их изучение позволяет реконструировать использование растений в регионе в разные периоды, что актуально на фоне активных археоботанических исследований, развернувшихся в последние годы в Восточной Азии.

Настоящая статья представляет результаты изучения представительной коллекции карбонизированных семян и плодов растений, впервые полученной в результате систематического применения водной флотации на памятнике польцевской культурной традиции железного века

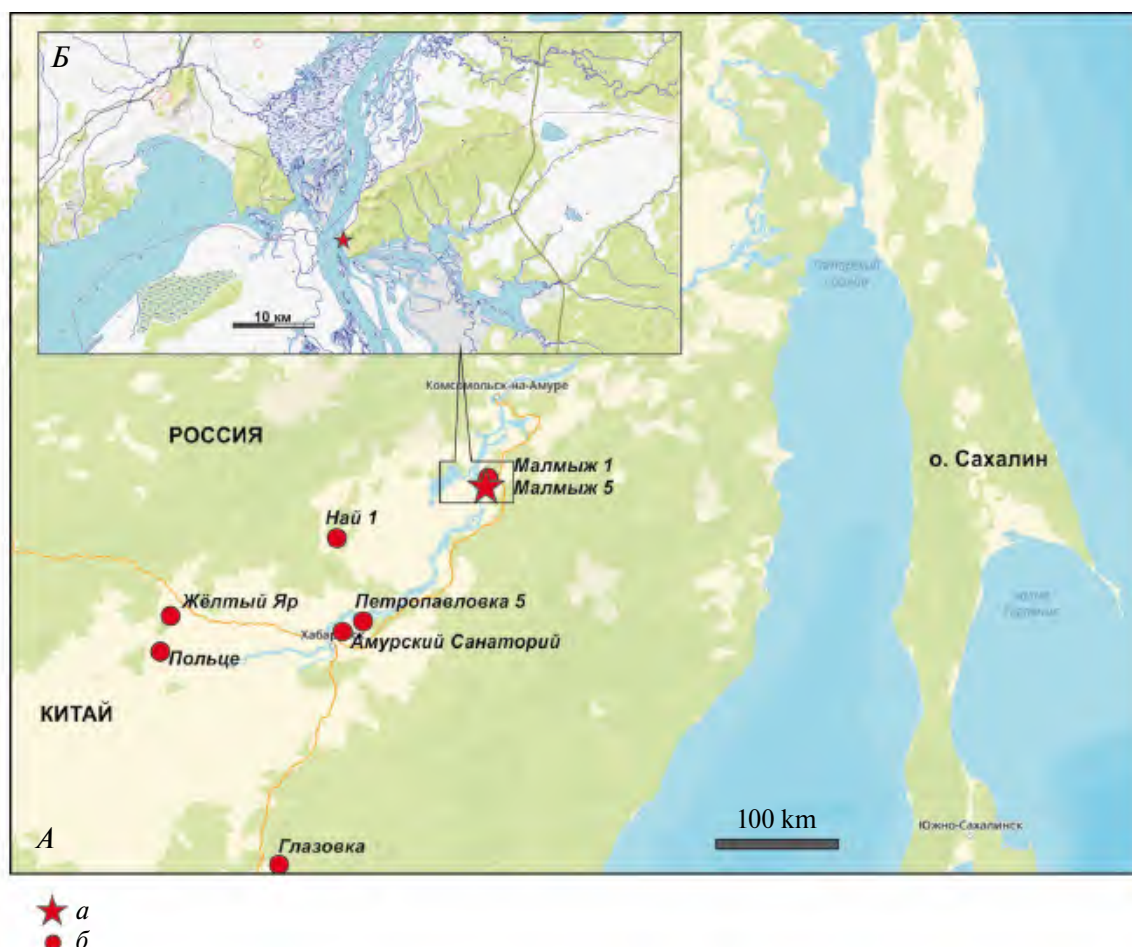

Рис. 1. Расположение польцевских памятников, упоминаемых в тексте (А) и местонахождение поселения Малмыж 5 (Б). Условные обозначения: а — памятник Малмыж 5; б — памятник польцевской культурной традиции.

Fig. 1. The locations of the Poltse sites mentioned in the text (A) and the location of the Malmyzh 5 settlement (B)

Нижнего Приамурья — поселения Малмыж 5¹. Он находится на северо-восточной периферии Среднеамурской низменности, к северо-западу от одноименного села (Нанайский р-н Хабаровского края) на высоком отроге хребта с местным названием Малмыжский Утес, возвышающемся над рекой (рис. 1). В 2021 г. в ходе спасательных археологических раскопок экспедицией ООО «Научно-производственный центр историко-культурной экспертизы» (г. Владивосток) на памятнике вскрыто 6296 м² площади, изучено 22 объекта, в основном котлованы углубленных жилищ разной степени сохранности. Анализ археологического

материала показал принадлежность жилищ к польцевской культурной традиции. На основании серии из пяти ¹⁴C дат, полученных по древесному углю и бересте, время существования поселения определяется в интервале I — начало VI вв. н.э., с наибольшей вероятностью в IV–V вв. н.э. (Коломиец, 2025. С. 36).

Методика отбора археоботанического материала. В ходе раскопок поселения установлено, что из-за значительного антропогенного воздействия в период русско-японской войны 1904–1905 гг. и в дальнейшем культурный слой на межжилищном пространстве оказался переотложен, но сохранился в неповрежденном состоянии в заполнениях котлованов жилищ, имевших значительную глубину (Коломиец, 2025). Частичная сохранность культурного слоя и недостаток кадровых ресурсов определили стратегию пробоотбора — грунт для водной флотации отбирался

¹Автор выражает искреннюю признательность к.и.н. Е.Б. Крутых — руководителю ООО «Научно-производственный центр историко-культурной экспертизы», к.и.н. С.А. Коломийцу — руководителю спасательными археологическими работами на памятнике Малмыж 5 за организацию систематического пробоотбора археоботанического материала и за предоставленную возможность работы с ним.

с участков, имевших визуальные признаки воздействия огня, из котлованов некоторых жилищ точно (из заполнений отдельных ям и около очагов), а также из мусорных отложений, сформированных в заполнении заброшенного жилища 12. Объем грунта отдельных проб варьировал от 4 до 15 л в зависимости от размеров объектов и состояния отложений. Флотация осуществлялась в ручном режиме с использованием сита с размером ячеек сетки 0.5 мм (Лебедева, 2008, 2016; Сергушева, 2013; Pearsall, 2015). Всего на памятнике профлотировано свыше 250 л грунта, получено 27 проб из восьми жилищ (1, 2, 3, 4, 14, 15, 16, 19) и мусорной ямы (в котловане объекта 12)². Количество полученных из жилищ проб неодинаково. Наиболее представлены жилища 3 (8 проб), 1 (6 проб), 4 (3 пробы) и мусорная яма (5 проб). Из жилищ 2, 14, 15, 16, 19 получено по одной пробе.

Семена и плоды растений извлекались из флотационных образцов и идентифицировались автором в лабораторных условиях на базе ИИАЭ ДВО РАН. Для их последующего анализа применялись методические разработки Е.Ю. Лебедевой (2008, 2016), адаптированные под задачи и возможности исследования.

Семена и плоды (или их фрагменты) найдены в 25 пробах из 27, таким образом, результативность флотации составила 92%. Всего обнаружено 1242 карпоидов. Их число в отдельных пробах колеблется в широких пределах — от 1 до 200 экз. Идентифицированы среди них 702 зерновки культурных видов, 410 карпоидов дикорастущих пищевых и 83 экз. фоновых/сорных³ растений. Видовая принадлежность 47 карпоидов не установлена (таблица).

Сохранность полученного материала можно охарактеризовать как ровную для всей коллекции и в целом удовлетворительную — морфологические признаки сохранились у большинства карбонизированных карпоидов. Худшая сохранность отмечена для мелких семян, в особенности для зерновок культурного проса. Их значительная деформация при карбонизации — обычное

явление, обусловленное маленькими размерами семян и их тонкими оболочками, а также, как правило, отсутствием у них покрывающих чешуй, удаленных при подготовке зерна к употреблению.

Культурные растения представлены 547 зерновками итальянского проса (*Setaria italica*) в 20 пробах и 155 семенами обыкновенного проса (*Panicum miliaceum*) в 16 пробах.

Морфология семян проса итальянского типична (рис. 2, 1), средние размеры — 1.1-1.1-0.81 мм. Встречены единичные очень мелкие экземпляры — 0.79-0.79-0.59 мм. У большинства зерновок отсутствуют цветковые чешуи. Но в нескольких пробах отмечалось заметное количество семян с их фрагментами и даже целыми чешуями. Так, в пробе 21 они отмечены у половины семян.

Среди зерновок проса обыкновенного выделено два морфотипа: I-й — семена округлые в плане (рис. 2, 2, а, б), II-й — более удлиненные (рис. 2, 2, в). Средние размеры зерновок морфотипа I — 1.58-1.45-1.12 мм, индекс отношения длины к ширине находится в диапазоне 93.8–117.7; размеры семян типа II — 1.84-1.34-1.1 мм, диапазон индекса — 121.4–150.0. Количественные подсчеты семян по морфотипам не проводились из-за значительного числа промежуточных форм. Визуально преобладают округлые зерновки. Отдельные семена имеют остатки цветковых чешуй. На поверхности единичных зерновок отмечались вмятины, свидетельствующие об их неполной спелости на момент сгорания.

Дикорастущие пищевые растения представлены 410 карпоидами 11 видов: сосна кедровая корейская (*Pinus koraiensis*), дуб монгольский (*Quercus mongolica*), орех маньчжурский (*Juglans mandshurica*), виноград амурский (*Vitis amurensis*), бузина (*Sambucus* sp.), актинидия коломикта (*Actinidia kolomikta*), а также представители семейства розоцветных — черемуха обыкновенная (*Padus avium*), яблоня (*Malus* sp.), малина (*Rubus* sp.), шиповник (*Rosa* sp.), боярышник (*Crataegus* sp.) (рис. 2, 3–7). К этой категории растений отнесены четыре фрагмента неидентифицированных плодов. Наиболее разнообразны и многочисленны остатки дикоросов в отложениях мусорной ямы, тогда как в заполнениях жилищ встречаются единичные карпоиды отдельных видов. По-иному распределялись остатки кедровой корейской сосны, представленные фрагментами скорлупы семян, так называемыми кедровыми орешками. Наибольшее их число отмечено в жилищах 1, 3

²Автор благодарит хабаровских коллег А.Б. и А.М. Шиповаловых за проведение водной флотации на памятнике.

³Фоновые — растения естественных сообществ, сорные — растения, перешедшие из естественных биоценозов в антропогенные. Последние засоряют сельскохозяйственные посевы, пастбища, произрастают рядом с жильем человека, на мусорных местах и т.п. Надежно разделить фоновые и сорные виды растений в археоботанических коллекциях возможно не всегда, поэтому их часто объединяют в одну категорию (Лебедева, 2008. С. 95, 96).

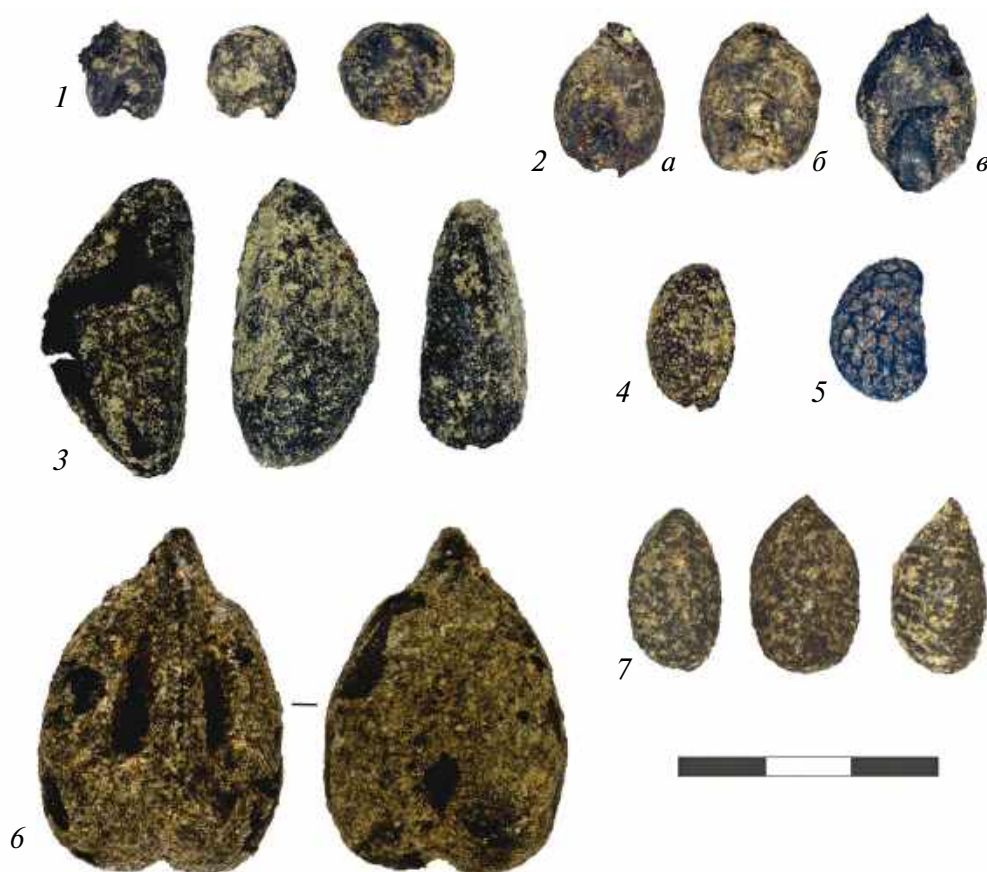

Рис. 2. Семена растений, обнаруженные на поселении Малмыж 5: 1 — зерновки проса итальянского; 2 — зерновки проса обыкновенного: I морфотипа (а, б), II морфотипа (в); 3 — семена шиповника; 4 — семя актинидии коломыкта; 5 — семя малины; 6 — семя винограда амурского (вид со стороны спинки и брюшка); 7 — семена бузины.

Fig. 2. Plant seeds found at the Malmyzh 5 settlement: 1 — *Setaria italica*, 2 — *Panicum miliaceum*, 3 — *Rosa* sp., 4 — *Actinidia kolomkta*, 5 — *Rubus* sp., 6 — *Vitis amurensis*, 7 — *Sambucus* sp.

и 4, из которых получено несколько проб. В жилищах с единичными пробами фрагменты скорлупы найдены в небольшом количестве (жилища 15, 19) или не найдены совсем (жилища 2, 14, 16), тогда как из пяти проб из мусорной ямы получено только 3 фрагмента скорлупы.

Объектами собирательства у восьми идентифицированных видов дикоросов (черемуха, яблоня, малина, шиповник, боярышник, виноград амурский, бузина, актинидия) были сочные плоды. В коллекции они представлены или семенами, или плодами. По данному признаку эти виды разделились на две дискретные группы. Одна представлена исключительно семенами малины, шиповника, боярышника, винограда, актинидии, бузины. Другую формируют плоды черемухи и дикорастущей яблони разной степени сохранности. Среди 37 остатков черемухи отмечено лишь 4 косточки, причем у 3 из них присутствовали небольшие остатки околоплодника (таблица).

Фоновые/сорные растения представлены 83 семенами 14 таксонов (таблица). Они встречаются в отложениях всех исследованных объектов, как правило, в виде единичных экземпляров. Из них 30 принадлежат злакам, в основном из трибы просовых (*Panicaceae*). Самые многочисленные в этой категории — находки семян мари (*Chenopodium* cf. *album*) (52 экз.). По 1-2 экз. они присутствуют в отдельных пробах некоторых комплексов. Исключением являются две пробы (20, 21) из жилищ 14 и 15, в которых зафиксировано 23 и 18 семян соответственно. Остатки других растений единичны и представлены клевером (*Trifolium* sp.), тремя видами горцов (*Polygonum* / *Persicaria* spp.), представителями семейств осоковые (*Cyperaceae*), мальвовые (*Malvaceae*), пасленовые (*Solanaceae*), сложноцветные (*Asteraceae*) и, возможно, маковые (*Paravaceae*).

Коллекция семян и плодов поселения Малмыж 5 — первый полноценный археоботанический источник, полученный на памятнике польцевской культурной традиции.

Местонахождение пробы	Жилище 1, яма у очата																				Итого						
	Жилище 1, яма у очата с терочником, кв. С 8-9/ В 3-4	Жилище 1, яма у очата, кв. С 8-9/ В 2-3	Жилище 1, очажная яма, кв. С 7-9/ В 4-5	Жилище 1, очажная яма, кв. С 7-9/ В 4-5	Жилище 1, очажная яма, кв. С 7-9/ В 4-5	Жилище 2, яма 91, кв. С 18-19/ В 5-6	Жилище 3, очат, кв. С 18-19/ В 9-11	Жилище 3, очат, кв. С 18-19/ В 9-11	Жилище 3, пол, кв. С 17-18/ В 11-12	Жилище 3, яма 37	Жилище 3, яма 39	Жилище 3, яма 44	Жилище 3, яма 51	Жилище 3, яма 86	Жилище 4, очат	Жилище 4, яма 57, кв. С 25-26/ В 12-13	Жилище 4, темное пятно восточнее очата, кв. С 24-25/ В 11-13	Жилище 14, яма 7	Жилище 15, хозяйственная яма в южной части	Жилище 16, яма в южной части		Жилище 19, развал керамического сосуда	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-48	Мусорная яма, кв. С 51-53/ В 46-48
Номер пробы	1	12	10	5	15	7	16	6	14	18	4	3	9	13	8	19	2	11	20	21	23	22	17	24	25	26	27
Объем грунта, л	6	7	4	7	10	9	10	7	8	нет данных	8	10	5	13	10	10	10	8	10	13	12	10	12	15	13	12	13
Просо обыкновенное (<i>Panicum miliaegum</i>)					3			31	9			2	2	4	37		6	2	5			1	5	6	7	22	9
Просо обыкновенное (?)															2							2					4
Просо итальянское (<i>Setaria italica</i>)					8	1		60	9	1	2		3	5	69	1	7	43	28	3	5	38	26	41	145	42	537
Просо итальянское, мелкие экз.									8								2										10
Щетинник (<i>Setaria viridis</i>)								1															1		5		7
Просо куриное (<i>Echinochloa crus-galli</i>)																								1			1
Росичка (?) <i>Digitaria</i> sp. (?)																						1					1
Дикое просо (Paniceae)															1	1		1	1			1	1				5
Злаковое (?) (Gramineae)										1																	1
Марь (<i>Chenopodium album</i>)																	1	23	18	1	1	2	2	1	3	1	52
Маревые (Chenopodiaceae)								1																			1
Клевер (<i>Trifolium</i> sp.)									1																		1
Горец (<i>Polygonum</i> / <i>Persicaria</i> ssp.)															1									1			1
Осоковые (Cyperaceae)																	1		1								2
Астровые (Asteraceae)				1																						2	3
Мальвовые (Malvaceae)																				1							1

Продолжение таблицы
Continuation of the table

Местонахождение пробы	Жилище I, яма у очага с терочником, кв.С 8-9/ В 3-4	1	12	10	5	Жилище I, очажная яма, кв. С 7-9/В 4-5	Жилище I, очажная яма, кв. С 7-9/В 4-5	Жилище 1, очажная яма, кв. С 7-9/В 4-5	Жилище 2, яма 91, кв. С 18-19/ В 5-6	Жилище 3, очаг, кв. С 18-19/ В 9-11	Жилище 3, очаг, кв. С 18-19/ В 9-11	Жилище 3, пол, кв.С 17-18/В 11-12	Жилище 3, яма 37	Жилище 3, яма 39	Жилище 3, яма 44	Жилище 3, яма 51	Жилище 3, яма 86	Жилище 4, очаг	Жилище 4, яма 57, кв. С 25-26/ В 12-13	Жилище 4, темное пятно восточнее очага, кв. С 24-25/ В 11-13	Жилище 14, яма 7	Жилище 15, хозяйственная яма в южной части	Жилище 16, яма в южной части	Жилище 19, развал керамического сосуда	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-48	Мусорная яма, кв. С 51-53/ В 46-48	Итого		
	Пасленовые (Solanaceae)																				1									4	
	Маковые (Ranavaceae ?)																				1									1	
	Дуб монгольский (Quercus mongolica)																														1
	Сосна корейская, скорула (Pinus koraiensis)	3		1	41	79	54		3	2		1	6	21	90									1		2	1				307
	Орех маньжурский, скорула (Juglans mandchurica)																			1											5
	Черемуха (Padus avium)																				4(п)	1(п) 1(с)				9(п) 1(с)	2(п) 1(с)	5(п) 1(с)	6(п) 1(с)	1(с) 1(с)	27(п) 4(с)
	Яблоня (Malus sp.)																									3	1	3	1	1	9
	Малина (?) (Rubus sp.)							1										1						2	3	1	2	2	3	3	19
	Шиповник (Rosa sp.)																									1	1	1	4		6
	Боярышник (Grataegus sp.)																														1
	Виноград амурский (Vitis amurensis)																										2	1	4		8
	Бузина (Sambucus sp.)																			1				1	6	4	1				13
	Актинидия коломикта (Actinidia kolomikta)																				4							1			6
	Неидентифицир. плод							1					1																		4
	Неидентифицир. семя											1	6	1	1																47

Местонахождение пробы	Жилище 1, яма у оягата с терочником, кв.С 8-9/ В 3-4	1	12	10	5	15	7	16	6	14	18	4	3	9	13	8	19	2	11	20	21	23	22	17	24	25	26	27	Мусорная яма, кв. С 51-53/ В 46-48	Итого		
	Жилище 1, яма у оягата с терочником, кв.С 8-9/ В 3-4	3	0	1	42	91	55	2	96	30	8	5	9	0	28	13	199	3	16	80	61	8	12	86	60	72	200	62	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-48			
	Жилище 1, очажная яма, кв. С 8-9/ В 2-3						11	1		91	26	1	2	2	5	9	108	1	15	45	33	3	6	45	32	48	167	51	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
	Жилище 1, очажная яма, кв. С 7-9/ В 4-5						41	79	54	2	3	2	6		22	1	90			5	8	4	5	24	16	19	16	7	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
	Жилище 1, очажная яма, кв. С 7-9/ В 4-5									2	1	1					2	1	2	28	19	1	1	5	4	4	10	1	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
	Жилище 1, очажная яма, кв. С 7-9/ В 4-5									1	6	1	1		1	1			1	2	1			12	8	1	7	3	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
	Жилище 1, очажная яма, кв. С 7-9/ В 4-5									1	6	1	1		1	1			1	2	1								Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
	Жилище 3, пол, кв.С 17-18/В 11-12											нет данных	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77		Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47	
	Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										3.75	нет данных																				Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47
	Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77		Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47	
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 5-6										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв. С 53-54/ В 46-47			
Жилище 3, очаг. кв. С 18-19/ В 9-11										13.7	3.75	0.63	1.0		2.15	1.3	19.9	1.1	2.0	8.0	4.69	0.67	1.2	7.17	4.0	5.54	16.67	4.77	Мусорная яма, кв.			

Примечание: (п) — плод, (с) — семя

Объем профлотируемого грунта (более 250 л), количество образцов (27) и число обнаруженных карпоидов (1242 экз.) обеспечили достаточную репрезентативность этой выборки. Их происхождение из сходных отложений позволило осуществить корректные сравнения материалов, повысив достоверность выводов.

В долевым выражении семена культурных видов составляют более 56% коллекции. Остаткам дикорастущих пищевых растений принадлежит 33%, на долю фоновых/сорных и неидентифицированных растений приходится 6.68%, и 3.78% соответственно.

Анализ археоботанических материалов позволил предположить с высокой долей вероятности существование земледелия у населения Малмыжа 5. Во-первых, семена культурных растений имеют высокую частоту встречаемости — 74% (в 20 пробах из 27). Во-вторых, зерновки итальянского и обыкновенного проса обнаружены в заполнениях всех исследованных жилищ⁴, что свидетельствует об их повсеместности и, следовательно, хозяйственной значимости. В-третьих, присутствие в мусорных отложениях большого числа остатков культурного проса косвенно демонстрирует доступность этого ресурса для жителей поселения.

Отсутствие сколько-нибудь заметного количества невызревших зерновок проса и хорошая выполненность большинства его семян говорят о подходящих агроклиматических условиях, в которых они были выращены.

Имеющиеся для Нижнего Приамурья в целом и для района поселения в частности палеогеографические данные отличаются низким временным разрешением (напр., Bazarova et al., 2008. Р. 13–15), поэтому их использование для археологических реконструкций, особенно для коротких хронологических периодов оказалось невозможным.

Нами предпринята попытка реконструкции климатических условий района Малмыжа во время существования польцевского поселка на основе косвенных данных. Район поселения относится к северо-восточной периферии Среднеамурской низменности и входит в северный предел современного распространения маньчжурской флоры (Галанин, Беликович, 2012). Дуб монгольский, маньчжурский орех, амурский

виноград, актинидия, чьи остатки найдены в нашей коллекции, являются типичными представителями этой флоры и произрастают в окрестностях современного с. Малмыж. Это позволяет предполагать существование сходных климатических условий в районе Малмыжского утеса в первой половине I тыс. н.э. и в настоящее время. Итальянское и обыкновенное просо — теплолюбивые сельскохозяйственные культуры с относительно коротким периодом вегетации, 60–120 дней (Zohary, Hopf, 1994. С. 78; Swamy, 2023). Просу обыкновенному от всходов до созревания требуется сумма эффективных температур вегетационного периода (СЭТ)⁵ в пределах 1800–2300 °С, а просу итальянскому — 1900–2400 °С (Якушевский, 1953. С. 169). Для северо-востока Среднеамурской низменности такие агроклиматические показатели, как СЭТ и его продолжительность, соответствуют 2000–2200 °С и 125–135 дням, а обеспеченность влагой является достаточной для выращивания большинства культур (Агроклиматические..., 1974. С. 20, 21; 23, 24; рис. 2; табл. 1; Петров и др., 2000. С. 32). Многолетние данные находящегося в 4 км от с. Малмыж метеопоста в с. Верхний Нерген демонстрируют даже большую сумму среднесуточных температур воздуха >10 °С — 2280 °С, соответствующую максимальным значениям, необходимым для успешного произрастания проса (Петров и др., 2000. С. 148).

Все сказанное дает основания предполагать существование в районе древнего поселения подходящих для выращивания проса климатических условий.

Отсутствие археологических данных не позволяет реконструировать технико-технологические приемы земледелия, которые могли использовать обитатели Малмыжа 5. Найденные на памятнике единичные мотыги гипотетически могли применяться для обработки почвы, ухода за посевами, но, вероятнее, они использовались на самом поселении для рытья многочисленных ям и котлованов. Ранее исследователи допускали, что польцевцы могли использовать железные кельты не только для рубки деревьев, но и для обработки почвы (Деревянко, 1976. С. 108). Даже если такое предположение справедливо, оно не применимо к Малмыжу 5, где найдено всего два фрагмента, осторожно интерпретируемые автором раскопок как обломки кельтов

⁴Исключая единственную пробу (16) из жилища 2 с самой низкой для коллекции насыщенностью карпоидами. Отсутствие в ней остатков проса показывает их отсутствие лишь в пробе, но не в жилище. См., например, материалы жилища 3.

⁵Основной агроклиматический показатель, характеризующий теплообеспеченность вегетации культурных растений. Он равен сумме среднесуточных температур воздуха выше 10 °С.

(Коломиец, 2025. С. 32). Практическое отсутствие землеройных орудий на поселении, обитатели которого, как мы предполагаем, занимались земледелием, может иметь разные объяснения. Например, орудия оставляли на сельскохозяйственных участках, а не поднимали на утес; их могли изготавливать из недолговечных материалов (кости, древесины), не сохраняющихся в археологических отложениях. Если такие орудия были сделаны из металла, что вполне допустимо для польцевского времени, то они имели особую ценность, а после поломки их металл использовался повторно, что уменьшает вероятность археологизации таких артефактов. Уже первые исследователи этой культуры обратили внимание на единичность находок землеройных орудий на польцевских памятниках (Деревянко, 1976. С. 108). Сейчас же можно говорить, что такие орудия в целом являются малочисленными на дальневосточных памятниках, даже на тех, для которых доказано земледелие (Сергушева, 2018).

На Малмыже 5 найдены артефакты, традиционно связываемые с обработкой сельскохозяйственной продукции, — терочки, куранты, песты. Но, как показали недавние исследования остатков древнего крахмала на терочных орудиях позднелевосточного возраста из Приморья, такие орудия не предназначались для обработки исключительно зерна культурных растений, они являлись полифункциональными, с их помощью перерабатывались разнообразные продукты растительного собирательства и семена культурного проса (Пантюхина, Вострецов, 2022).

При отсутствии находок артефактов к некоторым выводам и предположениям, позволяющим реконструировать технико-технологические стороны земледелия польцевцев, можно прийти на основе косвенных наблюдений. По результатам изучения памятников польцевской культуры на территории Амурской обл. и ЕАО было сделано предположение об использовании ее носителями подсечно-огневой системы земледелия (Деревянко, 1976. С. 156). Плотность застройки и долговременность заселения Малмыжского утеса (Коломиец, 2025. С. 28) исключает такую возможность для этого района. Анализ потенциальной зоны хозяйственного использования поселения показывает ограниченную площадь пригодных для земледелия участков, которые располагались, очевидно, на южном, юго-восточном, восточном склонах утеса и на террасах у его подножия (рис. 1, Б). Просо предъявляет высокие требования к плодородию почвы и сильно истощает ее (Лысов, 1968. С. 103),

поэтому в условиях просового земледелия без поддержания почвенного плодородия используемые участки через каждые 2-3 года обязательно должны оставаться под пар (Stevens et al., 2024). Следовательно, население древнего поселения должно было практиковать некую разновидность переложного или парового земледелия, что еще больше сокращало одновременно используемую под посевы площадь. Не исключено как вариант такого земледелия использование традиционной для восточноазиатского региона грядковой системы. Но доказать ее использование на имеющихся материалах не представляется возможным.

Существование земледелия у населения польцевской культуры постулировалось со времени ее открытия. Доказательством служили находки орудий, интерпретируемых как сельскохозяйственные, и предположение о существовании земледелия на Амуре в предшествующий период у носителей урийской культуры раннего железного века (Деревянко, 1973. С. 241, 242). Этот вопрос был решен окончательно после обнаружения на эпонимном памятнике (Польце 1) нескольких зерновых скоплений культурного проса (Окладников, Деревянко, 1970; Деревянко, 1976. С. 145). К настоящему времени остатки культурного проса найдены на нескольких польцевских памятниках в разных частях бассейна р. Амур: в виде зерновых скоплений на городище Глазовка (Коломиец и др., 2002) и на могильнике Петропавловка 5 (Копытько, 1988), при эпизодическом применении водной флотации на поселениях Малмыж 1 (Дерюгин, 2009), Петропавловка 5 и Амурский Санаторий (Сергушева, 2023). В виде единичных отпечатков семян итальянского и обыкновенного проса обнаружены на польцевской керамике памятников Желтый Яр и Малмыж 1. Использование проса как растения с C_4 типом фотосинтеза косвенно подтвердил анализ изотопов с нагара на керамике с этих же памятников (Kunikita et al., 2016; Фукуда и др., 2019). Схожие результаты получены по нагару с памятников Най 1 (Фукуда и др., 2019) и Петропавловка 5 (Northern expansion..., 2022). Приведенная сводка показывает распространенность и повсеместность культурного проса у польцевского населения.

Это, а также обязательное присутствие культурного проса на всех польцевских памятниках, где были предприняты даже самые минимальные усилия по поиску археоботанических остатков, позволяет с высокой долей вероятности говорить о выращивании культурного проса польцевским

населением. Мы полагаем, что носители польцевской традиции могли повсеместно выращивать два вида проса там, где для этого имелись подходящие условия. Археоботанические данные почти без сомнения демонстрируют, что северо-восточная периферия Среднеамурской низменности с районом поселения Малмыж 5 входила в зону польцевского земледелия, возможно, как один из терминальных пунктов.

Хотя специальных исследований товарообмена у носителей польцевской традиции не проводилось, его существование не исключается. Но едва ли объектом мены выступало просовое зерно. Применение на ряде польцевских памятников даже в небольшом объеме водной флотации продемонстрировало обильное и повсеместное присутствие культурного проса, представляющееся недостижимым при его импорте. Вероятно, будущие исследования польцевских памятников, расположенных за пределами Среднеамурской низменности, ниже по течению р. Амур, т.е. в районах, где ведение земледелия исключено из-за неподходящих климатических условий, прояснят вопрос о возможном импорте проса и его объемах. Пока же мы полагаем, что археоботанические данные поселения Малмыж 5 в большей степени свидетельствуют в пользу местного происхождения просового зерна у его обитателей.

Численное преобладание итальянского проса над обыкновенным во всех пробах указывает на большее значение первого для обитателей Малмыжа 5 (рис. 3, 1). Это наблюдение подтвердило высказанное ранее предположение о приоритете итальянского проса для польцевского населения, сделанное в ходе небольшого исследования изотопов на керамике памятников Малмыж 1 (2030±35 л.н. (МТС-17769)), Желтый Яр (1685±45 л.н. (МТС-17768)), Петропавловка 5 (2330–2215 л.н.), Амурский Санаторий (Kunikita et al., 2016; Фукуда и др., 2019; Northern expansion ..., 2022. Р. 65–69; Сергушева, 2023). С учетом того, что для выращивания обоих видов проса требуются сходные условия, предпочтение итальянского проса у обитателей Малмыжа 5 и, очевидно, у остального польцевского населения может объясняться какими-то культурными причинами. Устойчивость этого признака позволяет рассматривать его в качестве культурно значимого (Сергушева, 2023).

Повсеместность находок семян культурного проса в жилищах Малмыжа 5 показывает важность земледельческой продукции для их обитателей. Но отмеченная для большинства проб невысокая насыщенность ими (таблица; рис. 3, 1, 2),

указывает на небольшой объем просового зерна, присутствовавшего в жилищах. Ландшафтная приуроченность памятника показывает, что выбор места поселения и его длительное существование определялись прежде всего возможностью высокопродуктивного рыболовства в сочетании, по-видимому, с исключительными условиями для контроля территории. Таким образом, обитатели польцевского поселка предстают перед нами сообществом речных рыболовов, вероятно, практиковавших просовое земледелие и выращивавших два вида проса, занимавшего важное, но не ведущее место в их диете.

Помимо вывода о возможном сочетании в системах жизнеобеспечения обитателей амурской долины в I тыс. н.э. присваивающих и производящих компонентов хозяйства, археоботанический анализ позволил сделать несколько частных заключений.

В коллекции выявлено значимое различие в насыщенности⁶ проб семенами проса. Наивысшие его показатели имеют пробы из заполнений очагов жилищ 3 и 4, а также из мусорной ямы. Отсутствие или низкая насыщенность некоторых проб остатками проса показывают наличие в жилищах участков, не связанных с его обработкой или хранением (таблица; рис. 3, 1).

Отсутствие покровных чешуй у большинства зерновок проса свидетельствует о том, что они были подготовлены для кулинарной обработки. При этом наличие у небольшой части семян обоих видов проса остатков чешуй показывает вероятное присутствие в жилищах и какого-то объема необмолоченного зерна.

Население Малмыжа 5 активно использовало широкий спектр пищевых дикорастущих растений (таблица). Особую привлекательность имели орешки кедровой корейской сосны, фрагменты скорлупы которой многократно преобладают среди дикоросов. Обитатели некоторых жилищ могли более активно использовать данный пищевой ресурс. В жилище 1 найдено максимальное количество скорлупы кедровых орешков при минимуме находок семян проса⁷, тогда как в остальных жилищах остатки проса

⁶ Для адекватного сравнения количественных данных проб разного объема использован показатель насыщенности, соответствующий числу карпоидов в одном литре грунта (экз./л). Этот показатель, в зависимости от задач, может вычисляться как для всех карпоидов, так и для отдельных их категорий (культурные, дикорастущие растения) и видов.

⁷ По информации руководителя раскопок С.А. Коломийца, жилище 1 выделялось среди других «бедностью» археологических находок.

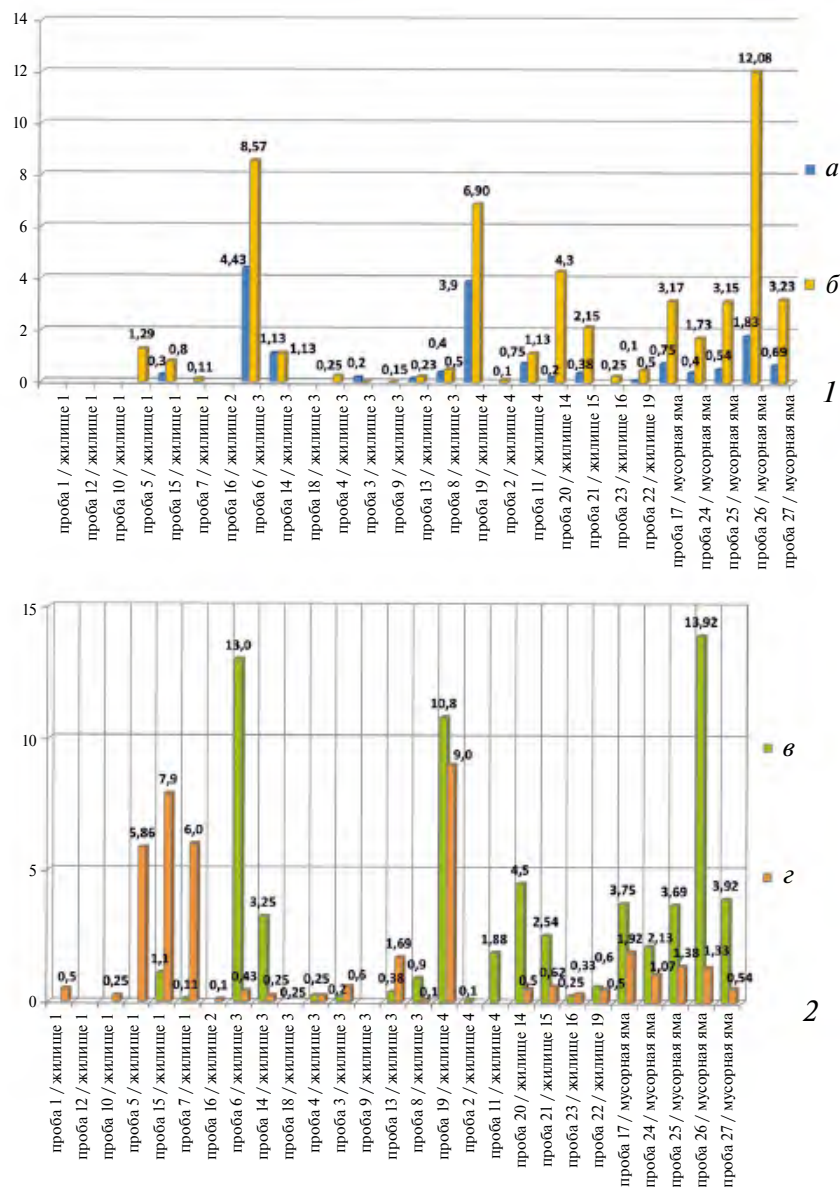

Рис. 3. Насыщенность проб поселения Малмыж 5 карпоидами растений (экз. в 1 л грунта): 1 — насыщенность проб зерновками обыкновенного (а) и итальянского проса (б); 2 — насыщенность проб зерновками культурного проса (в) и карпоидами дикорастущих пищевых растений (г).

Fig. 3. Saturation of samples from the Malmyzh 5 settlement with plant carpoids (number of specimens in 1 l of soil)

количественно преобладают (таблица; рис. 3, 2). Использование польцевским населением орешков кедровой корейской сосны в качестве пищевого ресурса подтверждают материалы поселения Малмыж 1 — их скорлупа найдена во флотационной пробе из очага жилища (Дерюгин, 2009. С. 167).

Археоботанические данные Малмыжа 5 демонстрируют довольно обширный список собираемых населением пищевых дикорастущих растений, который, помимо кедровых орешков,

включал не менее 10 видов. Наиболее часто в жилищах встречались семена малины и плоды черемухи, а скорлупа маньчжурского ореха, семена бузины, амурского винограда, актинидии представлены отдельными находками. Для реконструкции растительного собирательства на поселении более информативным оказалось заполнение мусорной ямы, где выявлены значительные в количественном и разнообразных в видовом отношении остатки дикорастущих растений. В ее отложениях зафиксированы

многочисленные находки плодов черемухи и яблони-дички, а также семена малины, бузины, амурского винограда и шиповника, тогда как остатки желудя, боярышника, актинидии, неустановленного плода и скорлупы кедровых орешков были единичны. Согласно этнографическим данным, коренные народы Амура активно заготавливали и хранили желуди, черемуху (Василевич, 1969. С. 89, 90, 125; Ларькин, 1964. С. 54; Сем, 1973. С. 119; Подмаскин, 2006), тогда как возможность длительного сохранения сочных плодов (малина, виноград, бузина, актинидия) этнографически не подтверждается, считается, что такие ягоды и плоды сразу употреблялись в пищу.

С точки зрения реконструкции формирования растительного компонента интересным выглядит заполнение мусорной ямы. В ней оказалось немало плодов и семян растений. При этом остатки черемухи и яблони попадали туда в виде плодов, тогда как малина, шиповник, бузина, виноград, актинидия, боярышник — исключительно как «чистые» семена, без остатков перикарпия. Очевидно, что и первые, и вторые оказались в яме в качестве мусора, уже в обгоревшем виде. Ее заполнение, судя по присутствию многочисленных костных остатков рыб и наземных животных, сформировано пищевыми отходами, вместе с которыми в ней оказались растительные остатки, не утилизированные в силу каких-то обстоятельств, но обгоревшие, вероятно, в процессе обработки и/или приготовления пищи рядом с очагами. Предположительно, в мусорную яму остатки растений могли попадать после санитарных чисток жилищ и очажных ям.

В целом анализ находок дикорастущих пищевых растений в коллекции Малмыжа 5 показывает значительную роль этого компонента для населения, в рационе которого важное место занимало культурное просо.

Видовой состав семян фоновых/сорных растений демонстрирует существование на самом поселении и в его окрестностях растительности, в которой присутствовали рудеральные и сорные виды — марь, горцы, клевер, просовые. Это подтверждает существование нарушенных местообитаний на поселении и косвенно свидетельствует о длительном антропогенном воздействии на природное окружение поселка. Представители трибы просовых в качестве сегетальных сорняков, вероятно, засоряли посевы и одновременно могли произрастать на самом поселении. Известно, что дикорастущие просовые являются злостными засорителями культурного

проса, чему способствует их сходная биология и экология (Лысов, 1968. С. 105).

Семена мари часто встречаются в археоботанических материалах дальневосточных памятников. Это рудеральное растение является одним из самых распространенных флористических спутников человека. Находки ее семян в археологических отложениях показывают присутствие растений на самих памятниках или рядом с ними. В мировой археоботанике и этнографии имеются свидетельства использования как самого растения мари, так и его семян в пищевых и медицинских целях (см. сводку: Алкин, Сергушева, 2013). Для двух средневековых памятников амурского региона получены доказанные примеры использования семян мари (Алкин, Сергушева, 2013; Сергушева, Крючко, 2021). В этой связи хочется обратить внимание на, возможно, неслучайное присутствие семян мари в двух пробах из жилищ 14 и 15 в количествах, выбивающихся среди других ее находок (таблица).

Изучение коллекции макроботанических остатков, впервые полученных в результате систематического применения водной флотации на польцевском памятнике Нижнего Приамурья, предоставило данные, позволившие не только реконструировать некоторые аспекты использования растений обитателями Малмыжского утеса в первой половине I тыс. н.э., но и с учетом других источников предложить гипотетическую реконструкцию системы их жизнеобеспечения. Археоботанические данные с высокой долей вероятности продемонстрировали, что польцевское население Малмыжа 5, по-видимому, практиковало земледелие, выращивая два вида проса — итальянское и обыкновенное, при доминировании первого. Присутствие остатков обоих видов проса в большинстве изученных комплексов и даже в мусорных отложениях, вероятно, свидетельствует о значимой роли культурного проса в диете обитателей поселения. С учетом невысокой концентрации остатков проса в жилищах, относительно небольшой площади потенциально пригодной для посевов земли в зоне хозяйственного использования поселения, а также значительной плотности расположения жилищ и реконструируемых размеров поселения мы приходим к выводу о том, что продукты земледелия не могли быть главным компонентом диет обитателей поселка. Этот вывод подтверждается другими данными. Расположение поселения на берегу Амура, присутствие в отложениях специализированных артефактов и многочисленных костных остатков рыб

демонстрируют ведущую роль рыболовства в системе жизнеобеспечения его обитателей. Таким образом, полученные при исследовании поселения Малмыж 5 данные позволяют предположить существование в I тыс. н.э. у обитателей Нижнего Приамурья своеобразной модели адаптации, сочетавшей речное рыболовство в качестве ведущего компонента с обязательным присутствием просового земледелия, основанного на выращивании итальянского и обыкновенного проса, и активным собирательством разнообразных пищевых дикорастущих растений. Определение места и роли животноводства и охоты в этой системе жизнеобеспечения ожидается в ближайшее время⁸.

Автор благодарит своих коллег Дорофееву Н.А. и Коломийца С.А. за содержательные и плодотворные дискуссии по теме статьи, значительно улучшившие ее первоначальное содержание, а также выражает признательность двум анонимным рецензентам за полезные замечания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агроклиматические ресурсы Хабаровского края: справочник. Л.: Гидрометеиздат, 1974. 119 с.
- Алкин С.В., Сергушева Е.А. Семена мари белой (*Chenopodium album*) в культурных отложениях Усть-Чернинского городища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии Сибирского отд-ния РАН, 2013. С. 164–167.
- Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX века). Л.: Наука, 1969. 305 с.
- Галанин А.В., Беликович А.В. Восточноазиатская гумидная и Азиатско-Североамериканская аридная ботанико-географические дуги [Электронный ресурс] // Наша ботаника. 2012. URL: https://ukhtoma.ru/geobotany/arc_04.htm (дата обращения: 05.01.2025).
- Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука, 1973. 254 с.
- Деревянко А.П. Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). Новосибирск: Наука, 1976. 384 с.
- Дерюгин В.А. Результаты раскопок на поселении Малмыж-1 в 1992–93 гг. // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2009. С. 165–171.
- Коломиец С.А. Раскопки поселения Малмыж-5 в 2021 г. Первые результаты полевых и лабораторных исследований // Гуманитарные науки в Сибири. 2025. № 1. С. 27–36.
- Коломиец С.А., Афремов П.Я., Дорофеева Н.А. Итоги полевых исследований памятника Глазовка-городище // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: Дальневосточное отд-ние РАН, 2002. С. 142–155.
- Копытько В.Н. Петропавловка – могильник раннего железного века (польцевская культура) // Новейшие исследования памятников первобытной эпохи на юге Дальнего Востока СССР. Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии Дальневосточного отд-ния АН СССР, 1988. С. 3–7.
- Ларькин В.Г. Орочи (историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней). М.: Наука, 1964. 175 с.
- Лебедева Е.Ю. Археоботанические реконструкции древнего земледелия (методические аспекты) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 6. М.: Параллели, 2008. С. 68–109.
- Лебедева Е.Ю. Археоботаника: методы исследования и интерпретация результатов // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых ученых). М.: ИА РАН, 2016. С. 118–146.
- Лысов В.И. Просо. Л.: Колос, 1968. 224 с.
- Окладников А.П., Деревянко А.П. Польце – поселение раннего железного века. Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии Сибирского отд-ния АН СССР, 1970 (Материалы полевых исслед. Дальневосточной археолог. экспедиции; вып. 1). 304 с.
- Пантюхина И.Е., Вострецов Ю.Е. Растения в диете первых земледельцев в Приморье: опыт применения метода анализа древнего крахмала // Краткие сообщения Института археологии. 2022. Вып. 266. С. 280–296.
- Петров Е.С., Новороцкий П.В., Ленишин В.Т. Климат Хабаровского края и Еврейской автономной области. Владивосток; Хабаровск: Дальнаука, 2000. 174 с.
- Подмаскин В.В. Народные знания тунгусо-маньчжуров и нивхов. Владивосток: Дальнаука, 2006. 540 с.
- Сем Ю.А. Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX – середина XX в.). Владивосток: Дальневосточный науч. центр АН СССР, 1973. 313 с.
- Сергушева Е.А. Археоботаника: теория и практика. Владивосток: Дальнаука, 2013. 84 с.
- Сергушева Е.А. Сельское хозяйство городского населения // Города средневековых империй Дальнего Востока. М.: Изд-во вост. лит., 2018. С. 251–280.
- Сергушева Е.А. Использование растений населением Нижнего Приамурья в эпоху палеометалла // Известия лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19, № 4. С. 12–32.
- Сергушева Е.А., Крючко Е.И. Использование растений населением селища «Черниговка-5» (Амурская

⁸Остеологический материал с памятника анализировался к.б.н. В.Е. Омелько (ФНЦ Биоразнообразия ДВО РАН). Автор приносит коллеге благодарность за предварительную информацию о полученных результатах.

- область) // Традиционная культура Востока Азии. Вып. 8. Благовещенск: Благовещенский гос. пед. ун-т, 2021. С. 105–121.
- Фукуда М., Куникита Д., Эндо Э. и др. Использование зерна и пищевые привычки населения польцевской культуры // Археология формирования сельскохозяйственного комплекса. Начало земледелия. Токио: Yuzankaku, 2019. С. 71–90. (На яп. яз.)
- Якушевский Е.С. Чумиза // Крупяные культуры (про-со, гречиха, рис, чумиза). Л.: Сельхозгиз, 1953. С. 157–194.
- Bazarova V.B., Klimin M.A., Mokhova L.M., Orlova L.A. New pollen records of Late Pleistocene and Holocene changes of environment and climate in the Lower Amur River basin, NE Eurasia // Quaternary International. 2008. Vol. 179. P. 9–19.
- Kunikita D., Fukuda M., Endo E. et al. The effect of C₄-Plants as seen on charred remains on pottery from Paleometal sites in the Russia // The 33rd annual meeting of the Japan Society for scientific on cultural property: program and abstracts. Osaka: Kyodo Seihan Printing Co., 2016. P. 82, 83. (In Japanese).
- Northern expansion of temperate Neolithic culture in Northeast Asia and adaptation limitations. Vol. III. Topics in the Northeast Asia archaeology. Tokyo; Kitami: The University of Tokyo, 2022. 159 p. (In Japanese).
- Pearsall D.M. Paleoethnobotany. A Handbook of Procedures. Third Edition. New York: Routledge, 2015. 513 p.
- Stevens C.J., Zhuang Y., Fuller D.Q. Millets, dogs, pigs and permanent settlement: productivity transitions in Neolithic northern China // Evolutionary Human Sciences. 2024. Vol. 6. e44.
- Swamy K.R.M. Origin, domestication, taxonomy, botanical description, genetics and cytogenetics, genetic diversity, breeding of foxtail millet (*Setaria italica* (L.) Beauv.) // International Journal of Development Research. 2023. Vol. 13, № 9. P. 63660–63682.
- Zohary D., Hopf M. Domestication of plants in the Old World. 2nd edition. Oxford: Clarendon Press, 1994. 279 p.

USE OF PLANTS BY THE LOWER AMUR RIVER BASIN POPULATION IN THE 1ST MILLENNIUM AD: ARCHAEOBOTANICAL STUDIES AT THE MALMYZH 5 SITE

Elena A. Sergusheva*

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia

**E-mail: lenasergu@gmail.com*

The article presents the results of a study on the collection of plant seeds obtained during rescue archaeological excavations at the Malmyzh 5 site located in the Lower Amur River. The 2021 study covered the remains of 22 pit dwellings of a long-term occupied settlement of the Iron Age Poltse cultural tradition, dated by ¹⁴C to the first half of the 1st millennium AD. Using the water flotation technique, almost 250 liters of soil from deposits of nine objects (eight dwellings and a rubbish pit) was investigated producing 27 samples. A total of 1242 seeds were obtained in 25 samples. Of these, 702 seeds (56.5% of the collection) belonged to cultural plants. Among them two species of millet were identified: 547 pcs. belonged to foxtail millet and 155 pcs. – to broomcorn millet. Gathering plants were represented by 410 specimens belonging to 11 taxa, corresponding to 33.0% of the collection. The weedy plants were represented by 83 seeds from 14 taxa. Remains of cultural millet were found in all eight dwellings studied with flotation and in the rubbish pit. The seeds of foxtail millet are numerically predominant among cultigenens. The quantity, ubiquity, and frequency of millet remains demonstrate the importance of both millet species for the settlement population. At the same time, the low density of millet seeds in settlement deposits, together with the reconstructed size of the settlement and the long period of its existence, as well as relatively small area of land potentially suitable for farming, led to the conclusion that agricultural products were not the main component of the population's diet. The location of the settlement, numerous finds of fish bones and specialized fishing tools clearly demonstrate the significant role of river fishing for the dwellers of Malmyzh 5.

Keywords: water flotation, farming, plants gathering, *Panicum miliaceum*, *Setaria italica*.

REFERENCES

- Agroklimaticheskie resursy Khabarovskogo kraia: spravochnik [Agroclimatic resources of Khabarovsk Territory: reference book]. Leningrad: Gidrometeoizdat, 1974. 119 p.
- Alkin S.V., Sergusheva E.A., 2013. Seeds of goose-foot (*Chenopodium album*) in cultural deposits of the Ust-Chyorninskoye fortified settlement. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Issues of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories], XIX. Novosibirsk:

- Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 164–167. (In Russ.)
- Bazarova V.B., Klimin M.A., Mokhova L.M., Orlova L.A., 2008. New pollen records of Late Pleistocene and Holocene changes of environment and climate in the Lower Amur River basin, NE Eurasia. *Quaternary International*, 179, pp. 9–19.
- Derevyanko A.P., 1973. Ranniy zheleznyy vek Priamur'ya [The Early Iron Age of the Amur River region]. Novosibirsk: Nauka. 254 p.
- Derevyanko A.P., 1976. Priamur'e (I tysyacheletie do nashey ery) [The Amur River region (I millennium BC)]. Novosibirsk: Nauka. 384 p.
- Deryugin V.A., 2009. Results of excavations at the Malmyzh-1 settlement in 1992–93. *Kul'turnaya khronologiya i drugie problemy v issledovaniyakh drevnostey vostoka Azii [Cultural chronology and other problems in studying antiquities in East Asia]*. Khabarovsk: Khabarovskiy kraevoy muzey imeni N.I. Grodekova, pp. 165–171. (In Russ.)
- Fukuda M., Kunikita D., Endo E. et al., 2019. Grain use and food habits of the Poltse culture population. *Arkheologiya formirovaniya sel'skokhozyaystvennogo kompleksa. Nachalo zemledeliya [Archaeology of the formation of agricultural complex. Emerging farming]*. Tokio: Yuzankaku, pp. 71–90. (In Japanese).
- Galanin A.V., Belikov A.V., 2012. East Asian humid and Asian-North American arid botanical-geographical arcs (Electronic resource). *Nasha botanichka [Our botany teacher]*. URL: https://ukhtoma.ru/geobotany/arc_04.htm. (In Russ.)
- Kolomiets S.A., 2025. Excavations of the Malmyzh-5 settlement in 2021. First results of field and laboratory research. *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]*, 1, pp. 27–36. (In Russ.)
- Kolomiets S.A., Afremov P.Ya., Dorofeeva N.A., 2002. Results of field research of the Glazovka-fortified settlement. *Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka [Archaeology and cultural anthropology of the Far East]*. Vladivostok: Dal'nevostochnoe otdeleniya Akademii nauk SSSR, pp. 142–155. (In Russ.)
- Kopyt'ko V.N., 1988. Petropavlovka – a burial ground of the Early Iron Age (Poltse culture). *Noveyshie issledovaniya pamyatnikov pervobytnoy epokhi na yuge Dal'nego Vostoka SSSR [The latest studies of the prehistoric sites in the south of the Far East of the USSR]*. Vladivostok: Institut istorii, arkheologii i etnografii Dal'nevostochnogo otdeleniya Akademii nauk SSSR, pp. 3–7. (In Russ.)
- Kunikita D., Fukuda M., Endo E. et al., 2016. The effect of C₄-Plants as seen on charred remains on pottery from Paleometal sites in Russia. *The 33rd annual meeting of the Japan Society for scientific on cultural property: program and abstracts*. Osaka: Kyodo Seihan Printing Co, p. 82, 83. (In Japanese).
- Lar'kin V.G., 1964. Orochi (istoriko-etnograficheskiy ocherk s serediny XIX v. do nashikh dney) [Oroch people (historical and ethnographic study from the middle of the 19th century to the present day)]. Moscow: Nauka. 175 p.
- Lebedeva E.Yu., 2008. Archaeobotanical reconstructions of ancient farming (methodological aspects). *OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii [OPUS: Interdisciplinary research in archaeology]*, 6. Moscow: Paralleli, pp. 68–109. (In Russ.)
- Lebedeva E.Yu., 2016. Archaeobotany: research methods and interpretation of results. *Mezhdistsiplinarnaya integratsiya v arkheologii (po materialam lektiy dlya aspirantov i molodykh uchenykh) [Interdisciplinary integration in archaeology (based on lecture materials for postgraduates and young researchers)]*. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 118–146. (In Russ.)
- Lysov V.I., 1968. Proso [Millet]. Leningrad: Kolos. 224 p.
- Northern expansion of temperate Neolithic culture in Northeast Asia and adaptation limitations, III. Topics in the Northeast Asia archaeology. Tokyo; Kitami: The University of Tokyo, 2022. 159 p. (In Japanese).
- Okladnikov A.P., Derevyanko A.P., 1970. Pol'tse – posele-nie rannego zhelezhnogo veka [Poltse – a settlement of the Early Iron Age]. Novosibirsk: Institut istorii, filologii i filosofii Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. 304 p. (Materialy polevykh issledovatel'skiy Dal'nevostochnoy arkheologicheskoy ekspeditsii, 1).
- Pantyukhina I.E., Vostretsov Yu.E., 2022. Plants in the diet of the first farmers in Primorye: experience in applying analysis of the early starch. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 266, pp. 280–296. (In Russ.)
- Pearsall D.M., 2015. Paleoethnobotany. A Handbook of Procedures. Third Edition. New York: Routledge. 513 p.
- Petrov E.S., Novorotskiy P.V., Lenshin V.T., 2000. Klimat Khabarovskogo kraya i Evreyskoy avtonomnoy oblasti [Climate of Khabarovsk Territory and Jewish Autonomous Region]. Vladivostok; Khabarovsk: Dal'nauka. 174 p.
- Podmaskin V.V., 2006. Narodnye znaniya tunguso-man'chzhurov i nivkhov [Folk knowledge of the Tungus-Manchus and Nivkhs]. Vladivostok: Dal'nauka. 540 p.
- Sem Yu.A., 1973. Nanaytsy. Material'naya kul'tura (vtoraya polovina XIX – seredina XX v.) [Nanai people. Material culture (second half of the 19th – mid-20th century)]. Vladivostok: Dal'nevostochnyy nauchnyy tsentr Akademii nauk SSSR. 313 p.
- Sergusheva E.A., 2013. Arkheobotanika: teoriya i praktika [Archaeobotany: theory and practice]. Vladivostok: Dal'nauka. 84 p.
- Sergusheva E.A., 2018. Agriculture of the urban population. *Goroda srednevekovykh imperiy Dal'nego Vostoka [Towns*

- of the medieval empires of the Far East]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury, pp. 251–280. (In Russ.)
- Sergusheva E.A., 2023. Use of plants by the Lower Amur region communities during the Paleometal period. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]*, vol. 19, no. 4, pp. 12–32. (In Russ.)
- Sergusheva E.A., Kryuchko E.I., 2021. Use of plants by the population of the “Chernigovka-5” settlement (Amur region). *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii [Traditional culture of East Asia]*, 8. Blagoveshchensk: Blagoveshchenskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 105–121. (In Russ.)
- Stevens C.J., Zhuang Y., Fuller D.Q., 2024. Millets, dogs, pigs and permanent settlement: productivity transitions in Neolithic northern China. *Evolutionary Human Sciences*, 6, e44.
- Swamy K.R.M., 2023. Origin, domestication, taxonomy, botanical description, genetics and cytogenetics, genetic diversity, breeding of foxtail millet (*Setaria italica* (L.) Beauv.). *International Journal of Development Research*, vol. 13, no. 9, pp. 63660–63682.
- Vasilevich G.M., 1969. Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX veka) [Evenki people. Historical and ethnographic studies (18th – early 20th century)]. Leningrad: Nauka. 305 p.
- Yakushevskiy E.S., 1953. Green foxtail. *Krupyanye kul'tury (proso, grechikha, ris, chumiza) [Cereal crops (millet, buckwheat, rice, green foxtail)]*. Leningrad: Sel'khozgiz, pp. 157–194. (In Russ.)
- Zohary D., Hopf M., 1994. Domestication of plants in the Old World. 2nd edition. Oxford: Clarendon Press. 279 p.

КЕРАМИЧЕСКАЯ ПОСУДА ИЗ КУРГАНА ТЕСИНСКОГО ВРЕМЕНИ В КРАСНОЯРСКЕ

© 2025 г. Д.А. Виноградов*

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

**E-mail: vindim0408@mail.ru*

Поступила в редакцию 21.03.2025 г.

После доработки 23.04.2025 г.

Принята к публикации 18.06.2025 г.

В статье обсуждается коллекция керамической посуды, полученная в результате раскопок кургана тесинского времени в черте г. Красноярск в 2021–22 гг. На основании существующих классификаций и анализа керамики выполнена характеристика 76 сосудов, происходящих из заполнения склепа с коллективным погребением. Проведенное исследование показало, что основу коллекции составляют сосуды, характерные для тагаро-таштыкского периода и имеющие аналогии в материалах курганов Ачинско-Мариинской лесостепи и Минусинских котловин. Наряду с этим, в выборке представлены формы и орнаменты, свойственные керамике скотоводческого населения Тувы, Алтая и Забайкалья, что по совокупности факторов позволяет отнести публикуемую посуду к керамической традиции тесинской культуры конца I тыс. до н.э.

Ключевые слова: Красноярская лесостепь, ранний железный век, тагарская культура, тесинская культура, керамика.

DOI: 10.7868/S3034577425040035

Глиняная посуда и ее обломки являются наиболее массовым и информативным материалом большинства археологических памятников и традиционно используются для определения культурной и хронологической специфики слоя или объекта. В этой связи для достижения верной интерпретации полученной керамической коллекции важна ее правильная систематизация и анализ. Особенно это актуально для курганов Красноярской лесостепи, чья культурная принадлежность на сегодняшний день является дискуссионной (Виноградов, 2023).

Публикуемая коллекция посуды была получена в результате раскопок кургана «на Шинном кладбище» в черте г. Красноярск в 2021–22 гг. Погребальный комплекс состоял из склепа с коллективным захоронением и последующим сожжением и 10 грунтовых погребений. В рамках исследования будет рассмотрена посуда из склепа, именно она составляет основной массив всей обнаруженной в комплексе керамики и представлена целыми либо археологически восстанавливаемыми формами. В грунтовых погребениях керамика в незначительном количестве найдена только в двух коллективных могилах,

ее характеристика будет приведена в отдельной публикации.

Основы типологии форм для тагарской посуды были заложены С.В. Киселевым, который разделил керамические сосуды по типу дна и форме тулова на: плоскодонные (баночные, баночные плечные, эллипсоидные, конические), круглодонные (полусферические, черепковые, усеченноконические) и на поддоне (эллипсоидные, рюмковидные, котловидные) (Киселев, 1951. Табл. XXVII). В дальнейшем каждый исследователь, накопивший хоть сколько-нибудь значимую коллекцию керамики, либо соглашался, либо видоизменял типологию С.В. Киселева. Особенно это заметно на примере позднетагарских памятников. Так, если ранние тагарские сосуды довольно однообразны, то к переходному тагаро-таштыкскому (тесинскому) времени наблюдается возросшая вариативность форм, что отразилось на структуре используемых типологий. Наиболее значимые работы, посвященные этой теме, принадлежат Л.Р. Кызласову, разработавшему обширную типологию для посуды из таштыкских погребений (Кызласов, 1960. С. 40–54), М.А. Дэвлет, опубликовавшей керамический

комплекс Большого Тесинского кургана (Дэвлет, 1961), а также М.Н. Пшеницыной, которая, следуя вышеописанным классификациям, выделила свои типы керамики для тесинских могильников (Пшеницына, 1975. С. 160; Пшеницына, 1979. С. 85; Пшеницына, 1992. С. 233). Одной из последних и функциональных типологий глиняной посуды для тесинского периода, учитывающей все вышеописанные схемы, является типология Н.Ю. Кузьмина (Кузьмин, 2011. С. 193–199).

Для лесостепной зоны подробнейшее типологическое определение сосудов провел А.И. Мартынов (1979. С. 59–61). Для Красноярской лесостепи единственной работой по описанию и систематизации курганных сосудов является публикация М.А. Дэвлет. На основании имеющихся 85 сосудов (53 целых и 32 в обломках) исследовательница разделила сосуды на плоскодонные (баночные, конические, цилиндрические, яйцевидные, с вертикальными выступами), на коническом поддоне (кубковидные и котловидные), с выраженными плечиками, чугункообразные, чашечки с двумя ручками в виде выступов, круглодонные с широкими округлыми боками (Дэвлет, 1964. С. 207, 208). Краткую характеристику сосудов из красноярских курганов дал Р.В. Николаев, предложивший гипотезу об особом красноярском варианте тагарской культуры (Николаев, 1980. С. 242).

Каждая из представленных типологий отличается своей индивидуальностью и не может считаться универсальной. Вследствие этого при систематизации коллекции посуды, рассматриваемой в статье, автор опирался на комбинацию из продемонстрированных выше схем. При этом не ставилась задача построения единственно верной классификации, а полученный результат используется как способ определения места коллекции среди схожих культур для уточнения вероятного культурогенеза ее изготовителей.

При описании сосудов использовались общепринятые названия отдельных деталей формы, сформулированные В.Ф. Генингом (Генинг, 1973). Для исследования отбирались как целые сосуды, так и фрагменты, по совокупности которых можно достоверно восстановить форму и размер изделия. В ходе анализа учитывались признаки, определяющие конкретную форму сосуда, — наличие или отсутствие скульптурных пристроек к тулову, особенности профиля тулова (изгиб, наличие или отсутствие плечиков, шейки), формы дна. Для всех сосудов были получены доступные параметры — диаметр дна, тулова, горловины, общая высота.

Их соотношение учитывалось при обосновании выделения форм. В результате анализа этих признаков выявлены сосуды без пристроек и с пристройками. У последних отмечены различные варианты профиля тулова, что указывает на вторичность такого признака при моделировании сосуда. Подразумевая, что пристройки к тулову могут быть модификациями, имеющими функциональное назначение, вся посуда была разделена на две группы: сосуды без пристроек и сосуды с пристройками. В каждой группе выделены типы, а внутри типов — варианты.

Для получения профиля стенок использовался пластиковый копировальный шаблон, который состоит из перемещающихся параллельно друг другу пластин и позволяет максимально корректно воспроизвести контур необходимой поверхности. После чего полученные изображения профилей переносились в графический редактор, где происходила их обработка и наложение.

Помимо этого, была определена вместимость большинства сосудов. Для этого сосуды через полиэтиленовый посредник заполнялись до краев сыпучим материалом, который затем пересыпался в мерную тару.

В статье не обсуждаются технологические особенности изготовления керамики, поскольку их анализ требует подробного развернутого описания и заслуживает отдельной публикации. Отметим только некоторые аспекты. Характер исполнения посуды различный. В рассматриваемой коллекции керамика преимущественно изготовлена качественно: заглажена и залощена, но присутствуют и небрежно выполненные сосуды. Цвет стенок и рецепт формовочной массы также неоднороден, отмечена посуда серых, красных, желтых оттенков, с примесью слюды и кварца в тесте.

Керамика обнаружена в склепе как локальными скоплениями (на дне), так и разрозненными множественными фрагментами, разбросанными по широкой площади вследствие горения и обрушения деревянных конструкций. Всего в результате обработки полученных материалов удалось достоверно определить форму для 76 сосудов.

Типы сосудов в группе без пристроек:

Баночный (39 экз.). Плоскодонные сосуды со слегка выпуклыми боками, без шейки, с горловиной шире дна. Являются самой массовой категорией посуды. Несмотря на простую форму и отсутствие пристроек, определение вариантов для этой керамики может вызвать некоторые

затруднения — во многих случаях снятый с разных мест одного сосуда профиль воспроизводит разные очертания, что связано с особенностями ручной лепки и отразилось на разнообразии представленных выше типологий. По этой причине вычленение вариантов для этого типа посуды является весьма условным.

Выделяется вариант высоких банок. Это вытянутые сосуды со сформированными плечиками, их высота превышает наибольший диаметр по тулову и горловине (рис. 1, 1, 2). У остальных выделенных вариантов диаметр тулова превышает показатели высоты, но имеются отличия в профиле тулова. Так, для варианта прямых банок характерно отсутствие плечиков, вследствие чего наибольший диаметр тулова приходится на горловину с прямым венчиком (рис. 1, 7–10). Самым многочисленным вариантом являются плечные (параболоидные) сосуды. Они имеют выраженное расширение тулова в верхней части, которое формируют ясные плечики с загнутой под разным углом внутрь горловиной. Профиль придонной части заужен, ее форма может быть близка как прямому усеченному конусу, так и параболоидному (с разной степенью выпуклости) (рис. 1, 11–39). Выделяется вариант чугуновидных банок, внешне напоминающих традиционный русский печной горшок. Такие сосуды близки плечным, но в придонной части имеют ярко выраженный переход к плечу в виде уступа, формируя ухват (рис. 1, 3–6).

Из 39 баночных сосудов только у семи тулово оформлено дополнительными элементами. У трех сосудов в верхней части нанесен одинарный опоясывающий налепной гладкий валик (рис. 1, 29, 33, 39), у одного таких валика два (рис. 1, 27). На тулове трех сосудов выполнен ряд сосцевидных (шишковидных) налепов (рис. 1, 2, 8, 38). На одной банке налепы расположены в два ряда, а дно имеет четырехгранную форму с выступающими углами (рис. 1, 10). Высота баночных сосудов варьирует от 8 до 22.5 см, объем — от 0.4 до 3.9 л.

Чашевидный (2 экз.). Приземистые сосуды с широкой горловиной, диаметр которой почти в два раза превышает показатели высоты. Определено два варианта: невысокий сосудик с закругленным дном, по форме напоминающий плошку (рис. 2, 3), и массивная чаша открытой формы с коническим профилем и плоским дном (рис. 2, 4). Высота сосудов — 5.5 и 15 см, объем — 0.3 и 3.5 л.

Сферический (3 экз.). Небольшие сосуды, отличающиеся от баночных сильно закругленным

туловом и округлым уплощенным дном (рис. 2, 5–7). Диаметр горловины и тулова превосходит высоту. Высота — от 7 до 10 см, объем — от 0.3 и 0.625 л.

Горшковидный (1 экз.). Плоскодонный сосуд, его показатели диаметра тулова и горловины превышают высоту. В отличие от баночной посуды, у таких сосудов сформирована шейка и отогнут наружу венчик (рис. 2, 8). Высота сосуда — 10 см, объем — 1.15 л.

Кувшиновидный (2 экз.). Плоскодонные сосуды со сформированной зауженной прямой шейкой. Выделяются два варианта. Первый — узкогорлый сосуд с вытянутой прямой шейкой и биконическим туловом, под венчиком друг напротив друга выполнены два отверстия для подвешивания. Показатели его высоты превышают диаметр горловины и тулова (рис. 2, 10). У второго варианта низкая прямая шейка, она отделена от плечиков гладким налепным валиком, внешний край венчика чуть отогнут наружу. В отличие от первого варианта, показатели диаметра тулова и горловины превышают высоту (рис. 2, 9). Вероятно, такой сосуд занимает промежуточное положение между кувшиновидным и горшковидным типом. Высота сосудов — 11 и 12 см, объем — 0.8 и 0.5 л соответственно.

В группе сосудов с пристройками выделяются следующие типы:

Со сливом (2 экз.). Плоскодонные сосуды, производные от баночных, но с оттянутой в одном месте горловиной, которая формирует небольшой желобовидный носик (рис. 2, 1, 2). Высота сосудов — 9 и 13 см, объем — 0.65 и 1.3 л.

С боковыми ручками (7 экз.). Плоскодонные сосуды с горизонтально прикрепленными к тулову с двух противоположных сторон ручками, как правило, слегка отогнутыми вверх. Ручки отличаются по внешнему виду: есть как в форме дужек (полуколец) (рис. 2, 29, 30), так и в виде ушек (рис. 2, 31–34). По профилю тулова сосуды также различны. Представлены варианты: баночный (рис. 2, 30, 31, 34), горшковидный (рис. 2, 29, 32) и кувшиновидный (рис. 2, 33). По объему отмечены как полноразмерные изделия, так и миниатюрные. Также встречено одно ушко без привязки к какому-либо сосуду. Тулово одного из сосудиков под венчиком оформлено налепным валиком (рис. 2, 32). Высота изделий — от 3 до 13 см, объем — от 0.03 до 0.5 л.

На поддоне (21 экз.). Характерной чертой этих сосудов является наличие поддона. По профилю тулова отмечены варианты: баночный (рис. 2, 11–19, 25) и горшковидный (рис. 2, 20–24).

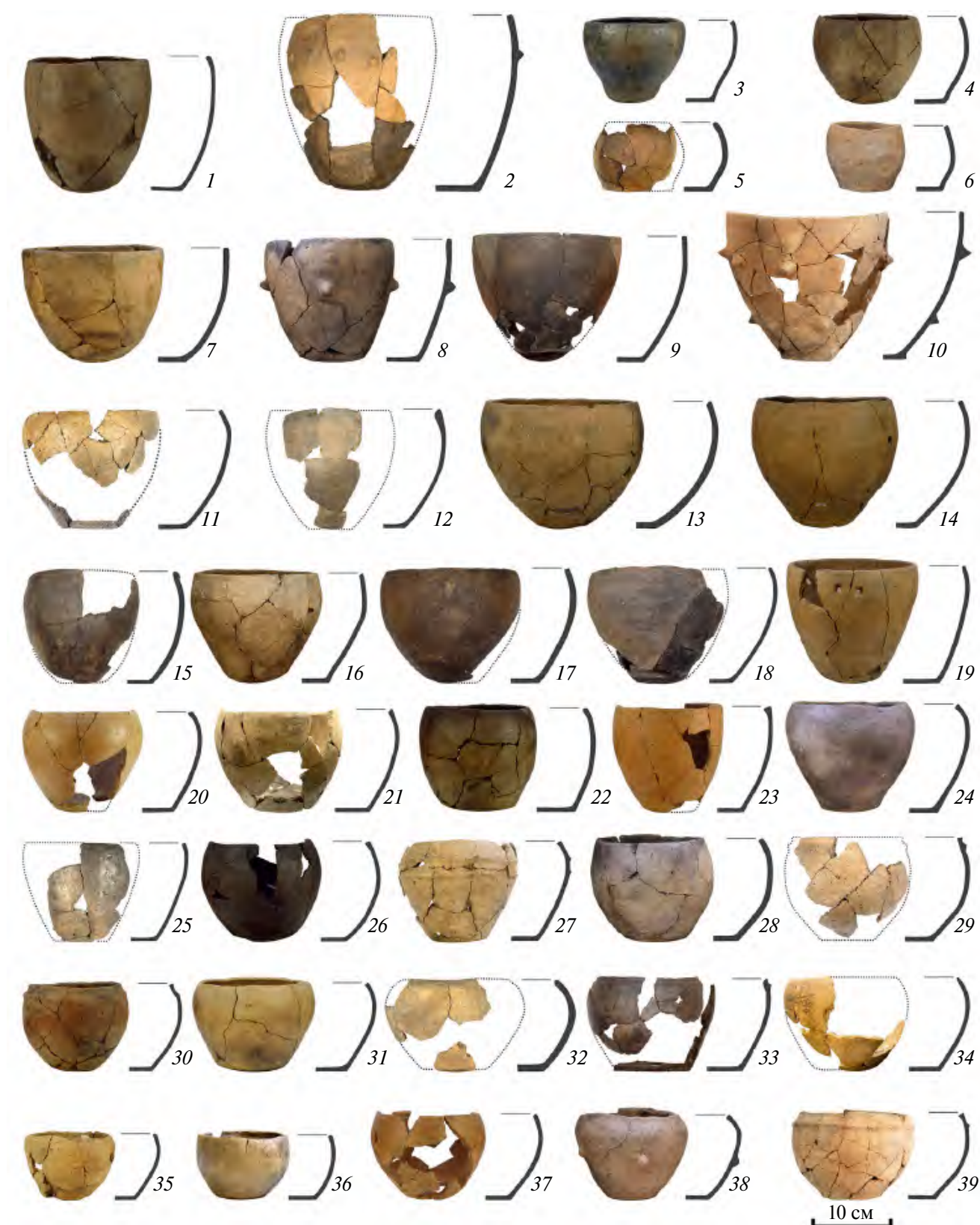

Рис. 1. Баночные сосуды из склепа: 1, 2 – высокие; 3–6 – чугунковидные; 7–10 – прямые; 11–39 – плечные.

Fig. 1. Jar vessels from the crypt: 1, 2 – high; 3–6 – cauldron-shaped; 7–10 – straight; 11–39 – shouldered ones

Рис. 2. Сосуды из склепа: 1, 2 – со сливом; 3, 4 – чашевидные; 5–7 – сферические; 8 – горшковидные; 9, 10 – кувшиновидные; 11–28 – на поддоне; 29–34 – с боковыми ручками.

Fig. 2. Vessels from the crypt: 1, 2 – with a spout; 3, 4 – bowl-shaped; 5–7 – spherical; 8 – pot-shaped; 9, 10 – jug-shaped; 11–28 – on a tray; 29–34 – with side handles

Как правило, такую посуду исследователи дополнительно делят на котловидные (с двумя вертикальными ручками по краю венчика) и кубковидные (без ручек). В рассматриваемой коллекции на большинстве выделенных сосудов

либо сохранились ручки, либо есть следы их откалывания. Исключение составляют два сосуда, где таких признаков не найдено (рис. 2, 20, 21). Однако их венчики представлены фрагментами, поэтому невозможно достоверно установить,

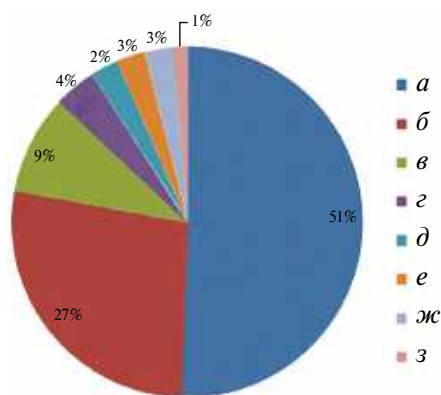

Рис. 3. Количественное соотношение типов посуды в склепе. Условные обозначения: а – баночные (39 ед.), б – на поддоне (21 ед.), в – с боковыми ручками (7 ед.), г – сферические (3 ед.), д – кувшиновидные (2 ед.), е – чашевидные (2 ед.), ж – со сливом (2 ед.), з – горшковидные (1 ед.).

Fig. 3. Quantitative ratio of vessel types in the crypt

были ручки или нет. У трех сосудов ручки вытянуты из венчика, у двух – в виде бугорка с округлым отверстием под ним (рис. 2., 17, 18),

у одного – в виде остроугольного выступа, имитирующего ручки (рис. 2, 25). У четырех сосудов сохранились ручки в форме дужек с выступом на вершине (рис. 2, 11, 13, 14, 19). Достоверно определены габариты 15 сосудов (рис. 2, 11–25); еще три сосуда представлены обломанными поддонами (рис. 2, 26–28), у одного из них при изготовлении проделаны четыре отверстия; три сосуда выделены на основании отдельных венчиков с обломанной дуговидной ручкой.

Тулово четырех восстанавливаемых сосудов украшено одинарным налепным гладким валиком (рис. 2, 12, 14, 18, 20), кроме того, валик отмечен на двух сосудах, выделенных по фрагментам венчика. Сосцевидный выступ представлен на одном сосуде (рис. 2, 11). Высота сосудов на поддоне варьирует от 9 до 16 см, объем – от 0.4 до 1.65 л.

Анализ посуды показал преобладание в ее составе сосудов баночного типа (рис. 3). Для этой формы характерно значительное разнообразие венчиков (рис. 4). Большая их часть встречена на других типах, за исключением вариантов VI

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1												
2												
3												
4												
5												
6												
7												
8												
9												
10												
11												
12												
13												
14												
15												
16												
17												
18												
19												
20												
21												
22												
23												
24												
25												
26												
27												
28												
29												
30												
31												
32												
33												
34												
35												
36												
37												
38												
39												
40												
41												
42												
43												
44												
45												
46												
47												
48												
49												
50												
51												
52												
53												
54												
55												
56												
57												
58												
59												
60												
61												
62												
63												
64												
65												
66												
67												
68												
69												
70												
71												
72												
73												
74												
75												
76												
77												
78												
79												
80												
81												
82												
83												
84												
85												
86												
87												
88												
89												
90												
91												
92												
93												
94												
95												
96												
97												
98												
99												
100												

Рис. 4. Соотношение между типами сосудов и формами венчиков.

Fig. 4. Relationship between vessel types and rim shapes

и VII, которые имеют приотстренный и слегка отогнутый наружу край, под которым нанесен гладкий валик. Такое исполнение тяготеет к венчикам горшковидных сосудов и, вероятно, является промежуточным вариантом. Следующий по численности тип сосудов — на поддоне — также является вторым по разнообразию вариантов венчика. Любопытно, что у этого типа отмечено значительное количество венчиков, присущих горшковидным сосудам (варианты IX, X), тогда как собственно горшковидный тип представлен только одним экземпляром. Вариант XI выступает формообразующим элементом для чашевидных сосудов и встречен один раз (рис. 4).

Необходимо добавить, что, кроме восстанавливаемой посуды, в склепе найдены обломки еще нескольких сосудов, для которых из-за фрагментарности невозможно определить форму и соотнести между собой. Это обломки 4 поддонов, 10 фрагментов плоского дна, 2 обломка ручек-дужек, а также венчики от нескольких сосудов с разным вариантом исполнения: II вариант отмечен у семи сосудов (один с двумя налепными валиками), IV — у четырех (один оформлен двумя налепными валиками), III — у четырех, V — у девяти и IX — у одного.

Вместимость установлена для 53 экз., что составляет 70% от всех выделенных сосудов (рис. 5). В целом график демонстрирует значительный разброс сосудов по объему (от 0.03 до 3.9 л), который находится в прямой зависимости от количества экземпляров в типе и не позволяет выявить какие-либо закономерности. Можно лишь отметить, что сосуды каждого из типов представлены в диапазоне от 0.3 до 1.15 л, в этом же промежутке сосредоточено наибольшее количество посуды. Кроме того, учитывая контекст нахождения керамики в полностью сгоревшем склепе, пока невозможно привязать конкретный сосуд к определенному погребенному и проследить возможную зависимость в изменении размера и формы сосуда от возраста и пола покойника.

В коллекции преобладает баночный тип керамики — 51% от общего числа посуды. Такая керамика бытует продолжительный период и в целом является традиционной для тагарской культуры и сменивших ее тесинской и таштыкской, со временем уменьшаясь в размерах. По подсчетам М.Н. Пшеницыной, к тесинскому времени процентная доля такой керамики в могильниках составляет 70% (Пшеницына, 1992. С. 233).

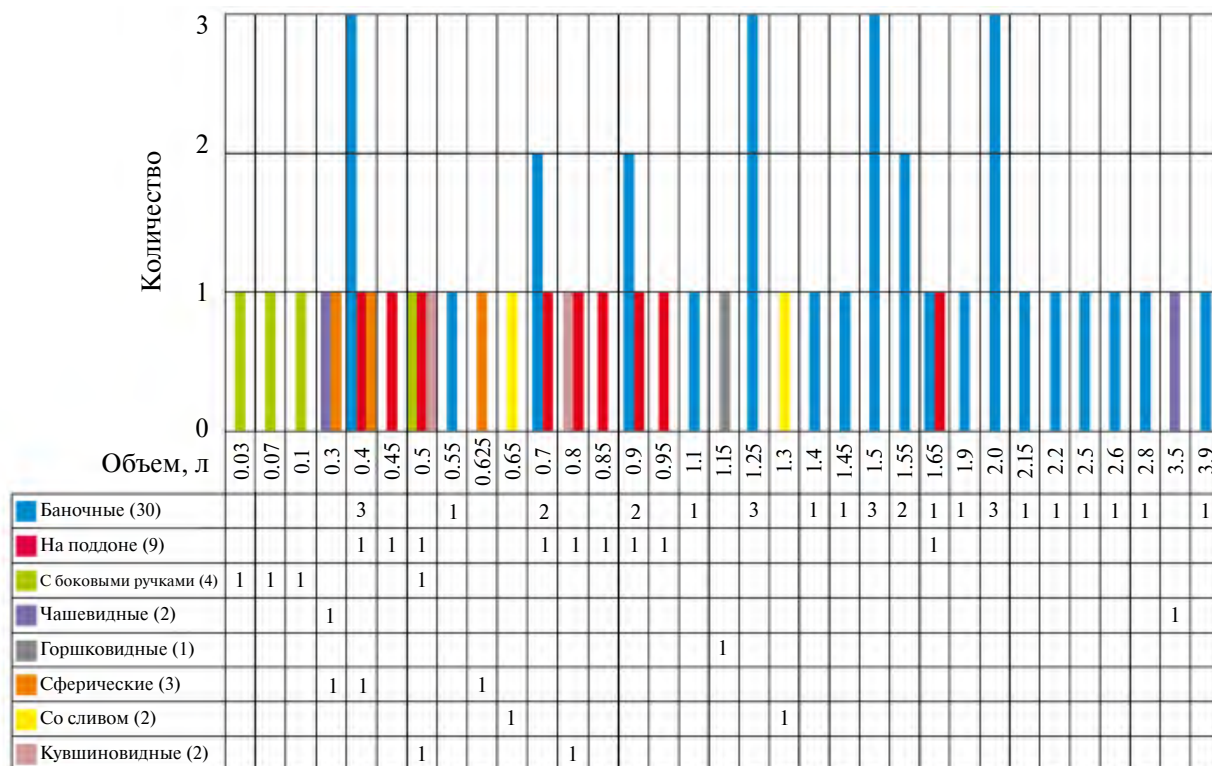

Рис. 5. Распределение типов сосудов по объему.

Fig. 5. Distribution of vessel types by volume

Здесь можно констатировать, что в публикуемой выборке большинство сосудов хоть и баночной формы, но небольших размеров и с явной тенденцией уменьшения в процентном соотношении. В некоторой степени такое распределение посуды, даже с учетом возможных корректировок из-за различий в подходах выделения типов, может указывать на посттагарский характер.

Несколько форм сосудов являются производными от баночных и встречаются с позднетагарского времени. Сосуды со сливом отмечены в Минусинских котловинах и являются одним из признаков лепешкиных погребальных комплексов, которые датируются в пределах III – нач. I в. до н.э. (Кузьмин, 2011. С. 219; Герман, 2017. С. 23). Такая посуда также характерна для курганов Ачинско-Мариинской лесостепи с III в. до н.э. (Мартынов, 1979. С. 84). Сосуды в виде чашек и плошек, по-видимому, начинают свое бытование в тесинских курганах и продолжают в таштыкских комплексах (Кызласов, 1960. С. 53; Кузьмин 2011. С. 203). В лесостепном районе такая посуда получила значительное развитие в тагаро-таштыкский период во II–I вв. до н.э. (Мартынов, 1979. С. 63). Сосуды сферической формы появляются в тесинское время в Минусинских котловинах и лесостепной зоне (Мартынов, 1979. С. 84; Пшеницына, 1992. С. 233; 443. Табл. 93, 19).

Горшки с разной степенью выраженности плечиков с отогнутым наружу венчиком не свойственны тагарской традиции, они возникают в тесинской и бытуют в последующей таштыкской культуре (Кызласов, 1960. С. 45; Савинов, 2009. С. 60).

Отогнутый наружу венчик встречен и на сосудах с поддоном – втором по численности типе посуды из склепа (27%). Сами сосуды, как не раз отмечалось в литературе, воспроизводят форму бронзовых котлов, бытовавших в тагарское время. И если сосуды на низком поддоне и с широким туловом можно связывать с сарагашенской традицией (Савинов, 2009. С. 60), то появление сосудов с отогнутым наружу венчиком приурочено уже к раннетесинскому этапу (Кузьмин, 2011. С. 201). Кроме того, обращают на себя внимание остроугольные выступы вместо ручек на одном из сосудов (рис. 2, 25). Подобные выступы уже встречались на венчике баночного сосуда из кургана в окрестностях Красноярска (Николаев, 1963. С. 95. Табл. 2, 2). Такое оформление венчика не известно на тагарской посуде, но характерно для тагаро-таштыкского времени и позднее.

Вероятно, это пришлая традиция, которую нужно связывать с Тувой (Кызласов, 1960. С. 41, 42).

Выраженным индикатором тесинских погребальных комплексов являются сосуды кувшиновидной формы, которые прямо сопоставляются с образцами хуннской керамической традиции (Пшеницына, 1979. С. 85; Савинов, 2009. С. 60). Кроме того, в этом типе необходимо отметить сосуд довольно редкой формы (рис. 2, 9), по облику он близок сосуду из могильника скифского времени Тузовские Бугры I в Барнаульском Приобье (Абдулганеев и др., 2005. С. 25. Рис. 5, 5).

Сосуды с боковыми ручками являются довольно частой находкой в красноярских курганах (семь случаев). Подобная посуда эпизодически встречается в разных культурных общностях по всему евразийскому степному поясу. В ареале тагарской культуры она известна преимущественно по раскопанным курганам лесостепной Ачинско-Мариинской и Красноярской зоны, где она представлена в значительном количестве. А.И. Мартынов относил такую керамику ко II–I вв. до н.э. и проводил аналогии с посудой хунну, встреченной в материалах Иволгинского городища (Мартынов, 1979. С. 89). В Ачинско-Мариинской лесостепи подобные сосуды названы «сосудами с роговидными ручками» – как правило, у таких изделий ручки в виде массивных выступов, загнутых кверху, напоминающих рога (Там же. С. 61). В то же время для Красноярской лесостепи такая посуда получила наименование «сосуды с ручками в виде горизонтально расположенных треугольников», а рогатой названа посуда с сосцевидными налепами (Николаев, 1980. С. 242). На примере рассматриваемых в публикации материалов очевидно, что на таких сосудах могут быть встречены как дуговидные ручки, так и ушки, в том числе роговидной формы. Ввиду этого подобные сосуды уместнее называть «с боковыми ручками», какой бы формы они не были.

Любопытно, что выполненные в глине сосуды с ручками в виде дужек встречены впервые. Известные им аналогии сделаны из бронзы и происходят из северных тесинских склепов (Вадецкая, 1999. С. 150. Рис. 77; Кузьмин, 2011. С. 195. Рис. 39). В Шестаковском могильнике (кург. 2, мог. 1) внутри сосуда лежали три полых бронзовых шарика (Мартынов и др., 1971. С. 28. Рис. 12), что может подразумевать использование этих сосудов как курильниц.

В южных тесинских курганах сосуды с боковыми ручками пока не найдены. Но в

коллекциях Минусинского краеведческого музея хранятся аналогичный лесостепным сосудик без указания местонахождения и ушко сосуда из насыпи кургана № 5 у с. Сыда (раскопки С.В. Киселева, 1929 г.) (МКМ А ОФ-9830/5; МКМ А ОФ-9786/43). Вероятно, что с вводом в научный оборот результатов давних и новейших раскопок курганов позднетагарского времени количество таких сосудов должно возрасти.

Как уже отмечалось выше, для тагарской культуры сосуды с боковыми ручками не свойственны и являются пришлым компонентом. Кроме хунну, эта традиция тяготеет к лесостепному и Северному Алтаю, где в коллективных погребениях V–IV вв. до н.э. встречена подобная посуда (Тишкин и др., 2022. С. 81).

Поверхность большинства сосудов из публикуемой коллекции залощена. На некоторых ярко выражено вертикальное направление лощения, что характерно для тесинской традиции (Кузьмин, 2011. С. 199) и, вероятно, может являться подражанием вертикальному лощению хуннской посуды. Орнамент редок и представлен наклепными элементами. Оформление тулова опоясывающим одинарным или парным валиком встречено у баночного и кувшиновидного типов, а также у сосудов с боковыми ручками и на поддоне. Валик для орнаментации тагарской посуды не использовался и получил широкое распространение только на тесинском этапе (Пшеницына, 1992. С. 233). Если наличие валика у сосудов на поддоне можно объяснить имитацией тяг бронзовых котлов сарагашенского этапа, то появление такого орнамента на сосудах без поддонов должно связываться с тувинскими традициями, где керамика, украшенная как одинарными, так и множественными валиками, широко распространена на различной посуде скифского времени (Семенов, 2003. С. 48).

Второй вид орнамента – сосцевидные налепы – в основном преобладает на баночной посуде, но отмечен один случай в виде короткого налепа у сосуда на поддоне. Традиция украшать подобным образом сосуда является «визитной карточкой» красноярских курганов и встречена восемь раз. В одном случае налепы выполнены в форме загнутого вверх стержня, напоминая рожки (Николаев, 1980. С. 242–244). Долгое время считалось, что в подобном оформлении посуды проявляется своеобразие тагарской культуры красноярского района. Но для тагарской культуры присутствие на посуде выпуклых налепов не характерно и отмечено на ранней стадии у единичных сосудов (Членова, 1992. С. 212). Такая

орнаментация керамики получила развитие в тесинский период.

Ближайший район, где встречена посуда с сосцевидными налепами, находится в Назаровской котловине. Это находка небольшого сосуда из могильника тесинского времени Ионов Мыс (раскопки М.Н. Пшеницыной, 1983 г., материалы не опубликованы, культурная принадлежность четко не установлена), где также найден сосудик с боковыми ручками (КМАЭЭ ОФ 10), и несколько сосудов «с рожками» из тесинских курганов в окрестностях г. Шарыпово (Красниенко, 1992. С. 43; 2010). Однако остается неясным, какие «рожки» имелись в виду в последнем случае.

Четыре факта нахождения сосудов с сосцевидными налепами выявлены в Чулымо-Енисейской котловине (Кузьмин, 2011. С. 194. Рис. 38). Среди них отдельно стоит выделить находку подобного сосуда в могильнике Интикуль, кург. 9 (Цыганков, 2003. С. 178. Рис. 1). Его налепы загнуты вверх, что сближает его с одним из красноярских аналогов. Автор публикации отнес данный курган к сарагашенскому этапу, однако в керамической коллекции, кроме баночной посуды, присутствует кувшиновидный сосуд, что предполагает принадлежность этого кургана к тесинскому времени.

На юге Минусинских котловин такие сосуда пока редки. Один встречен в тесинском кургане Степновка II (кург. 1) (Кузьмин, 2011. С. 194. Рис. 38), второй – в кургане в низовье р. Камышты (раскопки А.Н. Липского, 1949 г.) (Николаев, 1963. С. 99). По мнению Н.Ю. Кузьмина, культурная принадлежность последнего неоднозначна, но исследователь отнес его к лепешкинскому типу, синхронному раннетесинскому времени (Кузьмин, 2011. С. 42, 43).

Как и в случае с валиками, традиция украшать сосуды налепами в виде шишечек и ушек пришла и, вероятно, ее необходимо связывать с Тувой, где такие налепы характерны для посуды скифского и постскифского времени (Семенов, 2003. С. 25, 26).

Любопытно, что в керамических комплексах склепов центральных и северных районов Минусинских котловин отмечается более частое присутствие наклепного декора по сравнению с южными (Кузьмин, 2011. С. 201). Кроме того, сосуды, украшенные сосцевидным налепом, тяготеют к долине Енисея, тогда как на керамике погребальных комплексов Ачинско-Мариинской лесостепи такой налеп не распространен.

Вероятно, что для этого района традиция выступающих элементов не получила развития, либо реализовывалась через «роговидные» ручки, которые нередко выполнены в виде загнутых вверх стержневидных выступов.

В контексте рассматриваемой коллекции отдельно необходимо выделить сосуд, имеющий, кроме сосцевидных налепов, еще и нестандартное четырехгранное дно (рис. 6, 1). Прямых аналогий такому сосуду неизвестно, однако здесь напрашиваются очевидные параллели с посудой многогранной формы, которая появляется и широко распространяется на тесинском этапе (Пшеницына, 1979. С. 85). В совокупности с сосцевидными налепами этот сосуд с уверенностью можно отнести к тесинской керамической традиции.

Кроме вышеописанной керамики, в склепе найдены фрагменты одного сосуда, выбивающегося из общей системы и вынесенного за рамки предложенной типологии. Сосуд имеет горшковидную форму со слегка отогнутым наружу венчиком, низкой шейкой, раздутым туловом и закругленным плоским дном (рис. 6, 2). Его особенностью является наличие на тулове зигзагообразной выколотки (рис. 6, 3), которая не известна на тагарской и тесинской посуде, но свойственна таежным культурам. Этот горшок необходимо рассматривать в совокупности с несколькими черепками от двух сосудов, найденных за пределами склепа у границы бывшей земляной насыпи. Их внешняя поверхность оформлена вафельными и рубчатыми оттисками. Подобный орнамент уже встречался на отдельных черепках из красноярских курганов

(Дэвлет, 1964). Вслед за М.А. Дэвлет автор склонен относить такую керамику к автохтонному населению, проживавшему на территории Красноярской лесостепи до появления здесь носителей «курганных» традиций в тесинское время. По происхождению эта общность могла быть близка лесным культурам, но со скотоводческим хозяйственным укладом (Максименков, 1970. С. 15–17). Попытка дать возможную характеристику этому населению сделана автором настоящей статьи в музейном сборнике, посвященном В.Г. Карцову (Виноградов, 2024). Очевидно, наличие такой керамики в материалах некоторых красноярских курганов является свидетельством контактов двух групп населения. При этом нет никаких оснований полагать, что культура пришельцев с юга как-то видоизменилась в результате этой коммуникации.

Обращают на себя внимание и некоторые особенности керамического комплекса склепа — разнообразие типов и большее количество сосудов с сосцевидными налепами и боковыми ручками в сравнении с аналогичными курганами. Позднее налепы и боковые ручки продолжают свое развитие в таштыкской культуре, иногда сочетаясь на одном сосуде. Кроме того, некоторые формы посуды из склепа в тесинской культуре зачастую встречены только в грунтовых погребениях. Данные наблюдения демонстрируют известную индивидуальность и вариативность признаков, присущую тесинским могильникам.

Анализ публикуемой керамической коллекции позволил определить ее культурную принадлежность. При сохранении тагарской

Рис. 6. Баночный сосуд с сосцевидным налепом и четырехгранным дном (1) и сосуд с зигзагообразной выколоткой (2, 3).

Fig. 6. A jar vessel with a mastoid slip and tetrahedral bottom (1) and a vessel with zigzag stamping (2, 3)

первоосновы, керамика комплекса имеет явные черты тесинской культурной традиции. Кроме количественно преобладающих банок и сосудов на поддоне, известных в тагарской культуре, отмечены формы и элементы декора, ей не свойственные, но характерные для тесинских могильников. На некоторых сосудах выявлены признаки, присущие керамике населения с территории Тувы и Алтая, а также традициям хунну, что соотносится с гипотезой о формировании тесинской культуры на основе местных и пришлых культурных элементов, произошедшем, вероятно, на рубеже III–II вв. до н.э. (Кузьмин, 2011. С. 237). Показательно, что тесинские черты выявлены на керамике из кургана в Красноярской лесостепи – территории достаточно удаленной от основного ареала культуры, что иллюстрирует масштаб миграционных процессов этой эпохи.

Вместе с тем возникает вопрос – насколько такая ситуация распространяется на керамические комплексы курганов лепешкинского типа тагарской культуры, которые схожи с раннетесинскими и синхронны им (Савинов, 2009. С. 63; Кузьмин, 2011. С. 168)? По мнению автора, в конкретном случае черты, выявленные у публикуемой керамики, являются следствием инфильтрации пришлых традиций в тагарскую среду и должны свидетельствовать об уже свершившейся трансформации культурных признаков в тесинские. Кроме того, необходимо добавить, что проблема взаимоотношения лепешкинских и раннетесинских комплексов требует не только специального изучения (Савинов, 2009. С. 63), но и отдельного обсуждения в кругу исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. Комплекс скифского времени на могильнике Тузовские Бугры-I // Кузнецкая старина. Вып. 7. Новокузнецк: Музей «Кузнецкая крепость», 2005. С. 5–27.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с.
- Виноградов Д.А. К вопросу о тагарской культуре в Красноярской лесостепи // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: сб. науч. ст. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2023. С. 18–22.
- Виноградов Д.А. Ранний железный век в Красноярской лесостепи: основные гипотезы и новые данные // В.Г. Карцов в археологии, истории и педагогике. Научное наследие ученого и вопросы его современного осмысления: сб. науч. ст. к 120-летию со дня рождения. Красноярск: Красноярский краевой краевед. музей, 2024. С. 146–160.
- Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // Советская археология. 1973. № 1. С. 114–135.
- Герман П.В. К проблеме периодизации тагарской культуры: этап и тип // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. II. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2017. С. 19–25.
- Дэвлет М.А. К вопросу о тагаро-таштыкских взаимоотношениях // Советская археология. 1961. № 4. С. 78–83.
- Дэвлет М.А. Керамика позднетагарских курганов Красноярского района // Советская археология. 1964. № 2. С. 205–210.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 638 с.
- Красниенко С.В. Курганы «Лепешкинского» типа в окрестностях г. Шарыпово // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии приенисейского края. Т. II. Красноярск: Красноярский гос. ун-т: Красноярский краевой краевед. музей, 1992. С. 42–43.
- Красниенко С.В. Гунно-сарматское время на севере Минусинской котловины (археологические данные) // Древние культуры Евразии: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама (Санкт-Петербург, 13–15 декабря 2010 г.). СПб.: Инфо Ол, 2010. С. 167–171.
- Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.
- Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). М.: Московский гос. ун-т, 1960. 198 с.
- Максименков Г.А. О некоторых особенностях культуры эпохи раннего железа в лесостепи Восточной Сибири (в связи с находкой погребения в Канске) // Известия лаборатории археологических исследований. Вып. 2. Кемерово: Кемеровский гос. пед. ин-т, 1970. С. 12–17.
- Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Сибирское отд-ние АН СССР, 1979. 208 с.
- Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы. Кемерово: Кемеровский гос. пед. ин-т, 1971. 250 с.
- Николаев Р.В. Курганы тагарской эпохи у Красноярска // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1963. С. 93–106.
- Николаев Р.В. Красноярский вариант тагарской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1980. С. 239–247.

- Пшеницына М.Н. Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 150–165.
- Пшеницына М.Н. Тесинский этап // Грязнов М.П., Завитухина М.П., Комарова М.Н. и др. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 70–89.
- Пшеницына М.Н. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992 (Археология СССР). С. 224–235.
- Савинов Д.Г. Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб.: ЭлектСис, 2009. 226 с.
- Семенов Вл.А. Суглуг-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 240 с.
- Тишкин А.А., Бондаренко С.Ю., Му Ц., Семибратов В.П. Керамические сосуды из коллективного погребения в кургане пазырыкской культуры (Северный Алтай) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 4 (59). С. 73–84.
- Цыганков И.Н. Сравнительный анализ керамических комплексов в коллективных захоронениях саргашенского этапа тагарской культуры из Новоселовского и Бейского районов Хакасии // Степи Евразии в древности и средневековье: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова (Санкт-Петербург, 20–24 марта 2002 г.). Т. II. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. С. 177–180.
- Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992 (Археология СССР). С. 206–224.

CERAMIC WARE FROM THE MOUND OF TESINSKAYA PERIOD IN KRASNOYARSK

Dmitry A. Vinogradov*

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

*E-mail: vindim0408@mail.ru

The article discusses a collection of ceramic ware obtained during excavations in the mound of the Tesinskaya period within the city limits of Krasnoyarsk in 2021–22. Based on existing classifications and pottery analysis, 76 vessels from the filling of a crypt with a collective burial were characterized. The research showed that the basis of the collection are vessels characteristic of the Tagar-Tashtyk period and having analogies in the materials from the burial mounds of the Achinsk-Mariinsk forest-steppe and the Minusinsk Basin. At the same time, the sample includes shapes and ornaments typical of the pastoralists' pottery from Tuva, Altai and Transbaikalia, which, based on a combination of factors, makes it possible to attribute the published ware to the pottery tradition of the Tesinskaya culture of the late 1st millennium BC.

Keywords: Krasnoyarsk forest-steppe, Early Iron Age, Tagar culture, Tesinskaya culture, ceramics.

REFERENCES

- Abdulganeev M.T., Kiryushin Yu.F., Frolov Ya.V., 2005. Complex of the Scythian period at the Tuzovskie Burgry-I burial ground. *Kuznetskaya starina [Kuznetsk antiquity]*, 7. Novokuznetsk: Muzei «Kuznetskaya krepost'», pp. 5–27. (In Russ.)
- Chlenova N.L., 1992. Tagar culture. *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppe zone of the Asian part of the USSR in Scythian-Sarmatian period]*. Moscow: Nauka, pp. 206–224. (Arkheologiya SSSR). (In Russ.)
- Devlet M.A., 1961. On the Tagar-Tashtyk relations. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 4, pp. 78–83. (In Russ.)
- Devlet M.A., 1964. Ceramics of the Late Tagar mounds in Krasnoyarsk District. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 2, pp. 205–210. (In Russ.)
- Gening V.F., 1973. Programme for statistical processing of pottery from archaeological excavations. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 1, pp. 114–135. (In Russ.)
- German P.V., 2017. On the periodization of the Tagar culture: Stage and type. *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Barnaule — Belokurikhe [Works of the V (XXI) All-Russian Archaeological congress in Barnaul — Belokurikha]*, II. Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 19–25. (In Russ.)
- Kiselev S.V., 1951. Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri [Early history of South Siberia]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 638 p.
- Krasnienko S.V., 1992. Mounds of the “Lepyoshki” type in the vicinity of Sharypovo. *Problemy arkheologii, istorii, kraevedeniya i etnografii prieniseyskogo kraya [Issues of archaeology, history, local history and ethnography of the Yenisei region]*, II. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gosudarstvennyy universitet: Krasnoyarskiy kraevoy kraevedcheskiy muzey, pp. 42–43. (In Russ.)

- Krasnienko S.V., 2010. The Hunnic-Sarmatian period in the north of the Minusinsk Basin (archaeological data). *Drevnie kul'tury Evrazii: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.N. Bernshtama* (Sankt-Peterburg, 13–15 dekabrya 2010 g.) [Ancient cultures of Eurasia: Proceedings of the International scientific conference to the 100th anniversary of A.N. Bernshtam (St. Petersburg, December 13–15, 2010)]. St. Petersburg: Info OL, pp. 167–171. (In Russ.)
- Kuz'min N.Yu., 2011. Pogrebal'nye pamyatniki khunno-syan'biyskogo vremeni v stepyakh Srednego Eniseya: Tesinskaya kul'tura [Burial sites of the Xiongnu-Sianbei period in the steppes of the Middle Yenisei: Tesinskaya culture]. St. Petersburg: Aysing. 456 p.
- Kyzlasov L.R., 1960. Tashtytskaya epokha v istorii Khakassko-Minusinskoy kotloviny (I v. do n.e. – V v. n.e.) [Tashtyk period in the history of the Khakass-Minusinsk Basin (1st century BC – 5th century AD)]. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet. 198 p.
- Maksimenkov G.A., 1970. Some features of the Early Iron Age culture in the forest-steppe of Eastern Siberia (in connection with the find of a burial in Kansk). *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy* [News of the Laboratory of Archaeological Research], 2. Kemerovo: Kemerovskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut, pp. 12–17. (In Russ.)
- Martynov A.I., 1979. Lesostepnaya tagarskaya kul'tura [Forest-steppe Tagar culture]. Novosibirsk: Sibirskoe otdelenie Akademii nauk SSSR. 208 p.
- Martynov A.I., Martynova G.S., Kulemzin A.M., 1971. Shestakovskie kurgany [Shestakovo mounds]. Kemerovo: Kemerovskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut. 250 p.
- Nikolaev R.V., 1963. Mounds of the Tagar period near Krasnoyarsk. *Materialy i issledovaniya po arkheologii, etnografii i istorii Krasnoyarskogo kraya* [Materials and studies on archaeology, ethnography and history of Krasnoyarsk Territory]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 93–106. (In Russ.)
- Nikolaev R.V., 1980. Krasnoyarsk variant of the Tagar culture. *Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo* [Scythian-Siberian cultural and historical unity]. Kemerovo: Kemerovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 239–247. (In Russ.)
- Pshenitsyna M.N., 1975. The third type of sites of the Tesinskaya stage. *Pervobytnaya arkheologiya Sibiri* [Pre-historical archaeology of Siberia]. Leningrad: Nauka, pp. 150–165. (In Russ.)
- Pshenitsyna M.N., 1979. Tesinskaya stage. Gryaznov M.P., Zavitukhina M.P., Komarova M.N. et. al. *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Enisee* [Complex of archaeological sites at Mount Tepsey on the Yenisei]. Novosibirsk: Nauka, pp. 70–89. (In Russ.)
- Pshenitsyna M.N., 1992. Tesinskaya stage. *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Steppe zone of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian period]. Moscow: Nauka, pp. 224–235. (Arkheologiya SSSR). (In Russ.)
- Savinov D.G., 2009. Minusinskaya provintsiya khunnu (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy 1984–1989 gg.) [Minusinsk province of the Xiongnu (based on archaeological research materials from 1984–1989)]. St. Petersburg: ElekSis. 226 p.
- Semenov V.A., 2003. Suglug-Khem i Khayyrakan – mogil'nik skifskogo vremeni v Tsentral'no-Tuvinskoy kotlovine [Suglug-Khem and Khayyrakan – burial grounds of the Scythian period in the Central Tuvan basin]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 240 p.
- Tishkin A.A., Bondarenko S.Yu., My Ts., Semibratov V.P., 2022. Ceramic vessels from a collective burial in the mound of the Pazyryk Culture (Northern Altai). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii], 4 (59), pp. 73–84. (In Russ.)
- Tsygankov I.N., 2003. Comparative analysis of ceramic complexes from collective burials of the Saragash stage of the Tagar culture in Novoselovo and Beya Districts of Khakassia. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya Mikhaila Petrovicha Gryaznova* (Sankt-Peterburg, 20–24 marta 2002 g.) [The steppes of Eurasia in ancient times and the Middle Ages: Proceedings of the International scientific conference to the 100th anniversary of Mikhail Petrovich Gryaznov (Saint Petersburg, 20–24 March, 2002)], II. St. Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, pp. 177–180. (In Russ.)
- Vadetskaya E.B., 1999. Tashtytskaya epokha v drevney istorii Sibiri [Tashtyk period in the ancient history of Siberia]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 440 p.
- Vinogradov D.A., 2023. On the Tagar culture in the Krasnoyarsk forest-steppe. *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziyskoy arkheologii: sbornik nauchnykh statey* [Modern solutions to topical issues of Eurasian archaeology: Collected papers]. Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 18–22. (In Russ.)
- Vinogradov D.A., 2024. The Early Iron Age in the Krasnoyarsk forest-steppe: main hypotheses and new data. *V.G. Kartsov v arkheologii, istorii i pedagogike nauchnoe nasledie uchenogo i voprosy ego sovremennogo osmysleniya: k 120-letiyu so dnya rozhdeniya* [V.G. Kartsov in archaeology, history and pedagogy, the scientific heritage of the researcher and its modern understanding: to the 120th anniversary of his birth]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy kraevoy kraevedcheskiy muzey. (In print). (In Russ.)

КРЕМАЦИОННЫЕ ПЛОЩАДКИ I–II ВВ. Н.Э. НА НЕКРОПОЛЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

© 2025 г. В.В. Вахонеев^{1,2,*}

¹Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

²Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

*E-mail: vvykerch@mail.ru

Поступила в редакцию 20.03.2025 г.

После доработки 14.04.2025 г.

Принята к публикации 22.04.2025 г.

Статья посвящена исследованию уникального археологического комплекса кремационных площадок (*ustrina*), открытых в 2021–2023 гг. в южном пригороде Херсонеса Таврического. В ходе раскопок было выявлено 342 объекта, датируемых второй половиной I–II в. н.э. Впервые проведен детальный анализ конструктивных и функциональных особенностей *ustrina*, включая устройство и ориентацию поддувал, многократность использования отдельных площадок и специфику погребального инвентаря. Выявлены пространственные закономерности размещения площадок относительно городской инфраструктуры и погребальных сооружений некрополя. Полученные данные существенно уточняют представления о кремационном обряде в Херсонесе и позволяют по-новому взглянуть на региональные особенности его реализации под влиянием римских погребальных практик. Результаты исследования имеют важное значение для реконструкции социальной и ритуальной жизни античного Херсонеса, а также для изучения культурных процессов на периферии Римской империи.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, кремационная площадка, *ustrinum*, некрополь, кремация, погребальный обряд, античность, Римская империя.

DOI: 10.7868/S3034577425040045

Южный пригород Херсонеса представляет собой значимую археологическую зону с богатым комплексом погребальных объектов античного периода (рис. 1). Среди них особое место занимают *ustrina* — кремационные площадки, отражающие существование традиции кремации в регионе. В отличие от ингумации, кремация предполагала сжигание тела с последующим захоронением останков в специально подготовленных местах. Причины выбора данного обряда могли включать религиозные убеждения, санитарные соображения и влияние этнокультурных традиций.

В ходе раскопок южного пригорода Херсонеса было обнаружено 342 кремационные площадки. Все они датируются второй половиной I–II в. н.э. Эти объекты представляли собой прямоугольные в плане ямы средних размеров, впущенные в более древний культурный слой и имеющие сильно прокаленные глиняные стенки и дно. Эта особенность позволила достаточно

легко локализовывать их еще на стадии обнаружения (рис. 2, 1, 2). Глубина объектов варьировалась в среднем от 0.15 до 0.6 м. Большинство площадок были ориентированы в направлении юго-запад — северо-восток. Характерной особенностью большинства комплексов было наличие специального отверстия с каналом воздуховода в центре одной из длинных стен ямы, интерпретируемых в качестве поддувал. Они сохранились в 66% случаев (225 площадок). В основном под давлением грунта воздуховоды обрушались, но в нескольких случаях они были обнаружены целыми (рис. 2, 3, 4). Очевидно, для разжигания костра в устье поддувала устанавливались меха.

Некоторые площадки содержали несколько слоев пепла и золы, что указывает на их многократное использование.

Из общего количества площадок по своим конструктивным особенностям выделяется только одна — объект 112 раскопа 4 (рис. 3). Она представляла собой прямоугольную яму,

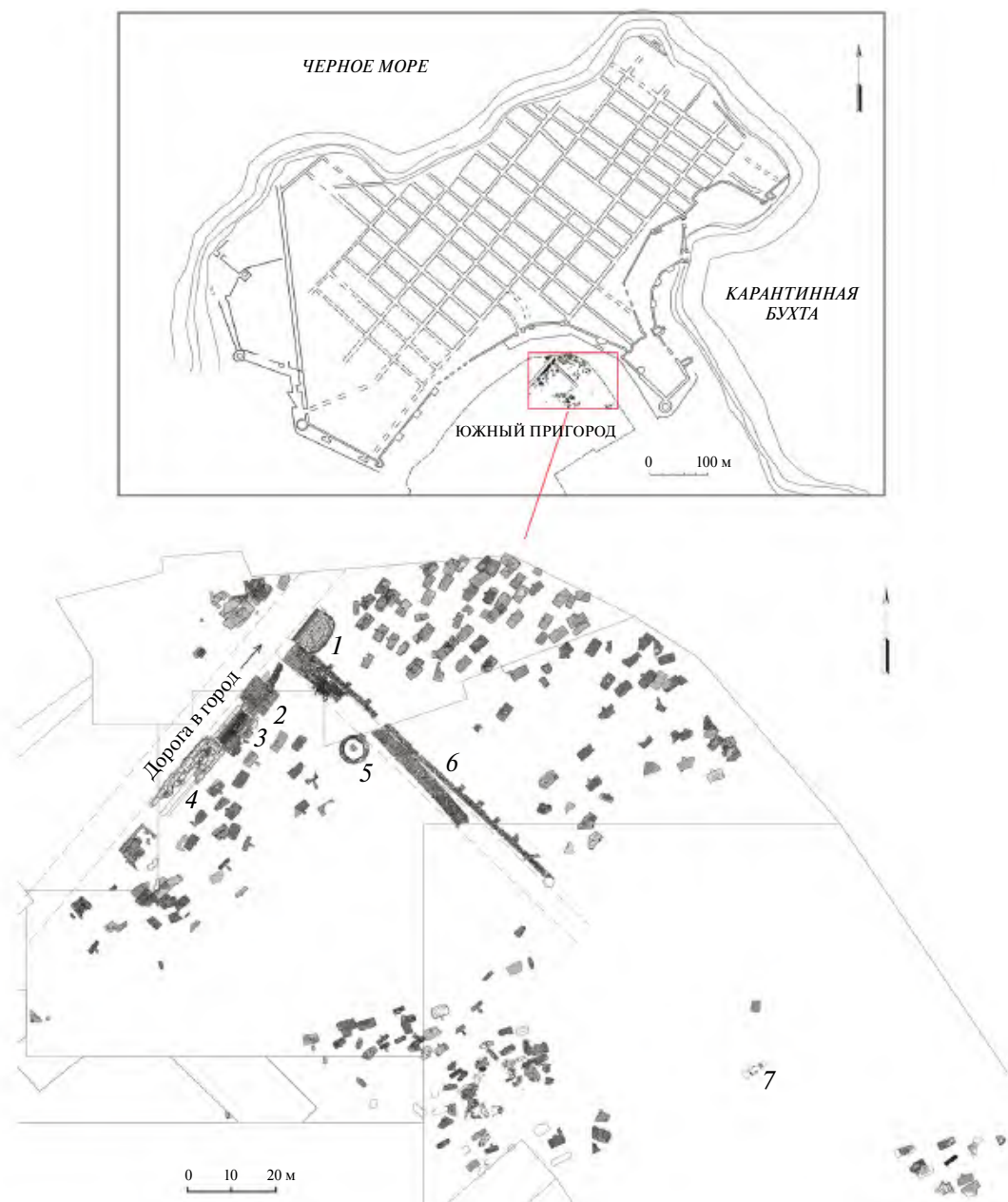

Рис. 1. План северной части южного пригорода Херсонеса по уровню объектов I–II вв. н.э.: 1, 2 – экседры; 3 – склеп-колумбарий; 4 – плитовые могилы; 5 – толос; 6 – проулок; 7 – подземный склеп-колумбарий. Остальные объекты – кремационные площадки.

Fig. 1. Plan of the northern part of the southern suburb of Chersonesus at the level of objects from the 1st–2nd centuries AD: 1, 2 – exedras; 3 – columbarium crypt; 4 – slab graves; 5 – tholos; 6 – alley; 7 – underground columbarium crypt. The remaining objects are cremation sites

выложенную по дну 12 прямоугольными обожженными глиняными плитами в четыре ряда по три штуки. Площадка была обрамлена по периметру невысокими бортами из слоя прокаленной глины. Почти во всех плитках имелось небольшое круглое отверстие. На плитах в центре площадки лежал слой из золы и угля. Судя по сложности погребальной конструкции,

можно предположить, что данная кремационная площадка использовалась неоднократно одной семьей. Такие площадки иногда называются «permanent ustrina» (Polfer, 2000. P. 31).

Находка большого количества кремационных площадок в ходе раскопок южного пригорода Херсонеса подтверждает выводы исследователей о распространении на территории некрополя

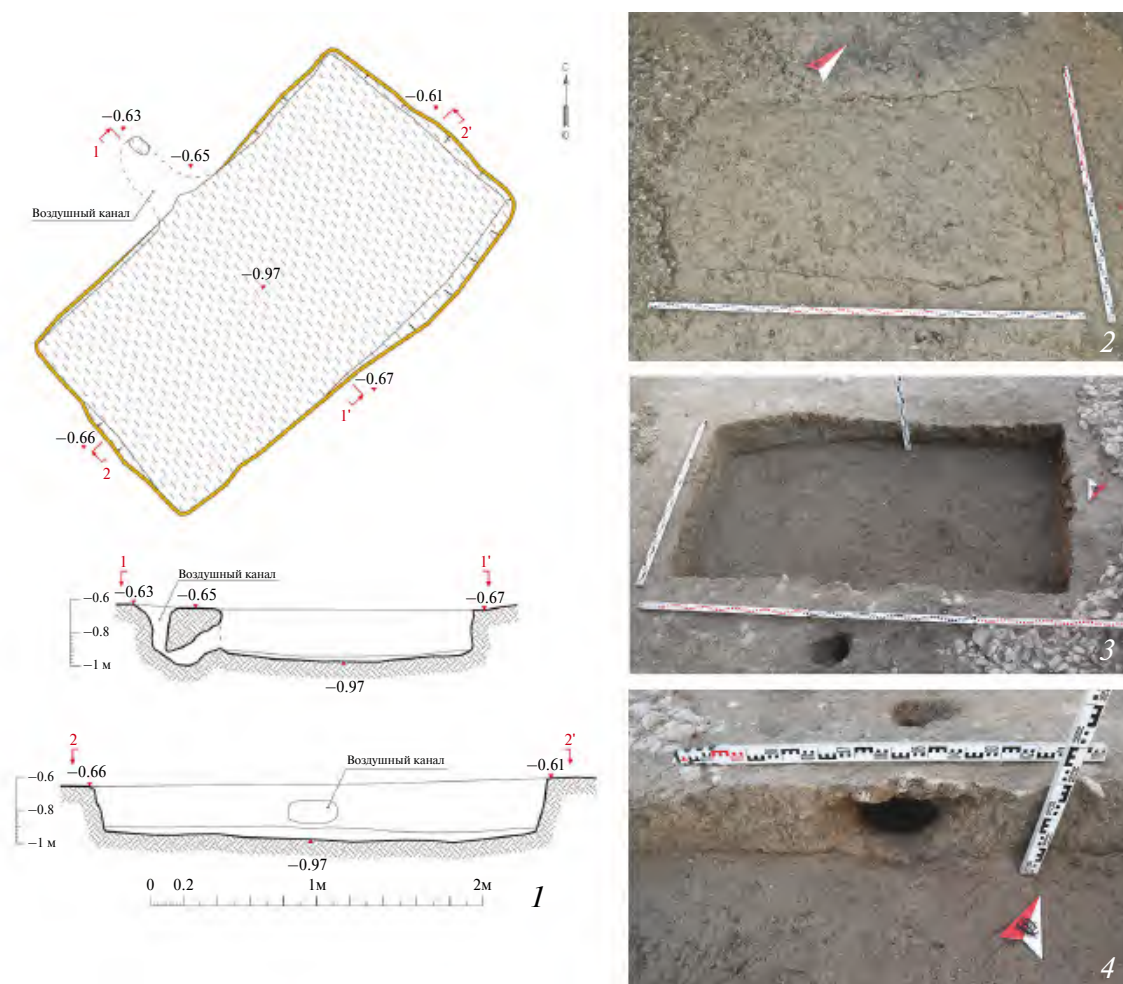

Рис. 2. Раскоп 21, объект 30, кремационная площадка № 2: 1 — план и разрезы; 2 — контуры по выявлению; 3 — после расчистки; 4 — поддувало.

Fig. 2. Excavation unit 21, object 30, cremation site No. 2: 1 — plan and cross-sections; 2 — upon identification; 3 — after clearing; 4 — a blowout

практики «трупосожжений на месте» (Косцюшко-Валюжинич, 1912. С. 133; Супрун, 2014. С. 29). Киевский исследователь В.М. Зубарь в фундаментальном труде о некрополе Херсонеса римского времени проанализировал все известные к началу 1980-х годов «случаи сожжения». По его подсчетам, римским временем датируются 443 подобных объекта, из которых 357 он относил к трупосожжениям на специально предназначенных для этого площадках с последующим перезахоронением праха в урнах, остальные же рассматривал как сожжения непосредственно в могилах (Зубарь, 1982. С. 51, 52). Обнаружение нового скопления подобных объектов на участке некрополя, получившем название Южный пригород, позволяет существенно уточнить ряд аспектов кремационного обряда в первые века н.э., а также выявить особенности топографии

и планировочной структуры этой территории в целом. Важно также подчеркнуть, что полученные новые данные не подтверждают высказанное ранее предположение о том, что подобные площадки могли быть остатками поминальных тризн (Зубарь, 1982. С. 52).

Этот факт требует детального анализа аналогий в первую очередь на просторах Римской империи во временном диапазоне I–II вв. н.э. Более того, определенные свидетельства обряда кремации содержатся и в немногочисленных письменных источниках этого периода¹.

Одним из важнейших элементов римского погребального обряда была кремация, проводимая в специально отведенных местах, известных

¹Обзор письменных источников о сооружении римского погребального костра см. (Noy, 2000a).

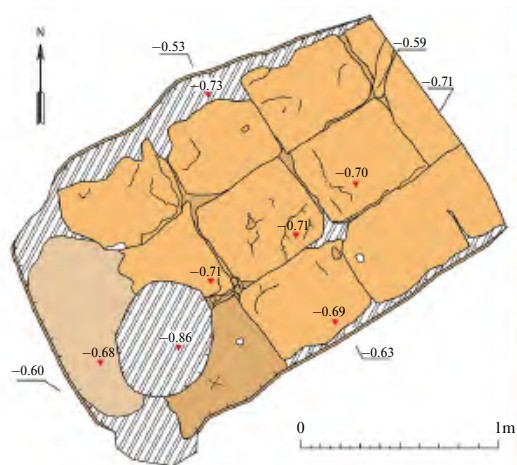

Рис. 3. Раскоп 4.1, объект 112, кремационная площадка с глиняными плитами на дне.

Fig. 3. Excavation unit 4, object 112, a cremation site with clay slabs on the bottom

как *ustrinum*. Эти площадки использовались для сожжения тел умерших и часто располагались рядом с некролями или погребальными сооружениями. Их изучение позволяет лучше понять римские представления о загробной жизни, социальной организации и религиозных верованиях. Практика кремации была характерна для большинства римлян до III в. н.э., после чего ингумация начала постепенно преобладать в связи с массовым распространением христианства. При этом важно отметить, что кремационные практики античного периода изучены гораздо слабее, по сравнению с обрядами ингумации.

Термин «*ustrinum*» (мн. ч. «*ustrina*») дословно означает «место сожжения». Сам обряд кремации тела был достаточно трудоемким. В Римской империи существовало два основных вида погребального обряда при проведении кремации: *ustrinum* и *bustum*². Первый — это погребальное сооружение, используемое для сжигания тел умерших. Оно представляло собой погребальный костер для сожжения тела. После этого останки частично или полностью собирали в *cinerarium*, который чаще всего представлял собой урну или амфору. *Bustum* представлял собой место, где на месте погребального костра сразу же захоранивали останки. Римский грамматик Фест упоминает *bustum* и *ustrinum* в своей работе «*De verborum significatu*»: «*Bustum proprie dicitur locus, in quo mortuus est combustus et sepultus, diciturque bustum, quasi bene ustum; ubi vero combustus quis tantummodo, alibi vero est sepultus, is locus ab urendo ustrina vocatur*» (*Bustum*

в точном смысле называется место, где умерший был сожжен и погребен, и называется оно «*bustum*» как бы от «*bene ustum*» (хорошо сожженный). Если же кто-то был только сожжен в одном месте, но похоронен в другом, то такое место от глагола «*urere*» (сжигать) называется «*ustrina*»³) (Festus, 29L, s.v. *bustum*). Это же определение подтверждается и у Сервия: «*Busta sunt loca, in quibus et cremantur corpora et sepeliuntur; ustrina, ubi cremantur tantum*» (*Busta* — это места, где как сжигаются тела, так и погребаются; *ustrina* — где только сжигаются) (Serv. In Aen. 3.221; 11.201).

Ustrinum либо изготавливался специально для зажиточных граждан, либо, что более распространено, располагался на некрополе для многократного использования. Раскопки кремационной площадки из Энкоста-де-Сант'Ана, римского некрополя в Португалии, являются примером типичного места для повторного сжигания останков (Angelucci, 2008). В ходе работ там был открыт один неповрежденный *ustrinum*, благодаря изучению которого удалось восстановить его «жизненный цикл». Сначала в грунте было сделано углубление. Затем вокруг края углубления было возведено внешнее кольцо из сырцового кирпича. На этой стене был обустроен погребальный костер. В углублении было обнаружено несколько красных слоев почвы, что говорит о многократных кремациях при температуре около 600 °С. Фрагменты сырцового кирпича, найденные в углублении, свидетельствуют о том, что данный *ustrinum* перестраивали как минимум один раз. Кроме того, большое количество разнообразных палеоботанических

²О терминологических различиях между *bustum* и *ustrinum* см. (Pearce, 2013. P. 28, 29).

³Тут и далее переводы автора.

остатков позволило исследователям предположить, что либо кремационную площадку оставляли открытой между кремациями, либо растения помещали вместе с телом во время обряда. После кремации останки извлекали и помещали в урну, которую в дальнейшем закапывали в землю (Gonçalves et al., 2010. P. 126).

Ustrina известны во многих провинциях Римской империи, включая Галлию, Британию, Испанию, Паннонию и Нижнюю Мезию (Béraud, Gébara, 1986. P. 186, 187; Pearce, 2013. P. 29).

Важно отметить, что обряды кремации и ингумации на протяжении римского периода сосуществовали. Кремация, несмотря на свою распространенность, была достаточно дорогостоящим мероприятием, особенно в сравнении с простым захоронением в грунтовой яме. Как было упомянуто выше, трупосожжение в первые века н.э. доминировало в основном среди состоятельных групп населения, в то время как социальные низы традиционно захоранивали по обряду трупоположения. В качестве подтверждения сказанному можно привести тот факт, что практика кремации была вытеснена христианством, которое, как известно, массово распространялось именно среди бедных слоев населения империи.

Создание погребального костра требовало значительных затрат как времени, так и финансов, чтобы как минимум обеспечить достаточное количество древесины. Эта работа считалась технически сложной (McKinley, 2000; Weekes, 2004), и погребальные костры часто фигурировали как *structus*, т.е. «построенные».

Римские авторы упоминают работника, называемого *ustor* (крематор), отвечавшего за погребальный костер. В поэме «Фарсалия» Лукан описывает «грязного крематора», ссылаясь на человека, занимающегося сжиганием тел (Lucan. 8.738). Это подчеркивает низкий социальный статус и непрестижность этой профессии в римском обществе. Катулл в одном из стихотворений сатирически описывает женщину по имени Руфа, которая в попытках добыть пищу на погребальных кострах была избита небритым крематором — «*ab semiraso tunderetur ustore*» (Catull. 59.5).

Обычно строительство костра входило в обязанности гробовщика (*libitinarius*) или же специализированной похоронной конторы (*officina libitinaria*), но в чрезвычайных ситуациях, например в случае внезапной смерти или войны, родственники или друзья могли сами возводить костер. Это объясняет некачественные кремации

таких исторических личностей, как Гней Помпей Великий и император Калигула (Noy, 2000b). В римской литературе встречаются также случаи, когда люди самостоятельно сооружали себе костры еще при жизни (Noy, 2000a. P. 31).

Непосредственно сами места для кремаций редко упоминаются в литературе, если только они не были необычными, как, например, костер Юлия Цезаря на Форуме или Клодия в здании Сената. Эти кремации нарушали закон Двенадцати таблиц, запрещавший сжигание тел в пределах города.

Некоторые кремационные площадки имели свои собственные указатели. Например, на месте кремации членов императорской семьи устанавливали каменные столбики *cippi* (Bodel, 1999. P. 271). В Геркулануме городской совет даже приказал установить мраморный алтарь на месте кремации одного из членов совета (AE 1947, 53; 1976, 44). Очевидно, что такие указатели могли иметь несколько функций. Во-первых, они маркировали сакральное место сожжения знатного и влиятельного человека, во-вторых — помечали участок для повторных кремаций других членов его рода.

Примечательно, что из письменных источников известны случаи, когда *ustrinum* специально облагораживался, а по периметру высаживались кипарисы (Verg. Aen. 6.214–217; Serv. In Aen. 6.216; Ovid. Trist. 3.13.21).

Костры обычно строились из слоев бревен, укладываемых крест-накрест для лучшего горения костра, как отмечал Витрувий (Vitruv. 2.9.15). Этот же метод укладки погребального костра изображен на одном из саркофагов с мифом о Мелеagre из Капитолийского музея в Риме (Daremberg, Saglio, 1896. P. 1394. Fig. 3363).

Ustrina обустраивались на конкретных участках пригорода. Это было обусловлено рядом факторов, таких, к примеру, как высокая пожароопасность, загрязненность и замусоренность в том числе продуктами горения. Некоторые эпиграфические документы из Рима напрямую запрещали устраивать их на возвышенностях (Noy, 2000a. P. 32). Такой же запрет известен по организации новых крематориев у Эсквилинских ворот. Дж. Бодел считал, что данное ограничение в результате снизило риск возникновения пожаров. В качестве подтверждения он привел результаты раскопок у этих ворот, где были обнаружены многочисленные обугленные остатки (Bodel, 1994. P. 51).

Херсонесские *ustrina*, исследованные в 2021–2023 гг., располагались непосредственно

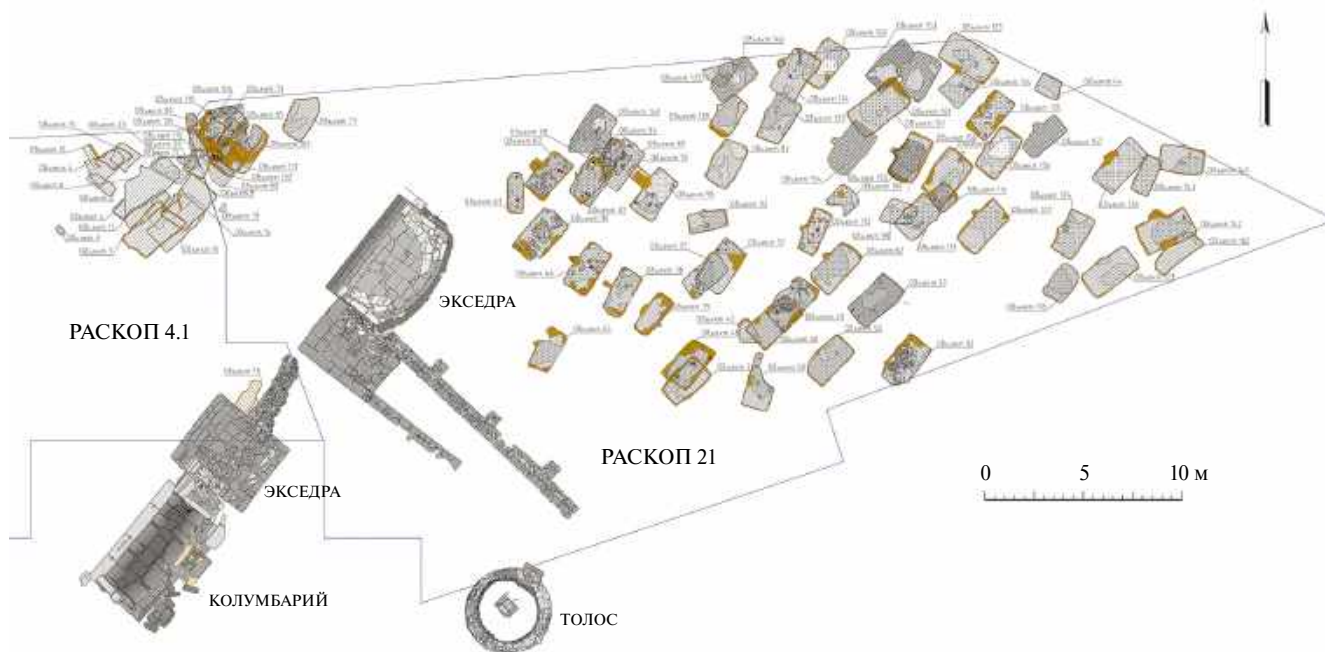

Рис. 4. Сводный план раскопов 4.1 и 21 на уровне кремационных площадок.

Fig. 4. Summary plan of excavation units 4.1 and 21 at the level of cremation sites

за городскими воротами, к которым вела широкая дорога. Раскопки подтвердили гипотезу о сходстве некрополя с традициями памятников Италии, где с I века н.э. появилось обустройство погребальных улиц, семейных усыпальниц и почетных монументов (Буйских, 2008. С. 231). В Херсонесе новые погребальные памятники органично вписывались в существовавшую планировку, заложенную еще в IV в. до н.э.

Около 95% обнаруженных кремационных площадок группировалось на площади 1 га на участке в непосредственной близости от городских ворот⁴. Большая их часть располагалась с восточной стороны дороги. На протяжении II в. н.э. тут был возведен комплекс монументальных погребальных сооружений, включавший наземный склеп-колумбарий, плитовые могилы, каменные гробницы со стелами Аристона и Аннион, а также ступенчатую конструкцию, интерпретируемую как экседра П-образной формы (рис. 4).

К северу от этого комплекса к главной дороге, ведущей в город, примыкал вымощенный проулк. Он с северной стороны был ограничен кладкой с пилястрами. С противоположной стороны проулка была обустроена вторая экседра (Вахонеев, Соловьев, 2023). К проулку

примыкало еще одно уникальное сооружение южного пригорода Херсонеса — толос⁵.

Более половины всех обнаруженных кремационных площадок Херсонеса были ориентированы по линии юго-запад — северо-восток. Не исключено, что такая ориентировка была связана с определенными культовыми практиками и воззрениями, допуская отклонения лишь в пределах сезонного колебания точки восхода солнца. Однако более вероятной может считаться версия, что это напрямую связано с направлением главной дороги и все площадки были ориентированы длинной осью параллельно этой магистрали.

Полученные данные о месте расположения *ustrina* в Херсонесе Таврическом коррелируются с общеимперской практикой. Во-первых, все они находились за пределами городских стен. По римскому праву, погребения, включая крематории, должны были располагаться за пределами священной границы города (*pomerium*). Это было связано с религиозными соображениями, гигиеническими нормами и опасениями осквернения города. Во-вторых, они располагались на отдельном участке некрополя у главной дороги, ведущей из города (Angelucci, 2008. Р. 2625). Это обеспечивало удобный доступ для проведения похоронных церемоний. Наконец,

⁴Часть некрополя под площадью у центрального входа в музей-заповедник еще осталась неисследованной.

⁵ Сооружение круглой в плане формы, в центре которого размещался каменный саркофаг со свинцовой погребальной урной.

тут имела место значительная удаленность от плотной городской застройки. В римской традиции *ustrina* было принято располагать на некотором удалении от жилых районов во избежание распространения запаха и дыма, а также исключая возможность возникновения пожара.

Необходимо отметить еще одну особенность херсонесского крематория. Он расположился в тальвеге херсонесской балки, насыщенной водоносными горизонтами (Глазунов и др., 2023. С. 27, 28). Данная низина в целом также защищена от сильных ветров.

Особенности обустройства поддувала могут косвенно указывать на время года, когда совершалась кремация. Большая часть поддувал зафиксирована с северо-западной стороны, меньшая — с юго-восточной. В современном Севастополе в зимний период преобладают северо-восточные и восточные ветры, летом — западные и северо-западные. Весной и осенью наблюдается более переменчивая циркуляция, но все же чаще всего дуют северо-восточные ветры. Можно предположить, что площадки с поддувалом с северо-западной стороны возводились в летний период, а с юго-восточной — в остальные периоды.

В ряде случаев, особенно в Северной Италии, Галлии и Британии, *ustrina* имели углубления для размещения погребальных костров, что способствовало лучшему горению. Подобная практика отмечена и в Херсонесе. Более того, многие площадки, открытые в 2021–2023 годах, были оборудованы на дне специальными перегородками из прокаленной глины, благодаря которым улучшалась тяга и поступающий из поддувала воздух равномерно распределялся по всей площади погребального костра.

Все кремационные площадки, открытые на южном пригороде Херсонеса, приходятся на временной отрезок со второй половины I в. до конца II в. За этот достаточно длительный период *ustrina* продолжали возводиться на одном участке, поэтому зачастую были зафиксированы случаи их очень плотной концентрации (рис. 5). Более поздние кремации перерезали ранние, а во многих случаях верхние площадки накрывали предыдущие почти всей площадью. Учитывая это, а также имея в виду их конструктивную схожесть, можно предположить, что такие участки использовались одной семьей для кремирования своих родных. При этом никаких следов наземных знаков, которые как-либо маркировали данные семейные участки, не было обнаружено⁶.

⁶ В заполнении только одной площадки был найден небольшой известняковый антропоморф.

Не исключено, что наземными ориентирами могли служить расположенные рядом монументальные сооружения некрополя. В этом плане следует остановиться на отдельной концентрации площадок восточной части раскопа 4.1 и северо-западной раскопа 21 (рис. 4). Это был единственный участок, располагавшийся к западу от дороги, ведущей в город. Тут на площади около 50 кв. м было сконцентрировано не менее 27 кремационных площадок. Фактически все площадки были обустроены прямо перед ступенями экседры, внутри которой размещалось большое количество погребальных урн. Но примечательны и другие наблюдения. К примеру, едва ли не все золотые украшения из кремационной площадки № 7 раскопа 4.1 находят полные аналогии в инвентаре знаменитого приставного склепа 1013, что косвенно свидетельствует, что прах одного из погребенных в этом склепе мог быть кремирован на указанной площадке, располагавшейся в 70 м от склепа (Кропотов, Вахонеев, 2025). Еще ближе по эту же сторону улицы располагалась богатая семейная катакомба 23/1891 (Шаров и др., 2022. С. 105), а по другую сторону, помимо погребений экседры, в 2022 г. был исследован достаточно монументальный наземный склеп-колумбарий с двускатной крышей.

Во многих херсонесских площадках были обнаружены как обугленные фрагменты костей, так и части погребального инвентаря. Это факт, на первый взгляд, может свидетельствовать, что перед нами не *ustrina*, а *busta*, т.е. непосредственно захоронения на месте погребального костра. Однако детальный анализ площадок показал, что количество кремированных костей крайне мало, а погребальный инвентарь зачастую неполный и фрагментарный. Очевидно, что при сборе кремированных останков не все удавалось собрать для размещения в урне для последующего захоронения. В этом можно усмотреть символическую практику, называемую римлянами «*pars pro toto*» (часть вместо целого). Более того, участок херсонесских площадок имел большую плотность размещения, где ранние площадки регулярно прорезались поздними, что однозначно отвергает интерпретацию их в качестве *busta*, которые, как известно, были одноразовыми. Еще одним подтверждением этого может считаться тот факт, что при разборе заполнения урн с кремированными остатками, в тех случаях, когда в них был обнаружен погребальный инвентарь, он также зачастую был неполным, т.е. вторая его половина явно оставалась на месте кремирования.

Рис. 5. Концентрация кремационных площадок в пределах раскопа 21.

Fig. 5. Concentration of cremation sites within excavation unit 21

Однако было и исключение — объект 60 раскопа 4. Это единственная из всех исследованных площадок, где не до конца сожженные части скелета остались *in situ*, в анатомическом порядке. Человеческие кости располагались в верхнем слое золы на участке размерами 0.36×0.27 м. Сохранились крестец с тазом, головка правой бедренной кости, 4 позвонка и ребра (левое подреберье). Всего в слое было обнаружено 70

фрагментов костей. Расположение *ustrinum* рядом с *bustum* хорошо известно в римских некрополях (Gonçalves et al., 2010. Р. 126). В связи с этим можно предположительно интерпретировать данный объект в качестве *bustum*.

Размеры херсонесских кремационных площадок варьировались в длину от 0.56 до 2.8 м, в ширину — от 0.3 до 1.8 м. При этом следует учесть, что многие объекты были повреждены поздними

площадками или средневековыми перекопами, а средние размеры требуют корректировки. Наиболее репрезентативные по сохранности площадки были открыты на раскопе 21. Основная часть площадок имела размеры 2.5–2.8 × 1.2–1.6 м. Этот участок наиболее приближен к городским воротам, а также к комплексу монументальных погребальных сооружений вдоль главной дороги. Площадки, располагавшиеся южнее, зачастую имели несколько более скромные размеры.

Согласно римской традиции, погребальный костер устраивали для одного человека; использование чужого костра было редкостью и встречалось в исключительных случаях или среди малоимущих (Noy, 2000a. P. 36). Размеры херсонесских площадок в целом указывают на кремацию одного тела.

Письменные источники практически не содержат подробной информации о размерах погребального костра бедных (Noy, 2000a. P. 33). Сервий в двух местах косвенно указывал на то, что погребальные костры обустраивались в соответствии с социальным статусом усопшего:

«pro qualitate personae pyrae fiebant» (*погребальные костры сооружались в соответствии со статусом личности*) (Servius, in Aen. 6.226);

«rogi scilicet, qui pro qualitate fortunarum fiebant» (*а именно костры, которые сооружались в соответствии с уровнем богатства [усопшего]*) (Servius, in Aen. 4.685).

Немногом конкретнее является сообщение Лукиана о том, что Перегрин соорудил свой погребальный костер в яме, глубиной в одну оргию, т.е. 1.85 м: «κατάλαβάνομεν πύραν νενημένην ἐν βόθρῳ ὅσον ἐς ὀργυῖαν τὸ βάθος» (*мы находим костер, устроенный в яме, глубиной примерно в одну оргию...*) (Lucian. Mort. Per. 35).

В 2018 г. Н.Г. Свиркина и С.А. Володин в рамках проведенного полевого эксперимента реконструировали обряд кремации на открытом воздухе (Свиркина, Володин, 2019). Погребальный костер был собран из дубовых поленьев, уложенных крест-накрест, высотой 1.1 м. Объем дров — 2.5 м³. Материалом для сожжения послужила туша десятимесячной свиньи весом 50 кг. Время сожжения составило около 5 часов, средняя температура костра — от 600 до 900 °С. В целом эксперимент было достаточно успешным, хотя и не полностью имитировал погребальный процесс античного периода. Даже без заглубленной ямы с поддувалом указанный объем дров позволил полностью кремировать свиную тушу.

В Древнем Риме использовали различные виды древесины: дуб, сосну, кипарис и пихту. Исследование древесного угля из погребальных комплексов юго-восточной Франции показало использование в качестве основного вида топлива частнолистного дуба (*Quercus caducifolié*) и Пинии (*Pinus*). Ореховый дуб (*Quercus coccifera/ilex*) использовался в качестве легковоспламеняющегося материала для разжигания огня⁷. В Британии основным топливом служил бук (*Fagus*), а в меньшей степени — дуб (*Quercus*) (Pearce, 2013. P. 31). В целом выбор древесины зависел от экологической доступности и традиционных практик в каждом регионе⁸.

Римская письменная традиция позволяет воссоздать проводимые перед кремацией обряды. Перед поджогом костра умершему открывали глаза, чтобы они были обращены к небу (Plin. H.N. 11.149). Затем следовала *conclamatio* — троекратное произнесение имени покойного. Огонь подносили факелом (обычно это делали родители, если хоронили детей, или ближайшие родственники). На императорских похоронах костер часто поджигал преемник.

В заполнении практически всех херсонесских площадок фиксировались остатки обгоревших сырцовых кирпичей, из которых складывалась верхняя часть сооружения, а также крупные фрагменты обугленных дров. На дне ям находился слой золы и пепла, часто содержавший небольшое количество обожженных мелких обломков костей человека и немногочисленный инвентарь (Дорошко и др., 2022).

Римляне в костер добавляли ароматические вещества: ладан, мирру, корицу. Это скрывало запах горящего тела и служило знаком богатства. У Суллы было столько благовоний, что из них вылепили дополнительное изображение покойного и сожгли его вместе с телом (CIL 14.413.).

При расчистке кремационных площадок Херсонеса одними из самых распространенных находок погребального инвентаря были керамические и стеклянные бальзамарии, причем сразу по несколько штук на одном объекте (рис. 6, 1–3; 7, 4–5). Все они имели следы пребывания в огне, а стеклянные сосуды очень часто были сильно

⁷ В своей докторской диссертации К. Сензон-Сальвэр выполнила антракологический анализ древесного угля 19 кремационных площадок. Эта работа подтвердила значимость анализа древесного угля в археологии для реконструкции погребальных практик римского периода (Cenzon-Salvayre, 2014).

⁸ На момент подготовки данной статьи находки древесного угля из раскопок южного пригорода Херсонеса еще не были идентифицированы.

Рис. 6. Гончарные сосуды из заполнения кремационных площадок.

Fig. 6. Ceramic vessels from the filling of cremation sites

оплавлены и деформированы (рис. 7, 4). Очевидно, эти находки подтверждают факт использования благоволий в процессе совершения кремации, после чего использованные сосуды также помещались в костер. Более того, можно предположить их преднамеренное разбивание как элемента похоронного ритуала. Находки бальзамариев в заполнении *ustrina* встречаются также в некрополях западной части империи (Béraud, Gébara, 1986. P. 187).

Письменные источники упоминают различные предметы, которые клались на погребальный

костер: одежду, оружие, драгоценности и другие предметы. В связи с этим следует кратко охарактеризовать основной погребальный инвентарь, обнаруженный при исследовании херсонесских *ustrina*.

Помимо упомянутых бальзамариев, одним из самых многочисленных предметов инвентаря являлись столовые красноглиняные и краснолаковые сосуды (амфоры, ойнохойи, кувшины). Все они представлены закрытыми формами (Дорошко и др., 2024. С. 50) (рис. 6, 4–9). Эта особенность напрямую связана с проводимым

Рис. 7. Бусы (1) и стеклянные сосуды (2–5) из заполнения кремационных площадок.

Fig. 7. Beads (1) and glass vessels (2–5) from the filling of cremation sites

ритуалом кремации, где сосуды открытых форм (миски, кубки) не использовались. Находки керамических сосудов были зафиксированы на 106 площадках.

К элементам погребального одеяния относятся найденные бусины: стеклянные, пастовые, реже — гагатовые и халцедоновые (рис. 7, 1).

Следующей представительной категорией являются золотые изделия (рис. 8). Большая их часть приходится на элементы погребального венка, в основном трилистники, ленты и листки фольги. Практически все они были преднамеренно смяты или сильно фрагментированы.

Отдельную представительную группу составляют детали погребального костюма: круглые и квадратные нашивки и бляшки (рис. 8, 1–10), ромбовидные пронизи (рис. 8, 11–14), трубчатые пронизи, подвески (рис. 8, 17–20). В меньшем количестве встречены серьги (рис. 8, 22), перстни (рис. 8, 25), в том числе со вставками. Единичные экземпляры представляют нагубник (рис. 8, 24), фибула (рис. 8, 21) (Кропотов, Вахонеев, 2023).

Иногда в погребальный костер клали личные вещи усопшего. При раскопках площадки объект 44 раскопа 21 были обнаружены очень

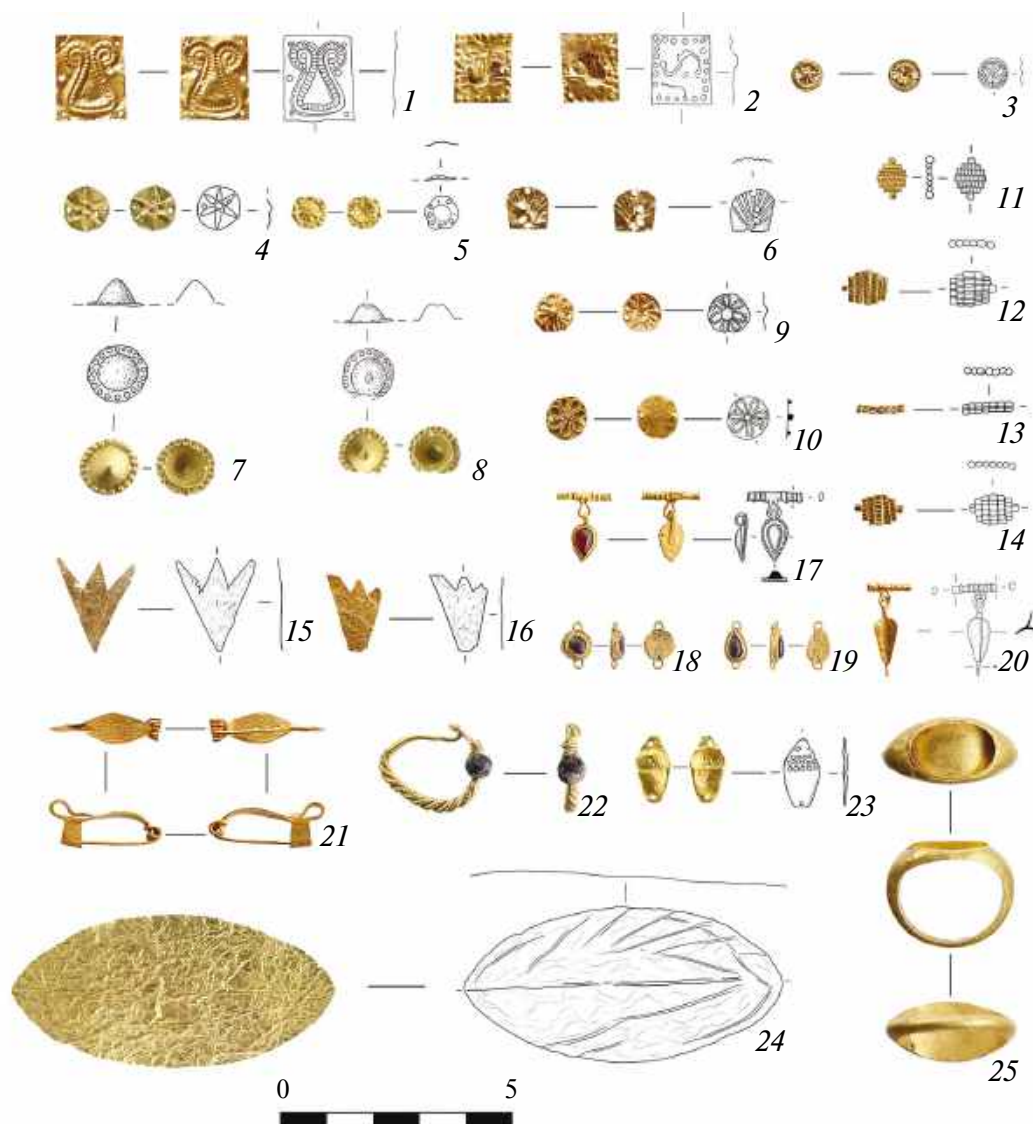

Рис. 8. Золотые предметы из заполнения кремационных площадок.

Fig. 8. Gold objects from the filling of cremation sites

редкие декоративные резные костяные накладки погребального ложа в виде сфинкса (Соловьева и др., 2022. С. 168. Рис. 17). Встречались и другие декоративные накладки из кости, различные амулеты, фибулы, пряслица и даже жемчужина.

Важную информацию также дают новейшие исследования в области естественнонаучных методов. В первую очередь это касается данных биоархеологии (Marado, Braga, 2018), однако не менее информативны и результаты археоботанических анализов из кремаций римского времени. М. Роттоли и Е. Кастильони изучили растительные остатки в римских кремационных кострах на севере Италии (Rottoli, Castiglioni, 2010). Они

обнаружили высокий процент фруктов и выпечки, например хлеба или пирожных, что позволяет предположить, что во время погребальных ритуалов римляне делали подношения в виде еды. Исследование погребальных сооружений из Паннонии, в том числе кремаций, подтвердило использование злаков и бобовых в ритуальных целях (Reed et al., 2018). Более того, в некоторых сосудах из римской Британии, найденных на кремационных площадках, содержались остатки пищи и вина (McKinley, 2000).

Использование вина в погребальном процессе находит свое подтверждение и среди херсонесских объектов. Помимо столовых сосудов,

в нескольких кремационных площадках были обнаружены амфоры. К примеру, в объекте 116 раскопа 4 был обнаружен развал целой амфоры с шипообразными ручками, время бытования которых доходит до начала II в. н.э. (Внуков, 2003. С. 197) (рис. 6, 10).

В ряде площадок в заполнении были обнаружены достаточно крупные скопления костей рыб, среди которых отдельно выделяются достаточно крупные скопления необожженных бляшек осетровых. К примеру, на раскопе 4.1 в объекте 8 (кремационная площадка № 7) было обнаружено 273 бляшки, в объекте 12 – 69, 13 – 20, 16 – 5. Эти находки свидетельствуют об использовании рыбы в качестве подношений уже после процедуры сожжения.

В заполнении кремационных площадок Херсонеса в 18 случаях были обнаружены немногочисленные железные и бронзовые гвозди. Они могли использоваться для сооружения погребального костра, который должен был держать правильную форму для равномерного кремирования тела усопшего и не позволить ему скатиться в сторону. Также не исключено, что гвозди могли относиться и к деревянным носилкам или ломам, на которых переносили тело к месту кремации. Такие находки известны в римских некрополях разных регионов империи (Biddle, 1967. Р. 231). В частности, схожая ситуация с херсонесскими площадками наблюдается в Нижней Мезии. В 55 захоронениях по типу *bustum* были найдены железные и бронзовые гвозди, которые исследователи зачастую относили к остаткам погребального ложа или гроба, в котором кремировали умерших, либо же к конструкции костра (Ота, 2007. Р. 78). Однако сходство ситуации наблюдается в очень малом количестве гвоздей, исчисляющихся буквально несколькими экземплярами. Это позволило высказать предположение, что гвозди могли принадлежать отдельным деревянным изделиям (шкатулкам, предметам туалета), помещавшимся на погребальный костер вместе с другим инвентарем (Ота, 2007. Р. 79).

Одна из отличительных особенностей кремированных останков из погребений южного пригорода Херсонеса — наличие костей животных как на самих площадках, так и непосредственно в погребальных урнах (Якимовская, Свиркина, 2023. С. 200). Эти находки могли представлять собой приношения пищи или

жертвоприношения. Последние упоминаются и в письменной традиции (Herodian 4.8.5).

Материал, происходящий из кремационных площадок Херсонеса, демонстрирует недостаточность выводов, основанных исключительно на анализе инвентаря погребальных комплексов (склепы, ящики, колумбарии). Предметы, найденные в могилах, представляют лишь часть всех материалов, задействованных в погребальном ритуале, и нет никаких оснований априори считать, что эта выборка является репрезентативной — ни в количественном, ни в качественном, ни в функциональном отношении (Polfer, 2000. Р. 36). Таким образом, введение в научный оборот материалов рассматриваемых площадок позволит частично заполнить эту лакуну.

В историографии существует два основных направления о происхождении обряда кремации в римских провинциях (Ота, 2007. Р. 86). Сторонники первого направления рассматривают этот процесс как продолжение погребального обряда греческого происхождения. Другое направление, пока что находящееся в меньшинстве, считает кремацию в *ustrinum* и захоронение в *bustum* погребальным обычаем, пришедшим непосредственно из римского мира.

Обряд кремации в Херсонесе практиковался и до прихода римлян (Зубарь, 1982. С. 51; Стоянов, 2024. С. 45–47), в связи с чем нельзя не заметить определенную преемственность этого процесса. Однако не стоит игнорировать и сильное римское влияние на Херсонес в первые века н.э., что вылилось в том числе в появление *ustrinum* и *bustum* как особых типов погребальных памятников римского мира в этом месте.

Исследование кремационных площадок Херсонеса Таврического дает ценные сведения о погребальных традициях этого античного города и его населения. Анализ археологических данных позволяет предположить существование устойчивых обрядов кремации, связанных с религиозными и социальными представлениями эпохи, а также прямыми контактами с другими регионами империи. Дальнейшие исследования, включая картографирование всех погребальных сооружений некрополя, помогут углубить понимание ритуальной жизни античного Херсонеса.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20456, <https://rscf.ru/project/24-28-20456>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь: Крымское отд-ние Ин-та востоковедения им. А.Е. Крымского Нац. академии наук Украины, 2008. 424 с.
- Вахонеев В.В., Соловьев С.Л. Новый погребальный комплекс II в. н.э. из раскопок Южного пригорода Херсонеса (предварительное сообщение) // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: материалы науч. конф. (Севастополь, 18–22 сентября 2023 г.). М.: Буки-Веди, 2023. С. 13–18.
- Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). М.: ИА РАН, 2003. 235 с.
- Глазунов В.В., Букатов А.А., Вахонеев В.В. и др. Геоморфология и водоснабжение прибрежной территории Херсонеса Таврического у Карантинной бухты по данным междисциплинарных исследований // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXVIII. Симферополь, 2023. С. 24–43.
- Дорошко В.В., Лесная Е.С., Тюрин М.И. Новые данные об обряде кремации на некрополе Херсонеса римского времени // Археология погребений: современные теоретические и методические подходы: тез. докл. Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. памяти В.И. Гуляева. М.: ИА РАН, 2022. С. 23–24.
- Дорошко В.В., Лесная Е.С., Неделькин Е.В., Тюрин М.И. Археологические исследования на раскопе 2 // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (охранная археология). Вып. 15. СПб.: Невская типография, 2024. С. 46–60.
- Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев: Наукова думка, 1982. 142 с.
- Косцюшко-Валюжинич Д.Н. Некрополь у крестовидного храма в Херсонесе // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Вып. 47. Симферополь: Тип. Таврического Губ. земства, 1912. С. 124–134.
- Кропотов В.В., Вахонеев В.В. Золотая фибула из Южного пригорода Херсонеса Таврического // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: материалы науч. конф. (Севастополь, 18–22 сентября 2023 г.). М.: Буки Веди, 2023. С. 96–99.
- Кропотов В.В., Вахонеев В.В. Кремационная площадка 7 (раскоп 4.1) южного пригорода Херсонеса Таврического // Нижневолжский археологический вестник. 2025. Т. 24, № 1. С. 173–188.
- Свиркина Н.Г., Володин С.А. Опыт применения экспериментального метода для изучения античного обряда кремации // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. 2019. № 4. С. 114–125.
- Соловьева Н.Ф., Соловьев С.Л., Мыц В.Л. Краткие результаты археологических раскопок в Южном пригороде Херсонеса в 2022 г. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (охранная археология). Вып. 12. СПб.: Невская типография, 2022. С. 161–169.
- Стоянов Р.В. Некрополь Херсонеса Таврического V–I веков до н.э. По материалам раскопок Императорской Археологической комиссии (1891–1914). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. 336 с.
- Супрун Н.О. О трансформации погребального обряда Херсонеса-Херсона на примере использования кремации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 21 (192), вып. 32. С. 28–34.
- Шаров О.В., Костромичев Д.А., Новоселова Н.Ю. Катакомба 23/1891 из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: исследования 2020 года // Друзей медлительный уход...: памяти Олега Шарова. Кишинев: Stratum Plus, 2022. С. 87–110.
- Якимовская А.Д., Свиркина Н.Г. Первые результаты анализа кремированных останков из погребений Южного пригорода Херсонеса // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: материалы науч. конф. (Севастополь, 18–22 сентября 2023 г.). М.: Буки Веди, 2023. С. 198–200.
- Angelucci D. Geoarchaeological insights from a Roman age incineration feature (ustrinum) at Enconsta de Sant'Ana (Lisbon, Portugal) // Journal of Archaeological Science. 2008. Vol. 35, iss. 9. P. 2624–2633.
- Béraud I., Gébara Ch. Les lits funéraires de la nécropole Gallo-romaine de Saint-Lambert (Fréjus) // Revue archéologique de Narbonnaise. 1986. T. 19. P. 183–205.
- Biddle M. Two Flavian burials from Grange Road, Winchester // The Antiquaries Journal. 1967. Vol. 47. P. 224–250.
- Bodel J. Graveyards and Groves. A Study of the Lex Lucerna. Cambridge, Mass., 1994. 133 p.
- Bodel J. Death on display: looking at Roman funerals // The Art of the Ancient Spectacle / Eds. B. Bergmann, C. Kondoleon. Washington D.C., 1999. P. 259–281.
- Cenzon-Salvayre C. Le bûcher funéraire dans l'Antiquité: une approche archéologique, bioarchéologique et historique d'après l'étude des structures de crémation en Gaule méridionale: Thèse de doctorat en Archéologie et Préhistoire. Vol. 1 / Université du Maine. Le Mans, 2014. 444 p.
- Daremberg Ch., Saglio E. Dictionnaire des Antiquités Grecques et Romaines. Vol. 2.2. Paris, 1896. 786 p.
- Gonçalves D., Duarte C., Costa C. et al. The Roman cremation burials of Encosta de Sant'Ana (Lisbon) // Revista Portuguesa de Arqueologia. 2010. Vol. 13. P. 125–144.
- Marado L.M., Braga C.V. Roman cremations of Via XVII, Bracara Augusta (preliminary analysis). Part II: Post-cremation Taphonomy and Preservation // Cadernos do Grupo de Estudos em Evolução Humana. 2018. Vol. 7, № 1. P. 49–62.

- McKinley J. Phoenix rising: aspects of cremation in Roman Britain // *Burial, Society and Context in the Roman World* / Eds. J. Pearce, M. Millet, M. Struck. Oxford: Oxbow, 2000. P. 38–44.
- Noy D. Building a Roman Funeral Pyre // *Antichthon*. 2000a. Vol. 34. P. 30–45.
- Noy D. Half-burnt on an Emergency Pyre: Roman Cremations which Went Wrong // *Greece and Rome*. 2000b. Vol. 47, № 2. P. 186–196.
- Ofta L. Busta in Moesia Inferior // *Acta Terrae Septemcastrensis*. 2007. Vol. 6, № 1. P. 75–99.
- Pearce J. Contextual Archaeology of Burial Practice: Case Studies from Roman Britain. Oxford: Archaeopress, 2013 (British Archaeological Reports. British Series; 588). 247 p.
- Polfer M. Reconstructing funerary rituals: the evidence of ustrina and related archaeological structures // *Burial, Society and Context in the Roman World* / Eds. J. Pearce, M. Millet, M. Struck. Oxford: Oxbow, 2000. P. 30–37.
- Reed K., Lodwick L., Leleković T., Vulić H. Exploring Roman Ritual Behaviours Through Plant Remains from Pannonia Inferior // *Environmental Archaeology*. 2018. Vol. 24, № 1. P. 28–37.
- Rottoli M., Castiglioni E. Plant offerings from Roman cremations in northern Italy: a review // *Vegetation History and Archeobotany*. 2010. Vol. 20, № 5. P. 495–506.
- Weekes J. Reconstructing Syntheses in Romano-British Cremation // *Theoretical Roman Archaeology Journal*. 2005. № 14 (2004). P. 16–26.

CREMATION SITES OF THE 1ST–2ND CC. AD AT THE NECROPOLIS OF TAURIC CHERSONESUS: ARCHAEOLOGICAL ANALYSIS AND CULTURAL CONTEXT

Viktor V. Vakhoneev^{1,2,*}

¹*Institute for the History of Material Culture RAS, Saint Petersburg, Russia*

²*Sevastopol State University, Sevastopol, Russia*

*E-mail: vvvkerch@mail.ru

The paper focuses on the study of a unique archaeological complex of cremation sites (ustrina) found in the southern suburb of Tauric Chersonesus in 2021–23. During the excavations, 342 sites of 1st–2nd centuries AD were identified. An analysis of their design, stratigraphy and location features allowed establishing spatial patterns and possible cult practices associated with the cremation ceremony. Special attention is paid to the technical aspects of the construction and operation of ustrina, including the availability of blowouts, as well as the reuse of individual sites. The article examines the material evidence of the funeral ritual, including ceramic vessels, jewellery, and elements of the funeral costume. The archaeological material from Chersonesus is compared with similar sites in other provinces of the Roman Empire, which makes it possible to identify both common Roman traditions in the organization of necropolises and regional peculiarities. These studies confirm the existence of a cremation tradition in Chersonesus, which developed under the influence of Roman funeral practices. The results obtained are important for reconstructing the social and ritual context of cremation rites in ancient Chersonesus and clarify the understanding of the funerary traditions of the Roman era. Further study of the necropolis and its infrastructure will allow for a deeper understanding of the dynamics of cultural influences and the evolution of ritual practices on the periphery of the Roman Empire.

Keywords: Tauric Chersonesus, cremation sites, ustrinum, necropolis, cremation, funeral rite, classical period, Roman Empire.

REFERENCES

- Angelucci D., 2008. Geoarchaeological insights from a Roman age incineration feature (ustrinum) at Enconsta de Sant'Ana (Lisbon, Portugal). *Journal of Archaeological Science*, vol. 35, iss. 9, pp. 2624–2633.
- Béraud I., Gébara Ch., 1986. Les lits funéraires de la nécropole Gallo-romaine de Saint-Lambert (Fréjus). *Revue archéologique de Narbonnaise*, 19, pp. 183–205.
- Biddle M., 1967. Two Flavian burials from Grange Road, Winchester. *The Antiquaries Journal*, 47, pp. 224–250.
- Bodel J., 1994. Graveyards and Groves. A Study of the Lex Lucerna. Cambridge, Mass. 133 p.
- Bodel J., 1999. Death on display: looking at Roman funerals. *The Art of the Ancient Spectacle*. B. Bergmann, C. Kondoleon, eds. Washington D.C., pp. 259–281.
- Buyskikh A.V., 2008. Prostranstvennoe razvitiye Khersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epokhu [Spatial development of Tauric Chersonesus in the classical period]. Simferopol': Krymskoe otdeleniye Instituta vostokovedeniya imeni A.E. Krymskogo Natsional'noy akademii nauk Ukrainy. 424 p.

- Cenzon-Salvayre C., 2014. Le bûcher funéraire dans l'Antiquité: une approche archéologique, bioarchéologique et historique d'après l'étude des structures de crémation en Gaule méridionale: Thèse de doctorat en Archéologie et Préhistoire. Université du Maine, 1. Le Mans. 444 p.
- Daremberg Ch., Saglio E., 1896. Dictionnaire des Antiquités Grecques et Romaines, 2.2. Paris. 786 p.
- Doroshko V.V., Lesnaya E.S., Nedel'kin E.V., Tyurin M.I., 2024. Archaeological research at excavation area 2. *Byulleten' Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk (okhrannaya arkheologiya)* [Bulletin of the Institute for the History of Material Culture RAS (Rescue archaeology)], 15. St. Petersburg: Nevskaya tipografiya, pp. 46–60. (In Russ.)
- Doroshko V.V., Lesnaya E.S., Tyurin M.I., 2022. New data on the cremation ritual at the necropolis of Chersonesus in the Roman period. *Arkheologiya pogrebeniy: sovremennye teoreticheskie i metodicheskie podkhody: tezisy dokladov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnoy uchastiem, posvyashchennoy pamyati V.I. Gulyaeva* [Archaeology of burials: modern theoretical and methodological approaches: Abstracts of reports of the All-Russian scientific conference with international participation in memory of V.I. Gulyaev]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 23–24. (In Russ.)
- Glazunov V.V., Bukatov A.A., Vakhoneev V.V. et al., 2023. Geomorphology and water supply of the coastal territory of Tauric Chersonesus near the Quarantine Bay according to interdisciplinary research data. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the archaeology, history and ethnography of Taurica], XXVIII. Simferopol', pp. 24–43. (In Russ.)
- Gonçalves D., Duarte C., Costa C. et al., 2010. The Roman cremation burials of Encosta de Sant'Ana (Lisbon). *Revista Portuguesa de Arqueologia*, 13, pp. 125–144.
- Kostysushko-Valyuzhinich D.N., 1912. Necropolis near the cruciform temple in Chersonesus. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [News of the Tauric Scientific Archival Commission], 47. Simferopol': Tipografiya Tavricheskogo Gubernskogo zemstva, pp. 124–134. (In Russ.)
- Kropotov V.V., Vakhoneev V.V., 2023. A golden fibula from the southern suburb of Tauric Chersonesus. *Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiya, nakhodka, teorii: materialy nauchnoy konferentsii (Sevastopol', 18–22 sentyabrya 2023 g.)* [Chersonesus relics of the classical period: discoveries, findings, theories: Proceedings of the Scientific conference (Sevastopol, 18–22 September, 2023)]. Moscow: Buki Vedi, pp. 96–99. (In Russ.)
- Kropotov V.V., Vakhoneev V.V., 2025. Cremation site 7 (excavation unit 4.1), southern suburb of Tauric Chersonesus. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga archaeological bulletin], vol. 24, no. 1, pp. 173–188. (In Russ.)
- Marado L.M., Braga C.V., 2018. Roman cremations of Via XVII, Bracara Augusta (preliminary analysis). Part II: Post-cremation Taphonomy and Preservation. *Cadernos do Grupo de Estudos em Evolução Humana*, vol. 7, no. 1, pp. 49–62.
- McKinley J., 2000. Phoenix rising: aspects of cremation in Roman Britain. *Burial, Society and Context in the Roman World*. J. Pearce, M. Millet, M. Struck, eds. Oxford: Oxbow, pp. 38–44.
- Noy D., 2000a. Building a Roman Funeral Pyre. *Antichthon*, 34, pp. 30–45.
- Noy D., 2000b. Half-burnt on an Emergency Pyre: Roman Cremations which Went Wrong. *Greece and Rome*, vol. 47, no. 2, pp. 186–196.
- Ota L., 2007. Busta in Moesia Inferior. *Acta Terrae Septemcastrensis*, vol. 6, no. 1, pp. 75–99.
- Pearce J., 2013. Contextual Archaeology of Burial Practice: Case Studies from Roman Britain. Oxford: Archaeopress. 247 p. (British Archaeological Reports. British Series, 588).
- Polfer M., 2000. Reconstructing funerary rituals: the evidence of ustrina and related archaeological structures. *Burial, Society and Context in the Roman World*. J. Pearce, M. Millet, M. Struck, eds. Oxford: Oxbow, pp. 30–37.
- Reed K., Lodwick L., Leleković T., Vulić H., 2018. Exploring Roman Ritual Behaviours Through Plant Remains from Pannonia Inferior. *Environmental Archaeology*, vol. 24, no. 1, pp. 28–37.
- Rottoli M., Castiglioni E., 2010. Plant offerings from Roman cremations in northern Italy: a review. *Vegetation History and Archeobotany*, vol. 20, no. 5, pp. 495–506.
- Sharov O.V., Kostromichev D.A., Novoselova N.Yu., 2022. Catacomb 23/1891 from the excavations by K.K. Kostysushko-Valyuzhinich: research in 2020. *Druzey medlitel'nyy ukhod...: pamyati Olega Sharova* [Friends' slow departure...: in memory of Oleg Sharov]. Kishinev: Stratum Plus, pp. 87–110. (In Russ.)
- Solov'eva N.F., Solov'ev S.L., Myts V.L., 2022. Brief results of archaeological excavations in the southern suburbs of Chersonesus in 2022. *Byulleten' Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk (okhrannaya arkheologiya)* [Bulletin of the Institute for the History of Material Culture RAS (Rescue archaeology)], 12. St. Petersburg: Nevskaya tipografiya, pp. 161–169. (In Russ.)
- Stoyanov R.V., 2024. Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo V–I vekov do n.e. Po materialam raskopok Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii (1891–1914) [Necropolis of Tauric Chersonesus of the 5th–1st centuries BC. Based on materials from excavations by the Imperial Archaeological Commission (1891–1914)]. Moscow: Izdatel'skiy dom Vyshey shkoly ekonomiki. 336 p.
- Suprun N.O., 2014. On the transformation of the funerary practice of Chersonesus-Kherson: the case of cremation. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political Science. Economics. Computer Science], no. 21 (192), iss. 32, pp. 28–34. (In Russ.)

- Svirkina N.G., Volodin S.A.*, 2019. The experience of using an experimental method to study the ancient cremation rite. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII: Antropologiya [Moscow University Anthropology Bulletin]*, 4, pp. 114–125. (In Russ.)
- Vakhoneev V.V., Solov'ev S.L.*, 2023. New burial complex of the 2nd century AD from excavations in the southern suburbs of Chersonesus (preliminary communication). *Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiya, nakhodki, teorii: materialy nauchnoy konferentsii (Sevastopol', 18–22 sentyabrya 2023 g.) [Chersonesus relics of the classical period: discoveries, findings, theories: Proceedings of the Scientific conference (Sevastopol, 18–22 September, 2023)]*. Moscow: Buki-Vedi, pp. 13–18. (In Russ.)
- Vnukov S.Yu.*, 2003. Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. (morfologiya) [Pontic amphorae of the 1st century BC – 2nd century AD (morphology)]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 235 p.
- Weekes J.*, 2005. Reconstructing Syntheses in Romano-British Cremation. *Theoretical Roman Archaeology Journal*, 14 (2004), pp. 16–26.
- Yakimovskaya A.D., Svirkina N.G.*, 2023. First results of the analysis of cremated remains from burials in the southern suburbs of Chersonesus. *Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiya, nakhodki, teorii: materialy nauchnoy konferentsii (Sevastopol', 18–22 sentyabrya 2023 g.) [Chersonesus relics of the classical period: discoveries, findings, theories: Proceedings of the Scientific conference (Sevastopol, 18–22 September, 2023)]*. Moscow: Buki Vedi, pp. 198–200. (In Russ.)
- Zubar' V.M.*, 1982. Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo I–IV vv. n.e. [Necropolis of Tauric Chersonesus of the 1st–4th centuries AD]. Kiev: Naukova dumka. 142 p.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ГНЁЗДОВСКОГО КОМПЛЕКСА

© 2025 г. Н.А. Кренке^{1,2,*}, А.В. Чернов^{3,4,**}, Е.Г. Ершова^{4,***}, И.Н. Ершов^{5,****}

¹Институт географии РАН, Москва, Россия

²Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

³Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

⁴Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

⁵Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: nkrenke@mail.ru

**E-mail: av.chernov@mpgu.su, alexey.chernov@inbox.ru

***E-mail: ekaterinagershova@mail.ru

****E-mail: ershovin@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.04.2025 г.

После доработки 17.04.2025 г.

Принята к публикации 17.06.2025 г.

В статье представлены результаты работ 2016–2022 гг. на территории западной части Гнёздовского археологического комплекса и построена гипотетическая модель динамики долинного ландшафта и положения русла Днепра в голоцене. Выявлены следы поселенческо-хозяйственной активности, приуроченной к пойме Днепра и долинам его малых притоков Ольшанки и Лубни. По материалам радиоуглеродного датирования и спорово-пыльцевого анализа делается предположение, что начиная с V в. сельскохозяйственное освоение нижних уровней долины Днепра в районе Гнёздово было интенсивным и, видимо, непрерывным по настоящее время, что обусловило очень сильную нарушенность поселенческих памятников, которые образуют такую же густую сеть, как и курганные группы.

Ключевые слова: Гнёздово, палеогеография, палеорусла, спорово-пыльцевой анализ, поселения, лепная, раннекруговая, позднесредневековая керамика.

DOI: 10.7868/S3034577425040055

В 2016–2022 гг. Смоленская археологическая экспедиция Института археологии РАН выполнила археологические исследования в рамках проектов в западной части Гнёздовского комплекса: 1) строительство линии высоковольтных опор вдоль (с западной стороны) автодороги Витебск — Брянск (Р-120); 2) ремонт моста через Днепр автодороги Р-120 (разведки по трассе строительства временного моста выше по течению и по трассе перекладки газопровода ниже по течению от существующего моста). Помимо этого заложено несколько шурфов вне территории строительных проектов с целью поиска поселений X–XI вв. (рис. 1), так как именно устранение «нехватки поселений» в районе Гнёздово сравнительно с числом зарегистрированных

курганных групп является актуальной задачей (Jansson, 1997. Р. 49–51).

Для верной интерпретации полученных результатов необходимо учитывать, что за последнюю тысячу лет произошли существенные изменения ландшафта изучаемой территории, обусловленные природными и антропогенными факторами. К природным факторам относятся прежде всего изменения положения русла Днепра, формирование пойменных отложений, соответствующих динамике русла. Одним из авторов данной статьи (А.В. Черновым) проведен анализ карт и космических снимков, на основании которого реконструировано изменение русла Днепра в голоцене, выделено пять хронологических генераций русла/поймы и положение 1-й и 2-й надпойменных террас (рис. 2).

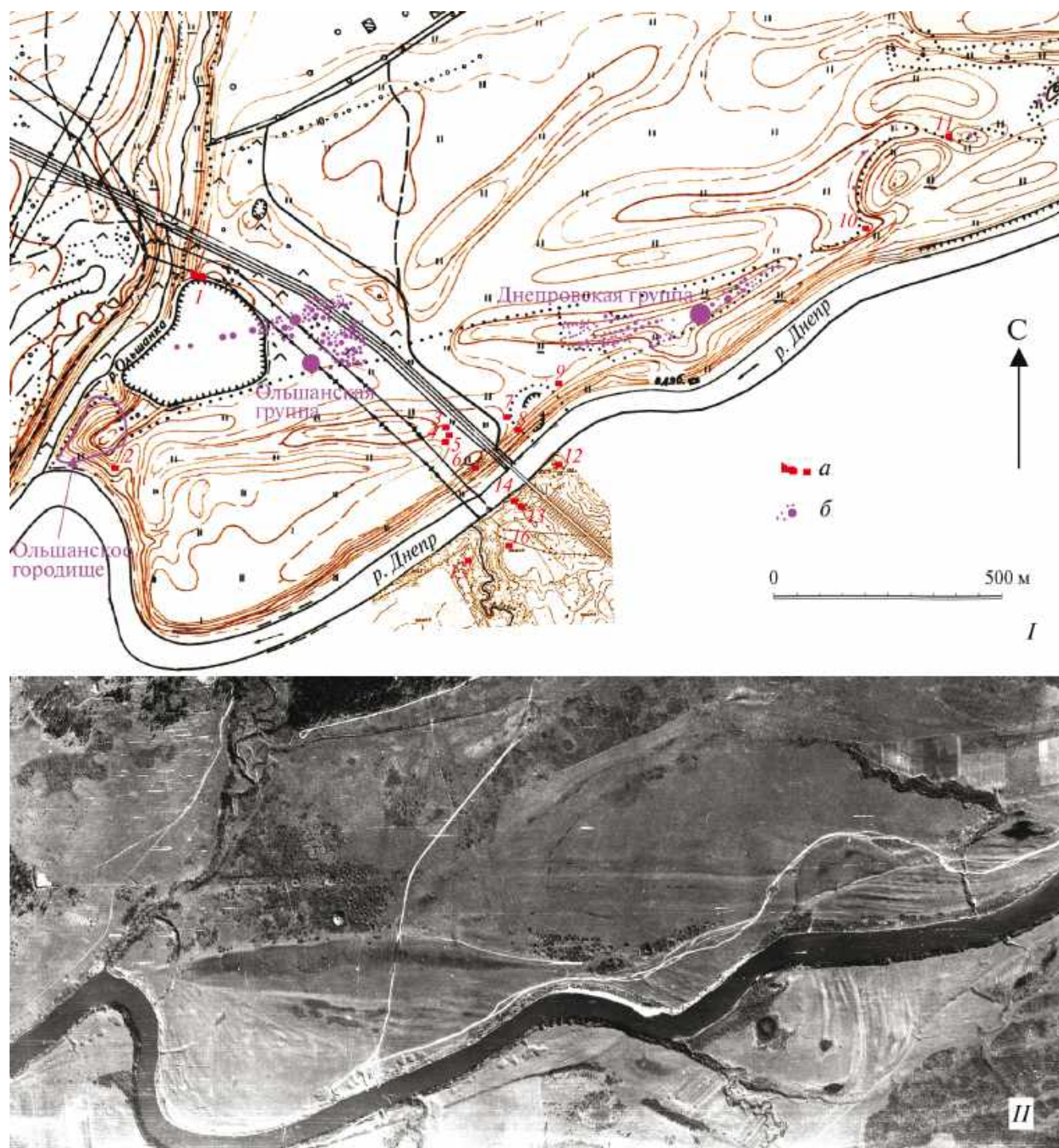

Рис. 1. I – карта западной части Гнёздовского комплекса с нанесением археологических памятников (Ольшанское городище, Днепровская по плану М.Н. Кислова 1950 г. и Ольшанская по плану Ю.В. Забубенина 1976 г., курганные группы фиолетовым цветом) и мест работ Смоленской экспедиции ИА РАН 2016–2022 гг. Раскоп на Ольшанском селище дан в масштабе (№ 1), остальные шурфы (№ 2–15) – внемасштабными знаками красным цветом. Условные обозначения: а – раскоп и шурфы 2016–2022 гг.; б – курганные группы; II – аэрофотоснимок 13 октября 1943 г. (кадр 75) с изображением района исследований (National Archives and Records Administration, USA. 75 GX4344 SD frame 75).

Fig. 1. I – a map of the western part of the Gnyozdovo complex with the indication of archaeological sites and areas of activities conducted by the Smolensk expedition of the Institute of Archaeology RAS in 2016–2022; II – an aerial photograph of October 13, 1943 (frame 75) depicting the research area (National Archives and Records Administration, USA. 75 GX4344 SD frame 75)

Рис. 2. Геоморфологическая реконструкция долины Днепра в районе Гнёздово. 1 — Олышанское городище; 2 — Гнёздовское центральное городище; 3 — палеоруло 3-й генерации (красный пунктир); 4 — палеоруло 4-й генерации (синий пунктир); а–д — пойменные генерации возрастающих возрастов; I — первая надпойменная терраса; II — вторая надпойменная терраса. Автор реконструкции палеорусел — А.В. Чернов.

Fig. 2. Geomorphological reconstruction of the Dnieper valley in the area of Gnyozdovo. The reconstruction of the paleochannels by A.V. Chernov

Генерации выделялись по их взаимному расположению, ориентировке пойменных грив и сечению более старых грив (массивов) более молодыми, а также по мысленному прослеживанию гипотетического положения древнего русла, создавшего ту или иную генерацию. Самая молодая — первая генерация, которая формируется сейчас (за последние 100–150 лет). Она ниже остальной поймы и покрыта густым ивовым лесом — сукцессия на ней только началась. Она может называться молодой поймой.

Остальные четыре генерации имеют очень похожие ландшафты и примерно одинаковую высоту. Они отличаются друг от друга четкостью и ориентировкой пойменных грив — элементов первичного пойменного рельефа.

Для рассматриваемой темы наибольшее значение имеет реконструкция положения русла Днепра 3-й хронологической генерации, так как можно утверждать, что в IX–XI вв. функционировало именно это русло. Такой вывод сделан при изучении пойменного сегмента в районе Центрального городища в Гнёздово (Бронникова и др., 2018. Рис. 1; Панин и др., 2019. Рис. 16, 1). Из всех пяти генераций русло Днепра 3-й генерации отличалось высокой извилистостью. В более раннее время — при формировании поймы 4-й генерации — искривленность русла Днепра была значительно ниже. В более позднее время

также наблюдается спрямление и смещение русла Днепра на некоторых участках. В ряде случаев эти изменения удастся проследить по историческим картам, что дает основание для суждений о верхней хронологической границе русла 3-й генерации. Так, на участке в районе Днепровской группы курганов положение русла 3-й генерации сохранялось практически неизменным до первой половины XIX в. и зафиксировано на военно-топографической карте 1830-х годов (и на более ранней карте Генерального межевания 1780-х годов). Палеоруло делало здесь крутую излучину, глубоко вдававшуюся в левый берег (рис. 3, обозначено цифрой 1). Судя по аэрофотоснимкам (рис. 1, II), русло в этой излучине сдвигалось постепенно, прослеживается серия его сходных положений, но затем, видимо, в последней четверти XIX в., произошел прорыв и спрямление русла (на карте 1870-х годов излучина показана, а на карте 1924 г. ее уже нет), после чего форма русла практически не менялась до современности. На смежных участках выше и ниже по течению русло 3-й генерации имело иную верхнюю хронологическую границу — видимо, более древнюю, его положение не отражено на картах XIX в. При этом хорошо видно, что участок поймы выше устья р. Олышанки менялся очень быстро уже в XX в., это следует из сравнения карт

Рис. 3. Серия карт XVIII–XX вв. и космический снимок на участок долины Днепра в районе Гнёздово. Цифрой 1 и стрелкой обозначен участок палеорула 3-й хронологической генерации, IX–XI вв., напротив Днепровской группы курганов; цифрой 2 и стрелкой – участок русла выше Ольшанского городища, которое активно смещалось в XX в.

Fig. 3. A series of maps from the 18th–20th centuries and a satellite image of the Dnieper Valley in the area of Gnyozdovo

1924 и 1970-х годов (рис. 3, обозначено цифрой 2). Русло здесь интенсивно подмывало левый берег, меняя его конфигурацию.

Факт повышенной извилистости русла 3-й генерации находит соответствие в том, что именно в толще пойменных отложений этой генерации

прослеживается хорошо развитая погребенная почва 2 (или «гнездовская»). Формирование этой почвы было возможно при условиях низкой паводковости и, соответственно, сравнительно низкой энергии потока, что и приводило к интенсивному меандрированию.

Изменения рельефа и ландшафта в целом в изучаемом районе были весьма значительными, особенно начиная с середины XX в. Песчаные карьеры 1960-х годов заняли обширную территорию с северо-востока от Ольшанского городища на левом берегу р. Ольшанки, а также на противоположном правом берегу, уничтожив при этом два средневековых селища; трасса дороги Р-120 Брянск — Витебск, сооруженная в 1975 г., уничтожила остатки Ольшанской группы курганов. К сожалению, осознание того, что курганы являются важнейшими элементами исторического ландшафта, не было принято в среде московских археологов вплоть до конца XX в. В результате важнейшая доминанта исторического ландшафта — курган 1 Ольшанской группы был скрыт «на нос» в 1950 г. (Авдусин, 1951).

Археологические разведки в районе Ольшанского городища в основном велись А.Н. Лявданским в начале 1920-х годов по плану, разработанному Е.Н. Клетновой, их результаты опубликованы (Лявданский, 1924). В 1947 г. разведки продолжены Н.В. Андреевым (1947), но новые памятники при этом не зафиксированы. А.Н. Лявданский отмечал, что левобережное ольшанское селище примыкало к валу городища, но размеров его не указал, сказав лишь, что оно значительно меньше гнездовского (Лявданский, 2022. С. 209).

В 2016–2017 гг. изучен последний сохранившийся останец на левом берегу р. Ольшанки между песчаным карьером и выемкой дороги Р-120. От устья Ольшанки останец находился в 480 м, от внешнего вала городища — в 300. Останец примыкал к бровке берега, его размеры — 10 × 20 м. Раскопана площадь 130 м², включавшая ровный участок поверхности террасы и бровку склона, перекрытую карьерными отвалами толщиной до 2.5 м, под которыми сохранился горизонт погребенной почвы, маркирующий береговой склон (рис. 4). Культурный слой на останце был сильно нарушен, возможно, на этом месте размещался карьерный экскаватор (?). На ровном участке материк зачищен на глубине 20–30 см от поверхности (рис. 4). Ямы на площади раскопа не зафиксированы, однако выявлены два скопления раннекруговой керамики и западина, в которой залегало большое количество отщепов черного кремня. Всего в раскопе

найдено 162 фрагмента раннекруговой керамики «гнездовского типа» (рис. 4), имеющей многочисленные аналогии в материалах середины–второй половины X в. (Каменецкая, 2019), и 254 фрагмента керамики XVI–XVII вв. (рис. 5), в том числе 83 мореной и чернолощеной, 80 красножгущейся, 91 светлоглиняной. Индивидуальные находки представлены фрагментом железной тордированной гривны и подвеской к ней (?). Аналогии имеются в гнездовских курганах. Железные гривны с привесками-амулетами обычно считаются типично скандинавской находкой (Новикова, 1991).

Особенность комплекса находок — скопление отщепов из черного кремня, залежавших компактно в западине в южной части раскопа, всего более 300 штук (рис. 5). Среди них не было ни одного изделия с ретушью, характер расщепления хаотический, возможно, в результате удара железным предметом, без характерных признаков отжимной техники расщепления каменного века. Совершенно аналогичные кремни зафиксированы нами при раскопках в Смоленске на Краснофлотской улице в 2020 г. в слое с материалами второй половины X–XI в. Вероятно, следует считать, что и рассматриваемый комплекс относится к эпохе средневековья. Возможно, здесь изготавливался кресальный кремнь. В целом изученный участок можно интерпретировать как периферию поселения.

В связи с тем, что курганы ольшанской курганной группы «отрезают» изученный нами участок поселения от городища (рис. 1, Л), можно предполагать, что селище X в. простиралось по левому берегу р. Ольшанки не в сторону городища (на юго-запад), а в противоположную сторону, вверх по течению на северо-восток. В таком случае это не то поселение, которое описывал А.Н. Лявданский. В любом случае очевидно, что это поселение имело отношение к ольшанским курганам. Таким образом, в данном случае фиксируется «классическая» схема взаиморасположения поселения и курганного могильника — поселение у реки, могильник на небольшом удалении вверх по склону.

Позднесредневековый материал из раскопа имеет параллели с находками на Ольшанском городище (Авдусина, Зозуля, 2018) и, судя по описаниям А.Н. Лявданского, на Ольшанском селище. Можно полагать, что размеры позднесредневекового селища были велики. Видимо, оно простиралось от вала городища вверх по течению р. Ольшанки (по левому берегу) как минимум на 300 м, ранние курганы частично располагались на территории этого поселения.

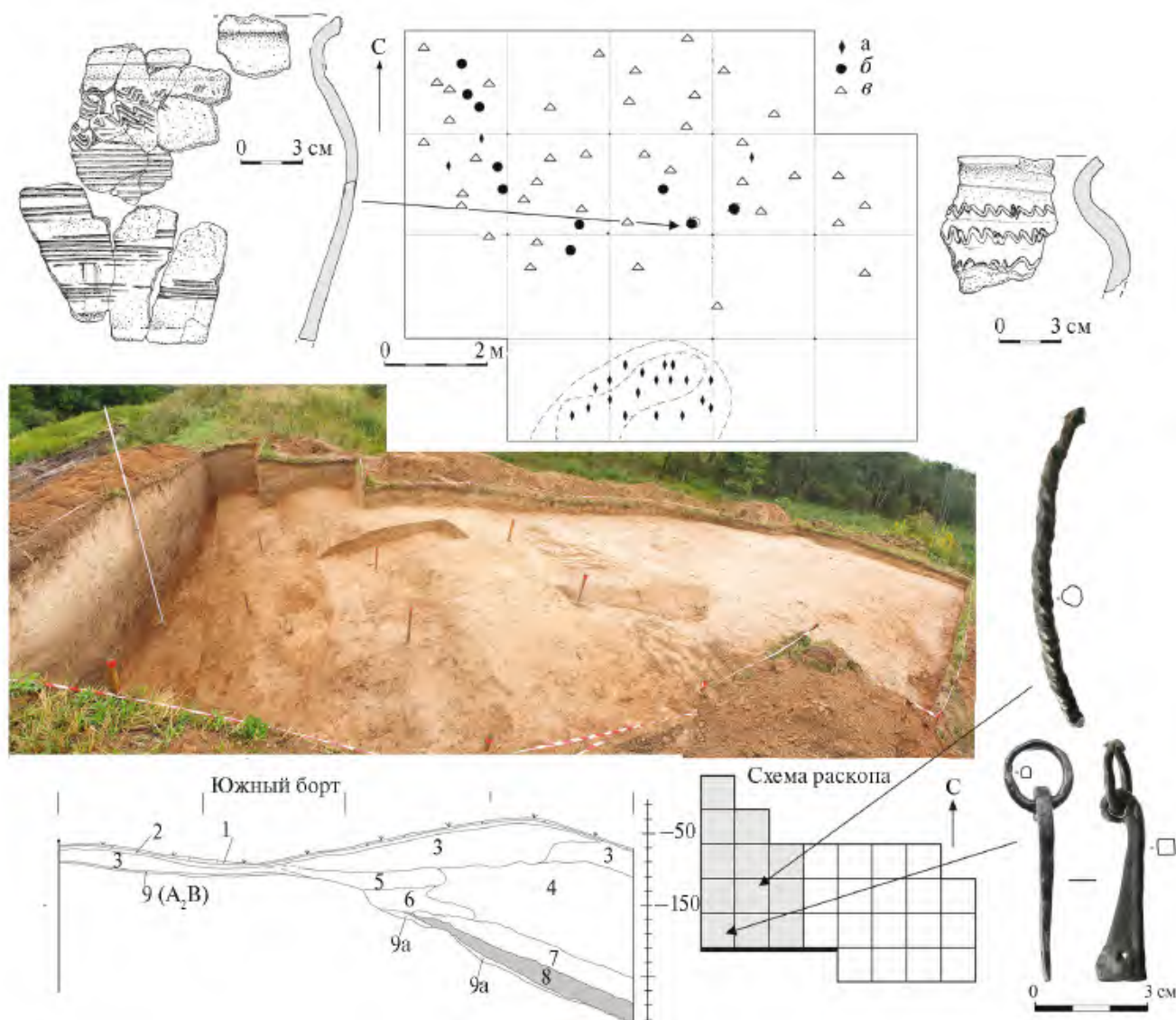

Рис. 4. Раскоп 2017 г. на Ольшанском селище: план восточной половины раскопа и находки керамики X в., железные гривна и подвеска; общее фото раскопа; профиль западной половины южного борта (1 – гумус; 2 – темно-серая супесь; 3 – мешаная светло-бурая супесь с бурым суглинком; 4 – мешанный гумус с бурым суглинком; 5 – супесь темно-серая со светло-бурой; 6 – темно-серая супесь с фрагментами древесины; 7 – пестрая светло-бурая супесь; 8 – темно-бурый суглинок (погребенная почва); 9 – бурый суглинок с подзолом по трещинам; 9а – бурый суглинок) и схема раскопа. Условные обозначения: а – кремневые отщепы; б – раннекруговая керамика X–XI вв.; в – средневековая керамика XV–XVI вв.

Fig. 4. The 2017 excavation site at the Olshankoye settlement

Второй поселенческий объект обнаружен в пойме к югу от Ольшанского городища. С южной стороны от городища имеется участок поймы треугольной в плане формы, ограниченный с востока ложбиной стока, с юга руслом Днепра, с севера бровкой террасы, на которой расположено городище. Приблизительно в центре этого участка в 30 м к югу от городища ручным буром сделана скважина, где зафиксирована погребенная почва, а затем на этом месте заложен шурф

размерами 2 x 4 м (рис. 1, I, № 2; 6, I). Мы исходили из логики расположения поселения в пойменной части возле Центрального городища в Гнёздово. В результате изучения шурфа стало ясно, что в пойме под Ольшанским городищем также была поселенческая/хозяйственная активность, относившаяся к двум хронологическим этапам. Верхние полметра были сложены светло-бурым супесчаным аллювием (рис. 6, II). На глубине 50–60 см в шурфе зафиксирован слой с

Рис. 5. Находки с Олышанского селища: позднесредневековая керамика XVI–XVII вв. (1 – чернолощеная; 2–4, 8, 9 – светлоглиняная; 5–7 – красножгущаяся) и отщепы черного кремня (10).

Fig. 5. Finds from the Olshankoye settlement

битыми большемерными кирпичами размерами 14–16 x 7 (8) см и серией фрагментов керамики: древнерусский венчик XIII в. (рис. 6, III, 1), венчики светлоглиняных и красножгущихся горшков XVI–XVII вв. (рис. 6, III, 2–5). Этот слой может быть связан с функционированием поселения XVI–XVII вв. возле ц. Николы и погостом рядом с ней на Олышанском городище.

Также имеются данные о наличии кирпичного производства XVII в. в данном районе (Авдусина, Зозуля, 2018; Курмановский, 2018. С. 261).

Ниже в шурфе залегал более темный и плотный бурый суглинок. На глубине около 1 м зафиксирована поверхность темноцветной погребенной почвы толщиной до 20 см. Ее верхняя граница неровная. В почве отчетливо выделялся

Рис. 6. Шурф в пойме возле Ольшанского городища. *I* – участок до раскопок; *II* – профиль северного борта шурфа, показаны места отбора образцов на спорово-пыльцевой анализ (красным цветом); *III* – керамика и печина из горизонта с битыми кирпичами (1–5) и из погребенной почвы (6–11). 1, 10 – XI–XIII вв.; 2–5 – XVI–XVII вв.; 6, 8, 9 – лепная конца I тыс.; 7 – раннекруговая X в.; 11 – печина.

Fig. 6. A test pit in the floodplain near the Olshanskoye fortified settlement

темно-серый гумусовый горизонт с микроугольками, его подстилал светлый (белесый) подзолистый горизонт толщиной около 5 см,

плавно переходивший в подстилающий оже-лезненный иллювиальный горизонт ржаво-бурого цвета (рис. 6, *II*). К погребенной почве

приурочен культурный слой. Помимо угольков найдены фрагменты обожженной глины — пещины (рис. 6, III, 11), а также керамика. Преобладала лепная керамика, характерная для конца I тыс. (рис. 6, III, 6, 8, 9), раннекруговая X в. (рис. 6, III, 7) и единично древнерусская XI–XII вв. (рис. 6, III, 10). Нужно отметить, что лепная керамика на Ольшанском городище найдена еще А.Н. Лявданским, а круговая X–XI вв. — при раскопках 2008 г. (Авдусина, Зозуля, 2018).

По уголькам, отобраным в нижней части погребенной почвы на глубине 110–130 см от поверхности, в университете Оттавы получена радиоуглеродная дата 1554 ± 26 (UOC-5860), которая с наибольшей вероятностью указывает на календарный интервал 532–566 (вероятность 31.5%) AD (калибровка проводилась по калибровочной программе OxCal 4,4).

Из погребенной почвы с глубины 100–160 см обработано девять образцов на спорово-пыльцевой анализ (рис. 6, 7). Все они содержали пыльцу, но в разном количестве. Больше всего пыльцы было в темном слое с углем и пещиной и в верхнем слое подстилающей его почвы (образцы 4–8); образцы 1–3 и 9, 10 (ниже и выше почвы) содержали лишь единичные пыльцевые зерна и споры.

Всего определено 29 таксонов разного ранга, 9 — древесные, 14 — травы, 6 — споровые (без

зеленых мхов). Спорово-пыльцевые спектры (рис. 7) всех образцов в целом похожи и относятся, очевидно, к одному временному периоду, хотя некоторую динамику проследить можно.

Содержание пыльцы деревьев — от 60 до 35% от пыльцевого спектра, с некоторым возрастанием снизу вверх. Среди древесных абсолютно доминирует береза (*Betula*), причем ее доля возрастает от 10 до 50% от нижних образцов к верхним. Пыльца других лиственных деревьев и кустарников, таких как дуб (*Quercus*), липа (*Tilia*), вяз (*Ulmus*), ольха (*Alnus*), орешник (*Corylus*), не превышает 5%. Хвойные практически отсутствуют — ель (*Picea*) составляет менее 2%, сосна (*Pinus*) — менее 8% от пыльцевого спектра.

Пыльца трав составляет во всех образцах больше 50% спектра. Доминируют злаки (*Poaceae*), доля которых несколько увеличивается снизу вверх, и иван-чай (*Chamaenerion*), который, наоборот, заметно убывает. Много также таволги (*Filipendula*), сложноцветных (*Asteraceae*), полыни (*Artemisia*), осок (*Cyperaceae*), маревых (*Chenopodium*), единична пыльца бобовых (*Fabaceae*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*), горца птичьего (*Polygonum aviculare*), губоцветных (*Lamiaceae*), василистника (*Thalictrum*). В образцах из слоя с углем зафиксирована пыльца культурных злаков. Во всех образцах довольно

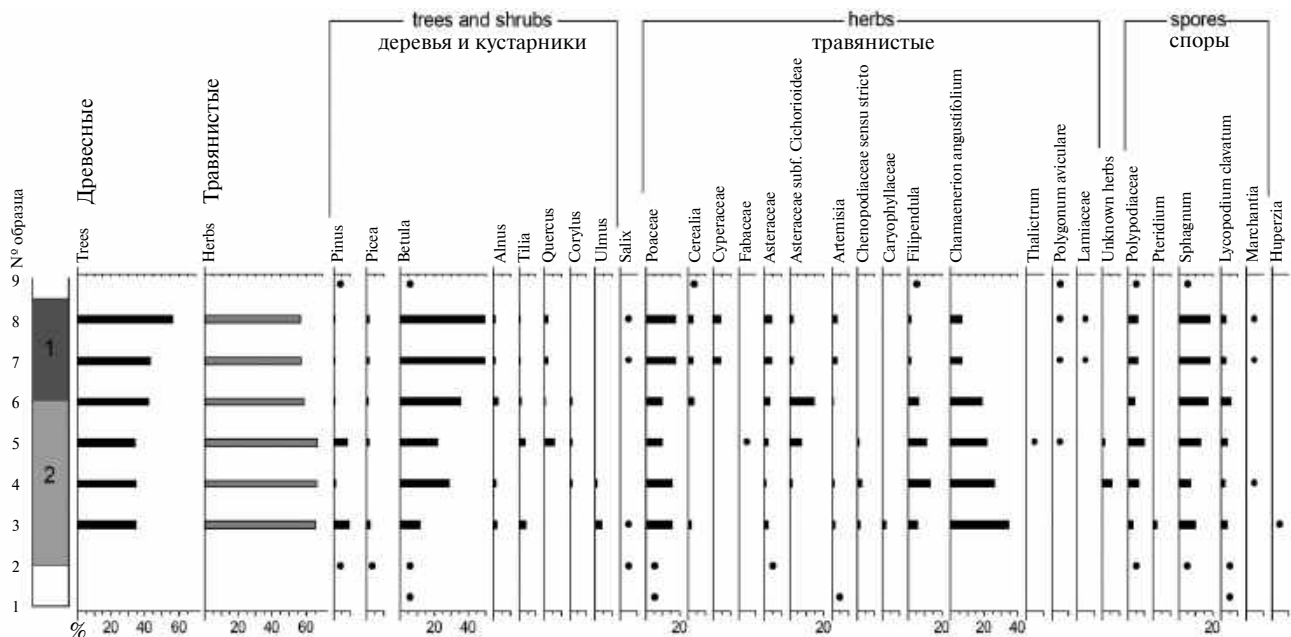

Рис. 7. Спорово-пыльцевая диаграмма по образцам из погребенной почвы в шурфе возле Ольшанского городища. Сост. — Е.Г. Ершова.

Fig. 7. A spore-pollen diagram based on samples from buried soil in a test pit near the Olshankoye fortified settlement. Composed by E.G. Ershova

много спор сфагнума (*Sphagnum*), папоротников (*Polypodiaceae*), плауна (*Lycopodium clavatum*), а в угольном слое обнаружены споры мха маршанции (*Marchantia*).

В образцах 3–8 много микроскопического угля и фитоцитов, в том числе обугленных. Среди фитоцитов отмечены принадлежащие к хвойным деревьям и злакам, а также к культурным злакам — паникоидные (просовые), и единично дендритные формы. Кроме того, во всех образцах найдены древние докайнозойские переотложенные споры, что свидетельствует о постоянных паводках и о размывании древних отложений.

В целом спорово-пыльцевые спектры отражают открытый пойменный ландшафт на месте бывшего леса. Естественный лес был выжжен, о чем свидетельствуют древесный уголь, фитоциты хвойных, пыльца и споры лесных растений, характерных для пожаров, — иван-чай, маршанция, плауны. На момент перекрытия почвы (культурного слоя) аллювием рядом с местом сбора образцов преобладали луга и рудеральные сообщества, а древесная растительность вокруг была представлена почти исключительно вторичными березняками. Имеются свидетельства о земледелии — пыльца и фитоциты культурных злаков.

Спектры из поймы Ольшанки похожи на спектры почвы, погребенной под культурным слоем на Соборной горе в Смоленске. В них также почти отсутствуют хвойные, доминируют береза и иван-чай. В обеих точках почва содержит равномерно перемешанный уголь и золу, пыльцу пирогенных растений, а также фитоциты и пыльцу культурных злаков, что является признаками того, что данная почва проходила через циклы подсечного земледелия.

В ходе наших исследований долины Днепра на изучаемой территории археологические находки зафиксированы еще в двух местах: на бровках 1-й террасы левого и правого берегов р. Лубни близ места ее впадения в Днепр (рис. 1, I, № 15, 16); на бровке высокой поймы (1-й террасы?) восточнее Днепровской группы курганов (рис. 1, I, № 10, 11).

На бровке мыса на левом берегу Лубни заложена серия небольших шурфов (1 м² каждый), но археологический материал был лишь в одном, что с осторожностью позволяет предположить наличие незначительного по площади поселенческого объекта. Аналогичная ситуация отмечена на противоположном берегу Лубни. Здесь также заложена серия шурфов, в трех из

них зафиксирована измельченная распахкой лепная керамика. Из-за фрагментированности находок можно лишь с относительной уверенностью предполагать, что керамика относится к I тыс. (рис. 8, А). Местонахождение на левом берегу Лубни обозначено как селище Усть-Лубня 1, а расположенное на правом — как селище Усть-Лубня 2.

В целях поиска поселения, связанного с Днепровской группой курганов, заложены шурф (рис. 1, I, № 11) и зачистка (рис. 1, I, № 10) к востоку от этой группы на бровке высокой поймы по А.В. Чернову (1-й террасы по А.В. Панину). Ранее, в 2014 г., восточнее Днепровской курганной группы отрядом экспедиции Государственного исторического музея (руководитель С.С. Зозуля) исследован раскоп площадью 40 м² возле одиночного кургана (Зозуля, 2019). В раскопе зафиксированы следы поселенческой активности, в том числе железный инкрустированный ключ от замка типа «А» по Б.А. Колчину (1959), вероятно, XI–XII вв. (авторы благодарят А.А. Кудрявцева за консультацию и уточнение датировки), круговая и лепная керамика. Наши шурфы продолжили разведки в восточном направлении.

Шурф размерами 2 × 2 м располагался вблизи другого одиночного кургана в 300 м к востоку от раскопа 2014 г. Глубина прокопа в шурфе составила 40 см. Керамика (лепная, раннекрюговая и древнерусская XII–XIII вв.) стала фиксироваться в слое пашни и на контакте пашни с нижележащим слоем. Зачистка пласта 1 на отметках –23, –30 см от репера показала наличие у западной стенки овального в плане пятна с мелкими угольками. Диаметр пятна — около 80 см, часть его уходит в западную стенку. Толщина пятна незначительна — около 3–4 см, особых находок нет, не считая единичных мелких фрагментов кальцинированных костей и горелых камешков, железного язычка пряжки (рис. 8, Б, 24). Зачистка пласта 2 показала наличие верха материка в виде светло-бурой супеси с кротовинами на уровне –36, –40 см от репера. Контрольные зондажи вокруг шурфа показали наличие такого же горизонта с находками керамики в продолговатом пятне, протянувшимся от шурфа к востоку на 60–70 и к западу на 25–30 м, ширина полосы — около 20 м.

Коллекция керамики и находок из шурфа невелика — несколько десятков фрагментов посуды, но выразительна. В ней представлены стенки лепной керамики конца I тыс. (рис. 8, Б, I–II), орнаментированные многорядной волной

раннекруговые стенки X–XI вв. (рис. 8, Б, 12–15), венчики, стенки и донца круговых горшков XII в. (рис. 8, Б, 16–23).

Характер объекта не вполне ясен. Скорее всего, ранняя группа находок (лепная и ранне-круговая керамика) фиксирует весьма незначительное по размерам селище площадью не более 1500 м², очень сильно разрушенное распашкой. Возможно, что развал горшка XII в. связан с тем, что место возле кургана регулярно посещалось во время полевых работ (?).

Зачистка (рис. 1, I, № 10) сделана на обочине грунтовой дороги, спускающей с уровня высокой поймы к Днепровской группе курганов, в 200 м восточнее крайнего восточного кургана. Размеры зачистки – 50 x 50 см, ориентирована

по сторонам света. Глубина зачистки – около 90 см. Сверху идет слой дерна 3–5 см, ниже следует слой однородной бурой супеси (темнеет книзу) мощностью 60 см (делювий), под делювием – горизонт темно-серой супеси с мелкими угольками и единичными находками раннегончарной керамики. Толщина этого слоя – до 30 см, верх и низ размыты, края неровные, зигзагообразные. Очевидно, это культурный слой какого-то поселения, возможно, «гнездовского времени». В основании разреза идет слой бурой материковой супеси.

Еще один шурф у юго-западного края Днепровской группы (рис. 1, I, № 9) имеет как палеогеографическое, так и археологическое значение. Он отделяет от Днепровской группы

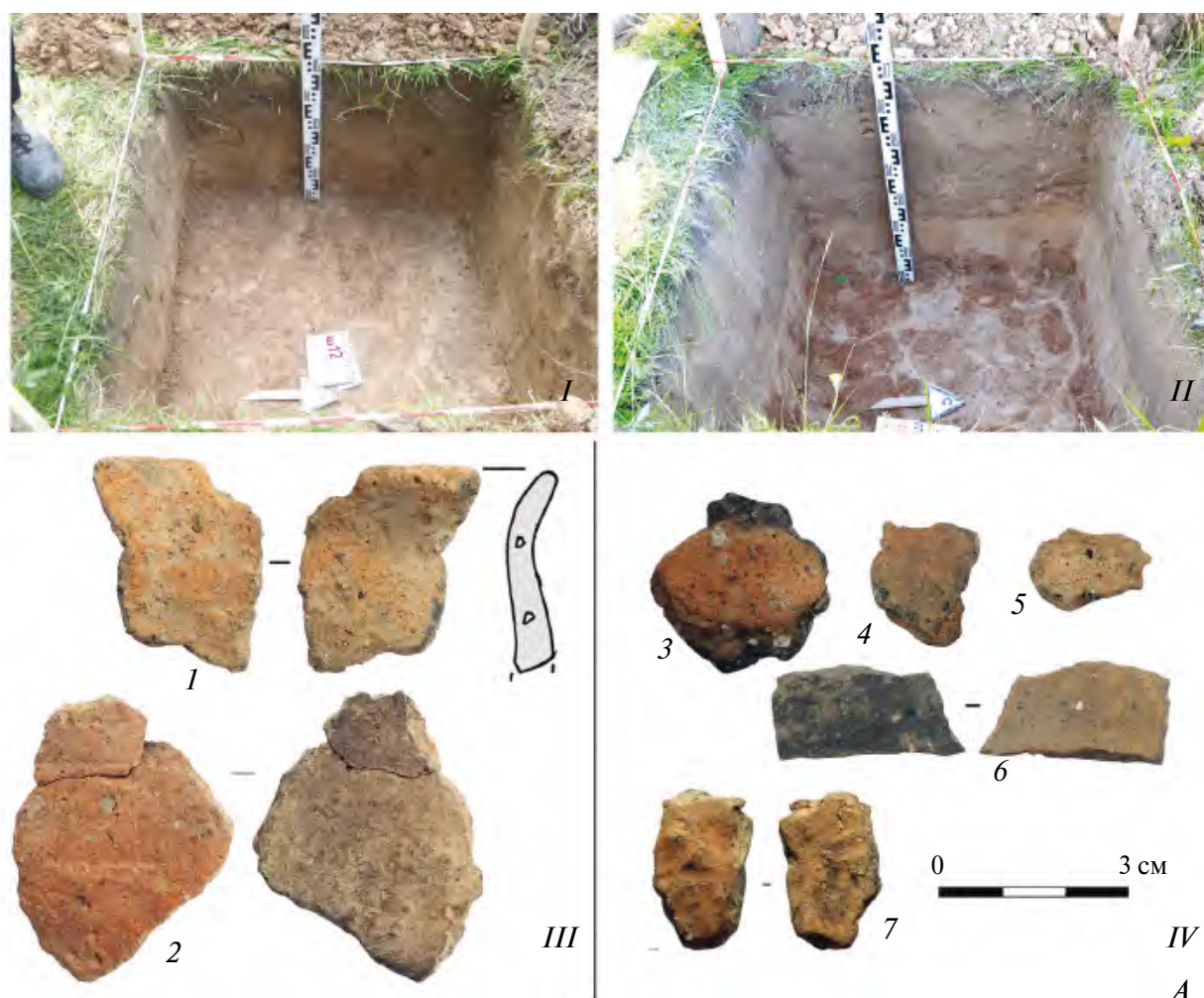

Рис. 8. Шурфы и находки из них в западной части Гнёздовского комплекса. А: I, III – Усть-Лубня 1 (шурф с находками керамики; 1, 2 – лепная керамика); II, IV – Усть-Лубня 2 (шурф с четко выраженным современным пахотным горизонтом и крошками лепной керамики; 3–5, 7 – лепная керамика; 6 – круговая керамика; Б: шурф (I) и зачистка (II, III) к востоку от Днепровской группы курганов и находки из них (1–24 – шурф, 25 – зачистка). 1–11 – лепная керамика; 12–15 – раннекруговая керамика X–XI вв.; 16–23 – керамика XII в.; 24 – железный язычок пряжки.

Fig. 8. Test pits in the western part of the Gnyozdovo complex and finds from them (A, B)

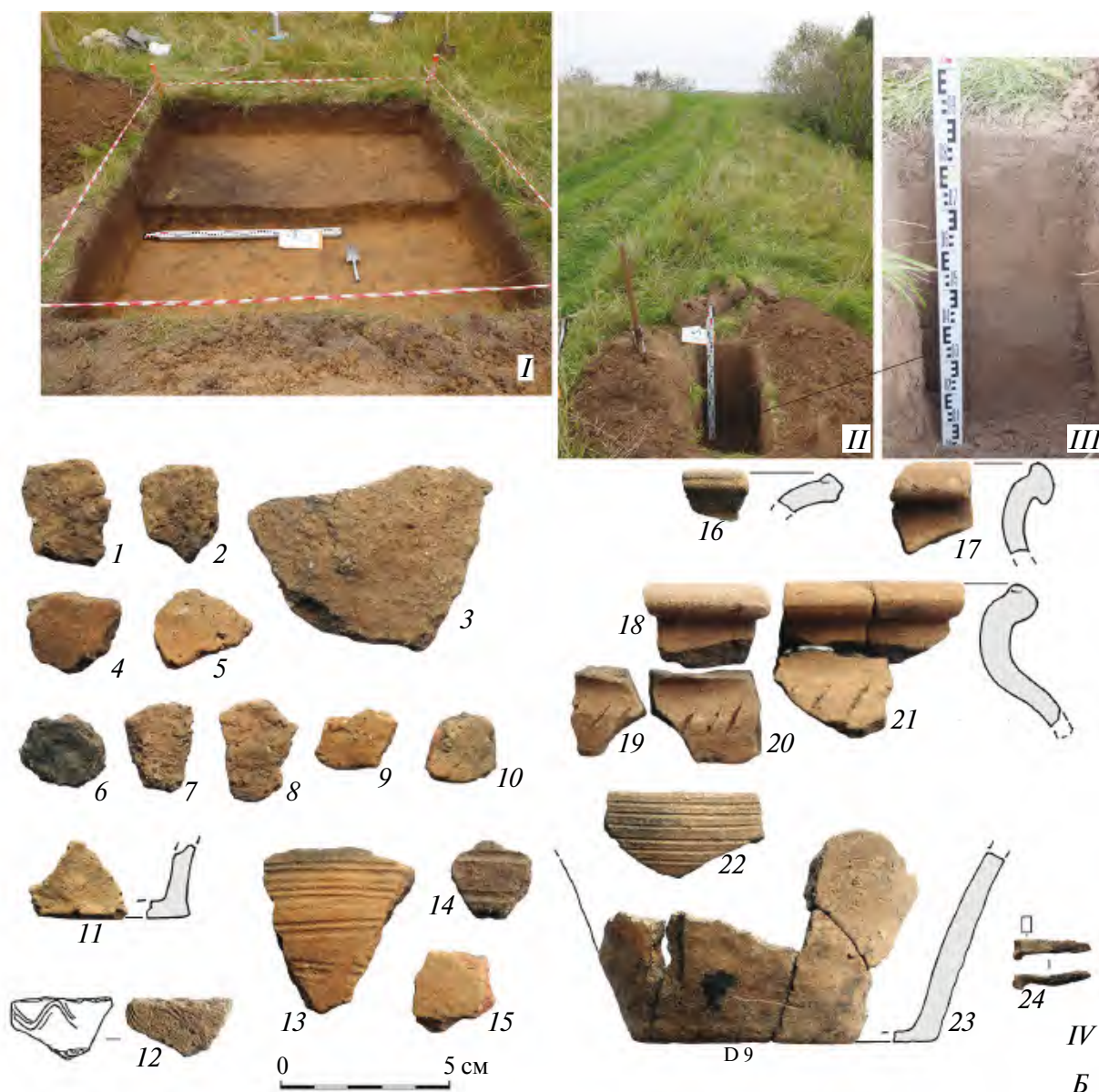

Рис. 8. Окончание.

Fig. 8. The end

старорусельное понижение. В шурфе на глубине 80–90 см от поверхности зафиксирован мощный слой погребенной почвы, перекрытой аллювием. Очевидно, что это так называемая почва 2, или «гнездовская». В ней не было ни малейших признаков культурного слоя. Это означает, что поселения у кромки берега Днепра в этом месте не было, хотя река и не разливалась за пределы русла в то время, когда формировалась почва 2. Шурф фиксирует правильность реконструкции А.В. Чернова, согласно которой он расположен между палеоруслами 4-й и 3-й генерации.

Серия шурфов возле моста через Днепр дороги Р-120 (рис. 1, I, № 3–8, 12–14) не дала никаких археологических находок, зато предоставила ценный материал для палеогеографических реконструкций рельефа поймы и положения русла. В шурфах на обоих берегах выявлена погребенная почва 2, что означает, что современное положение русла в районе моста не изменилось за последнюю тысячу лет. Однако изменилась ширина нижнего уровня долины (на уровне высокой поймы). В шурфах № 6 на правом берегу и № 14 на левом зафиксированы противоположащие склоны высокой поймы с «гнездовской почвой».

Таким образом, расстояние между противолежащими бровками высокой поймы было больше современного примерно на 20–25 м и сократилось за счет накопления аллювиальных наносов. В шурфах № 13 и 14 на левом берегу реки в слое погребенной почвы 2 зафиксированы многочисленные угольки, связанные, скорее всего, с хозяйственной деятельностью людей.

Результаты проведенной работы нельзя считать итоговыми, скорее они провоцируют к дальнейшим исследованиям. Предложенная реконструкция динамики положения русла Днепра и история формирования пойменных отложений требуют дальнейших стратиграфических подтверждений и большого объема радиоуглеродного датирования, пока есть лишь первые примеры того и другого. Черты поселенческой структуры второй половины I — начала II тыс. пока лишь начали «проступать». Важно, что уже можно говорить с очевидностью о плотном хозяйственно-поселенческом освоении долины Днепра и приустьевых зон его малых притоков в «предгнёздовское» и «гнёздовское» время на всем пространстве Гнёздовского комплекса. Завеса загадочности над местоположением поселения, соответствовавшего Днепровской курганный группе, кажется, стала приоткрываться. Определены перспективные направления для поисков — это бровка берега высокой поймы (террасы?) к востоку от курганный группы (в излучине нынешнего левого берега Днепра, который в «гнёздовское время» был правым, в 2017 г. проведена разведка, давшая отрицательный результат). Ольшанской курганный группы, видимо, соответствовало не одно, а несколько поселений. Они располагались по левому берегу р. Ольшанки и в пойме Днепра в приустьевой зоне Ольшанки.

Выявленные поселенческие объекты имеют много схожего между собой — в них наличествует мелкофрагментированная лепная и раннекруговая керамика, печинки, приуроченные к уровню погребенной почвы 2 («гнёздовской»), мало ям. Количество керамики в шурфах слишком велико, чтобы думать, что это «керамический дождь», выпадавший на полях. Тот факт, что большой процент разведочных шурфов оказался с находками второй половины I — начала II тыс., указывает на перспективность поисков поселений и подтверждает правоту И. Янссона, ставившего задачу их обнаружения (Jansson, 1997). Можно думать, что мы имеем дело с сильно разрушенными многовековой распахкой поселениями, для изучения которых нужны полноценные раскопки.

Исследования выполнены при поддержке гранта Минобрнауки РФ. Соглашение № 075-15-2024-554 от 24.04.2024.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусин Д.А. К методике раскопок больших курганов // Краткие сообщения Института материальной культуры. 1951. Вып. 40. С. 138–145.
- Авдусина С.А., Зозуля С.С. Исследование территории Ольшанского городища под Смоленском в 2008–2009 гг. // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. М., 2018 (Тр. Гос. ист. музея; вып. 210). С. 12–27.
- Андреев Н.В. Отчет. Древнейшие водные пути Смоленской земли. Смоленск, 1947 // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 132.
- Бронникова М.А., Панин А.В., Шеремецкая Е.Д. и др. Формирование поймы Днепра в районе Гнёздовского археологического комплекса в среднем и позднем голоцене // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. М., 2018 (Тр. Гос. ист. музея; вып. 210). С. 28–67.
- Зозуля С.С. Новые исследования в Днепровской курганной группе Гнёздовского комплекса археологических памятников // Край Смоленский. 2019. № 2. С. 60–64.
- Каменеца Е.В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. М.; Смоленск: Книжный дом Университет: Университетская книга, 2019. 244 с.
- Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 65). С. 7–120.
- Курмановский В.С. Гнёздово и окрестности в XI–XVIII вв.: историко-археологический очерк // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. М., 2018 (Тр. Гос. ист. музея; вып. 210). С. 241–266.
- Лявданский А.Н. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Труды смоленских государственных музеев. Вып. 1. Смоленск, 1924. С. 127–184.
- Лявданский А.Н. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Репринт // Смоленские древности. Вып. 2. Смоленск, 2002. С. 185–256.
- Новикова Г.Л. Скандинавские амулеты из Гнёздова // Смоленск и Гнёздово. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1991. С. 175–199.
- Панин А.В., Мурашева В.В., Бронникова М.А. и др. Развитие поймы Днепра и ее освоение человеком в районе Гнёздовского комплекса // Археология поймы. М.: ИА РАН, 2019. С. 70–74.
- Jansson I. Warfare, trade or colonisation? Some general remarks on the eastern expansion of the Scandinavians in the Viking period // The Rural Viking in Russia and Sweden. Örebro: Örebro kommuns bildningsförvaltning, 1997. P. 9–64.

ARCHAEOLOGICAL AND PALEOGEOGRAPHICAL RESEARCH IN THE WESTERN PART OF THE GNYOZDOVO COMPLEX

Nikolay A. Krenke^{1,2,*}, Aleksey V. Chernov^{3,4,**},
Ekaterina G. Ershova^{4,***}, and Ivan N. Ershov^{5,****}

¹*Institute of Geography RAS, Moscow, Russia*

²*Institute for the History of Material Culture RAS, St. Petersburg, Russia*

³*Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia*

⁴*Moscow Lomonosov State University, Moscow, Russia*

⁵*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

*E-mail: nkrenke@mail.ru

**E-mail: av.chernov@mpgu.su

***E-mail: ekaterinagershova@mail.ru

****E-mail: ershovin@yandex.ru

The article presents the results of 2016–2022 years' activities in the western part of the Gnyozdovo archaeological complex. The authors build a hypothetical model of the valley landscape dynamics and the position of the Dnieper riverbed in the Holocene. The research revealed traces of settling and economic activity confined to the Dnieper floodplain and the valleys of its small tributaries – the Olsha and Lubnya. Based on radiocarbon dating and pollen analysis, it is assumed that, starting from the 5th century AD, agricultural development of the lower levels of the Dnieper valley in the Gnyozdovo area was intensive and, probably, continuous to the present day. It led to very strong disturbance of the settlement sites, which form a network as dense as the mound groups.

Keywords: Gnyozdovo, paleogeography, paleo-riverbeds, spore-pollen analysis, settlements, hand-made, early wheel-made, late medieval pottery.

REFERENCES

- Andreev N.V. Otchet. Drevneyshie vodnye puti Smolenskoy zemli. Smolensk, 1947 [Report. The earliest waterways of the Smolensk land. Smolensk, 1947]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 132.
- Avdusin D.A., 1951. On the methodology of excavations of large mounds. *Kratkie soobshcheniya Instituta material'noy kul'tury [Brief Communications of the Institute of Material Culture]*, 40, pp. 138–145. (In Russ.)
- Avdusina S.A., Zozulya S.S., 2018. Study of the territory of the Olshanka fortified settlement near Smolensk in 2008–2009. *Gnezdovskiy arkheologicheskiy kompleks. Materialy i issledovaniya [Gnyozdovo archaeological complex. Materials and research]*, 1. Moscow, pp. 12–27. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 210). (In Russ.)
- Bronnikova M.A., Panin A.V., Sheremetskaya E.D. et al., 2018. Formation of the Dnieper floodplain in the area of the Gnyozdovo archaeological complex in the middle and late Holocene. *Gnezdovskiy arkheologicheskiy kompleks. Materialy i issledovaniya [Gnyozdovo archaeological complex. Materials and research]*, 1. Moscow, pp. 28–67. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 210). (In Russ.)
- Jansson I., 1997. Warfare, trade or colonisation? Some general remarks on the eastern expansion of the Scandinavians in the Viking period. *The Rural Viking in Russia and Sweden*. Örebro: Örebro kommuns bildningsförvaltning, pp. 9–64.
- Kamenetskaya E.V., 2019. Keramika IX–XIII vv. kak istochnik po istorii Smolenskogo Podneprov'ya [Ceramics of the 9th–13th centuries AD as a source on the history of the Smolensk Dnieper area]. Moscow; Smolensk: Knizhnyy dom Universitet: Universitetskaya kniga. 244 p.
- Kolchin B.A., 1959. Ironworking of Veliky Novgorod. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Proceedings of the Novgorod archaeological expedition]*, 2. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 7–120. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 65). (In Russ.)
- Kurmanovskiy V.S., 2018. Gnyozdovo and its vicinity in the 11th–18th centuries AD: historical and archaeological study. *Gnezdovskiy arkheologicheskiy kompleks. Materialy i issledovaniya [Gnyozdovo archaeological complex. Materials and research]*, 1. Moscow, pp. 241–266.

- (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 210). (In Russ.)
- Lyavdanskiy A.N., 1924. Materials for the archaeological map of Smolensk Province. *Trudy smolenskikh gosudarstvennykh muzeev [Proceedings of the Smolensk state museums]*, 1. Smolensk, pp. 127–184. (In Russ.)
- Lyavdanskiy A.N., 2002. Materials for the archaeological map of Smolensk Province. *Smolenskie drevnosti [Smolensk antiquities]*, 2. Smolensk, pp. 185–256. (In Russ.)
- Novikova G.L., 1991. Scandinavian amulets from Gnyozdovo. *Smolensk i Gnezdovo [Smolensk and Gnyozdovo]*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 175–199. (In Russ.)
- Panin A.V., Murasheva V.V., Bronnikova M.A. et al., 2019. Development of the Dnieper floodplain and its exploration by the human in the Gnyozdovo complex area. *Arkheologiya poymy [Archaeology of the floodplain]*. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 70–74. (In Russ.)
- Zozulya S.S., 2019. New research in the Dnieper mound group of the Gnyozdovo complex of archaeological sites. *Kray Smolenskiy [Smolensk land]*, 2, pp. 60–64. (In Russ.)

КЕРАМИЧЕСКАЯ ШКАЛА КУХОННЫХ ГОРШКОВ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО XII–XVIII ВВ.

© 2025 г. П.С. Киреев^{1,*}, В.В. Судаков^{2,**}

¹Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, Рязань, Россия

²Независимый исследователь, Рязань, Россия

*E-mail: pazzle@gmail.com

**E-mail: sudakov_v@mail.ru

Поступила в редакцию 17.12.2024 г.

После доработки 15.06.2025 г.

Принята к публикации 17.06.2025 г.

В статье представлена керамическая шкала кухонных горшков Переяславля Рязанского XII–XVIII вв. Хронология керамики разработана на основании статистико-типологического анализа 17 140 фрагментов венчиков из Житного раскопа в кремле. С целью ее генерализации исследована выборка из 149 целых форм, полных профилей и наиболее показательных крупных фрагментов сосудов, полученных из раскопок со всей территории города (кремль, острог, верхний и нижний посады) и хранящихся в фондах Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника. В результате проведенного анализа удалось значительно расширить и уточнить существующую типологию кухонных горшков Переяславля Рязанского. С целью упрощения идентификации выделенных типов проведена их привязка по форме венчика к керамическим шкалам В.Ю. Коваля и И.Ю. Стрикалова.

Ключевые слова: Переяславль Рязанский, керамика, горшки, типология, хронология, XII–XVIII вв.

DOI: 10.7868/S3034577425040065

Глиняная посуда с момента ее появления – востребованный и повсеместно распространенный элемент материальной культуры, что делает древнюю керамику важным археологическим источником. Особенно велика ее роль в качестве датирующего материала. Зачастую керамика является основной категорией находок, без которой затруднительно точно определить датировку культурных напластований и залегающих в них комплексов: каждому периоду присущи свои особенные черты и типы сосудов. В свою очередь применение традиционного метода датирования слоев по вещам-хроноиндикаторам не может предложить неоспоримых аргументов (Стрикалов, 2005. С. 59). Все это делает древнюю керамику одним из самых сложных материалов для археологического изучения.

Гончарная посуда средневекового Переяславля Рязанского до недавнего времени практически не исследовалась, если не считать ее краткой, местами ошибочной характеристики,

выполненной Р.Л. Розенфельдтом/А.Л. Монгайтом по результатам раскопок середины 1950-х годов (Монгайт, 1961. С. 278–281; Коваль, 2011. С. 88). Первые шаги в данном направлении сделаны В.В. Судаковым в 80–90-е годы XX в. Им выделены и хронологически упорядочены, исходя из стратиграфического залегания в культурном слое, наиболее характерные типы горшков на основании их морфологической, технологической и орнаментальной изменчивости (Судаков, 1986; 1988а, б; 1990; 1993). В дальнейшем предложенная керамическая шкала использовалась в работах других исследователей (Буланкин, 1992; Челябинов, 1994, 2004, 2007, 2009; Челябинов, Иванов, 2006).

Уточнить и дополнить типологию и хронологию керамики Переяславля Рязанского удалось на основании результатов комплексных археологических исследований на Житном раскопе в кремле (Коваль, 2011; Судаков, 2019). Анализ всех имеющихся данных (керамики, дендродат,

распределения хроноиндикаторов) позволил В.В. Судакову выделить 10 типов горшков, подразделенных на подтипы и варианты (23 таксономические единицы), а В.И. Завьялову — 10 стратиграфических горизонтов, последовательно сменяющих друг друга (Завьялов, Судаков, 2017; Завьялов, 2019). Несмотря на открытый характер памятника, следы нарушений слоя весьма незначительны (не более 5%), что дало возможность датировать культурные напластования по керамике в пределах половины столетия.

Полученная керамическая шкала хорошо зарекомендовала себя в ходе комплексных археологических исследований на Введенском раскопе в кремле Переяславля Рязанского. Здесь в 2021 г. (руководитель работ д.и.н. В.И. Завьялов) в слое, датированном по керамике второй половиной XV в., найдена первая берестяная грамота, содержащая фрагмент текста из пасхалии 1459 г. (Завьялов, 2021; Гиппиус, Завьялов, 2023. С. 183).

За последние годы исследований В.В. Судакову и П.С. Кирееву удалось систематизировать большую часть керамического материала из раскопок на территории всех исторически сложившихся районов древнего города — кремля, острога, верхнего и нижнего посадов (Кусова, Филиппов, 2011), что в конечном итоге позволило уточнить и значительно расширить керамическую шкалу Переяславля Рязанского XII–XVIII вв.

В статье представлены типология и хронология кухонных горшков (без дополнительной обработки поверхности) — наиболее распространенной категории керамического материала. Доля остальной посуды среди керамики Переяславля Рязанского до XVI в. составляет около 3–5% (Коваль, 2011. С. 92; Судаков, 2019. С. 69). Данная часть керамической шкалы будет опубликована отдельно.

В основе выделения хронологически однородных типов лежит изменчивость их технологических, декоративных и морфологических характеристик. К первой группе признаков относятся сорт глины (беложгущаяся, слабожелезненная, красножгущаяся), визуально фиксируемые примеси (без видимых примесей, мелкий песок, крупнозернистые примеси (дресва, шамот и т.д.)), режим обжига (восстановительный, окислительный) и его качество (полный, неполный). Ко второй — элементы орнамента (линии, волны и пр.), характер их нанесения (прочерченные узкие или широкие), принципы группировки и

расположения (разреженный, зонный, сплошной). К морфологическим характеристикам относятся наличие и форма основных конструктивных элементов сосуда: венчика (края (губы) — верхнего окончания емкости, устья (щеки) — сливного устройства, шейки — дозатора слива), стенок (плечиков — ограничителя емкости, предплечья — дополнительной емкости, тулова — основной емкости) и донца — нижнего окончания емкости (Цетлин, 2012. С. 158).

Среди морфологических признаков средневековых горшков форма венчика подвержена наибольшему изменению при относительной устойчивости остальных функциональных частей. Под венчиком понимается верхняя профилированная часть сосуда, переходящая в тулово (или предплечье) через плечики (Коваль, 2016. С. 50). Иногда место перехода оформлялось уступом. Край, устье и шейка в составе венчика (Коваль, 2016. С. 51) ограничиваются так называемыми точками перегиба, в которых гончар прилагал акцентированные усилия с целью изменения направления «течения» формовочной массы (Цетлин, 2012. С. 156).

Край (наряду с туловом и донцем) является субстратной функциональной частью любого сосуда (Цетлин, 2012. С. 158, 159). Он мог моделироваться гончаром путем заворота излишков формовочной массы внутрь и/или наружу сосуда, в результате чего формировалось подобие валика — черновой край. Верхняя граница венчика полностью сформованного сосуда, называемая чистовым краем, также могла дополнительно оформляться путем срезания излишков глины ножом либо заглаживания (закругления или приострения) пальцем (Коваль, 2016. С. 53, 54).

Хронологическая шкала кухонных горшков Переяславля Рязанского разработана на основании статистико-типологического анализа массовой керамики Житного раскопа — 17 140 фрагментов венчиков (таблица)¹. С целью ее генерализации исследована выборка из 149 целых форм, полных профилей и наиболее показательных крупных фрагментов сосудов из раскопок на территориях кремля, острога, верхнего и нижнего посадов Переяславля Рязанского, хранящихся в фондах Рязанского историко-архитектурного

¹ Исходя из хронологических соображений столбцы таблицы с типами VI и VII поменяны местами. Также стоит отметить, что керамика верхних пластов, в том числе пласта 8 стратиграфического горизонта IXБ, обрабатывалась В.Ю. Ковалем (2011) и не учитывалась при статистико-типологическом анализе.

Хронологическая шкала кухонных горшков Переяславля Рязанского (по материалам Житного раскопа)
Chronological scale of cooking pots from Pereyaslavl Ryazansky (based on materials from the Zhitny excavation site)

Стратиграфический горизонт		Тип, %										Кол-во, фрагм.
		I	II	III	IV	V	VII	VI	VIII	IX	X	
I	Вторая половина XII в.	—	—	—	0.3	0.6	0.2	1.9	10.3	78.2	8.5	913
II	Рубеж XII — первая половина XIII в.	0.3	—	—	0.6	0.7	0.5	16.4	18.7	56.9	5.9	1745
III	Вторая половина XIII в.	0.6	—	—	0.2	0.9	1.6	35.1	17.6	40.7	3.3	1285
IV	Первая половина XIV в.	—	0.1	—	0.6	3.4	3.2	51.7	22.5	17.8	0.7	2033
V	Вторая половина XIV в.	0.2	1.6	0.3	5.2	7.4	17.8	45.0	15.5	7.0	—	1447
VI	Конец XIV — первая половина XV в.	0.1	2.1	3.5	48.6	4.2	23.0	13.6	3.0	3.9	—	3517
VII	Середина—вторая половина XV в.	—	5.5	15.7	69.3	3.5	2.3	2.2	1.5	—	—	1323
VIII	Первая половина XVI в.	—	29.4	21.0	35.3	5.9	2.1	0.7	2.1	3.5	—	2012
IXA	Вторая половина XVI — начало XVII в.	0.4	63.8	21.0	7.3	2.1	1.9	0.8	0.2	2.5	—	2210
IXB (пласт 9)	Первая половина XVII в.	27.3	56.6	12.5	0.8	—	0.3	0.9	0.6	1.0	—	655
Кол-во, фрагм.		286	2544	1301	3500	561	1262	2988	1503	2959	236	17140

Примечание: Для каждого стратиграфического горизонта выделено процентное соотношение характерных типов кухонных горшков — хроноиндикаторов.

музея-заповедника (рис. 1–8)². Для более удобной идентификации выделенных типов горшков проводилась их привязка по форме венчика

²Ссылки на используемые в работе коллекционные материалы даны по следующему шаблону: «район города: место раскопок (автор, год работ; коллекционные номера (А, КП) или ссылки на литературу; ссылки на рисунки)».

Кремль: раскопы и шурфы вдоль кремлевского вала (Макаров, 1983, 1987, 1989; Судаков, 1986, 1988, 1990; Завьялов, 2009; А726, КП-14615; А756, КП-11423; А807, КП-15726; А810, КП-16499; А939, НВ-5469, КП-28634; А944, НВ-5499; рис. 1, IБ1, г; IБ2, а; 2, IБ1; IБ3, в; 3, IВА, г, л, м, о, п; 4, IVГ, г; 5, VБ1, а–е; VIA1, в–е; 6, VБ1, а, в; VIIA, а, б; VIIБ, в; 7, VIIA, д, ж; 8, IXГ, а, в; IXД, в, г; Житный раскоп (Завьялов 2004–2015; А902: КП: 28300, 28310, 28523, 28824, 28825, 29086, 29301, 29559, 29696, 29844–30844, НВ: 4755, 4836, 4975–4979, 5008, 5284, 5330, 5617, 5619, 5654, 5709, 5799, 5823, 5863; рис. 1, IА3; IБ; 2, IА; IБ1, 2; IБ5–B2; 3, IВА, т–у; 4, IVГ, в; IVE; IVЗ, в; VA, б; 5, VIA1, а; 6, VIA2, б; IБ2; VIIA, в; 7, VIIA, а, г; VIIБ, а, в, г; 8, IXA; IXБ, а, б; IXВ, а–в; IXГ, б; IXД, б; XА–Г); Введенский раскоп (Завьялов, 2016–2019, 2021, 2022; Фатюнина, 2020; Завьялов, Фатюнина, 2023; А966: КП: 30206, 30175, 30380, 30574, 30600, 30754, 30893, 30960, 31062, 31189, НВ: 5938, 5993, 6073; рис. 1, IА1, а; 2, IБ2, а, б; IВ, б; IАА, а, б; IБ3, а, б, г; IБ4; IПГ; 3, IВА, а, б, д–к, н, р, с; IВБ, а–д; IВВ; 4, IVГ, а, б; IVД; IVЖ, а–в; IVЗ, б; VA, г; 5, VБ2; 6, VIIБ, з, и).

Острог: 22 квартал (Буланкин, 1992; А839, КП-17477; рис. 2, IАА, г; 4, VA, в; 7, VIIA, в).

Верхний посад: ул. Некрасова, 24 (Судаков, 2000; А943, КП-28671; рис. 1, IА2, б).

Нижний посад: ул. Грибоедова, 24/5 (Судаков, 1986 (Киреев, Судаков, 2022); рис. 1, IА1, ж–и); ул. Скоморошинская, 5 (Вячин, 2006; ВХ ЭФЗК-2006; рис. 1, IА1, г; IБ1, б; IБ2, б; 2, IВ, а; IАА, в; 4, IVЗ, а; IVИ; 5, VIA1, б; 6, VIIБ, а, б, г–ж, к; 7, VIIA, б, е, з; VIIБ, б, д, е); ул. Грибоедова, 68 квартал (Вячин, 2007, 2009); рис. 1, IА1, б, в, д, е; IА2, а–в, д; IБ1, а, в; 3, IВА, в; 6, VIA2, а; VIA3).

к керамическим шкалам В.Ю. Коваля (2016. С. 50–58, 100–109) и И.Ю. Стрикалова (2006. С. 47–57, 88–104). Типология венчиков средневековых горшков Восточной Европы, разработанная В.Ю. Ковалем (2016. С. 50–54), охватывает практически все возможные разновидности их профилировок. В ней выделено 45 классов, подразделенных на типы и варианты по наклону устья и шейки (вертикальные, наклонены наружу или внутрь) и по способу оформления края (без деформации, срезан, завернут внутрь/наружу/внутрь и наружу). Типология венчиков Рязанской земли, предложенная И.Ю. Стрикаловым (2006. С. 54–56), помимо названных выше признаков базируется на таком понятии, как состояние выраженности шейки и устья (выраженные, слабовыраженные, невыраженные, деградированные). Однако она имеет узкие хронологические рамки — XI–XV вв., поэтому к ней привязаны лишь ранние типы горшков.

Расширенный вариант типологии кухонных горшков Переяславля Рязанского включает 10 типов, подразделенных на подтипы и варианты (51 таксономическая единица).

Тип I. Горшки — приземистые, они имеют тулово усеченно-конической формы и покатые плечики (рис. 1). Венчик вертикальный, черновой край завернут внутрь. Его диаметр колеблется в интервале от 15 до 32 см (в среднем составляет 24–30 см), а диаметр донца зачастую не превышает 15 см при высоте сосудов 18–26.

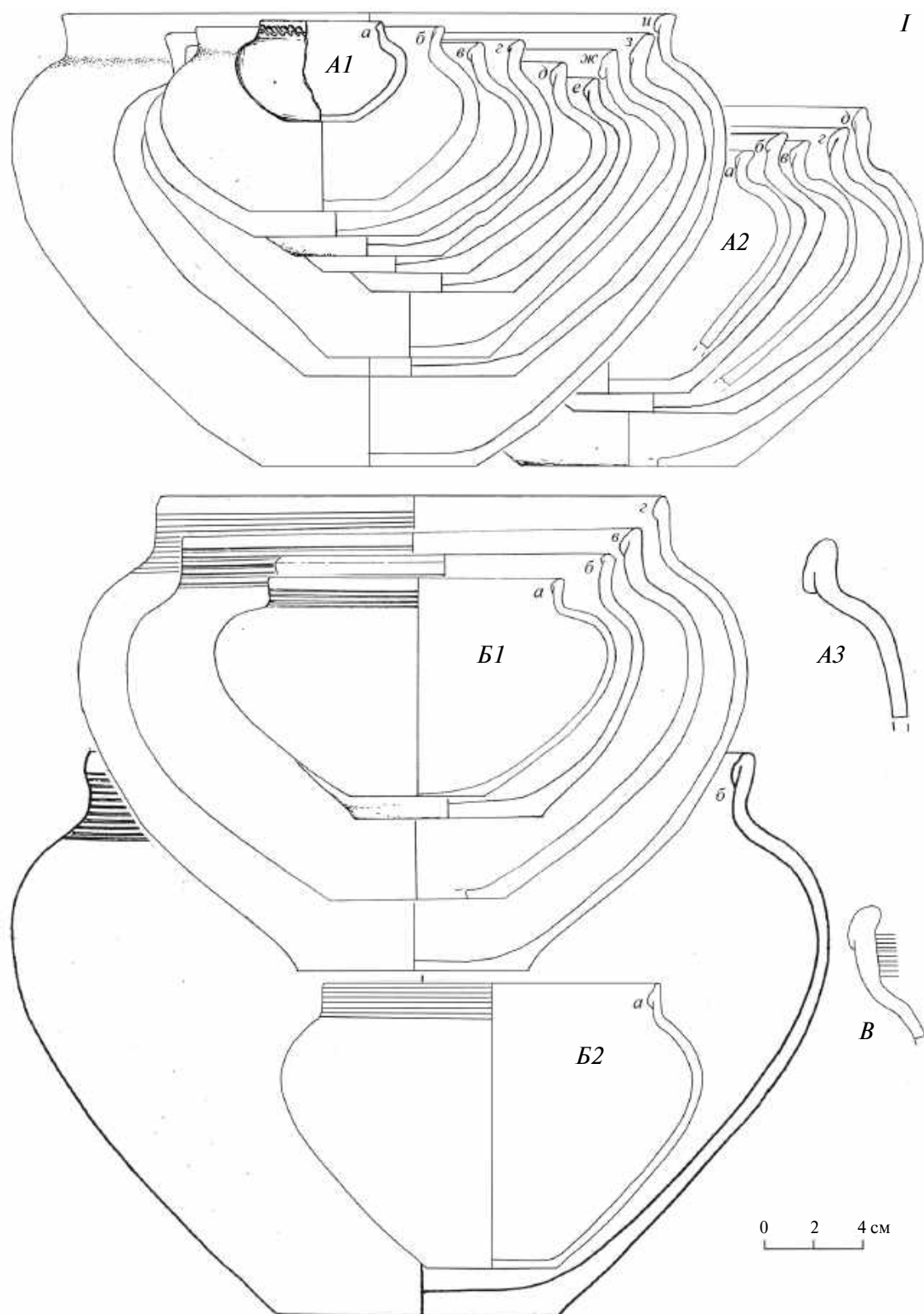

Рис. 1. Типология горшков Переяславля Рязанского. Тип I.
Fig. 1. Typology of pots from Pereyasavl Ryazansky. Type I

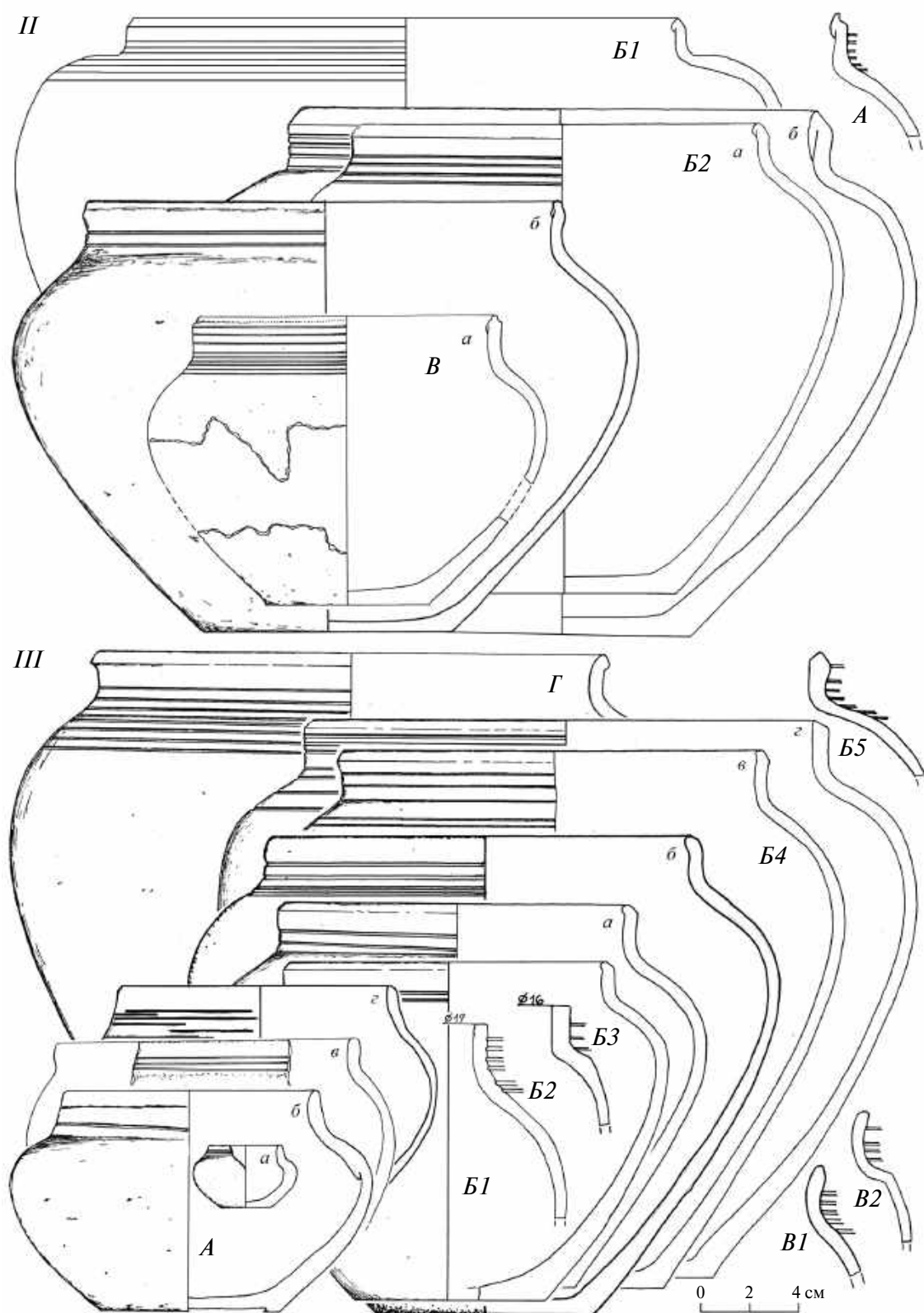

Рис. 2. Типология горшков Переяславля Рязанского. Тип II; III.

Fig. 2. Typology of pots from Pereyaslavl Ryazansky. Types II; III

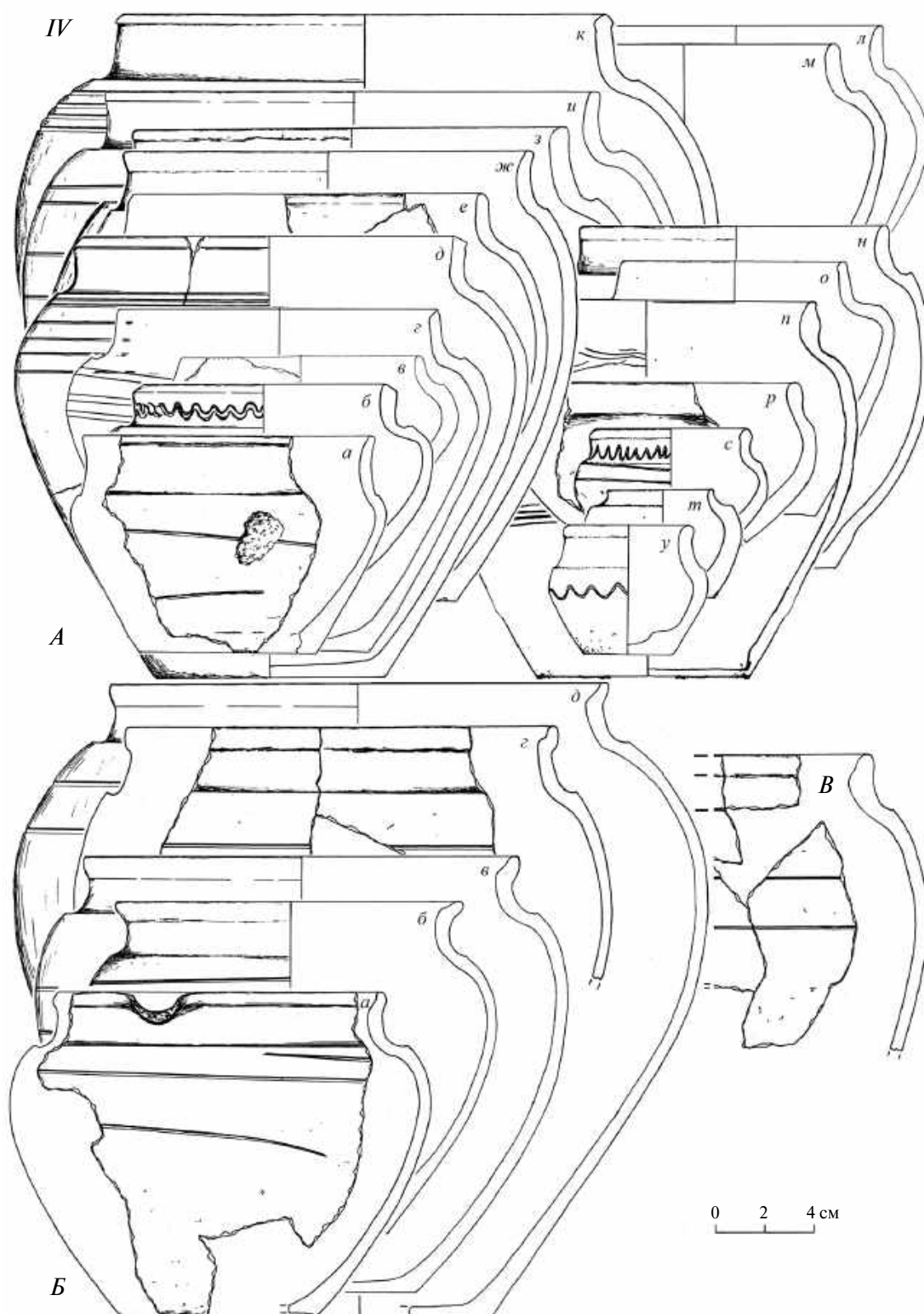

Рис. 3. Типология горшков Переяславля Рязанского. Тип IV A–B.
Fig. 3. Typology of pots from Pereyasavl Ryazansky. Type IV A–B

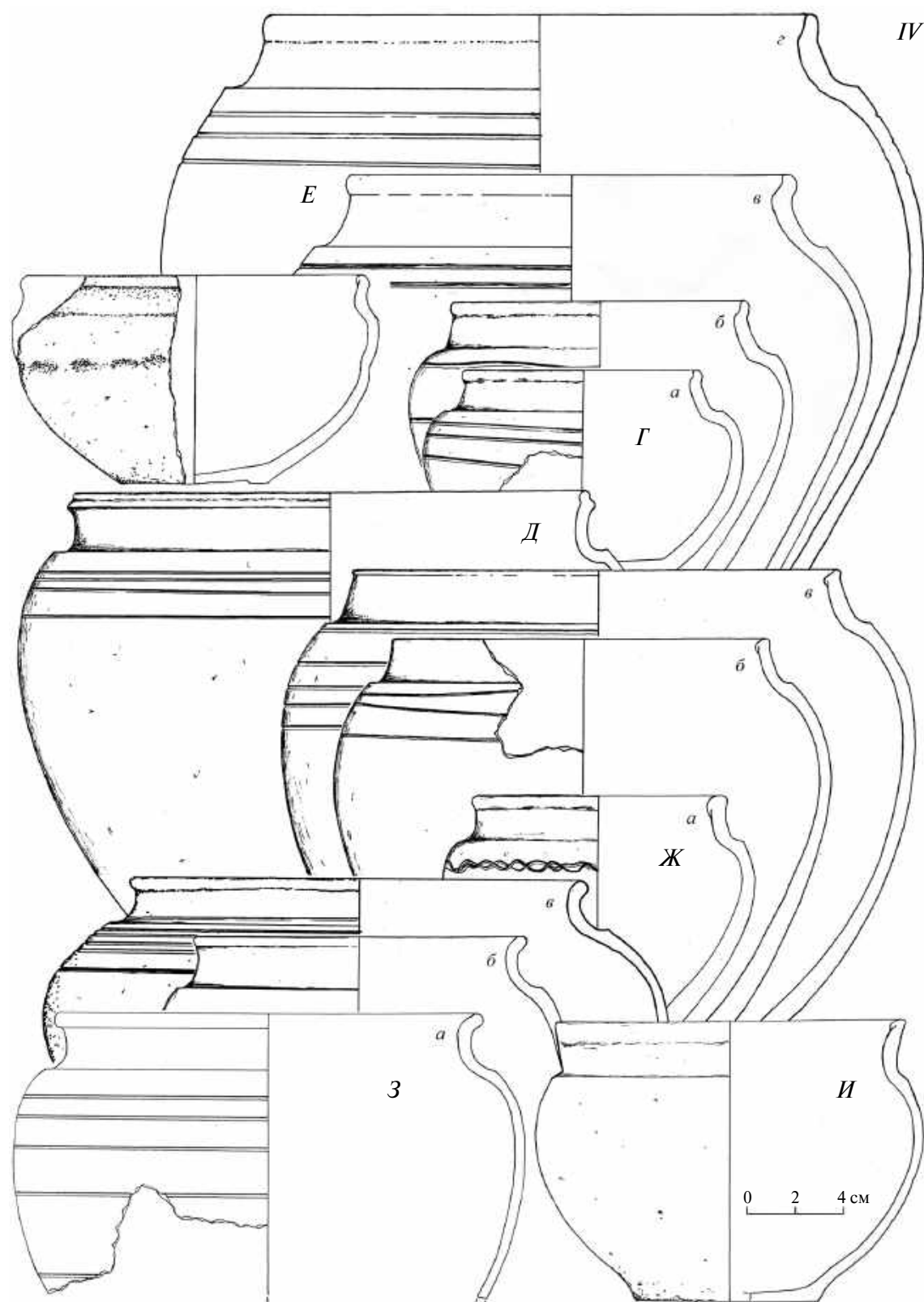

Рис. 4. Типология горшков Переяславля Рязанского. Тип IV Г–И.

Fig. 4. Typology of pots from Pereyaslavl Ryazansky. Type IV Г–И

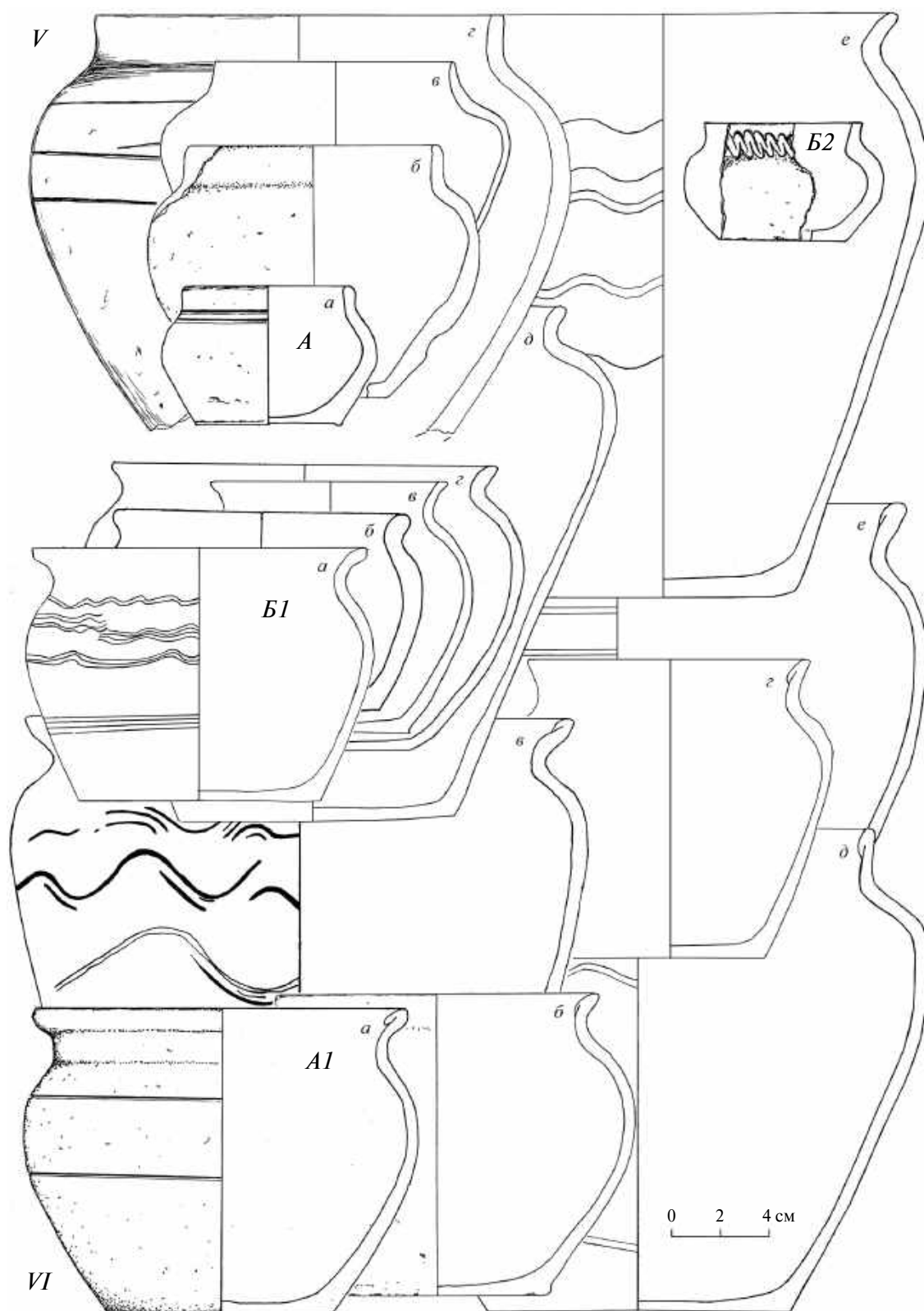

Рис. 5. Типология горшков Переяславля Рязанского. Тип V; VI A.

Fig. 5. Typology of pots from Pereyasavl Ryazansky. Types V; VI A

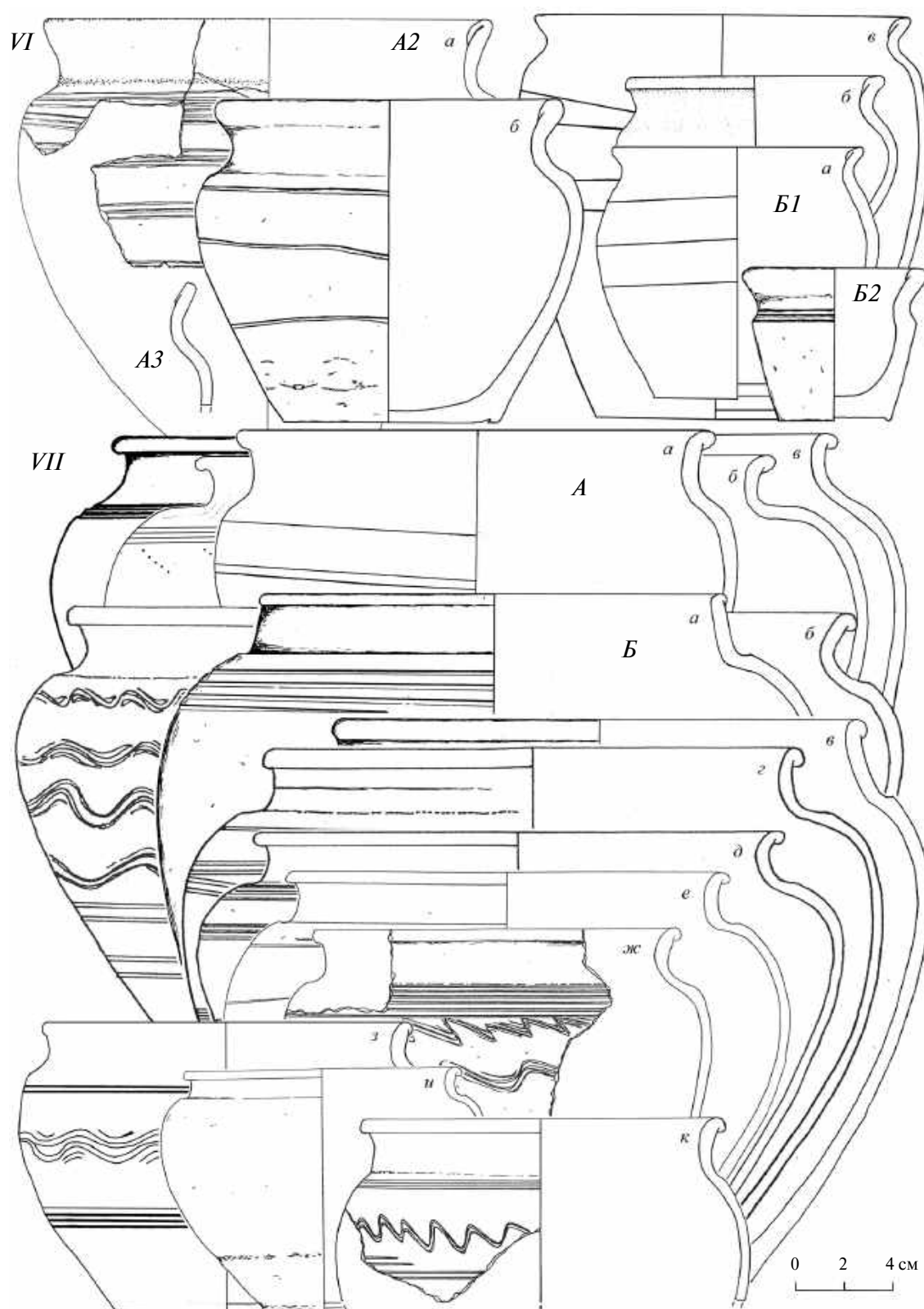

Рис. 6. Типология горшков Переяславля Рязанского. Тип VI A2–B2; VII.

Fig. 6. Typology of pots from Pereyasavl Ryazansky. Types VI A2–B2; VII

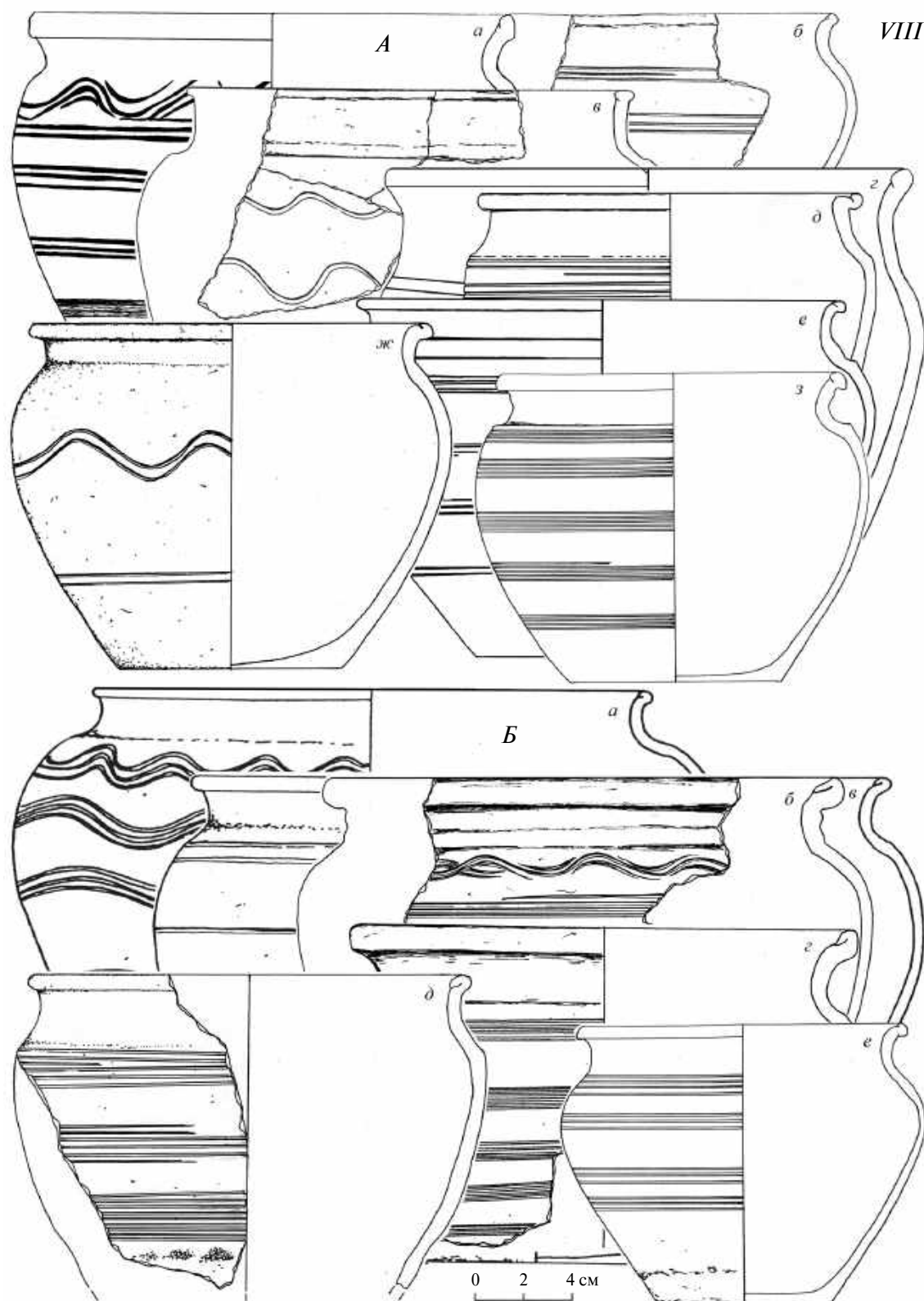

Рис. 7. Типология горшков Переяславля Рязанского. Тип VIII.

Fig. 7. Typology of pots from Pereyasavl Ryazansky. Type VIII

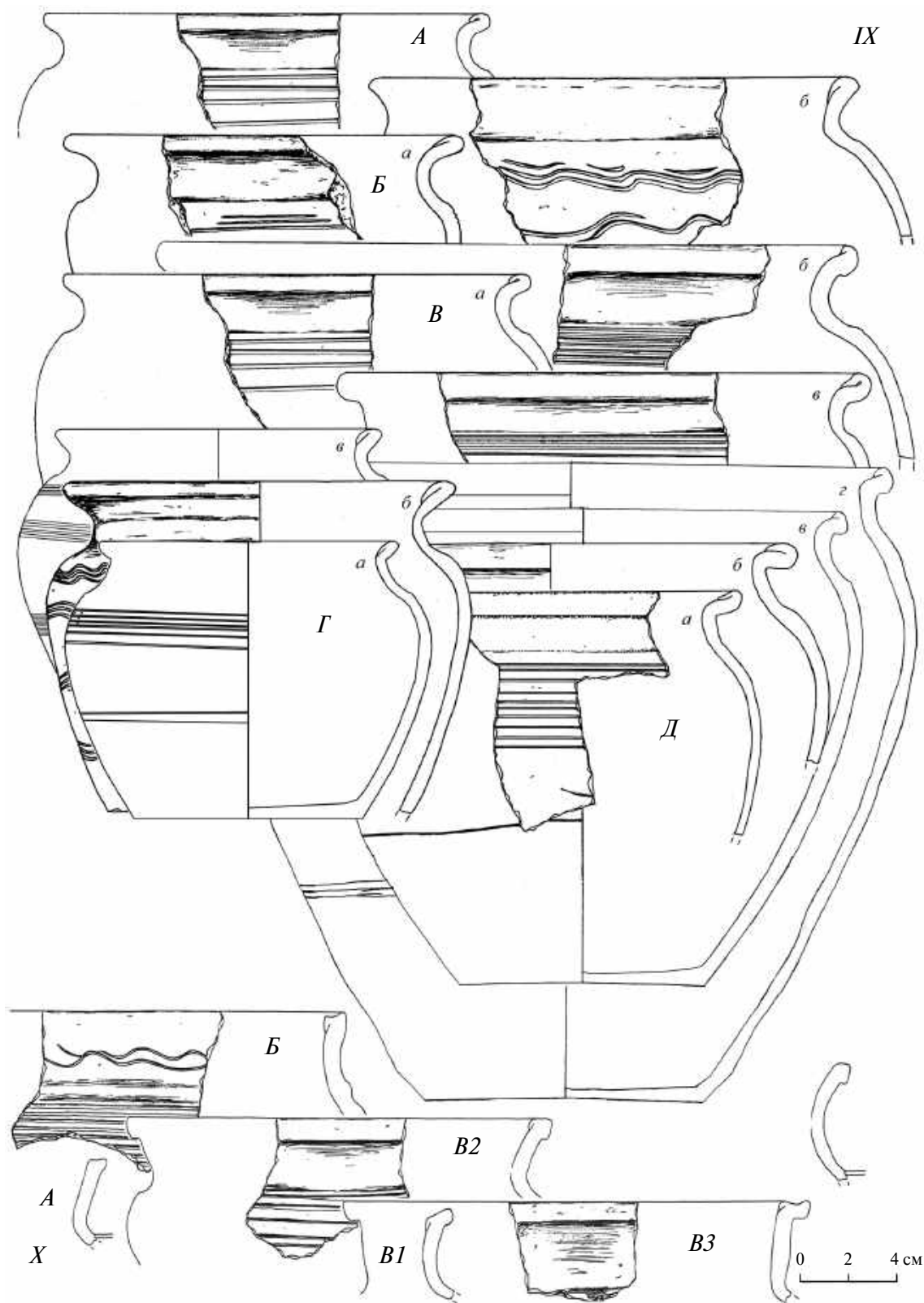

Рис. 8. Типология горшков Переяславля Рязанского. Тип IX; X.
Fig. 8. Typology of pots from Pereyasavl Ryazansky. Types IX; X

Изготавливались как на ручном, так и на ножном круге преимущественно из слабожелезистых или красножгущихся глинистых масс без визуально фиксируемых примесей. На донцах иногда видны следы среза ножом или нитью.

Подтип А (3/4Г)³. Горшки без орнамента (рис. 1, *IA16–и, IA2, 3*), изредка встречается одиночная волна по венчику (рис 1, *IA1a*) — характерная черта рязанской керамики (Коваль, 2011. С. 107).

Вариант 1. Горшки, венчик которых переходит в плечики без уступа (рис 1, *IA1*).

Вариант 2. Горшки, венчик которых переходит в плечики через уступ (рис 1, *IA2*).

Вариант 3 (3/4Ж). Горшки, черновой край которых оформлен в виде массивного валика, размер которого составляет не менее трети от высоты всего венчика (рис 1, *IA3*).

Горшки варианта 3 наиболее поздние, XVIII–XIX вв. Остальные сосуды подтипа А датируются XVIII в. (Коваль, 2011. С. 96; Судаков, 2019. С. 72–74). Отказ от орнаментации в Переяславле Рязанском в это время совпадает с аналогичной тенденцией в гончарстве Коломны (Коваль, 2011. С. 107).

Подтип Б (3/4Г). Горшки с несколькими витками прочерченного линейного орнамента по венчику — *вариант 1* (рис. 1, *IB1*).

Вариант 2. Горшки с глубокой выемкой на внутренней стороне чистового края (рис. 1, *IB2*).

Подтип В (3/4Е). Горшки отличаются от подтипа IB немного отогнутым наружу устьем (рис. 1, *IB*).

В Переяславле Рязанском подобная керамика датируется XVII в. (Монгайт, 1961. С. 279; Судаков, 1986, 1990; Коваль, 2011. С. 93). В Москве и в Поочье она также относится к XVII в. (Коваль, 2001. С. 106). В это время белоглиняные горшки, схожие с вариантами IB1 и IB2, широко распространены в Коломне (Черкасов, 2004. С. 152). Известны они и в Зарайске (Стрикалов, 1998. С. 32, 33. Рис. 1, 15, 16). Для таких горшков с территории Верхнего Поочья характерно наличие тычкового орнамента, а не линейного (Болдин, 2012. С. 142).

Тип II. Горшки усеченно-конической формы с высокими покатыми плечиками. Венчик вертикальный, с внешней стороны по нему проведено несколько витков прочерченного линейного орнамента, черновой край завернут внутрь,

чистовой приострен. На ранних сосудах данного типа орнамент опускается на плечики, но они немногочисленны (1–2 %).

Подтип А (3/3В). Горшки с глубокой выемкой на внешней стороне чистового края (рис. 2, *IIA*).

Подтип Б (3/3Ж). Горшки, чистовой край которых оформлен двумя косыми срезами с обеих сторон (имеет форму треугольника).

Вариант 1. Горшки, чистовой край которых имеет форму, близкую к равнобедренному треугольнику (рис. 2, *IIБ1*).

Вариант 2. Горшки со слабовыраженным (уплощенным) черновым краем (рис. 2, *IIБ2*).

Подтип В (3/3Е). Горшки, чистовой край которых оформлен двумя глубокими выемками с обеих сторон (рис. 2, *IIВ*).

В Переяславле Рязанском горшки типа II датируются концом XV — первой половиной XVII в. (таблица). Для определения времени их бытования показателем материал с территории нижнего посада, где в заполнении ямы 13 раскопа А.А. Вячина 2006 г. найдены две серебряные копейки и медная денга Ивана IV 1535–1547 гг., а также девять маленьких медных пул, распространенных в 80-х годах XV — 30-х годах XVI в. (Вячин, 2006; Судаков, 2019. С. 74). Данные сосуды продолжали существовать и в первой половине XVII в., но их доля в комплексах постоянно снижалась (Коваль, 2005. С. 256, 259. Табл. 1).

Горшки типа II в XVI–XVII вв. были распространены в Москве, Среднем Подонье, Поволжье и во многих других регионах средневековой Руси (Чернов, 1991. С. 54; Коваль, 2001. С. 99, 103, 104. Рис. 1, 4; 2011. С. 93). В Верхнем Поочье для данной керамики характерен волнистый, изредка тычковый орнамент (Зацаринный, 2003. С. 104, 105. Рис. 4; 2004. С. 329, 330. Рис. 1, 3; Болдин, 2012. С. 139–141). Для Среднего Поочья горшки типа II с линейным орнаментом по венчику были доминирующими в гончарстве Коломны (Черкасов, 2004. С. 150–152). Для коломенской гончарной традиции первой половины XVI в. характерны все перечисленные выше варианты типа II, тогда как для второй половины XVI в. — лишь вариант IIВ (Черкасов, 2004. С. 150).

Наряду с привозной коломенской керамикой, изготовленной из беложгущейся глины, для Переяславля Рязанского характерны горшки типа II местного производства из слабожелезистой глины. Даже в моменты наибольшего экспорта доля посуды из Коломны не превышала трети от всех местных кухонных сосудов (Коваль, 2011.

³ Здесь и далее в круглых скобках указываются типы венчиков по В.Ю. Ковалю; в квадратных — по И.Ю. Стрикалову.

С. 96). В то же время керамика, изготовленная из слабожелезненных глинистых масс, практически не известна на территории других городов Поочья, что позволяет назвать ее «рязанской» и связать с гончарной традицией Переяславля Рязанского (Коваль, 2011. С. 98). Это относится и к другим типам сосудов.

Утверждать, что керамика Переяславля Рязанского в основном изготавливалась из слабожелезненных глин, позволяет проведенный эксперимент по повторному обжигу черепков в муфельной печи ПМ-9 при температуре не выше 800 °С. По свежему сколу черепков после обжига удалось установить, что подавляющая часть горшков, имеющих серый, черный или коричневатый цвет поверхности, изготавливалась на самом деле из красножгущихся глин разной степени ожелезненности. Первоначальный обжиг при низкой температуре не давал проявиться истинному цвету глины — от розового и белого до красного. Аналогичный результат был получен И.В. Болдиным (2012. С. 20) в ходе эксперимента по повторному обжигу керамики Верхнего Поочья при температуре 850 °С.

Тип III. Горшки усеченно-конической формы с высокими покатыми плечиками. Черновой край не сформирован. Как и у сосудов типа II, с внешней стороны венчика проведено несколько витков прочерченного линейного орнамента, однако линии зачастую более широкие. В единичных случаях орнамент также опускается на плечики, что характерно для более ранней керамики.

Подтип А (1/2). Горшки с вертикальным венчиком и закругленным чистовым краем (рис. 2, IIIА).

Подтип Б. Горшки с вертикальным венчиком и срезанным чистовым краем.

Вариант 1 (2/3). Горшки, венчик которых переходит в плечики без уступа; чистовой край срезан прямо (рис. 2, IIIБ1).

Вариант 2 (2/3). Горшки, венчик которых переходит в плечики через уступ; чистовой край срезан прямо (рис. 2, IIIБ2).

Вариант 3 (2/2в). Горшки, венчик которых переходит в плечики без уступа, с немного наклоненным внутрь устьем; чистовой край срезан косо с внешней стороны (рис. 2, IIIБ3).

Вариант 4 (2). Горшки, венчик которых переходит в плечики без уступа; чистовой край срезан косо с внешней стороны (рис. 2, IIIБ4).

Вариант 5 (2). Горшки, венчик которых переходит в плечики без уступа; чистовой край

оформлен двумя косыми срезами с обеих сторон — имеет форму треугольника (рис. 2, IIIБ5).

Подтип В (21/2). Горшки с плавно отогнутым наружу венчиком, чистовой край закруглен.

Вариант 1. Горшки, венчик которых переходит в плечики без уступа (рис. 2, IIIВ1).

Вариант 2. Горшки, венчик которых переходит в плечики через уступ (рис. 2, IIIВ2).

Подтип Г (22/1). Горшки с плавно отогнутым наружу венчиком, чистовой край срезан прямо (рис. 2, IIIГ).

Некоторые из горшков типа III, в основном относящихся к подтипам А и В, схожи с белоглиняной посудой Коломны (Черкасов, 2004. С. 145, 146), однако большая их часть изготавливалась из слабожелезненных глин, что свидетельствует об относительной устойчивости гончарной традиции Переяславля Рязанского. В Москве данная керамика датируется XVI в. (Розенфельдт, 1968. С. 45). В Переяславле Рязанском пик распространения горшков типа III также относится к этому времени (21%), хотя бытовали они здесь со второй половины XV по первую половину XVII в. совместно с типом II (таблица).

Тип IV [14]. Горшки усеченно-конической формы. Венчик переходит в плечики через уступ. Его диаметр колеблется от 12 до 20 см и приблизительно равен высоте сосудов. Горшки данного типа изготовлены из слабожелезненных глин с примесью мелкого песка или без визуально фиксируемых примесей, в основном полного окислительного обжига. Орнаментация отсутствует, либо встречается несколько разреженных витков широкого (1–3 мм) линейного орнамента на плечиках (часто со следами обтачивания) и ниже.

Подтип А (1/1). Горшки с вертикальным или плавно изогнутым венчиком, чистовой край которого приострен или закруглен. Наиболее распространенный подтип (рис. 3, IVA). Позднее он трансформируется⁴ в вариант IIIВ2.

Подтип Б (1/1). Горшки с более выраженной, чем у подтипа IVA, вертикальной шей и слегка отогнутым наружу устьем. Приостренный или закругленный чистовой край венчика немного вытянут вверх (рис. 3, IVБ).

Подтип В (1/1). Горшки, венчик которых расширяется, образуя подобие уступа с внутренней

⁴Здесь и далее говорить о трансформации позволяют находки горшков, относящихся к так называемым переходным вариантам.

стороны. Чистовой край также немного отогнут наружу и вытянут вверх (рис. 3, *IVB*).

Подтип Г (38/2). Горшки с наклоненной внутрь шейкой и вертикальным или немного отогнутым наружу устьем (рис. 4, *IVГ*). Посуда данного подтипа практически не орнаментировалась.

Подтип Д (3/3В). Горшки, черновой край которых завернут внутрь и уплощен, а на его внешней стороне имеется глубокая выемка (рис. 4, *IVД*). Позднее он трансформируется в вариант ПА.

Подтип Е (3/3Ж). Горшки, черновой край которых завернут внутрь и уплощен, а чистовой край срезан косо с внешней стороны (рис. 4, *IVE*). Позднее он трансформируется в группу вариантов ПБ.

Подтип Ж (3/4Г). Горшки, черновой край которых завернут внутрь и уплощен, а чистовой край закруглен (рис. 4, *IVЖ*). По форме схож с вариантом IA2 — вероятно, его прототип.

Подтип З (6/1). Горшки с вертикальной шейкой и сильно отогнутым наружу устьем; чистовой край закруглен (рис. 4, *IVЗ*).

Подтип И (1/1). Горшки, черновой край которых завернут внутрь и уплощен, а чистовой край приострен (рис. 4, *IVI*).

Горшки типа IV являются доминирующими в керамических комплексах XV в., где их доля составляет 45–70% (таблица). Данные сосуды, в основном подтипа Г, продолжают бытовать и в первой половине XVI в., но уже в гораздо меньшем количестве (Буланкин и др., 2010. С. 141, 142. Рис. 7, 4). Горшки типа IV служат отличительной чертой гончарной традиции Переяславля Рязанского и в других местах фиксируются довольно редко.

Тип V. Горшки усеченно-конической формы с вертикальным или немного отогнутым наружу венчиком, переходящим в низкие овальные плечики зачастую без уступа, шейка отсутствует. Его диаметр колеблется в диапазонах 12–16 и 20–22 см. В большинстве случаев сосуды не орнаментированы, только на некоторых по плечикам проходит несколько широких (2–3 мм) волн. Горшки преимущественно серого цвета в изломе (вероятно, из-за недостаточно высокой температуры обжига) и изготовлены из формовочной массы с примесью мелкого песка.

Подтип А (1). Горшки с вертикальным венчиком, чистовой край закруглен или приострен (рис. 5, *VA*).

Подтип Б. Горшки с плавно отогнутым наружу венчиком.

Вариант 1 (21/2). Горшки с закругленным чистовым краем (рис. 5, *VB1*).

Вариант 2 (22/1). Горшки со срезанным чистовым краем (рис. 5, *VB2*).

Период наибольшего распространения горшков типа V в Переяславле Рязанском приходится на вторую половину XIV — первую половину XVI в., но даже в это время их доля в комплексах сравнительно мала и не превышает 5–10% (таблица).

Тип VI. Горшки усеченно-конической формы, преимущественно небольшого размера, шейка отсутствует, устье отогнуто наружу, черновой край завернут внутрь и уплощен.

Подтип А (13/1). Горшки с выраженным устьем.

Вариант 1. Горшки, венчик которых переходит в плечики без уступа, чистовой край закруглен (рис. 5, *VIА1*).

Вариант 2. Горшки, венчик которых переходит в плечики через уступ, чистовой край закруглен (рис. 6, *VIА2*).

Вариант 3. Горшки, венчик которых переходит в плечики через уступ, чистовой край срезан (рис. 6, *VIА3*).

Подтип Б (13/2). Горшки со слабовыраженным (не более 1 см) устьем (рис. 6, *VIБ*).

Вариант 1. Горшки, венчик которых переходит в плечики без уступа (рис. 6, *VIБ1*).

Вариант 2. Горшки, венчик которых переходит в плечики через уступ (рис. 6, *VIБ2*).

В Переяславле Рязанском горшки типа VI находят в слоях XIII—первой половины XV в. Наиболее распространены в XIV в., когда их доля в керамических комплексах значительно преобладает над остальными типами и составляет в среднем около 50% (таблица). Красножгущиеся горшки типа VI известны среди московской керамики XIV в. (Розенфельдт, 1968. С. 14).

Тип VII (4/1). Горшки усеченно-конической формы, преимущественно окислительного обжига. Венчик вертикальный или немного отогнут наружу, диаметр его колеблется в диапазоне 18–24, реже 10–14 см, с выраженным отогнутым наружу черновым краем — валиком. Если большая часть сосудов перечисленных выше типов тонкостенные (3–4 мм), то среди керамики типа VII довольно часто встречаются толстостенные (5–7 мм) горшки и корчаги.

Подтип А [12Д]. Горшки, венчик которых переходит в низкие покатые плечики без уступа (рис. 6, VIIА). Практически не орнаментированы.

Подтип Б [12В]. Горшки, венчик которых переходит в преимущественно украшенные линейным и волнистым орнаментом плечики через уступ (рис. 6, VIIБ). Хронологически более ранний подтип.

Горшки типа VII в южнорусских землях и на Рязанщине бытовали в XIII–XIV вв., в Старой Рязани – с середины XIV по середину XV в. (Стрикалов, 2003. С. 376. Рис. 4; 2006. С. 101, 104). В Переяславле Рязанском преобладают в слоях второй половины XIV – первой половины XV в. (таблица).

Тип VIII. Горшки усеченно-конической формы, в большинстве своем окислительного обжига. Венчики с выраженной вертикальной или немного наклоненной внутрь шейкой, переходящие в плечики преимущественно через уступ. Сосуды данного типа довольно часто покрыты различными сочетаниями зонного или сплошного линейного, волнистого и линейно-волнистого орнамента.

Подтип А (3/1), [9Д]. Горшки с сильно отогнутым наружу устьем, черновой край которого сначала заворачивался наружу, а потом внутрь, образуя округлый валик (рис. 7, VIIIA).

Подтип Б (8/1), [11Д]. Горшки с более плавным изгибом венчика, черновой край которого сначала заворачивался наружу, а потом внутрь, образуя округлый («цилиндрический») валик и небольшую площадку перед ним (рис. 7, VIIIB).

Горшки типа VIII были распространены в XIII–XIV вв. в Старой Рязани, Пронске, Ростиславле Рязанском и других городах Среднего Поочья (Коваль, 1996. С. 117; 2004. С. 80, 81, 83; Стрикалов, 2005. С. 97–99; Иванов и др., 2005). В Переяславле Рязанском они датируются второй половиной XII – первой половиной XIV в. (таблица).

Тип IX [8]. Горшки усеченно-конической формы, в большинстве своем полного обжига, с примесью мелкого и крупного песка, изредка дресвы или шамота, довольно часто покрыты различными сочетаниями зонного или сплошного линейного, волнистого и линейно-волнистого орнамента, венчик переходит в плечики преимущественно через уступ. Это сосуды с разной конструктивной схемой венчиков: УТВ⁵ 7 (18/1, 23/1, 28/1) и УТВ 8 (18/2, 23/2, 28/2) (Коваль,

2016. С. 56, 57, 79, 80, 105–107). При этом основное отличие между ними заключается в том, что у первых венчик с подовальным в сечении валиком, а у второго – с округлым (так называемые горшки курганного типа).

Подтип А (18/1, 2). Горшки с выраженным устьем, отогнутым наружу под небольшим углом (рис. 8, IXА).

Подтип Б (23/1, 2). Горшки с плавно изогнутым венчиком (рис. 8, IXБ).

Подтип В (23/1, 2). Горшки с сильно изогнутым, практически параллельно плечикам, венчиком (рис. 8, IXВ).

Подтип Г (28/1–2Б). Горшки с наклоненной внутрь шейкой и отогнутым наружу под углом устьем (рис. 8, IXГ).

Подтип Д (28/5). Горшки с наклоненной внутрь шейкой и отогнутым наружу, практически параллельно плечикам, устьем (рис. 8, IXД).

На территории Рязанской земли (Старая Рязань, Ростиславль Рязанский, Жокино 1) горшки типа IX широко известны в XII–XIII вв. (Коваль, 2004. С. 84; Стрикалов, 2005. С. 95–97; 2006. С. 91. Рис. 2, 1; Русаков, 2012. С. 328. Рис. 3; 2014. С. 398. Рис. 2). В Переяславле Рязанском данные сосуды датируются второй половиной XII–XIII в. (таблица).

Тип X. Горшки усеченно-конической формы, в большинстве своем полного обжига, с примесью мелкого и крупного песка, изредка дресвы или шамота, довольно часто покрыты различными сочетаниями зонного или сплошного линейного, волнистого и линейно-волнистого орнамента, с вертикальными или слегка изогнутыми венчиками.

Подтип А (2/3). Горшки со слабовыраженным, завернутым внутрь либо несформированным вовсе черновым краем и срезанным чистовым краем (рис. 8, XА).

Подтип Б (3/4Г). Горшки с завернутым внутрь черновым краем и неглубокой выемкой на внутренней стороне приостренного чистового края (рис. 8, XБ).

Подтип В. Горшки со слабовыраженным, завернутым внутрь черновым краем, чистовой край которых имеет прямоугольную огранку.

Вариант 1 (8/2Б). Горшки с косым срезом на внутренней стороне чистового края (рис. 8, XВ1).

Вариант 2 (8/2В). Горшки с прямым срезом чистового края (рис. 8, XВ2).

Вариант 3 (8/5). Горшки с неглубокой выемкой на внутренней стороне чистового края (рис. 8, XВ3).

⁵Условный тип венчика по В.Ю. Ковалю.

Подтип Г (4/2В). Горшки, черновой край которых не сформирован, а чистовой край имеет прямоугольную огранку (рис. 8, ХГ).

Горшки типа Х довольно широко распространены на Руси в XI–XIII вв. (см., например: Равдина, 1991. Табл. 7, 1, 2). В Старой Рязани они доминировали в керамических комплексах XI–первой половины XIII в., что отмечено как отличительная черта местной гончарной традиции (Стрикалов, 2006. С. 102–104. Рис. 19). В Переяславле Рязанском горшки типа Х находят в сравнительно небольшом количестве в слоях второй половины XII – первой трети XIII в. (таблица).

Таким образом, несмотря на широкий хронологический диапазон самих выделенных типов, составляющий в среднем около 150 лет, статистико-типологический анализ керамики Житного раскопа в кремле позволил выявить их наиболее характерные для конкретного хронологического периода соотношения, на основании которых удалось построить керамическую шкалу Переяславля Рязанского XII–XVIII вв. с «ценой деления» около 50 лет (таблица). Отметим, что проводить атрибуцию почти каждого из выделенных хронологических горизонтов возможно всего по трем-четырем разновидностям кухонных горшков. Привлечение материалов из разных исторически сложившихся районов города дает возможность экстраполировать полученные выводы на весь памятник целиком.

Краткий сравнительный анализ выделенных типов кухонных горшков Переяславля Рязанского с керамикой других регионов средневековой Руси позволил наметить некоторые предварительные линии развития местной гончарной традиции. Ранняя керамика XII–первой половины XIV в. в общих чертах схожа с посудой, распространенной в это время в Среднем Поочье (в Старой Рязани, Ростиславле, Пронске). В свою очередь, со второй половины XIV в. здесь начинает формироваться своя собственная устойчивая гончарная традиция, для которой свойственно использование формовочных масс из слабожелезненных глин без видимых примесей, а также преобладание горшков типа IV над остальной керамикой. И даже в XVI в., когда на территории Москворечья, Поочья, Среднего Подонья и Поволжья распространяется белоглиняная «коломенская» посуда, гончарство Переяславля Рязанского все еще отчасти продолжает развиваться в своем собственном ключе, о чем свидетельствуют доминирование архаичной технологии изготовления местной керамики и наличие «переходных» типов горшков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болдин И.В.* Круговая керамика бассейна Верхней Оки во II тыс. н.э. (проблемы периодизации и хронологии). Калуга, 2012. 172 с.
- Буланкин В.М.* Отчет о раскопках в исторической части Рязани в 1992 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 22578–22581.
- Буланкин В.М., Иванов Д.А., Судаков В.В.* Вал кремля Переяславля Рязанского по данным археологических исследований 2009 г. // Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России. Рязань: Рязанский ист.-архитектур. музей-заповедник, 2010. С. 134–145.
- Вячин А.А.* Отчет об охранных археологических раскопках на Нижнем посаде Переяславля-Рязанского (г. Рязань) ул. Скоморошинская д. 5 в 2006 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 36151–36153.
- Вячин А.А.* Отчет об охранных археологических раскопках на территории Гончарной слободы г. Рязани в 2007 г. (ул. Грибоедова д. 47–59 в 68 квартале) // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 47034–47035.
- Вячин А.А.* Раскопки в Гончарной слободе г. Рязани // Битва на Воже и средневековая Русь: материалы межрегион. науч. конф. (1–3 октября 2008 г.). Рязань: Центр сохранения объектов культур. наследия, 2009. С. 102–112.
- Гиппиус А.А., Завьялов В.И.* Берестяная грамота из Переяславля Рязанского // Российская археология. 2023. № 2. С. 179–186.
- Завьялов В.И.* Житный раскоп в Кремле Переяславля Рязанского // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2019. С. 5–66.
- Завьялов В.И.* Отчет об археологических исследованиях в Кремле Переяславля Рязанского (г. Рязань) в 2021 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 74561–74563.
- Завьялов В.И., Судаков В.В.* Стратиграфия и хронология Житного раскопа в кремле Переяславля Рязанского // Археология Подмосковья. Вып. 13. М.: ИА РАН, 2017. С. 69–87.
- Зацаринный С.В.* Закрытый комплекс XV в. с Сорокина городища (К вопросу о локализации летописного Алексина) // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. 2. Тула: Тульский полиграфист, 2003. С. 96–111.
- Зацаринный С.В.* Круговая посуда финального этапа заселения Сорокина городища (Средневековый Алексин) // Битва на Воже – предтеча возрождения средневековой Руси. Рязань: Поверенный, 2004. С. 319–331.
- Иванов Д.А., Стрикалов И.Ю., Челяпов В.П.* Поселенческая структура XII–XV вв. междуречья Прони и Рановы // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 336–361.

- Киреев П.С., Судаков В.В. «Заорленая» мера в составе керамического комплекса второй половины XVIII в. как материальное свидетельство питейного дела Переяславля Рязанского // Вестник гуманитарного образования. 2022. № 4 (28). С. 91–97.
- Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.: Музей истории города Москвы, 1996 (Тр. Музея истории города Москвы; 9). С. 103–133.
- Коваль В.Ю. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // Российская археология. 2001. № 1. С. 98–109.
- Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // Археология Подмосковья. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2004. С. 58–88.
- Коваль В.Ю. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV веках. Тула: Инфра, 2005. С. 251–265.
- Коваль В.Ю. Керамика Переяславля Рязанского XVII–XVIII вв. // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 1. Рязань: Рязанский ист.-архитектур. музей-заповедник, 2011. С. 87–122.
- Коваль В.Ю. Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы). М.: ИА РАН, 2016 (Методика полевых археологических исследований; вып. 9). 128 с.
- Кусова И.Г., Филиппов Д.Ю. Переяславль Рязанский XVII–XVIII вв.: Планировочная структура, застройка, социальная топография // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 1. Рязань: Рязанский ист.-архитектур. музей-заповедник, 2011. С. 14–52.
- Монгайт А.Л. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 400 с.
- Равдина Т.В. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М.: ИА АН СССР, 1991. С. 7–13.
- Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука, 1968 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е1-39). 124 с.
- Русаков П.Е. Исследования керамики селища Жокино 1 // Археология Подмосковья. Вып. 8. М.: ИА РАН, 2012. С. 321–332.
- Русаков П.Е. Селище Жокино 1. Статистика керамики и хронология комплексов // Археология Подмосковья. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2014. С. 393–404.
- Стрикалов И.Ю. Керамика Зарайска // Средневековый Зарайск (история и культурный слой). Зарайск, 1998. С. 27–45.
- Стрикалов И.Ю. Древнерусская керамика XIII в. Старой Рязани и ее округа // Русь в XIII веке: древности темного времени. М.: Наука, 2003. С. 372–381.
- Стрикалов И.Ю. Северное городище. Стратиграфия и планиграфия // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 36–89.
- Стрикалов И.Ю. Керамика Рязанской земли XI–XV вв.: дис. ... канд. ист. наук / Институт археологии РАН. М., 2006. 340 с.
- Судаков В.В. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Кремля г. Переяславля Рязанского (современная Рязань) в 1986 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 12119.
- Судаков В.В. Керамика Переяславля Рязанского // Научные чтения «Археология Рязанской земли»: тез. докл. Рязань, 1988. С. 32–33.
- Судаков В.В. Отчет об археологических раскопках в Кремле г. Рязани в 1988 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 14169.
- Судаков В.В. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Кремля и Верхнего посада г. Переяславля Рязанского (современная Рязань) в 1990 г. // Архив Института археологии РАН. № 17660–17662.
- Судаков В.В. Отчет об археологических раскопках на территории Острога г. Рязани в 1993 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 21691–21693.
- Судаков В.В. Керамика Житного раскопа // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2019. С. 67–100.
- Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 430 с.
- Челяпов В.П. Отчет об охранных раскопках на территории Острога г. Рязани в 1994 году // Архив Института археологии РАН. № 18981–18982.
- Челяпов В.П. Отчет об охранных раскопках в Гончарной слободе Переяславля Рязанского в 2004 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 26526.
- Челяпов В.П. Отчет об охранных раскопках на Нижнем посаде г. Переяславля — Рязанского (современный г. Рязань, ул. Свободы д. 4.) в 2007 г. // Архив Института археологии РАН. № 44308.
- Челяпов В.П. Исследования на Нижнем посаде г. Переяславля Рязанского (современный г. Рязань) в 2007 году // Битва на Воже и средневековая Русь. Рязань: Центр сохранения объектов культур. наследия, 2009. С. 81–101.
- Челяпов В.П., Иванов Д.А. Охранные раскопки на территории Гончарной слободы Переяславля Рязанского // Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековой Руси). Рязань: Политех, 2006. С. 155–167.
- Черкасов В.В. Круговая керамика Коломны XII–XVIII вв. (эволюция гончарной продукции): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 413 с.
- Чернов С.З. К хронологии Московской керамики конца XV–XVI вв. // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М.: ИА АН СССР, 1991. С. 50–58.

CERAMIC SCALE OF COOKING POTS FROM PEREYASLAVL RYAZANSKY OF THE 12th–18th CENTURIES

Pavel S. Kireev^{1,*} and Vasily V. Sudakov^{2,**}

¹*Ryazan Historical and Architectural Museum-Reserve, Ryazan, Russia*

²*Independent researcher, Ryazan, Russia*

*E-mail: pazzlef@gmail.com

**E-mail: sudakov_v@mail.ru

The article presents a ceramic scale of cooking pots from Pereyasavl Ryazansky of the 12th–18th centuries. The chronology of the pottery is based on the statistical and typological analysis of 17,140 rim fragments from the Zhitny excavation site in the Kremlin. To generalize it the researchers studied a sample of 149 whole forms, full profiles and the most representative large fragments of vessels obtained from excavations throughout the town (the Kremlin, *Ostrog* (stockade town), the upper and lower *posads* (quarters) and those stored in the Ryazan Historical and Architectural Museum-Reserve. This analysis made it possible to significantly expand and clarify the existing typology of cooking pots from Pereyasavl Ryazansky. In order to simplify the identification of the established types, they were linked to Koval and Strikalov's ceramic scales by the shape of the rim.

Keywords: Pereyasavl Ryazansky, ceramics, pots, typology, chronology, 12th–18th centuries.

REFERENCES

- Boldin I.V.*, 2012. Krugovaya keramika basseyna Verkhney Oki vo II tys. n.e. (problemy periodizatsii i khronologii) [Wheel-made pottery of the Upper Oka region in the 2nd millennium AD (problems of periodization and chronology)]. Kaluga. 172 p.
- Bulankin V.M.* Otchet o raskopkakh v istoricheskoy chasti Ryazani v 1992 g. [Report on excavations in the historical part of Ryazan in 1992]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 22578–22581.
- Bulankin V.M., Ivanov D.A., Sudakov V.V.*, 2010. The rampart of the Kremlin in Pereyasavl Ryazan according to the data from 2009 archaeological research. *Problemy izucheniya i sokhraneniya arkheologicheskogo naslediya Tsentral'noy Rossii [Issues of studying and preserving the archaeological heritage of Central Russia]*. Ryazan': Ryazanskiy istoriko-arkhitekturnyy muzey-zapovednik, pp. 134–145. (In Russ.)
- Chelyapov V.P.* Otchet ob okhrannykh raskopkakh na Nizhnem posade g. Pereyaslavlya — Ryazanskogo (sovremennyy g. Ryazan', ul. Svobody d. 4.) v 2007 g. [Report on salvage excavations in the *Lower Posad* (town) of Pereyasavl-Ryazansky (modern Ryazan, at 4 Svobody Street) in 2007]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, № 44308.
- Chelyapov V.P.* Otchet ob okhrannykh raskopkakh na territorii Ostroga g. Ryazani v 1994 godu [Report on salvage excavations in the territory of *Ostrog* (stockade town) in Ryazan in 1994]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, № 18981–18982.
- Chelyapov V.P.* Otchet ob okhrannykh raskopkakh v Goncharnoy slobode Pereyaslavlya Ryazanskogo v 2004 g. [Report on salvage excavations in *Goncharnaya Sloboda* (industrial settlement) of Pereyasavl Ryazansky in 2004]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 26526.
- Chelyapov V.P.*, 2009. Research in the *Lower Posad* (town) of Pereyasavl-Ryazansky (modern Ryazan) in 2007. *Bitva na Vozhe i srednevekovaya Rus' [Battle on the Vozha and medieval Rus']*. Ryazan': Tsentr sokhraneniya ob"ektov kul'turnogo naslediya, pp. 81–101. (In Russ.)
- Chelyapov V.P., Ivanov D.A.*, 2006. Salvage excavations in *Goncharnaya Sloboda* (industrial settlement) of Pereyasavl Ryazansky. *Bitva na Vozhe i Kulikovskoe srazhenie (istoriya i kul'tura srednevekovoy Rusi) [Battle on the Vozha and the Battle of Kulikovo (history and culture of medieval Rus')]*. Ryazan': Politekh, pp. 155–167. (In Russ.)
- Cherkasov V.V.*, 2004. Krugovaya keramika Kolomny XII–XVIII vv. (evolyutsiya goncharnoy produktsii): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Wheel-made pottery of Kolomna of the 12th–18th centuries AD (evolution of pottery): a thesis for the doctoral degree in History]. Moscow. 413 p.
- Chernov S.Z.*, 1991. On the chronology of Moscow ceramics of the late 15th–16th century AD. *Moskovskaya keramika. Novye dannye po khronologii [Moscow ceramics. New data on chronology]*. Moscow: Institut arkheologii Akademii nauk SSSR, pp. 50–58. (In Russ.)
- Gippius A.A., Zav'yalov V.I.*, 2023. Birchbark letter from Pereyasavl Ryazansky. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 179–186. (In Russ.)
- Ivanov D.A., Strikalov I.Yu., Chelyapov V.P.*, 2005. Settlement pattern of the 12th–15th centuries AD in the interfluvium of the Pronya and Ranova. *Velikoe*

- knyazhestvo Ryazanskoe: istoriko-arkheologicheskie issledovaniya i materialy [The Grand Principality of Ryazan: Historical and archaeological research and materials]*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 336–361. (In Russ.)
- Kireev P.S., Sudakov V.V., 2022. “Eagle-stamped” measuring vessel in the ceramic assemblage from the second half of the 18th century AD as material evidence of drinking establishment keeping in Pereyaslavl Ryazansky. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya [Bulletin of humanitarian education]*, 4 (28), pp. 91–97. (In Russ.)
- Koval V.Yu., 1996. Ceramics of Rostislavl Ryazansky: Chronology issues. *Arkheologicheskie pamyatniki Moskvy i Podmoskov'ya [Archaeological sites of Moscow and Moscow region]*. Moscow: Muzei istorii goroda Moskvy, pp. 103–133. (Trudy Muzeia istorii goroda Moskvy, 9). (In Russ.)
- Koval V.Yu., 2001. White-clay pottery in medieval Moscow. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 1, pp. 98–109. (In Russ.)
- Koval V.Yu., 2004. Ceramics of Rostislavl Ryazansky: New data on chronology. *Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow region]*, 1. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 58–88. (In Russ.)
- Koval V.Yu., 2005. Late medieval ceramics of the Kolomna type. *Kulikovo pole i Yugo-Vostochnaya Rus' v XII–XIV vekakh [Kulikovo field and Southeastern Rus' in the 12th–14th centuries AD]*. Tula: Infra, pp. 251–265. (In Russ.)
- Koval V.Yu., 2011. Ceramics of Pereyaslavl Ryazansky of the 17th–18th centuries. *Materialy po arkheologii Pereyaslavlya Ryazanskogo [Materials on the archaeology of Pereyaslavl Ryazansky]*, 1. Ryazan': Ryazanskiy istoriko-arkhitekturnyy muzey-zapovednik, pp. 87–122. (In Russ.)
- Koval V.Yu., 2016. Pervichnaya fiksatsiya massovogo keramicheskogo materiala (na pamyatnikakh epokhi Srednevekov'ya i rannego zhelezhnogo veka lesnoy zony Vostochnoy Evropy) [Primary recording of frequent ceramic material (on sites of the Middle Ages and Early Iron Age in the forest zone of Eastern Europe)]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 128 p. (Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovaniy, 9).
- Kusova I.G., Filippov D.Yu., 2011. Pereyaslavl Ryazansky of the 17th–18th centuries: layout, development, and social topography. *Materialy po arkheologii Pereyaslavlya Ryazanskogo [Materials on the archaeology of Pereyaslavl Ryazansky]*, 1. Ryazan': Ryazanskiy istoriko-arkhitekturnyy muzey-zapovednik, pp. 14–52. (In Russ.)
- Mongayt A.L., 1961. Ryazanskaya zemlya [Ryazan land]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 400 p.
- Ravdina T.V., 1991. Ceramics from dated burials in the mounds of Moscow region. *Moskovskaya keramika. Noveye dannye po khronologii [Moscow ceramics. New data on chronology]*. Moscow: Institut arkheologii Akademii nauk SSSR, pp. 7–13. (In Russ.)
- Rozenfel'dt R.L., 1968. Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII–XVIII vv. [Moscow ceramic industry in the 12th–18th centuries]. Moscow: Nauka. 124 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, E1-39).
- Rusakov P.E., 2012. Studies of the ceramics from the settlement of Zhokino 1. *Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow region]*, 8. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 321–332. (In Russ.)
- Rusakov P.E., 2014. The settlement of Zhokino 1. Statistics of ceramics and chronology of complexes. *Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow region]*, 10. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 393–404. (In Russ.)
- Strikalov I.Yu., 1998. Ceramics of Zaráisk. *Srednevekovyy Zaraysk (istoriya i kul'turnyy sloi) [Medieval Zaráisk (history and cultural layer)]*. Zaraysk, pp. 27–45. (In Russ.)
- Strikalov I.Yu., 2003. Rus ceramics of the 13th century from Staraya Ryazan and its environs. *Rus' v XIII veke: drevnosti temnogo vremeni [Rus in the 13th century AD: antiquities of the Dark Age]*. Moscow: Nauka, pp. 372–381. (In Russ.)
- Strikalov I.Yu., 2005. Northern fortified settlement. Stratigraphy and planigraphy. *Velikoe knyazhestvo Ryazanskoe: istoriko-arkheologicheskie issledovaniya i materialy [The Grand Principality of Ryazan: Historical and archaeological research and materials]*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 36–89. (In Russ.)
- Strikalov I.Yu., 2006. Keramika Ryazanskoj zemli XI–XV vv.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Ceramics of the Ryazan land of the 11th–15th centuries AD: a thesis for the doctoral degree in History]. Moscow. 340 p.
- Sudakov V.V. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na territorii Ostroga g. Ryazani v 1993 g. [Report on 1993 archaeological excavations in the Ostrog (stockade town) in Ryazan]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 21691–21693.
- Sudakov V.V. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Kremlje g. Ryazani v 1988 g. [Report on archaeological excavations in the Ryazan Kremlin in 1988]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 14169.
- Sudakov V.V. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh na territorii Kremlya g. Pereyaslavlya Ryazanskogo (sovremennaya Ryazan') v 1986 g. [Report on salvage archaeological excavations on the territory of the Kremlin of Pereyaslavl Ryazansky (modern Ryazan) in 1986]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 12119.
- Sudakov V.V. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh na territorii Kremlya i Verkhnego posada g. Pereyaslavlya Ryazanskogo (sovremennaya Ryazan') v 1990 g. [Report on the archaeological excavations in the Kremlin and Upper Posad (quarter) of Pereyaslavl Ryazansky (modern Ryazan) in 1990]. *Arkhiv Instituta*

- arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, № 17660–17662.
- Sudakov V.V., 1988. Ceramics of Pereyasavl Ryazansky. *Nauchnye chteniya «Arkheologiya Ryazanskoy zemli»: tezisy dokladov [Scientific readings "Archaeology of the Ryazan land": abstracts]*. Ryazan', pp. 32–33. (In Russ.)
- Sudakov V.V., 2019. Ceramics of the Zhitny excavation site. *Materialy po arkheologii Pereyaslavlya Ryazanskogo [Materials on the archaeology of Pereyasavl Ryazansky]*, 3. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 67–100. (In Russ.)
- Tsetlin Yu.B., 2012. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ancient pottery. Theory and methods of the historical-cultural approach]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 430 p.
- Vyachin A.A. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh na territorii Goncharnoy slobody g. Ryazani v 2007 g. (ul. Griboedova d. 47–59 v 68 kvartale) [Report on the 2007 salvage archaeological excavations on the territory of Goncharnaya Sloboda (industrial settlement) in Ryazan (47–59 Griboedova street, quarter 68)]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 47034–47035.
- Vyachin A.A. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh na Nizhnem posade Pereyaslavlya-Ryazanskogo (g. Ryazan') ul. Skomoroshinskaya d. 5 v 2006 g. [Report on the 2006 archaeological excavations at the Lower Posad (town) of Pereyasavl-Ryazansky (Ryazan), 5 Skomoroshinskaya street]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 36151–36153.
- Vyachin A.A., 2009. Excavations in Goncharnaya Sloboda (industrial settlement) of Ryazan. *Bitva na Vozhe i srednevekovaya Rus': materialy mezhhregional'noy nauchnoy konferentsii (1–3 oktyabrya 2008 g.) [Battle on the Vozha and Medieval Rus: Proceedings of the Interregional scientific conference (October 1–3, 2008)]*. Ryazan': Tsentr sokhraneniya ob"ektov kul'turnogo naslediya, pp. 102–112. (In Russ.)
- Zatsarinnyy S.V., 2003. A closed complex from the 15th century AD from the Sorokina fortified settlement (on the localizing of the recorded Aleksin). *Kulikovo pole. Istoricheskiy landschaft. Priroda. Arkheologiya. Istoriya [Kulikovo field. Historical landscape. Nature. Archaeology. History]*, 2. Tula: Tul'skiy poligrafist, pp. 96–111. (In Russ.)
- Zatsarinnyy S.V., 2004. Wheel-made ware from the final stage of the Sorokina fortified settlement (Medieval Aleksin). *Bitva na Vozhe – predtecha vozrozhdeniya srednevekovoy Rusi [Battle on the Vozha – the forerunner of the Medieval Rus revival]*. Ryazan': Poverennyy, pp. 319–331. (In Russ.)
- Zav'yalov V.I. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Kremle Pereyaslavlya Ryazanskogo (g. Ryazan') v 2021 g. [Report on archaeological research in the Kremlin of Pereyasavl Ryazansky (Ryazan) in 2021]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 74561–74563.
- Zav'yalov V.I., 2019. Zhitny excavation unit in the Kremlin of Pereyasavl Ryazansky. *Materialy po arkheologii Pereyaslavlya Ryazanskogo [Materials on the archaeology of Pereyasavl Ryazansky]*, 3. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 5–66. (In Russ.)
- Zav'yalov V.I., Sudakov V.V., 2017. Stratigraphy and chronology of the Zhitny excavation unit in the Kremlin of Pereyasavl Ryazansky. *Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow region]*, 13. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 69–87. (In Russ.)

К 70-ЛЕТИЮ НИКОЛАЯ АНДРЕЕВИЧА МАКАРОВА

© 2025 г. Л.А. Беляев*, П.Г. Гайдуков**, И.Е. Зайцева***, А.Н. Федорина****

Институт археологии РАН, Москва, РФ

**E-mail: labeliaev@bk.ru*

***E-mail: russianchange@yandex.ru*

****E-mail: izaitseva@yandex.ru*

*****E-mail: nasfed@yandex.ru*

Поступила в редакцию 19.06.2025 г.

После доработки 19.06.2025 г.

Принята к публикации 30.09.2025 г.

22 декабря 2025 г. исполняется 70 лет Николаю Андреевичу Макарову — вице-президенту Российской академии наук, академику-секретарю Отделения историко-филологических наук РАН, директору Института археологии РАН, видному ученому, посвятившему свою научную жизнь проблемам археологии и истории Древней Руси, мудрому руководителю и отличному товарищу.

Н.А. Макаров родился в Москве в семье художников, людей, тонко чувствующих и умеющих показать самобытность и глубинную энергетику Суздальских ландшафтов и пейзажей Русского Севера. Эту сопричастность, внутреннее родство с северными русскими просторами, способность черпать в них жизненные силы унаследовал и Николай Андреевич. С древнерусской археологией Н.А. Макаров познакомился в старших классах школы, когда он стал участником отряда М.Х. Алешковского по изучению вала Окольного города Новгорода. Здесь он впервые услышал лекции начальника Новгородской экспедиции В.Л. Янина, раскрывшие для него новый увлекательный мир средневековых древностей. После школы Н.А. Макаров поступил на исторический факультет МГУ (1973–1978 гг.), где с отличием защитил дипломную работу на кафедре археологии под руководством профессора Д.А. Авдусина.

Научная жизнь Н.А. Макарова неразрывно связана с Институтом археологии РАН: придя в 1978 г. на должность лаборанта, он прошел путь до директора, которым бессменно является уже более 20 лет. Еще в студенческие годы Николай заинтересовался одной из ключевых проблем истории Древней Руси — освоением ее северных окраин. Полевые работы на территории Архангельской и Вологодской областей он начал под руководством Лины Анатольевны Голубевой, признанного специалиста по изучению этого региона. Потом была организована Онежско-Сухонская экспедиция Института археологии, которую возглавил молодой ученый, собраны материалы, ставшие базовыми для

кандидатской диссертации «Население Восточного Прионежья в X–XIII вв.» (1985 г.) и вышедшей на ее основе монографии «Население русского Севера в X–XIII вв.: по материалам могильников Восточного Прионежья» (1990 г.), а потом и докторской диссертации (1994 г.) («Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья», 1997).

За 20 лет работы Онежско-Сухонской экспедиции было пройдено много дорог, открыта и описана масса памятников, составлена археологическая карта региона Белозерья (Макаров, Захаров, Бужилова «Средневековое расселение на Белом озере» (2001)), проведены широкомасштабные полевые исследования на Кемском курганном некрополе, грунтовом могильнике Нефедьево, на месте древнего Белоозера, на Мининском археологическом комплексе, включающем несколько поселений и грунтовый могильник («Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере», 2007–2009). В результате этих работ и осмысления максимального количества разнообразных источников Н.А. Макаров доказал, что колонизация Восточноевропейского Севера — звено общего процесса восточнославянского расселения и территориального роста Древнерусского государства, а затем и Московской Руси. Его можно считать завершающим этапом освоения славянами лесной полосы Восточной Европы, начавшегося в середине I тыс. н.э. Одним из важнейших итогов стало выявление в Восточном Прионежье следов новгородского и ростово-суздальского колонизационных потоков, на основе которых сложилась одна из регионально-этнических групп древнерусской народности — белозерцы.

Опираясь на археологические материалы, Н.А. Макаров убедительно показал, что древнерусская колонизация Севера началась в конце X — начале XI в. и заметно активизировалась в середине XII в., когда вещи древнерусских типов распространились на огромные территории от Белоозера и Волжско-Сухонского водораздела до Финнмарка и Северного Приуралья. Этот ареал примерно отвечает представлениям о зоне «русских даней», очерченной на основе летописей, грамот и других документов. Н.А. Макаров значительно продвинул изучение

северных волоков, которые впервые обрели археологическую реальность. Колонизация северной периферии Древней Руси сопровождалась устройством крупных поселений, жители которых занимались сельским хозяйством, лесными промыслами и торговлей.

В настоящий момент Николай Андреевич прочно ассоциируется с изучением исторического ядра Северо-Восточной Руси — Суздальского Ополя. Этот полевой проект, начинавшийся в 2001 г. как локальные работы в непосредственной округе Суздаля и задуманный как способ понять пути и формы сложения государственной территории Ростово-Суздальских земель, особенности поселенческих структур в центральных землях в сравнении с более на тот момент изученными северными «окраинами», довольно быстро разросся до серии самостоятельных, хотя и взаимосвязанных исследовательских направлений. Это исследования структуры расселения и динамики жизни на протяжении многовековой истории державы Рюриковичей в разных ландшафтных и исторических условиях; изучение денежных и властных отношений как в городской, так и в сельской среде; поиск погребальных памятников по следам раскопок А.С. Уварова; документирование и оценка христианизации региона, специфики сложения особой региональной идентичности суздальцев, во многом сохранившейся у населения Московского государства, изучение предыстории суздальских земель, антропологические исследования, включая генетические изыскания...

За 25 лет экспедицией обследовано около 430 средневековых поселений, большая часть которых была выявлена впервые, и собрано более 15 500 средневековых предметов, не считая керамики. Теперь Суздальское Ополе — одна из немногих областей Руси, для которой картина средневекового расселения и формирования исторического ядра земли-волости с большой точностью и полнотой реконструирована по археологическим материалам. Важнейшая задача выявления и документирования археологических памятников центра Суздальщины — не просто экстенсивное пополнение списков и коллекций. Это в первую очередь поиск эталонных в разном отношении микрорегионов и памятников, позволяющих документировать не только археологическую реальность вокруг отдельных городских центров (Суздаля,

Владимира, Юрьева Польского, Клещина и Переславля-Залесского), но и крупные исторические процессы, будь то раннее освоение водоразделов — «взлет на холмы», стабильность поселенческой структуры на протяжении столетий — «исторические села» или единство паттернов расселения на огромных территориях северо-востока.

Открытость новому, осознание необходимости наличия сравнительных полигонов, обеспечивающих достоверность суждений, уберегающих от ошибок, жажда расширения панорамы свидетельств русской истории заставляет Н.А. Макарова постоянно зачинать новые проекты, будь то изучение восточных окраин Суздальской земли (программа археологических работ в Гороховце и его окрестностях), селищ в Переславском районе, средневекового городища в Юрьевце и т.д. Н.А. Макаров по-прежнему неутомимый полевой исследователь, чей сезон начинается в апреле и завершается глубокой осенью. Эта работа многоплановая: здесь и разведочные обследования обширных пространств Северной Руси, и раскопки эталонных памятников, и участие в координации и проведении крупных охранных проектов (трассы «Таврида», «М12», Владимир-Иваново), поиск полигонов для отработки и внедрения в практику полевых исследований технических новинок XXI в.

Те же качества необходимы и для поиска и изучения курганов в Суздальских полях. Сложность этой задачи на участках, затронутых работами XIX столетия под руководством графа А.С. Уварова, — постоянный рефрен отечественной археологической литературы XX в. Глубокое понимание закономерностей и разнообразия погребальных традиций эпохи формирования русского государства, азарт практического применения различных естественнонаучных методов и технических новинок для решения историко-археологических задач (геофизики, лидарной съемки, возможностей современной геодезии, почвоведения, антропологии и т.п.) привели к тому, что под руководством Николая Андреевича удалось выработать и апробировать методику выявления «невидимых» могильников. К настоящему моменту, помимо Шекшовского некрополя, обследование которого началось в 2011 г., исследовано еще несколько могильников эпохи окняжения суздальской земли: Гнездилово, Сельцо,

Шелебово. Полевые работы на этих памятниках дали новые убедительные доказательства правоты выдвинутых положений о присутствии элиты средневекового общества в сельской среде, о быстром сложении новой региональной идентичности, выразившейся в высокой стандартизации материального мира, вобравшего в себя элементы разных культурных традиций. Макаров становится и инициатором нового обращения к белокаменным памятникам Суздальщины, привлекая для этого лучшие архитектурно-археологические силы ИА РАН.

Работая в Ополе, невозможно обойти вниманием Суздаль — тот центр, который на долгие столетия дал имя всей земле. К сожалению, реальность XXI в. не позволяет всерьез мечтать о проведении сугубо академических полевых работ в активно развивающемся туристическом центре. Уже в начале 2000-х стало понятно, что необходимо выстраивать диалог, направленный на сохранение наследия, с местной администрацией, застройщиками, жителями. Н.А. Макаров во многом оказался двигателем этого процесса: разъяснения и демонстрации значимости и хрупкости наследия, важности прозрачной системы проведения спасательных мероприятий и отлаженности административных процедур. Здесь же проявилось важнейшее качество юбиляра — единый, целостный подход к академическим, самостоятельно задуманным проектам и «вынужденным» охранным работам, четкое понимание, что ценность археологических свидетельств не зависит от режима проведения работ. Именно поэтому уже с 2007 г. члены Суздальской экспедиции активно включаются в раскопки, шурфовки и наблюдения в городе. По той же причине значительное внимание в ходе разведочных работ уделяется ближайшим пригородам городских центров региона — тех территорий, которые активно застраиваются в настоящее время.

Очевидна разница в результатах «медленных» проектов, опирающихся на максимально подробное документирование изучаемого объекта, с применением тонких исследовательских методик и привлечением максимально широкого круга представителей смежных наук и «быстрых» охранных проектов, где исследователь связан жесткими сроками и производственными ограничениями. Тем не менее в настоящее время создание достоверной и полной картины русского средневековья возможно только при

объединении столь разноплановых результатов, поэтому одной из важнейших забот юбиляра становится обеспечение мостиков-перекличек между этими двумя блоками полевых работ.

Суздальской археологической экспедиции под руководством Н.А. Макарова удалось раскрыть многообразие и богатства Суздальского Ополя и продемонстрировать многолюдность и благоденствие средневекового населения региона, обеспечившего возвышение и устойчивое развитие Северо-Восточной Руси. Важнейшие итоги этих работ представлены в двухтомном издании «Археология Суздальской земли», вышедшем под редакцией Н.А. Макарова в 2023 г. Это богато иллюстрированное издание не только знакомит широкого читателя с современными представлениями о сложении и развитии одного из важнейших центров русской государственности, но и создает визуальный образ русского средневековья во всем его разнообразии, оно связывает воедино хрестоматийный образ белокаменных соборов, золотых ворот и русского села, традиционных земельных ландшафтов.

Наряду с изучением древнерусских материалов Н.А. Макаров старается всемерно способствовать исследованию древностей разных периодов: будь то памятники эпохи переселения народов (самый яркий из них — селище Абакумлево, где был найден клад женских украшений), новой и новейшей истории (изучение усадьбы в с. Кистыш, принадлежавшей А.В. Суворову) или бронзового и раннего железного веков (изучение городища Васильково и текстильной керамики из раскопок в Кидекше).

Практическая жилка и интерес ко всему новому привели Н.А. Макарова к идее планомерного документирования памятников неразрушающими методами. Одним из первых с помощью лазерного сканирования был снят план курганного могильника в Михалях — крупнейшего сохранившегося в современном ландшафте средневекового городского некрополя. Создание цифрового архива курганных групп и выраженных в рельефе поселений позволяет на новом витке вернуться к обсуждению многих привычных археологам вопросов пространственной организации памятников, оценки их размеров и структуры, что особенно важно в условиях современной градостроительной активности.

Деятельность Н.А. Макарова не ограничивается сугубо научными проектами. Значительные усилия по популяризации национальных древностей и исторических знаний в целом — такие как ежегодный научно-практический семинар «Археология Владимиро-Суздальской земли», проводимый совместно с Владимиро-Суздальским музеем-заповедником; участие в разработке концепций музея на территории Михайловского курганного могильника и музейно-ландшафтного парка «Сунгирь»; воплощенный на площадке ВСМЗ цикл лекций «Средневековая Русь глазами археолога»; создание научно-популярных фильмов, отражающих современную археологическую картину развития Северной Руси — создают особое культурное пространство Владимиро-Суздальской жизни, открытость академической науки обществу. Последовательная забота Н.А. Макарова о сохранении культурного наследия Суздаля и его окружи как просветительского, так и практического характера, проводимая на протяжении последней четверти века, превратили Суздаль и Суздальское Ополе в одну из самых изученных территорий Древней Руси.

В 2015 г. начался еще один большой исследовательский проект в деятельности ученого — археологические исследования в Московском Кремле. Работы 2016–2019 гг. были связаны с восточной частью крепости, а также с южной оконечностью Ивановской площади. Раскопки позволили подтвердить дату начала освоения участка верхней террасы Боровицкого холма между Спасскими и Никольскими воротами Кремля — последняя треть — конец XII столетия, получить подробную информацию о характере культурного слоя ранней Москвы, а также всесторонне изучить погребения некрополя Чудова монастыря. По результатам работ создана музейная экспозиция и написаны коллективные монографии (Археология Московского Кремля. Раскопки 2016–2017 гг. (2018); Древности Московского Кремля. Т. 1. Археологические исследования на месте Чудова монастыря (2022)).

Во исполнение поручений Президента Российской Федерации В.В. Путина об организации археологических раскопок в центральной части Большого Кремлевского сквера и на других участках Кремля и популяризации кремлевских древностей в 2018–2021 гг. Н.А. Макаров возглавил раскопки Института археологии

РАН в Большом Кремлевском сквере — первые на территории Московского Кремля археологические работы, имеющие чисто научные задачи. Были исследованы остатки фундаментов Новых и Старых приказов XVI–XVIII вв. и культурный слой под ними. Раскопки были проведены также на участках у Боровицкой башни и в Тайницком саду. (Неизвестный Кремль: археологические исследования 2018–2021 гг., 2025 г.).

В последнее десятилетие раскрылся педагогический потенциал Н.А. Макарова. С 2017 г. на базе исторического факультета ГАУГН в рамках направления подготовки «История» открыт профиль «Археология» и организована кафедра Археологии, которую возглавляет наш юбиляр. Необходимость появления в столице нового образовательного центра, готовящего специалистов-археологов, давно обсуждалась в сообществе — нехватка подготовленных кадров в условиях бума охранных работ, необходимость возвращения научной смены требовали создания той среды, которая бы обеспечивала тесный контакт академической науки и образования. Первые годы подготовка велась в рамках программы бакалавриата, начиная с 2021 г. обучение ведется также по программе магистратуры. Авторы и преподаватели читаемых курсов, большая часть которых не имеет аналогов в России, — ведущие специалисты Института археологии РАН. За прошедшие годы бакалаврские дипломы на кафедре защитили почти 40 человек, некоторые студенты первых наборов в настоящее время продолжают свое образование уже в аспирантуре ИА РАН. Несмотря на свою молодость, созданная Н.А. Макаровым кафедра стала заметным звеном в системе профессионального археологического образования в России.

Многогранная деятельность Н.А. Макарова получила официальное признание в научном сообществе. В 1997 г. он избран членом-корреспондентом, в 2011 г. — академиком РАН, а в 2017 г. вице-президентом РАН. Экспедиционный и кабинетный труд ученого Н.А. Макаров совмещает с огромной административной работой. В 1995–1999 гг. он возглавлял отдел истории Российского гуманитарного научно-го фонда, в 1999–2002 гг. работал заместителем академика-секретаря Отделения истории РАН по научно-организационным вопросам, с 2012 г. он являлся руководителем секции истории в Отделении историко-филологических

наук РАН, а с 2022 г. академиком-секретарем ОИФН РАН. Избранный в 2003 г. коллективом сотрудников Института археологии РАН директором, Н.А. Макаров до сегодняшнего дня трудится в этой должности.

Николай Андреевич — член Общественного совета Министерства культуры РФ, член Президиума Российского исторического общества, с 2015 г. — член Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию, член экспертного совета национальной премии «Хрустальный компас», почетный доктор НИЦ «Курчатовский институт», заместитель председателя национального комитета российских историков, член Российско-Белорусской комиссии по совместным премиям РАН и Национальной академии наук Беларуси.

Значительные усилия прилагает Н.А. Макаров к организации археологической науки и развитию проблемных дискуссий по средневековой археологии в России. Он является сопредседателем Оргкомитетов возобновленных в 2006 г. Всероссийских археологических съездов (в 2006–2025 гг. состоялось семь съездов). По его инициативе и под его непосредственным руководством ежегодно в марте в Институте археологии РАН проводится крупная международная конференция, на которой представляются наиболее значимые археологические открытия прошедшего года. Начиная с 2006 г. осенью в г. Владимире организуется научный семинар «Археология Владимиро-Суздальской земли», консолидирующий специалистов, работающих на территории Северо-Восточной Руси. Площадка дает возможность представить результаты своих исследований не только маститым ученым, но и молодым специалистам из региональных организаций. По итогам конференции выходят сборники. В настоящее время вышло уже 14 выпусков.

Как главный редактор Н.А. Макаров вдохнул новую жизнь в периодическое издание ИА РАН «Краткие сообщения Института археологии РАН». В настоящее время это авторитетный журнал с высоким международным рейтингом. За годы его руководства вышло в свет 60 выпусков КСИА (Вып. 219–278. 2005–2025 гг.).

Н.А. Макаров прилагает большие усилия для укрепления позиции Института археологии в системе археологических учреждений России, для закрепления за РАН функций научной регламентации полевых археологических

исследований, для совершенствования нормативной базы, регулирующей охрану археологического наследия России. Исключительно важна роль Н.А. Макарова в налаживании эффективной системы охраны археологических памятников и прямого противодействия нелегальным, грабительским раскопкам, а также всем формам «коммерциализации», приносящим вред археологии как фундаментальной науке.

Заслуги Н.А. Макарова были высоко оценены руководством страны. За активное участие в реализации проекта по модернизации звонницы на Спасской башне и созданию подземного Музея археологии Чудова монастыря на территории Московского Кремля в 2021 г. он удостоен Ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени. В 2023 г. ученый получил Демидовскую премию за выдающийся вклад в изучение истории России и новаторские археологические исследования, в 2024 г. юбилейную медаль «300 лет Российской академии наук». В 2025 г.

Н.А. Макаров стал лауреатом Государственной премии Российской Федерации в области науки и технологий за 2024 г.

Много лет Николай Андреевич является членом Редакционного совета журнала «Российская археология». Он во многом определяет редакционную политику, оживляет заседания точными характеристиками представляемых материалов, выступает с основополагающими статьями. Мы надеемся, что в этом номере он обнаружит ряд работ, которые привлекут его внимание и окажутся близкими его исследовательскому методу.

Свой юбилей Н.А. Макаров встречает в расцвете жизненных и творческих сил. Поздравляя Николая Андреевича с 70-летием, желаем ему здоровья, ярких полевых открытий, интересных кабинетных исследований, новых книг и новых учеников, семейного благополучия, а возглавляемому им Институту археологии РАН — стабильности, успехов и процветания.

ВОЗДВИЖЕНСКИЙ КЛАД X ВЕКА ИЗ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НАХОДКИ И СОСТАВ

© 2025 г. П.Г. Гайдуков*, О.М. Олейников**, А.А. Гомзин***, К.К. Заболотная****

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: russianchange@yandex.ru*

***E-mail: olejnikov1960@yandex.ru*

****E-mail: gomzin_a@mail.ru*

*****E-mail: ogleonidovichc84@gmail.com*

Поступила в редакцию 25.06.2025 г.

После доработки 25.06.2025 г.

Принята к публикации 30.09.2025 г.

В 2024 г. при археологических работах на Софийской стороне Великого Новгорода обнаружен денежно-вещевой клад, получивший название «Воздвиженский». В статье представлены обстоятельства его находки, сведения о составе, датировке и стратиграфии. Комплекс обнаружен в центральной части раскопа на ул. Воздвиженская, д. 6 при зачистке предматерика, в узкой и глубокой столбовой яме. В нем насчитывается примерно 1900 предметов, вес около 2.5 кг. В составе клада — 83 различных украшения и более 1800 серебряных драхма шахиншаха Хосрова II (591–628), германский денарий императора Оттона I (936–973) и девять византийских милиарисиев: восемь — императора Константина VII Порфирогенета (945–959) и один — Иоанна Цимисхия (969–976). Основная масса денежной составляющей — куфические дирхамы, преимущественно отчеканенные на монетных дворах Ближнего Востока и Центральной Азии. Вещевая часть клада представлена хрустальной шарообразной и 9 стеклянными бусинами, из которых 8 сделаны в технике миллефиори, бронзовой позолоченной подвеской и 72 украшениями из серебра. Среди них — пластинчатый широкосрединный гладкий перстень и височное однобусинное зерненное кольцо, 16 одинаковых сферических пуговиц с крупными ушками. Остальные предметы — части ожерелий: крест «скандинавского типа», 6 широкогорлых декорированных зернью лунниц, 2 щитообразные и 1 ромбическая подвески с тисненым орнаментом, 4 круглые подвески с филигранным накладным декором и 40 бусин разных форм. Воздвиженский клад предварительно датируется второй половиной 970-х годов.

Ключевые слова: Великий Новгород, Русь, Саманиды, Волжская Булгария, денежно-вещевой клад, дирхам, милиарисий, серебряные украшения, X в.

DOI: 10.7868/S3034577425040075

24 августа 2024 г. при археологических исследованиях Новгородской экспедиции Института археологии РАН на Софийской стороне Великого Новгорода обнаружен денежно-вещевой клад последней четверти X в. Работы проводились в 100–120 м к юго-западу от Троицкого раскопа, на ул. Воздвиженская, д. 6, в зоне строительства жилого дома, на территории Людина конца средневекового Новгорода. Площадь раскопа, получившего одноименное улице название, составила 132 м², мощность культурного слоя — до 5 м.

В 10 м южнее раскопа в толще напластований залегает средневековая улица Воздвиженская (рис. 1, б). По названию улицы и раскопа клад назван Воздвиженским¹.

Обнаружение комплекса монет и украшений времени первых десятилетий существования Новгорода — событие исключительной

¹ Первая оперативная информация о кладе опубликована на сайте Института археологии РАН 30.09.2024 г. (см. Гайдуков и др., 2024).

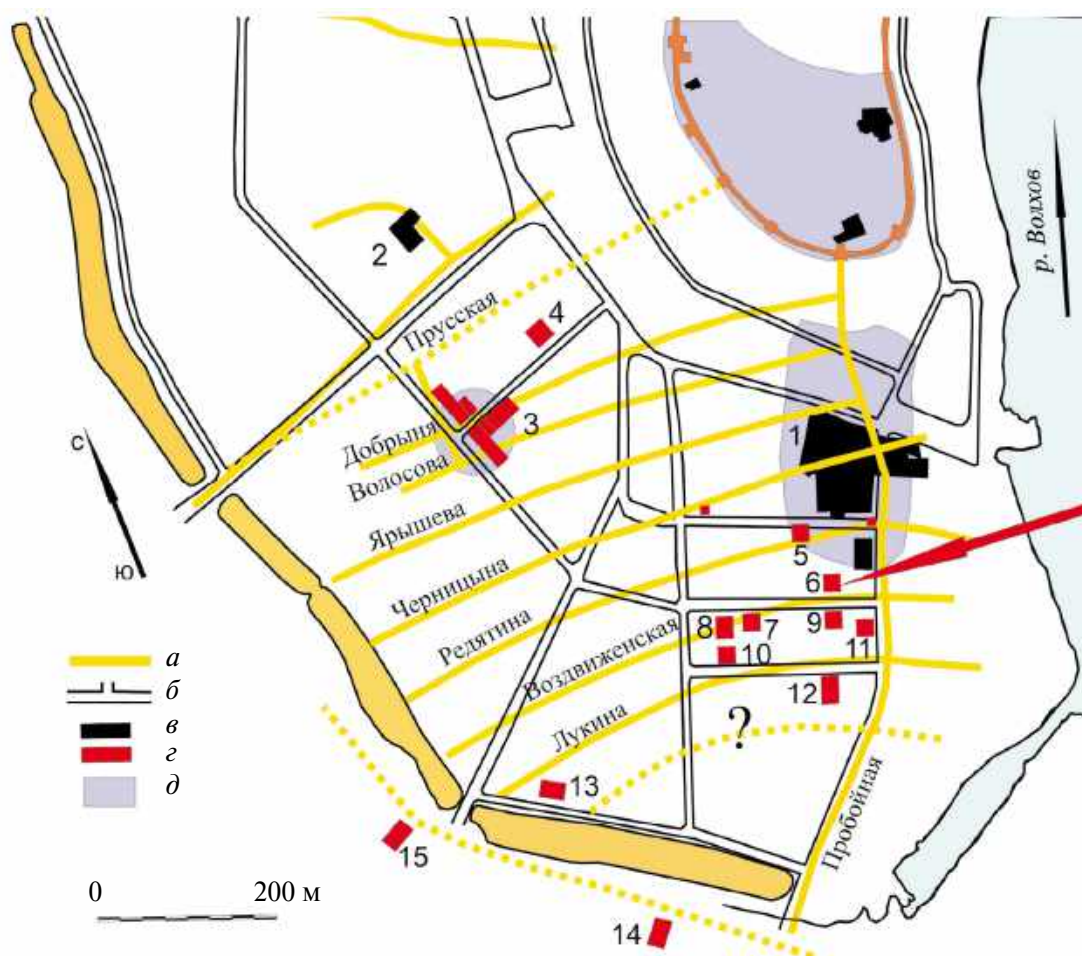

Рис. 1. Схема территории городской застройки Людина конца Новгорода на конец X в. и ситуационный план раскопов. 1 – Троицкий (1973–2025); 2 – Михайлоархангельский (1990–1991); 3 – Десятинный (2008–2010); 4 – Добрынин 2 (2011); 5 – Редятина, 7 (2022); 6 – Воздвиженский, 6 (2024); 7 – Воздвиженский, 7 (2020–2021); 8 – Воздвиженский, 9 (2016–2017); 9 – Воздвиженский, 3 (2015); 10 – Власьевский, 2 (2011); 11 – Троицкий, 16 (2016–2017); 12 – Литвинова-Лукина, 5; 13 – Черняховского, 14 (2017); 14 – Обороны, 2 (2017); 15 – Обороны, 13 (2016). Условные обозначения: а – древние улицы; б – современные улицы; в – археологические раскопы; г – археологические раскопы ИА РАН; д – жилая застройка на конец X в.

Fig. 1. A scheme of the urban development area of Lyudin district in Novgorod during the late 10th century AD and a situational plan of the excavations

редкости². За многие годы археологического изучения города это всего лишь четвертый случай находки кладов X в. Два из них обнаружены к северу от Новгородского детинца, на Неревском

² «Случайность, которая всегда сопутствует находке монетного клада; такое обычное и постоянное явление, когда клад поступает в музей не непосредственно из земли, а сначала расходуется по рукам; как правило, длительное путешествие клада от места находки в музейные собрания – все эти и многие другие обстоятельства не дают обычно уверенности исследователю, имеет ли он дело с целым кладом или только с его частью. ... Тем большее значение должен иметь редчайший факт открытия клада в условиях археологических раскопок, которые гарантируют не только наиболее точные указания на обстоятельства находки, но и полную сохранность всех монет клада, вплоть до мельчайших обрезков» (Янина, 1956. С. 180).

раскопе, в 1953 и 1956 гг.; они датируются 970-ми годами. Первый насчитывает 871 монету (60 целых дирхамов и 811 их обрезков и обломков)³, второй – 735 монет (1 византийский милиарисий, 131 целый дирхам и 603 их обрезка и обломка) (Янина, 1956. С. 181; 1963. С. 287, 292–293. Табл. I–III). Третий клад найден в 1998 г. неподалеку от издаваемой находки, на Троицком раскопе. Он состоит из 11 фальшивых дирхамов, отлитых из оловянистого сплава; его

³ Кроме монет в состав клада входило еще 12 предметов: миниатюрная серебряная лунница, 6 бочонковидных гирек, фрагменты 14-гранной гирьки, 2 свинцовых грузика (в виде конуса и кружка), 2 хрустальные бусины (цилиндрическая и сфероидальная многогранная) (Янина, 1956. С. 181, 207).

формирование относится к 940-м годам (Гайдуков, Гомзин, 2017а, б).

Воздвиженский комплекс — самое крупное сокровище X в. среди кладов Новгорода и его округи⁴. Он насчитывает около 1900 предметов и представляет исключительную научную значимость для ранней истории Новгорода и Древней Руси.

Характеристика раскопа и обстоятельства находки. Археологические работы на раскопе Воздвиженский, 6 проводились с июля по сентябрь 2024 г. В результате исследований установлено, что начало освоения этого участка относится к концу X в., но активного строительства здесь не было вплоть до последней четверти XI в., когда появилась первая регулярная усадебная застройка. В границы раскопа вошла центральная часть усадьбы с жилыми и хозяйственными постройками, существовавшая в XII—XV вв.

Коллекция индивидуальных находок насчитывает около 1500 предметов, свидетельствующих о благосостоянии и нерядовом статусе жителей усадьбы. Среди найденных здесь средневековых вещей — свинцовые актовые печати и товарные пломбы, металлические украшения костюма, а также обычные бытовые и хозяйственные предметы. В числе особо значимых находок — серебряный новгородский денежный слиток, обнаруженный внутри жилой постройки XIV в., и берестяная грамота № 1203, залегавшая в слоях XII в.

Денежно-вещевой клад выявлен в центральной части раскопа при завершении работ и зачистке предматерика, он был спрятан владельцем в узкой и глубокой столбовой яме⁵. Позже, в первой половине XI в., рядом с этой ямой вырыли широкую и пологую водоотводную канаву (яма № 2), южный край которой срезал предматериковые культурные слои конца X — первой четверти XI в. толщиной до 20 см. При этом частично был срезан материк в верхней части ямы с кладом, а сама яма оказалась перекрыта заполнением канавы (рис. 2, 1; 3, 1—5).

На поверхности материка выявлено несколько хозяйственных и столбовых ям, заполненных желто-коричневой слабогумусированной супесью с включением угля. В их заполнении обнаружены только мелкие фрагменты раннекруговой

керамики (рис. 4, 1), один из которых датируется второй половиной X в. (Олейников, 2019. С. 28, 29. Рис. 27, 28). Кроме ям на поверхности материка прослежены следы борозд от распашки сохой предматерикового почвенного слоя — коричневой супеси толщиной до 16 см с включением темно-коричневой и желтой супеси и угля (рис. 3, 2). В этом слое обнаружены небольшие обломки двух дирхамов X в.⁶ и фрагменты круговой керамики второй половины X в. (рис. 4, 2). Позже исследуемая территория была поделена плетневыми оградами на небольшие участки, вероятно, для сельскохозяйственных нужд. Собранная в предматерике керамика и другие находки свидетельствуют о хозяйственном освоении этой территории в конце X — начале XI в.

Предматериковый пахотный слой был перекрыт несколькими прослойками толщиной 8—25 см из желтой, коричневой и темно-коричневой супеси с включением тлена и угля (рис. 3, 3—5), в них обнаружена керамика первой четверти XI в. (рис. 4, 3, 4). Прослойки прорезали синхронные им водоотводные канавы (рис. 2, 3), ориентированные по линии С—Ю (ширина до 60 см, углублены на 5—30). Позже все отложившиеся слои и материк прорезала широкая (до 3.5 м) водоотводная канава глубиной до 0.65, вырытая по линии ЮЮЗ—ССВ (яма № 2; рис. 2, 2). В ее заполнении собрана керамика первой половины XI в. (рис. 4, 5).

24 августа 2024 г. (в субботу) при зачистке материковой поверхности юго-восточной пологой стенки канавы открылась круглая яма диаметром около 16 см (рис. 5, б), верхняя часть которой была заполнена желтой глиной с включением коричневой супеси (рис. 5, а, 1). В 11 час. 17 мин. старший лаборант Новгородской экспедиции ИА РАН С.К. Черных, разбирая заполнение ямы на глубине 7 см от материковой поверхности, обнаружил первые монеты (рис. 5, в). Клад залегал плотным слоем в глубину на 43—44 см и заполнял яму до дна (глубина —479/—523 см). Украшения и монеты выбирались горизонтальными пластами от 2 до 10 см и укладывались в отдельные пакеты, одновременно велась фото- и видеофиксация (рис. 5, в—и). При этом видимые следы упаковки не обнаружены. После

⁴В окрестностях Новгорода обнаружено два значительных денежно-вещевых клада рубежа X—XI вв. с небольшим количеством монет: у д. Горошково и Любоежа 2001 г. и у д. Старая Мельница 2014 г. (Торопов, 2009; 2014. С. 227—229; Кудрявцев и др., 2023).

⁵Паспорт: раскоп Воздвиженский, 6, участок 1, квадрат В-3, яма № 1, глубина —479/—523 см, полевой № 1413.

⁶Эмитенты обеих монет из-за слабой сохранности не установлены, выпускные сведения в значительной степени утрачены. На одном из дирхамов упоминается аббасидский халиф ал-Мути' ли-ллах (334—363 г.х. / 946—974 г.г.) и отчасти просматривается год выпуска, который предположительно может быть интерпретирован как 3(56?) г.х. (966/967 г.). Второй экземпляр, судя по типу и палеографии, отчеканен не ранее 930-х годов.

Рис. 2. Раскоп Воздвиженский, 6. Глубина — 450 см. Вид с востока. 1 — место залегания Воздвиженского клада (под заполнением водоотводной канавы); 2 — большая водоотводная канава первой половины XI в.; 3 — малые водоотводные канавы первой половины XI в.

Fig. 2. Excavation unit at Vozdvizhenskaya, 6. Depth — 450 cm. East view

полного извлечения клад, разделенный на шесть частей, поступил в камеральную лабораторию экспедиции.

Состав клада. В Воздвиженском клада насчитывается примерно 1900 предметов, его вес около 2.5 кг. В составе комплекса — 83 различных украшения и более 1800 серебряных монет (целых и фрагментированных). Сохранность большинства предметов хорошая.

Вещевая часть клада представлена 1 хрустальной шарообразной и 9 стеклянными бусинами, из которых 8 сделаны в технике миллефиори, бронзовой позолоченной подвеской и 72 украшениями из серебра⁷. Среди них — пластинчатый

широкосрединный гладкий перстень и височное однобусинное зерненное кольцо, 16 одинаковых сферических пуговиц с крупными ушками, тулово которых спаяно из двух полых гладких половинок, а нижние части украшены пирамидками зерни. Остальные артефакты представляют собой части ожерелий (рис. 6): большой крест «скандинавского типа», 6 ширококорых декорированных зернью лунниц разных размеров с трубчатыми ушками, 2 щитообразные и 1 ромбическая подвески с тисненым орнаментом, 4 круглые подвески с филигранным накладным декором и 40 бусин разных форм (Зайцева и др., 2025).

Перечисленные предметы выполнены квалифицированными мастерами из высокопробного серебра с большим искусством и тщательностью.

⁷ Авторы признательны И.Е. Зайцевой и Н.А. Макарову за помощь в атрибуции украшений.

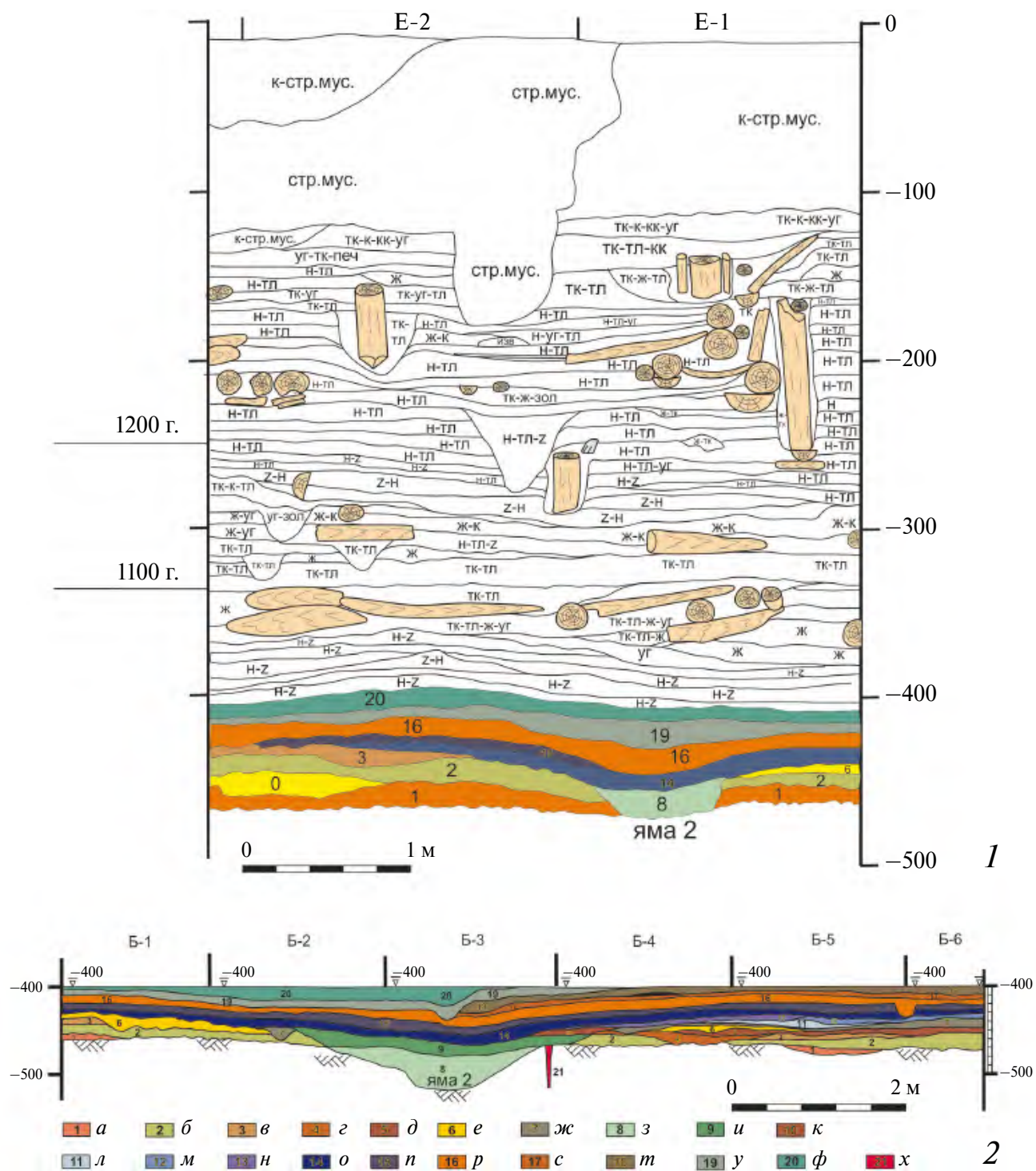

Рис. 3. Раскоп Воздвиженский, 6. 1 — разрез культурного слоя по южной стенке кв. Е-2 — Е-1, вид с севера; 2 — разрез по северной стенке кв. В-1 — В-6 с гл. —400 см, вид с юга. Условные обозначения: а — желтая материковая глина; 1 — коричневая с желтым супесь с включением угля; б — коричневая с желтым и темно-коричневым супесь с включением угля; в — темно-коричневая тленовая супесь; г — темно-коричневая тленовая супесь с включением угля; д — темно-коричневая с желтым супесь с включением тлена; е — желтая глина (выброс из ямы № 2); ж — темно-коричневая тленовая супесь; з — коричневая супесь с включением тлена и желтой супеси; и — навоз с включением тлена и щепы; к — навоз с тленом; л — коричневая с желтым супесь; м — темно-коричневая с коричневым и желтым супесь; н — коричневая с темно-коричневым супесь с включением тлена; о — щепы с навозом; п, т, у, ф — навоз со щепой; р, с — навоз с тленом с включением щепы; х — яма с кладом. Сокращения: к-стр. мус. — культурно-строительный мусор; стр. мус. — строительный мусор; 0 — выброс желтой глины.

Fig. 3. Excavation unit at Voizdzhenskaya, 6

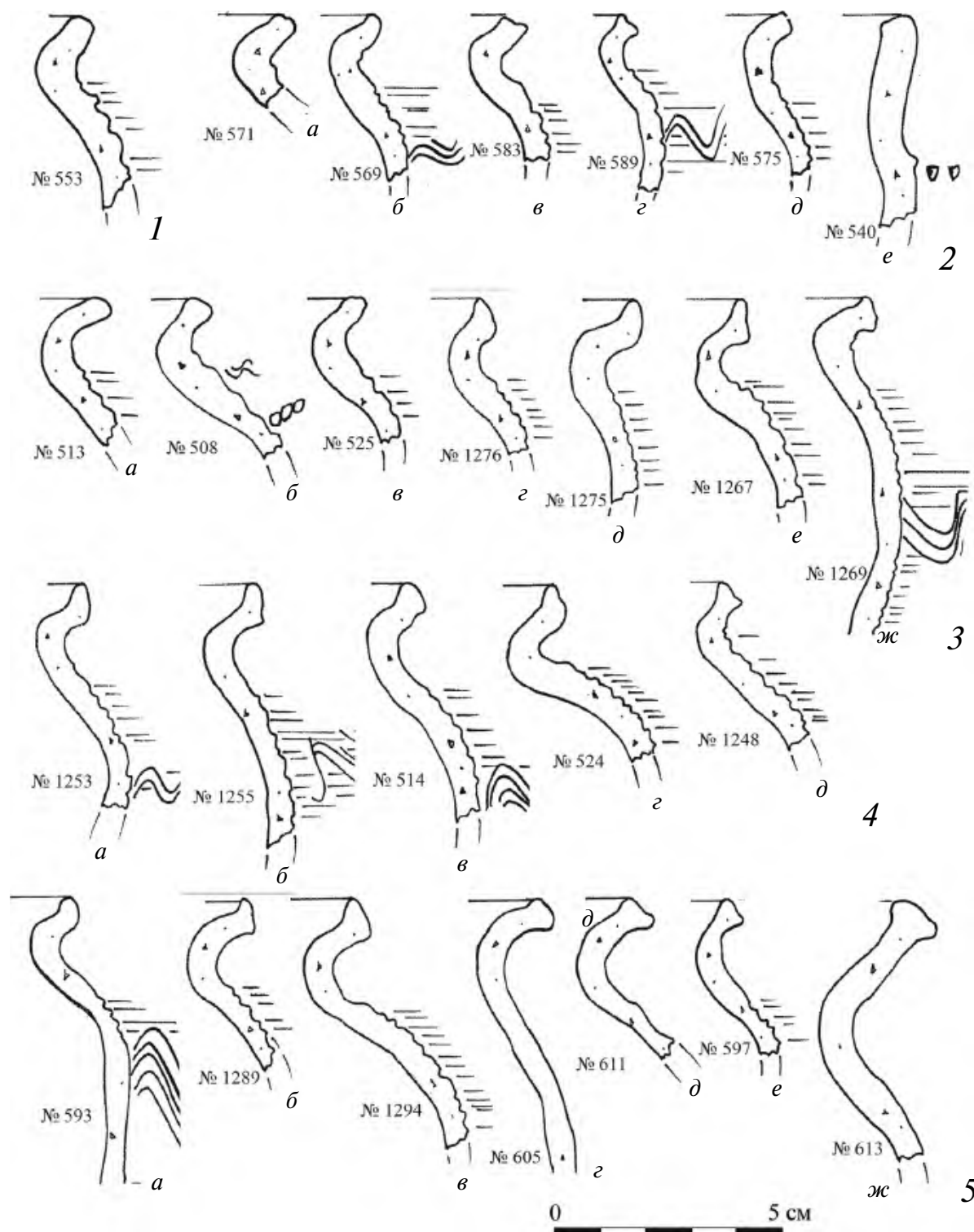

Рис. 4. Типы керамики из предматериковых слоев раскопа (по: Олейников, 2019). 1 – слой 1 (тип 1, вид 1); 2 – слой 2 (а – тип 1, вид 1; б – тип 1, вид 1-2; в – тип 1, вид 2; г – тип 1, вид 2-4; д – тип 3, подтип 1, вид 2-1; е – тип 4, подтип 4, вид 2); 3 – слой 3-4 (а, б – тип 1, вид 1-0; в – тип 1, вид 3-1; г – тип 1, вид 2-6; д – тип 1, вид 1-1; е – тип 1, вид 1-3-5; ж – тип 1, вид 1-4); 4 – слой 5 (а – тип 1, вид 1-1; б – тип 1, вид 1-3-5; в – тип 1, вид 2-2-6; г – тип 1, вид 2-4); 5 – слой заполнения ямы № 2 (а – тип 1, вид 1-1; б – тип 1, вид 1-3-5; в – тип 1, вид 2-6; г – тип 3, подтип 1, вид 2-в-8; д, е – тип 1, вид 2-4; ж – тип 3, подтип 3, серия 1, вид 4-1).

Fig. 4. Pottery types from the pre-subsoil layers of the excavation (after Oleynikov, 2019)

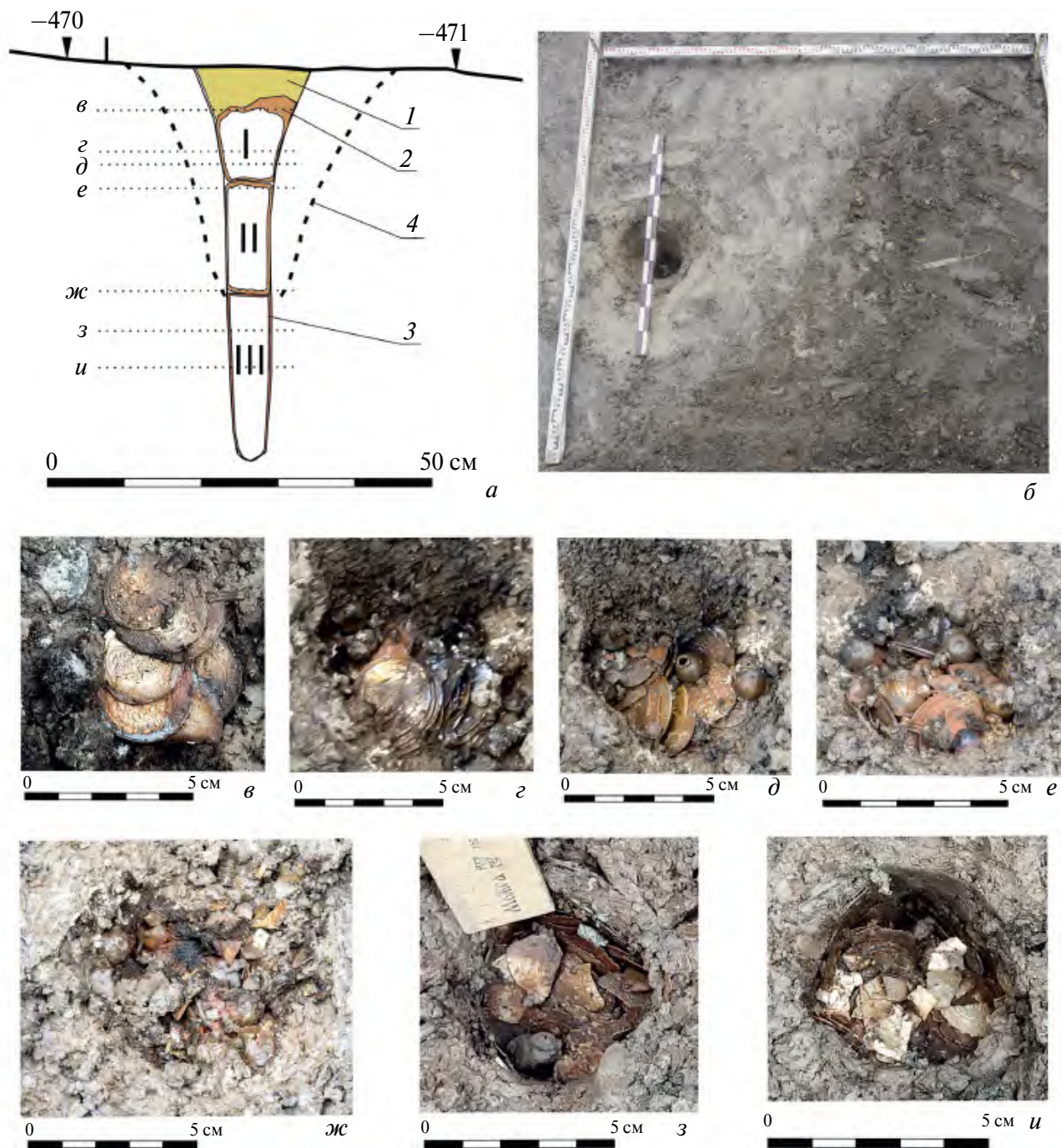

Рис. 5. Материковая яма № 1 и залегание в ней денежно-вещевогоклада. *а* – разрез ямы с кладом: I – верхняя часть клада; II – средняя часть клада; III – нижняя часть клада; 1 – верхняя часть заполнения ямы (желтая глина); 2 – тлен бурого цвета; 3 – тлен коричневого цвета; 4 – граница срезанной при извлечении клада материковой глины; *б* – яма после извлечения клада, вид с северо-востока; *в–и* – уровни горизонтальных разрезов ямы; извлечение клада: *в* – верхние монеты на глубине 7 см; *г* – 11 см; *д* – 13 см; *е* – 15 см (с фрагментами бурого тлена); *ж* – 30 см (с фрагментами бурого тлена); *з* – 35 см; *и* – 40 см.

Fig. 5. Subsoil pit No. 1 and the coin and artefact hoard located in it

Все изделия имеют аналогии в кладовых комплексах, обнаруженных на территории Восточной Европы и Скандинавии. В целом эти

типы украшений бытовали в X–XI вв., после изучения монет они получают более точную датировку.

Рис. 6. Украшения из Воздвиженского клада. 1–5 – бусы; 6, 7 – пуговицы; 8–12 – лунницы; 13–18 – подвески; 19 – крест «скандинавского типа». 1–16, 18, 19 – серебро, 17 – бронза с позолотой.

Fig. 6. Jewellery from the Vozdvizhensky hoard

В монетной части клада присутствуют сасанидская драхма шахиншаха Хосрова II (591–628) (рис. 7, 1), германский денарий императора

Оттона I (936–973) (рис. 7, 2) и девять византийских монет: восемь милиарисиев императора Константина VII Порфирогенета (945–959)

Рис. 7. Монеты Воздвиженского клада (серебро). 1 – Сасаниды, Хосров II (591–628 гг.), драхма; 2 – Германия, Страсбург, Отгон I (936–973 гг.), денарий; 3, 4 – Византия, Константин VII Порфирогенет (945–959 гг.), милиарисий; 5 – Византия, Иоанн Цимисхий (969–976 гг.), милиарисий.

Fig. 7. Silver coins of the Vozdvizhensky hoard

(рис. 7, 3, 4) и один – Иоанна Цимисхия (969–976) (рис. 7, 5). Драхма, денарий и все милиарисии Константина VII имеют приклепанные ушки, что свидетельствует об использовании их в качестве привесок.

Основная масса денежной составляющей комплекса представлена куфическими дирхамами, отчеканенными на монетных дворах Ближнего Востока и Центральной Азии. Первичную атрибуцию к июню 2025 г. получили только целые экземпляры, которых в кладе насчитывается

около 500, а также отдельные фрагментированные монеты. Остальная масса дирхамов – половинки, четвертинки, мелкие и мельчайшие обломки – еще ждет своего определения.

В числе изученных монет дирхамы Арабского халифата, выпущенные правителями из династий Умайядов и Аббасидов в Васите (рис. 8, 1, 2), Куфе (рис. 8, 3), Мадинат ас-Саламе (Багдаде), Сук ал-Ахвазе, Амиде и других местах на территории современных Ирака, Ирана и Турции.

Рис. 8. Куфические монеты Воздвиженского клада (серебро). 1 — Умайады, Хишам б. 'Абд ал-Малик, Васит, 121 г.х. (738/739 г.), вес 2.88 г; 2 — Аббасиды, ал-Муктафи би-ллах, Васит, 289 г.х. (902 г.), вес 2.93 г; 3 — Аббасиды, ар-Ради би-ллах, ал-Куфа, 322 г.х. (934 г.), вес 4.39 г; 4 — Хамданиды, Насир ад-даула Абу Мухаммад и Сайф ад-даула Абу-л-Хасан, Насибин, 342 г.х. (953/954 г.), вес 3.54 г; 5 — Бувайхиды, Му'изз ад-даула Абу-л-Хусайн и Рукн ад-даула Абу 'Али, Тустар мин ал-Ахваз, 339 г.х. (950/951 г.), вес 3.84 г; 6 — Зийариды, Захир ад-даула Абу Мансур Вушмагир, Джурджан, 360 г.х. (970/971 г.), вес 2.25 г; 7 — Саманиды, Наср б. Ахмад, Самарканд, 323 г.х. (934/935 г.), вес 7 г; 8 — Саманиды, Мансур б. Нух, Самарканд, 363 г.х. (973/974 г.), вес 4.17 г; 9 — Саманиды, Мансур б. Нух, Самарканд, 364 г.х. (974/975 г.), вес 3.02 г; 10 — волжские булгары, Талиб б. Ахмад, Сувар, 338 г.х. (949/950 г.), вес 3.29 г.

Fig. 8. Silver Kufic coins of the Vozdvizhensky hoard

Присутствуют эмиссии Хамданидов (амиры ал-Джазиры и Сирии) (рис. 8, 4), дайламитских династов Бувайхидов (рис. 8, 5) и Зийаридов (рис. 8, 6) (южный Прикаспий), а также Саффаринов, чьей родиной была историческая область Сиджистан. Старший дирхам (рис. 8, 1) в осмотренной части клада — Умайады, Хишам б. 'Абд ал-Малик, Васит, 121 г.х. (738/739 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 58, № 610).

О прохождении серебра через территорию Волжской Булгарии, игравшей в X в. главную посредническую роль в обширной торговле государственных образований мусульманского Востока с Древней Русью и сопредельными землями, свидетельствуют монеты с именами местных правителей — Мика'ила б. Джа'фара и Талиба б. Ахмада (рис. 8, 10). Кроме того, некоторые из подражаний куфическим дирхамам также были отчеканены волжскими булгарами.

Подавляющее большинство монет клада принадлежит амирам из среднеазиатской династии Саманидов. Представлены эмиссии всех законных правителей от Исма'ила б. Ахмада (279–295 гг.х. / 892–907 гг.), первым начавшего чеканить серебряные дирхамы и золотые монеты — динары, до Мансура б. Нуха (350–366 гг.х. / 961–976 гг.) включительно. Монеты последнего наиболее многочисленны, наряду с экземплярами Насра б. Ахмада (301–331 гг.х. / 914–943 гг.) и Нуха б. Насра (331–343 гг.х. / 943–954 гг.). Саманидские дирхамы выпущены в Андарабе, Балхе, Бухаре, Самарканде (рис. 8, 7–9) и Шаше.

В кладовом комплексе присутствуют два больших дирхама: крупные и тяжелые монеты с широким полем. Их выпуск принято относить к последней четверти X в., что может свидетельствовать о тезаврации находки именно в указанное время. При Мансуре б. Нухе отчеканена и младшая из точно датированных монет клада (рис. 8, 9) — Самарканд, 364 г.х. (974/975 г.) (Колосов, Калинин, 2022. С. 330, Табл. 364.3, другие штампы).

У 36 восточных монет приклепаны серебряные ушки для использования артефактов в качестве привесок. Есть также дирхамы с отверстиями у края и со следами снятых ушек. На некоторых экземплярах выявлены граффити, наиболее примечательно изображение молота бога Тора на оборотной стороне саманидского дирхама, отчеканенного при Насре б. Ахмаде в Шаше в 328 г.х. (939/940 г.).

О датировке клада. Столбовая яма с кладом оказалась перекрыта водоотводной канавой

первой половины XI в., и проследить, с какой глубины она была вырыта, не представляется возможным. Но заполнение ее верхней части практически чистой материковой глиной косвенно свидетельствует, что клад сокрыт в ранний период, когда на этой территории еще не было хозяйственной деятельности. Можно заключить, что сокровище было спрятано южнее уже существовавших в конце X в. усадеб древнейшего поселка Людина конца, в пустынном месте, на распаханном поле.

Судя по последним годам правления императоров Оттона I и Иоанна Цимисхия (973 и 976 гг.), а также младшей из датированных монет Мансура б. Нуха (974/975 г.), Воздвиженский клад предварительно следует датировать второй половиной 970-х годов. Более точное заключение о времени его захоронения можно будет сделать только после определения всех восточных монет.

О стратиграфии комплекса. Клад обнаружен в субботний день, на раскопе присутствовали посторонние лица, что создавало тревожную ситуацию. В связи с этим сокровище было оперативно извлечено и перевезено на базу экспедиции. Полный разрез материковой ямы для выяснения стратиграфии залегания клада *in situ* на раскопе сделать не удалось. Он воссоздан позже полевой документацией (рис. 5, а).

Яма № 1 углублена в материк на 53 см, стенки крутые, дно выгнутое. Ее диаметр в верхней части равен 16 см, на глубине 20 см от поверхности — 7–8 см, а ближе к дну — 5–6 см. Она образована, вероятно, вбитым в материк деревянным колом от изгороди или какого-то другого сооружения. Как уже упоминалось, верхняя часть ямы была заполнена слоем желтой глины с включением коричневой супеси толщиной до 6 см, а ниже прослежен слой тлена бурого цвета толщиной до 2 см (рис. 5, а, 2; 5, в). Тонкий слой такого же тлена замечен по стенкам ямы (рис. 5, г, д), а на глубине 15 см от поверхности — тот же тлен (с небольшими фрагментами ниток) по всей площади разреза (рис. 5, е). Таким образом, в верхней части заполнения ямы на глубине —479/–487 см находилась часть клада, завернутая в какой-то органический материал (возможно, шерстяную материю) (рис. 5, а, 1). То же самое прослеживалось и в центральной части заполнения ямы (глубина —488/–502 см): по стенкам и на глубине 30 см от поверхности замечен тонкий слой бурого тлена (также с небольшими фрагментами ниток), отделявший вторую часть клада от третьей (рис. 5, а, II; 5, ж). В нижней части заполнения

ямы (глубина —503/—523 см) по стенкам прослежены следы тонкого слоя коричневого глина иной консистенции (возможно, от истлевшего мешка из сыромятной кожи). Здесь находилась третья часть клада, захороненная в первую очередь (рис. 5, а, III; 5, з, и).

Разбирая клад, поступивший в камеральную лабораторию экспедиции в шести пакетах, удалось примерно разделить его на три части, выявленные по полевой документации.

Первая (верхняя) часть клада занимала в яме около 8-9 см (глубина —479/—487 см), она собрана в три пакета. Здесь находились почти все украшения (78 экз.) и около 426 монет. В их числе — 415 дирхамов (179 целых и половинок, и 236 мелких обломков) и 11 других монет, упомянутых выше: сасанидская драхма, германский денарий и девять византийских милиарисиев. Десять последних монет (кроме милиарисия Иоанна Цимисхия) и 35 целых дирхамов имеют приклепанные ушки. Таким образом, в верхнюю часть клада кроме монет было уложено несколько ожерелий.

Во второй (средней) части клада, занимавшей в яме около 15 см (глубина —488/—502 см) и собранной в одном пакете, находилось 1 украшение (крест скандинавского типа) и около 860 дирхамов (442 целых и половинок, и 418 мелких обломков).

В третьей (нижней) части клада, занимавшей в яме около 20 см (глубина —503/—523 см) и собранной в двух пакетах, находилось около 500 дирхамов (477 целых и половинок, и 23 мелких обломка).

На раскопе была разобрана и промыта вся материковая глина, скопившаяся у ямы после извлечения клада. В ней обнаружено 4 серебряные бусины и 25 дирхамов (5 целых и половинок, и 20 мелких обломков). Отнести эти находки к какой-то конкретной части клада не представляется возможным.

Соккрытие денег в земле — обычное явление на Руси на протяжении многих веков. Земля была самым надежным «сейфом», обеспечивавшим сохранность ценностей во время пожаров, войн и лихолетий. Австрийский посол Августин Мейерберг, побывавший в Московии в 1661—1662 гг., отметил этот древний русский способ сохранения ценностей: «...деревенские жители, да и сами дворяне, живущие в своих деревнях и поместьях, обыкновенно зарывают свои нажитые деньги в землю в лесах и полях, по обычаю, заимствованному от предков...» (Мейерберг, 1874. С. 179).

Научная значимость Воздвиженского клада для ранней истории Новгорода и Древней Руси определяется в первую очередь обнаружением его в процессе археологических раскопок, что обеспечило полную сохранность всех входивших в его состав предметов. Кроме того, это самый крупный и представительный клад X в., найденный в Новгородской земле. По году чеканки младшего дирхама он синхронен Неревскому кладу 1956 г. (аш-Шаш, 364 г.х.). Насколько при этом могут быть сопоставимы их композиции, покажет дальнейшее исследование.

Предварительно установленное время формирования Воздвиженского комплекса указывает на то, что он может быть отнесен к группе кладов 970-х годов. Количество находок данного периода в Новгородской земле, у которых более-менее известен помонетный состав, невелико и фактически сводится к четыремкладам: помимо уже упоминавшихся Неревских это Хутынский и клад из окрестностей д. Новая Мельница (оба с младшими дирхамами 363 г.х.) (Фасмер, 1926. С. 291, № 30; Бауер, 2014. С. 125, № 9; Янин, 1960. С. 142, 143, № 2; Кропоткин, 1971. С. 82, № 48; Фомин, 1992). Следующий по времени тезаврации в рассматриваемом регионе клад, Подборовский, относится уже к началу 990-х годов (младшая монета 381 г.х.) (Бауер, 2014. С. 127, № 27; Кропоткин, 1971. С. 82, № 54).

Помимо всего, в Воздвиженском комплексе следует отметить и датируемый второй половиной X в. крест, указывающий на присутствие в Новгороде предметов христианского культа до официального принятия крещения на Руси. Учитывая изложенное, очевидно, что рассматриваемый клад в силу обстоятельств его обнаружения и состава — ценный исторический источник, способный расширить и уточнить существующие представления о денежном обращении, торговых и культурных связях Новгородской земли и Древнерусского государства в целом.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) «Крупнейший денежно-вещевой клад конца X в. из Великого Новгорода: комплексное аналитическое исследование с применением естественнонаучных методов» (№ 25-18-00708); <https://rscf.ru/project/25-18-00708>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бауер Н.П. История древнерусских денежных систем IX в. — 1535 г. М.: Русское слово — учебник, 2014. СХХIV, 692 с.

- Гайдуков П.Г., Гомзин А.А. Новгородский клад куфических монет 1998 г. // Краткие сообщения Института археологии. 2017а. Вып. 249. С. 291–304.
- Гайдуков П.Г., Гомзин А.А. Новые исследования Новгородского клада куфических монет 1998 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 31 / Отв. ред. Е.Н. Носов. Великий Новгород, 2017б. С. 120–131.
- Гайдуков П.Г., Макаров Н.А., Олейников О.М. и др. Новый клад X в. из раскопок в Великом Новгороде [Электронный ресурс] // Институт археологии РАН. Новости. 30 сентября 2024 г. URL: <https://archaeolog.ru/press/articles/novyy-klad-x-v-iz-raskopok-v-velikom-novgorode> (дата обращения: 13.07.2025).
- Зайцева И.Е., Гурьева П.В., Коваленко Е.С. и др. Металлические бусы Воздвиженского клада из Великого Новгорода: Типология и конструктивные особенности // Российская археология. 2025. № 4. С. 125–144.
- Колосов И.А., Калинин В.А. Каталог саманидских дирхамов 279–394 гг. х. СПб., 2022. XXVII, 447 с.
- Кропоткин В.В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. Т. IX. М.: Наука, 1971. С. 76–97.
- Кудрявцев А.А., Гомзин А.А., Гайдуков П.Г. и др. Денежно-вещевой клад из окрестностей деревни Старая Мельница под Новгородом // Российская археология. 2023. № 2. С. 162–178.
- Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга, члена императорского придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом. М.: Унив. тип., 1874. 260 с.
- Олейников О.М. Круговая керамика X – начала XIII в. Десятинного 1 раскопа в Новгороде (типология и хронология) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 12. Тверь, 2019. С. 6–37.
- Тизенгаузен В.Г. Монеты Восточного халифата. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1873. LIV, 374 с.
- Торопов С.Е. Два уникальных комплекса древнерусских ювелирных украшений // Ежегодник Новгородского гос. объединенного музея-заповедника. 2008. Великий Новгород, 2009. С. 7–10.
- Торопов С.Е. Случайные находки скандинавских предметов эпохи викингов в Приильмень: из коллекций Новгородского музея // Археологические вести. Вып. 20. СПб., 2014. С. 225–252.
- Фасмер Р.Р. Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920–1925 гг. // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Т. I. Л., 1926. С. 287–308.
- Фомин А.В. Новгородские клады куфических монет X в. // Нумизматический сборник. Ч. XI. Нумизматика, бонистика, фалеристика. М., 1992. С. 32–44.
- Янин В.Л. Монетные клады Новгородского музея // Нумизматика и эпиграфика. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 141–154.
- Янина С.А. Неревский клад куфических монет X века // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1956 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 55). С. 180–207.
- Янина С.А. Второй Неревский клад куфических монет X в. // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III. Новые методы в археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1963 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 117). С. 287–331.

VOZDVIZHENSKY HOARD OF THE 10th CENTURY AD FROM VELIKY NOVGOROD: CIRCUMSTANCES OF THE DISCOVERY AND COMPOSITION

Pyotr G. Gaidukov*, Oleg M. Oleynikov**,
Aleksey A. Gomzin***, and Ksenia K. Zabolotnaya****

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

*E-mail: russianchange@yandex.ru

**E-mail: olejnikov1960@yandex.ru

***E-mail: gomzin_a@mail.ru

****E-mail: olegleonidovichc84@gmail.com

During archaeological works in Sophijskaya side of Veliky Novgorod in 2014, a coin and artefact hoard named “Vozdvizhensky” was discovered. The article presents the circumstances of its discovery, information about its composition, dating and stratigraphy. The hoard comprises approximately 1900 items weighing about 2.5 kg. These include 83 various items of jewellery and more than 1800 silver coins (whole and fragmented ones). The coin part of the assemblage contains various coins, the bulk being Kufic dirhams produced mainly at the mints of the Middle East and Central Asia. The artefact part of

the hoard is represented by crystal and glass beads, a bronze gilded pendant and 72 silver jewellery items (a signet ring, a finger-ring, 16 identical spherical buttons with large eyelets). The remaining items are parts of necklaces: a “Scandinavian type” cross, ornamented lunulas, pendants and 40 beads of various shapes. The Vozdvizhensky hoard is preliminarily dated to the second half of the 970s.

Keywords: Veliky Novgorod, Rus, Samanids, Volga Bulgaria, coin and artefact hoard, dirham, miliarium, silver jewellery, 10th century AD.

REFERENCES

- Bauer N.P., 2014. Istoriya drevnerusskikh denezhnykh sistem IX v. — 1535 g. [History of Russian monetary systems from the 9th century AD to 1535]. Moscow: Russkoe slovo — учебnik. CXXIV, 692 p.
- Fasmer R.R., 1926. List of coin finds registered by the Numismatics and Glyptics Section of the Academy for the History of Material Culture in 1920–1925. *Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury* [Communications of the State Academy for the History of Material Culture], I. Leningrad, pp. 287–308. (In Russ.)
- Fomin A.V., 1992. Novgorod hoards of Kufic coins from the 10th century AD. *Numizmaticheskiy sbornik* [Numismatic Collection], XI. *Numizmatika, bonistika, faleristika* [Numismatics, bonistics, phaleristics]. Moscow, pp. 32–44. (In Russ.)
- Gaydukov P.G., Gomzin A.A., 2017a. The 1998 Novgorod hoard of Kufic coins. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 249, pp. 291–304. (In Russ.)
- Gaydukov P.G., Gomzin A.A., 2017b. New studies on the 1998 Novgorod hoard of Kufic coins. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya* [Novgorod and the Novgorod Land. History and archaeology], 31. E.N. Nosov, ed. Velikiy Novgorod, pp. 120–131. (In Russ.)
- Gaydukov P.G., Makarov N.A., Oleynikov O.M. et al. A new 10th century hoard from excavations in Veliky Novgorod (Electronic resource). *Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. Novosti. 30 sentyabrya 2024 g.* [Institute of Archaeology RAS. News. September 30, 2024]. URL: <https://archaeolog.ru/press/articles/novyy-klad-x-v-iz-raskopok-v-velikom-novgorode>. (In Russ.)
- Kolosov I.A., Kalinin V.A., 2022. Katalog samanidskikh dirhamov 279–394 gg. kh. [Catalogue of Samanid dirhams of 279–394 AD]. St. Petersburg. XXVII, 447 p.
- Kropotkin V.V., 1971. New finds of Sasanian and Kufic coins in Eastern Europe. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and epigraphy], IX. Moscow: Nauka, pp. 76–97. (In Russ.)
- Kudryavtsev A.A., Gomzin A.A., Gaydukov P.G. et al., 2023. The hoard of coins and artefacts from the vicinity of the Staraya Melnitsa village near Novgorod. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 2, pp. 162–178. (In Russ.)
- Meyerberg A., 1874. Puteshestvie v Moskoviyu barona Avgustina Meyerberga, chlena imperatorskogo pridvornogo soveta i Goratsiya Vil'gel'ma Kal'vuchchi, kavaleri i chlena pravitel'stvennogo soveta Nizhney Avstrii, poslov avgusteyshogo rimskogo imperatora Leopold'a k tsaryu i velikomu knyazyu Alekseyu Mikhaylovichu v 1661 godu, opisannoe samim baronom Meyerbergom [Travel to Muscovy of Baron Augustin Meyerberg, a member of the Imperial Court Council, and Horace Wilhelm Kalvucci, a chevalier and member of the Government Council of Lower Austria, ambassadors of the August Roman Emperor Leopold to the Tsar and Grand Duke Alexei Mikhailovich in 1661 described by Baron Meyerberg himself]. Moscow: Universitetskaya tipografiya. 260 p.
- Oleynikov O.M., 2019. Wheel-made pottery of the 10th — early 13th century AD from Desyatiny 1 excavation unit in Novgorod (typology and chronology). *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya* [Tver, the Tver Land and adjacent territories in the Middle Ages], 12. Tver', pp. 6–37. (In Russ.)
- Tizengauzen V.G., 1873. Monety Vostochnogo khalifata [Coins of the Eastern Caliphate]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk. LIV, 374 p.
- Toropov S.E., 2009. Two unique assemblages of Rus jewellery. *Ezhegodnik Novgorodskogo gosudarstvennogo ob'edinennogo muzeya-zapovednika* [Yearbook of the Novgorod State United Museum-Reserve], 2008. Velikiy Novgorod, pp. 7–10. (In Russ.)
- Toropov S.E., 2014. Random finds of Viking Age Scandinavian objects in the Ilmen region: from the collections of the Novgorod Museum. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological news], 20. St. Petersburg, pp. 225–252. (In Russ.)
- Yanin V.L., 1960. Coin hoards in the Novgorod Museum. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and epigraphy], II. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 141–154. (In Russ.)
- Yanina S.A., 1956. Nerevsky hoard of Kufic coins of the 10th century AD. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Transactions of the Novgorod archaeological expedition], I. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 180–207. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 55). (In Russ.)
- Yanina S.A., 1963. The second Nerevsky hoard of Kufic coins of the 10th century AD. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Transactions of the Novgorod archaeological expedition], III. *Novye metody v arkheologii* [New methods in archaeology]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 287–331. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 117). (In Russ.)
- Zaytseva I.E., Gur'eva P.V., Kovalenko E.S. et al., 2025. Metal beads of the Vozdvizhensky hoard from Veliky Novgorod: typology and design features. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], № 4, pp. 152–144. (In Russ.)

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ БУСЫ ВОЗДВИЖЕНСКОГО КЛАДА ИЗ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА: ТИПОЛОГИЯ И КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

© 2025 г. И.Е. Зайцева^{1,*}, П.В. Гурьева^{2,**}, Е.С. Коваленко^{2,***}, М.М. Мурашев^{2,****},
К.М. Подурец^{2,*****}, Е.Ю. Терещенко^{2,*****}, Е.Б. Яцишина^{2,*****}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва, Россия

*E-mail: izaitseva@yandex.ru

**E-mail: poli.b3@gmail.com

***E-mail: kovalenko_es@mail.ru

****E-mail: mihail.mmm@inbox.ru

*****E-mail: podurets_km@nrcki.ru

*****E-mail: elenatereschenko@yandex.ru

*****E-mail: yacekaterina@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.06.2025 г.

После доработки 08.06.2025 г.

Принята к публикации 18.06.2025 г.

В работе изучены 40 серебряных бус из Воздвиженского клада конца X в. из Великого Новгорода. На основании культурно-хронологического анализа определены регионы происхождения различных типов бус: гладких, рифленых, с зернеными треугольниками и ромбами, с полусферами, со сплошной зернью, с волутами, ажурных, лопастных, и установлено время их бытования. С помощью рентгеновской и нейтронной томографии рассмотрены конструктивные особенности декорированных бус: способы изготовления, места пайки, уточнены виды использованных в декоре проволок. Методом энергодисперсионного микроанализа определен состав металла. Эти украшения, созданные в стилистике интернациональной моды второй половины X – первой половины XI в., были доступны представителям элит раннесредневековых государств и служили демонстрацией статуса их владельцев.

Ключевые слова: Древняя Русь, Великий Новгород, металлические бусы, зернь, филигрань, томография.

DOI: 10.7868/S3034577425040085

Воздвиженский клад, обнаруженный Новгородской археологической экспедицией Института археологии РАН в ходе охранно-спасательных работ в Великом Новгороде летом 2024 г. (см. статью в этом номере РА: Гайдуков и др., 2025), содержит 39 металлических бусин и височное кольцо с одной бусиной. Предварительно по монетному материалу клад датируется концом X в. Это первый крупный денежно-вещевой клад этого времени, найденный в городе¹.

В задачи исследования входили типологическое и культурно-хронологическое рассмотрение

бус, анализ их конструктивных особенностей на основе томографии, определение элементного состава металла тулова и декора. Отдельная публикация будет посвящена составам припоев и вопросам происхождения металла бус по результатам микроэлементного и свинцово-изотопного анализов.

Предметы изучены с помощью приборной базы ЦКП при ИА РАН. Их поверхность исследовалась методами оптической микроскопии на стереомикроскопе Carl Zeiss Stemi 508 и растровой электронной микроскопии (РЭМ) на сканирующем электронном микроскопе TESCAN VEGA Compact LMN. Основной состав металла конструктивных частей бус определен методом

¹В 1953 г. на Неревском раскопе был обнаружен клад куфического серебра, в котором лежало несколько украшений (Янина, 1956. С. 181).

энергодисперсионного рентгеновского микроанализа (ЭРМ) на электронном микроскопе TESCAN VEGA Compact LMN с системой элементного микроанализа AZtecOne с энергодисперсионным детектором Xplore 15 по методу фундаментальных параметров. Чувствительность прибора составляет 0.1–0.3%. Ввиду тонкости филигранного декора бус коррозионный слой предварительно удалялся только на некоторых микроучастках.

Визуализация конструкции декорированных бус проведена методами рентгеновской (РТ) и нейтронной томографии на тепловых нейтронах (НТ) в НИЦ «Курчатовский институт»². РТ выполнялась на томографе X5000 (NSI). В связи со значительным ослаблением рентгеновского излучения металлом наиболее крупные из бус (№ 18, 19, 25–29, 49) изучались с помощью НТ на установке на горизонтальном экспериментальном канале № 76 реактора ИР-8. Построение моделей поверхности и определение размеров деталей конструкции по результатам РТ и НТ проводили с помощью программного пакета Volume Graphics studio 3.5.

Гладкие бусы. В кладе 14 экз. представлены овальными и биконическими в продольном сечении гладкими бусами без декора с валиками вокруг канала³ (рис. 1, № 21–24, 39–44, 46, 50, 51, 53⁴). Они сохранились целиком, только у бусины № 46 отсутствует один валик. Размеры бус находятся в пределах 9.7–12 × 9.8–10.7 мм⁵, масса — от 0.56 до 1.0 г (среднее значение — 0.75 г). Тулова бус сделаны из двух спаянных тисненых на матрицах пластин полусферической формы так, что соединяющий их поперечный шов не заметен невооруженным глазом (рис. 2, Б, Л). Вокруг канала напаяны валики из отрезков круглой в сечении гладкой проволоки диаметром около 0.7–0.8 мм. Бусы изготовлены из серебра 940–960 пробы, только у двух экз. она составляла 860–880. Серебро содержит примесь меди от 2.9 до 5.9%. Валики и тулово делались из одинакового металла. В четырех случаях металл валиков отличался: так, у бусины № 50 содержание меди в нем составило 13.1%.

Небольшие серебряные гладкие бусы входили в состав нескольких кладов X — нач. XI в. из

Древней Руси и Готланда. Т.А. Пушкина, анализируя материалы Гнездовского клада 1993 г. (950-е годы), отмечает, что на древнерусской территории гладкие бусы концентрируются преимущественно в кладах Гнездово (Пушкина, 1996. С. 184; Гушин, 1936. Табл. II; Авдусина, 2014. С. 99). Гладкие бусы происходят из Белогостицкого клада около Ростова начала XI в. (Корзухина, 1954. С. 104), из кладов в Föhlhagen (рубеж X–XI в.) и в Lilla Klintegårda (XI в.) на о. Готланд (Stenberger, 1958. Abb. 171, 200). По одной такой бусине найдено в погребении нач. X в. в Бирке (Duczko, 1985. Р. 76–78; Дучко, 1987. С. 79) и в Псковском Старовознесенском некрополе (втор. пол. X в.; Древнерусский некрополь..., 2016. С. 67)), несколько экз. — в Гнездовских курганах (Сизов, 1902. Табл. IV). Есть они в составе ожерелий в погребальных комплексах Новгородской земли и Верхневолжья XI — нач. XII в.: Удрай 2, Белые кресты, Хрепле и Дрегли (Платонова, 2017. С. 138–140), Избрижье и Сорогожское (Жукова, Степанова, 2010. С. 121, 125, 182).

Н.В. Жилина указывает на наличие подобных бус в кладах XII — нач. XIII в. (Жилина, 2010б. С. 44). По всей древнерусской территории были распространены трехбусинные, а на Северо-Западе и многобусинные височные кольца с гладкими серебряными бусами из двух частей (Спицын, 1905. С. 139. Рис. 143; Степанова, 2010. С. 280).

Рифленные (гофрированные, ложчатые) бусы. В кладе имеются три биконические в продольном сечении рифленные бусы с гладкими валиками вокруг канала полной сохранности (рис. 1, № 45, 47, 54). Их размеры составляют 8.7–9.9 × 8.3–10 мм, масса — от 0.38 до 0.84 г. Тулова бус спаяны из двух пластин, тисненых на фигурных матрицах, причем у экземпляров № 45 и 54 имеются по 6 лепестков с мягкими переходами (рис. 2, Б, 2), а у бусины № 47 лепестков 7 с четким их разделением углубленными полосами (рис. 2, Б, 3). Вокруг канала напаяны валики из отрезков гладкой круглой в сечении проволоки диаметром 0.6–0.7 мм. Швы между частями тулова местами разошлись. Бусы изготовлены из серебра: две из 906–922 пробы, одна из 937–970 пробы. В металле присутствует медь в концентрации 0.9–3.8%. Тулова и валики сделаны из одного металла. Небольшие серебряные биконические рифленные бусы не встречены среди материалов кладов X–XI вв. Известны они в составе височных колец (Степанова, 2010. С. 281). В кладах Готланда X — нач. XII в. имеются рифленные бусы с проводочным декором (Duczko, 1987).

² Бусы № 48, 52 и 56 не исследовались.

³ В литературе они иногда встречаются под наименованием «дутые» (Корзухина, 1946. С. 46).

⁴ Номера бусин в тексте, таблице и рисунках приведены согласно единой нумерации предметов в кладе.

⁵ Первое измерение для всех бусин сделано вдоль канала, второе — поперек.

Рис. 1. Серебряные бусы из Воздвиженского клада. Нумерация бус дана в соответствии с общей нумерацией предметов клада. Фото М.П. Миловановой.

Fig. 1. Silver beads from the Vozdvizhensky hoard. The beads are numbered in accordance with the general numbering of the items in the hoard. Photo by M.P. Milovanova

Бусы с зерненым декором. 11 бус (рис. 1, № 20, 28, 29, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 52, 56) имеют овальное в продольном сечении сплошное тулово с орнаментом из ромбов и треугольников, выложенным зернью. Вокруг канала сделаны валики из отрезков гладкой проволоки, обведенные

однорядными поясками зерни. Размеры бус составляют 10.7–18.1 × 10.2–13.2 мм (таблица), масса — от 1.14 до 3.04 г (средняя — 1.63 г).

Сплошное тулово спаяно из двух пластин (таблица), тисненных на полусферических матрицах, что подтверждается наличием на металле

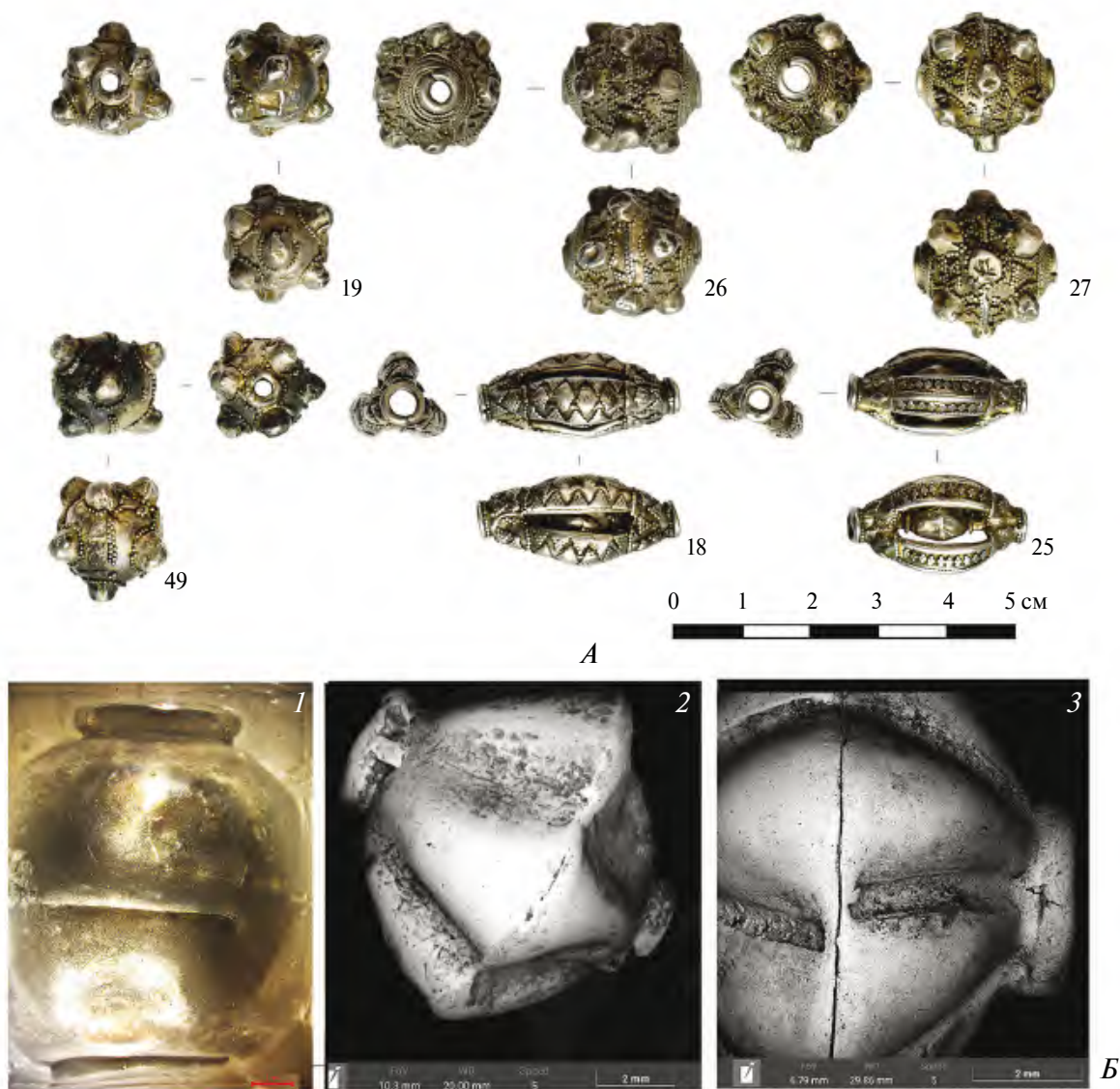

Рис. 2. Серебряные бусы из Воздвиженского клада (продолжение) (А) и макрофото бус (Б: 1 – фото бусины № 40 на стереомикроскопе; 2, 3 – РЭМ-изображения ребристых бус в обратно рассеянных электронах; 2 – бусина № 54, 3 – бусина № 47).

Fig. 2. Silver beads from the Vozdvizhensky hoard (continued) (A) and macrophoto of beads (B)

складок, хорошо различимых на внутренней поверхности (рис. 3, 1–9). В местах соединения пластин у всех бус выявляется шов, перпендикулярный оси канала, кроме бусины № 28, у которой швы ориентированы вдоль канала (рис. 3, 2). По результатам томографии установлено, что пластины тулова бус № 28 и 34 подверглись расслоению на некоторых участках (рис. 3, 13), минимальная толщина слоев составила ~70 мкм. Это может быть связано со способом изготовления фольги путем проковки нескольких слоев металла. У бусины № 35 в

толще пластин тулова наблюдаются продольные трещины шириной до 0.1 мм. Перекрытие пластин в зонах соединения для бус № 33, 37, 38 составляет не более 0.5 мм, у бус 34–36 пластины соединены встык.

Каналы бус оформлены валиками. Края пластин нарезались в виде лепестков, лепестки обрабатывались на проволоку круглого сечения, после чего весь валик пропаивался (рис. 3, 10, 14). В проволоках валиков бус № 29 и 35 наблюдаются трещины (рис. 3, 11). У бус № 28 и 33 один из валиков полностью утрачен (рис. 3, 15, 16).

Геометрические параметры бус по результатам РТ
Geometrical parameters of beads according to XRT results

№ бусины	Трёхмерная модель поверхности	Корпус		Канал		Декоративные элементы													
		Высота (без гранул зерни), мм	Ширина (вдоль канала), мм	Толщина стенок*, мм	Диаметр отверстия, мм	Внешний диаметр валиков, мм	Диаметр проволоки валиков, мм	Зернь				Проволоки (скань)				Полусферы			
20		10.2	10.9	0.10–0.25	2.6–2.7	4.7	0.9	Диаметр зерни на корпусе, мм 0.53–0.68		Диаметр зерни около валиков, мм 0.70–0.90	–	–	Диаметр проволоки фиксирующих колец, мм	Суммарный диаметр скани, мм	Диаметр исходной проволоки, мм	Шаг скручивания, мм	Диаметр основания, мм	Высота, мм	Толщина стенок, мм
28		13.2	18.1	0.17–0.24	3.1–3.3	4.8	0.4	0.63–0.70		–	–	–	–	–	0.56–0.58	–	–	–	–
29		13.2	16.6	0.15–0.24	2.8	5.8–6.0	1.2	0.60–0.75		–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
33		12.0	12.0	0.13–0.20	2.4	5.4	1.4	0.55–0.62		–	–	–	–	–	0.38	–	–	–	–
34		11.5	12.9	0.23–0.30	3.0	5.5–5.7	0.9–1.2	0.40–0.50		–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
35		10.2	11.4	0.17–0.26	~2.5	4.7–4.9	0.8–0.9	0.60–0.87	0.62–0.65	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

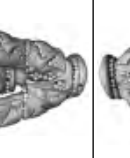
Продолжение таблицы
Continuation of the table

№ бусины	Трёхмерная модель поверхности	Корпус			Канал		Декоративные элементы											
		Высота (без гранул зёрни), мм	Ширина (вдоль канала), мм	Толщина стенок*, мм	Диаметр отверстия, мм	Внешний диаметр валиков, мм	Диаметр проволоки валиков, мм	Зернь				Проволоки (скань)			Полусферы			
								Диаметр зёрни около валиков, мм	Диаметр зёрни на корпусе, мм	Внешний диаметр фиксирующих колец, мм	Диаметр проволоки фиксирующих колец, мм	Суммарный диаметр скани, мм	Диаметр исходной проволоки, мм	Шаг скручивания, мм	Диаметр основания, мм	Высота, мм	Толщина стенок, мм	
36		10.3	12.7	0.16–0.30	2.5–2.6	5.0–5.3	~1.0	0.60–0.75	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
37		9.4	12.3	0.13–0.18	2.9	5.1	0.8–0.9	0.60–0.96	0.57–0.68	–	–	–	–	–	–	–	–	–
38		10.6	10.7	0.12–0.18	2.5–2.7	4.9–5.0	0.5–0.7	0.45–0.60	–	–	–	–	0.40	–	–	–	–	–
19		14.0	14.1	0.22–0.27	2.5	5.7–5.9	1.1–1.3	0.55–0.67	–	–	–	–	–	–	4.2–5.1	2.5–3.0	0.18–0.27	–
26		17.3	19.4	0.18–0.23	2.9	5.6–5.7	1.0–1.2	0.60–0.80	–	–	–	0.60–0.66	0.30	0.56–0.65	3.9–5.3	2.0–3.1	0.13–0.16	–

Продолжение таблицы
Continuation of the table

№ бусины	Трехмерная модель поверхности	Корпус			Канал			Декоративные элементы										
		Высота (без гранул зерни), мм	Ширина (вдоль канала), мм	Толщина стенок*, мм	Диаметр отверстия, мм	Внешний диаметр валиков, мм	Диаметр проволоки валиков, мм	Зернь				Проволоки (скань)				Полусферы		
								Диаметр зерни около валиков, мм	Диаметр зерни на корпусе, мм	Внешний диаметр фиксирующих колечек, мм	Диаметр проволоки фиксирующих колечек, мм	Суммарный диаметр скани, мм	Диаметр исходной проволоки, мм	Шаг скручивания, мм	Диаметр основания, мм	Высота, мм	Толщина стенок, мм	
27		16.9	19.8	0.17–0.30	3.0	5.7–5.9	1.1–1.3	0.50–0.75	–	–	0.62	0.35–0.37	0.51–0.70	4.3–5.3	2.0–3.1	0.08–0.20		
49		14.2	14.5	0.17–0.25	2.6	5.4–5.7	1.2	0.55–0.75	–	–	–	–	–	4.6–5.4	2.6–3.1	0.16–0.27		
17		9.6	10.0	0.13–0.27	2.3–2.5	3.9–4.3	0.6–0.9	0.91–0.98	1.1–1.2	0.20–0.25	–	–	–	–	–	–		
32		8.9	8.7	0.16–0.19	2.7–2.8	3.7–4.4	~1.2	1.0–1.2	~1.4	~0.3	~1.2	~0.4	–	–	–	–		
30		8.8	13.3	0.09–0.20	4.5	–	–	1.10–1.80	–	–	0.7–0.9	–	–	–	–	–		

Окончание таблицы
The end of the table

№ бусины	Трехмерная модель поверхности	Корпус			Канал			Декоративные элементы								Полусферы	
		Высота (без гранул зерни), мм	Ширина (вдоль канала), мм	Толщина стенок*, мм	Диаметр отверстия, мм	Внешний диаметр валиков, мм	Диаметр проволоки валиков, мм	Зернь	Суммарный диаметр скани, мм	Диаметр исходной проволоки, мм	Шаг скручивания, мм	Диаметр основания, мм	Высота, мм	Толщина стенок, мм			
								Диаметр зерни на корпусе, мм	Диаметр зерни около валиков, мм	Внешний диаметр фиксирующих колец, мм	Диаметр проволоки фиксирующих колец, мм						
31		10.1	13.2	0.07–0.20	5.0–5.3	6.6	0.8	1.10–1.70	–	–	–	–	–	–	–	–	–
55		8.7	9.3	0.5 × 0.7	2.5	3.3–3.9	0.4–0.6	1.2–1.4	~1.5	~0.3	–	–	–	–	–	–	–
18		12.8	26.9	0.10–0.23	2.8–3.4	5.5–6.0	0.9–1.2	0.57–0.63	–	–	–	–	–	–	–	–	–
25		13.7	25.1	0.12–0.23	2.6	5.2–5.5	1.0–1.1	0.53–0.59	–	–	–	–	–	–	–	–	–

*Для бусины № 55 приведен диаметр проволоки каркаса.

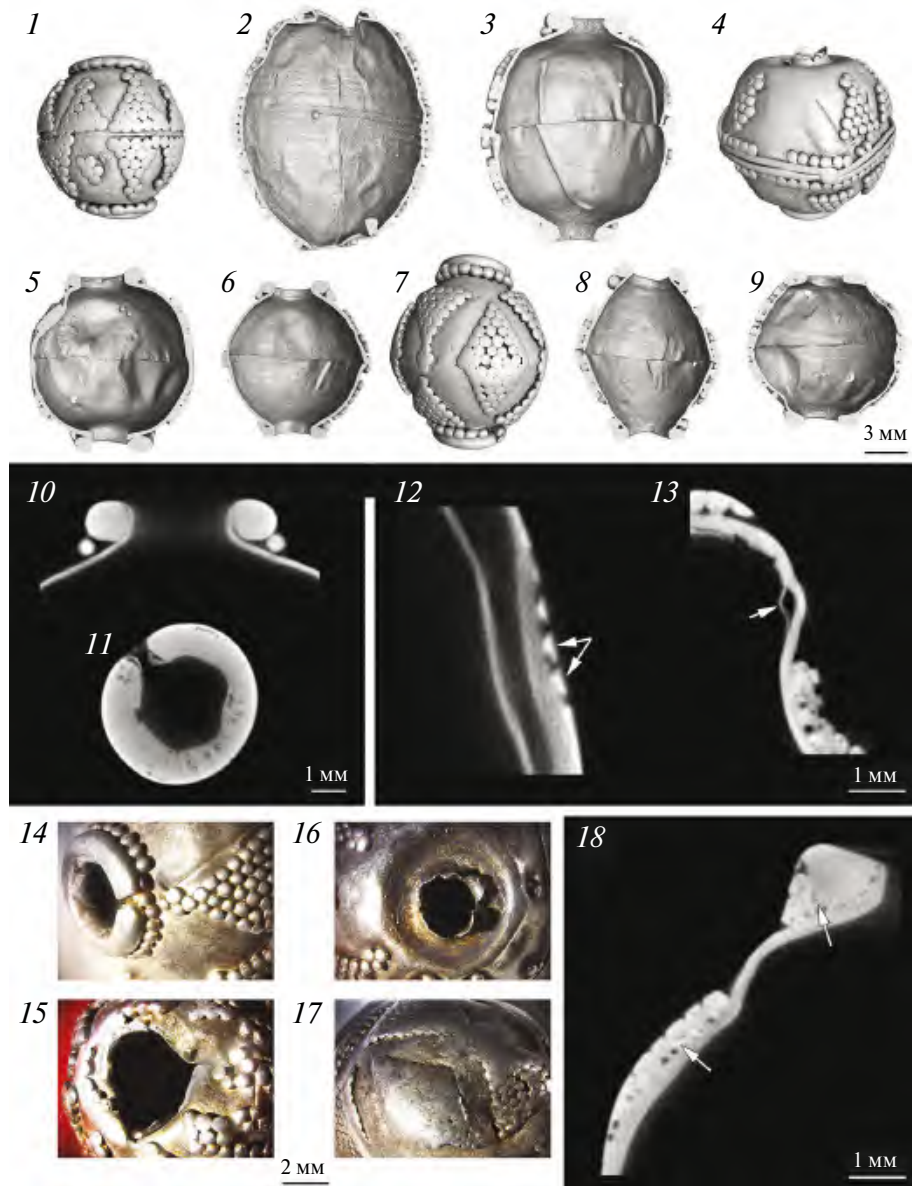

Рис. 3. Результаты томографии бус с зерненным декором (1–9 – объемные модели № 20, 28, 29, 33, 34, 35, 36, 37, 38; 10 – конструкция валика; 11 – трещины валика № 35; 12 – фрагменты гранул зерни между витками проволоки у № 28; 13 – расслоение тулова № 34; 18 – припой между деталями тулова и декора у № 34 (обозначен стрелками)). Макрофото: 14 – № 29, 15 – № 28, 16 – № 33, 17 – № 34.

Fig. 3. Tomography results of beads with granulation ornament (1–13, 18) and their macrophoto (14–17)

Бусы № 20, 29, 34–37 декорированы только гранулами зерни. У бус № 28, 33, 38, кроме зерни, в центральной части тулова применялась гладкая круглая в сечении проволока (таблица), на бусах № 33 и 38 проволока обхватывает корпус в 2 оборота, а у № 28 – в ~4 оборота. У бусины № 28 между двумя центральными витками проволоки наблюдаются небольшие фрагменты металла высотой до 130 мкм, которые являются, вероятно, сохранившимися участками гранул

зерни, практически полностью стертymi в процессе эксплуатации (рис. 3, 12). Зернь на всех бусах мелкая и близкая по размеру. Бусы сильно потертые в результате длительного использования: гранулы зерни уплозились и местами слились в единые массивы, но при этом они сохранились на своих местах (рис. 3, 17). Диаметр гранул на большинстве объектов равен 0.5–0.8 мм (таблица). У бус № 20, 35, 37 орнамент на тулове выложен близкими по размеру гранулами,

а вокруг валиков наблюдается разброс размеров. Зернь закреплена на тулове всех бус без проводочных колечек. На внутренней поверхности бусин № 28 и 34 заметны единичные гранулы, попавшие туда при наборе орнамента (рис. 3, 2, 5).

В местах соединения пластин корпуса, в области валиков и в зонах контакта нижней части гранул с корпусом выявляется вещество с множественными сферическими пустотами, контрастное относительно металла пластин ни в РТ, ни в НТ (рис. 3, 18). Вероятно, детали тулова и элементы декора соединены при помощи пайки, т.к. пайка с применением флюсов приводит к выделению газов и к образованию пустот.

Бусы изготовлены из серебра 866–973 пробы, у большинства экз. она составляет 940–965. В составе металла присутствуют медь в концентрации 1.8–7% (преобладает 3–4%) и свинец – 0.2–1.5% (среднее значение 0.7%). Результаты анализов, проведенных на конструктивных элементах одного изделия (тулове, зерни, валиках), позволяют утверждать, что все они преимущественно изготавливались из одной порции металла, т.е. у мастеров не было специального запаса проволоки и гранул. Только в отдельных случаях на одном предмете использован разный по составу металл – так, у бусины № 20 значительные отличия наблюдаются в составе пластин тулова, у бусины № 35 из другого металла сделана проволока валика.

Идентичные воздвиженским, небольшие шарообразные и овальные серебряные бусы с декором из ромбов и треугольников, выложенных одинаковой мелкой зернью, достаточно часто встречаются в материалах кладов X–XI вв. из Восточной и Центральной Европы. 13 бус из Большого Гнездовского клада опубликованы А.С. Гушиным (Гущин, 1936. Табл. II). Есть подобные экз. и в других гнездовских кладах (Путь из варяг..., 1996. С. 49; Авдусина, 2014. Рис. 3; Меч и златник, 2012. С. 92, 93), в кладах у с. Копиевка (втор. пол. X – нач. XI в.), д. Шалахова, Спанка, Белогостицком (XI в.) (Гущин, 1936. Табл. VI; Корзухина, 1954. С. 84, 101, 104), кладах на территории Польши (Gurpieńec, Kiersnowscy, 1965. Tabl. VII) и др. В окрестностях Новгорода на сегодняшний день известно три денежно-вещевых клада кон. X – XI в.: у д. Собацьи Горбы 1906 г. (не ранее сер. XI в.), у д. Горошково и Любоежа 2001 г. (кон. X–XI в.) и у д. Старая Мельница 2014 г. (кон. X – нач. XI в.). Во всех них представлены серебряные бусы с таким рисунком (Торопов, 2014. С. 228, 229; Кудрявцев и др.,

2023. С. 166). Бусы из Горошково также очень сильно потерты.

Известны они и в погребениях этого времени. Одна бусина обнаружена в ингумации под фундаментами Десятинной церкви в Киеве с византийской монетой 869–870 гг. с ушком. Это считается маркером бытования таких изделий уже в кон. IX – нач. X в. (Жилина, 2005. С. 59). Некрупные бусы с зернеными ромбами и треугольниками найдены во Владимирских курганах в раскопках А.С. Уварова (Спицын, 1905. С. 102. Рис. 145, 170) и в их остатках в погребениях XI в. в современных работах Суздальской экспедиции в Гнездилово⁶, в Залахтове (Хвошинская, 2004. С. 232), в курганах XI в. могильников Которск III в Поплюсье и Березицы III в Полужье⁷, в погребении нач. XI в. в Сорогожском на Верхней Волге (Жукова, Степанова, 2010. С. 183). В погребениях XI–XII вв. встречены однобусинные височные кольца с такими бусами (Степанова, 2010. С. 181). Исследователи сходятся во мнении о моравско-чешском происхождении этого типа орнамента, распространенного и на височных подвесках с гроздьем (Дучко, 1987. С. 77; Жилина, 2005. С. 58; Czonstke, 2011. S. 196; Ottenwelter, 2022).

Подобные бусы присутствуют в материалах кладов, относимых к первой половине XII в. (Московский клад 1988 г.; Владимирский клад 1837 г. (Жилина, 2014. С. 133; Жилина, 2010б. С. 154). Позже, во втор. пол. XII – нач. XIII в., они становятся крупнее, а сохраняющий свою геометричность декор – более сложным.

Бусы с полусферами и зернью. 4 бусины имеют шаровидное или овальное в продольном сечении сплошное тулово с гладкими круглопроводочными валиками вокруг канала (рис. 4; таблица). Поверхность бус украшена накладными полусферами и зернью (рис. 2, А, № 19, 26, 27, 49). Они как бы образуют две пары: бусы № 19 и 49 размерами 14–14.1 × 14.2–14.5 мм (таблица), массой 2.65–2.92 г и бусы № 26 и 27 размерами 16.9–17.3 × 19.4–19.8 мм (таблица), массой 4.29 и 4.44 г. Несколько различается декор у этих пар.

Тулова бус изготовлены из двух тисненых на матрицах пластин, шов между которыми перпендикулярен оси канала (рис. 4, 1–8). Перекрытие пластин в зонах соединения для бус № 26 и 27 составляет не более 0.5 мм, у бус № 19 и 49 пластины соединены встык. На тулове бус № 19 и 49 закреплены 9 полусфер (по 3 вокруг валиков

⁶ Материалы Суздальской экспедиции ИА РАН.

⁷ Информация Е.Р. Михайловой.

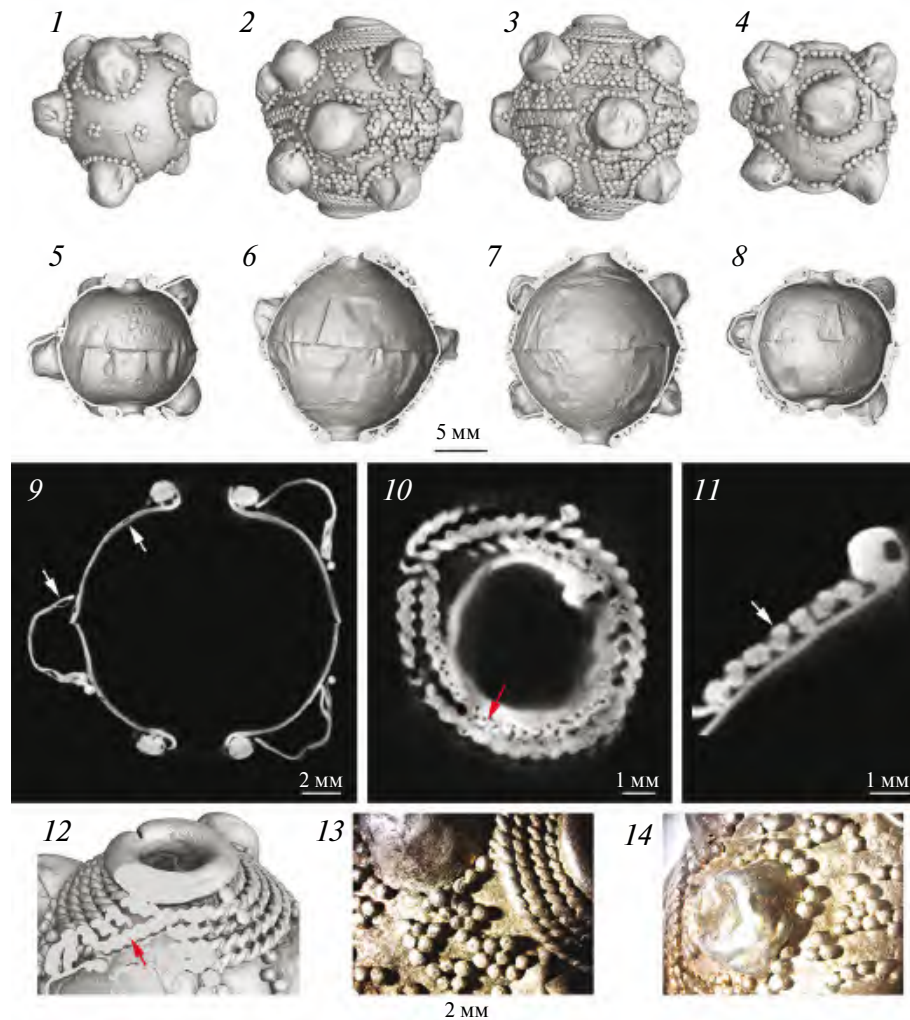

Рис. 4. Результаты томографии бус с полусферами и зернью (1–8 – объемные модели: 1, 5 – № 19, 2, 6 – № 26, 3, 7 – № 27, 4, 8 – № 49; 9 – поперечное сечение № 19, стрелками показаны трещины пластин тулова и полусфер; 10 – продольное сечение жгута вокруг валиков № 27, стрелкой обозначены зоны припоя; 11 – поперечное сечение жгута; 12 – конец жгута, проходящий снизу под всеми оборотами (обозначен стрелкой)) и макрофото бус (13 – № 27, 14 – № 26).

Fig. 4. Tomography results of beads with hemispheres and granulation (1–12) and macrophoto of beads (13 – № 27, 14 – № 26)

и 3 по центру вдоль шва корпуса), у бус № 26 и 27 – 12 (по 4 в каждом ряду). Каждая полусфера свернута из листа фольги (таблица). В толще пластин тулова и некоторых полусфер наблюдаются трещины шириной до 1 мм (рис. 4, 9). Несмотря на хрупкость, бусы с полусферами имеют хорошую сохранность: несколько помята только фольга некоторых полусфер (рис. 4, 1–4, 9, 14). Вероятно, они мало были в использовании.

Декор тулова дополнен рядами гранул зерни вокруг валиков и в основании полусфер, геометрическими мотивами на свободных полях. Зернь закреплена на тулове без проволоочных колечек (рис. 4, 1–4, 9, 13, 14). У бус № 26 и 27 прилегающие к валикам участки поверхности обмотаны проволоочными жгутами (рис. 4, 10–13).

Жгуты изготовлены из двух перевитых между собой проволок круглого сечения (таблица). У бусины № 26 жгут обвивает валики в ~6 оборотов, у № 27 – в ~5 оборотов. Для дополнительной фиксации концы жгута скручены между собой, при этом конец витка, прилегающего к валику канала, проходит снизу под всеми оборотами жгута (рис. 4, 12). Между всеми деталями тулова и декора фиксируется припой.

Бусы сделаны из серебра 943–986 пробы. В металле присутствуют 1.1–5% меди и 0.1–1.1% свинца. Все элементы тулова и декора изготавливались из одной порции металла. Только на бусине № 49 исследованная полусфера оказалась сделанной из другого сплава: Ag – 57%, Cu – 33.4%, Pb – 4.7%.

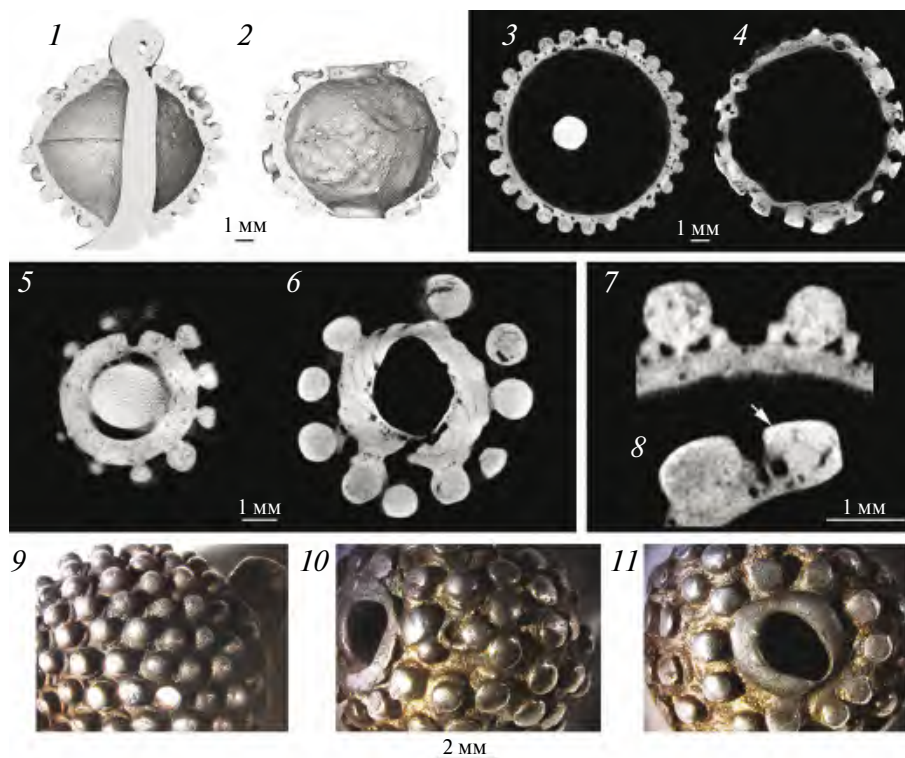

Рис. 5. Результаты томографии бус со сплошной зернью (1, 2 — объемные модели № 17 и 32; 3, 4 — поперечные сечения тулова бус № 17 и 32; 5, 6 — круглопроволочный и витой валики канала бус № 17 и 32; 7 — крепление зерни на колечках; 8 — поперечное сечение валика № 32 из 3 проволок (обозначен стрелкой)) и макрофото бус (9 — № 17, 10, 11 — № 32).

Fig. 5. Tomography results of beads № 17 and 32 with complete granulation (1–8) and their macrophotos (9 — № 17, 10, 11 — № 32).

Эффектные большие округлые или овальные бусы с декором из зерни и полусфер (колпачков) на древнерусской территории представлены в нескольких кладах поздней эпохи викингов: две в составе Гнездовского клада 1867 г. (Гущин, 1936. Табл. II, 1), две в кладе у с. Денис Полтавской губ. (Корзухина, 1954. С. 85), 5 в кладе из Горошково в Поозерье (Торопов, 2014. С. 228). Одна найдена в погребении втор. пол. X в. в Михайловском Златоверхом монастыре в Киеве (Ивакин, 2005. С. 290). Гораздо больше их обнаружено в материалах этого времени на территории Польши и Богемии. В литературе утвердилось мнение, что подобные украшения были распространены и производились в западнославянских землях с конца IX по XIII в. (Dekówna, Stattlerowna, 1961. С. 53; Kóčka-Krenz, 1993. S. 96⁸; Duczko, 1985. P. 77; Zoll-Adamikova et al., 1999. P. 100–103; Miśta-Jakubowska et al., 2019). В. Дучко и К. Зонтске рассматривают их находки в странах Скандинавии как импорты (польско-восточногерманская

группа; Дучко, 1987. С. 80; Czonstke, 2011. S. 197). В Древней Руси серебряные бусы с полусферами вытянутых очертаний становятся популярными в XII–XIII вв., когда они входят в состав многих кладов (Жилина, 2010а. С. 159).

Бусы со сплошной зернью. Округлые в продольном сечении тулова двух бусин сделаны из двух оттиснутых на матрицах пластин и полностью покрыты мелкой зернью, выложенной плотными рядами (рис. 1, № 17, 32). Размеры бус составляют 10 × 11 и 8,5 × 10 мм, масса бусины № 32 — 1,62 г. Шов между пластинами тулова перпендикулярен оси канала (рис. 5, 1, 2). У бусины № 17 пластины соединены встык. Из-за большого количества неконтрастного относительно металла тулова припоя, покрывающего поверхность бусины № 32, установить величину перекрытия пластин с помощью РТ невозможно. Зернь на № 32 имеет более крупный размер (таблица). Под гранулы подложены проволочные колечки для увеличения площади сцепления (рис. 5, 3, 7, 9–11). Вокруг канала бусины № 17 напаяны круглопроволочные валики (таблица;

⁸ Х. Коцка-Кренц на 1993 г. собрала сведения о находках около 100 экз. из кладов, погребений и поселений.

рис. 5, 5). У № 32 валики выполнены из жгутов, скрученных из 3 проволок круглого сечения (рис. 5, 6, 8). Бусина № 17 имеет хорошую сохранность, а бусина № 32, возможно, была подплавлена (рис. 5, 3, 4).

Содержание серебра в металле пластин и накладного декора у обеих бус отличается: если в пластинах проба серебра равна 819–855, то в зерни и валиках 957–986, в пластинах выше концентрация меди — 8.8–10.2% и 0.4–3.8%, и свинца — 1.2–3.3% и 0–0.6% соответственно.

Бусы с рядами мелкой зерни на колечках (в виде малины) на сплошных каркасах также считаются в литературе великоморавским наследием. Они входили в состав составных височных колец типа Темпельхоф (Stenberger, 1958. Abb. 36). На территории Польши такие бусы присутствуют в 17 кладах конца X–XI в., в погребениях — до нач. XIII в. (Kóčka-Krenz, 1993. S. 103, 339; Zoll-Adamikova et al., 1999. Fig. 44, 48; Miśta-Jakubowska et al., 2019. P. 6708). Найдены они в кладе в Föhlhagen на Готланде и в кладе в Värby в Швеции (сер. X в.; Stenberger, 1947. Abb. 171; 1958. Abb. 12; Дучко, 1987. С. 79). Известны усыпанные зернью шаровидные подвески-гомбики (Ottenwelter, 2022; Рябцева, 2005. С. 129).

На древнерусской территории с XI в. широко были распространены бусы с рядами зерни на проволочных каркасах, хотя встречены и экземпляры со сплошными туловами разных форм. Так, одна шаровидная бусина имеется в составе Гнездовского клада 1867 г. (Гущин, 1936. Таб. II), еще одна в кладе XI в. в Спанке около Петергофа (Корзухина, 1954. С. 101). Во Владимирских курганах исследованы погребения с височными кольцами с подобными бусами (Спицын, 1905. Рис. 133, 138, 141–143), есть такие кольца и в южнорусских кладах (Корзухина, 1954. Табл. XLIV, XLVIII).

Бусы с волютами. Еще две бусины клада также имеют сплошное округлое в продольном сечении тулово, спаянное из двух тисненых на матрицах пластин, шов между которыми перпендикулярен оси канала (рис. 1, № 30, 31; рис. 6, 1–4; таблица). Размеры бус равны 13 × 11 и 12 × 12 мм, масса — 2.06 и 2.62 г. Перекрытие пластин тулова в зонах соединения составляет не более 0.5 мм. Пластины тулова бусины № 31 подверглись расслоению на некоторых участках, минимальная толщина слоев равна ~70 мкм (рис. 6, 6). Каналы бус оформлены валиками из гладкой проволоки круглого сечения (таблица; рис. 6, 5–6). У бусины № 31 один из валиков

утрачен, у № 30 практически полностью истерты оба валика (рис. 6, 11, 12).

Поверхность бус украшена 4 спиралями, выложенными из скрученных в виде восьмерок отрезков рельефной проволоки максимальной толщиной 0.8 мм. На каждой из частей тулова расположено по 2 отрезка. По данным РТ, у бусины № 30 три спирали выполнены из бусинной проволоки, а одна из витой или скрученной; у № 31 орнамент сделан из двух бусинных и двух витых или скрученных проволок (рис. 6, 9, 10). У бусины № 30 спирали, расположенные на разных частях тулова, соединены поверх небольшими полосами металла размерами до 1.6 × 3.4 мм и толщиной 0.1–0.2 мм (рис. 6, 1, 7). Также зону шва прикрывают 3 кольца с внешним диаметром ~3 мм, находящиеся между спиралями. Два кольца выполнены из бусинной проволоки, а одно — из гладкой, круглого сечения. У бусины № 31 сохранились два кольца из бусинной проволоки диаметром ~3 мм. В центрах спиралей и в некоторых местах между ними закреплены единичные крупные гранулы зерни диаметром 1.1–1.8 мм (таблица) без проволочных колечек (рис. 6, 8). У бусины № 31 гранулы помещены и в центры небольших колец. Поверхность бусины № 30 сильно потерта, проволока и гранулы уплотились (рис. 6, 1, 5). Орнаментация на бусине № 31 сохранилась гораздо лучше, хотя потертости видны и здесь (рис. 6, 3, 6). Между всеми деталями тулова и декора выявляется вещество с множественными сферическими пустотами, не контрастное относительно окружающих элементов конструкции (припой; рис. 6, 5, 8).

Тулова бус и накладная орнаментация изготовлены из разных порций металла: проба серебра в пластинах составляет 811–847, в декоре — 959–980. Гранулы зерни и проволока имеют одинаковый состав. Концентрация меди в тулове находится в пределах 4.0–6.9%, в декоре — 0.8–2.9%. Шесть аналогичных серебряных бус с декором в виде четырех волют из Бирки изучены В. Дучко методом РЭМ. Исследователь обратил внимание, что существуют два варианта расположения спиралей: на каждой половине и вдоль канала. В материалах Бирки, как и в Воздвиженском кладе, встречен только первый (Duczko, 1985. P. 72, 73).

Украшения с волютами, выложенными бусинной проволокой и одиночными гранулами зерни, являются маркерами скандинавской производственной традиции (Корзухина, 1954. С. 101; Duczko, 1987. P. 238). В. Дучко на 1995 г.

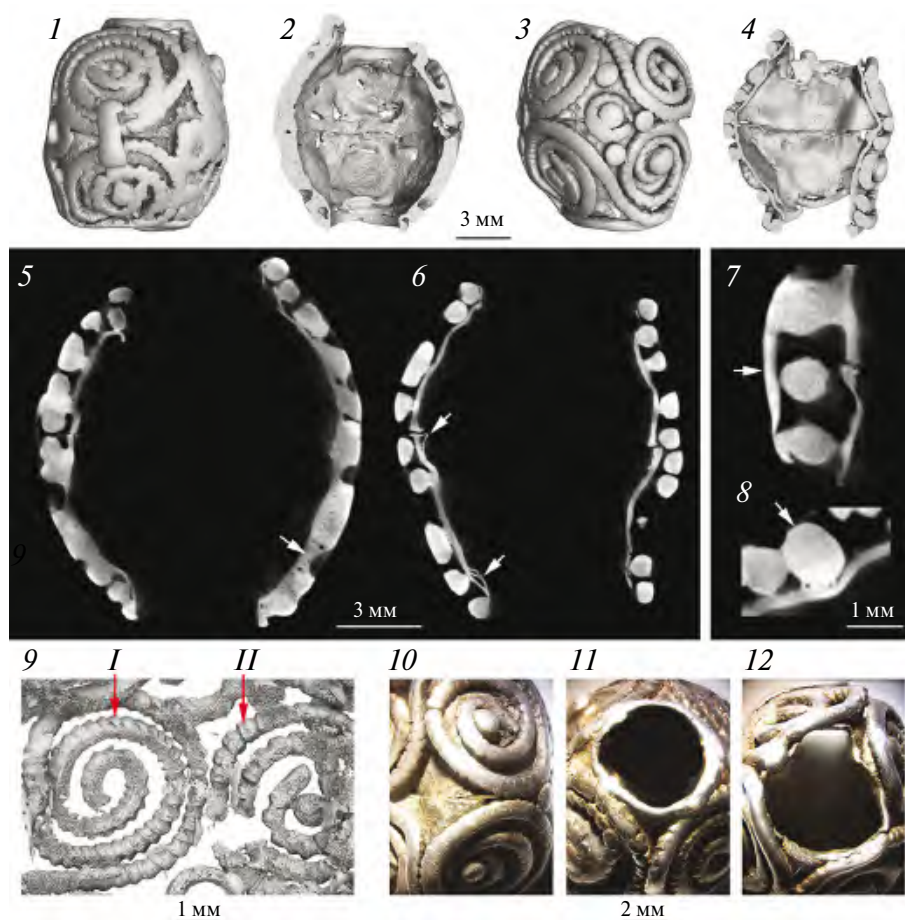

Рис. 6. Результаты томографии бус с волютами: 1, 2 — объемная модель № 30; 3, 4 — объемная модель № 31; 5, 6 — продольные сечения бус № 30 и 31, стрелками обозначены области припоя (5), расслоения корпуса (6); 7 — полосы металла, фиксирующие волюты у № 30; 8 — крепление зерни (обозначена стрелкой) на припой без колечек; 9 — два типа проволок декора: I — витая или скрученная, II — бусинная. Макрофото бус: 10, 11 — № 31, 12 — № 30.

Fig. 6. Tomography results of beads with volutes № 30, 31 (1–9) and their macrophotos (10, 11– № 31, 12 – № 30)

собрал сведения о 70 экз. подобных бус, большинство которых происходят из восточной Швеции и Готланда. Бусы с волютами встречаются в кладях IX в., но преобладают в комплексах X и XI вв. За пределами Скандинавии их находки, по мнению исследователя, ассоциируются со скандинавским влиянием (Duczko, 1985. Р. 73, 74). Пять таких бусин представлены в Большом Гнездовском кладе (Гущин, 1936. Табл. II), одна в могильнике Дрегли (Конечский, 1978), надетые на дужки височных колец, они встречаются во Владимирских курганах (Спицын, 1905. Рис. 136, 141).

Ажурные бусы. В составе клада находятся две небольшие ажурные бусины ромбической формы размерами 8.8×10 и 9×9.4 мм, массой 0.84 и 0.65 г хорошей сохранности (рис. 1, № 48, 55). Томографически изучена бусина № 55 (таблица). Основой ее каркаса является проволочное

кольцо диаметром 8.7 мм, на которое с обеих сторон под углом $\sim 60^\circ$ припаяны по 4 кольца диаметром 4.4 мм так, что они соединяются около валиков, формирующих канал (рис. 7). Для центрального кольца использована овальная проволока сечением $\sim 0.5 \times 0.7$ мм, для остальных колец — круглая, сечением ~ 0.7 мм (рис. 7, 3, 5–7). Валики изготовлены из двух рядов круглопроволочных колец (рис. 7, 1, 3, 4). На проволоках каркаса в три ряда расположены небольшие проволочные разомкнутые колечки, на которых закреплены 12 крупных гранул зерни (таблица; рис. 7, 1, 7). Конструктивные элементы ажурных бус сделаны из близкого по составу серебра 938–973 пробы. Содержание меди составляет 1.9–5.1%, свинца — 0.1–0.9%.

Тройки ажурных бус такой конструкции входили в состав моравских височных

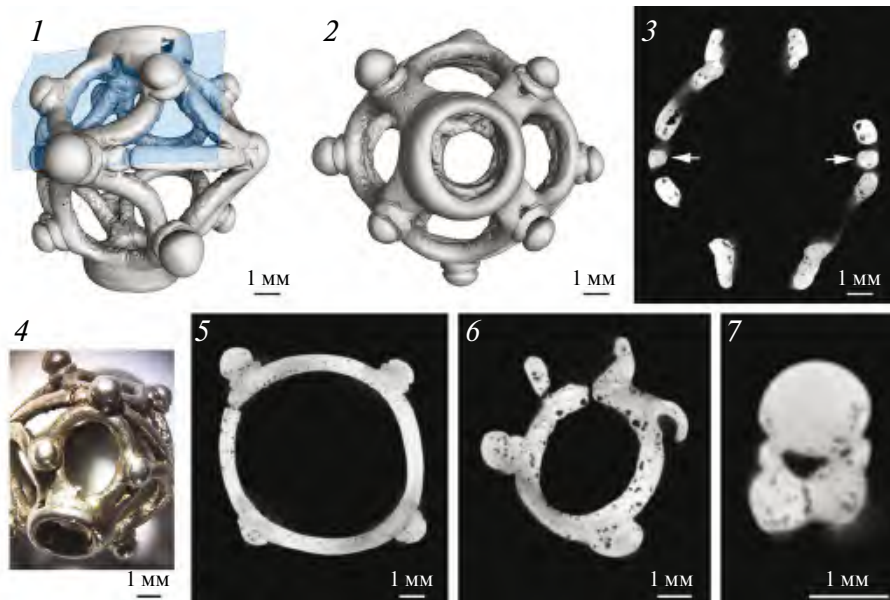

Рис. 7. Ажурная бусина № 55: 1, 2 — объемная модель; 3 — продольное томографическое сечение каркаса, стрелками обозначено центральное кольцо; 4 — макрофотография; 5, 6 — продольные томографические сечения центрального и бокового колец; 7 — крепление зерни на колечках.

Fig. 7. Openwork bead № 55: 1–3, 5–7 — tomography results, 4 — macrophoto

колец с гроздьё — они надевались на дужку (Гущин, 1936. Табл. X; Stenberger, 1958. Abb. 32, 33). В кладах известны и отдельные экземпляры ажурных бус: похожая бусина входит в состав Гнездовского клада 1993 г. (Путь из варяг..., 1996. С. 49), две аналогичные воздвиженским имеются в кладах в Värby (Duczko, 1987. Р. 233), одна среди предметов, собранных в 2002 г. на предполагаемом месте клада в урочище Собацьи Горбы под Новгородом (Торопов, 2014. С. 229).

Лопастные бусы. В состав клада входят две овальные в продольном сечении бусины, получившие в литературе наименование «лопастные» (рис. 2, А, 18, 25). Размеры бусин 28×13.5 и 25×13.5 мм, масса — 4.21 и 3.77 г у № 18 и 25 соответственно. Они хорошо сохранились: несколько потеряла зернь на лопастях (рис. 8, 10). Бусы имеют одинаковую конструкцию тулова и различаются деталями орнамента (таблица). Все элементы корпусов изготовлены из пластин (рис. 8, 1–6). Видны области расслоения пластин бусины № 25. Конструктивной основой бус является цилиндрический полый стержень-канал, свернутый из листа фольги, в месте соединения краев которого наблюдается продольный шов (рис. 8, 2, 4). Перекрытие краев листа составляет до 1.1 (№ 18) и 2.4 мм (№ 25). На торцы канала напаяны валики из гладкой проволоки круглого сечения (рис. 8, 5; таблица). На центр стержня канала нанизана небольшая бусина размерами

10.6×7.8 мм (№ 18) и 10.7×8.1 мм (№ 25), которая могла свободно вращаться вокруг его оси. Ее тулово изготовлено из двух листов фольги толщиной 0.10–0.25 мм, шов между которыми перпендикулярен оси канала. На частях корпуса видны складки материала, что может говорить о его формовке на матрице (рис. 8, 1–4). Края пластин наложены на валики канала, свернутые из проволоки круглого сечения диаметром около 0.8 мм у обоих объектов (рис. 8, 5). Бусина у № 18 украшена ромбами из зерни и пояском из зерни вокруг валиков, бусина у № 25 без декора (рис. 8, 8, 11).

Поверх центральной бусины располагаются три лопасти, каждая из которых состоит из двух листов фольги. Пропаянный шов между листами ориентирован вдоль канала бусины и для большей прочности расположен вблизи середины внешней стороны лопасти (рис. 8, 6, 7). На внутренней стороне лопасти края листов фольги не соприкасаются по всей длине, кроме участков соединения с каналом, между ними наблюдаются зазоры до 1.6 (№ 18) и 0.7 мм (№ 25). Размеры лопастей: ширина — 5.4–6.4 и 5.5–5.7 мм, толщина — 1.7–3.3 и 2.8–3.6 мм для бус № 18 и 25 соответственно. Торцы лопастей сомкнуты и закреплены на поверхности канала около валиков пайкой. Сверху они прижаты к каналу небольшими пластинами высотой около 7.2 (№ 18) и ~6.0 мм (№ 25). Каждая пластина сделана из

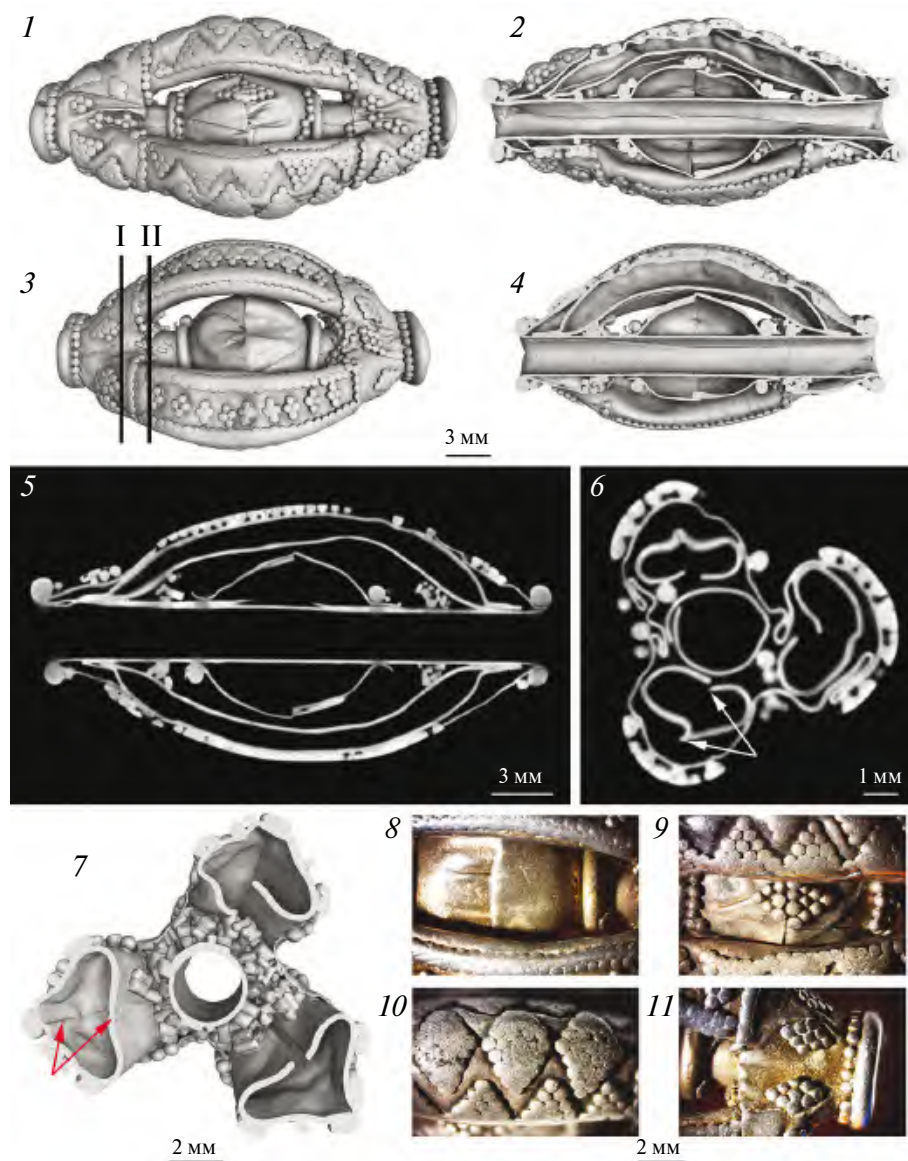

Рис. 8. Результаты томографии лопастных бус № 18 и 25: 1, 2 — объемная модель № 18; 3, 4 — объемная модель № 25; 5, 6 — продольное и поперечное сечения № 25; 7 — заготовки для зерни в основании лопастей № 25. Макрофото бус: 8, 11 — № 25, 9, 10 — № 18; I, II — положения сечений 6 и 7; стрелками обозначены швы лопастей.

Fig. 8. Tomography results of bladed beads № 18 and 25 (1–7) and their macrophotos (8, 11 — № 25, 10 — № 18)

круглого листа фольги с отверстием для нанизывания на стержень канала. Края пластин припаяны к торцам канала и к лопастям, пластины обжаты по форме лопастей (рис. 8, 1, 3, 5, 6, 11). Таким образом, канал, лопасти и фиксирующие пластины взаимно неподвижны.

Поверхности лопастей и торцевых пластин декорированы зернеными треугольниками и ромбами без проволочных колечек. У бусины № 25 в области крепления торцевых пластин к каналу припаяны небольшие отрезки проволок круглого сечения диаметром 0.2–0.5 мм, длиной

0.1–0.2 мм (рис. 8, 7). Вероятно, это оставшиеся нерасплавленными заготовки для зерни. Все конструктивные элементы бус изготовлены из одинаковых порций серебра 930–983 пробы, содержание меди — от 1.0 до 4.0%, свинца — от 0 до 1.6%.

Лопастные бусы рассмотрены Г.Ф. Корзухиной в связи с находкой бронзового штампа для тиснения лопастей в погребении в Пересопнице на Волини. Она составила карту находок бус и определила район их концентрации в Днепровском Правобережье, где они и изготавливались

(Корзухина, 1946). Работа Г.Ф. Корзухиной была продолжена В. Дучко, М. Декувной и С.С. Рябцевой. Исследователи отмечают редкость и единичность этих эффектных украшений в кладах и погребениях X — нач. XI в., тем не менее распространенных на широкой территории от Австрии до Упланда и Готланда. Выделены центры их производства на Волыни, в Польше и в Волжской Болгарии (Dekówna, Stattlerowna, 1961. С. 57; Рябцева, 2005. С. 130–133). Наибольшее количество лопастных бус, 11 экз., происходит из Любоежского клада 2001 г., 10 из них имеют одинаковую конструкцию, аналогичную воздвиженским экземплярам (Торопов, 2014. С. 228).

Таким образом, бусы Воздвиженского клада не являются уникальными, все они, за исключением рифленых, находят аналогии в кладах втор. пол. X — XI в. Наиболее близкими по наборам бус можно считать Большой Гнездовский клад (втор. пол. X в.), клады из Горошково в Новгородском Поозерье (начало XI в.), Vårby (Швеция, X в.) и Föhlhagen на Готланде (рубеж X–XI в.). Датировка бус согласуется с монетной частью Воздвиженского клада: все типы бытовали в конце X в.

Бусы с зерненым декором и с волютами достаточно сильно потерты, в то время как хрупкие экземпляры с полусферами имеют хорошую сохранность. Возможно, разные группы бус являются частями разных ожерелий — долго носившегося и относительно нового. Длительное использование уже потерявших свой первоначальный вид украшений является еще одним показателем их ценности. Многие бусы представлены в кладах парами, возможно, именно так они и продавались.

Большинство типов — с зернеными треугольниками и ромбами, со сплошной зернью, ажурные — ведут свое происхождение от великоморавских древностей, где они являлись конструктивными элементами височных колец с гроздьем и использовались по отдельности. Западнославянским изобретением, вероятно, являются бусы с полусферами, позднее ставшие излюбленными в древнерусском ювелирном искусстве. К скандинавскому производству относятся бусы с волютами. На Волыни изготавливались эффектные бусы с лопастями. Все эти украшения, созданные в стилистике интернациональной моды поздней эпохи викингов, были доступны представителям элит раннесредневековых государств и служили демонстрацией статуса их владельцев. Серебряные бусы этого круга попадают и в среду сельской аристократии: отдельные экземпляры

в составе ожерелий и нанизанные на дужки височных колец обнаруживаются в погребениях по всей древнерусской территории на протяжении XI — перв. пол. XII в.

Визуализация внутреннего строения декорированных бус детализировала элементы конструкции и зоны припоя, в том числе для таких сложных украшений, как бусы с полусферами и лопастные. Для бус с волютами уточнены типы использованных в декоре проволок. У 9 из изученных изделий обнаружены ранее никогда не наблюдавшиеся расслоения и растрескивания в пластинах тулова и декора. Определено, что основные конструктивные элементы бус (зернь, проволоки и фольга тулова) имеют близкие размеры, что может быть свидетельством использования стандартных приемов и инструментов в работе различными мастерами. Все экземпляры изготовлены из высокопробного серебра: у большинства элементы тулова и накладной декор сделаны из единых порций металла. Отличия фиксируются у бус с волютами. Изысканные технологически сложные бусы Воздвиженского клада являются продукцией элитарного средневекового ювелирного ремесла конца X в. и поражают своим совершенством.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00708, <https://rscf.ru/project/25-18-00708/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусина С.А. Гнездовский клад 2001 г. // Славяне и иные языки...: к юбилею Натальи Германовны Невожиной. М.: Гос. ист. музей, 2014. С. 98–110.
- Гайдуков П.Г., Олейников О.М., Гомзин А.А., Заболотная К.К. Воздвиженский клад X века из Великого Новгорода: обстоятельства находки и состав // Российская археология. 2025. № 4. С.
- Гущин А.С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. 82 с., 34 л. ил.
- Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века. Т. II. СПб.: Нестор-История, 2016. 624 с.
- Дучко В. Славянские ювелирные изделия с зернью и филигранью в Скандинавии эпохи викингов // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III, вып. 1а. М.: Наука, 1987. С. 77–86.
- Жилина Н.В. Славяно-русская филигрань VIII–X вв. // Stratum plus. 2005. № 5/2003–2004. С. 31–170.
- Жилина Н.В. Зернь и скань Древней Руси. М.: ИА РАН, 2010а. 260 с.
- Жилина Н.В. Тисненый узор по древнерусским кладам X–XIII вв. (от орнаментального рифления до

- эмблемы княжеской власти) // *Stratum plus*. 2010б. № 5. С. 23–144.
- Жилина Н.В. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: ЛИБРОКОМ, 2014. 391 с.
- Жукова Е.Н., Степанова Ю.В. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. Тверь: Научная книга, 2010. 352 с.
- Ивакин Г.Ю. Погребения X – первой половины XI в. из раскопок Михайловского Златоверхого монастыря (1997–1999 гг.) // *Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга*. М.: Наука, 2005. С. 287–303.
- Конецкий В.Я. Отчет о работе археологического отряда Новгородского музея в 1978 г. // *Архив Института археологии РАН*. Р-1. № 7363.
- Корзухина Г.Ф. О технике тиснения и перегородчатой эмали в Древней Руси // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. 1946. Вып. XIII. С. 45–54.
- Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1954. 156, 74 с.
- Кудрявцев А.А., Гомзин А.А., Гайдуков П.Г. и др. Денежно-вещевой клад из окрестностей деревни Старая Мельница под Новгородом // *Российская археология*. 2023. № 2. С. 162–168.
- Меч и златник: к 1150-летию зарождения Древнерусского государства. М.: Кучково поле: Мастерская Зарубина, 2012. 316 с.: ил.
- Платонова Н.И. К вопросу об интерпретации «богатых погребений» на древнерусских могильниках 2-й половины XI – начала XII в. (по материалам Удрайского археологического комплекса) // *Élite ou Égalité... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.* СПб.: Бранко, 2017. С. 124–141.
- Путь из варяг в греки и из грек...: каталог выставки. М.: Гос. ист. музей, 1996. 104 с.
- Пушкина Т.А. Новый Гнездовский клад // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 1994. Новое в нумизматике. М.: Археогр. центр, 1996. С. 171–186.
- Рябцева С.С. Древнерусский ювелирный убор: основные тенденции формирования. СПб.: Нестор-История, 2005. 384 с.
- Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1902 (Материалы по археологии России; № 28). 136 с., 14 л. ил.
- Спицын А.А. Владимирские курганы // *Известия Императорской Археологической комиссии*. Вып. 15. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1905. С. 84–172.
- Степанова Ю.В. Височные кольца из древнерусских сельских памятников Верхневолжья // *Stratum plus*. 2010. № 5. С. 275–283.
- Торопов С.Е. Случайные находки скандинавских предметов эпохи викингов в Приильмень: из коллекций Новгородского музея // *Археологические вести*. 2014. Вып. 20. С. 225–252.
- Хвоцинская Н.В. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 427 с.
- Янина С.А. Неревский клад куфических монет X в. // *Труды Новгородской археологической экспедиции*. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 55). С. 180–207.
- Czonstke K. Bizuteria słowiańska z wczesnośredniowiecznych skarbów bornholmskich // *Materiały Zachodniopomorskie. Nowa Seria*. 2011. T. VI/VII (2009–2010). S. 157–202.
- Gupieniec A., Kiersnowscy T., Kiersnowscy R. Wczesnośredniowieczne skarby srebrne z Polski Środkowej, Mazowsza i Podlasia. Materiały. Warszawa; Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1965 (*Polskie Badania Archeologiczne*; 10). 65, 20 s.
- Dekówna M., Stattlerowna E. Wczesnośredniowieczny skarb srebrny z Sejkowic pow, Gostynin. Wrocław; Warszawa; Krakow: Zakład narodowy imienia ossolin-skich, 1961. 109 s.
- Duczko W. En guldpärla från Bjärges, Gotland. En kort inledning till den gotländska senvikingatida filigrankonsten // *Tor: tidskrift för nordisk fornknuskap*. 1987. Vol. 21 (1986–1987). P. 211–240.
- Duczko W. The filigree and granulation work of the Viking Period. Stockholm: Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1985 (Birk; V). 118 p.
- Kóčka-Krenz H. Bizuteria północno-zachodniosłowiańska we wczesnym średniowieczu. Poznań: Uniwersytet Adama Mickiewicza, 1993. 342 p.
- Mišta-Jakubowska E., Czech Błńska R., Duczko W. et al. Archaeometric studies on early medieval silver jewellery from Central and Eastern Europe // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2019. 11. P. 6705–6723.
- Otteweller E. Early Medieval elite jewellery from Great Moravia: manufacturing processes, construction, material and condition. Prague: Archeologický ústav Akademie věd České republiky, 2022. 480 p.
- Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Bd. II. Lund: Ohlsson, 1947. 271 S., 78 S. III.
- Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Bd. I. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1958. 383 S., 18 S. III.
- Zoll-Adamikova H., Dekówna M., Nosek E.M. The early mediaeval hoard from Zawada Lanckorońska. Warszawa: Instytut archeologii i etnologii Polskiej akademii nauk, 1999. 132 s.

METAL BEADS OF THE VOZDVIZHENSKY HOARD FROM VELIKY NOVGOROD: TYPOLOGY AND STRUCTURAL FEATURES

Irina E. Zaytseva^{1,*}, Polina V. Guryeva^{2,**}, Ekaterina S. Kovalenko^{2,***},
Mikhail M. Murashev^{2,****}, Konstantin M. Podurets^{2,*****},
Elena Yu. Tereschenko^{2,*****}, and Ekaterina B. Yatsishina^{2,*****}

¹*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

²*National Research Centre "Kurchatov Institute", Moscow, Russia*

*E-mail: izaitseva@yandex.ru

**E-mail: poli.b3@gmail.com

***E-mail: kovalenko_es@mail.ru

****E-mail: mihail.mmm@inbox.ru

*****E-mail: podurets_km@nrcki.ru

*****E-mail: elenatereschenko@yandex.ru

*****E-mail: yacekaterina@yandex.ru

The paper examines 40 silver beads from the Vozdvizhensky hoard of the late 10th century AD from Veliky Novgorod. Cultural and chronological analysis made it possible to determine where various types of beads originate from: smooth, ribbed ones, those with granulated triangles and rhombuses, with hemispheres, with complete granulation, with volutes, openwork, and bladed ones. Moreover, the time of their existence was established. XRT and neutron tomography were used to study the design features of the ornamented beads: manufacturing methods and soldering points. The types of wires used in the decor were also clarified. The composition of the metal was determined using the energy-dispersive micro-analysis method. The ornaments under study, created after international fashion of the second half of the 10th – first half of the 11th century AD, were affordable to the elites of early medieval states and demonstrated the status of their owners.

Keywords: Rus, Veliky Novgorod, metal beads, granulation, filigree, tomography.

REFERENCES

- Avdusina S.A., 2014. Gnyozdovo hoard of 2001. *Slavyane i inye yazytsi...: k yubileyu Natal'i Germanovny Nedoshivinoi* [Slavs and other languages...: to the anniversary of Natalya Germanovna Nedoshivina]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 98–110. (In Russ.)
- Czonstke K., 2011. Bizuteria słowiańska z wczesnośredniowiecznych skarbów bornholmskich. *Materiały Zachodniopomorskie. Nowa Seria*, VI/VII (2009–2010), pp. 157–202.
- Dekówna M., Stattlerowna E., 1961. Wczesnośredniowieczny skarb srebrny z Sejkowic pow, Gostynin. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich. 109 p.
- Drevnerusskiy nekropol' Pskova X – nachala XI veka [The Rus necropolis of Pskov from the 10th to the early 11th century AD], II. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. 624 p.
- Duczko W., 1985. The filigree and granulation work of the Viking Period. Stockholm: Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. 118 p. (Birka, V).
- Duchko V., 1987. Slavic jewellery with granulation and filigree in Viking Age Scandinavia. *Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoy arkheologii* [Works of the V International Congress of Slavic archaeology], vol. III, iss. 1a. Moscow: Nauka, pp. 77–86. (In Russ.)
- Duczko W., 1987. En guldparla från Bjärges, Gotland. En kort inledning till den gotländska senvikingatida filigrankonsten. *Tor: tidskrift för nordisk fornrunskap*, 21 (1986–1987), pp. 211–240.
- Gaydukov P.G., Oleynikov O.M., Gomzin A.A., Zabolotnaya K.K., 2025. Vozdvizhensky hoard of the 10th century from Veliky Novgorod: circumstances of its finding and composition. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 4, pp. (In Russ.)
- Gupieniec A., Kiersnowscy T., Kiersnowscy R., 1965. Wczesnośredniowieczne skarby srebrne z Polski Środkowej, Mazowsza i Podlasia. *Materiały*. Warszawa; Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 65, 20 p. (Polskie Badania Archeologiczne, 10).
- Gushchin A.S., 1936. Pamyatniki khudozhestvennogo remesla Drevney Rusi X–XIII vv. [Monuments of artistic crafts of Rus from the 10th–13th centuries AD]. Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo. 82 p., 34 pl. ill.
- Ivakin G.Yu., 2005. Burials of the 10th – first half of the 11th century AD from excavations in the St. Michael's Golden-Domed Monastery (1997–1999). *Rus' v IX–XIV vekakh: vzaimodeystvie Severa i Yuga* [Rus in the

- 9th–14th centuries AD: Interaction between the North and the South]. Moscow: Nauka, pp. 287–303. (In Russ.)
- Khvoshchinskaya N.V., 2004. Finny na zapade Novgorodskoy zemli (po materialam mogil'nika Zalakhov'e) [Finns in the west of Novgorod land (based on materials from the Zalakhov'e burial ground)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 427 p.
- Kóčka-Krenz H., 1993. Bizuteria północno-zachodnio-słowiańska we wczesnym średniowieczu. Poznań: Uniwersytet Adama Mickiewicza. 342 p.
- Konetskiy V.Ya. Otchet o rabote arkheologicheskogo otryada Novgorodskogo muzeya v 1978 g. [Report on the activities of the archaeological squad at the Novgorod Museum in 1978]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 7363.
- Korzukhina G.F., 1946. On the technique of stamping and cloisonné enamel in Rus. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture]*, XIII, pp. 45–54. (In Russ.)
- Korzukhina G.F., 1954. Russkie klady IX–XIII vv. [Hoards from Rus of the 9th–13th centuries]. Moscow; Leningrad: Nauka. 156, 74 p.
- Kudryavtsev A.A., Gomzin A.A., Gaydukov P.G. et al., 2023. The hoard of coins and artefacts from the vicinity of Staraya Melnitsa village near Novgorod. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 162–168. (In Russ.)
- Mech i zlatnik: k 1150-letiyu zarozhdeniya Drevnerusskogo gosudarstva [Sword and gold coin: on the 1150th anniversary of the Rus state origin]. Moscow: Kuchkovo pole: Masterskaya Zarubina, 2012. 316 p.: ill.
- Mišta-Jakubowska E., Czech Błńska R., Duczko W. et al., 2019. Archaeometric studies on early medieval silver jewellery from Central and Eastern Europe. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 11, pp. 6705–6723.
- Otteweller E., 2022. Early Medieval elite jewellery from Great Moravia: manufacturing processes, construction, material and condition. Prague: Archeologický ústav Akademie věd České republiky. 480 p.
- Platonova N.I., 2017. On the interpretation of “Rich Burials” at Rus burial grounds of the second half of the 11th – early 12th century AD (based on the materials of the Udrai archaeological complex). *Élite ou Égalité... Severnaya Rus' i kul'turnye transformatsii v Evrope VII–XII vv. [Élite ou Égalité... Northern Rus and cultural transformations in Europe in the 7th–12th centuries AD]*. St. Petersburg: Branko, pp. 124–141. (In Russ.)
- Pushkina T.A., 1996. The new Gnyozdovo hoard. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy [Earliest states of Eastern Europe]*, 1994. *Novoe v numizmatike [Developments in Numismatics]*. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr, pp. 171–186. (In Russ.)
- Put' iz varyag v greki i iz grek...: katalog vystavki [The route from the Varangians to the Greeks and from the Greeks...: exhibition catalogue]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, 1996. 104 p.
- Ryabtseva S.S., 2005. Drevnerusskiy yuvelirnyy ubor: osnovnye tendentsii formirovaniya [Jewellery attire in Rus: main trends in the formation]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 384 p.
- Sizov V.I., 1902. Kurgany Smolenskoj gubernii [Burial mounds of Smolensk Province], 1. Gnezdozovskiy mogil'nik bliz Smolenska [Gnyozdovo cemetery near Smolensk]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. 136 p., 14 pl. ill. (Materialy po arkheologii Rossii, 28).
- Spitsyn A.A., 1905. Vladimir mounds. *Izvestiya Imperatorskoj Arkheologicheskoy komissii [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission]*, 15. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, pp. 84–172. (In Russ.)
- Stenberger M., 1947. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit, II. Lund: Ohlsson. 271 p., 78 p. ill.
- Stenberger M., 1958. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit, I. Stockholm: Almqvist & Wiksell. 383 p., 18 p. ill.
- Stepanova Yu.V., 2010. Temple rings from rural archaeological sites of Rus in the Upper Volga. *Stratum plus*, 5, pp. 275–283. (In Russ.)
- Toropov S.E., 2014. Random finds of Viking Age Scandinavian objects in the Ilmen region: from the collections of the Novgorod Museum. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological news]*, 20, pp. 225–252. (In Russ.)
- Yanina S.A., 1956. Nerevsky hoard of Kufic coins of the 10th century AD. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Proceedings of the Novgorod archaeological expedition]*, 1. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 180–207. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 55). (In Russ.)
- Zhilina N.V., 2005. The Slavonic-Russian filigree of 8th–10th centuries AD. *Stratum plus*, 5/2003–2004, pp. 31–170. (In Russ.)
- Zhilina N.V., 2010. Zern' i skan' Drevney Rusi [Granulation and filigree of Rus]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 260 p.
- Zhilina N.V., 2010a. Stamped jewellery attire based on Rus hoards from the 10th–13th centuries (from ornamental stamping to the sign of princely power). *Stratum plus*, 5, pp. 23–144. (In Russ.)
- Zhilina N.V., 2014. Drevnerusskie klady IX–XIII vv. Klassifikatsiya, stilistika i khronologiya ukrasheniy [Hoards of Rus from the 9th–13th centuries AD. Classification, stylistics and chronology of jewellery]. Moscow: LIBROKOM. 391 p.
- Zhukova E.N., Stepanova Yu.V., 2010. Drevnerusskie pogrebal'nye pamyatniki Verkhnevolzh'ya [Burial sites of Rus in the Upper Volga region]. Tver': Nauchnaya kniga. 352 p.
- Zoll-Adamikova H., Dekówna M., Nosek E.M., 1999. The early mediæval hoard from Zawada Lanckorońska. Warszawa: Instytut archeologii i etnologii Polskiej akademii nauk. 132 p.

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ РАЗРОЗНЕННЫХ ОСТЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ РАСКОПОК НА ТЕРРИТОРИИ ПОЙМЕННОЙ ЧАСТИ ПОСЕЛЕНИЯ ГНЁЗДОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

© 2025 г. М.В. Добровольская^{1,*}, В.В. Мурашева^{2,**}, И.К. Решетова^{1,***},
В.И. Данилевская^{1,****}, Е.В. Добровольская^{3,*****}, А.А. Фетисов^{4,*****},
А.А. Гольева^{5,*****}, О.Н. Успенская^{6,*****}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Государственный исторический музей, Москва, Россия

³Институт экологии и эволюции животных РАН им. А.Н. Северцова, Москва, Россия

⁴Государственный музей искусств народов Востока, Москва, Россия

⁵Институт географии РАН, Москва, Россия

⁶Всероссийский научно-исследовательский институт овощеводства, Верея, Россия

*E-mail: mk_pa@mail.ru

**E-mail: vmurasheva@mail.ru

***E-mail: reshetovairina@yandex.ru

****E-mail: viktorys08@gmail.com

*****E-mail: evdobrovolskaya@mail.ru

*****E-mail: afetisov@inbox.ru

*****E-mail: golyeva@igras.ru

*****E-mail: usp-olga@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.06.2025 г.

После доработки 17.06.2025 г.

Принята к публикации 18.06.2025 г.

Статья посвящена комплексному изучению остеологических (археозоологических и изолированного черепа) материалов из раскопок на территории Гнёздовского поселения. На основании анализа стратиграфии и комплекса естественнонаучных методов (археоботанических и биоархеологических) обсуждается история попадания изолированного мужского черепа без нижней челюсти в хозяйственную яму. Особенности сохранности черепа позволяют предполагать, что это останки человека, над которым не совершали погребальных действий. Структура и состав заполнения черепа свидетельствуют о том, что черепная крышка заполнялась грунтом до того, как оказалась в яме на территории поселения. Особенности зажившей черепной травмы дают основания считать человека участником боевых столкновений. Реконструируются и обсуждаются особенности внешности, образа жизни, питания, мобильности, здоровья и возможные причины кончины этого индивида (мужчина старше 40 лет), жившего, судя по калиброванной радиоуглеродной дате, в VII–VIII вв., т.е. до возникновения раннегородского центра Гнёздово.

Ключевые слова: раннее средневековье, биоархеология, реконструкция внешности, изотопный состав азота, углерода, стронция, мобильность.

DOI: 10.7868/S3034577425040095

Палеоантропологический материал — особый источник в изучении Гнёздовского археологического комплекса. Находка целого черепа вне погребального контекста — явление неординарное. С недавнего времени стали вводиться в

научный оборот палеоантропологические материалы, происходящие из культурного слоя поселения комплекса (Новиков и др., 2018). В 2020 г. на территории пойменного сектора поселения, на склоне надпойменной террасы в раскопе П-2

(рис. 1), на дне ямы (рис. 2), обнаружен прекрасно сохранившийся человеческий череп (Фетисов, Кулешов, 2021).

В ходе работ на небольшом участке (12 м²) выявлен искусственно созданный подрез материкового склона (высота ступени от 40 до 60 см). Культурный слой разделен на три стратиграфических горизонта, отнесенных к эпохе «классического Гнёздово», их общая мощность достигала 60 см. Ранние слои перекрыты слоем напаши, сформировавшейся в течение нового и новейшего времени (Фетисов, Кулешов, 2021. С. 383–386). Яма, в которой найден череп, имеет отвесные стенки и диаметр около 20 см, устье расширяется до 40, глубина от уровня дневной поверхности — около 80, заполнение — темно-серая гумусированная супесь (рис. 3). Яма расположена на границе ступени подреза и относится к финальному горизонту, который можно датировать последней четвертью X — началом XI в.

В составе заполнения ямы большое количество костей животных — всего 239 экз., вес которых составил 2055 г. Результаты остеологического определения представлены в табл. 1.

Состояние костного материала посредственное, доля неопределимых фрагментов — 59.4%. Кости сильно фрагментированы. По количеству фрагментов преобладают кости крупного рогатого скота (КРС), затем следуют кости мелкого рогатого скота (МРС) и свиньи. Также обнаружен единственный позвонок рыбы. Высока доля фрагментов костей молодых животных, среди костей КРС она составляет 32.7%, среди костей МРС — 26.9, среди костей свиньи — 40.0. Следы воздействия человека единичны — среди неопределимых фрагментов обнаружен один горелый экземпляр, среди костей КРС — одно плечо со следами обглаживания, среди костей МРС — два бедра со следами обглаживания и среди костей свиньи — одно ребро и одна большеберцовая кость со следами отрубков. Анализ коллекции позволяет сделать вывод, что это кости из кухонных остатков.

Кроме костей в заполнении ямы найдено 12 фрагментов керамики, 2 из которых лепные, остальные — обломки типичных для Гнёздово раннекруговых сосудов. Глубина и диаметр рассматриваемой ямы позволяют предположить,

Рис. 1. Локализация раскопа в пойменной части Гнёздовского комплекса.

Fig. 1. The excavation unit location in the floodplain part of the Gnyozdovo complex

Таблица 1. Остеологические материалы из верхних слоев ямы из раскопа П-2

Table 1. Osteological materials from the upper layers of the pit from excavation unit P-2

	КРС	МРС	Свинья	Другие животные	Неопределимые фрагменты	Итого
Количество	55 (18 — молодые)	26 (7 — молодые)	15 (6 — молодые)	1 позвонок рыбы	142	239
%	23.0	10.9	6.3	0.4	59.4	100

Рис. 2. Обнаружение черепа, рабочий момент.

Fig. 2. Skull discovery, working moment

что это столбовая яма, в которую после извлечения деревянного столба был помещен череп, засыпанный в дальнейшем кухонными отходами.

На дне ямы располагался череп человека в виде целого кальвариума, без нижней челюсти (см. рис. 2). Обращает на себя внимание прекрасная сохранность костной ткани, что не типично для песчаных грунтов. Плотная, гладкая поверхность костной ткани черепа свидетельствует об особых условиях, в которых бактериальная активность была понижена. Понимание специфики этих условий — ключ к характеристике среды, в которой долгое время находился

череп. Еще одно подтверждение того, что череп мог продолжительно находиться в специфических условиях, — значительная плотность костной ткани.

Обращает на себя внимание, что грунт внутри черепа отличается от гумусированного заполнения самой ямы. По этой причине решено провести отдельное исследование содержимого черепной коробки. Она оказалась заполнена несколькими слоями песка, значительно уплотненного, мелкого, различных фракций. В самом нижнем слое, на внутренней поверхности костей свода черепа, находилась плотная масса

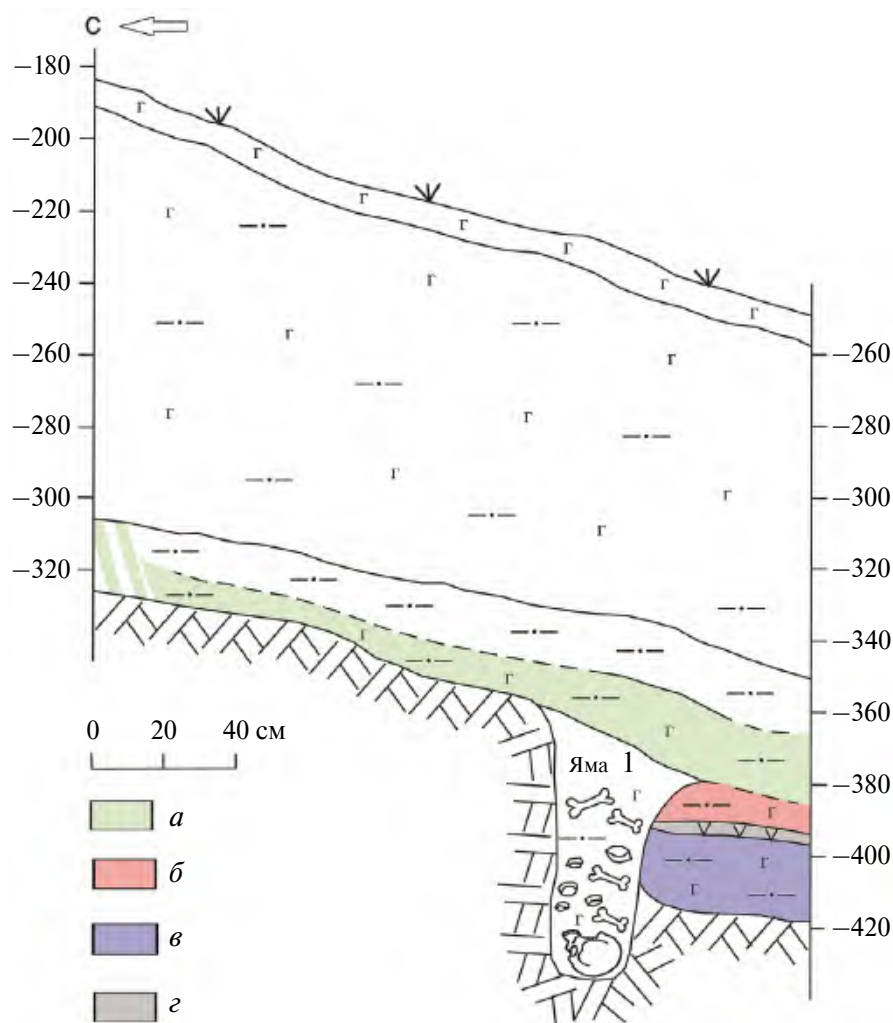

Рис. 3. Стратиграфия культурных напластований раскопа П-2. Условные обозначения: а – стратиграфический горизонт (СГ) 1; б – СГ 2; в – СГ 3; г – угольные слои.

Fig. 3. Stratigraphy of the cultural layers in excavation unit P-2

растительных остатков. Их анализ показал, что это корешки хвоща болотного, *Equisetum palustre* L.¹ (табл. 2), произрастающего по берегам водоемов и на торфяных лугах. Эти ландшафтные условия резко отличаются от ситуации материкового склона, в котором выкопана яма.

Итак, несовпадение грунтов в яме и внутри черепа приводит к заключению о том, что он был заполнен в другом месте, а в яму попал уже в таком виде. Наше предположение о попадании черепа без нижней челюсти с заполненным песком кальвариумом базируется как на несовпадении состава заполнений ямы и черепа (супесь/песок), так и на самостоятельной стратиграфии отложений песка и наличии болотных растений внутри черепа.

¹Определение О.Н. Успенской.

Другой ключевой вопрос в данном исследовании – датировка находки. Результат радиоуглеродного анализа показал, что череп относится к «догнэзовскому» времени, с вероятностью 95% он датирован интервалом 665–775 гг.² Изотопные исследования (см. ниже) не дают оснований считать коллаген плохо сохранившимся, следы диагенеза не обнаружены, также нет маркеров питания морскими продуктами. Эти комментарии позволяют склониться к мнению о том, что вероятность удреждения возраста образца невелика. Столь ранняя дата находки во многом формирует логику дальнейшего исследования. Прежде всего – индивид жил в период широкого

² AMS ¹⁴C анализ (зуб) выполнен в лаборатории Манхейма (Германия): CEZA Mannheim 2024, Lab. Nr. MAMS 69770, Gnezdovo 2020 skull, 1296 BP, cal AD 674–772 at 68%, cal AD 665–775 at 95%.

Таблица 2. Состав микробиоморфных комплексов грунтового заполнения черепа**Table 2.** Composition of microbiomorphic complexes of the soil filling in the skull

№ образца	Описание	Вывод по образцу
1. Заполнение черепа, верхняя часть	Образец представлен практически только древесным детритом, есть фрагменты древесной коры. Зафиксированы обломок спикулы губки и малое количество фитоцитов. В составе фитоцитного комплекса — формы, характерные для культурных и сорных растений	Генезис образца неясен. Фитоциты и спикула, скорее всего, имеют заносной характер. Большое количество древесного детрита, включая частицы древесной коры, возможно, также были занесены извне
2. Заполнение черепа, нижняя часть	Состав микробиоморфного комплекса резко отличается от описанного для образца № 1. Древесного детрита существенно меньше, он мельче, нет фрагментов коры. Имеются фрагменты панцирей диатомовых водорослей и цисты золотистых водорослей, отсутствующие в образце № 1. Фитоцитов несколько больше, в их составе нет форм, характерных для сорных растений, зато есть фитоциты тростника/камыша. Существенно выше доля луговых и хвойных форм при значительно меньшей доле фитоцитов, характерных для ксерофитных злаков (степных)	Комплекс сформировался в другом, более влажном месте. В пользу данного предположения свидетельствует иной состав микробиоморфного комплекса, например фитоциты гидрофильных растений — тростника и/или камыша

распространения обряда кремации, поэтому сам по себе факт нахождения некремированных останков свидетельствует о том, что его тело, вероятнее всего, не было погребено соплеменниками. Это подтверждается и результатами оценки сохранности черепа. Остановимся на них подробно.

На черепе есть многочисленные посмертные механические повреждения: разрушена правая скуловая кость, повреждена правая часть верхней челюсти в области альвеол и грушевидного отверстия, повреждены затылочные мышечки, но само затылочное отверстие сохранилось по всему периметру. Поверхностные повреждения носят разновременный характер. Среди них есть полученные еще по относительно «свежей кости». А есть и определенно приобретенные значительно позже. Разрушения носят хаотичный характер. Крупная трещина проходит через затылочную кость, но следы удара не прослежены, да и форма трещины не соответствует типичным для травмы, полученной при ударе. В целом повреждению подверглись наиболее хрупкие части черепа с самых разных сторон.

Сохранность костной ткани зависит от многих факторов. Игнорировать особенности сохранности костной ткани представляется неправомерным на современном уровне исследований. По этой причине более пристальное внимание обращено на факт хорошей сохранности. Как правило, ингумации в супеях сохраняются крайне

плохо. Даже при хорошей сохранности поверхностные слои кости обычно несут на себе следы влияния грунтовых растворов и активности микроорганизмов. В данном случае эти следы не выражены, в связи с этим можно предположить, что тело индивида не было погребено в земле после кончины. Недостаточные знания характера тафономических процессов в водной среде обязывают нас делать это предположение с осторожностью.

Развитый надглазничный рельеф, подпрямоугольная форма глазниц, крупные размеры сосцевидных отростков височной кости, рельеф затылочной кости указывают на принадлежность к мужскому полу. Большие швы черепа облитерированы снаружи и изнутри. Сохранились первый и второй моляры слева со следами значительного износа — до дентина. Наблюдается начало обнажения корней зубов в результате резорбции альвеолярных отростков верхней челюсти. Все перечисленное в целом позволяет с осторожностью судить о возрасте 40+ (старше сорока лет) или 40–55. Более определенно по изолированному черепу сложно определить.

Череп с хорошо выраженной горизонтальной и вертикальной профилировкой лицевого отдела скелета, что позволяет судить о его европеоидном облике. Выражена асимметрия грушевидного отверстия и верхнечелюстных костей, формирование небольшого бугорка на правой верхнечелюстной кости в ее центральной части

Рис. 4. Альвеолярная часть верхней челюсти со следами воспалительного процесса.

Fig. 4. Alveolar part of the upper jaw with traces of the inflammatory process

позволяет предположить изменения, связанные с процессами в гайморовых пазухах.

Альвеолярная часть верхней челюсти справа отчасти разрушена, зубы частично утрачены. Хорошо выражен участок со следами воспалительного процесса (рис. 4). Отмечено прободение корней первого и второго моляров в гайморову полость. Вероятно, имел место хронический воспалительный процесс. Слева на верхней челюсти на сохранившемся третьем моляре присутствует обширное кариозное повреждение. Лобные пазухи асимметричны. На теменных костях — васкулярная реакция в форме «апельсиновой корки».

На лобной кости слева, рядом с венечным швом, присутствует след от прижизненного повреждения, нанесенного, вероятно, рубящим или режущим орудием (рис. 5). Травма получена от удара на излете, поэтому глубина повреждения внешней пластинки незначительна. Вокруг повреждения заметны следы заживления, которое сопровождалось незначительным воспалительным процессом. Травму такого рода можно отнести к боевым. Обобщенное исследование раннесредневековых материалов с преобладанием индивидов салтово-маяцкой археологической культуры позволило выявить наиболее типичные локализации травм на черепе, а также характер повреждений (Березина, Бужилова, 2015). Основываясь на статистических данных, травму можно отнести к одной из наиболее распространенных групп повреждений: рубленая рана со следами заживления в левой верхней области

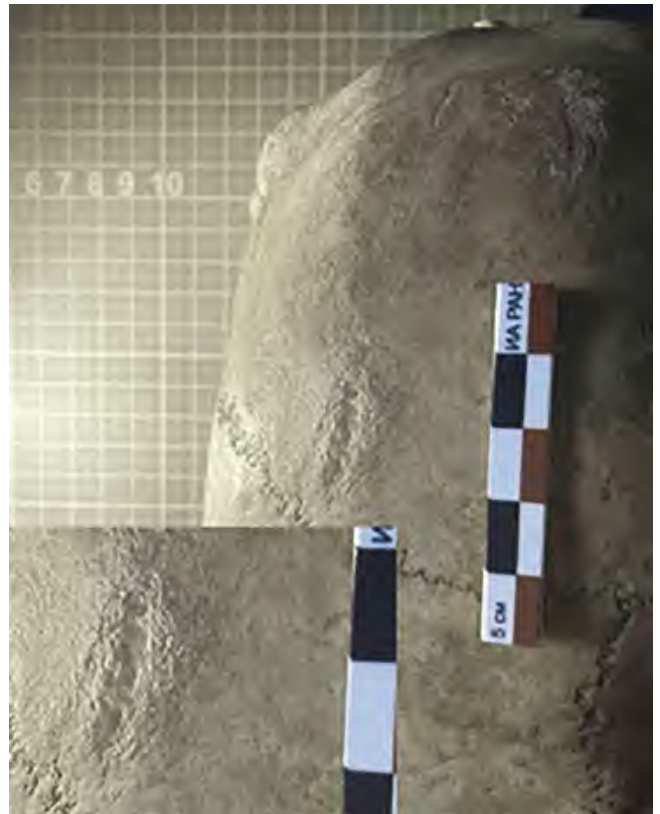

Рис. 5. Травма черепа со следами заживления и воспаления. Вертикальные стрелки направлены на след от повреждения, горизонтальные — на следы воспалительного процесса.

Fig. 5. Skull injury with traces of healing and inflammation. Vertical arrows point to the injury trace, horizontal ones indicate the inflammatory process traces

лобной кости (Березина, Бужилова, 2015. С. 15. Рис. 7).

Слабая выраженность следа от ранения, к сожалению, не позволяет с уверенностью судить об оружии, оставившем след на черепе индивида. В равной мере рассматривается вариант следа от топора или меча. В любом случае это боевое оружие. Локализация следа позволяет предполагать, что травма была получена при столкновении «лицом к лицу». Значит ли это, что исследуются останки воина или случайного участника столкновения, в настоящее время однозначно ответить сложно.

Реконструкция лица по черепу позволяет увидеть внешний облик этого человека. Составление графической портретной реконструкции выполнялось, следуя методическим разработкам М.М. Герасимова (1955), Г.В. Лебединской (1998), С.А. Никитина (2009). Представление о внешнем облике индивида составлено на

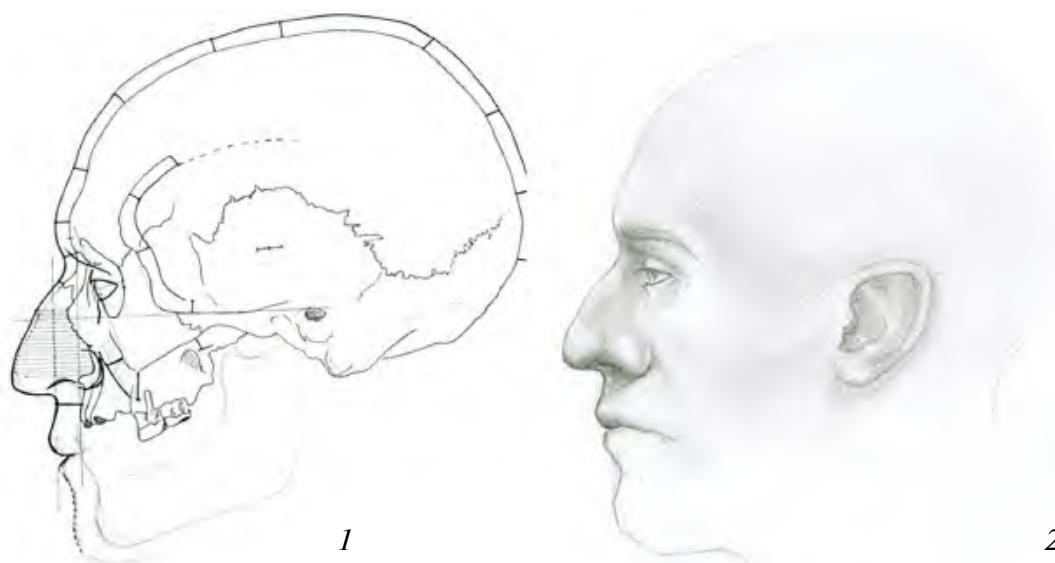

Рис. 6. Реконструкция внешности индивида. 1 — промежуточный этап работы; 2 — портрет, профиль.

Fig. 6. Reconstruction of the individual's appearance

основании оценки морфологических особенностей черепа, половозрастных определений, характеристике антропологического типа. Нижняя часть на портрете представлена условно ввиду отсутствия нижней челюсти. Предварительное восстановление утраченных частей скелета проводилось согласно разработкам С.А. Никитина (2009). Так, при определении профильного контура подбородочного бугра помогает принцип «зеркальности» челюстных профилей. На рис. 6 можно видеть один из этапов процесса реконструкции и завершённый портрет.

Для получения представления о характере питания индивида исследован изотопный состав азота и углерода коллагена костной ткани. Масс-спектрометрический анализ проведен на базе Центра коллективного пользования Института экологии и эволюции животных им. А.Н. Северцова РАН. Процентное соотношение азота (13.7) и углерода (38.1), а также их атомное соотношение (3.2) свидетельствуют о хорошей сохранности коллагена. Ошибка определения не более 0.2‰; $\delta^{15}\text{N}$ составляет 10.05, а $\delta^{13}\text{C}$ — 20.8.

Для наглядности интерпретации результатов изотопного анализа представляется целесообразным поместить исследуемый экземпляр в контекст нескольких средневековых европейских опубликованных серий образцов, включая древнерусские. В качестве сопоставительного материала взято несколько серий времени великого переселения народов — раннего — развитого

средневековья. Памятники, из которых происходят образцы сравнительных материалов эпохи викингов и более позднего времени, расположены в Центральной и Северной Европе. На рис. 7 изображены индивидуальные данные изотопных соотношений азота и углерода в сериях из следующих археологических памятников: Поддубье, Тверская область; Альтенердинг, Бавария; Райданас, Готланд; Бьорнед, Швеция; Шекшово 9, Ивановская область, представляющие сельское население; Новгород, некрополь Юрьева монастыря; Кальдус, Польша, бывший крупным центром; Гнёздово 20 (Добровольская и др., 2020; Knipper et al., 2013; Kosiba et al., 2007; Linderholm et al., 2008; Hakenbeck et al., 2010; Reitsema et al., 2017; Добровольская, 2023). Отчетливо видно, что облака точек индивидуальных значений перекрывают друг друга, но образуют вполне определенные локации. В зоне высоких значений дельта азота находятся люди северных памятников (Новгород, Райданас, Бьорнед). Группа образцов из захоронений Готланда (Райданас) демонстрирует изотопные соотношения азота и углерода, обусловленные питанием морскими ресурсами. В зоне низких значений дельта азота располагаются образцы из памятников с территории Баварии, внутренних районов Польши. Промежуточное положение занимает большинство образцов из сельских могильников Тверской и Ивановской областей. К этой группе тяготеет индивид из Гнёздово. Индивидуальные вариации изотопных значений внутри серий из

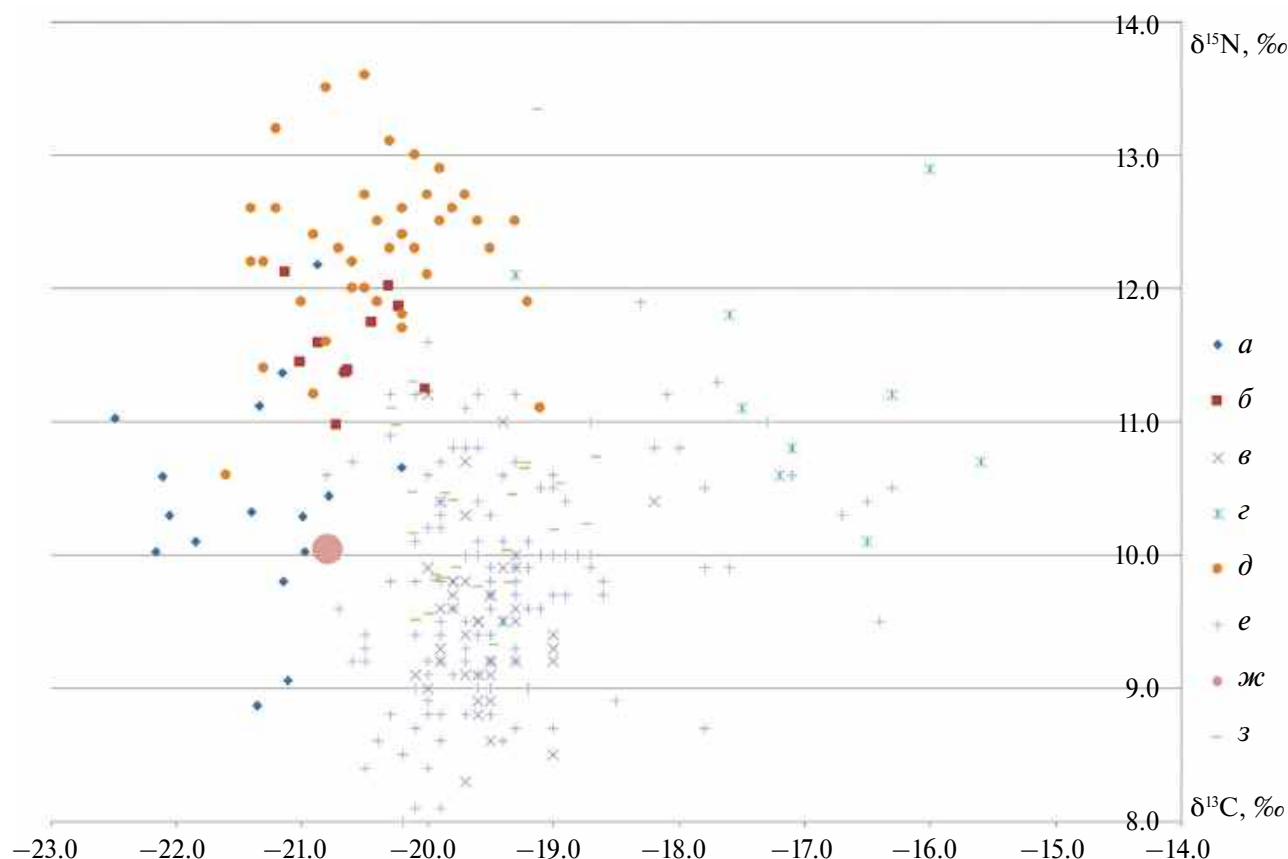

Рис. 7. Изотопный состав азота и углерода коллагена образца из изолированного черепа в контексте сопоставительных материалов. Условные обозначения: *а* – Поддубье, Тверская область, сельский памятник; *б* – Новгород, некрополь Юрьева монастыря; *в* – Альтенердинг, Бавария, сельский памятник; *г* – Райданас, Готланд, сельский памятник; *д* – Бьйорнед, Швеция, сельский памятник; *е* – Кальдус, Польша, крупный комплекс; *ж* – Гнёздово 20; *з* – Шекшово 9, Ивановская область, сельский памятник.

Fig. 7. Nitrogen and carbon isotope composition of collagen in a sample from an isolated skull in the context of comparative materials

памятников значительны. По этой причине описанное положение образца из Гнёздово носит иллюстративный характер. Однако однозначно можно утверждать, что изучаемый индивид регулярно не использовал морские пищевые ресурсы. Его пищевая модель не находит аналогий среди скандинавского населения эпохи викингов.

Проведено моделирование усредненного пищевого рациона с использованием программы FRUITS 3.1 Beta³. Это дало возможность представить соотношение растительной и животной пищи в диете этого человека (рис. 8).

И, наконец, вопрос о том, был ли изучаемый индивид местным уроженцем, может быть прояснен на основании изучения изотопного состава стронция. Эмаль первого и второго моляров верхней челюсти исследованы В. Пальмовски

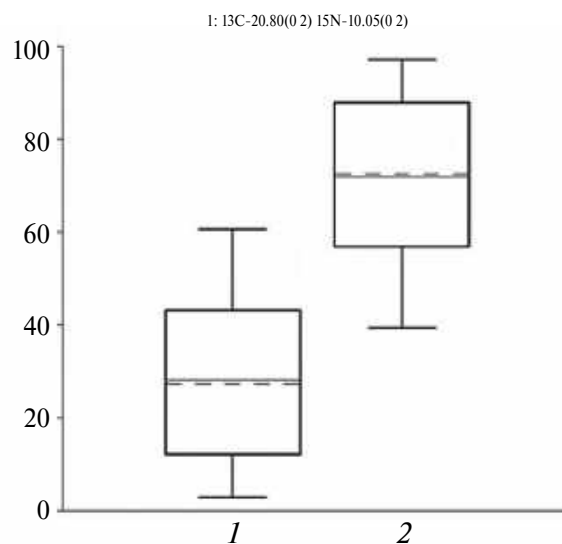

Рис. 8. Пищевая модель индивида из Гнёздово по данным изотопного анализа. 1 – растения; 2 – животные.

Fig. 8. Nutritional model of the individual from Gnyozdo according to isotope analysis

³<https://sourceforge.net/projects/fruits/>

в процессе диссертационного исследования (Palmovsky, 2024). Для образцов из первого и второго моляров верхней челюсти определены следующие соотношения: $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ 0.71504 и 0.71474 соответственно. В рамках этой же работы проведено выявление границ локальной изменчивости изотопного соотношения $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$. Выяснено, что границы местной изменчивости, установленные по вариациям изотопного состава стронция в зубах домашних животных, ограничены величинами 0.711120 и 0.71330 (Palmovsky, 2024. Р. 143–149). Таким образом, индивид не может быть признан местным уроженцем (Palmovsky, 2024. Р. 151. Fig. 40). Фоновые значения 0.712 – 0.716 ранее определены для некоторых северных районов, включая западный Валдай и Новгород (Добровольская, Решетова, 2018). Образцы с изотопными соотношениями стронция 0.714539, 0.71480, 0.71572 (сходные с образцами эмали зубов человека из Гнёздово) зафиксированы в группе индивидов из могильника конца X–XI в. Никольское III, Вологодская область (Добровольская и др., 2024). Нет оснований утверждать, что место рождения изучаемого индивида связано именно с этим регионом. При отсутствии в настоящее время более многочисленных фоновых и археологических образцов, следует с особой осторожностью относиться к выводам о возможном месте рождения данного индивида. Тем не менее можно с уверенностью судить о том, что он не был уроженцем окрестностей Гнёздово, а прибыл из других земель.

К сожалению, предложить однозначную реконструкцию попадания черепа, который датируется VII–VIII вв., в помойную яму X в. невозможно. Очевидно, что он был сознательно помещен на дно глубокой ямы, вероятно образовавшейся после извлечения деревянного столба, а затем засыпан кухонными отбросами. Можно исключить вариант попадания черепа из разрушенного погребения населения, предшествовавшего появлению Гнёздовского раннегородского центра, — для носителей тушемлинской археологической культуры (IV–VII вв.) и культуры смоленских длинных курганов (середина VIII — начало X в.) характерен исключительно обряд кремации. Вероятно, речь может идти о случайной находке жителями Гнёздово останков человека, не похороненного в соответствии с погребальным обрядом.

Пищевая модель, которой придерживался данный индивид, типична для ряда групп населения средневековой Северной и Восточной Европы. Единственное, о чем можно судить с

уверенностью, что в его рационе не было значительной доли морских продуктов, поэтому считать его жителем морского побережья нет оснований. С осторожностью можно предполагать, что человек прибыл из более северных территорий.

Антропологическая реконструкция воссоздает облик мужчины европеоидной внешности с ярко выраженными маскулинными особенностями. Он прожил долгую по нормам средневековой жизнь, имел боевое ранение. Такова мозаика характеристик, полученных на основании биоархеологических методов.

Авторы выражают благодарность д-ру Генриху Харке за возможность проведения радиоуглеродного датирования образца.

Исследование выполнено в рамках плановой темы «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (№ НИОКТР 122011200264-9).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Березина Н.Я., Бужилова А.П. Анализ травматических повреждений черепа по материалам некоторых раннесредневековых могильников Восточной Европы // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. 2015. № 2. С. 4–23.
- Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу: (современный и ископаемый человек). М.: Изд-во АН СССР, 1955. 588 с.
- Добровольская М.В. Образ жизни людей по данным изотопного состава костных материалов // Археология Суздальской земли = Archaeology of the Suzdal' Country: в 2 т. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2023. С. 69–80.
- Добровольская М.В., Макаров Н.А., Киселева Д.В. Опыт оценки индивидуальной мобильности людей из могильников Северо-Восточной Руси по данным изотопного состава эмали зубов // Краткие сообщения Института археологии. 2024. Вып. 277. С. 433–451.
- Добровольская М.В., Решетова И.К. О ландшафтном подходе в изучении мобильности населения прошлых эпох на основании данных об изотопном составе стронция // Краткие сообщения Института археологии. 2018. Вып. 252. С. 7–14.
- Добровольская М.В., Тиунов А.В., Крылович О.А. и др. Изотопные маркеры экосистем и питания средневекового сельского населения лесной зоны европейской части России // Российская археология. 2020. № 3. Р. 79–95.
- Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу (методическое руководство). М.: Старый сад, 1998. 125 с.

- Никитин С.А. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 1. М.: Музеи Московского Кремля, 2009. С. 137–167.
- Новиков В.В., Шведчикова Т.Ю., Доброва О.П., Харламова Н.В. Раскоп ЦС-V Центрального селища Гнёздова. Результаты археологических изысканий и комплексных антропологических исследований // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы археологических исследований. Вып. 1. М.: Гос. ист. музей, 2018 (Тр. Гос. ист. музея; вып. 210). С. 395–412.
- Фетисов А.А., Кулешов Вяч.С. Исследования склона террасы Центрального Гнёздовского селища в 2020 году. Предварительные итоги // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 2. М.: Гос. ист. музей, 2021 (Тр. Гос. ист. музея; вып. 215). С. 382–396.
- Hakenbeck S., McManus E., Geisler H. et al. Diet and mobility in Early Medieval Bavaria: a study of carbon and nitrogen stable isotopes // American Journal of Physical Anthropology. 2010. Vol. 143, № 2. P. 235–249.
- Knipper C., Peters D., Meyer C. et al. Dietary reconstruction in Migration Period Central Germany: a carbon and nitrogen isotope study // Archaeological and Anthropological Sciences. 2013. Vol. 5. P. 17–35.
- Kosiba S.B., Tykot R.H., Carlsson D. Stable isotopes as indicators of change in the food procurement and food preference of Viking Age and Early Christian populations on Gotland (Sweden) // Journal of Anthropological Archaeology. 2007. Vol. 26. P. 394–411.
- Linderholm A., Andersson K., Mörtz C.M. et al. An early Christian cemetery at Björned in northern Sweden. Stable isotope analyses of skeletal material // Fornvännen. Journal of Swedish Antiquarian Research. 2008. Vol. 103. P. 176–189.
- Palmowski V. Staying there for the fishing season? Bioarchaeological reflections on diets, mobilities and identities in the Viking Age: Dissertation zur erlangung des akademischen grades Doktor der Philosophie in der Philosophischen fakultät der Eberhard Karls Universität Tübingen. Tübingen, 2023. 247 p.
- Reitsema L.J., Kozłowski T., Crews D.E. et al. Resilience and local dietary adaptation in rural Poland, 1000–1400 CE // Journal of Anthropological Archaeology. 2017. Vol. 45. P. 38–52.

EXPERIENCE OF STUDYING DISEMBODIED OSTEOLOGICAL MATERIALS FROM EXCAVATIONS IN THE FLOODPLAIN PART OF THE GNYOZDOVO SETTLEMENT

Maria V. Dobrovolskaya^{1,*}, Veronika V. Murasheva^{2,**}, Irina K. Reshetova^{1,***},
Viktoria I. Danilevskaya^{1,****}, Elena V. Dobrovolskaya^{3,*****}, Aleksandr A. Fetisov^{4,*****},
Aleksandra A. Golyeva^{5,*****}, and Olga N. Uspenskaya^{6,*****}

¹Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

²State Historical Museum, Moscow, Russia

³A.N. Severtsov Institute of Animal Ecology and Evolution RAS, Moscow, Russia

⁴State Museum of Oriental Arts, Moscow, Russia

⁵Institute of Geography RAS, Moscow, Russia

⁶All-Russian Research Institute of Vegetable Growing, Vereya, Russia

*E-mail: mk_pa@mail.ru

**E-mail: vmurasheva@mail.ru

***E-mail: reshetovairina@yandex.ru

****E-mail: viktorys08@gmail.com

*****E-mail: evdobrovolskaya@mail.ru

*****E-mail: afetisov@inbox.ru

*****E-mail: golyeva@igras.ru

*****E-mail: usp-olga@yandex.ru

The article is focused on a comprehensive study of osteological materials (archaeozoological remains and an isolated skull) from excavations on the territory of the Gnyozdovo settlement. Based on the analysis of stratigraphy and applying a set of natural science methods (archaeobotanical and bioarchaeological), the authors discuss how an isolated male skull lacking the lower jaw could end up in a midden. The peculiarities of the skull preservation suggest that it is a piece of the remains of an individual who was not given a funerary ceremony. The structure and composition of the skull filling indicate that the cranial

roof had been filled with soil before it ended up in a pit on the territory of the settlement. The features of the healed cranial injury give reason to believe that the individual was a participant in military actions. The study reconstructs and discusses features of the appearance, lifestyle, nutrition, mobility, health and possible causes of death of this individual (a man over 40 years old). According to the calibrated radiocarbon date, he lived in the 7th–8th centuries AD, i.e. before the emergence of the early urban centre of Gnyozdovo.

Keywords: Early Middle Ages, bioarchaeology, facial reconstruction, nitrogen, carbon, strontium isotope composition, mobility.

REFERENCES

- Berezina N.Ya., Buzhilova A.P., 2015. Analysis of traumatic skull injuries based on the materials from some early medieval burial grounds in Eastern Europe. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII: Antropologiya [Lomonosov Journal of Anthropology]*, 2, pp. 4–23. (In Russ.)
- Dobrovol'skaya M.V., 2023. Lifestyle according to isotopic composition of bone materials. *Arkheologiya Suzdal'skoy zemli [Archaeology of the Suzdal land]*. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 69–80. (In Russ.)
- Dobrovol'skaya M.V., Makarov N.A., Kiseleva D.V., 2024. Experience in estimating individual mobility of people from the cemeteries of the Medieval Rus population using data of isotopic analysis of tooth enamel. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 277, pp. 433–451. (In Russ.)
- Dobrovol'skaya M.V., Reshetova I.K., 2018. The landscape approach to the studies of the population of earlier ages based on Strontium isotopic data. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 252, pp. 7–14. (In Russ.)
- Dobrovol'skaya M.V., Tiunov A.V., Krylovich O.A. et al., 2020. Isotope markers of ecosystems and nutrition of the medieval rural population in the forest zone of European Russia. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 79–95. (In Russ.)
- Fetisov A.A., Kuleshov Vyach.S., 2021. Research on the terrace slope of the Central Gnyozdovo settlement in 2020. Preliminary results. *Gnezdovskiy arkheologicheskiy kompleks. Materialy i issledovaniya [Gnyozdovo archaeological complex. Materials and research]*, 2. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 382–396. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 215). (In Russ.)
- Gerasimov M.M., 1955. Vosstanovlenie litsa po cherepu: (sovremennyy i iskopaemyy chelovek) [Reconstruction of the face based on the skull (modern and fossil humans)]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 588 p.
- Hakenbeck S., McManus E., Geisler H. et al., 2010. Diet and mobility in Early Medieval Bavaria: a study of carbon and nitrogen stable isotopes. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 143, no. 2, pp. 235–249.
- Knipper C., Peters D., Meyer C. et al., 2013. Dietary reconstruction in Migration Period Central Germany: a carbon and nitrogen isotope study. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 5, pp. 17–35.
- Kosiba S.B., Tykot R.H., Carlsson D., 2007. Stable isotopes as indicators of change in the food procurement and food preference of Viking Age and Early Christian populations on Gotland (Sweden). *Journal of Anthropological Archaeology*, 26, pp. 394–411.
- Lebedinskaya G.V., 1998. Rekonstruktsiya litsa po cherepu (metodicheskoe rukovodstvo) [Facial reconstruction from the skull (methodological manual)]. Moscow: Staryy sad. 125 p.
- Linderholm A., Andersson K., Mörtz C.M. et al., 2008. An early Christian cemetery at Björned in northern Sweden. Stable isotope analyses of skeletal material. *Fornvännen. Journal of Swedish Antiquarian Research*, 103, pp. 176–189.
- Nikitin S.A., 2009. Plastic reconstruction of a portrait based on the skull. *Nekropol' russkikh velikikh knyagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremlya [Necropolis of Russian Grand Duchesses and Tsaritsas in the Ascension Monastery of the Moscow Kremlin]*, 1. Moscow: Muzei Moskovskogo Kremlya, pp. 137–167. (In Russ.)
- Novikov V.V., Shvedchikova T.Yu., Dobrova O.P., Kharlamova N.V., 2018. Excavation unit CS-V of the Central Gnyozdovo settlement. Results of archaeological investigation and complex anthropological studies. *Gnezdovskiy arkheologicheskiy kompleks. Materialy arkheologicheskikh issledovaniy [Gnyozdovo archaeological complex. Materials of archaeological research]*, 1. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 395–412. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 210). (In Russ.)
- Palmowski V., 2023. Staying there for the fishing season? Bioarchaeological reflections on diets, mobilities and identities in the Viking Age: Dissertation zur erlangung des akademischen grades Doktor der Philosophie in der Philosophischen fakultät der Eberhard Karls Universität Tübingen. Tübingen. 247 p.
- Reitsema L.J., Kozłowski T., Crews D.E. et al., 2017. Resilience and local dietary adaptation in rural Poland, 1000–1400 CE. *Journal of Anthropological Archaeology*, 45, pp. 38–52.

КОМПЛЕКСНОЕ АРХЕОГЕНЕТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В СЕВЕРНОМ СКЛЕПЕ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОБОРА В ПЕРЕСЛАВЛЕ-ЗАЛЕССКОМ

© 2025 г. Т.В. Андреева^{1,2,3,*}, Т.В. Устькачкинцева^{1,3,**}, Вл.В. Седов^{4,***},
М.В. Добровольская^{4,****}, В.И. Данилевская^{4,*****}, Е.И. Рогаев^{2,5,*****}

¹Центр генетики и генетических технологий, кафедра генетики биологического факультета,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

²Научный Центр генетики и наук о жизни, Университет «Сириус», федеральная территория «Сириус», Россия

³Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН, Москва, Россия

⁴Институт археологии РАН, Москва, Россия

⁵Медицинская школа Чан Массачусетского университета, департамент психиатрии, Шрусбери, США

*E-mail: andreeva@rogaevlab.ru

**E-mail: ysttattati@gmail.com

***E-mail: sedov1960@mail.ru

****E-mail: mk_pa@mail.ru

*****E-mail: viktorys08@gmail.com

*****E-mail: evivrecc@gmail.com

Поступила в редакцию 25.06.2025 г.

После доработки 25.06.2025 г.

Принята к публикации 30.09.2025 г.

Современные комплексные археогенетические исследования проводятся с большими массивами материалов и отдельными индивидами. Чаще всего индивидуальные исследования — это идентификация исторической личности. Значительный интерес представляет исследование погребенных, исторические сведения о которых отсутствуют, но археологический контекст погребений констатирует их высокую социальную значимость. Комплексное исследование такого погребения — цель этой статьи. Во время архитектурно-археологических раскопок в 2020 г. в Спасо-Преображенском соборе и около него в Переславле-Залесском (руководитель Вл.В. Седов) в северной части собора был открыт белокаменный саркофаг и погребение в нем. Погребение в саркофаге V принадлежит значительному лицу, что видно из самого расположения его внутри собора, а также из сооружения для него белокаменного саркофага. Саркофаг V можно датировать XIV–XV вв., то есть временем до появления настоящих антропоморфных саркофагов, у которых с внешней стороны выражены скругленные или прямоугольные плечи. Скелетные останки хорошей сохранности, но неполной комплектности принадлежат мужчине в возрасте около 50 лет с признаками возрастных изменений. По результатам геномного анализа было показано смешанное происхождение индивида. Это может быть результатом заключения браков между представителями генетически различных групп населения, что характерно для средневековых элит. Наиболее вероятное происхождение его предков, по результатам анализа аутосомных маркеров и мтДНК, может быть связано с аланскими группами и со средневековым населением запада Балканского полуострова. Выявленные нами вероятные близкородственные связи его родителей ожидаемы для аристократии.

Ключевые слова: белокаменный саркофаг, древнерусская элита, индивидуальный геном.

DOI: 10.7868/S3034577425040101

Саркофаг V: обстоятельства обнаружения, особенности, датировка. Во время архитектурно-археологических раскопок в Спасо-Преображенском соборе и около него в Переславле-Залесском, проведенных в 2020 г. (руководитель — Вл.В. Седов), в северной части собора в шурфе 9 был открыт белокаменный саркофаг и погребение в нем. Данная работа посвящена как саркофагу, в

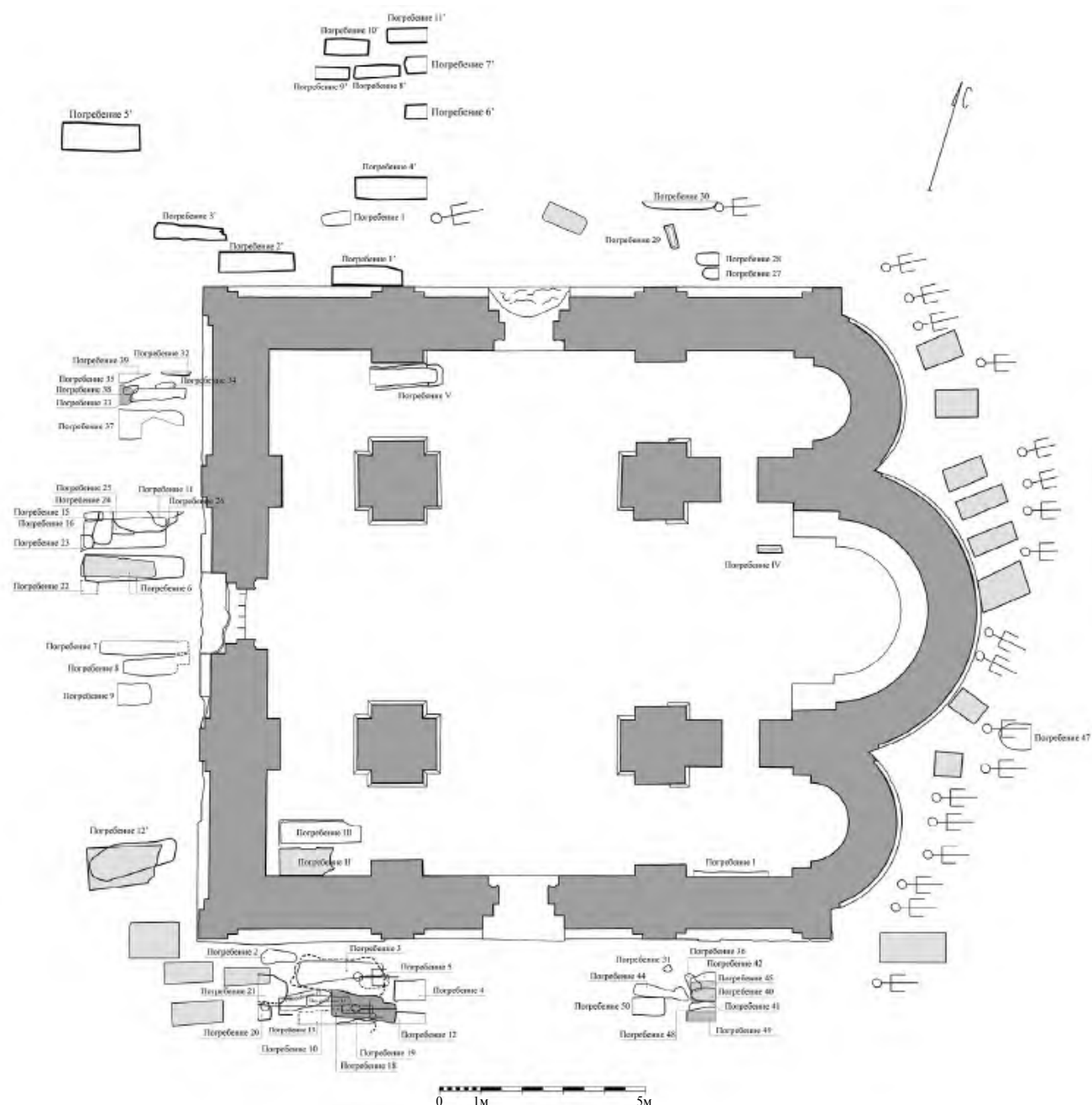

Рис. 1. План погребений в Спасо-Преображенском соборе и около него в Переславле-Залесском

Fig. 1. A plan of burials in and around the Transfiguration Cathedral in Pereslavl-Zalessky

котором было найдено погребение, так и анализу останков погребенного в саркофаге лица.

Шурф 9 был разбит внутри северной части собора, сооруженного в середине XII в., между северо-западным подкупольным столбом и отвечающей ему лопаткой на южной стороне северной стены (рис. 1). Поверхность здесь в северной части была выстлана малыми белокаменными плитками недавнего времени (1980-е годы?), а на

большей части шурфа располагались достаточно крупные белокаменные плиты пола конца XIX в.

Сначала раскапывалась юго-западная часть шурфа, где грунт был выбран до отметки -201 см (верх ленточного валунного фундамента, идущего от северо-западного подкупольного столба к северной стене); кроме того, восточнее ленты грунт был выбран до отметок -212 – -215 см, где в северной части обнаружился слабогумусированный песок,

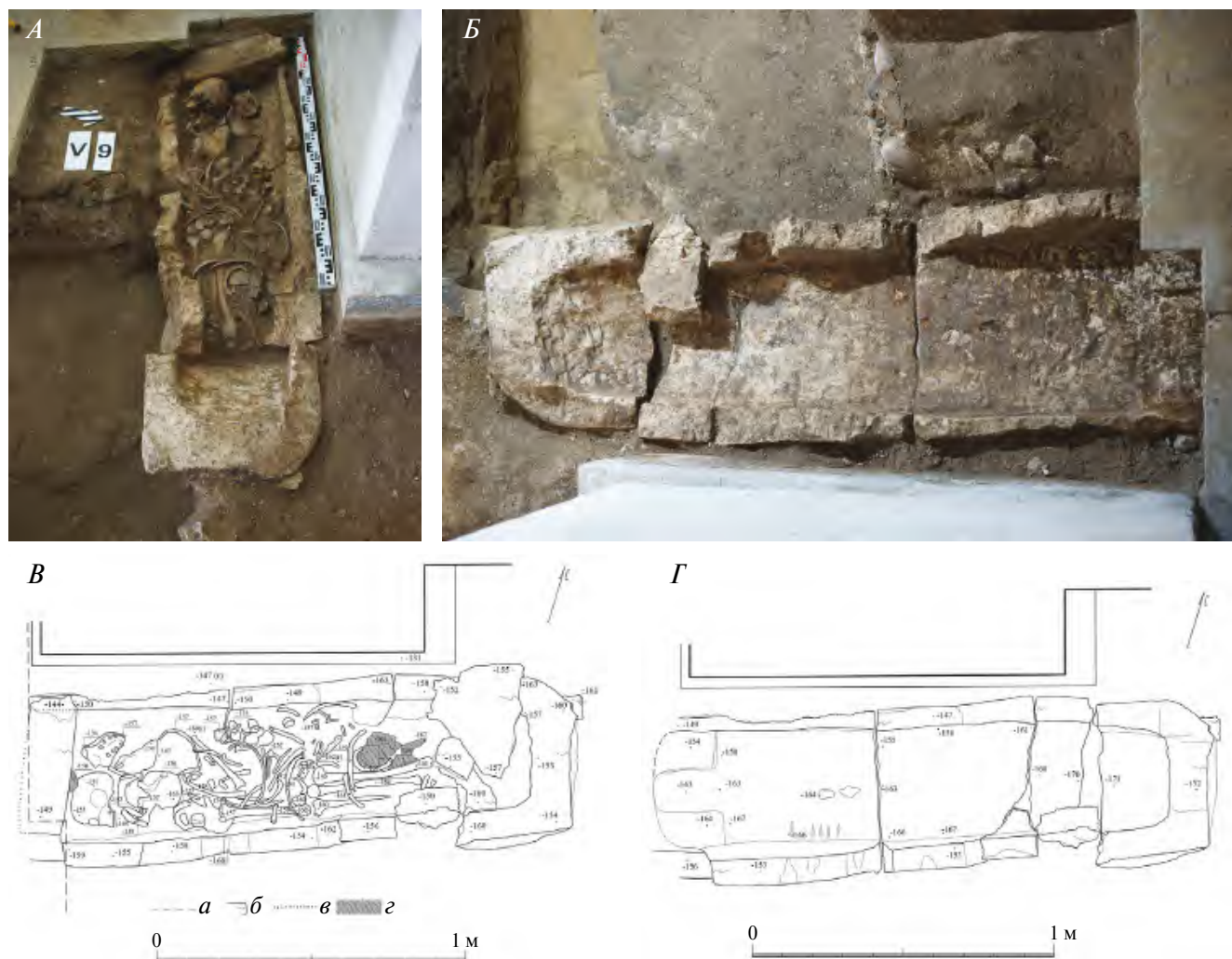

Рис. 2. Саркофаг V и погребение: А — вид с востока; Б — саркофаг V после снятия погребения и поздней плиты, вид сверху; В — план погребения в саркофаге V; Г — саркофаг V, план после расчистки. Условные обозначения: а — плиты пола; б — белый камень; в — реконструируемые части саркофага; г — металлические предметы

Fig. 2. Sarcophagus V and the burial in it

а в южной — материковый песок. В северной части шурфа были обнаружены стенки поломанного, но лежащего *in situ* белокаменного саркофага без крышки, утраченной во время дореволюционных реставрационных работ или каких-то еще более поздних вмешательств. Однако заполнение саркофага казалось нетронутым. Для того чтобы расчистить этот саркофаг, было решено снять мелкие плитки в северной части шурфа, которые и прикрывали это каменное изделие, частично уже раскрытое в верхней части в 2006 г. инженером-реставратором А.С. Рыбниковым, но покрытое впоследствии новым полом. Затем саркофаг был почти полностью раскрыт от заполнявшего его гумусированного песчаного грунта с включениями строительного мусора.

Раскрытое в саркофаге погребение сохранило последовательность скелета, вытянутого в горизонтальном положении (рис. 2, А, В), однако часть костей, несомненно, перемещалась: если бедренные части лежали на месте, то кости таза были перемещены к голове, положение рук установить было трудно, ребра были смещены к животу, а часть их была расположена в области ног. Между тем череп, покоившийся в правой части саркофага, находился, видимо, на месте. В восточной части погребения обнаружено несколько пластинчатых железных предметов и поливная плитка пола.

После снятия расчищенного погребения стало возможным изучение белокаменного саркофага (рис. 2 Б, Г). Его западная стена не была

первоначальной: у головы располагался довольно толстый (16 см) блок длиной 45 см, вертикально вставленный в западной части саркофага. Боковые стенки саркофага толщиной 8–10 см плавно сужались к востоку (от 65 до 50 см), с востока сохранилась торцовая стенка, сделанная как дно, боковые стенки и весь саркофаг из одного блока. Толщина восточной стенки 14 см. Дно саркофага почти ровное, лишь слегка углубляющееся. Саркофаг расколот в поперечном направлении на четыре части, стенки обломаны сверху. В западной части после снятия поперечной вставленной плиты обнаружилось сужение для головы. Общая длина саркофага – 180 см.

После того, как западная торцовая плита, вставленная в этом месте определенно после сооружения саркофага, была убрана, стало возможным изучение углубления для головы, сделанного в толстом и округлом с внешней стороны западном окончании саркофага: здесь при теске саркофага было сделано углубление шириной 15 см и глубиной около 25 см. То есть внешне это не был антропоморфный саркофаг, тогда как внутри углубление для головы делало его антропоморфным. Каменной подушки под голову в саркофаге не было.

Саркофаг во время его водружения на данное место был поставлен на фундаментную ленту, на которой было сделано деревянное основание для каменного гроба. Погребение в саркофаге V принадлежит значительному лицу, что видно из самого расположения его внутри собора, а также из сооружения для него белокаменного саркофага. Это погребение, думается, позже княжеских, расположенных в южном нефе собора, кроме того, саркофаг V сделан позже двух княжеских саркофагов трапециевидной формы, относящихся к концу XIII – началу XIV в. Этот саркофаг можно охарактеризовать как переходный: внешне он еще напоминал ранние саркофаги с прямыми стенками и без полукруглого окончания, но внутри он имеет уже высеченное оглавье, что может говорить о постепенном переходе к антропоморфному саркофагу. Саркофаг V можно датировать XIV–XV вв., то есть временем до появления настоящих антропоморфных саркофагов, у которых с внешней стороны выражены скругленные или прямоугольные плечи (Беляев, 2018). Этим же временем следует датировать и погребение в саркофаге. Однако оно перекладывалось, вероятнее всего, тогда, когда западное окончание саркофага разрушилось и была изготовлена и вставлена плита, заменившая западную стенку. Это погребение могло принадлежать

какому-то важному лицу, например воеводе Переславы-Залесского, в начале XIV в. доставшего Московскому княжеству и с этих пор управлявшегося из Москвы.

Характеристика скелетных останков. Останки погребенного отличались хорошей сохранностью костной ткани, что часто встречается в ситуациях отсутствия контакта между телом и грунтом, а также обуславливается стационарными условиями влажности и температуры. Комплектность скелета довольно полная: сохранились череп с нижней челюстью, парные ключицы и парные лопатки, полный позвоночный столб и таз, включая крестец и парные тазовые кости, парные плечевые, кости предплечья правой стороны, парные бедренные, парные кости голеней, разрозненные ребра. Кости кистей отсутствуют, кости стоп представлены только правой таранной и левой пяточной. Можно предполагать, что недостающие части скелета были утрачены при перекладывании останков в саркофаг.

Все швы на черепе закрыты полностью, состояние лобкового симфиза соответствует возрасту 45+, грудинных концов ребер – возрасту около 50 лет (Методика..., 2020), стертость зубов слабая. Рельеф на черепе и форма тазовых костей позволяют с уверенностью судить о принадлежности индивида к мужскому полу. Итак, в саркофаге находились останки мужчины в возрасте около 50 лет.

Сохранность и комплектность позволила провести некоторые измерения по классическим методикам с использованием измерительных антропологических инструментов (GPM, Швейцария) в ЦКП ИА РАН (Алексеев, Дебец, 1961, Алексеев, 1966) (табл. 1, 2). Череп сохранился полностью (рис. 3).

Краниологический облик индивида может быть описан как гипербрахикранный, средне-высокий, с малым продольным и очень большим поперечным диаметрами черепа. Лицевой скелет характеризуется средними пропорциями при средних размерах высоты и ширины лица, очень широким лбом, высоким и узким носом, гипсиконхными глазницами при большой высоте и средней ширине орбит, значительной профилировкой в верхней части лица и умеренной – в средней, значительными дакриальными и симметрическими указателями. Вероятно, значительным выступанием носа. К сожалению, носовые кости частично пострадали, что не позволило измерить угол выступления носа (рис. 3, А). Подобное сочетание особенностей позволяет судить

Таблица 1. Измерения черепа индивида из саркофага V
Table 1. Skull measurements of the individual from sarcophagus V

Параметр	Размер, мм
1. Продольный диаметр	177
8. Поперечный диаметр	157.5
17. Высотный диаметр	134
5. Длина основания черепа	103
9. Наименьшая ширина лба	98.5
10. Наибольшая ширина лба	129
20. Ушная высота	110
11. Ширина основания черепа	127
45. Скуловая ширина	135
40. Длина основания лица	94
48. Верхняя высота лица	69.5
47. Полная высота лица	116.5
43. Верхняя ширина лица	104
46. Средняя ширина лица	89.5
60. Длина альвеолярной дуги	55.5
61. Ширина альвеолярной дуги	63
62. Длина неба	43
63. Ширина неба	34.5
55. Высота носа	54.5
54. Ширина носа	23
51. Ширина глазницы от mf	40.5
52. Высота орбиты	36.5
77. 95 - 21	132.3
^Zm	131.1
DC	20.5
DS	13
SC	11
SS	7
Индекс	Значение
8:1 продольно-поперечный	88.98
17:1 высотно-продольный	77.40
47:45 общий лицевой	86.29
52:51 орбитный максилло-фронтальный	90.12
54:55 носовой	42.2
DS:DC дакриальный	63.41
SS:SC симотический	63.63

о ярко выраженных европеоидных чертах; индивиды подобного облика с большой вероятностью могут быть встречены в Юго-Восточной Европе, восточном Средиземноморье. Индивидуальная типологизация не применима к краниологическим

материалам, поэтому приведенные замечания носят иллюстративный характер.

Были измерены продольные размеры трубчатых костей конечностей (табл. 2). Реконструированная длина тела просчитана как суммарная по всем измеренным костям согласно нескольким методикам. Как известно, реконструированная длина тела может только приблизительно характеризовать этот признак, поэтому наиболее вероятно, что рост индивида в более ранние годы несколько превышал 160 см.

На скелете можно отметить некоторые биологические особенности: крестец имеет дополнительный сегмент (рис. 3, *Б*), вторые верхние резцы были малых размеров, сильно отличались от первых верхних резцов. Это фенотипическое своеобразие позволяет предполагать ограниченный круг брачных связей, в среде которых был рожден этот индивид. Проявлений инфекционных заболеваний и травм на скелете не отмечено. Зубной ряд полностью сохранен, присутствия кариеса не обнаружено.

Состояние позвоночного столба позволяет судить о сильно выраженной сутулости человека (рис. 3, *Б*), обусловленной, скорее всего, возрастным фактором. Усилен грудной кифоз по типам «холка медведя» или «горб буйвола», что характерно для людей в возрасте старше 60 лет (Орел, Семенова, 2022. С. 33). По причине сутулости рост индивида был несколько меньше того, что мы получили при расчетах по длинам отдельных костей конечностей.

В целом облик погребенного представляется своеобразным: прекрасное состояние зубной системы — крайне редкое для средневековья — позволяет судить как о благополучных условиях детства и последующей жизни, так и, возможно, о наследственности, обеспечившей это состояние здоровья. Яркая внешность «южанина» в сочетании со специфической осанкой, вероятно, производили запоминающееся впечатление.

Геномный анализ. Для выделения ДНК использовали фрагмент зуба. ДНК выделяли в соответствии с ранее описанным протоколом (Andreeva et al., 2022). Оценку качества ДНК проводили на приборе Agilent Bioanalyzer 2100 с использованием набора реагентов High Sensitivity DNA chip («Agilent»). Выделенная ДНК была использована для приготовления фрагментной геномной библиотеки по методике, основанной на использовании одноцепочечной ДНК (Gansauge et al., 2017). Приготовленную библиотеку секвенировали на платформе Illumina HiSeq 2500 в режиме одноконцевых прочтений.

Таблица 2. Продольные размеры трубчатых костей конечностей и реконструированная длина тела индивида из саркофага V

Table 2. Longitudinal dimensions of the tubular bones of the limbs and reconstructed body length of the individual from sarcophagus V

Кости	Плечевая		Локтевая	Лучевая	Бедренная		Большеберцовая	
	правая	левая	правая	правая	правая	левая	правая	левая
Наибольшая длина, мм	314	310	251	228	418	418	347	346
Физиологическая длина, мм	311	304	218	215	416	417	344	342

Длина тела по Троттеру и Глезеру для европейцев **166.17 см**

Длина тела по Мануврике **160.56 см**

Длина тела по Дюпертюи и Хэддену для европейцев **167.04 см**

Рис. 3. Индивид из саркофага V: А — череп, фронтальная норма, Б — крестец, вид спереди; В — позвоночный столб с проявлениями возрастной сутулости.

Fig. 3. The individual from sarcophagus V

Для удаления адаптерных последовательностей в полученных в результате секвенирования коротких прочтениях использовали AdapterRemoval v2 (Schubert et al., 2016). Для дальнейшего анализа использовали прочтения длиной более 30 нуклеотидов. Их картировали на референсный геном человека (сборка hg19/GRCh37) и референсную митохондриальную последовательность человека (rCRS, NC_012920.1; Anderson et al., 1981) с помощью программы BWA с параметрами, оптимизированными для картирования коротких прочтений древней ДНК (Li, Durbin, 2009). Оценку аутентичности древней ДНК проводили с использованием MapDamage v.2.2.1 (Jónsson et al., 2013). Для определения уровня контаминации по мтДНК использовали программу ContamMix (Fu et al., 2013), уровень контаминации по X-хромосоме проводили с помощью программного пакета ANGSD (Korneliussen et al., 2014). Генетический пол исследованного образца определяли по соотношению среднего покрытия половых хромосом (отдельно X и Y) к среднему покрытию аутосом. Для оценки использовали прочтения с качеством картирования (MQ) больше 30.

Для определения митохондриальной гаплогруппы использовали Haplogrep2 (Weissensteiner et al., 2016). Выявленные маркеры митохондриальной гаплогруппы дополнительно проверяли по базам данных Phylotree build 17 (Van Oven, Kaysler, 2009) и Yfull MTtree (MTtree 1.02.22956 (16 May 2025)). Поиск последовательностей мтДНК как современных, так и древних индивидов проводили в базах данных NCBI (GenBank), Allen Ancient DNA Resource (AADR) (Mallick et al., 2024), Yfull-MTtree (YFull – MTtree 1.02) и AmtDB. Для поиска и отбора последовательностей в базе данных NCBI использовали сервис BLAST с указанием критериев Query cover – 100% и Percent Identity не ниже 99,98%. Для построения филогенетического дерева применяли программу mtPhyl (eltsov.org), основанную на методе максимального правдоподобия.

Для анализа геномных маркеров с помощью программы PileupCaller с параметром «--randomHaploid» (<https://github.com/stschiff/>) получали псевдогаплоидные генотипы, соответствующие панели AADR (version v54.1.p1), включающей 1240 тыс. генетических маркеров (Mallick et al., 2024). Популяционный анализ проводили с использованием метода главных компонент (PCA). Для этого исследованный образец был спроецирован на генетическую вариабельность 2775 представителей

80 современных европейских и кавказских популяций из панели Human Origin (Lazaridis et al., 2016). Анализ PCA проводили с использованием smartpca из программного пакета EIGENSOFT (Patterson et al., 2006). Анализ предковых компонент проводили с использованием программы ADMIXTURE v.1.3.0 (Alexander et al., 2009). В анализе использовали только транзиции. Сцепленные варианты, а также непалиморфные сайты удаляли с использованием PLINK v1.9 (Purcell et al., 2007). Для выбора количества компонент проводили анализ для количества компонент (K) от 2 до 12. Дальнейший анализ проводили для K=8, характеризующемся минимальной ошибкой перекрестной проверки (CV-error), при котором детектируются базовые предковые компоненты, а также возможно разделение древне-сибирской и восточно-азиатской компонент. Визуализацию проводили в R (версия 4.2.3) с помощью пакета ggplot2 (Wickham, 2016).

Для оценки генетического сходства с древними популяциями проводили расчет f_4 -статистики. Псевдогаплоидные генотипы для панели 1240 тыс. генетических маркеров для популяций, включенных в анализ, были получены из базы данных AADR (version v54.1.p1). Для расчета использовали программные пакеты ADMIXTOOLS v.7.0.1 (Patterson et al., 2012) и admixr v.0.9.1 (Petr et al., 2019). При расчете использовали параметр «inbreed=YES». В анализ включали средневековые группы с территории Европы и Кавказа, содержащие не менее трех индивидов. Визуализацию результатов выполняли с помощью пакета R/4.2.3 (R: A Language..., 2021).

Для поиска протяженных гомозиготных участков в геноме использовали программу hapROH (Ringbauer et al., 2021). Анализ вероятного родства с ранее опубликованными средневековыми индивидами с территории Древней Руси, из захоронений Старой Ладogi, Пскова и Гнездово (Margarayan et al., 2020), проводили с помощью программы READv2 (Alacamli et al., 2024). Анализ участков ДНК, унаследованных от общих предков (IBD, Identity by Descent), позволяющий определить существование общих предков, имеющих родство до 6-7 степени, проводили с использованием программы ancIBD (Ringbauer et al., 2024). В анализ дополнительно был включен представитель княжеского рода Рюриковичей – сын князя Александра Невского Дмитрий Александрович (обозначен далее Nev2_3), который также был погребен в Свято-Преображенском соборе Переславля-Залесского.

Таблица 3. Статистика по результатам секвенирования ДНК и гаплогруппы мтДНК и Y-хромосомы**Table 3.** DNA sequencing statistics, mtDNA and Y-chromosome haplogroups

Число прочтений	Доля прочтений, картированных на геном человека	Уровень контаминации по мтДНК*	Уровень контаминации по X-хромосоме	Среднее покрытие генома	Среднее покрытие мтДНК	Генетический пол	Гаплогруппа мтДНК	Гаплогруппа Y-хромосомы
252868371	75.95%	3.2%	3.6%	x1.7	x59.4	М	H28c	N1a~

* Определена с использованием программы contamMix (Fu et al., 2013)

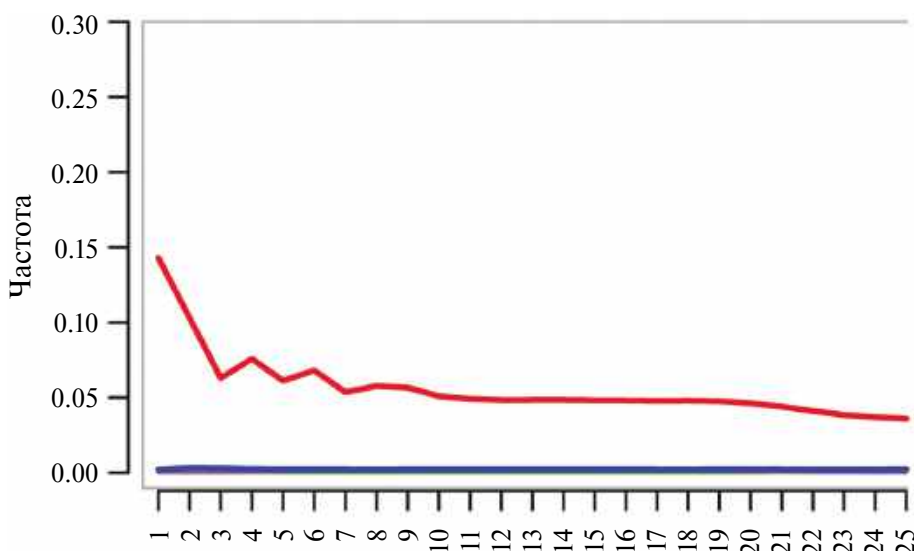

Рис. 4. Профиль нуклеотидных замен, полученный с помощью программы mapDamage2 (Jónsson et al., 2013) для прочтений, картированных на геном человека (красной линией обозначены специфичные для древней ДНК замены С>Т).

Fig. 4. Nucleotide substitution profile obtained using mapDamage2 (Jónsson et al., 2013) for reads mapped to the human genome (the red line indicates ancient DNA-specific C>T substitutions)

В результате геномного секвенирования ДНК индивида (далее обозначен Pereslavl) было получено более 250 млн коротких прочтений, из которых 75.9% были картированы на референсный геном человека (табл. 3).

Повышенная частота замен С → Т на концах фрагментов ДНК, (рис. 4) свидетельствует об аутентичности исследованного образца ДНК. Среднее геномное покрытие составило x1.7, были определены 764795 вариантов из панели 1240 тыс. маркеров AADR. Уровень контаминации, оцененный по мтДНК, не превышает 4%. Анализ показал, что исследованный образец принадлежит индивиду мужского пола, что соответствует антропологическим данным.

Популяционный анализ, проведенный с использованием метода главных компонент (PCA) показал промежуточное положение исследуемого индивида между современными образцами Европы и Кавказа вне генетических кластеров какой-либо популяционной группы, что предполагает его вероятное смешанное происхождение (рис. 5, А). На плоте PCA образец Pereslavl смещен от современных европейских групп к

кластеру кавказских популяций. Следует отметить заметное отличие данного индивида от всех ранее исследованных древнерусских образцов, включая образцы из могильников Гнездово, Старой Ладogi, Пскова, Владимира (Сунгирь), Чернигова и др.

Анализ методом ADMIXTURE, который позволяет выявить в генетическом профиле предковые компоненты, формирование которых может происходить задолго до эпохи жизни исследуемого индивида, определил присутствие в генетическом профиле образца из Спасо-Преображенского собора трех основных предковых компонент (рис. 5, Б), максимальное содержание которых характерно для восточноевропейских охотников-собирателей (представлены группой Russia_Karelia_HG), европейских (Turkey_N) и иранских (Iran_GanjDareh_N) неолитических фермеров. Данный профиль отличается от других древнерусских образцов присутствием значительной доли компонента иранских неолитических групп и не имеет сходных среди ранее исследованных образцов.

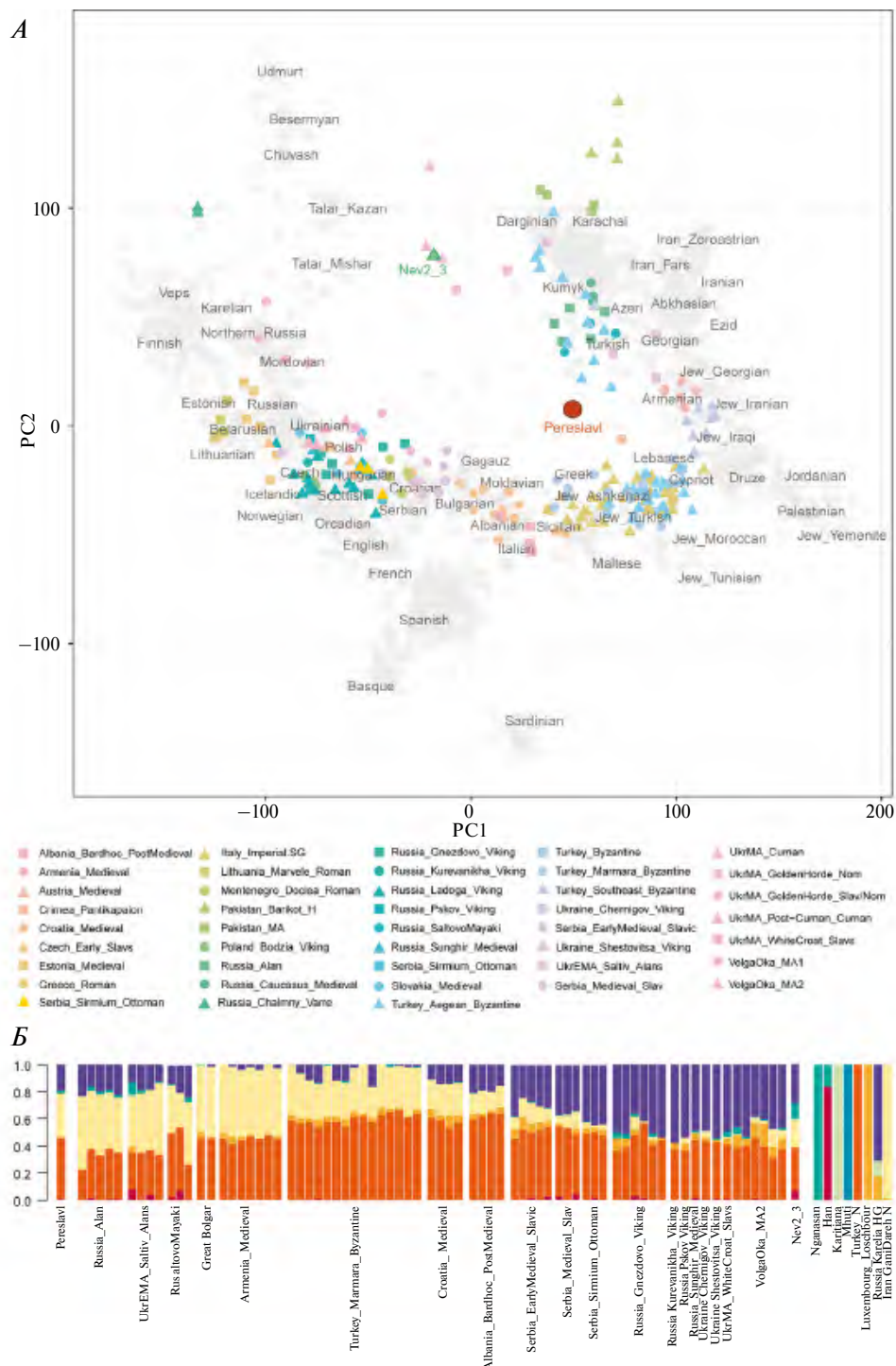

Рис. 5. Проекция исследованного образца (Pereslavl) и средневековых групп Европы (цветные значки) на первые две главные компоненты (PC1 и PC2) генетической вариабельности современных популяций Европы и Кавказа (серые точки) (А); результаты ADMIXTURE-анализа (K=8) образца Pereslavl и отдельных древних групп, которые потенциально могли являться предковыми для исследованного образца (Б). Справа приведены образцы из групп, в которых каждый предковый компонент представлен в максимальной пропорции (Nganasan, Han, Karitiana, Mbuti, Turkey_N, Luxembourg_Loschbour, Russia_Karelia_HG, Iran_GanjDareh_N); Nev2_3 - образец Дмитрия Александровича, захороненного в том же соборе (Жур и др., 2023); обозначения современных и древних групп приведены в соответствии с базой данных AADR (Mallick et al., 2024).

Fig. 5. Projection of the studied sample (Pereslavl) and medieval European groups (colored icons) onto the first two principal components (PC1 and PC2) of genetic variability in modern populations of Europe and the Caucasus (gray dots) (A); results of ADMIXTURE analysis (K=8) of the Pereslavl sample and individual ancient groups that could potentially be ancestral to the studied sample (B)

Наибольшее сходство, но далеко не полное, наблюдается с группами и образцами, имеющими аланское происхождение (Russia_Alan, UkrEMA_Saltiv_Alans и Russia_SaltovoMayaki), однако доля неолитического компонента анатолийских (европейских) фермеров в образце из Переславля заметно выше, чем в исследованных группах аланского происхождения. Кроме того, на PCA плоте он смещен от аланских групп в сторону европейских популяций, что позволяет предположить вклад от средневековых групп носителей высокой доли анатолийского компонента, среди которых могут быть средневековые жители территорий, соответствующих современным Армении, Турции, Греции, а также средневековое население отдельных регионов восточного побережья Адриатики (территории современных Албании и Хорватии).

Для определения средневековых групп, которые могли быть предковыми для исследованного индивида, мы провели анализ с использованием f_4 -статистики в форме f_4 (Pereslavl, Mbuti; MA1, MA2), где MA1 и MA2 – протестированные средневековые популяции с территории Европы и Кавказа, включающие группы (1) с территории современной Армении, Турции, (2) с территории Древней Руси и (3) с территории Балканского полуострова. Положительные значения

f_4 -статистики свидетельствуют о вероятном потоке генов между группой MA1 и образцом из Переславля, отрицательные значения – о вероятном потоке генов между MA2 и образцом из Переславля. В анализе использовали только транзиции, чтобы избежать смещенных оценок, связанных с постмортальными мутациями. В результате проведенного анализа (рис. 6) было обнаружено, что образец из Переславля имеет значимо меньшее число общих аллелей ($|Z| > 3$) со всеми группами с территории Армении и Турции при сравнении как с большинством древнерусских образцов, так и с группами аланского происхождения, что предполагает сравнительно небольшой вклад анатолийских популяций в генетический профиль исследуемого индивида либо его отсутствие. Статистически значимо большее число общих аллелей выявлено между образцом из Переславля и средневековыми группами с Балканского полуострова (Albania_Bardhoc_PostMedieval, Montenegro_Doclea_Roman). Кроме того, положительные значения f_4 -статистики позволяют предположить вклад групп потенциально связанных с раннеславянскими и/или скандинавскими группами (Serbia_EarlyMedieval_Slavic, Serbia_Sirmium_Ottoman, Gnezdovo, Ladoga, VolgaOka_MA2). В целом результаты f_4 -статистики подтверждают, что

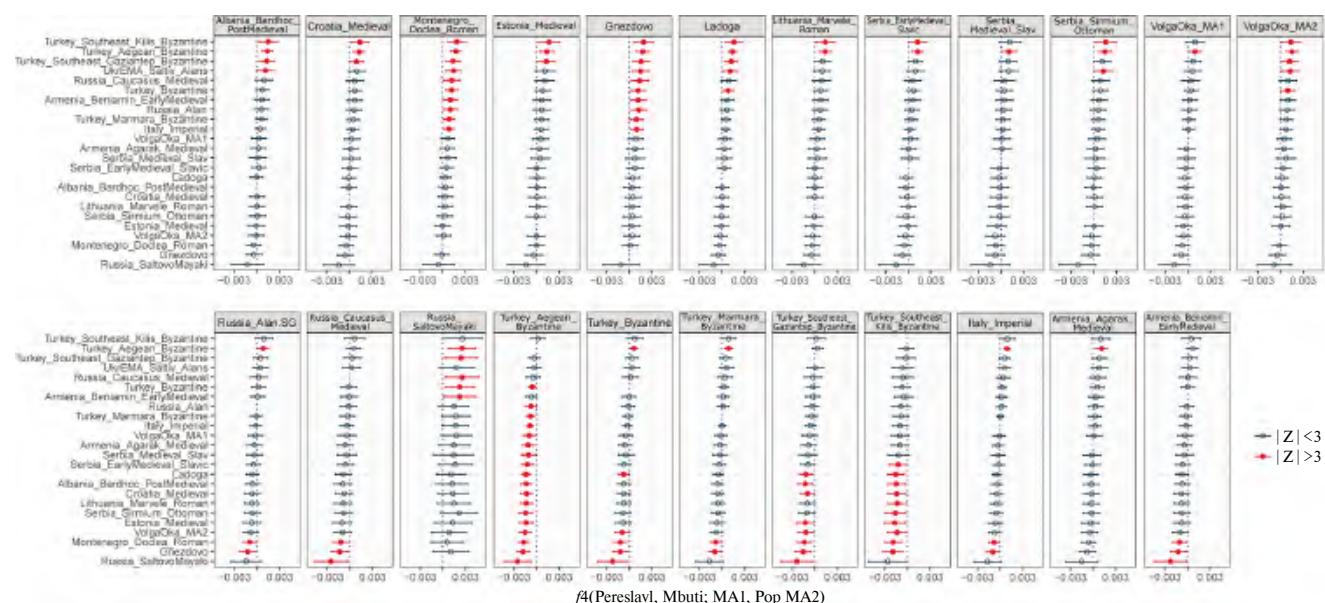

Рис. 6. Результаты f_4 -статистики в конфигурации f_4 (Pereslavl, Mbuti; MA1, MA2), где MA1 и MA2 – протестированные средневековые популяции с территории Европы и Кавказа (статистически достоверные значения ($|z| > 3$) отмечены красным; обозначения древних групп приведены в соответствии с базой данных AADR (Mallick et al., 2024)).

Fig. 6. Results of f_4 -statistics in the f_4 configuration (Pereslavl, Mbuti; MA1, MA2), where MA1 and MA2 are the tested medieval populations from Europe and the Caucasus (statistically significant values ($|z| > 3$) are shown in red; the designations of the ancient groups are given in accordance with the AADR database (Mallick et al., 2024))

предки изучаемого индивида представляли собой генетически различные группы восточной и юго-восточной Европы. Незначительный вклад населения Древней Руси в генетический профиль исследуемого нами образца также нельзя исключить, хотя представляется затруднительным отделение этого генетического компонента от населения Юго-Восточной Европы.

Последовательность митохондриальной ДНК исследуемого индивида принадлежит гаплогруппе H28с, являющейся одной из ветвей наиболее распространенной в Западной Евразии гаплогруппы H. В открытых базах данных выявлены три последовательности мтДНК, относящиеся к гаплогруппе H28с, две из них — у современных жителей Сардинии и одна — у современного представителя армян, проживающих на северо-востоке Турции (рис. 7). В обширной базе данных FamilyTreeDNA присутствует только один носитель этой гаплогруппы, имеющий иранское происхождение. Таким образом,

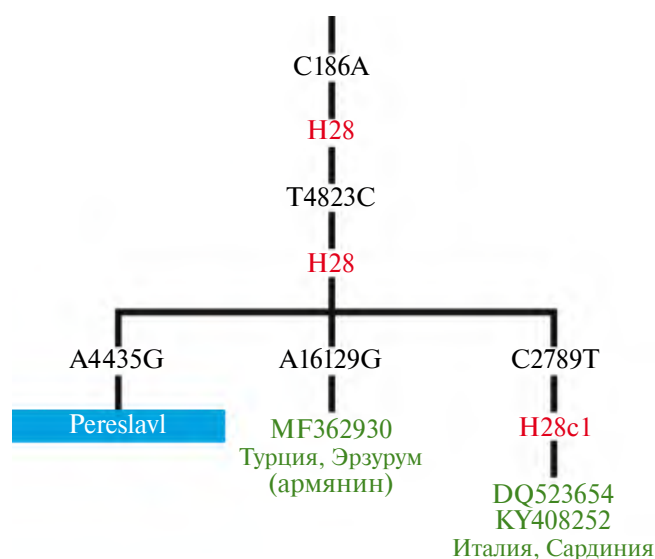

Рис. 7. Фрагмент филогенетического дерева гаплогруппы мтДНК H28с, полученного с помощью программы mtPhyl и полных последовательностей мтДНК (Pereslavl — исследуемый средневековый образец; для современных образцов указан идентификационный номер и географическая/этническая принадлежность; гаплогруппы указаны красным; для нуклеотидных замен представлены позиции и соответствующие замены).

Fig. 7. A fragment of the phylogenetic tree of mtDNA haplogroup H28c obtained with mtPhyl programme and complete mtDNA sequences (Pereslavl is the studied medieval sample, for modern samples, the identification number and geographic/ethnic affiliation are indicated; haplogroups are shown in red; for nucleotide substitutions, positions and corresponding substitutions are presented)

данная митохондриальная гаплогруппа является очень редкой, не выявлена на территории восточной Европы и встречается у жителей юга Европы, Анатолии и Ирана. Это позволяет предположить происхождение материнской линии исследуемого индивида из перечисленных регионов Евразии, что соответствует результатам анализа его генетического профиля по аутосомным маркерам. В связи с низким покрытием Y-хромосомы, принадлежащей гаплогруппе N1a, нам не удалось выявить достаточное для однозначного определения Y-гаплогруппы число маркеров, данный анализ требует более глубокого геномного секвенирования для получения дополнительных геномных данных.

Анализ генетического родства, проведенный с использованием программы READv2, позволяющей определять родственные связи до 3-ей степени родства, не показал связей индивида из саркофага с каким-либо из исследованных ранее средневековых индивидов с территории древней Руси, включая предполагаемого Глеба Святославовича (Margaryan et al., 2020) и Дмитрия Александровича (Жур и др., 2023). Также не было выявлено протяженных общих хромосомных сегментов (IBD-сегментов), что свидетельствует об отсутствии дальних родственных связей (до 6-7 степени) данного индивида с исследованными ранее образцами.

Фенотипические особенности скелета, описанные выше, позволили предположить возможные близкородственные браки среди предков исследованного нами индивида. Для проверки этой гипотезы мы провели поиск гомозиготных участков генома (runs of homozygosity, ROH) и обнаружили такие протяженные участки на семи хромосомах (максимальная длина — 22 сМ) (рис. 8). Распределение длин гомозиготных локусов показывает, что родители индивида являются родственниками друг другу не далее чем шестой степени родства (second cousins), что предполагает присутствие у родителей индивида общего предка (прадеда или прабабушки).

Исследование погребенного в саркофаге V Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском поставило нас перед сложной задачей: провести исследование, которое вряд ли увенчается идентификацией конкретной исторической личности, во всяком случае, в ближайшее время. Тем не менее представительный саркофаг, повторное размещение останков в нем, особенности внешнего облика и физического габитуса этого человека позволяют нам судить о жизни и происхождении человека из

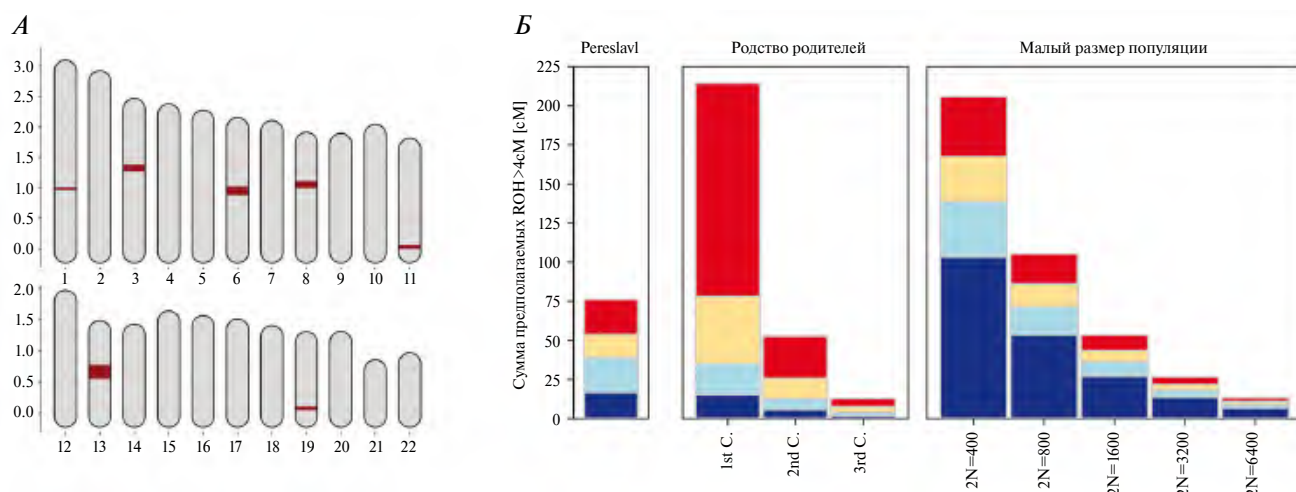

Рис. 8. Распределение предполагаемых гомозиготных участков длиной более 4 см (ROHs) на хромосомах (А) и в виде вертикальными столбиков (В), сгруппированных по длине: 4–8 cM (темно-синий), 8–12 cM (светло-голубой), 12–20 cM (желтый) и более 20 cM (красный). Ожидаемые распределения длин ROH для конкретных родительских отношений и демографических сценариев показаны на панелях «Родство родителей» (1st C. — первые кузины, 2nd C. — вторые кузины, 3rd C. — третьи кузины) и «Малый размер популяции» (2N — размер популяции).

Fig. 8. Distribution of predicted regions of homozygous areas greater than 4 cm (ROHs) on chromosomes (А) and as vertical bars (В) grouped by length: 4–8 cM (dark blue), 8–12 cM (light blue), 12–20 cM (yellow), and over 20 cM (red). Expected distributions of ROH lengths for specific parental relationships and demographic scenarios are shown in the Parental Relationship (1st C. — first cousins, 2nd C. — second cousins, 3rd C. — third cousins) and Small Population Size (2N is the population size panels)

знати, вероятно, светской; персоны, социально значимой для своих современников и их потомков. Накопление подобной генетической информации со временем создаст корпус данных о представителях древнерусских элит и, возможно, позволит увидеть неизвестные до последнего времени связи внутри этого ограниченного социальными нормами круга.

По результатам геномного анализа было показано смешанное происхождение индивида. Это может быть результатом заключения браков между представителями генетически различных групп населения, что характерно для средневековых элит. Наиболее вероятное происхождение его предков по результатам анализа аутосомных маркеров и мтДНК может быть связано с аланскими группами и со средневековым населением запада Балканского полуострова. Мы не выявили прямых родственных связей данного индивида с представителем древнерусской элиты — князем Дмитрием Александровичем из рода Рюриковичей, захороненным в том же соборе. Обнаруженные нами вероятные близкородственные связи его родителей ожидаемы для аристократии, из среды которой он мог происходить.

Исследования саркофага и скелетных останков выполнены в рамках НИОКТР 124050700063-0 (Добровольская М.В., Седов В.В., Данилев-

ская В.И.); геномные данные получены в рамках Программы «Историческая генетика Северо-Западной Евразии» при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации № 124051500047-9 (ТВА).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В.П. Остеометрия: методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 129 с.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Беляев Л.А. К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV–XVII // Краткие сообщения Института археологии. 2018. Вып. 252. С. 219–232.
- Жур К.В., Шарко Ф.С., Седов В.В., Добровольская М.В., Волков В.Г., Максимов Н.Г., Сеславин А.Н., Макаров Н.А., Прохорчук Е.Б. Рюриковичи: первый опыт реконструкции генетического облика правящего рода средневековой Руси по данным палеогеномики. Acta Naturae. 2023. Т. 15. № 3. С. 50–65.
- Методика работы с палеоантропологическими материалами в полевых условиях / Отв. ред. М.В. Добровольская. М.: ИА РАН, 2020 (Методика полевых археологических исследований; вып. 11). 112 с.: ил.
- Орел А.М., Семенова О.К. Возрастной тренд изменений позвоночника // Российский остеопатический журнал. 2022. Вып. 3. С. 33–44. DOI 10.32885/2220-0975-2022-3-33-44.

- Alacamli E., Naidoo T., Güler M.N. et al.* READv2: advanced and user-friendly detection of biological relatedness in archaeogenomics // *Genome Biology*. 2024. Vol. 25. 216. DOI 10.1186/s13059-024-03350-3.
- Alexander D.H., Novembre J., Lange K.* Fast model-based estimation of ancestry in unrelated individuals // *Genome Research*. 2009. Vol. 19. P. 1655–1664. DOI 10.1101/gr.094052.109.
- AmtDB [Электронный ресурс]. URL: <https://amtdb.org/> (дата обращения: 21.05.2025).
- Anderson S., Bankier A., Barrell B. et al.* Sequence and organization of the human mitochondrial genome // *Nature*. 1981. Vol. 290. P. 457–465. DOI 10.1038/290457a0.
- Andreeva T.V., Manakhov A.D., Gusev F.E. et al.* Genomic Analysis of a Novel Neanderthal from Mezmaiskaya Cave Provides Insights into the Genetic Relationships of Middle Palaeolithic Populations // *Scientific Reports*. 2022. Vol. 12. 13016. DOI 10.1038/s41598-022-16164-9.
- BLAST [Электронный ресурс]. URL: <https://blast.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 21.05.2025).
- Fu Q., Mittnik A., Johnson P.L.F. et al.* A revised timescale for human evolution based on ancient mitochondrial genomes // *Current Biology*. 2013. Vol. 23. P. 553–559. DOI 10.1016/j.cub.2013.02.044.
- Gansauge M.T., Gerber T., Glocke I. et al.* Single-Stranded DNA Library Preparation from Highly Degraded DNA Using T4 DNA Ligase // *Nucleic Acids Research*. 2017. Vol. 45. 79. DOI 10.1093/nar/gkx033.
- GenBank [Электронный ресурс]. URL: www.ncbi.nlm.nih.gov/genbank/ (дата обращения: 20.05.2025).
- Jónsson H., Ginolhac A., Schubert M. et al.* MapDamage2.0: Fast Approximate Bayesian Estimates of Ancient DNA Damage Parameters // *Bioinformatics*. 2013. Vol. 29. P. 1682–1684. DOI 10.1093/bioinformatics/btt193.
- Korneliussen T.S., Albrechtsen A., Nielsen R.* ANGSD: Analysis of Next Generation Sequencing Data // *BMC Bioinformatics*. 2014. Vol. 15. 356. DOI 10.1186/s12859-014-0356-4.
- Lazaridis I., Nadel D., Rollefson G. et al.* Genomic insights into the origin of farming in the ancient Near East // *Nature*. 2016. Vol. 536. P. 419–424. DOI 10.1038/nature19310.
- Li H., Durbin R.* Fast and Accurate Short Read Alignment with Burrows-Wheeler Transform // *Bioinformatics*. 2009. Vol. 25. P. 1754–1760. DOI 10.1093/bioinformatics/btp324.
- Mallick S., Micco A., Mah M. et al.* The Allen Ancient DNA Resource (AADR) a curated compendium of ancient human genomes // *Scientific Data*. 2024. Vol. 11. 182. DOI 10.1038/s41597-024-03031-7.
- Margaryan A., Lawson D.J., Sikora M. et al.* Population genomics of the Viking world // *Nature*. 2020. 585. P. 390–396. DOI 10.1038/s41586-020-2688-8.
- MtPhyl [Электронный ресурс]. URL: <http://eltsov.org> (дата обращения: 25.05.2025).
- Patterson N., Moorjani P., Luo Y. et al.* Ancient Admixture in Human History // *Genetics*. 2012. Vol. 192. P. 1065–1093. DOI 10.1534/genetics.112.145037.
- Patterson N., Price A.L., Reich D.* Population Structure and Eigenanalysis // *PLOS Genetics*. 2006. Vol. 2, № 12. e190. DOI 10.1371/journal.pgen.0020190.
- Petr M., Vernot B., Kelso J.* Admixr – R package for reproducible analyses using ADMIXTOOLS // *Bioinformatics*. 2019. Vol. 17. P. 3194–3195. DOI 10.1093/bioinformatics/btz030.
- Purcell S., Neale B., Todd-Brown K. et al.* PLINK: a tool set for whole-genome association and population-based linkage analyses // *American Journal of Human Genetics*. 2007. Vol. 3. P. 559–575. DOI 10.1086/519795.
- R: A Language and Environment for Statistical Computing / R Foundation for Statistical Computing. 2021.
- Ringbauer H., Huang Y., Akbari A. et al.* Accurate detection of identity-by-descent segments in human ancient DNA // *Nature Genetics*. 2024. Vol. 56. P. 143–151. DOI 10.1038/s41588-023-01582-w.
- Ringbauer H., Novembre J., Steinrücken M.* Parental relatedness through time revealed by runs of homozygosity in ancient DNA // *Nature Communication*. 2021. 12. 5425. DOI 10.1038/s41467-021-25289-w.
- Schubert M., Lindgreen S., Orlando L.* AdapterRemoval v2: Rapid Adapter Trimming, Identification, and Read Merging // *BMC Research Notes*. 2016. Vol. 9. 88. DOI 10.1186/s13104-016-1900-2.
- Van Oven M., Kayser M.* Updated Comprehensive Phylogenetic Tree of Global Human Mitochondrial DNA Variation // *Human Mutation*. 2009. Vol. 30, № 2. P. 386–394. DOI 10.1002/humu.20921.
- Weissensteiner H., Pacher D., Kloss-Brandstätter A. et al.* HaploGrep2: Mitochondrial Haplogroup Classification in the Era of High-Throughput Sequencing // *Nucleic Acids Research*. 2016. Vol. 44, № W1. P. 58–63. DOI 10.1093/nar/gkw233.
- Wickham H.* ggplot2: Elegant Graphics for Data Analysis. New York: Springer, 2009. 213 p. DOI 10.1007/978-0-387-98141-3.
- Wickham H.* ggplot2: Elegant Graphics for Data Analysis. Second edition. Cham: Springer, 2016. 260 p. DOI 10.1007/978-3-319-24277-4.
- YFull – MTree 1.02 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yfull.com/mtree/> (дата обращения: 20.05.2025).

COMPREHENSIVE ARCHAEOGENETIC STUDY OF A BURIAL IN THE NORTHERN CRYPT OF THE PERESLAVL-ZALESSKY TRANSFIGURATION CATHEDRAL

Tatiana V. Andreeva^{1,2,3,*}, Tatiana V. Ustkachkintseva^{1,3,}, Vladimir V. Sedov^{4,***},
Maria V. Dobrovolskaya^{4,****}, Viktoria I. Danilevskaya^{4,*****}, and Evgeny I. Rogayev^{2,5,*****}**

¹Centre for Genetics and Genetic Technologies, Department of Genetics, Faculty of Biology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

²Research Centre for Genetics and Life Sciences, Sirius University, Sirius Federal Territory, Russia

³Vavilov Institute for General Genetics RAS, Moscow, Russia

⁴Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

⁵University of Massachusetts Chan Medical School, Department of Psychiatry, Shrewsbury, USA

*E-mail: andreeva@rogaevlab.ru

**E-mail: ysttattati@gmail.com

***E-mail: sedov1960@mail.ru

****E-mail: mk_pa@mail.ru

*****E-mail: viktorys08@gmail.com

*****E-mail: evivrecc@gmail.com

Modern archaeogenetics studies extensive datasets of materials as well as individual people. Individual studies typically aim to identify a specific historical person. Of special interest is the study of individuals lacking historical records, while the archaeological context of their burials suggests their high social status. The complex study of such a burial is the goal of this article. The archaeological study of the Pereslavl-Zalesky Cathedral and surrounding area (headed by V.I. Sedov) was conducted in 2020. The white-stone sarcophagus and a burial in it were uncovered in the northern part of the Cathedral. The burial in sarcophagus No. 5 belongs to an individual of high status. This is evident both from its location within the cathedral and from the very fact that a white-stone sarcophagus was constructed for this person. Sarcophagus No. 5 can be dated to the 14th–15th centuries AD, i.e. before the emergence of true anthropomorphic sarcophagi which have rounded or rectangular shoulders on the outside. The skeletal remains, which are well preserved but incomplete, belong to a man aged about 50 with signs of age-related changes. The results of genomic analysis showed a mixed origin of the individual. This may be the result of marriages between persons of genetically different population, which is typical for medieval elites. The most likely origin of his ancestors, based on the results of the analysis of autosomal markers and mtDNA, may be associated with the Alanic groups and the medieval population of the western Balkan Peninsula. The probable close family marriages of his parents that were identified during the study are common for the aristocracy.

Keywords: white stone sarcophagus, ancient Rus elite, individual genome.

REFERENCES

- Alacamli E., Naidoo T., Güler M.N. et al., 2024. READv2: advanced and user-friendly detection of biological relatedness in archaeogenomics. *Genome Biology*, 25, 216. DOI 10.1186/s13059-024-03350-3.
- Alekseev V.P., 1966. Osteometriya: metodika antropologicheskikh issledovaniy [Osteometry: methodology for anthropological research]. Moscow: Nauka. 129 p.
- Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. Kraniometriya: metodika antropologicheskikh issledovaniy [Cranio-metry: a methodology for anthropological research]. Moscow: Nauka. 128 p.
- Alexander D.H., Novembre J., Lange K., 2009. Fast model-based estimation of ancestry in unrelated individuals. *Genome Research*, 19, pp. 1655–1664. DOI 10.1101/gr.094052.109.
- AmtDB (Electronic resource). URL: <https://amtdb.org/>.
- Anderson S., Bankier A., Barrell B. et al., 1981. Sequence and organization of the human mitochondrial genome. *Nature*, 290, pp. 457–465. DOI 10.1038/290457a0.
- Andreeva T.V., Manakhov A.D., Gusev F.E. et al., 2022. Genomic Analysis of a Novel Neanderthal from Mezmaiskaya Cave Provides Insights into the Genetic Relationships of Middle Palaeolithic Populations. *Scientific Reports*, 12, 13016. DOI 10.1038/s41598-022-16164-9.
- Belyaev L.A., 2018. Chronology of anthropomorphic sarcophagi in medieval Russia of the 15th–17th centuries. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 252, pp. 219–232. (In Russ.)
- BLAST (Electronic resource). URL: <https://blast.ncbi.nlm.nih.gov>.

- Fu Q., Mittnik A., Johnson P.L.F. et al., 2013. A revised timescale for human evolution based on ancient mitochondrial genomes. *Current Biology*, 23, pp. 553–559. DOI 10.1016/j.cub.2013.02.044.
- Gansauge M.T., Gerber T., Glocke I. et al., 2017. Single-Stranded DNA Library Preparation from Highly Degraded DNA Using T4 DNA Ligase. *Nucleic Acids Research*, 45, 79. DOI 10.1093/nar/gkx033.
- GenBank (Electronic resource). URL: www.ncbi.nlm.nih.gov/genbank/.
- Jónsson H., Ginolhac A., Schubert M. et al., 2013. MapDamage2.0: Fast Approximate Bayesian Estimates of Ancient DNA Damage Parameters. *Bioinformatics*, 29, pp. 1682–1684. DOI 10.1093/bioinformatics/btt193.
- Korneliussen T.S., Albrechtsen A., Nielsen R., 2014. ANGSD: Analysis of Next Generation Sequencing Data. *BMC Bioinformatics*, 15, 356. DOI 10.1186/s12859-014-0356-4.
- Lazaridis I., Nadel D., Rollefson G. et al., 2016. Genomic insights into the origin of farming in the ancient Near East. *Nature*, 536, pp. 419–424. DOI 10.1038/nature19310.
- Li H., Durbin R., 2009. Fast and Accurate Short Read Alignment with Burrows-Wheeler Transform. *Bioinformatics*, 25, pp. 1754–1760. DOI 10.1093/bioinformatics/btp324.
- Mallick S., Micco A., Mah M. et al., 2024. The Allen Ancient DNA Resource (AADR) a curated compendium of ancient human genomes. *Scientific Data*, 11, 182. DOI 10.1038/s41597-024-03031-7.
- Margaryan A., Lawson D.J., Sikora M. et al., 2020. Population genomics of the Viking world. *Nature*, 585, pp. 390–396. DOI 10.1038/s41586-020-2688-8.
- Metodika raboty s paleoantropologicheskimi materialami v polevykh usloviyakh [Methodology of working with palaeoanthropological materials in the field]. M.V. Dobrovol'skaya, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, 2020. 112 p.: ill. (Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovaniy, 11).
- MtPhyl (Electronic resource). URL: <http://eltsov.org>.
- Orel A.M., Semenova O.K., 2022. Age-related trend of spine changes. *Rossiyskiy osteopaticheskiy zhurnal [Russian Osteopathic Journal]*, 3, pp. 33–44. DOI 10.32885/2220-0975-2022-3-33-44. (In Russ.)
- Patterson N., Moorjani P., Luo Y. et al., 2012. Ancient Admixture in Human History. *Genetics*, 192, pp. 1065–1093. DOI 10.1534/genetics.112.145037.
- Patterson N., Price A.L., Reich D., 2006. Population Structure and Eigenanalysis. *PLOS Genetics*, vol. 2, no. 12, e190. DOI 10.1371/journal.pgen.0020190.
- Petr M., Vernot B., Kelso J., 2019. Admixr – R package for reproducible analyses using ADMIXTOOLS. *Bioinformatics*, 17, pp. 3194–3195. DOI 10.1093/bioinformatics/btz030.
- Purcell S., Neale B., Todd-Brown K. et al., 2007. PLINK: a tool set for whole-genome association and population-based linkage analyses. *American Journal of Human Genetics*, 3, pp. 559–575. DOI 10.1086/519795.
- R: A Language and Environment for Statistical Computing. R Foundation for Statistical Computing. 2021.
- Ringbauer H., Huang Y., Akbari A. et al., 2024. Accurate detection of identity-by-descent segments in human ancient DNA. *Nature Genetics*, 56, pp. 143–151. DOI 10.1038/s41588-023-01582-w.
- Ringbauer H., Novembre J., Steinrücken M., 2021. Parental relatedness through time revealed by runs of homozygosity in ancient DNA. *Nature Communication*, 12, 5425. DOI 10.1038/s41467-021-25289-w.
- Schubert M., Lindgreen S., Orlando L., 2016. Adapter-Removal v2: Rapid Adapter Trimming, Identification, and Read Merging. *BMC Research Notes*, 9, 88. DOI 10.1186/s13104-016-1900-2.
- Van Oven M., Kayser M., 2009. Updated Comprehensive Phylogenetic Tree of Global Human Mitochondrial DNA Variation. *Human Mutation*, vol. 30, no. 2, pp. 386–394. DOI 10.1002/humu.20921.
- Weissensteiner H., Pacher D., Kloss-Brandstätter A. et al., 2016. HaploGrep2: Mitochondrial Haplogroup Classification in the Era of High-Throughput Sequencing. *Nucleic Acids Research*, vol. 44, no. W1, pp. 58–63. DOI 10.1093/nar/gkw233.
- Wickham H., 2009. ggplot2: Elegant Graphics for Data Analysis. New York: Springer. 213 p. DOI 10.1007/978-0-387-98141-3.
- Wickham H., 2016. ggplot2: Elegant Graphics for Data Analysis. Second edition. Cham: Springer. 260 p. DOI 10.1007/978-3-319-24277-4.
- YFull – MTree 1.02 (Electronic resource). URL: <https://www.yfull.com/mtree/>.
- Zhur K.V., Sharko F.S., Sedov V.V., Dobrovol'skaya M.V., Volkov V.G., Maximov N.G., Seslavin A.N., Markarov N.A., Prokhortchouk E.B. 2023. The Rurikids: The First Experience of Reconstructing the Genetic Portrait of the Ruling Family of Medieval Rus' Based on Paleogenomic Data. *Acta Naturae*, vol. 15, no. 3, pp. 50–65. DOI: <https://doi.org/10.32607/actanaturae.23425>.

РУССКИЕ МОНЕТЫ XV – НАЧАЛА XVIII В. ИЗ РАСКОПОК В БОЛЬШОМ СКВЕРЕ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ (2019–2021 гг.)

© 2025 г. И.В. Волков*, П.Г. Гайдуков**, В.Ю. Коваль***

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: werwolf2@yandex.ru*

***E-mail: russianchange@yandex.ru*

****E-mail: kovaloka@mail.ru*

Поступила в редакцию 15.05.2025 г.

После доработки 15.05.2025 г.

Принята к публикации 18.06.2025 г.

В статье рассматриваются монетные находки, сделанные в процессе археологических раскопок, проводившихся Институтом археологии РАН в 2019–2021 гг. на территории Большого сквера Московского Кремля. Главным объектом исследования на раскопе являлись фундаменты зданий Старых и Новых приказов второй половины XVI – XVII в. и насыщенный находками культурный слой, отложившийся рядом с ними. Всего обнаружено 193 русские монеты и обломок западноевропейского счетного жетона. Лишь четыре из них датируются XV в., а все остальные выпущены в период со второй трети XVI до 20-х годов XVIII в. в различных центрах монетной чеканки Русского государства (Москва, Тверь, Великий Новгород, Псков). Состав реальной денежной массы, обращавшейся в центре столицы в указанный период, представляет особый интерес. Публикуемая коллекция дает ценные данные по истории денежного обращения Москвы царского периода, в особенности – XVII в., включая эпоху денежной реформы царя Алексея Михайловича (1655–1663 гг.).

Ключевые слова: Московский Кремль, Большой сквер, раскопки, здания Старых и Новых приказов, русские монеты, царский период, XVI–XVII вв., реформа Алексея Михайловича.

DOI: 10.7868/S3034577425040111

Раскопки, проводившиеся в 2019–2021 гг. под руководством акад. РАН Н.А. Макарова в центральной части Большого Кремлевского сквера, стали первыми археологическими работами в Московском Кремле, преследовавшими чисто научные задачи. Их проведение стало возможным благодаря поручению Президента Российской Федерации В.В. Путина организовать на территории Кремля археологические раскопки с целью академических исследований древнейшего прошлого Москвы и популяризации кремлевских древностей (Макаров и др., 2020; Неизвестный Кремль, 2025). Место для таких изысканий было выбрано исходя из того, что территория Большого сквера, расположенного в центре Кремля, свободна от современной застройки и при этом никогда не изучалась археологически, а развертывание тут многолетних работ не нарушало устоявшийся порядок работы органов государственной власти и при этом было доступно для посетителей Музеев Московского Кремля.

Главным объектом изучения на раскопе стали остатки белокаменных фундаментов зданий Старых и Новых приказов, в которых размещались высшие органы управления Русского государства второй половины XVI – XVII в. Рядом с этими постройками отложился мощный культурный слой, насыщенный разнообразными находками, отражающими как приказной быт, так и материальную культуру Москвы позднего Средневековья и раннего Нового времени (около 2500 единиц музейного хранения). Значительную часть этих находок составляют нумизматические памятники, коллекция которых насчитывает 194 экз. Из них 193 – русские серебряные и медные монеты, выпускавшиеся в различных центрах на протяжении более 300 лет, начиная с рубежа XIV–XV вв. и до второго десятилетия XVIII в. Еще один предмет представляет собой небольшой фрагмент западноевропейского монетовидного жетона, относящегося, по всей видимости, к первой половине XVIII в.

Культурный слой на исследованном участке содержит очень большое количество битого белого камня и остатков известкового строительного раствора. Такой характер грунта оказал на металл разрушающее воздействие. Сохранность монет — весьма невысокая, многие из них раскололись или имеют обломы. Почти все экземпляры (даже те из них, которые не имеют внешних повреждений) в большей или меньшей степени потеряли в весе вследствие почвенной коррозии. В итоге более 16% (32 экз.) от их общего числа не могли быть определены даже с точностью до номинала и правителя. Тем не менее публикуемые материалы имеют первостепенную важность для изучения московского денежного обращения. В особенности — в XVII в., так как в подавляющем большинстве и серебряные, и медные русские монеты были отчеканены

в период со второй трети XVI до второго десятилетия XVIII в. Структура распределения нумизматической коллекции по правлениям, номиналам и местам чеканки представлена в таблице. Порядковая нумерация монетных находок в тексте, в таблице и на иллюстрациях — одинаковая.

Самая ранняя по времени чеканки монета — небольшой обломок серебряного двустороннего подражания дангу Золотой Орды (таблица, № 1; рис. 1, 1). Эта группа подражательных русских денег (средним весом около 0.90 г) традиционно относится к выпускам в нижегородских землях или на прилегающих к ним территориях. По крайней мере по одному штемпелю монета аналогична уже изданному (Гайдуков, Гришин, 2018. Рис. 2, 79) подражанию; второй штемпель, вероятно, также идентичен, однако экземпляр из Московского Кремля имеет очень плохую

Состав нумизматической коллекции из раскопок 2019–2021 гг.

Composition of the numismatic collection from the 2019–2021 excavations

№	Правитель	Место чеканки, металл	Количество, экз.	Количество, %
1–2	Василий I, Василий III	Нижний Новгород, Москва, серебро	2	1.0
3–4		Москва, медь	2	1.0
5–23	Иван IV	Москва, серебро	19	13.3
24–27		Тверь, серебро	4	
28–30		Новгород, серебро	3	
31–45		Москва, медь	15	10.3
46–48		Тверь, медь	3	
49–50		Плохая сохранность, медь	2	
51	Борис Федорович	Москва, серебро	1	0.5
52–53	Владислав Сигизмундович	Москва, серебро	2	1,0
54–93	Михаил Федорович	Москва, серебро	40	27.7
94		Псков, серебро	1	
95–107		Клад	13	
108–112	Алексей Михайлович	Москва, серебро	5	2.6
113–136		Москва, медь	24	
137–141		Новгород, медь	5	
142–148		Псков, медь	7	
149		Плохая сохранность, медь	1	19.1
150–151	Федор Алексеевич	Москва, серебро	2	
152–159	Петр Алексеевич	Москва, серебро	8	
160–161		Москва, медь	2	
162–180	Плохая сохранность, серебро		19	16.4
181–193	Плохая сохранность, медь		13	
194	Западная Европа. Бронзовый монетовидный жетон		1	0.5
Всего			194	100

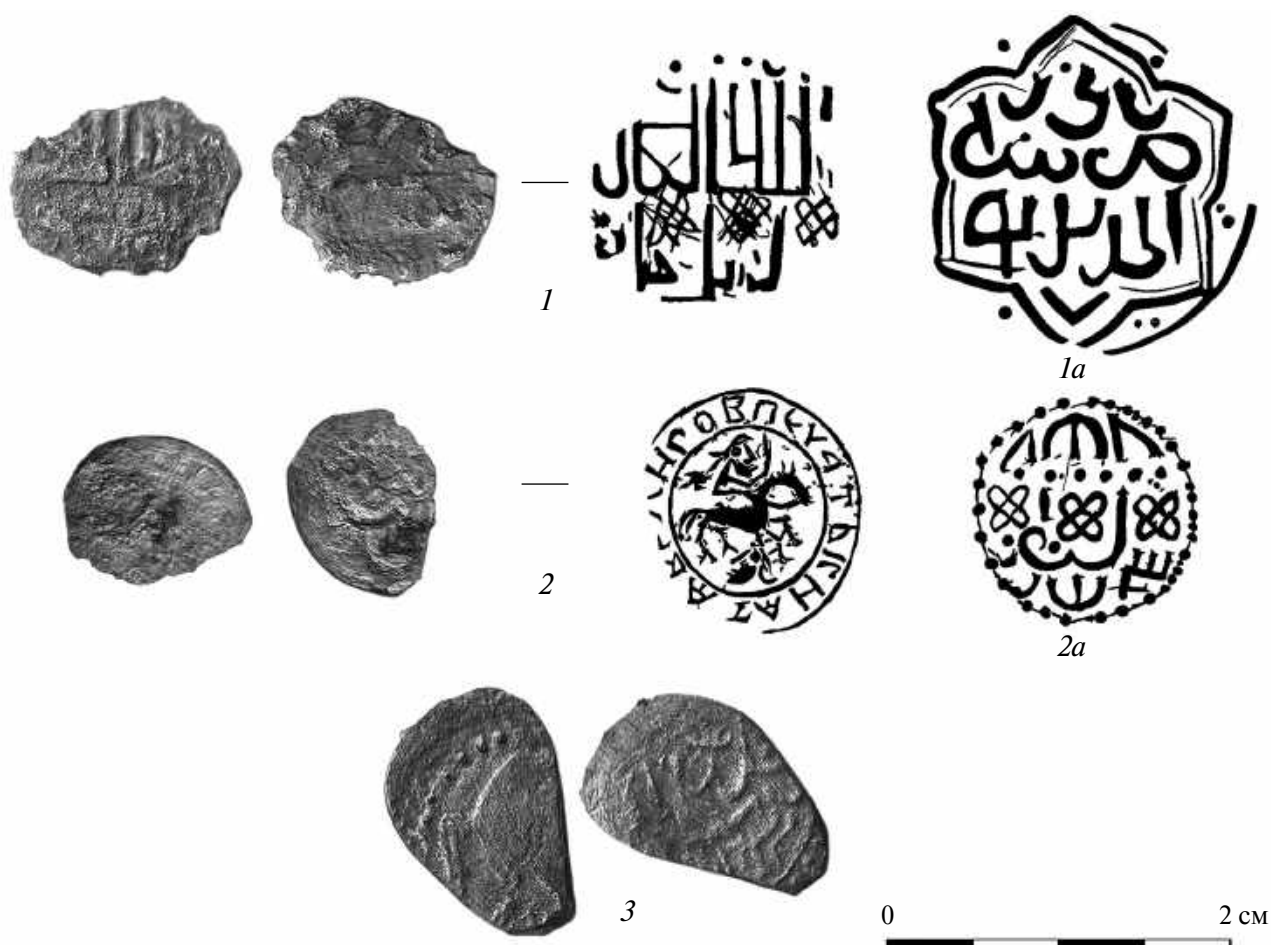

Рис. 1. Монеты XV в. 1 – двустороннее подражание золотоордынскому дирхему «нижегородского круга» первого десятилетия XV в. (серебро; фото и графическая реконструкция штемпелей); 2 – денга Василия Дмитриевича Московского второго десятилетия XV в. (серебро; фото и графическая реконструкция штемпелей); 3 – пуло Великого княжества Московского времени Василия II и Ивана III (медь).

Fig. 1. Coins of the 15th century. 1, 1a – double-sided imitation of the Golden Horde dirham of the “Nizhny Novgorod circle” from the 1500s (silver; photo and a graphic reconstruction of dies); 2, 2a – *denga* (half-kopec) of Vasily Dmitrievich of Moscow from the 1510s (silver; photo and a graphic reconstruction of dies); 3 – *pulo* (a small change) of the Grand Principality of Moscow during the time of Vasily II and Ivan III (copper). 1.5x magnification

сохранность, поэтому с полной уверенностью говорить о тождественности нельзя. Нужно сказать, что такая же денга была опубликована в составе Первомайского клада 2016 г., найденного в Ульяновской обл. (Волков, Гришин, 2024. С. 81, 105, № 169). Тезаврация рассматриваемого кладового комплекса относится ко второй половине первого десятилетия XV в., этим же временем (или, возможно, чуть более ранним) следует датировать и рассматриваемый экземпляр.

Ко второму десятиетию XV в. относится денга Василия Дмитриевича Московского, на лицевой стороне которой помещено изображение всадника, вправо, в русской круговой надписи, а на оборотной стороне – подражание арабографичной легенде (таблица, № 2; рис. 1, 2). Данная группа пореформенных монет Василия I была

рассмотрена в специальной статье (Волков, Титов, 2015). Выпуск подобных денег относится к 1413–1420 гг.; весьма вероятно, что они чеканились не в столице княжества, а в одном из периферийных центров. Как и в предыдущем случае, надежно соотнесена по штемпелю с уже изданными вариантами лишь оборотная сторона экземпляра из раскопа, лицевая – практически не видна.

Следующим по хронологии является довольно редкое медное пуло с изображением птицы на лицевой стороне и подражанием арабографичной надписи на оборотной стороне (таблица, № 3; рис. 1, 3). Такие монеты хотя и известны нумизматам с первой половины XIX в., но долго оставались в разряде неопределенных: не ясными были ни место их выпуска, ни его хронологические

рамки (см.: Гайдуков, 1993. С. 80; с. 212, № 450). В монографии, посвященной монетам 1462–1533 гг., В.В. Зайцев на основании анализа топографии находок пул рассматриваемого типа вполне аргументировано показал, что местом их производства являются московские земли (вероятно — сама Москва). Датировать эмиссию исследователь предложил началом правления Ивана III (1462–1470-е годы), указав, впрочем, что выпуск пул такого вида мог быть начат еще в последние годы княжения Василия II (Зайцев, 2006. С. 21).

Наконец, еще одна медная монета определена как московское маленькое пуло времени

Ивана III или Василия III с изображением двуглавого орла (таблица, № 4) (Гайдуков, 1993. № 407/408). Однако экземпляр имеет настолько плохую сохранность, что предложенную атрибуцию следует расценивать лишь в качестве предположительной.

Этими четырьмя находками ограничивается круг нумизматических памятников XV — первой трети XVI в. Все прочие исследованные экземпляры относятся к более позднему времени.

В период длительного правления Ивана IV Грозного была отчеканена почти четверть от общего количества монет (рис. 2, 8, 28, 34),

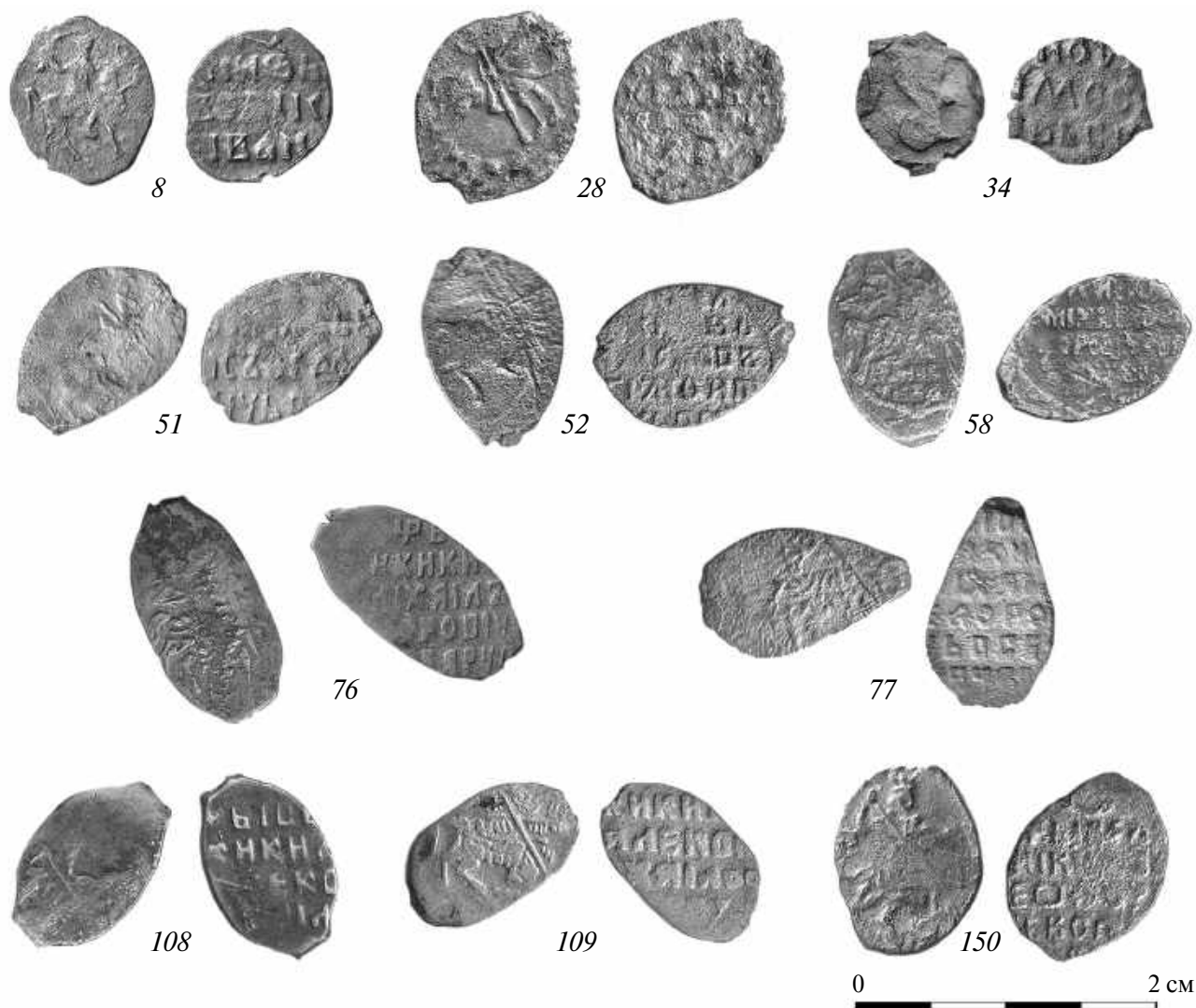

Рис. 2. Монеты 1533–1682 гг. 8, 28 — московская денга и новгородская копейка Ивана IV; 34 — московское пуло Ивана IV; 51 — московская копейка Бориса Федоровича; 52 — московская копейка Владислава Сигизмундовича; 58, 76, 77 — московские копейки Михаила Федоровича; 108, 109 — московские копейки Алексея Михайловича; 150 — московская копейка Федора Алексеевича (34 — медь; все прочие — серебро).

Fig. 2. Coins from 1533–1682. 8, 28 — Moscow *denga* and Novgorod *kopec* of Ivan IV; 34 — Moscow *pulo* of Ivan IV; 51 — Moscow *kopec* of Boris Fyodorovich; 52 — Moscow *kopec* of Wladyslaw Sigismundovich; 58, 76, 77 — Moscow *kopecs* of Mikhail Fyodorovich; 108, 109 — Moscow *kopecs* of Alexei Mikhailovich; 150 — Moscow *kopec* of Fyodor Alexeyevich (34 — copper; the rest — silver). 1.5x magnification

обнаруженных на раскопе, причем как серебряных (26 экз.) (таблица, № 5–30), так и медных (20 экз.) (таблица, № 31–50). Среди серебряных выпусков абсолютно преобладают великокняжеские и царские денги, выпущенные в Москве (19 экз.), что представляется вполне закономерным. Гораздо меньше тверских денег (4 экз.) и новгородских копеек (3 экз.), а копейки псковской чеканки отсутствуют. Ту же картину наблюдаем и с медными выпусками. Из 20 маленьких пул 1530-х – 1580-х годов лишь 3 монеты – тверские (Гайдуков, 1993. № 360, 362), еще 2 – не определяются по месту чеканки, а все остальные – выпущены в столичной мастерской и несут на лицевой стороне изображение сирены, т.е. относятся к одному типу (Там же. № 405). Такое количественное распределение маленьких пул по центрам производства в целом не является характерным для культурного слоя средневековой Москвы. Обычно тверские выпуски здесь представлены в большем количестве, а в обнаруженном недавно при раскопках на юге столицы кладе медных монет они и вообще составляют большинство (Волков, Воронин, 2024). В то же время издан еще один небольшой кладовый комплекс, в котором, наоборот, преобладают именно московские пула с сиреной, а иные типы (в их числе – лишь одна тверская монета) представлены единицами (Волков, Зубарёв, 2023). Очевидно, что реальный состав младших номиналов на территории Москвы в период правления Ивана IV под влиянием различных причин достаточно сильно варьировался. Для того чтобы прояснить данный вопрос, необходимо свести воедино и проанализировать материалы по топографии находок пул в культурном слое различных частей исторического центра Москвы (таких материалов к настоящему времени накоплено достаточно большое количество).

Монеты конца XVI – первого десятилетия XVII в. (рис. 2, 51, 52) представлены всего тремя экземплярами. Это московские копейки Бориса Годунова (таблица, № 51) и Владислава Сигизмундовича (таблица, № 52, 53). А вот выпуски первого царя из династии Романовых – Михаила Федоровича (рис. 2, 58, 76, 77) – составляют почти треть от общего количества обнаруженных монет. В основном это московские серебряные копейки разных лет чеканки (таблица, № 54–90), кроме них, встречены денга и две полушки очень плохой сохранности, а также псковская копейка (таблица, № 94). К правлению Михаила Федоровича относится и небольшой клад (таблица, № 95–107), состоящий из 13 серебряных копеек и представляющий собой, по всей видимости,

содержимое небольшого мешочка или узелка, потерянного владельцем. Из 10 точно определенных монет комплекса 9 – московские же копейки, а 1 монета (таблица, № 96) представляет собой подделку для обращения. Исходя из типологического состава, временем археологизации комплекса следует считать конец 1630-х или самое начало 1640-х годов.

В правление следующего царя, Алексея Михайловича, отчеканены 42 монеты (21.7% от общего количества). Лишь 5 из них (таблица, № 108–112; рис. 2, 108, 109) – московские серебряные копейки 1645–1655 гг., а все остальные (рис. 3) представляют собой свидетельства неудачной попытки преобразования денежной системы России 1654–1663 гг.: введения в оборот различных медных номиналов. Московские денга и копейки (таблица, № 113–136), выпускавшиеся как минимум на двух различных денежных дворах, насчитывают 24 экз. и значительно преобладают над выпусками Пскова (7 экз.; 1 денга, 6 копеек; таблица, № 142–148) и Новгорода (5 экз.; таблица, № 137–141). Среди последних выделяется монета, очень редко встречающаяся в составе нумизматических находок второй половины XVII в., – медный грошевик, несущий обозначение номинала («де[нги] 4») (рис. 3, 137; см.: Гришин, Клешинов, Храменков, 2021. № 2957; Сарайкин, Шатохин, 2024. С. 311, рис. 2, а).

Две серебряные копейки (таблица, № 150, 151; рис. 2, 150) несут имя старшего сына Алексея Михайловича – Федора, а все остальные определяемые монеты, обнаруженные на раскопе (таблица, № 152–161), отчеканены уже в начале XVIII в., при Петре I. Выявлены провололочные копейки Старого и Кадашевского денежных дворов и одна монета, по всей видимости, представляющая собой подделку такой копейки (таблица, № 159). Также найдены две медные петровские монеты (таблица, № 160, 161; обломок фальшивой литой денги и полушка 1721 г., представляющая собой самую позднюю по времени выпуска монету рассматриваемого комплекса).

Как отмечено выше, в ходе раскопок обнаружен небольшой (около четверти предмета) обломок западноевропейского счетного жетона из медного сплава (таблица, № 194; рис. 3, 194). Жетон так называемого английского стиля был выпущен в Нюрнберге мастерами Иоганном Фридрихом Вейдингером (1710–1765) или Иоганном Альбрехтом Дорном (1732–1783)¹.

¹Благодарим научного сотрудника отдела нумизматики ГИМ Е.М. Ушанкова за определение находки.

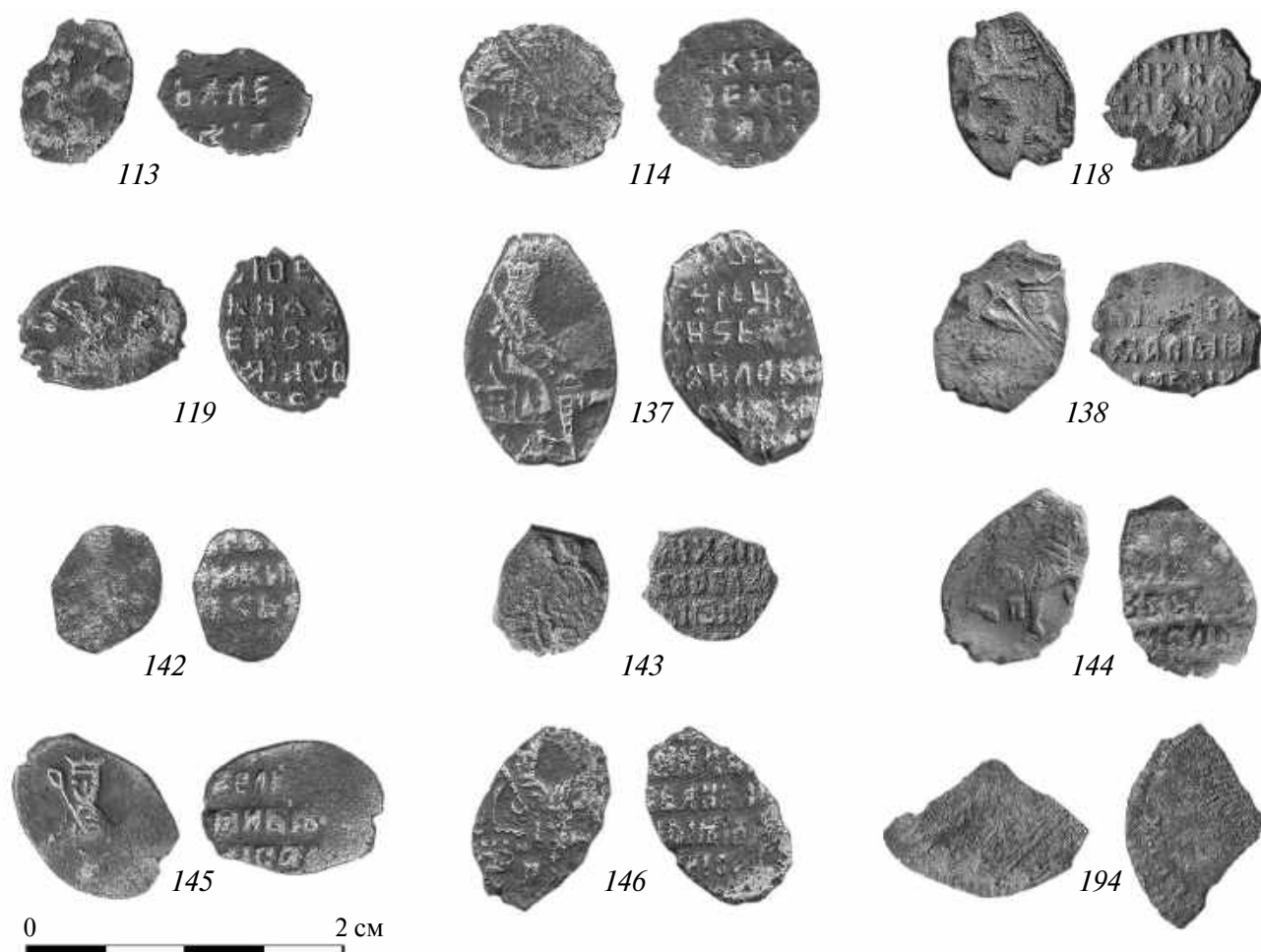

Рис. 3. Медные монеты Алексея Михайловича 1655–1663 гг. 113, 114, 118, 119 – московские денга и копейки; 137, 138 – новгородские грош и копейка; 142–146 – псковские денга и копейки; 194 – обломок нюрнбергского счетного жетона.

Fig. 3. Copper coins of Alexei Mikhailovich from 1655–1663. 113, 114, 118, 119 – Moscow *denga* and *kopecks*; 137, 138 – Novgorod *grosh* and *kopeck*; 142–146 – Pskov *denga* and *kopecks*; 194 – a fragment of Nuremberg counter *jeton*. 1.5x magnification

Учитывая, что нумизматические находки, относящиеся ко времени позднее второго десятилетия XVIII в., при раскопках выявлены не были, следует предполагать и для рассматриваемого жетона относительно раннюю датировку выпуска в рамках указанного периода.

Если сравнить состав монет, найденных в раскопе 2019–2021 гг., с материалами, полученными ранее в ходе раскопок на территории бывшего Чудова монастыря (22 экземпляра; см.: Гайдуков, Волков, 2022), а также в Тайницком саду (23 экземпляра; см.: Колызин, 2011), мы обнаружим яркие различия в структуре трех коллекций, хотя расстояние между исследованными объектами составляет лишь несколько сотен метров. Основная масса монет

из монастыря и с подولا Московского Кремля была выпущена в период со второй половины XIV до начала XVI в., тогда как гораздо более представительная в количественном отношении нумизматическая коллекция, собранная на раскопе в Большом сквере, отражает в первую очередь этапы развития денежного обращения второй половины XVI – начала XVIII в. Незначительное число находок монет времени Великого княжества Московского / Великого княжества всея Руси в некоторой степени объясняется тем, что отложения XII – первой половины XVI в. могли быть исследованы лишь на ограниченных участках между фундаментами XVI–XVII вв., прорезавшими более ранний культурный слой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волков И.В., Воронин К.В. Клад маленьких пул из раскопок 2020–2021 гг. в Москве, в Стремянном переулке // Русское денежное обращение IX–XVII веков: материалы Новгородской нумизмат. конф. Т. I. М.: Столичное археологическое бюро, 2024. С. 284–287.
- Волков И.В., Гришин И.В. «Первомайский» клад русских и золотоордынских монет конца XIV – начала XV в. из Ульяновской области // Русское денежное обращение IX–XVII веков: материалы Новгородской нумизмат. конф. Т. I. М.: Столичное археологическое бюро, 2024. С. 57–109.
- Волков И.В., Зубарёв Н.В. Клад русских пул XVI века с Большой Татарской улицы // Альманах ICOMOS. М., 2023. С. 113–115.
- Волков И.В., Титов Г.А. Две группы пореформенных монет Василия Дмитриевича с изображением всадника // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 5. М.: Репроцентр М, 2015. С. 174–194.
- Гайдуков П.Г. Медные русские монеты конца XIV–XVI в. М.: Наука, 1993. 304 с.
- Гайдуков П.Г., Волков И.В. Нумизматические и сфрагистические материалы // Древности Московского Кремля. Т. I. Археологические исследования на месте Чудова монастыря. М.: ИА РАН, 2022. С. 121–126.
- Гайдуков П.Г., Гришин И.В. К изучению ранних монет нижегородско-суздальского князя Даниила Борисовича // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2018 г.: материалы докл. и сообщ. М., 2018. С. 154–164.
- Гришин И.В., Клецинов В.Н., Храменков А.В. Каталог русских монет от Ивана Грозного до Петра Великого. Изд. 2-е, перераб. М.: Леопарт, 2021. 880 с.
- Зайцев В.В. Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев: Юнона-Монета, 2006. 208 с.
- Колызин А.М. Монеты, найденные при археологических раскопках в Тайницком саду Московского Кремля (первый этап раскопок) // Московский Кремль XV столетия. Т. I. Древние святыни и исторические памятники. М.: Арт-Волхонка, 2011. С. 471–475.
- Макаров Н.А., Коваль В.Ю., Модин Р.Н. и др. Новые исследования в Московском Кремле: раскопки здания Приказов // Российская археология. 2020. № 3. С. 96–113.
- Неизвестный Кремль: Археологические исследования 2018–2021 гг. / Под ред. Н.А. Макарова и В.Ю. Коваля. М.: ИА РАН, 2025. 168 с.
- Сарайкин А.С., Шатохин Г.Г. Последняя продукция Новгородского денежного двора // Русское денежное обращение IX–XVII веков: материалы Новгородской нумизмат. конф. Т. I. М.: Столичное археологическое бюро, 2024. С. 310–314.

RUSSIAN COINS OF THE 15th – EARLY 18th CENTURY FROM EXCAVATIONS IN THE GRAND GARDEN OF THE MOSCOW KREMLIN (2019–2021)

Ivan V. Volkov*, Pyotr G. Gaidukov**, and Vladimir Yu. Koval***

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

**E-mail: werwolf2@yandex.ru*

***E-mail: russianchange@yandex.ru*

****E-mail: kovaloka@mail.ru*

The article discusses coin finds made during archaeological excavations conducted by the Institute of Archaeology RAS in 2019–2021 on the territory of the Grand Public Garden of the Moscow Kremlin. The main research object of the excavations were the foundations of the Old and New *Prikazy* (administrative bodies) buildings from the second half of the 16th – 17th century and a cultural layer rich in finds deposited next to them. A total of 193 Russian coins and a fragment of a West European counting token were found. Only four of them date back to the 15th century, while all the rest were issued between the 2nd third of the 16th century to the 1620s in various minting centres of the Russian state (Moscow, Tver, Veliky Novgorod, and Pskov). The composition of the real money supply circulating in the centre of the capital during this period is of particular interest. The published collection provides valuable data on the history of Moscow monetary circulation during the Tsarist period, especially the 17th century, including the era of the monetary reform of Tsar Alexei Mikhailovich (1655–1663).

Keywords: Moscow Kremlin, Grand Garden, excavations, buildings of the Old and New *Prikazy*, Russian coins, Tsarist period, 16th–17th centuries, reform of Alexei Mikhailovich.

REFERENCES

- Gaydukov P.G., 1993. Mednye russkie monety kontsa XIV – XVI v. [Copper Russian coins of the late 14th–16th century AD]. Moscow: Nauka. 304 p.
- Gaydukov P.G., Grishin I.V., 2018. On studying early coins of the Nizhny Novgorod-Suzdal Prince Daniil Borisovich. *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2018 g.: materialy dokladov i soobshcheniy* [Numismatic readings of the State Historical Museum in 2018: Materials of reports and communications]. Moscow, pp. 154–164. (In Russ.)
- Gaydukov P.G., Volkov I.V., 2022. Numismatic and sphragistic materials. *Drevnosti Moskovskogo Kremlya* [Antiquities of the Moscow Kremlin], I. Arkheologicheskie issledovaniya na meste Chudova monastyrya [Archaeological research at the site of the Chudov Monastery]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 121–126. (In Russ.)
- Grishin I.V., Kleshchinov V.N., Khramenkov A.V., 2021. Katalog russkikh monet ot Ivana Groznogo do Petra Velikogo [Catalogue of Russian coins from Ivan the Terrible to Peter the Great]. 2nd edition. Moscow: Leopart. 880 p.
- Kolyzin A.M., 2011. Coins found during archaeological excavations in the Tainitsky Garden of the Moscow Kremlin (the first stage of excavations). *Moskovskiy Kreml' XV stoletiya* [Moscow Kremlin of the 15th century], I. *Drevnie svyatyini i istoricheskie pamyatniki* [Ancient shrines and historical sites]. Moscow: Art-Volkhonka, pp. 471–475. (In Russ.)
- Makarov N.A., Koval' V.Yu., Modin R.N. et al., 2020. New investigations in the Moscow Kremlin: excavations of the Priказы building. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 3, pp. 96–113. (In Russ.)
- Mitchiner M., 1988. Jetons, Medals and Tokens, 1. The Medieval Period and Nuremberg. London: Seaby. 704 p.
- Neizvestnyy Kreml': Arkheologicheskie issledovaniya 2018–2021 gg. [Unknown Kremlin: Archaeological research in 2018–2021]. N.A. Makarov, V.Yu. Koval', eds. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, 2025. 168 p.
- Saraykin A.S., Shatokhin G.G., 2024. Last products of the Novgorod Mint. *Russkoe denezhnoe obrashchenie IX–XVII vekov: materialy Novgorodskoy numizmaticheskoy konferentsii* [Russian monetary circulation of the 9th–17th centuries: Proceedings of the Novgorod numismatic conference], I. Moscow: SAB, pp. 310–314. (In Russ.)
- Uzdenikov V.V., 1985. Monety Rossii 1700–1917 [Coins of Russia from 1700–1917]. Moscow: Finansy i statistika. 504 p.
- Volkov I.V., Grishin I.V., 2024. “Pervomaisky” hoard of Russian and Golden Horde coins of the late 14th – early 15th century AD from Ulyanovsk Region. *Russkoe denezhnoe obrashchenie IX–XVII vekov: materialy Novgorodskoy numizmaticheskoy konferentsii* [Russian monetary circulation of the 9th–17th centuries: Proceedings of the Novgorod numismatic conference], I. Moscow: SAB, pp. 57–109. (In Russ.)
- Volkov I.V., Titov G.A., 2015. Two groups of post-reform coins of Vasily Dmitrievich depicting a horseman. *Srednevekovaya numizmatika Vostochnoy Evropy* [Medieval numismatics of Eastern Europe], 5. Moscow: Reprotsentr M, pp. 174–194. (In Russ.)
- Volkov I.V., Voronin K.V., 2024. A hoard of small pullos from the 2020–2021 excavations in Moscow, at Stremyanny Lane. *Russkoe denezhnoe obrashchenie IX–XVII vekov: materialy Novgorodskoy numizmaticheskoy konferentsii* [Russian monetary circulation of the 9th–17th centuries: Proceedings of the Novgorod numismatic conference], I. Moscow: SAB, pp. 284–287. (In Russ.)
- Volkov I.V., Zubarev N.V., 2023. A hoard of Russian pullos of the 16th century from Bolshaya Tatarskaya street. *Al'manakh ICOMOS* [ICOMOS almanac]. Moscow, pp. 113–115. (In Russ.)
- Zaytsev V.V., 2006. Russkie monety vremeni Ivana III i Vasiliya III [Russian coins from the period of Ivan III and Vasily III]. Kiev: Yunona-Moneta. 208 p.

НОВОЕ В АРХЕОЛОГИИ ГОРОДА СУЗДАЛЯ. ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

© 2025 г. А.Н. Федорина*, С.И. Милованов**

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: nasfed@yandex.ru*

***E-mail: milovan@bk.ru*

Поступила в редакцию 16.06.2025 г.

После доработки 16.06.2025 г.

Принята к публикации 18.06.2025 г.

Суздаль в XXI в., как и многие другие исторические города, — площадка массовых и при этом хаотических охранных археологических работ: раскопок, шурфовок, наблюдений, не имеющих общего плана и ведущихся разными командами в разных условиях. На сегодняшний день археологически исследованная площадь городской территории в границах XVIII в. выросла более чем в 2 раза, по сравнению с работами до 1990 г., и составляет не менее 9340 м². Обобщение новых разрозненных материалов с использованием подходов, продемонстрировавших свою эффективность на столь же обширных и разнородных разведочных материалах сельских поселений Ополя, позволило детализировать представления о развитии городской территории, характере и динамике освоения городского пространства. Материалы, полученные в ходе работ экспедиций Института археологии РАН в 2022–2024 гг., дают возможность верифицировать и дополнительно документировать наблюдения о социальной топографии средневекового города и повседневности его жителей.

Ключевые слова: Суздаль, средневековый город, динамика застройки, социальные структуры, пространственное распределение находок, свинцовые пломбы, предметы с перегородчатой эмалью, результаты охранных работ.

DOI: 10.7868/S3034577425040121

Суздаль — имя земли и города, но, несмотря на почти 200 лет археологического изучения и исторического описания, реальность несколько противоречит ожиданиям об облике стольного града Мономашичей, складывающемся из немногочисленных письменных свидетельств (Конявская, 2015). Зримые роскошь и размах города XII–XIII вв. проявляются в двух линиях древо-земляных укреплений: валов кремля и окольного города; белокаменном соборе Рождества Богородицы (Седов, 2023); двух парах золотых соборных дверей (Овчинников, 1978); обширном курганном могильнике в Михалях (Седова, 1997). Об этом же можно судить и по отдельным предметам, в частности таким как суздальский каменный змеевик с изображением семи отроков эфесских, клад золотых браслетов, медный позолоченный медальон с изображением Христа, выполненный в технике перегородчатой эмали (рис. 1, 1), фрагменты расписных стеклянных сосудов (рис. 1, 3), серебряный колт, декорированный в технике скани и зерни

(рис. 1, 4). Таким образом, спустя 200 лет исследований мы оказываемся в том же положении, что и А.С. Уваров, начавший первые раскопки в городе в 1851 г. (рис. 2) и не получивший ярких результатов (Макаров, 2023б). Центральная часть в пределах валов кремля — остатков стен, поставленных Владимиром Мономахом, активно исследовалась археологами в XX в. Работы классиков отечественной средневековой археологии Н.Н. Воронина, А.Ф. Дубынина, А.Д. Варганова, В.В. и М.В. Седовых позволили составить первое представление о культурном слое города, домостроительстве и фортификации (Седова, 1997; Макаров, 2023б).

Задача целостного представления городской среды стольных городов русских княжеств — одна из центральных в археологии средневековой Руси начиная с середины XX в., но и одна из самых сложных. Монографические издания, дающие цельное представление о конкретных городах, их общей структуре и организации массовой застройки, особенностях сложения

Рис. 1. Статусные предметы из культурного слоя средневекового Суздаля. 1 — медальон с цветными эмалями, ул. Коммуны (Ивановский государственный историко-краеведческий музей, 77233/485); 2 — резная костяная пластина, ул. Коммуны/Лебедева (Владими́ро-Сузда́льский музе́й-заповедник (ВСМЗ), В-41518/190); 3 — фрагмент стеклянного расписного сосуда, Ризоположенский м-рь (ВСМЗ, В-50842/3); 4 — серебряный пятилучевой колт, Торговая площадь, 2020 г.; 5 — печать с изображением Богоматери Оранты и греческой благопожелательной надписью; 6 — позолоченный колт с цветными эмалями (5, 6 — Городской сад на ул. Кремлевская, 2024 г.); 7 — энколпион, декорированный цветными эмалями, ул. Ленина, 57. 1–3 [Электронный ресурс]: 1 — по: Коллекция предметов...; 2 — по: Накладка на шкатулку...; 3 — по: Сосуда фрагмент...

Fig. 1. High-status objects from the cultural layer of medieval Suzdal

среды, редки, и книга М.В. Седовой «Суздаль в X–XV веках» (1997) — значимый образец этого жанра. Она совмещает подробную публикацию материалов конкретных раскопок и эталонных комплексов с созданием общей картины городской жизни и разных ее аспектов (строительных традиций, уклада, быта и занятий горожан). Это стало возможным благодаря единой научной программе и общей координации всех археологических работ, которые велись в городе с 1967 по 1991 г. Выбор мест для раскопок подчинялся задаче изучения важнейших элементов городской структуры, в первую очередь княжеского и епископского двора, городских кварталов внутри городских стен, поэтому основные площади исследованы в центре кремля и окольного города, а на заключительном этапе многолетнего цикла работ — на открытом посаде, на территории Ризоположенского монастыря. Картина формирования городской территории, представленная М.В. Седовой в 1997 г., основывалась на материалах раскопок 1934–1990 гг. на 33 участках общей площадью 4300 м².

С конца XX в. на смену академическим раскопкам в городе пришли массовые и разнородные охранные работы, которые ведутся независимыми археологическими командами, использующими разные методические подходы

к полевым работам и приемам фиксации материала. Площадные раскопки потеснены локальными вскрытиями, наблюдениями на линейных объектах, шурфовкой и т.п.; археологи вынужденно перемещаются из исторического центра на периферию города. В то же время материалы раскопок последних трех десятилетий обладают несомненным преимуществом — они раскрывают значительные по площади участки городской территории, охватывая все районы средневекового города. Так, за период с 1991 по 2021 г. спасательными раскопками в Суздале вскрыта площадь 7107.43 м², а археологические наблюдения проведены на площади 3608.1 м². В ходе работ 2022–2024 гг., предшествовавших празднованию 1000-летия города, экспедициями Института археологии исследовано раскопками еще 2232.59 м² и проведены археологические наблюдения на площади 2201.02 м². Таким образом, на три полевых сезона приходится не менее 31.41% площадей раскопок и 61% — наблюдений последних 30 лет.

К концу 2010-х годов стало очевидно, что полная публикация постоянно пополняющегося массива данных, полученных в ходе охранных работ, затруднительна, и для его обобщения необходимо найти иные ходы, позволяющие получить ответы на актуальные вопросы, возникающие в

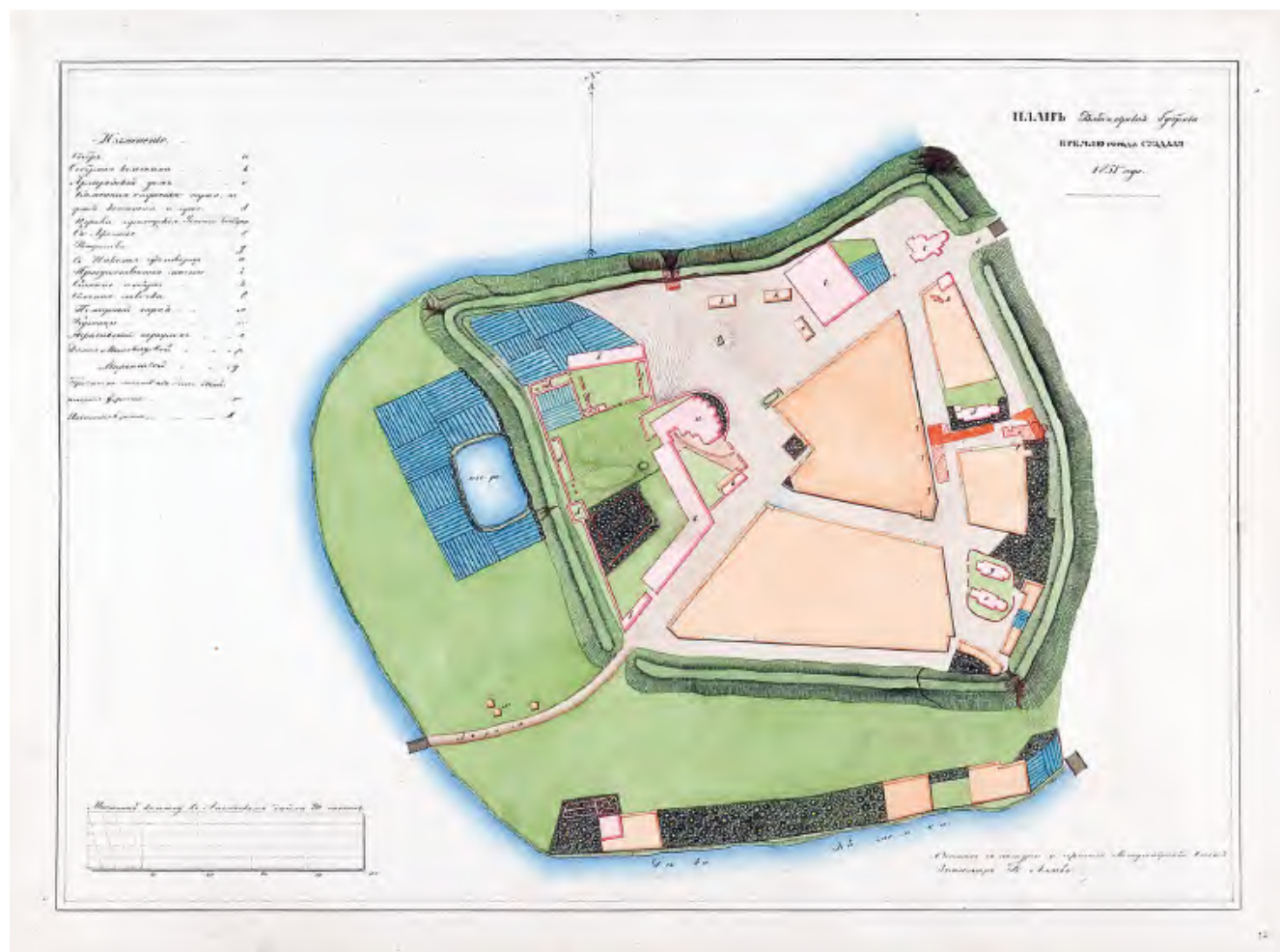

Рис. 2. «План Владимирской губернии Кремлю города Суздаля 1851 г.» из альбома «Суздаль. Планы и карты. 1851—1852» (Государственный исторический музей, отдел картографии, фонд I гр. № 65397, ГО-3662, ТО № 3662). Оранжевыми штриховкой и заливкой показаны раскопы 1851 г. (в северной части вала и на предполагаемом месте княжеского двора у ц. Афанасия и Кирилла).

Fig. 2. “Plan of the Kremlin in the city of Suzdal, Vladimir Province, 1851” from the album “Suzdal. Plans and maps. 1851—1852” (State Historical Museum, Cartography Department, Collection I, Group No. 65397, GO-3662, List No. 3662). The excavations units of 1851 (in the northern part of the rampart and at the supposed site of the princely court near the Sts. Athanasius and Cyril Church) are shown in orange shading and filling

процессе изучения средневекового города. Таким, в чем-то парадоксальным, стало применение при анализе результатов городских раскопок подходов, которые продемонстрировали свою эффективность при работе с материалами разведок на распахиваемых памятниках Ополя. Это акцент на выявлении и отборе наиболее выразительных (хронологически и культурно) и в то же время массовых комплексов древностей; учет не только эталонных, закрытых комплексов, но и значимых категорий из перемешанных слоев (Макаров, 2023a). Приоритетом стало пополнение статистически надежных выборок хроноиндикаторов, несмотря на снижение детальности единичных датировок. Такой взгляд на работу с

древностями был усвоен авторами статьи в Суздальской археологической экспедиции ИА РАН, возглавляемой Н.А. Макаровым.

Использование предлагаемых подходов позволило не только уточнить динамику развития средневекового Суздаля, но и прояснить особенности его социальной организации. Внимательное рассмотрение археологических коллекций дало возможность приблизиться к пониманию специфики как самого городского организма Суздаля, так и предполагаемых моделей организации поселенческих структур средневековой Руси. Расположение построек, характер материальной культуры в разных районах города,

особенности распределения и концентрации отдельных категорий древностей становятся источником для прояснения топографии города, особенностей социальной организации горожан, понимания путей взаимодействия города с сельской округой.

Обобщение материалов полевых работ, проведенных после 1991 г., стало возможным благодаря технологическому скачку, который совершила отечественная археология в последние десятилетия в рамках общего технологического прогресса. Например, благодаря переходу к цифровой фотографии, чертежам и описям, что упростило работу с документацией; некоторой стандартизации формальных требований к полевым отчетам, например обязательному включению в отчеты изображений всех предметов, помещенных в описи индивидуальных находок; общей унификации и модернизации представления материала в полевых отчетах. Первые результаты такого обобщения на современной основе представлены в посвященной городу главе коллективной монографии (Археология Суздальской земли, 2023; см. также: Федорина и др., 2023). Продолжая эту работу, прокомментируем некоторые стороны городской истории в «домонгольскую» эпоху, подсвечиваемые новым археологическим материалом.

Один из постоянных вопросов историографии — вопрос о первоначальных размерах Суздаля, скорости и характере роста городской территории. М.В. Седова фиксировала напластования X—начала XI в. на территории раскопок к северу от Рождественского собора, в мысовой части кремля, считая на этом основании, что первоначальная территория города занимала около 1,5 га (Седова, 1997). В работах XXI в. культурные слои этого времени, маркированные лепной керамикой без примеси круга, выявлены только в раскопе Д.А. Кабаева по адресу ул. Кремлевская, 17 (Кабаев, 2014). Предметов или керамики, которые можно датировать узко — рубежом тысячелетий, в коллекциях практически нет. Значительно лучше, правда, в переотложенном виде, представлены маркеры «долгого XI в.»: синий бисер, глазчатые бусы, сердцевидная поясная накладка, амулет-топорик (Амулет-топорик бронзовый... [Электронный ресурс]), крест раннего типа (Креста медного... [Электронный ресурс]), раннекруговая керамика — в раскопе на ул. Кремлевская, 17 (окольный город); на территории кремля — фитильная трубка, ул. Лебедева, 15–17, серебростеклянная пронизка, ул. Варганова, 8 (Федорина и др., 2023. С. 235. Рис. 106, 14).

Скромные размеры ранней группы древностей в коллекциях, собранных на участках внутри кремлевских стен, отчасти следствие сохранности древнейших напластований — так, серия раскопов по ул. Варганова показала, что в южной части суздальского кремля вдоль линии укреплений культурные слои были срезаны на значительной площади не позднее XV в. (Сафонов, 2022; Федорина и др., 2023). Новые участки слоя, исследованные на всю глубину, в западной части кремля, там, где можно было бы проследить границы застройки начального Суздаля, в последние годы не выявлены. Здесь в основном велись приповерхностные наблюдения при прокладке коммуникаций уличного освещения. Тем не менее яркие хроноиндикаторы XI в. зафиксированы в переотложенном виде, например византийская печать Григория нотария (Макаров и др. [Электронный ресурс]).

Для понимания темпов развития города важны раскопки по адресам ул. Лебедева, 11 и ул. Кремлевская, 5–9 (рис. 3, 4). В этих точках зафиксирована лепная керамика (рис. 3), а также фрагменты ранних типов круговой посуды, в том числе горшки с манжетовидным венчиком (варианты типа IV по В.А. Лапшину, 1992). Следовательно, не позднее второй половины—конца XI столетия площадь города составляет более 10 га, а к концу эпохи Владимира Мономаха достигает не менее 18 га.

Остановимся подробнее на материалах раскопов по ул. Кремлевская, 5–9, где исследования охватили значительный участок окольного города, от кремлевского рва до недавно созданного Центра Мира (включительно). Эти раскопки велись отдельными небольшими узкими траншеями и шурфами-«захватками» при большой мощности культурного слоя (до 3 м), так как сопровождали реставрационные работы и были связаны с укреплением фундаментов ныне существующих зданий. Очевидно, работы узкими траншеями в условиях средневекового города не оптимальное решение — они редко раскрывают археологические объекты полностью, сводя к минимуму планиграфические наблюдения, но важная черта данного участка — очень хорошая сохранность средневекового культурного слоя. В результате каких-то масштабных планировочных работ он оказался законсервирован и отделен от лежащих выше напластований XVI–XIX вв. слоем глины до 25–30 см (рис. 4, 1, 4). Такая мощная прослойка оберегает древнейшие слои от поздних перекопов и иных нарушений, обычно характерных для культурных слоев

Рис. 3. Фрагменты лепных сосудов рубежа I–II тыс. (ул. Кремлевская, 7, 2023 г.).

Fig. 3. Fragments of hand-made vessels from the turn of the 1st–2nd millennia AD (excavations of 2023 at 7 Kremlevskaya street)

Суздаля. Мощность нижних непотревоженных слоев составляла от 30 до 80 см.

Судя по отдельным находкам, освоение территории будущего окольного города вдоль ул. Кремлевская, продолжающей одну из главных улиц первоначальной застройки, началось не позднее рубежа XI–XII вв., но постройки этого времени на раскрытых участках единичны. По-видимому, основное пятно застройки совпадает с современным и древние подполья находятся под подвалами строений XIX в. Возможно, часть культурного слоя была подрезана при обустройстве территории во второй половине XII в. Важно отметить, что прямым продолжением средневековой застройки, изученной в траншеях по ул. Кремлевская, являются улица и часть городской усадьбы XI–начала XII в., раскрытые в раскопе по улице Ленина, 76 (Федорина и др., 2023). Здесь XI век

документирован как вещевыми комплексами, так и радиоуглеродными датировками надворных объектов, например дата образца KIA-48456b — 970–1040 (полный список дат см. Археология..., 2023. Т. 2, прилож. 2).

Следовательно, первый заметный скачок роста городской территории, как и предполагала М.В. Седова, приходится на середину–вторую половину XI в., время после уставления Суздальской земли Ярославом Мудрым. Благодаря работам последних лет становится понятно, что речь идет не только об экстенсивном расширении территории, но и об уплотнении и унификации застройки на освоенных ранее площадях. Эти процессы выразились в развитии уличной системы, формировании огороженных частокотлами усадебных комплексов со схожими принципами размещения надворных построек, что надежно

Рис. 4. Материалы раскопок по ул. Кремлевская, 5 (5), 7 (1–4). 1 – северо-восточный профиль «захватки» 19 траншеи 4; 2 – свинцовые пломбы дрогичинского типа; 3 – стеклянные бусы; 4 – юго-восточный борт раскопа 1; 5 – янтарь-сырец.

Fig. 4. Excavation materials at 5 (5) and 7 (1–4) Kremlevskaya street, Suzdal

документировано работами по адресу ул. Ленина, 76 (Федорина и др., 2023). Выявленная здесь застройка типологически и структурно близка к

той, что фиксировалась в раскопах А.Ф. Дубынина по ул. Коммуны и М.В. Седовой к западу от Успенской церкви (Седова, 1997. Рис. 11, 31).

Этот скачок роста города и изменение его статуса при Владимире Мономахе оформляются первым каменным (плинфяным) собором и новыми мощными древо-земляными кремлевскими стенами. Отметим, что ранние стены на этом участке возведены скорее в середине—второй половине XI столетия и поставлены поверх культурного слоя с лепной керамикой (см. Коваль, 2023. С. 60), что больше соответствует характеру застройки, раскрытой в успенских раскопах. Подчеркнем единообразие структуры застройки внутри и снаружи возведенных стен. В этот период развивается и заречная часть города у Дмитриевского монастыря и к югу от кремля.

Лоскутность застройки, которая в том или ином виде свойственна Суздалью на протяжении всей его истории, в XI—начале XII в. фиксируется не только на открытых посадах, но и в пределах кремлевских стен — плотно застроенные кварталы (раскопки 1930-х годов под руководством А.Ф. Дубынина) соседствуют с относительно пустыми участками. Яркий пример — раскоп по ул. Лебедева, 11, расположенный в непосредственной близости от исследованных А.Ф. Дубыниным усадеб. Здесь на площади 271 м² найдены отдельные ранние предметы и керамика, но не выявлены надворные постройки. Вероятно, территория не была полностью застроена, освоение осуществлялось отдельными пятнами, между которыми располагались сельскохозяйственные угодья, велась хозяйственная деятельность — следы распашки фиксируются на ул. Лебедева, 11, в раскопах у Константино-Еленинской церкви (Седова, 1997) и по ул. Ленина, 76 (Федорина и др., 2023. С. 238. Рис 108).

Говоря об организации городского пространства, интересно посмотреть на взаиморасположение точек с ранними находками и курганных групп, границы которых все четче прослеживаются благодаря работам последних лет. При проведении археологических наблюдений 2024 г. установлено, что один из трех курганно-грунтовых могильников, расположенный в районе ул. Васильевская, имел значительно большие размеры, чем предполагалось ранее. Его территория расширилась на 50 м к югу. Своеобразное кольцо кладбищ по внешним границам застройки в разные периоды свойственно как городам Севера Руси — Старой Ладогге, Пскову, так и Юга — самые яркие примеры Киев и Чернигов. Аналогичная традиция организации обжитого пространства известна для открытых торговых-ремесленных поселений и протогородских образований: Гнёздово, Рюриково городище,

Шестовицы, Тимирево (подробнее см. Михайлов, 2012; Русь в IX—X веках..., 2012). В первой половине XII в. городские кварталы включены в очень плотную пространственную структуру: с одной стороны, можно видеть некоторый запас роста территории внутри кольца могильников (Михайловского, «северного» (квартал между ул. Гастева и Ленина), «восточного» (ул. Васильевская)), с другой — незначительное расстояние до ближайшей «сельской застройки».

Время наивысшего расцвета города — период середины XII — середины XIII в. — эпоха Юрия Владимировича Долгорукого, его сыновей и внуков. В этот период площадь городской застройки составляет не менее 96.5 га; почти половину этого пространства занимают неукрепленные посады (48 га). В пределах кремля и окольного города материалы этого периода выявлены на всех участках, где проводились исследования. В 2021–2024 гг. аналогичная плотность построек и насыщенность слоев отмечены на значительном расстоянии от городских стен, на разных участках посадов — при раскопках на ул. Шевченко, 23, Пушкарская, 49, Гастева, 1, Ленина, 120, Ризоположенского монастыря, на ул. Васильевская и Виноградова. Окончательно оформляется многочастная система укреплений (возводится стена окольного города), жилая застройка охватывает территории, ранее использовавшиеся под сельскохозяйственные угодья и курганные могильники.

Суздаль второй половины XII — первой половины XIII в. существенно уступал по своим размерам стольным городам Северо-Восточной Руси, Ростову (200 га) и Владимиру (не менее 145 га), и столицам других древнерусских княжеств. По своим размерам он был близок по площади таким городам Северо-Восточной Руси, как Городец (90 га) и Переяславль (75 га). Эти скромные размеры не должны вводить в заблуждение, так как расстояние до ближайших пятен культурного слоя, связываемых с сельским населением, составляет от 100 до 700 м, а материальная культура населения городских окраин и сел схожа. В условиях лоскутности застройки, характерной для Суздаля, недостаточной плотности «археологических окон» и скудости нарративных источников о поселениях этой эпохи не всегда можно надежно разграничить территорию города и пригородных сел. Очевидно одно — прочная связь между «городом» и «землей», прозрачность и проницаемость этих границ как в пространственном, так и в социальном смысле — одна из самых ярких черт Суздаля как единого организма.

Облик материальной культуры этой эпохи, зафиксированный на различных раскопах последних лет, довольно традиционен для Суздаля и представлен большим разнообразием вещей, отражающих повседневную жизнь и хозяйственные занятия горожан. В разделе двухтомника, посвященном городу (Археология..., 2023), сделана попытка показать отсутствие резких колебаний уровня достатка у жителей разных районов города, некоторую эгалитарность суздальского мира, невозможность вычленив в структуре застройки обособленные аристократические кварталы. Так, предметы престижного потребления: стеклянная посуда, импортные пищевые продукты (инжир), исключительные по богатству или ремесленному мастерству оружие, предметы быта и украшения — найдены как в пределах центральных районов города (кремля, окольного города), так и на территории неукрепленных посадов в разных концах города. Работы последних лет дали дополнительные подтверждения этому тезису.

Одной из самых выразительных находок сезона 2024 г. стала резная костяная накладка на ларец с изображением Геракла. Изображение характеризует очень искусная резьба, тонкость и проработанность деталей: складок плаща, рельефа мышц воина, распущенных кудрей — все это говорит о мастерстве резчика (подробнее о находке см. Милованов и др. [Электронный ресурс]). Пластина с Гераклом происходит с усадьбы в южной части окольного города. Помимо резной пластины в раскопе найдены каменные кресты, энколпион, стеклянный сосуд с росписью эмалями, пломбы дрогичинского типа. Сама пластина происходит из заполнения ямы, датируемой серединой XII — началом XIII в.

Костяные и роговые накладки на домашнюю и церковную утварь — яркий элемент средневековой культуры. Они составляли наборы, необходимые для украшения внешних поверхностей ларцов, дарохранилищ, иногда переплетов. Тем удивительнее редкость таких находок в суздальском культурном слое: предмет с изображением Геракла — вторая за многие десятилетия раскопок. Первая находка (рис. 1, 2) представляла собой две соединенные шпёнками накладки, выполненные в западноевропейских мастерских, с изображением богатого замка и сада (М.В. Седова интерпретировала сюжет, как «Штурм замка любви»). Изделие обнаружено А.Ф. Дубыниным в раскопах по ул. Коммуны, в глубине кремлевской территории (Седова, 1997). Усадьбы, раскопанные в 30-е годы XX в.,

содержали богатый и разнообразный инвентарь, в том числе упомянутый выше медный позолоченный медальон с перегородчатыми эмалями с изображением Христа, костяное писало, фрагмент серебряной гривны, три слитка свинца.

Среди статусных предметов, найденных за пределами обеих линий укреплений, важна находка вислой печати, связываемой с канцелярией Юрия Долгорукого (подробнее см. Макаров и др. [Электронный ресурс]), на юго-восточной окраине посада (ул. Шевченко, 23), на участке, где ранее высокий уровень благосостояния жителей маркировался только находками фрагментов амфор, тогда как большая часть находок говорила о ремесленном характере занятий жителей квартала. Комплекс предметов-маркеров благосостояния из раскопа по адресу Шевченко, 23 дополняют находки нескольких свинцовых пломб (рис. 5, 2). Интересно, что в вещевом комплексе усадьбы, раскопанной в 2023 г., есть находка книжной застежки, которая не была завершена мастером (рис. 5, 4) — не удалены излишки металла. Вероятно, поблизости существовала мастерская, где среди прочих мелких бронзовых предметов изготавливалась книжная фурнитура или велась работа с книжными переплетами.

Схожее сочетание предметов функциональных групп зафиксировано также на северной окраине города (ул. Гастева, 1): в кварталах скопления ремесленных мастерских, связанных с обработкой металлов (Рузанова, Баранов, 2020); на усадьбе, где раскрыты жилые постройки с глубокими подпольями, среди находок — бронзовый стиль/писало и свинцовые пломбы, что соответствует высокому уровню достатка горожан (рис. 5, 6, 7).

Крупное по суздальским меркам скопление свинцовых пломб зафиксировано в уже упомянутых траншеях по улице Кремлевская — за 3 года работ здесь собрано более 40 экз. (рис. 4, 2). С учетом того, что трасса Кремлевской улицы на этом участке близка средневековой, можно предполагать, что в раскопы попали края торгового или административного квартала города. Как видно на составленной нами карте (Федорина и др., 2023. С. 245. Рис. 113), находки пломб на территории города регулярно фиксируются как в пределах оборонительных укреплений, так и за ними, но, как правило, это единичные находки. Из крупных скоплений (16 экз.) выделим участок, раскопанный Д.А. Кабаевым и О.А. Несмиян, по ул. Слободская (Кабаев, 2008; Несмиян, 2011). Коллекция пломб, собранных на участке работ по ул. Кремлевская, — крупнейшая в Суздале.

Рис. 5. Находки из раскопок в Суздале в 2022–2024 гг. 1 — печать с изображением св. Георгия и княжеским знаком; 2, 6 — свинцовые пломбы дрогичинского типа; 3 — матрица для тиснения; 4 — деталь книжной застежки; 5 — литник; 7, 8 — писала; 9 — топорик (1–5 — ул. Шевченко, 23, 2023 г.; 6, 7, 9 — ул. Гастева, 1, 2024 г.; 8 — ул. Кремлевская, 7, 2022 г.).

Fig. 5. Finds from the 2022–2024 excavations in Suzdal

Среди исследователей нет единого мнения о назначении малых свинцовых пломб, подобные находки связываются с административно-налоговой деятельностью, торговлей мехами, в некоторых случаях они могли использоваться для опечатывания писем и т.п.

(историографический обзор см. Гайдуков, 2023). В любом случае выявленные скопления пломб отражают неординарный характер дворов, поставленных вдоль улицы Кремлевской, соединяющей торг и центр кремля с собором и княжеским двором.

Участие в торговле жителей улицы Кремлевская подтверждает и исключительная плотность стеклянных находок, в первую очередь бус и бисера — одной из значимых и заметных категорий товара на средневековом рынке. Их доля от общего числа индивидуальных находок на раскопе по адресу ул. Кремлевская, 7 составляет 38.8% (259 экз.). Важно, что в коллекции нет бракованных изделий, как и иных следов производства, — перед нами именно товары. Бусы происходят из культурного слоя XII—начала XIII в., наибольшее их количество (120 экз.) залегало компактно на участке площадью 96 м². Найденные бусы выполнены в технике навивки. Преобладают экземпляры из прозрачного желтого стекла, заметную долю составляют бусы из зеленого стекла, декорированные накладными нитями, и выполненные из слоеного стекла (рис. 4, 3). Подобные бусы имеют довольно широкое распространение на территории Древней Руси и датируются XII—XIII вв. В тех же слоях найдены фрагменты стеклянных перстней, пуговиц, браслетов. Еще одна категория древностей, связанная с торговлей, заметная в коллекциях кремлевских траншей, — фрагменты балтийского янтаря (рис. 4, 5), использовавшегося для изготовления как поделок, так и олифы, необходимой для живописных работ.

Работы последнего десятилетия заметно расширили серию уникальных предметов, которые иллюстрируют художественный вкус и виртуозность навыков средневековых ремесленников. Речь идет о предметах, декорированных многоцветными эмалями¹. К 1991 г. эта группа древностей была почти не представлена в коллекциях Суздаля. Самые яркие находки — дарохранильница в виде голубя (Воронин, 1956. Рис. 12) и круглый медальон с изображением Спаса Эммануила и круговой надписью (рис. 1, 1), публиковались Н.Н. Ворониным (1956), М.В. Седовой (1997. С. 69). Медальон с довольно редким изображением Христа Эммануила повторно проанализирован в контексте находок последних лет (Макаров, Зайцева, 2023). Тем не менее цветные изображения этого образа ранее не публиковались. Мы попытались исправить этот досадный пробел.

В настоящее время коллекция предметов с многоцветными эмалями из раскопок в Суздале пополнилась створкой энколпиона (рис. 1, 7) и щитком колта (рис. 1, 6) с геометрическим декором. Эти находки связаны с разными

городскими кварталами (окольный город, Ленина, 57 и кремль, городской парк) и отражают разные сферы применения многоцветных эмалей в древнерусском искусстве. Детальное рассмотрение этих предметов, технологии их изготовления и особенностей использованных материалов — дело будущего. Завершая представленный обзор новых находок, следует подчеркнуть, что 170 лет археологического изучения Суздаля по-прежнему, кроме рутинных охранных работ и массовых стандартизированных предметов, дарят исключительные находки, радость открытия и пищу для размышлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амулет-топорик бронзовый. Коллекция: «Материалы раскопок в г. Суздале в 2014 г. на ул. Кремлевская, 17» [Электронный ресурс] // ГОСКАТАЛОГ.РФ. Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=29732528> (дата обращения: 29.07.2025).
- Археология Суздальской земли = Archaeology of the Suzdal' Country: в 2 т. Т. 1. Расселение и культурный ландшафт. Т. 2. Культура, общество, идентичность / Отв. ред. Н.А. Макаров; сост. Н.Д. Угулава. М.; Вологда: Древности Севера, 2023. 2 т.
- Воронин Н.Н. Археологические заметки // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1956. Вып. 62. С. 17–32.
- Гайдуков П.Г. О древнерусских товарных пломбах и топографии их находок // Новгородский исторический сборник. Вып. 20 (30). Великий Новгород, 2023. С. 3–28.
- Кабаев Д.А. Отчет о раскопках в г. Суздаль в 2008 году (раскоп 1, по ул. Слободская, 47–49). 2008 // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 43031–43033.
- Кабаев Д.А. Отчет об археологических раскопках в Суздале (ул. Кремлевская, 17 и ул. Мира, 2а) и во Владимире (ул. Воровского, 5) в 2014 г. 2014 // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 45534–45536.
- Коваль В.Ю. О фортификации Суздальского детинца в X–XII вв. // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 13 / Отв. ред. Н.А. Макаров; сост. С.В. Шполянский. М.: ИА РАН, 2023. С. 49–64.
- Коллекция предметов из раскопок А.Ф. Дубынина в г. Суздаль в 1939 году. Иконка медная [Электронный ресурс] // ГОСКАТАЛОГ.РФ. Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=27558348> (дата обращения: 29.07.2025).
- Конявская Е.Л. Суздальская земля от Юрия Долгорукого до Александра Невского (по ранним письменным источникам) // На пороге тысячелетия. Суздаль в истории и культуре России: К 990-летию первого упоминания Суздаля в древнерусских

¹Помимо массовых находок стандартных крестов-тельников с желтыми и зелеными эмалевыми вставками.

- летописях: науч.-практ. конф. (7 августа 2014 г.). Владимир: Гос. Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2015. С. 33–42.
- Креста медного орнаментированного фрагмент. Коллекция: «Материалы раскопок в г. Суздале в 2014 г. на ул. Кремлевская, 17». [Электронный ресурс] // ГОСКАТАЛОГ.РФ. Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=29732487> (дата обращения: 29.07.2025).
- Лапшин В.А. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: ИА РАН, 1992. С. 90–102.
- Макаров Н.А. 20 лет археологических исследований в Суздальском Ополе // Археология Суздальской земли. Т. 1. Расселение и культурный ландшафт / Отв. ред. Н.А. Макаров; сост. Н.Д. Угулава. М.; Вологда: Древности Севера, 2023а. С. 11–25.
- Макаров Н.А. Исследователи и идеи // Археология Суздальской земли. Т. 1. Расселение и культурный ландшафт / Отв. ред. Н.А. Макаров; сост. Н.Д. Угулава. М.; Вологда: Древности Севера, 2023б. С. 26–39.
- Макаров Н.А., Гайдуков П.Г., Милованов С.И. Князь Юрий Владимирович и нотари Григорий: новые сфрагистические находки из Суздаля [Электронный ресурс]. URL: <https://archaeolog.ru/press/articles/knyaz-yuriy-vladimirovich-i-notar-grigoriy-novye-sfragisticheskie-nakhodki-iz-suzdalya> (дата обращения: 19.07.2025).
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Христианская пластика: подвески-образки и змеевики // Археология Суздальской земли. Т. 2. Культура, общество, идентичность / Отв. ред. Н.А. Макаров; сост. Н.Д. Угулава. М.; Вологда: Древности Севера, 2023. С. 158–183.
- Милованов С.И., Афонькин И.А., Кукушкин Ф.Ф., Сазонов С.В. Находка резной костяной накладки из Суздаля [Электронный ресурс]. URL: <https://archaeolog.ru/press/articles/nakhodka-reznoy-kostyanoy-nakladki-iz-suzdalya> (дата обращения: 19.07.2025).
- Михайлов К.А. Сравнительная топография первых древнерусских городов IX–X вв. (к юбилею одной статьи) // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: сб. материалов Междунар. науч. конф. (Вологда — Кириллов — Белозерск, 6–8 июня 2012 г.) / Ред. С.Д. Захаров, А.В. Суворов. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 5–20.
- Накладка на шкатулку. Коллекция: Материалы раскопок в г. Суздале в 1937 г. (ул. Лебедева) [Электронный ресурс] // ГОСКАТАЛОГ.РФ. Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=1505620> (дата обращения: 29.07.2025).
- Несмиян О.А. Отчет об археологических исследованиях в городе Суздале, улица Слободская, 47–49 в 2010–2011 годах. 2011 // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 30726–30729.
- Овчинников А.Н. Суздальские золотые врата. М.: Искусство, 1978. 36 с., 64 л. ил.
- Рузанова С.А., Баранов Н.А. Новые данные о металлопроизводстве средневекового Суздаля // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2020. С. 63–79.
- Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. 496 с.
- Сафронов П.И. Научный отчет об археологических раскопках и наблюдениях на территории ОАН «Культурный слой, валы, рвы города Суздаля» на земельном участке, расположенном по адресу: г. Суздаль, ул. Варганова, д. 6 во Владимирской области в 2022 г. // Архив Института археологии РАН.
- Седов Вл.В. Суздальский собор Рождества Богородицы XII–XIII вв. Историко-архитектурный очерк // Археология Суздальской земли. Т. 2. Культура, общество, идентичность / Отв. ред. Н.А. Макаров; сост. Н.Д. Угулава. М.; Вологда: Древности Севера, 2023. С. 261–285.
- Седова М.В. Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир, 1997. 235 с.
- Сосуда фрагмент. Коллекция: Материалы раскопок в г. Суздале в 1990 г. (Ризоположенский монастырь) [Электронный ресурс] // ГОСКАТАЛОГ.РФ. Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=4851712> (дата обращения: 29.07.2025).
- Федорина А.Н., Макаров Н.А., Милованов С.И., Баранов Н.А. Суздаль: формирование городской территории в X–XV вв. // Археология Суздальской земли. Т. 2. Культура, общество, идентичность / Отв. ред. Н.А. Макаров; сост. Н.Д. Угулава. М.; Вологда: Древности Севера, 2023. С. 231–252.

NEW DEVELOPMENTS IN THE ARCHAEOLOGY OF SUZDAL. BASED ON THE WORKS OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY RAS IN RECENT YEARS

Anastasiya N. Fedorina* and Sergey I. Milovanov**

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

*E-mail: nasfed@yandex.ru

**E-mail: milovan@bk.ru

The 21st century Suzdal, like many other historical cities, is a site of massive yet chaotic archaeological conservation work: excavations, test pits, and observations lacking a common plan and carried out by

different teams in different circumstances. To date, the archaeologically explored area of the town within the boundaries of the 18th century has more than doubled compared to the works conducted before 1990. Now this area is at least 9340 sq. m. The researchers summarized new disparate materials from Suzdal using approaches that have demonstrated their effectiveness on equally extensive and diverse exploration materials from rural settlements in Opolye. As a result, it made it possible to elaborate concepts of the urban territory development, as well as the nature and dynamics of urban space development. The materials obtained during the expeditions of the Institute of Archaeology RAS in 2022–2024 allow researchers to verify and replenish observations about the social topography of the medieval town and the everyday life of its dwellers.

Keywords: Suzdal, medieval town, development dynamics, social structures, spatial distribution of finds, lead seals, objects with cloisonné enamel, results of conservation works.

REFERENCES

- Appliqué on a box. Collection: Materials from the 1937 excavations at Lebedeva Street in Suzdal (Electronic resource). *GOSKATALOG.RF. Gosudarstvennyy katalog Muzeynogo fonda Rossiyskoy Federatsii* [*GOSKATALOG.RF. State Catalogue of the Museum Fund of Russia*]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=1505620>. (In Russ.)
- Arkheologiya Suzdal'skoy zemli [Archaeology of the Suzdal land]. 1. Rasselenie i kul'turnyy landshaft [Settlement and cultural landscape]. 2. Kul'tura, obshchestvo, identichnost' [Culture, society, identity]. N.A. Makarov, ed., N.D. Ugulava, comp. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, 2023. 2 vols.
- Bronze amulet-hatchet. Collection: "Materials from the 2014 excavations in Suzdal at 17 Kremlevskaya street" (Electronic resource). *GOSKATALOG.RF. Gosudarstvennyy katalog Muzeynogo fonda Rossiyskoy Federatsii* [*GOSKATALOG.RF. State Catalogue of the Museum Fund of Russia*]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=29732528>. (In Russ.)
- Collection of items from A.F. Dubynin's excavations in Suzdal in 1939. Copper icon (Electronic resource). *GOSKATALOG.RF. Gosudarstvennyy katalog Muzeynogo fonda Rossiyskoy Federatsii* [*GOSKATALOG.RF. State Catalogue of the Museum Fund of Russia*]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=27558348>. (In Russ.)
- Fedorina A.N., Makarov N.A., Milovanov S.I., Baranov N.A., 2023. Suzdal: formation of the urban territory in the 10th–15th centuries AD. *Arkheologiya Suzdal'skoy zemli* [Archaeology of the Suzdal land], 2. Kul'tura, obshchestvo, identichnost' [Culture, society, identity]. N.A. Makarov, ed., N.D. Ugulava, comp. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 231–252. (In Russ.)
- Fragment of an ornamented copper cross. Collection "Materials from the 2014 excavations in Suzdal at 17 Kremlevskaya street" (Electronic resource). *GOSKATALOG.RF. Gosudarstvennyy katalog Muzeynogo fonda Rossiyskoy Federatsii* [*GOSKATALOG.RF. State Catalogue of the Museum Fund of Russia*]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=29732487>. (In Russ.)
- Gaydukov P.G., 2023. On commodity seals of Rus and the topography of finding them. *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik* [Novgorod collection of papers in history], 20 (30). Velikiy Novgorod, pp. 3–28. (In Russ.)
- Kabaev D.A., 2008. Otchet o raskopkakh v g. Suzdal' v 2008 godu (raskop 1, po ul. Slobodskaya, 47–49) [Report on the 2008 excavations in Suzdal (excavation site 1, 47–49 Slobodskaya street)]. *Arkhib Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute of Archaeology RAS], F-1, R-1, № 43031–43033.
- Kabaev D.A., 2014. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Suzdale (ul. Kremlevskaya, 17 i ul. Mira, 2a) i vo Vladimire (ul. Vorovskogo, 5) v 2014 g. [Report on the 2014 archaeological excavations in Suzdal (17 Kremlevskaya street and 2a Mira street) and in Vladimir (5 Vorovskogo street)]. *Arkhib Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute of Archaeology RAS], F-1, R-1, № 45534–45536.
- Konyavskaya E.L., 2015. Suzdal land from Yuri Dolgorukiy to Alexander Nevsky (according to early written sources). *Na poroge tysyacheletiya. Suzdal' v istorii i kul'ture Rossii: K 990-letiyu pervogo upominaniya Suzdalya v drevnerusskikh letopisyakh: nauchno-prakticheskaya konferentsiya (7 avgusta 2014 g.)* [At the turn of the millennium. Suzdal in the history and culture of Russia: To the 990th anniversary of the first mention of Suzdal in Russian chronicles: Scientific and practical conference (August 7, 2014)]. Vladimir: Gosudarstvennyy Vladimiro-Suzdal'skiy muzey-zapovednik, pp. 33–42. (In Russ.)
- Koval V.Yu., 2023. Fortification of the Suzdal Detinets (fortress) in the 10th–12th centuries AD. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara* [Archaeology of the Vladimir-Suzdal land: Proceedings of the Scientific seminar], 13. N.A. Makarov, ed., S.V. Shpolyanskiy, comp. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 49–64. (In Russ.)
- Lapshin V.A., 1992. Ceramic scale of pre-Mongol Suzdal. *Drevnerusskaya keramika* [Ceramics of Rus]. S.A. Pletneva, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 90–102. (In Russ.)
- Makarov N.A., 2023a. 20 years of archaeological research in Suzdal Opolye. *Arkheologiya Suzdal'skoy zemli* [Archaeology of the Suzdal land], 1. Rasselenie i kul'turnyy landshaft [Settlement and cultural landscape]. N.A. Makarov, ed., N.D. Ugulava, comp. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 11–25. (In Russ.)

- Makarov N.A., 20236. Researchers and ideas. *Arkheologiya Suzdal'skoy zemli* [Archaeology of the Suzdal land], 1. *Ras-selenie i kul'turnyy landshaft* [Settlement and cultural landscape]. N.A. Makarov, ed., N.D. Ugulava, comp. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 26–39. (In Russ.)
- Makarov N.A., Gaydukov P.G., Milovanov S.I. Knyaz' Yuriy Vladimirovich i notar' Grigoriy: novye sfragisticheskie nakhodki iz Suzdalya (Elektronnyy resurs) [Prince Yuri Vladimirovich and the notary Grigoriy: new sphragistic finds from Suzdal (Electronic resource)]. URL: <https://archaeolog.ru/press/articles/knyaz-yuriy-vladimirovich-i-notar-grigoriy-novye-sfragisticheskie-nakhodki-iz-suzdalya>.
- Makarov N.A., Zaytseva I.E., 2023. Christian plastic art: pendants, icons, and serpentines. *Arkheologiya Suzdal'skoy zemli* [Archaeology of the Suzdal land], 2. *Kul'tura, obshchestvo, identichnost'* [Culture, society, identity]. N.A. Makarov, ed., N.D. Ugulava, comp. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 158–183. (In Russ.)
- Mikhaylov K.A., 2012. Comparative topography of the earliest Rus towns of the 9th–10th centuries AD (to the anniversary of one article). *Severnaya Rus' i problemy formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Vologda – Kirillov – Belozersk, 6–8 iyunya 2012 g.)* [Northern Rus and the problems of the Russian state formation: Proceedings from the International scientific conference (Vologda – Kirillov – Belozersk, June 6–8, 2012)]. S.D. Zakharov, A.V. Suvorov, eds. Vologda: Drevnosti Severa, pp. 5–20. (In Russ.)
- Milovanov S.I., Afon'kin I.A., Kukushkin F.F., Sazonov S.V. Nakhodka reznoy kostyanoy nakladki iz Suzdalya (Elektronnyy resurs) [Find of a carved bone appliqué from Suzdal (Electronic resource)]. URL: <https://archaeolog.ru/press/articles/nakhodka-reznoy-kostyanoy-nakladki-iz-suzdalya>.
- Nesmiyan O.A., 2011 Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v gorode Suzdale, ulitsa Slobodskaya, 47–49 v 2010–2011 godakh [Report on the 2010–2011 archaeological research in Suzdal at 47–49 Slobodskaya street] *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute of Archaeology RAS], F-1, R-1, № 30726–30729.
- Ovchinnikov A.N., 1978. Suzdal'skie zlatye vrata [Suzdal Golden Gate]. Moscow: Iskusstvo. 36 p., 64 pl.
- Rus' v IX–X vekakh: arkheologicheskaya panorama [Rus in the 9th–10th centuries AD: Archaeological panorama]. N.A. Makarov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, 2012. 496 s.
- Ruzanova S.A., Baranov N.A., 2020. New data on metal production in medieval Suzdal. *Arkheologiya Vladimir-Suzdal'skoy zemli* [Archaeology of the Vladimir-Suzdal land], 10. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 63–79. (In Russ.)
- Safronov P.I. Nauchnyy otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh i nablyudeniyyakh na territorii OAN «Kul'turnyy sloy, valy, rvy goroda Suzdalya» na zemel'nom uchastke, raspolozhennom po adresu: g. Suzdal' ul. Varganova, d. 6 vo Vladimirskoy oblasti v 2022 g. [Scientific report on the 2022 archaeological excavations and observations on the territory of the archaeological heritage object “Cultural layer, ramparts and moats of Suzdal” at 6 Varganova street, Suzdal, Vladimir Region]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute of Archaeology RAS].
- Sedov V.V., 2023. Suzdal Cathedral of the Nativity of the Theotokos from the 12th–13th centuries. Historical and architectural study. *Arkheologiya Suzdal'skoy zemli* [Archaeology of the Suzdal land], 2. *Kul'tura, obshchestvo, identichnost'* [Culture, society, identity]. N.A. Makarov, ed., N.D. Ugulava, comp. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 261–285. (In Russ.)
- Sedova M.V., 1997. Suzdal' v X–XV vekakh [Suzdal in the 10th–15th centuries AD]. Moscow: Russkiy mir. 235 p.
- Vessel fragment. Collection: Materials from the 1990 excavations in the Convent of the Deposition of the Robe in Suzdal (Electronic resource). *GOSKATALOG.RF. Gosudarstvennyy katalog Muzeynogo fonda Rossiyskoy Federatsii* [GOSKATALOG.RF. State Catalogue of the Museum Fund of Russia]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=4851712>. (In Russ.)
- Voronin N.N., 1956. Archaeological notes. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture], 62, pp. 17–32. (In Russ.)

«МОЙ ИЗВИЛИСТЫЙ ПУТЬ ПО ТРОПАМ АРХЕОЛОГИИ»: К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.Я. БРЮСОВА

© 2025 г. С.В. Кузьминых^{1,*}, И.В. Белозёрова^{2,**}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Государственный исторический музей, Москва, Россия

*E-mail: kuzminykh@yandex.ru

**E-mail: irina.belozero@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.05.2025 г.

После доработки 02.06.2025 г.

Принята к публикации 18.06.2025 г.

Статья посвящена вкладу А.Я. Брюсова в изучение эпох неолита и раннего металла центра и севера Русской равнины. Его становление в археологии происходило в городцовской научной школе 1920-х годов. Ученики В.А. Городцова, и в их числе Брюсов, в 1930–1940-е годы сохранили верность городцовскому типологическому методу в археологических исследованиях. Рассмотрена роль ученого как основоположника важнейших научных направлений в восточноевропейской археологии, организатора деятельности Отдела полевых исследований, инициатора внедрения в полевую и научную практику Института археологии АН СССР естественных методов исследований. Отражены его усилия по эвакуации и спасению коллекций ГИМ во время Великой Отечественной войны и поиску утраченных национальных ценностей в послевоенные годы. С именем Брюсова во многом связан выход советских археологов на международную арену в годы «холодной войны». В 1930–1960-е годы Александр Яковлевич Брюсов являлся одним из признанных лидеров отечественной археологии.

Ключевые слова: А.Я. Брюсов, Государственный исторический музей, Государственная Академия истории материальной культуры, Институт истории материальной культуры, Институт археологии АН СССР, история отечественной археологии.

DOI: 10.7868/S3034577425040131

30 сентября 2025 г. исполнилось 140 лет со дня рождения Александра Яковлевича Брюсова (1885–1966) — выдающегося ученого и неординарной личности, «извилистый путь» которого по тропам археологии был обращен к «уяснению путей человечества в древности» (Брюсов, 2012. С. 57). Яркий представитель первого поколения советских археологов, ученик В.А. Городцова в 1-ом МГУ и аспирантуре Института археологии и искусствознания РАНИОН, многолетний сотрудник Государственного исторического музея, Московского отделения Государственной Академии истории материальной культуры—Института истории материальной культуры (МО ГАИМК—ИИМК) и Института истории материальной культуры—Института археологии АН СССР (ИИМК—ИА АН СССР) наиболее плодотворные годы научной деятельности посвятил изучению эпох неолита и раннего металла центра и севера Русской равнины и стал основоположником

важнейших научных направлений в восточноевропейской археологии, первооткрывателем и исследователем многих ключевых памятников древнейшего прошлого нашей страны.

О Брюсове как археологе написано немало (Раушенбах, 1965; 1967; 1985; Линевский, 1967; Ошибкина, 1990; 2010; Формозов, 2006. С. 219–228; Кузьминых, Щавелёв, 2012а; б; Клейн, 2014. С. 254–267; Спиридонов, 2016; Белозёрова, 2022). Не касаясь оценки этих работ, отметим, что они не исчерпывают богатое научное наследие ученого, которое сокрыто в архивах и ждет своих исследователей. Наш очерк к 140-летию патриарха отечественной археологии базируется не только на опубликованных трудах и воспоминаниях, но и на рукописных материалах Отдела письменных источников Исторического музея (ОПИ ГИМ), Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) и Архива РАН (АРАН). Мы сосредоточимся в основном

на академической карьере Брюсова: его музейная деятельность подробно освещена в литературе (Белозёрова, 2015; 2022).

А.Я. Брюсов прожил долгую, насыщенную, богатую драматическими событиями и резкими поворотами судьбы жизнь. Ее вехи и детали отражены в автобиографиях, воспоминаниях и биографических записках ученого (ОПИ ГИМ. Ф. 545; ОР РГБ. Ф. 708; Брюсов, 2012. С. 13–57).

Александр Яковлевич родился 30 (17) сентября 1885 г. в Москве в купеческой семье. В 1904 г. окончил с золотой медалью 3-ю классическую гимназию (рис. 1, А). Поступил на историко-филологический факультет Московского университета, однако закончить обучение в тот период ему не удалось. Учеба прервалась в дни революции 1905 г., когда университет был закрыт из-за студенческих волнений и военного противостояния в Москве. По завершении беспорядков в

университет Александр не вернулся, начал путешествовать по свету благодаря наследству, полученному от деда Кузьмы Андреевича, выходца из костромских крестьян. В 1906–1910 гг. Брюсов объехал полмира (Франция, Италия, Германия, Австро-Венгрия, Греция, США, Египет, Индия, Цейлон, Индокитай, Япония и Австралия), знакомясь в этих странах и регионах с памятниками культуры (Брюсов, 2012. С. 9, 13; ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 364) (рис. 1, Б). Вернувшись в Россию в 1911 г. для отбытия воинской повинности, ему пришлось на долгие годы оставить университет. Младший брат известного русского поэта-символиста Валерия Брюсова, Александр, чья юность прошла в кругу поэтов Серебряного века, обладал писательским дарованием, и с 1914 г. в основном занимался литературной работой: печатал стихи под различными псевдонимами (один из них Alexander), переводил на русский

Рис. 1. А – Александр Брюсов – выпускник 3-й Московской классической гимназии. 1904 г. ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 366. Л. 23. Б – Путешествуя по миру... 1908 г. ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 366. Л. 58.

Fig. 1. А – Aleksandr Bryusov, a graduate of the 3rd Moscow Classical Gymnasium. 1904. Written Records Department of the State Historical Museum. Coll. 545. File 366. P. 23. Б – Traveling the world... 1908. Written Records Department of the State Historical Museum. Coll. 545. File 366. P. 58

Рис. 2. Лагерь военнопленных в г. Нейсе. 1917 г. А.Я. Брюсов третий слева во втором ряду. ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 367. Л. 15.

Fig. 2. Prisoner of war camp in Neisse. 1917. A.Ya. Bryusov is third from the left in the second row. Written Records Department of the State Historical Museum. Coll. 545. File 366. P. 15

язык произведения классической английской, испанской и португальской литературы (Брюсов, 2012. С. 8–11).

С началом Первой мировой войны Брюсов как прапорщик запаса был призван в действующую армию, командовал пехотной ротой на Юго-Западном фронте. В 1915 г. при прорыве немцами фронта под Влодавой попал в плен. До декабря 1918 г. находился в лагере для военнопленных в г. Нейсе (Силезия) (рис. 2); отдушиной за колючей проволокой были чтение, переводы беллетристики с иностранных языков (Белозёрова, Марштупа, 2017), фотографирование¹ (рис. 3). В начале 1919 г. вернулся Москву и по рекомендации брата Валерия недолго работал

¹А.Я. Брюсов не расставался с фотоаппаратом большую часть жизни. В 1912–1913 гг. фотоаппараты, принадлежности для фоторабот и химикаты даже входили в ассортимент товаров его магазина на Мясницкой улице (Воронцова, Перцова, 2011. С. 68). В архиве ученого сохранился значительный блок фотографий, снятых в лагере в Нейсе (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 367).

старшим библиотекарем в Отделе печати Моссовета. В январе 1920 г. был призван в Красную Армию и по состоянию здоровья направлен на строящуюся Сокольническую радиостанцию. Вскоре было востребовано его знание иностранных языков² — Александр стал переводчиком в информационном отделе Управления связи Красной армии. Службу завершил в должности зам. начальника информационной части 9-го отдельного радиотелеграфного батальона (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 1. Л. 21) (рис. 4).

Находясь в армии до октября 1924 г., Брюсов решил продолжить прерванное в 1911 г. обучение. Истфилфак 1-го МГУ тогда был закрыт, и он планировал поступить в МАИ. Позднее ученый вспоминал: «Об археологии же, признаюсь, я имел в то время очень смутное представление. <...> Но как раз в это время Археологический

² А.Я. Брюсов читал на английском, немецком, итальянском, испанском, португальском, шведском, норвежском, датском; говорил на французском и немецком языках (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 1. Л. 51).

Рис. 3. Магазин фотографических и электротехнических принадлежностей А.Я. Брюсова на Мясницкой улице в Москве. ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 366. Л. 95.

Fig. 3. A.Ya. Bryusov's photographic and electrical supplies store in Myasnitskaya Street in Moscow. Written Records Department of the State Historical Museum. Coll. 545. File 366. P. 95

институт был ликвидирован, А.И. Успенский³ был арестован, а все дела института были переданы в 1-й Московский университет, в котором было организовано Отделение археологии и искусствознания. Таким образом, я все-таки оказался снова студентом Московского университета» (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 331. Л. 2).

В архиве Брюсова сохранилась справка (14.04.1920) Радиоотдела управления связи Красной армии, данная ему для поступления в «1-й Гос. университет» и «слушанья лекций в свободное от службы время» (ОР РГБ. Ф. 708. Оп. 1. Д. 3. Л. 1). Так он стал студентом факультета общественных наук 1-го МГУ, отделения «Искусство и археология», секции «Археология», которую возглавлял В.А. Городцов. Среди его сокурсников — А.П. Смирнов,

³Успенский Александр Иванович (1873–1938) — археограф, церковный историк, искусствовед, археолог, основатель, директор и преподаватель МАИ; см. подробнее: (Розанов, 1991).

Рис. 4. На службе в Управлении связи Красной армии. 31.08.1922 г. ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 366. Л. 118.

Fig. 4. Serving in the Red Army Communications Directorate. 31.08.1922. Written Records Department of the State Historical Museum. Coll. 545. File 366. P. 118

М.Е. Фосс, П.А. Дмитриев и другие в будущем известные археологи — воспитанники университетской школы Городцова (Кузьминых, Белозёрова, 2023). Они объединились в особое братство, некий клан под шуточным названием «Тотем Лягавой лягушки» (Китова, 2007. С. 130, 131; Кызласова, 2010. С. 758, 759). Брюсов выделялся среди сокурсников по возрасту (старше на 10–15 лет) и жизненному опыту — это хорошо передают фото того времени (Городцов, 2015. Вклейки 9, 17, 18, 21; Брюсов, 2012. С. 83, 85), но с собратьями по «тотему» он держался на равных.

Семинары Городцова по освоению типологического метода и осмыслению базовых археологических понятий («поселение», «жилище», «погребение», «археологическая культура» и др.)

дали ему и его товарищам теоретические и практические профессиональные навыки и гораздо лучше подготовили к восприятию марксистской социологии, нежели курсы философов-марксистов. Сами семинары Городцова проходили в фондах и экспозиционных залах ГИМ и позволяли студентам-археологам на практике изучить музейное дело.

Именно в студенческие годы (1922–1924) Александр Брюсов сделал осознанный выбор района будущих полевых исследований. На Русский Север он обратил внимание во время практики в фондах ГИМ, обнаружив в них «огромные коллекции по неолиту нашего севера, в частности из Карелии» (Брюсов, 2012. С. 26, 27). Занимаясь обработкой каменных орудий, Брюсов «мало-помалу настолько втянулся в эту область археологии, что темой своей аспирантской диссертации выбрал древнейшую историю Карелии» (Там же. С. 27).

Работа над диссертацией велась уже в аспирантуре Института археологии и искусствознания (ИАИ) (1925–1929). Параллельно с 1925 г. Брюсов стал хранителем ГИМ (Отдел... 2014. С. 270). Прелюдией к началу северных экспедиций стало участие в 1924 г. в раскопках В.А. Городцова Туровского поселения на Галичском

озере. Летом 1925 г. были проведены раскопки Федоровской неолитической стоянки на р. Вёксе и стоянки на р. Юг под Чухломой, в 1926–1928 гг. начались первые самостоятельные разведки и раскопки на Летнем берегу Белого моря (Белозёрова, Кузьминых, 2022).

Работы Костромской и Беломорской экспедиций дали старт многолетним исследованиям в Беломорье и Карелии. В 1929 г. Брюсов вместе с Линевским произвел рекогносцировочные раскопки неолитической стоянки и святилища на острове Шойрукшин близ петроглифов «Бесовы следки» (Археологические экспедиции ... 1962. С. 59) (рис. 5). Следом провел раскопки стоябищ вдоль волока у порогов Шойрукша и Золотец и разведки по рр. Суне и Шуе, Кончозеру и Ушозеру, вскрыл два погребения XVIII в. на «Немецком кладбище» в Петрозаводске (Там же. С. 60).

Прологом карельского этапа исследований стала защита в ИАИ (6.04.1929) кандидатской диссертации «Северо-запад СССР с конца III до начала I тысячелетия до хр[истианской] эры» (Брюсов, 2012. С. 27–29); официальным оппонентом выступил В.А. Городцов, в прениях участвовали С.Н. Боголюбский, К.Э. Гриневич, А.В. Арциховский и С.В. Киселев. В этой работе

Рис. 5. А.Я. Брюсов и А.М. Линевский у петроглифов «Бесовы Следки». 1929 г. ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 129. Л. 35.

Fig. 5. A.Ya. Bryusov and A.M. Linevskiy at the “Besovy Sledki” petroglyphs. 1929. Written Records Department of the State Historical Museum. Coll. 545. File 366. P. 35

впервые были сделаны «несовершенные попытки» (как оценивал их позднее Брюсов) осветить быт древнего населения Русского Севера, пути заселения человеком этого огромного края, контакты, взаимоотношения и исторические судьбы древних племен региона.

В 1930-е годы Карельской экспедицией были раскопаны неолитические Сунские стоянки, бронзолитейная мастерская в устье р. Томицы, стоянки по берегам Машозера и Лосиного, на Соловецких островах и у д. Салменицы у Сямозера и др. (Археологические экспедиции ... 1962. С. 59, 60). Велась также фотосъемка и описание петроглифов (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 131, 143–147), вышли первые публикации об уникальных наскальных рисунках Карелии (Брюсов, 1937; Линеvский, 1939).

Параллельно с полевыми работами ученый планомерно изучал материалы по археологии и истории Карелии, знакомясь с литературой, архивными источниками и коллекциями в музеях Москвы, Ленинграда, Архангельска и Петрозаводска. Поиски тех лет нашли отражение в рукописях (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 57), статьях и монографии «История древней Карелии» (Брюсов, 1940). О скрупулезной работе Брюсова с источниками свидетельствуют приложения к книге: аннотированная библиография (включая газетные и журнальные статьи и заметки по археологии Карелии от первых публикаций до 1935 г.) (Там же. С. 169–205), списки археологических памятников региона (до 1936 г.), Архангельской, Вологодской, Мурманской и Ленинградской областей, подробное описание некоторых стоянок и др. Эти приложения и поныне сохраняют научную ценность.

Основные вопросы, обсуждавшиеся в книге, касаются проблемы первоначального заселения Карелии и освоения ее территории племенами охотников и рыболовов эпох неолита и раннего металла, выявления локальных вариантов в культуре северного неолита. Пристальное внимание обращалось также на изучение петроглифов и проблему «обезлюдения Севера», которая привлекает внимание специалистов и в наши дни (Косменко, 1996). Отсутствие памятников поздних эпох на севере Брюсов в отличие от финских и шведских археологов объяснял слабой изученностью этих районов и трудностью поиска памятников, принадлежавших небольшим подвижным коллективам охотников и рыболовов.

В 1932 г. Александр Яковлевич параллельно со службой в ГИМ стал старшим научным со-

трудником доклассового сектора МО ГАИМК–ИИМК. Архивные документы отражают его напряженную работу в Академии наук в предвоенные годы (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 18–32), участие в разработке таких научных тем, как «Проблема Триполья», «Стоянки Балахнинского района», «Обмен в доклассовом обществе», «Мужские дома в системе первобытно-коммунистических отношений» и др. В МО ГАИМК работало несколько комиссий при деятельном сотрудничестве Брюсова; в одной из них – по изучению фатьяновской культуры – он являлся секретарем (Там же. Д. 18).

Полевые исследования в предвоенное десятилетие ученый, помимо Карелии, вел также в Вологодской, Ленинградской и Новгородской областях, на Украине и Нижней Каме, в Чувашии. Особенно значимыми оказались раскопки на Вологодчине. В 1937–1941 гг. здесь изучались свайное поселение Модлона, неолитическая стоянка Караваиха, мезолитическая – Погостище и др. (Брюсов, 1951а; 1952; 1961а). В дальнейшем карельские и вологодские материалы широко использовались в его важнейшем труде «Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху» (Брюсов, 1952).

Эта книга на долгие годы – вплоть до наших дней – стала «библией» для специалистов по эпохам неолита и раннего металла Русской равнины. Брюсов осмыслил в ней ключевые теоретические термины: «неолит», «лесной неолит», «бронза», «археологическая культура», «этногенез» и др., в полемике с М.Е. Фосс и В.А. Гордцовым наметил грань между веками камня и бронзы, разработал теорию сегментации племен в древности, дал определение понятия «этническая общность», на примере неолитических культур Севера показал процессы локализации, деления этнических общностей и формирования новых археологических культур; при этом этногенез рассматривался им как длительный исторический процесс с образованием больших этнических общностей. В этой связи Брюсов полагал, что любая археологическая культура неолита и эпохи раннего металла служит показателем этнического и, соответственно, языкового единства. Разработку многих теоретических проблем, начатую в «Очерках», ученый продолжил в 1950–1960-е годы (Брюсов, 1956; 1958б; 1961б; 1965).

С началом войны НКП РСФСР поручил Брюсову (по возрасту не подлежащего призыву в армию) ответственное государственное задание – эвакуацию коллекций и библиотеки ГИМ на восток страны (1941–1943) (ОР РГБ. Ф. 708.

Оп. 1. Д. 13). Уже 24 июля 1941 г. коллекции были перевезены в Южный порт. На другой день ценный груз чуть не погиб при бомбардировке окраин Москвы и порта. Эвакуация тем не менее состоялась. Сначала путь лежал на Волгу, в Хвалынский, затем в Омск и далее в Кустанай: девять вагонов с коллекциями и два вагона с людьми. В дороге многие сотрудники (в основном женщины) и члены их семей заболели малярией, простыли, не обошлось без обморожений (Белозёрова, 2022. С. 361).

На Брюсове лежала вся мера ответственности за спасение коллекций и организацию хранения: систематические проверки их сохранности, перепакровка, профилактические работы. И все это в неотапливаемом помещении, без помощи такелажников — руками женщин, с ящиками, весившими 5–9 пудов. В январе 1942 г. Александр Яковлевич был направлен в Омск, где застряли четыре вагона с коллекциями из Новгорода, Пскова, Вологды и других музеев. Осенью того же года в Кустанай пришли обгоревшие полотнища панорамы «Оборона Севастополя», пострадавшие, но чудом вывезенные при бомбежках города. Все эти коллекции были перенаправлены в Госхранилище под опеку Брюсова (Белозёрова, 2022. С. 362).

Александр Яковлевич не был бы археологом, если бы в летние месяцы пренебрег разведочны-

ми поисками в окрестностях Кустаная. В 1942 г. он провел раскопки стоянок неолита—энеолита и курганов бронзового века у озер Светлый Джаркуль, Большой Аксаут и Коль, Кара-Тамарской стоянки на р. Тобол. Результаты работ отражены в его рукописях, подготовленных по заданию Казахского филиала АН СССР для сборника «Кустанайская область» — «Очерк древнейшей истории Кустанайской области» и «Неолит и начало бронзовой эпохи в Кустанайской области в Казахской ССР» (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 59). Разведочные исследования под Кустанаем остались неопубликованными; они, к сожалению, выпали из поля зрения специалистов по археологии северо-запада Казахстана.

В ноябре 1943 г. Брюсова отозвали в Москву. В декабре в МГУ состоялась защита докторской диссертации «История древней Карелии» (Брюсов, 2012. С. 14). С возвращением в Москву возобновилась его полноценная музейная и научно-исследовательская работа. В 1944 г. ученый вернулся в штат ИИМК и продолжил прерванные войной экспедиции (Археологические экспедиции ...1962. С. 130, 133, 143, 155, 156, 165, 175, 182) (рис. 6). Как и ряд сотрудников МО ИИМК, Брюсов вошел в состав комиссии Комитета по делам искусств и культурно-просветительских учреждений при Совете Министров

Рис. 6. Лекция А.Я. Брюсова перед участниками раскопок в Сарнате (Латвийская ССР). 1948 г. ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 368. Л. 60.

Fig. 6. Lecture by A. Ya. Bryusov to the participants of the excavations in Sarnat (Latvian SSR). 1948. Written Records Department of the State Historical Museum. Coll. 545. File 368. P. 60

РСФСР, занимавшейся поисками похищенных гитлеровцами культурных ценностей (Гайдуков, Белозёрова, Кузьминых, 2019. С. 22, 23). С 26 мая по 13 июля 1945 г. он занимался в Кёнигсберге поиском знаменитой Янтарной комнаты. Сохранился рукописный отчет с подробностями этой командировки (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 19).

Одним из важнейших научных событий военных лет стало проведение в конце февраля — начале марта 1945 г. в Москве Всесоюзного археологического совещания. Александр Яковлевич стал делегатом от Исторического музея. В его докладе была подчеркнута роль ГИМ как крупнейшего археологического центра страны (более 150 экспедиций за последние 20 лет). Но главная мысль заключалась в словах: «нам пора иметь не археологию РСФСР, не археологию Грузии, не археологию Украины, а археологию СССР <...> мы граждане СССР и давайте создадим археологию СССР, помогая в этом друг другу» (АРАН. Ф. 1909. Д. 13. Л. 149). Одним из главных достижений Совещания стало закрепление ведущей роли московской части ИИМК в структуре археологических учреждений страны. Брюсов был в числе тех его сотрудников, кто подписал письмо с ходатайством о переводе дирекции ИИМК из Ленинграда в Москву. На заседании Президиума АН СССР 26 июля 1945 г. он был утвержден членом Ученого совета института.

Ведущая роль московского ИИМК подкреплялась тем, что с этого момента Полевой комитет (позднее Отдел полевых исследований), выдававший открытые листы с разрешением на ведение раскопок и разведок, обосновался в Москве. Возглавляя отдел в 1955–1965 гг., Брюсов сделал немало для формирования в РСФСР унифицированной системы выдачи открытых листов, приема и экспертизы научных отчетов, совершенствования методики полевых изысканий (Масленников, Меснянкина, 2019. С. 107). На многие поступающие в институт отчеты он давал заключения. В эту работу ученый включился сразу же после окончания войны (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 22–26).

Одним из первых шагов на посту руководителя отдела стала его записка в дирекцию ИИМК «Об археологических отчетах» (22.11.1956). Александр Яковлевич, памятуя о важной для русской археологии практике издания «Отчетов» Археологической комиссии, отмечал, что прекращение издания отчетов неблагоприятно сказывается на полноте научных археологических трудов, что «спорадические и часто неполные отчеты о раскопках, публикуемые в МИА,

СА, КСИИМК, не могут заменить систематических ежегодников, знакомящих археологов с результатами всех произведенных за истекший год археологических полевых работ»; «многие материалы лежат мертвым грузом на полках ОПИ и немало их в архиве ЛОИИМКа. <...> И чем дальше, тем положение становится все более угрожающим» (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 19. Л. 78). Брюсов призвал сотрудников и дирекцию ИИМК «твердо и без колебаний» включить работу по изданию отчетов в категорию первоочередных и обязательных работ института и выдвинул конкретные предложения во исполнение этого плана, а именно: 1) сокращение отчетов до необходимых пределов; 2) их дополнение авторами недостающим материалом; 3) выработка дирекцией или ОПИ стандартной формы сокращения отчетов, привлечение пригодных для этой работы сотрудников, предоставление необходимых технических средств и обеспечение машинописной перебелки; 4) «издание отчетов надо вести в обратном хронологическом порядке, т.е. сначала за 1956 и 1955 гг., затем за 1957 и 1954 гг. и т.д.». Брюсов надеялся, что ИИМК будет по силам издание в течение года двух выпусков МИА, в каждом из которых можно будет поместить 150–200 отчетов, полагая, что «лет через 5–7 все отчеты окажутся опубликованными» (Там же. Л. 80). В середине 1950-х годов этот план претворить в жизнь не удалось, но об идеях, заложенных в записке Брюсова, Б.А. Рыбаков, безусловно, памятовал, реализуя с 1966 г. издание ежегодника «Археологические открытия» (Лопатин, 2019).

В ряде записок Брюсов призывал дирекцию института активнее использовать новые методы в полевой практике (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 21); он сам, в частности, делился опытом и методами раскопок торфяниковых стоянок (Брюсов, 1963). Вместе с А.Л. Монгайтом и Б.А. Колчиным Александр Яковлевич стал инициатором внедрения в Москве на рубеже 1950/1960-х годов новых для археологии методов естественных и технических наук. Близкое знакомство с археологическими работами вкупе с опорой на эти методы в научных центрах Европы, опыт успешных комплексных исследований московских палеоэтнологов в 1920-е годы под руководством Б.С. Жукова (Кузьминых, Лопатина, 2024), собственное многолетнее сотрудничество с палеогеографами (С.Н. Тюрмнов) при раскопках Модлоны (Брюсов, 1951а) способствовали продвижению инициативы Брюсова и его коллег и успешному развитию в институте естественнонаучных методов (Кузьминых, 2019).

В 1950-е годы Брюсов сыграл заметную роль в восстановлении коммуникаций советской археологии с мировой наукой, которые после 1929 г. и репрессий предвоенного десятилетия были подорваны. Перемены наметились в 1945 г. по итогам Всесоюзного археологического совещания и мероприятий в честь празднования 220-летия Академии наук. Совещанием планировался широкий выход археологов СССР на международную арену, намечалось возобновление деятельности Русского археологического института в Константинополе (Итоги..., 1945. С. 12, 13; АРАН. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 7–17). Торжества в Отделении истории и философии и ИИМК прошли с участием археологов Великобритании и США (Г. Чайлд, А. Поуп, Г. Филд и др.) (Кудрявцев, Володин., Селезнева, 2020. С. 133, 134). Наряду с патриотической перепиской советских и английских ученых 1942 г. (Городцов и др., 1946; Миннз, 1946) первые послевоенные контакты с западными коллегами давали надежду на осуществление совместных исследований, но с началом «холодной войны» они были заморожены и активизировались лишь в середине 1950-х годов.

Брюсов входил в достаточно узкий круг советских археологов, которые беспрепятственно выезжали за границу. Зарубежным коллегам было хорошо знакомо имя ученого. Александр Яковлевич состоял почетным членом многих европейских научных обществ. Его работы публиковались в Англии, Франции, ФРГ, ГДР, Финляндии и Мексике. В 1950-е годы, невзирая на «железный занавес», Брюсов стал полпредом советской археологии в европейских научных центрах⁴. В заинтересованном обсуждении с ним вопросов археологии эпох неолита и раннего металла Европы участвовали Ф.Х. Фейльгенхауэр (Вена), А. Точик (Братислава), И. Вернер (Мюнхен), Г. Бернс, П. Гримм и К. Отто (Берлин), А. Вараньяк (Париж), Х. Арбман (Лунд), К.Ф. Мейнандер (Хельсинки), Дж. Кларк (Кембридж), М. Гимбутас (Гарвард).

Поездки Брюсова за рубеж были связаны с участием в международных конференциях и симпозиумах. Часть из них осуществлялась по линии культурных связей СССР с зарубежными странами. В Хельсинки в 1955, 1957 и 1959 гг. он обработал в Национальном музее Финляндии уникальную коллекцию каменных боевых

топоров, собранную В.И. Заусайловым в Казанской губернии в конце XIX — начале XX в. Эти материалы стали значительной — средневожской — частью будущего свода каменных сверленных топоров Восточной Европы (Брюсов, Зими-на, 1966).

Фигура Брюсова как исследователя древностей Карелии привлекала внимание финских коллег еще с предвоенного времени: он был в числе немногих учеников Городцова, кто активно переписывался с А.М. Тальгреном (РОНБФ. Coll. 230.2; 10 писем за 1925–1935 гг.). В короткий промежуток перемирия после Зимней войны 1939–1940 г. Тальгрэн через финское посольство в Москве получил книгу «История древней Карелии» (Tallgren, 1941). В его переписке военных лет с учениками и коллегами (А. Äygarä, N. Cleve, E. Laid и др.; РОНБФ. Coll. 230) немало строк посвящено обсуждению труда Брюсова. С материалами из его раскопок финские археологи получили возможность познакомиться в 1941–1944 гг. в музее Петрозаводска во время оккупации Карелии (Уйно, Карпелан, 2016; Kinnunen, 2020). Тем больший интерес представляла для них личность российского ученого, который в своей книге (Брюсов, 1940) подверг довольно резкой критике многие высказывания финских и шведских археологов. Но в итоге это не помешало установлению доверительных коллегиальных отношений Брюсова с К.Ф. Мейнандером, К. Нордманом, Э. Кивикоски, А. Европеусом, М. Драйером. С Мейнандером он совершил путешествие по Финляндии и Швеции, познакомился с древностями этих стран, а в 1956 г. ему удалось пригласить финского археолога на раскопки Модлоны (Nordqvist, Uino, 2023. Fig. 2) (рис. 7).

Среди корреспондентов Брюсова были не только ученые, но и деятели культуры, музейщики и даже студенты. С одним из них — Александром Хойслером (в будущем известным немецким доисториком) — он познакомился на конференции по вопросам археологии, организованной в 1953 г. Академией наук ГДР. Хойслер стал переводчиком на немецкий язык его известных «Очерков» (Brjussov, 1957). В письмах (более 40; ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 350) обсуждались проблемы фатьяновской, среднеднепровской и в целом всей свиты культур боевых топоров. Полемика, прежде всего о происхождении и распространении индоевропейцев, выплеснулась за пределы переписки — на страницы журнала «Советская археология» (Брюсов, 1965; Гейслер, 1966). В 1950–1960-е годы Брюсов был одним из

⁴См. письма зарубежных коллег и копии ответов А.Я. Брюсова, отчеты о командировках и дневниковые записи ученого о поездках за границу (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 33–42, 346–360).

Рис. 7. Свайное поселение на р. Модлона в Вологодской области; слева направо М. Павлов, К.Ф. Мейландер А.Я. Брюсов. 1956 г. ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 204. Л. 91.

Fig. 7. Pile-based settlement on the Modlona River in Vologda Region; left to right: M. Pavlov, K. F. Meinander, A. Ya. Bryusov. 1956. Written Records Department of the State Historical Museum. Coll. 545. File 204. P. 91

наиболее активных советских авторов, кто откликнулся на труды М. Гимбутас, Дж. Кларка, П. Бош-Гимпера, Ф. Хиббена и других западных коллег (Брюсов, 1957; 1958а; 1961а; 1962а; б). Под его редакцией вышел в СССР перевод книги Дж. Кларка «Доисторическая Европа» (1953).

Благодаря полевым и научным разысканиям Брюсова в отечественной археологии укоренились направления исследований, которые успешно развиваются и в наши дни. Среди них — культурно-исторические процессы в древности (Брюсов, 1926; 1928; 1929); этно- и культурогенез в Восточной Европе в неолите и бронзовом веке (1940; 1952; 1965); древний человек и географическая среда (1940; 1951а; 1952); заселение и освоение территории Карелии охотниками и рыболовами каменного и бронзового веков (1940); специфика изучения свайных поселений (на примере Модлоны и Горбуновского торфяника на Урале) (1951а; б; 1963); жизнеобеспечение и

быт человека эпох неолита и раннего металла (1940; 1952; 2012); археологические культуры и этнические общности (1956); петроглифы Карелии и мировоззрение первобытного человека (1937; 2012); индоевропейская проблема и распространение в Восточной Европе культур шнуровой керамики и боевых топоров (1958б; 1961б; 1965); каменные сверленные топоры (Брюсов, Зими́на, 1966) и др.

В ГИМ и ИИМК—ИА АН СССР у Брюсова сложился круг учеников и единомышленников (В.М. Раушенбах, И.К. Цветкова, Б.Г. Тихонов, М.П. Зими́на, С.В. Ошибкина и др.) — они продолжили разработку проблем, поставленных в трудах учителя. Аспирантом Александра Яковлевича был Г.А. Панкрушев — его преемник по изучению первобытных древностей Карелии. Выбор темы его кандидатской диссертации (Панкрушев, 1955), нацеленной на выявление локальных вариантов карельской неолитической культуры

и их отношение к этническим общностям, скорее всего, состоялся по рекомендации Брюсова, который в 1950-е годы активно разрабатывал данную проблематику (Брюсов, 1956). Не удивительно, что интерес к теоретическим вопросам он старался привить и своим ученикам. С.В. Ошибкина — последняя аспирантка Брюсова — продолжила изучение эпох мезолита, неолита и раннего металла лесной полосы Восточной Европы. Ее труды, созданные в русле основных научных концепций и идей учителя (Ошибкина, 1990), качественно обогатили отечественную науку о древностях Русского Севера.

На этапе вхождения в профессию Брюсов прошел ту же дорогу, что и большинство московских археологов 1920-х годов: учеба на отделении «Искусство и археология» ФОН 1-го МГУ, научная школа В.А. Городцова, социологический семинар В.М. Фриче, первые опыты в духе марксистской социологии (доклады Брюсова об использовании археологических материалов для реконструкции социально-экономических отношений и смены общественных формаций прошли обкатку в секции теории и методологии РАНИОН), аспирантура ИАИ, служба в ГИМ, преподавательская деятельность в Коммунистическом университете трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (1927–1928), МГУ (с 1929 г.) и в послевоенные годы — в Карельском университете (см. его лекционный курс: ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 220, 221). Как и труды других «тотемистов» (А.В. Арциховский, С.В. Киселев, А.П. Смирнов и др.), теоретические и методические поиски Брюсова стали логическим продолжением работы в студенческих и аспирантских семинарах Городцова и Фриче. Опубликованные еще до перевода отечественной археологии на «марксистские рельсы» на рубеже 1920–1930-х годов (Брюсов, 1926; 1928; 1929), пройдя через забвение в период доминирования в ней «нового учения о языке» Н.Я. Марра и теории стадильности, эти его работы стали востребованными в 1950–1960-е годы и в немалой степени способствовали возрождению в советской археологии методологических исследований на более объективных научных началах.

Брюсов принадлежит к городцовой научной школе 1920-х годов, которая дала мощный толчок становлению и развитию советской археологии (Кузьминых, Белозёрова, 2012а; 2023) (рис. 8). Ученики Городцова в 1930–1940-е годы сохранили верность городцовскому типологическому методу в археологических исследованиях (Платонова, 2010. С. 214). Брюсов, пожалуй, наиболее последовательно среди учеников

Рис. 8. А.Я. Брюсов в 1950-е годы. ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 370. Л. 73.

Fig. 8. A.Ya. Bryusov in the 1950s. OPI GIM. Coll. 545. File 370. P. 73

Городцова продолжил в рамках марксистской социологии методологические поиски «законов развития и соотношений археологических явлений», предложенных их учителем в 1920-е годы, став одним из главных проводников «историзма» в советской археологии.

В 1930–1960-е годы Александр Яковлевич Брюсов являлся одним из признанных лидеров отечественной археологии — лидером не по должности, а в силу научного авторитета. Об отношении к Брюсову в профессиональной среде лучше всего свидетельствуют слова Б.А. Рыбакова (в письме от 17.01.1966 г.): «За несколько десятилетий наше поколение сроднилось с Вами, привыкло ставить Вас в пример молодежи и постоянно ощущать Ваш творческий поиск, Ваше широко-историческое понимание археологии» (Брюсов, 2012. С. 70). С именем Брюсова связаны разработка важнейших научных направлений в первобытной археологии Восточной

Европы, открытие и исследование многих ключевых памятников каменного и бронзового веков, плодотворная и многолетняя деятельность в Историческом музее, формирование в РСФСР унифицированной системы выдачи открытых листов, международные коммуникации советских археологов. С первых аспирантских работ Александр Яковлевич не уклонялся от обсуждения дискуссионных проблем археологии — напротив, заострял на них внимание, включался в полемику. Творческие поиски патриарха отечественной науки являются бесценной частью его богатого научного наследия — актуального и востребованного и в современной российской археологии.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00790, <https://rscf.ru/project/25-18-00790/>, в Институте археологии РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919–1956 гг.: указатель / Сост. Н.Н. Воронин, М.А. Тиханова. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 264 с.
- Белозёрова И.В. Письма из эвакуации сотрудников Государственного исторического музея (1941–1944 гг.) // Великая Отечественная война. Исследования. Документы. М.: Гос. ист. музей, 2015. С. 254–292.
- Белозёрова И.В. Александр Яковлевич Брюсов в 1930–1940-е годы (по материалам Отдела письменных источников ГИМ) // Очерки истории отечественной археологии. Вып. VI. М.: ИА РАН, 2022. С. 350–368.
- Белозёрова И.В., Кузьминых С.В. Северные археологические экспедиции 1925–1929 гг. (по материалам Отдела письменных источников ГИМ) // Канозерские чтения — 2021. Архангельск: Нац. парк «Кенозерский», 2022. С. 123–143, 569–570.
- Белозёрова И.В., Маршутца Г.С. Археолог А.Я. Брюсов: малоизвестные факты жизни ученого (1914–1919) // Забелинские научные чтения — 2014. Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. М.: Гос. ист. музей, 2017 (Тр. Гос. ист. музея; вып. 204). С. 156–180.
- Брюсов А.Я. Жилище. История жилища с социально-экономической точки зрения. Л.: Прибой, 1926. 127 с.
- Брюсов А.Я. Восстановление общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа // Труды секции теории и методологии / Рос. ассоц. науч.-исслед. ин-тов обществ. наук, Ин-т археологии и искусствознания. Т. 2. М., 1928. С. 9–34.
- Брюсов А.Я. [Выступление в прениях по докладу А.В. Арциховского «Новые методы в археологии»] // Историк-марксист. 1929. Т. 14. С. 140–155.
- Брюсов А.Я. Карельские петроглифы // Вестник древней истории. 1937. № 1. С. 169–194.
- Брюсов А.Я. История древней Карелии. М.: Гос. ист. музей, 1940 (Тр. Гос. ист. музея; вып. IX). 320 с.
- Брюсов А.Я. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // Поселения эпохи неолита и раннего металла на севере Европейской части СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951a (Материалы и исследования по археологии СССР; № 20). С. 7–76.
- Брюсов А.Я. Уральская археологическая экспедиция [1948 и 1949 гг.] // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1951b. Вып. 37. С. 69–77.
- Брюсов А.Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 263 с.
- Брюсов А.Я. Археологические культуры и этнические общности // Советская археология. 1956. Т. XXVI. С. 5–27.
- Брюсов А.Я. К вопросу об истории земледелия в датской археологической литературе (1950–1953) // Советская археология. 1957. № 2. С. 265–267.
- Брюсов А.Я. Рец.: Maria Gimbutas. The Prehistory of Eastern Europe. Part I. Mesolithic, Neolithic and Copper Age in Russia and Baltic Area. Cambridge, 1956 // Советская археология. 1958a. № 2. С. 295–299.
- Брюсов А.Я. К вопросу об индоевропейской проблеме // Советская археология. 1958b. № 3. С. 18–26.
- Брюсов А.Я. Рец.: P. Bosh-Gimpera. El problema indoeuropea. Mexico, 1960 // Советская археология. 1961a. № 2. С. 270–274.
- Брюсов А.Я. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тыс. до н.э. // Советская археология. 1961b. № 3. С. 14–33.
- Брюсов А.Я. Рец.: Grahame Clark. Word Prehistory. Cambridge, 1961 // Советская археология. 1962a. № 1. С. 305–309.
- Брюсов А.Я. Рец.: Frank C. Hibben. L'homme préhistorique en Europe. Paléolithique — Mésolithique — Néolithique. Paris, 1960 // Советская археология. 1962b. № 2. С. 248–253.
- Брюсов А.Я. Методы раскопок торфяниковых стоянок. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 14 с.
- Брюсов А.Я. Восточная Европа в III тысячелетии до н.э.: (Этногенетический очерк) // Советская археология. 1965. № 2. С. 47–56.
- Брюсов А.Я. На тропах археологии: воспоминания / Сост., авт. ст., примеч. и коммент. С.В. Кузьминых, С.П. Шавелёв. М.; Курск: Курский гос. мед. ун-т, 2012. 88 с.
- Брюсов А.Я., Зимица М.П. Каменные сверленные боевые топоры на территории Европейской части

- СССР. М.: Наука, 1966 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. В4-4). 98 с.
- Воронцова М.И., Перцова Н.Н. Александр Брюсов // Поэзия Московского университета от Ломоносова и до... Кн. 6. М.: Бослен: Науч.-исслед. вычислит. центр. Московского гос. ун-та, 2011. С. 65–70.
- Гайдуков П.Г., Белозёрова И.В., Кузьминых С.В. Из истории Института археологии РАН в 1920–1940-е годы // Институт археологии РАН: 100 лет истории. М.: ИА РАН, 2019. С. 11–25.
- Гейслер А. Письмо в редакцию // Советская археология. 1966. № 1. С. 325.
- Городцов В.А. Дневники (1928–1944): в 2 кн. Кн. 1. 1928–1935 / Сост., авт. очерков, примеч., коммент. и указ. И.В. Белозёрова, С.В. Кузьминых. М.: Триумф принт, 2015. 687 с.
- Городцов В.А., Блаватский В.Д., Алпатов М.В. и др. Письмо археологов СССР археологам Англии // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1946. Вып. XII. С. 165.
- Итоги и перспективы развития советской археологии (материалы для делегатов Всесоюзного археологического совещания). М.: Изд-во АН СССР, 1945. 195 с.
- Китова Л.Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии Сибирского отд-ния РАН, 2007. 272 с.
- Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы, личности. Т. 2. Археология советской эпохи. СПб.: Евразия, 2014. 640 с.
- Косменко М.Г. Культура с керамикой «арктического» типа // Археология Карелии. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 1996. С. 253–257.
- Кудрявцев А.А., Володин С.А., Селезнева С.В. Международная деятельность Института истории материальной культуры АН СССР в послевоенный период (1945–1949 гг.) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: в 3 т. Т. III. Самара: Изд-во Самарского гос. соц.-пед. ун-та, 2020. С. 133–135.
- Кузьминых С.В. Лаборатория естественнонаучных методов // Институт археологии РАН: 100 лет истории. М.: ИА РАН, 2019. С. 99–105.
- Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. Русская археология на переломе эпох: В.А. Городцов в 1920-е годы // Евразийский археолого-историографический сборник. СПб.; Красноярск: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН: Красноярский гос. пед. ун-т, 2012. С. 131–152.
- Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. Городцовская научная школа 1910–1930-х гг.: становление, развитие, судьбы // У истоков советских археологических школ (1918–1950): материалы VII Междунар. науч. конф. М.: ИА РАН, 2023. С. 43–45.
- Кузьминых С.В., Лопатина О.А. Б.С. Жуков в истории отечественной археологии: к юбилею ученого // Российская археология. 2024. № 1. С. 213–227.
- Кузьминых С.В., Шавелёв С.П. Воспоминания Александра Яковлевича Брюсова «На тропах археологии» // Российский археологический ежегодник. 2012а. № 2. С. 636–702.
- Кузьминых С.В., Шавелёв С.П. Послесловие составителей // Брюсов А.Я. На тропах археологии: воспоминания. М.; Курск: Курский гос. мед. ун-т, 2012б. С. 58–78.
- Кызласова И.Л. Об археологе В.П. Левашевой и ее отце, протоиерее П.Н. Левашеве // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М.: Гриф и К, 2010. С. 751–769.
- Линевский А.М. Листы каменной книги. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. 80 с.
- Линевский А.М. Двадцатые годы. Воспоминания // Север. 1967. № 6. С. 96–102.
- Лопатин Н.В. Археологические открытия (ежегодник) // Институт археологии РАН: 100 лет истории. М.: ИА РАН, 2019. С. 190–192.
- Масленников А.А., Меснянкина С.В. Отдел полевых исследований // Институт археологии РАН: 100 лет истории. М.: ИА РАН, 2019. С. 106–109.
- Миннз Э.Х. Ответ проф. Ellis H. Minns // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1946. Вып. XII. С. 165.
- Отдел археологических памятников Государственного исторического музея: краткая историческая хроника. Часть первая: 1873–1935 // Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников / Сост. И.В. Ключкина. М.: Гос. ист. музей, 2014 (Тр. Гос. ист. музея; вып. 201). С. 232–288.
- Ошибкина С.В. Научные концепции А.Я. Брюсова и современная археология // Проблемы археологии Евразии (по материалам Гос. ист. музея). М.: Гос. ист. музей, 1990 (Тр. Гос. ист. музея; вып. 74). С. 5–9.
- Ошибкина С. А. Я. Брюсов — исследователь древностей Севера // Достояние поколений. 2010. № 1 (8). С. 74–77.
- Панкрушев Г.А. Локальные варианты Карельской археологической культуры периода неолита и раннего металла и их отношение к этническим общностям: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ин-т истории материал. культуры АН СССР. М., 1955. 16 с.
- Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.
- Раушенбах В.М. К 80-летию Александра Яковлевича Брюсова // Советская археология. 1965. № 3. С. 81–87.
- Раушенбах В.М. Памяти А.Я. Брюсова [1885–1966] // Советская археология. 1967. № 2. С. 117–119.

- Раушенбах В.М. К 100-летию со дня рождения А.Я. Брюсова // Советская археология. 1985. № 4. С. 271–274.
- Розанов А.И. «... Отвечает его любви к родной старине»: Александр Иванович Успенский. 1873–1938 // Краеведы Москвы. Вып. 1. М., 1991. С. 147–155.
- Спиридонов А.М. Археология в Карельском государственном музее (середина 1920-х — начало 1950-х гг.) // Вестник Национального музея Республики Карелия. 2016. Вып. 7. С. 41–62.
- Уйно П., Карпелан К. Карельский государственный музей в период финской оккупации 1941–1944 гг.: взгляд археолога // Вестник Национального музея Республики Карелия. 2016. Вып. 7. С. 36–41.
- Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. 2-е изд., доп. М.: Знак, 2006. 344 с.
- Brjussov A.Ja. Geschichte der neolitischen Stämme im europäischen Teil der UdSSR. Berlin: Akademie-Verlag, 1957. 332 S.
- Kinnunen T. Ella Kivikoski — tutkija sodassa // Tiedeen peilissä. Arkeologian professori Ella Kivikoski elämä ja tutkimuskenttä. Turku: Sigillum, 2020 (Bibliotheca Sigillumaina; vol. 9). P. 127–146.
- Nordqvist K., Uino P. Archaeological cooperation in the Soviet Union and Russia from the 1950s to the early 2020s at the University of Helsinki // Celebrating 100 Years of Archaeology at the University of Helsinki: Past, Present and Future. Helsinki: The Finnish Antiquarian Society, 2023 (ISKOS; vol. 27). P. 156–172.
- Tallgren A.M. Östkarelen förhistoria och äldsta historiska tid // Kampen om Östkarelen. Helsinki, 1941. P. 7–13.

“MY WINDING PATH ALONG THE TRAILS OF ARCHAEOLOGY”: TO THE 140th ANNIVERSARY OF A. Ya. BRYUSOV

Sergey V. Kuzminykh^{1,*} and Irina V. Belozerova^{2,**}

¹*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

²*State Historical Museum, Moscow, Russia*

*E-mail: kuzminykh@alr.msk.su

**E-mail: irina.belozero@yandex.ru

The article considers the contribution of A.Ya. Bryusov to studying the Neolithic and Early Metal Ages of the central and northern Russian Plain. His professional becoming as an archaeologist took place in the Gorodtsov scientific school of the 1920s. Students of V.A. Gorodtsov, including Bryusov, remained faithful to the Gorodtsov typological method in archaeological research throughout the 1930s–1940s. The paper examines the researcher's role as the originator of the most important scientific trends in Eastern European archaeology, the organizer of the activities of the Field Research Department, and the pioneer of introducing natural science methods into the field and research practice of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences. The authors show his efforts to evacuate and save the State Historical Museum collections during the Great Patriotic War and search for lost national treasures in the post-war years. Bryusov's name is largely associated with the emergence of Soviet archaeologists in the international scientific community during the Cold War. In the 1930s–1960s, Aleksandr Yakovlevich Bryusov was one of the recognized leaders of Soviet archaeology.

Keywords: A.Ya. Bryusov, State Historical Museum, State Academy for the History of Material Culture, Institute for the History of Material Culture, Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences, history of Russian archaeology.

REFERENCES

- Arkheologicheskie ekspeditsii Gosudarstvennoy Akademii istorii material'noy kul'tury i Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR. 1919–1956 gg.: ukazatel' [Archaeological expeditions of the State Academy for the History of Material Culture and the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences. 1919–1956: index]. N.N. Voronin, M.A. Tikhonova, comp. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962. 264 p.
- Belozerova I.V., 2015. Letters of employees of the State Historical Museum evacuated to the rear (1941–1944). *Velikaya Otechestvennaya voyna. Issledovaniya. Dokumenty* [The Great Patriotic War. Research. Documents]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 254–292. (In Russ.)
- Belozerova I.V., 2022. Aleksandr Yakovlevich Bryusov in the 1930–1940s (based on the materials from the Written Records Department of the State Historical Museum). *Ocherki istorii otechestvennoy arkheologii* [Studies on the history of Russian archaeology], VI. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 350–368. (In Russ.)
- Belozerova I.V., Kuz'minykh S.V., 2022. Northern Archaeological Expeditions in 1925–1929 (based on the materials from the Written Records Department of the State Historical Museum). *Kanozerskie chteniya — 2021* [Kanozero Readings — 2021]. Arkhangel'sk:

- Natsional'nyy park «Kenozerskiy», pp. 123–143, 569–570. (In Russ.)
- Belozeroва I.V., Marshutpa G.S., 2017. Archaeologist A.Ya. Bryusov: little-known facts of the researcher's life (1914–1919). *Zabelinskiye nauchnye chteniya – 2014. Istoriicheskiy muzey – entsiklopediya otechestvennoy istorii i kul'tury* [Zabelin scientific readings – 2014. State Historical Museum – encyclopedia of national history and culture]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 156–180. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 204). (In Russ.)
- Brjussov A.Ja., 1957. Geschichte der neolithischen Stämme im europäischen Teil der UdSSR. Berlin: Akademie-Verlag. 332 p.
- Bryusov A.Ya., 1926. Zhilishche. Istoriya zhilishcha s sotsial'no-ekonomicheskoy tochki zreniya [Dwellings. History of the housing from a socio-economic point of view]. Leningrad: Priboy. 127 p.
- Bryusov A.Ya., 1928. Reconstruction of socio-economic formations in Neolithic cultures. *Trudy seksii teorii i metodologii* [Works of the Theory and Methodology Section], 2. Moscow, pp. 9–34. (In Russ.)
- Bryusov A.Ya., 1929. A statement in the debate on the report “New methods in archaeology” by A.V. Artsikhovskiy. *Istoriik-marksist* [Marxist historian], 14, pp. 140–155. (In Russ.)
- Bryusov A.Ya., 1937. Karelian petroglyphs. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history], 1, pp. 169–194. (In Russ.)
- Bryusov A.Ya., 1940. Istoriya drevney Karelii [History of ancient Karelia]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey. 320 p. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, IX).
- Bryusov A.Ya., 1951. Pile-based settlement on the Modlona River and other sites in Charozero District of Vologda Region. *Poseleniya epokhi neolita i rannego metalla na severe Evropeyskoy chasti SSSR* [Settlements of the Neolithic and Early Metal Age in the north of the USSR's European part]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 7–76. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 20). (In Russ.)
- Bryusov A.Ya., 1951a. Ural archaeological expedition. *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief communications on reports and field research of the Institute for the History of Material Culture], 37, pp. 69–77. (In Russ.)
- Bryusov A.Ya., 1952. Ocherki po istorii plemen evropeyskoy chasti SSSR v neoliticheskuyu epokhu [Studies on the history of the tribes of the USSR's European part in the Neolithic]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 263 p.
- Bryusov A.Ya., 1956. Archaeological cultures and ethnic communities. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], XXVI, pp. 5–27. (In Russ.)
- Bryusov A.Ya., 1957. On the history of farming in Danish archaeological literature (1950–1953). *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 2, pp. 265–267. (In Russ.)
- Bryusov A.Ya., 1958. Review: Maria Gimbutas. The Prehistory of Eastern Europe. Part I. Mesolithic, Neolithic and Copper Age in Russia and Baltic Area. Cambridge, 1956. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 2, pp. 295–299. (In Russ.)
- Bryusov A.Ya., 1958a. On the Indo-European problem. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 3, pp. 18–26. (In Russ.)
- Bryusov A.Ya., 1961. Review: P. Bosh-Gimpera. El problema indoeuropea. Mexico, 1960. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 2, pp. 270–274. (In Russ.)
- Bryusov A.Ya., 1961a. On the expansion of “Battle-Axe Cultures” in the late III millennium BC. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 3, pp. 14–33. (In Russ.)
- Bryusov A.Ya., 1962. Review: Grahame Clark. World Prehistory. Cambridge, 1961. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 1, pp. 305–309. (In Russ.)
- Bryusov A.Ya., 1962a. Review: Frank C. Hibben. L'homme préhistorique en Europe. Paléolithique – Mésolithique – Néolithique. Paris, 1960. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 2, pp. 248–253. (In Russ.)
- Bryusov A.Ya., 1963. Metody raskopok torfyanikovykh stoyanok [Methods of excavation of peat sites]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 14 p.
- Bryusov A.Ya., 1965. Eastern Europe in the III millennium BC: (Ethnogenetic study). *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 2, pp. 47–56. (In Russ.)
- Bryusov A.Ya., 2012. Na tropakh arkheologii: vospominaniya [On the trails of archaeology: Memories]. Moscow; Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy meditsinskiy universitet. 88 p.
- Bryusov A.Ya., Zimina M.P., 1966. Kamennye sverlenye boevye topory na territorii Evropeyskoy chasti SSSR [Stone drilled battle-axes on the territory of the European part of the USSR]. Moscow: Nauka. 98 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, V4-4).
- Department of Archaeological Sites of the State Historical Museum: Brief historical chronicle. Part one: 1873–1935. *Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey i otechestvennaya arkheologiya. K 100-letiyu otdela arkheologicheskikh pamyatnikov* [State Historical Museum and Russian archaeology. To the 100th anniversary of the Department of Archaeological Sites]. I.V. Klyushkina, comp. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, 2014, pp. 232–288. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 201). (In Russ.)
- Formozov A.A., 2006. Russkie arkheologi v period totalitarizma. Istoriograficheskie ocherki [Russian archaeologists during the period of totalitarianism. Historiographic studies]. 2nd edition. Moscow: Znack. 344 p.
- Gaydukov P.G., Belozeroва I.V., Kuz'minykh S.V., 2019. From the history of the Institute of Archaeology RAS in the 1920s–1940s. *Institut arkheologii RAN: 100 let istorii* [Institute of Archaeology RAS: 100 years of history]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 11–25. (In Russ.)

- Geysler A., 1966. Letter to the editor. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 1, pp. 325. (In Russ.)
- Gorodtsov V.A., 2015. Dnevnik (1928–1944) [Diaries (1928–1944)], 1. 1928–1935. Moscow: Triumf print. 687 p.
- Gorodtsov V.A., Blavatskiy V.D., Alpatov M.V. et al., 1946. Letter from archaeologists of the USSR to archaeologists in England. *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief communications on reports and field research of the Institute for the History of Material Culture], XII, p. 165. (In Russ.)
- Itogi i perspektivy razvitiya sovetskoy arkheologii (materialy dlya delegatov Vsesoyuznogo arkheologicheskogo soveshchaniya) [Results and prospects for the development of Soviet archaeology (materials for delegates of the All-Union archaeological conference)]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1945. 195 p.
- Kinnunen T., 2020. Ella Kivikoski – tutkija sodassa. *Tiedennainen peilissä. Arkeologian professori Ella Kivikoski elämä ja tutkimuskenttä*. Turku: Sigillum, pp. 127–146. (Bibliotheca Sigillumaina, 9).
- Kitova L.Yu., 2007. Istoriya sibirskoy arkheologii (1920–1930-e gody): izuchenie pamyatnikov epokhi metal-la [History of Siberian archaeology (1920–1930s): Studies on the Metal Age sites]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 272 p.
- Kleyn L.S., 2014. Istoriya rossiyskoy arkheologii: ucheniya, shkoly, lichnosti [History of Russian archaeology: teachings, schools, and personalities], 2. *Arkheologiya sovetskoy epokhi* [Archaeology of the Soviet period]. St. Petersburg: Evraziya. 640 p.
- Kosmenko M.G., 1996. Culture with “Arctic” type pottery. *Arkheologiya Karelii* [Archaeology of Karelia]. Petrozavodsk: Karel'skiy nauchnyy tsentr Rossiyskoy akademii nauk, pp. 253–257. (In Russ.)
- Kudryavtsev A.A., Volodin S.A., Selezneva S.V., 2020. International activities of the Institute for the History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences in the post-war period (1945–1949). *Trudy VI (XXII) Vse-rossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Samare* [Works of the VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress in Samara], III. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo gosudarstvennogo sotsial'no-pedagogicheskogo universiteta, pp. 133–135. (In Russ.)
- Kuz'minykh S.V., 2019. Laboratory of Natural Science Methods. *Institut arkheologii RAN: 100 let istorii* [Institute of Archaeology RAS: 100 years of history]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 99–105. (In Russ.)
- Kuz'minykh S.V., Belozerova I.V., 2012. Russian archaeology at the turn of the periods: V.A. Gorodtsov in the 1920s. *Evraziyskiy arkheologo-istoriograficheskiy sbornik* [Eurasian archaeological and historiographic collection of papers]. St. Petersburg; Krasnoyarsk: Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk; Krasnoyarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet, pp. 131–152. (In Russ.)
- Kuz'minykh S.V., Belozerova I.V., 2023. Gorodtsov scientific school of the 1910s–1930s: formation, development, and fates. *U istokov sovetskikh arkheologicheskikh shkol (1918–1950): materialy VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [At the origins of Soviet archaeological schools (1918–1950): Proceedings of the VII International scientific conference]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 43–45. (In Russ.)
- Kuz'minykh S.V., Lopatina O.A., 2024. B.S. Zhukov in the history of Russian archaeology: on the scientist's anniversary. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 1, pp. 213–227. (In Russ.)
- Kuz'minykh S.V., Shchavelev S.P., 2012. Memories of Aleksandr Yakovlevich Bryusov “On the trails of archaeology”. *Rossiyskiy arkheologicheskii ezhegodnik* [Russian archaeological yearbook], 2, pp. 636–702. (In Russ.)
- Kuz'minykh S.V., Shchavelev S.P., 2012a. Afterword by the compilers. *Bryusov A.Ya. Na tropakh arkheologii: vospominaniya* [On the trails of archaeology: Memories]. Moscow; Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy meditsinskiy universitet, pp. 58–78. (In Russ.)
- Kyzlasova I.L., 2010. About the archaeologist V.P. Levasheva and her father, Archpriest P.N. Levashev. *Chelovek i drevnosti: pamyati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928–2009)* [The human and antiquity: In memory of Aleksandr Aleksandrovich Formozov (1928–2009)]. Moscow: Grifi K, pp. 751–769. (In Russ.)
- Linevskiy A.M., 1939. Listy kamennoy knigi [Sheets of the stone book]. Petrozavodsk: Kargosizdat. 80 p.
- Linevskiy A.M., 1967. The 1920s. Memories. *Sever* [North magazine], 6, pp. 96–102. (In Russ.)
- Lopatin N.V., 2019. Archaeological Discoveries (Yearbook). *Institut arkheologii RAN: 100 let istorii* [Institute of Archaeology RAS: 100 years of history]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 190–192. (In Russ.)
- Maslennikov A.A., Mesnyankina S.V., 2019. Department of Field Research. *Institut arkheologii RAN: 100 let istorii* [Institute of Archaeology RAS: 100 years of history]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 106–109. (In Russ.)
- Minns E.Kh., 1946. Reply of Professor Ellis H. Minns. *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief communications on reports and field research of the Institute for the History of Material Culture], XII, p. 165. (In Russ.)
- Nordqvist K., Uino P., 2023. Archaeological cooperation in the Soviet Union and Russia from the 1950s to the early 2020s at the University of Helsinki. *Celebrating 100 Years of Archaeology at the University of Helsinki: Past, Present and Future*. Helsinki: The Finnish Antiquarian Society, pp. 156–172. (ISKOS, 27).
- Oshibkina S., 2010. A.Ya. Bryusov – a researcher of northern antiquities. *Dostoyanie pokoleniy* [Heritage of generations], 1 (8), pp. 74–77. (In Russ.)

- Oshibkina S.V., 1990. Scientific concepts of A.Ya. Bryusov and modern archaeology. *Problemy arkheologii Evrazii (po materialam Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya) [Problems of the archaeology of Eurasia (based on materials of the State Historical Museum)]*. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 5–9. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 74). (In Russ.)
- Pankrushev G.A., 1955. Lokal'nye varianty Karel'skoy arkheologicheskoy kul'tury perioda neolita i rannego metalla i ikh otnoshenie k etnicheskim obshchnostyam: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Local variants of the Karelian archaeological culture of the Neolithic and Early Metal Ages and their relation to ethnic communities: an author's abstract of the thesis for the doctoral degree in History]. Moscow. 16 p.
- Platonova N.I., 2010. Istoriya arkheologicheskoy mysli v Rossii. Vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX veka [History of archaeological thought in Russia. The second half of the 19th – the first third of the 20th century]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 316 p.
- Raushenbakh V.M., 1965. On the 80th anniversary of Aleksandr Yakovlevich Bryusov. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 3, pp. 81–87. (In Russ.)
- Raushenbakh V.M., 1967. In memory of A.Ya. Bryusov. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 2, pp. 117–119. (In Russ.)
- Raushenbakh V.M., 1985. On the centenary of A.Ya. Bryusov's birth. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 4, pp. 271–274. (In Russ.)
- Rozanov A.I., 1991. "... Responds to his love for his native antiquity": Aleksandr Ivanovich Uspensky. 1873–1938. *Kraevedy Moskvy [Researchers of Moscow local history]*, 1. Moscow, pp. 147–155. (In Russ.)
- Spiridonov A.M., 2016. Archaeology in the Karelian State Museum (mid-1920s – early 1950s). *Vestnik Natsional'nogo muzeya Respubliki Kareliya [Bulletin of the National Museum of the Republic of Karelia]*, 7, pp. 41–62. (In Russ.)
- Tallgren A.M., 1941. Östkarelen förhistoria och äldsta historiska tid. *Kampen om Östkarelen*. Helsinki, pp. 7–13.
- Uyno P., Karpelan K., 2016. The Karelian State Museum during the Finnish occupation of 1941–1944: An archaeologist's view. *Vestnik Natsional'nogo muzeya Respubliki Kareliya [Bulletin of the National Museum of the Republic of Karelia]*, 7, pp. 36–41. (In Russ.)
- Vorontsova M.I., Pertsova N.N., 2011. Aleksandr Bryusov. *Poeziya Moskovskogo universiteta ot Lomonosova i do... [Poetry of Moscow University from Lomonosov to...]*, 6. Moscow: Boslen: Nauchno-issledovatel'skiy vychislitel'nyy tsentr. Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 65–70. (In Russ.)

СЛОЖНЫЕ ФОРМЫ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ НА ВАРВАРСКИХ ПАМЯТНИКАХ ПРЕДГОРНОГО КРЫМА В IV В. ДО Н.Э. – III В. Н.Э.

© 2025 г. И.И. Шкрибляк*

Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский», Симферополь, Россия

**E-mail: neapolis.scythian@gmail.com*

Поступила в редакцию 06.02.2025 г.

После доработки 16.06.2025 г.

Принята к публикации 18.06.2025 г.

В статье рассматриваются сложные формы погребальной обрядности скифского и позднескифского населения Крыма в IV в. до н.э. – III в. н.э., связанные в том числе с использованием специально оборудованных каменных склепов-костниц. Представлены результаты археологических исследований могильников Кара-Таш, курганов групп Чигирник, Сары-Кая и Тавель, Опушки, демонстрирующие особенности погребальных обрядов варварского населения полуострова в эпоху эллинизма и в римское время. На завершающей стадии погребальной церемонии костные останки переносились в каменные погребальные конструкции, которые использовались неоднократно. Зафиксированная двустадийная погребальная обрядность позволяет поставить вопрос о существовании в культуре особых обрядов перехода, связанных с политеистическими представлениями и культом предков.

Ключевые слова: Крымский полуостров, погребальный обряд, каменные склепы, погребальный инвентарь, скифы, поздние скифы.

DOI: 10.7868/S3034577425040141

Отечественная и зарубежная археология, этнография и культурная антропология много лет дискутируют о приемлемой для всех типологической схеме погребальных ритуалов, о терминологическом содержании ключевых понятий. Дискуссии во многом способствует огромная источниковая база, накопленная за годы археологических и этнографических экспедиций в разных частях земного шара.

Наиболее плодотворные результаты в контексте изучения погребальных обрядов можно получить этнографическими методами, фиксируя современную либо недавнюю реальность в живой памяти общества. Археологические же исследования с большим трудом опознают все слагаемые погребального процесса: из-за фрагментарности и «молчания» источника видима только часть общей картины и документировать возможно лишь один из этапов долгой процедуры по посмертному обращению с усопшим.

Учитывая чрезвычайно сложный характер погребальных традиций у различных народов мира, его многоступенчатость и частое сочетание разных компонентов погребального обряда на

нескольких стадиях обращения с телом усопшего, российский археолог Ю.А. Смирнов предложил рассматривать традиционное погребение как многостадийный процесс. В его терминологии «погребение» замещено «посмертным обращением», композиционно состоявшим из предваряющих, завершающих и последующих обрядовых действий. Предваряющие действия направлены на сохранение/уничтожение тела, завершающие – на сокрытие либо выставление тела, под последующими действиями подразумевается обеспечение посмертного существования умершего, хранение его погребального/мемориального сооружения и сохранение о нем социальной памяти (Смирнов, 1997. С. 24).

Новые археологические исследования погребальных памятников скифского и позднескифского времени в Центральном Крыму (рис. 1) позволяют расширить наши представления о ритуальной обрядности варварского населения полуострова и поставить вопрос о существовании в это время особых обрядов перехода, выраженных в долговременных манипуляциях с останками покойных в специально созданных для этого местах.

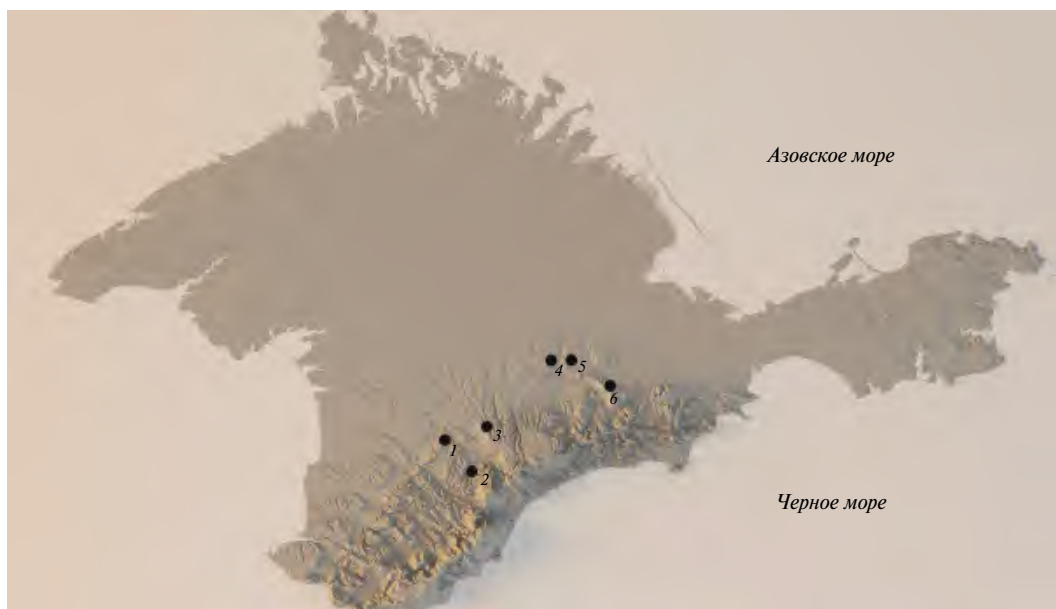

Рис. 1. Расположение погребальных памятников на Крымском полуострове. 1 — курган II на Петровских высотах; 2 — Тавельский курган 5; 3 — могильник Опушки; 4 — курган Сары-Кая 10; 5 — курган Чигирник 9; 6 — могильник Кара-Тай.

Fig. 1. The location of burial sites on the Crimean Peninsula

В 2022 г. в ходе археологических исследований памятников эпохи бронзы и раннего железного века на южной окраине Симферополя экспедицией музея-заповедника «Неаполь Скифский» раскопан небольшой курган (получил наименование «курган II на Петровских высотах») высотой 0.8 м. В центре кургана после снятия слоя дерна открыта компактная каменная наброска из мелкого бута (рис. 2, 1). Под ней найден небольшой каменный кольцевой кромлех (рис. 2, 2) с овальной платформой из крупных камней (рис. 2, 3). В западном торце платформы обнаружен тесанный известняковый блок. В центре каменного кромлеха открыта обширная площадка с мелкими фрагментами человеческих костей с примесью мелкого камня и темного гумуса (рис. 2, 4). Среди костей обнаружены стеклянные бусы; деформированные железные и бронзовые браслеты (рис. 3, 4, 6); бронзовые перстни с пуансонным орнаментом на щитке (рис. 3, 1–3), перстень с резным изображением Эрота на гиппокампе (?) на щитке (рис. 3, 5); железные кованый гвоздь, поясная пряжка с неподвижным язычком (рис. 3, 9); фрагменты лепной посуды (рис. 3, 8, 10).

Площадка устроена на древней дневной поверхности среди выходов материковых крупных глыб. Сочетание каменной платформы и скопления мелких фрагментов человеческих костей в

границах одной погребальной структуры позволило предположить, что на этой площадке могло практиковаться посмертное выставление тела покойного, чьи костные останки по прошествии времени вместе с разрозненным инвентарем попадали в центр ритуальной площадки.

Ритуальная площадка использовалась недолго, подсчет по нижним челюстям показал, что здесь были погребены не более пяти человек, после чего ее пространство законсервировали. Сооружение и использование погребального комплекса по сумме инвентаря можно в целом датировать IV–III вв. до н.э., схожие типы бронзовых перстней с резьбой на щитке, по классификации О.Я. Неверова, бытовали в Северном Причерноморье в IV в. до н.э. (Неверов, 1986. С. 21, 22). С этой датой согласуются материалы неукрепленного поселения Петровские скалы II, исследованного в 2022 г. в непосредственной близости от кургана.

В 2002 и 2003–2005 гг. экспедицией Крымского филиала Института археологии Национальной академии наук Украины (далее ИА НАНУ) исследован Тавельский курган 5 недалеко от с. Краснолесье Симферопольского р-на (Зайцев, Мордвинцева, 2004. С. 3). В центре насыпи эпохи бронзы открыт впускной каменный склеп с дромосом (рис. 4, 1), содержавший останки не менее 57 погребенных (Радочин, Бассалыго,

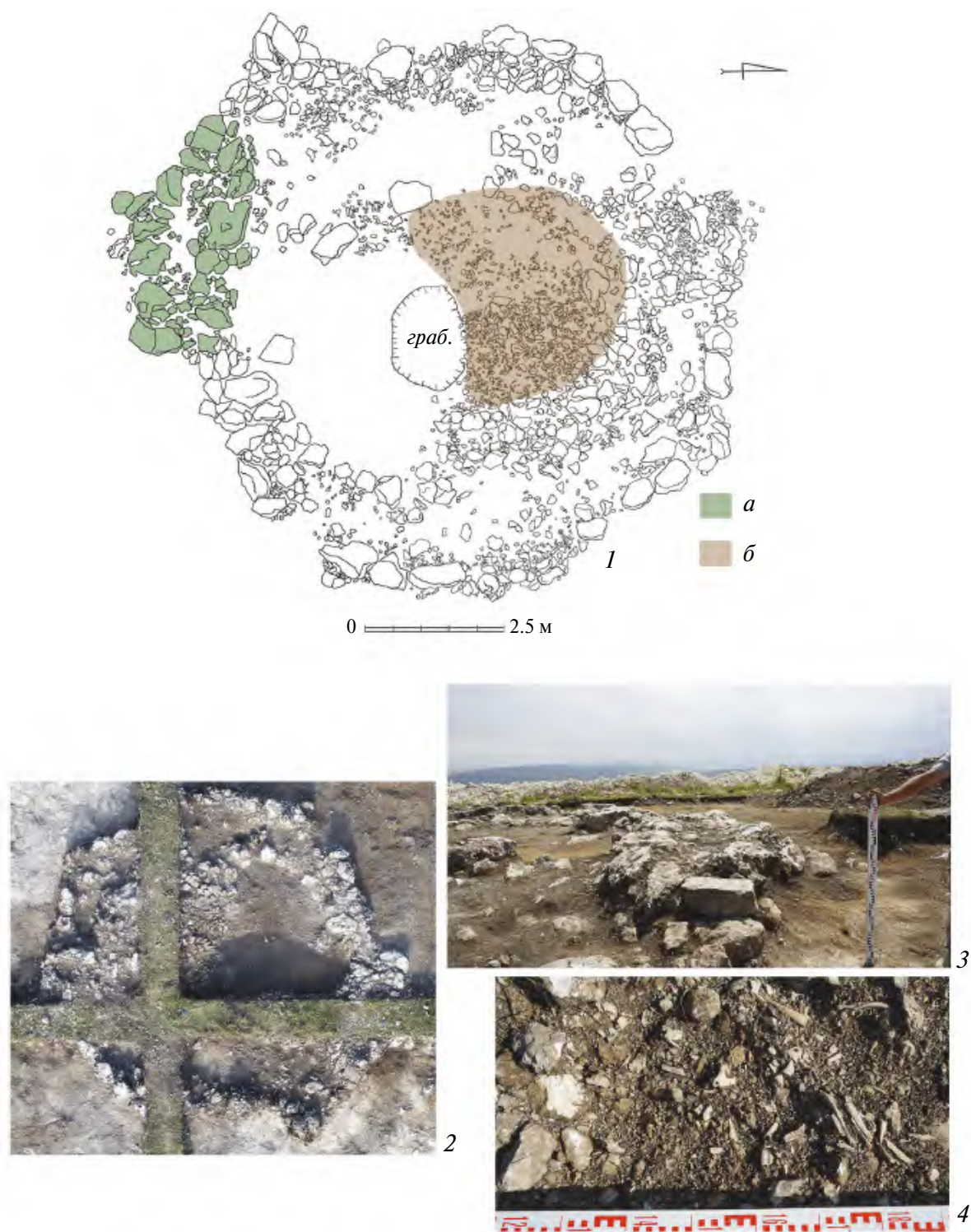

Рис. 2. Курган II на Петровских высотах. 1 – план кургана; 2 – фотоплан кургана до удаления стратиграфических бровок; 3 – каменная платформа; 4 – состояние костных останков в центральной части комплекса. Условные обозначения: а – каменная платформа; б – площадка с фрагментами человеческих костей.

Fig. 2. Mound II at Petrovskiy Heights

2005. С. 149). Костный горизонт на дне камеры представлял собой пачку отложений мощностью до 0.5 м, насыщенную мелкими фрагментами

человеческих черепов, длинных костей, ребер, зубов (рис. 4, 2). Многие кости находились в вертикальном или наклонном положении.

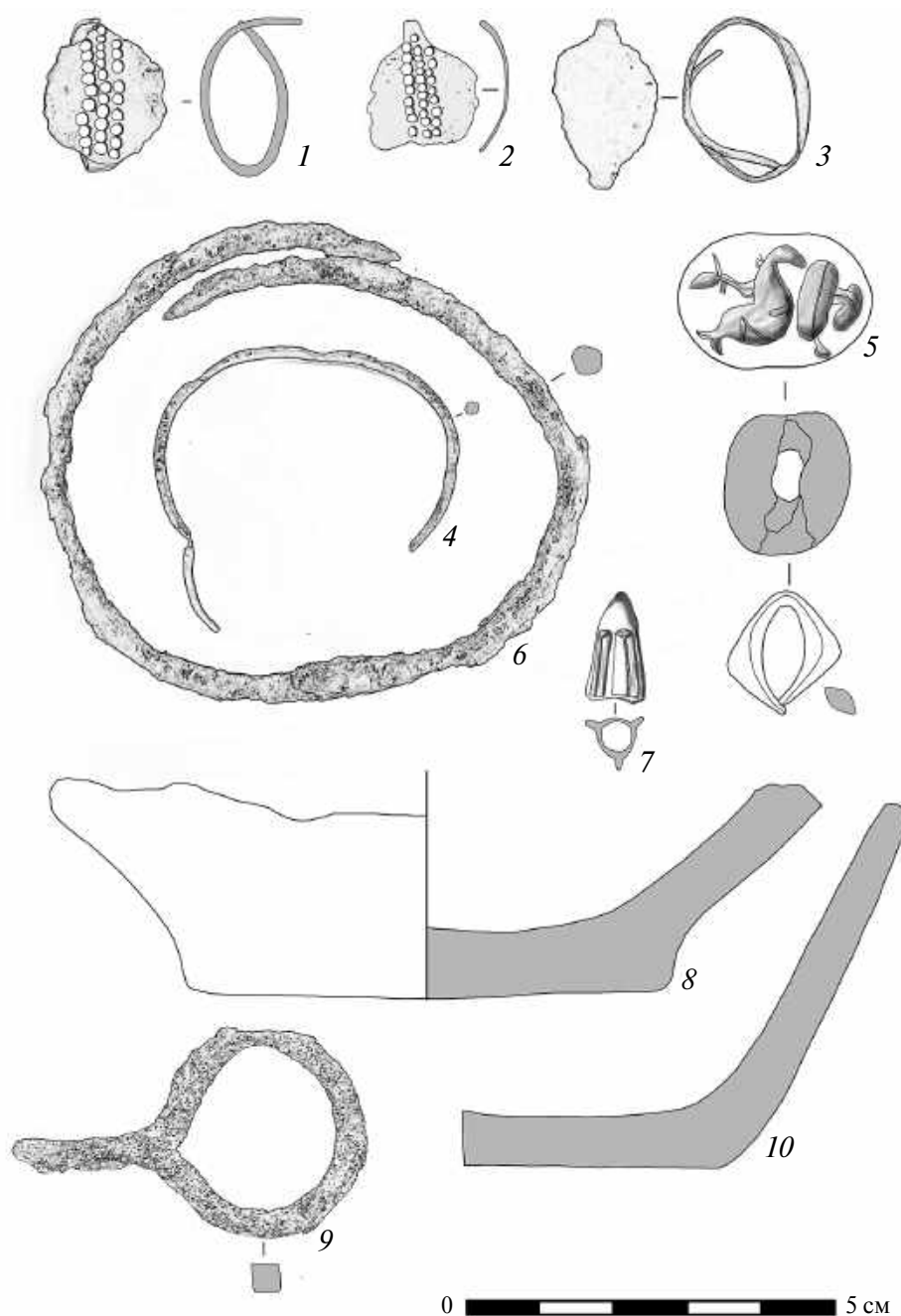

Рис. 3. Курган II на Петровских высотах, находки. 1–3 – перстни; 4, 6 – браслеты; 5 – перстень с резным изображением; 7 – наконечник стрелы; 8, 10 – фрагменты лепной посуды; 9 – пряжка. 1–4, 7 – бронза; 5, 6, 9 – железо.

Fig. 3. Mound II at Petrovskiy Heights, finds

Среди человеческих останков найдены фибулы нескольких типов, антропоморфная бронзовая подвеска, просверленная бронзовая боспорская монета, фрагменты бронзовых и железных предметов, стеклянные и полудрагоценные бусы (Зайцев, Мордвинцева, 2004. С. 5, 9–11). Предметы разбиты и разломаны, в том числе оказались разбитыми бусы из сердолика, хрусталя, крупные глазчатые пронизи.

После завершения использования склепа в Тавельском кургане 5 пространство камеры и дромоса было законсервировано крупными камнями, а сам склеп забутован сплошным слоем камня/плитки. По сочетанию предметов погребального инвентаря авторы исследований датировали использование погребального сооружения I в. до н.э. – I в. н.э. (Зайцев, Мордвинцева, 2004. С. 16).

Рис. 4. Тавельский курган 5. 1 — вид (с северо-запада) на камеру каменного склепа; 2 — состояние костного материала в разрезе заполнения камеры, вид с юга.

Fig. 4. Tavel mound 5

В 2007 г. близ с. Вишенное Белогорского р-на исследован частично ограбленный каменный склеп с уступчатым перекрытием (Зайцев,

Мордвинцева, 2010. С. 169). Камеру заполнял сплошной слой разрозненных человеческих костей и черепов, перемешанных с грунтом.

Череп образывали выраженные скопления, между которыми располагались длинные кости скелета. Между закладных плит на входе в камеру зачищено отдельное скопление человеческих костей, в том числе черепа не менее чем от шести человек. Анализ антропологического материала, выполненный научным сотрудником ИА НАНУ Л.В. Литвиновой, показал, что суммарно в дромосе и склепе были захоронены останки 86 человек. Среди костей в самой гробнице найдены крупная шаровидная курильница, редкое бронзовое зеркало итальянского производства, керамические пряслица, стеклянные бусины, фрагменты металлических браслетов, железная пластинчатая пряжка с крюком. Погребальный инвентарь из склепа датирован авторами исследований III–первой половиной II в. до н.э. (Зайцев, Мордвинцева, 2010. С. 174).

В 2014 г. экспедицией музея-заповедника «Неаполь Скифский» в кургане 9 группы Чигирник близ с. Вишенное Белогорского р-на под насыпью высотой 1.1 м открыт вырубленный в скале каменный склеп с ямой-дромосом (Шкрибляк, 2014. С. 14). Склеп перекрыт поперечно уложенными крупными известняковыми плитами. В его северо-восточной и центральной частях обнаружено несколько погребений в анатомическом порядке, однако в юго-западной части гробницы, у дальней стенки на полу, залегал компактный слой (мощностью 0.6 м) костей человеческих скелетов (рис. 5, 8). Разборка горизонта показала, что нижняя часть костеносного горизонта содержала преимущественно длинные кости скелета, ребра и позвонки, сверху же в определенном порядке были уложены черепа погребенных без нижних челюстей. Антропологический анализ костного материала, к сожалению, не был завершен, однако подсчет по черепам при разборке показал, что в этой части склепа были погребены по меньшей мере 34 человека.

Среди костей на разных уровнях скопления найдены многочисленные предметы: полихромные глазчатые бусы, стеклянные бусы с внутренней металлической прокладкой, гагатовые, сердоликовые, халцедоновые бусины, коралловая подвеска, железный нож, серебряная копоушка, краснолаковый унгентарий (рис. 5, 3), бронзовые монета с отверстием, браслеты (рис. 5, 5, 6), фрагменты железных изделий, два железных портупейных крюка (рис. 5, 4, 7), суммарно датируемые III–I вв. до н.э. (Шкрибляк, 2014. С. 19–28). При разборке костей этого горизонта фиксировались отдельные части человеческого

скелета в анатомическом порядке: локтевая и лучевая кости с браслетом, позвоночный столб с частью грудной клетки. Характер залегания свидетельствует в пользу преднамеренного перемещения и складирования костей частично либо полностью разложившихся тел покойных.

В 2016 и 2018 гг. на территории позднескифского некрополя на горе Кара-Тау открыто сразу три крупных каменных склепа (рис. 6, 1–3), заполненных мелкими фрагментами человеческих костей (Шкрибляк, 2016. С. 86). Анализ рельефа местности показал, что на некрополе для каменных склепов был выделен обособленный участок на западном склоне, где они располагались двумя параллельными аллеями. Остальная часть некрополя занята грунтовыми погребальными конструкциями II в. до н.э. — IV в. н.э.

В 2016 г. после попытки ограбления доследовано заполнение камеры склепа 3, на сохранившихся участках представлявшее собой сплошной массив мелких фрагментов человеческих костей (рис. 7, 3), перемешанных с известняковой крошкой и мелким камнем (Шкрибляк, 2016. С. 88). Среди костей обнаружено множество личных украшений: бронзовые фибулы, фрагменты и целые экземпляры колец с тремя рядами выступов, цепочки, пинцеты, подвески, перстни, нашивные бляшки, осколки зеркал, металлические спиральные пронизи; многочисленные стеклянные, фаянсовые, полудрагоценные бусы, коралловые подвески и раковины. Анализ стратиграфии заполнения камеры показал, что костная масса была целенаправленно консервирована слоем небольших известняковых плиток. Камнем были заложены также дромос и привходовое пространство, что символизировало, похоже, завершение манипуляций с телами покойных. В грабительском перекопе камеры обнаружено небольшое каменное антропоморфное изваяние с овальной личиной и сложенными на груди руками.

Интересным наблюдением, зафиксированным также в ходе раскопок других каменных склепов некрополя Кара-Тау, было состояние привходовой площадки перед склепом, усеянной множеством мелких фрагментов краснолаковой посуды (в основном кубков и небольших тарелок). Разбитые на мелкие фрагменты сосуды открытого типа говорят, во-первых, о регулярных тризновых подношениях, а, во-вторых, о долговременном нахождении привходового пространства в открытом состоянии. По сумме погребального инвентаря склеп 3 датируется второй половиной I — первой половиной III в. н.э.

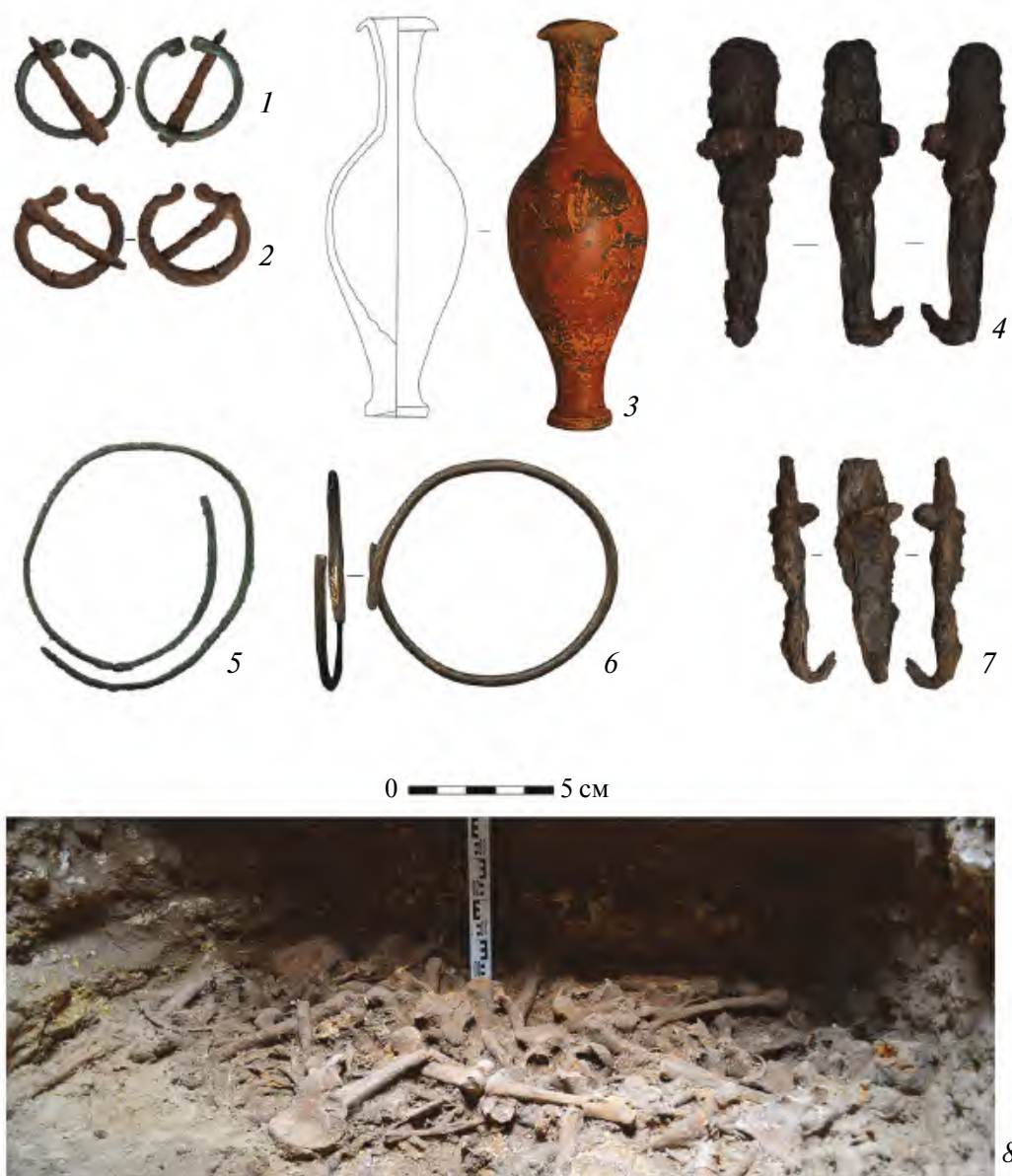

Рис. 5. Курган Чигирник 9, находки и состояние костных останков в юго-западной части гробницы (8). 1, 2 — металлические сюльгамы; 3 — краснолаковый унгентарий; 4, 7 — железные поясные крюки; 5, 6 — бронзовые браслеты.

Fig. 5. Chigirnik mound 9, finds and condition of bone remains in the southwestern part of the tomb

Антропологический анализ костного материала показал, что в склепе были погребены останки по меньшей мере 50 взрослых людей и 3 ребенка. Подсчет количества индивидов ввиду специфики материала производился по 9 признакам на костях черепа и по 15 признакам на костях посткраниального скелета. По заключению антрополога В.И. Безбородых, отмечены основные признаки костного материала: отсутствие анатомического порядка в погребении, отсутствие целых длинных костей и черепов, пропорциональное несоответствие количества гомологичных элементов скелета и наличие на большинстве длинных костей «старых»

сколов с явными признаками засорения при относительно хорошем состоянии костной ткани. Все эти признаки указывали на вероятно намеренное разрушение костей и на посмертные манипуляции с останками, производимые еще в древности.

В 2018 г. совместной экспедицией Историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский» и ООО «Актуальная археология» исследовано еще два каменных склепа¹ в непосредственной близости от склепа 3. Склеп 11 представлял собой полуназемную каменную

¹ Оба комплекса склепов 11 и 14 готовятся к публикации.

Рис. 6. Могильник Кара-Тау. 1, 2 — фотопланы склепов 11, 14; 3 — вид на камеру склепа 3 с юго-востока.

Fig. 6. Kara-Tau burial ground

постройку, состоявшую из длинного узкого дромоса и прямоугольной камеры (рис. 6, 1). Стенки частично собраны в строительном котловане. Внутренние фасы стенок дромоса и камеры сложены из ломаного плитчатого известняка с подсыпкой темного гумуса. Внешний контур склепа также был оформлен в виде кладки с выраженной лицевой стороной, в целом все сооружение имело законченный архитектурный облик. Склеп

на половину высоты стенок (около 0.5 м) заполнен мелкими фрагментами человеческих костей (рис. 7, 2), переложенными плоскими каменными плитками. Последний слой костей был перекрыт консервирующим горизонтом каменных плиток, а весь склеп — локальной каменной наброской, полностью скрывшей внешние стены конструкции и превратившей ее в небольшую курганную насыпь.

Рис. 7. Состояние костей человеческого скелета в склепах могильника Кара-Тау. 1 – склеп 14; 2 – склеп 11; 3 – склеп 3.

Fig. 7. Condition of the human skeleton in the crypts of the Kara-Tau burial ground

На основании предварительного антропологического анализа В.И. Безбородых удалось установить, что человеческие останки в склепе принадлежали как минимум 115 индивидам разного пола всех возрастных групп. Полное отсутствие анатомического порядка погребений и большая диспропорция количества гомологичных сегментов скелета, по его мнению, указывают на то, что погребальное сооружение, вероятно, могло служить местом перезахоронения останков из других погребальных сооружений. Малое количество целых длинных костей скелета, характер разломов костей и состояние поверхности сколов костей не исключают возможности их намеренного разрушения в древности.

Среди костей обнаружены многочисленные персональные вещи: бусы и пронизи; бронзовые браслеты, фибулы, зеркала, перстни, кольца с шишечками; наконечники стрел. Интересна и чрезвычайно редка для региона находка бронзовой литой восьмерковидной поясной пряжки с изображением рельефной маски актера (рис. 8, 1). Она находит прямые аналогии среди погребального инвентаря мавзолея Неаполя Скифского — практически идентичная находка происходит из погребения 19 (Зайцев, 2003. Рис. 93). Пряжка маркирует ранний горизонт погребений в склепе, предварительный анализ инвентаря позволяет датировать использование гробницы второй половиной II в. до н.э. — I—II вв. н.э.

Склеп 14 частично собран в строительном котловане, стены камеры и дромоса сложены из ломаного плитчатого известняка с подсыпкой темного гумуса, внешний контур склепа оформлен кладкой из крупных и средних известняковых плит (рис. 6, 2). Половина всего объема камеры склепа заполнена мелкими фрагментами человеческих костей² вперемешку с темным гумусом и известняковой крошкой (рис. 7, 1). Несколько черепов найдено в относительно целом состоянии, однако без нижних челюстей. Между костей на разных уровнях залегал разнообразный и многочисленный погребальный инвентарь, среди которого железные и бронзовые фибулы, бусы и пронизи из стекла и полудрагоценных камней; бронзовые перстни и кольца, просверленные и затертые монеты. Здесь же найдены архаичные вещи скифского круга — бронзовая пластина с головой фантастического хищника (рис. 8, 3) и фрагмент псаля.

² Обработка антропологического материала из склепа 14 начата в 2024 г. Н.Г. Свириной, по причине значительного его объема завершение планируется в 2025 г.

Пространство перед входом и вокруг склепа было усеяно мелкими фрагментами краснолаковых и гончарных сосудов открытого типа. На финальном этапе использования конструкции костный горизонт был законсервирован камнем, в этот же момент камнем было забутовано все пространство вокруг склепа и дромоса. Благодаря многочисленным находкам бронзовых фибул (рис. 8, 4—8, 10—13) можно предварительно датировать возведение и использование каменной конструкции второй половиной I — первой половиной III в. н.э.

Несмотря на полноценное археологическое изучение трех каменных склепов могильника Кара-Тау, остался открытым вопрос о конструкции кровли погребальных сооружений такого рода и материалах, которые в древности могли быть для этого использованы. Целенаправленная каменная консервация в виде плотно уложенного горизонта каменных плиток и бута свидетельствует в пользу изначального отсутствия кровли, т.е. склеп мог использоваться для закладывания костей в открытом виде. Впрочем, это не исключает существования перекрытия из органических материалов, следы которого археологически проследить невозможно.

В 2019 г. на территории грунтового могильника Опушки недалеко от Симферополя открыт еще один каменный склеп, схожий с конструкциями Кара-Тау. Все пространство пола погребальной камеры было заложено человеческими костями, образовавшими единый костеносный горизонт мощностью 0.5 м (Храпунов, Стоянова, 2020. С. 69). Между костей при разборке найдены многочисленные украшения и детали одежды. После разборки костного материала на полу камеры, в дромосе и снаружи на поверхности материковой глины зафиксированы следы столбовых ямок.

Комплексный анализ каменной конструкции, мест расположения столбовых ямок, стратиграфии заполнения склепа позволили С.А. Мульду разработать вариант реконструкции внешнего облика постройки. По этой версии основу перекрытия составляли четыре опорных деревянных столба в центре камеры, на которые опирались осевые продольные коньковые бревна. Крупные перпендикулярные бревна в таком случае могли формировать двускатную конструкцию кровли, на которую крепилась деревянная обрешетка для последующей укладки каменной плитки крыши (Мульд, 2024. С. 119). Строительство и использование склепа из

Рис. 8. Некоторые находки из каменных склепов Кара-Тау. Склеп 11: 1 (восьмерковидная литая пряжка с маской актера); 2 (наконечник ножен); 5 (фибула с завитком на конце приемника); 9 (кольцо с выступами). Склеп 14: 3 (литая пластина с изображением фантастического хищника); 4 (фибула с кнопкой на конце приемника); 6–8, 10–13 (фибулы). Склеп 3: 14 (проволочная фигурная подвеска); 15 (проволочные кольца). Бронза.

Fig. 8. Some finds from the stone crypts of Kara-Tau

Опушек датировано исследователями I–первой половиной II в. н.э., по подсчетам антрополога В.И. Безбородых, в склепе было похоронено более 130 человек (Храпунов, Стоянова, 2020. С. 108).

Детальное археологическое изучение каменных погребальных конструкций Центрального Крыма на современном методическом уровне позволяет поставить вопрос о существовании

сложносоставного погребального ритуала в позднескифской археологической культуре. Впервые его признаки надежно документированы в Тавельском кургане 5. Авторы исследования кургана в свое время предположили, что горизонт измельченных костных останков — это результат нескольких последовательных манипуляций: выноса наружу и намеренного разрушения костей человеческого скелета, а затем обратной их засыпки непосредственно в камеру через верх (Зайцев, Мордвинцева, 2004. С. 175). Вследствие этого некоторые длинные кости и оказались в вертикальном и наклонном состоянии, а редкие целые вещи обнаружены на поверхности костного слоя.

Можно предположить, что в реальности процесс был более сложным и, что немаловажно, достаточно протяженным во времени. Обратимся за помощью к письменным, археологическим и этнографическим источникам, документирующим обряд вторичного погребения у разных народов мира.

Зороастрийский погребальный ритуал древнего Ирана строжайше запрещал соприкосновение умершей плоти с земными стихиями: водой, землей, огнем. Для покойников на вершинах холмов выстраивались специальные «башни молчания» — дахмы, где останки отдавались на растерзание хищным птицам и животным-падальщикам. Очищенные кости помещали в отдельные камеры в самой дахме, переносили в специально построенные склепы-наусы либо вторично погребали в оссуариях. Самым ранним достоверно зороастрийским погребением считается могила ахеменидского наместника Лидии Артима, для которого в скале был высечен склеп-оссуарий около 400 г. до н.э. Этим же временем датируются древнейшие наусы из Хорезма и Бактрии (Богомолов, 2007. С. 79).

В Средней Азии захоронения предварительно очищенных от плоти костей известны повсеместно в широком хронологическом диапазоне — от рубежа IV—III вв. до н.э. до XIII в. н.э. (Ртвеладзе, 1978. С. 113). Для перезахоронения останков в регионе с древних времен использовались наземные многокамерные либо однокамерные склепы-наусы, построенные из сырцового кирпича и перекрытые сводчатым потолком. Так, в 1974 г. недалеко от городища Дальверзинтепе на юге Узбекистана открыт многокамерный наус с арочными входными проемами (Ртвеладзе, 1978. С. 97). Он содержал восемь погребальных камер, в которые вели входы из единого широкого коридора. Тщательная расчистка камер позволила

проследить несколько горизонтов накопления костных останков и по сумме погребального инвентаря датировать использование науса II—I вв. до н.э. и II—III вв. н.э. (Ртвеладзе, 1978. С. 112). Отмечено, что однокамерные и многокамерные наусы характерны лишь для территории Северной Бактрии, в Хорезме, Согде, Шаше и Маргиане для этих же целей в основном использовались сосуды-оссуарии.

Анализ положения останков погребенных в наусе Дальверзинтепе показал, что кости специально заносились в склеп извне после их очистки от плоти хищными животными либо птицами. В отдельных случаях при зачистке зафиксированы сохранившиеся сочленения позвоночного столба, в том числе с крестцом и ребрами. Сотрудники экспедиции провели наблюдения за хищными птицами и выяснили, что при поедании мяса животных птицами сохранялись не только позвоночные столбы, но и прилежавшие к ним части ребер, по всей видимости, из-за плотности и силы хрящевой соединительной ткани (Ртвеладзе, 1978. С. 112).

Расчистка пространства снаружи науса выявила у его стен скопления и единичные находки человеческих костей, которые могли стать следствием использования крыши науса для выставления тел покойников на растерзание птицам (Ртвеладзе, 1978. С. 109). Часть костей в процессе выставления и склевывания хищниками осыпалась под внешние стенки гробницы. Поминальные тризны и подношения духам предков совершались здесь же, в наусах. В коридоре науса из Дальверзинтепе перед входами в камеры обнаружены небольшие ямки, заполненные золой, угольками, целыми и фрагментированными керамическими сосудами, эта находка — свидетельство в пользу отправления поминальной тризны, возможно неоднократной.

Н.П. Сорокиной и Н.И. Сударевым рассмотрена серия погребений в границах городских некрополей на Европейском и Азиатском Боспоре, которые могут трактоваться как доказательство компактного проживания скифского населения с архаичными ритуальными практиками вблизи Нимфея, Кеп, Фанагории и Мирмекия в IV—III вв. до н.э. (Сорокина, Сударев, 2001). Авторы предположили, что перемешанные и разрозненные костяки в сочетании с отдельными уцелевшими сочленениями костей — отражение обряда выставления покойников, который практиковался варварами в контактных греко-варварских зонах Боспора (Сорокина, Сударев, 2001. С. 379).

Письменные источники подтверждают существование на востоке в эпоху античности обрядов выставления тел покойников как особого этапа перехода между миром живых и мертвых. Древнеримский историк Помпей Трог, писавший в I в. н.э. о парфиях, сообщает, что «общепринятое погребение [состоит в том, что трупы отдают] на растерзание птицам или собакам и в землю закапывают только голые кости» (Юстин Марк Юниан, 2005. XLI. 3. 5). У Геродота содержится упоминание о традициях населения Ахеменидского Ирана. «...Сведения о погребальных обрядах персы передают как тайну. Лишь глухо сообщается, что труп персы предают погребению только после того, как его растерзают хищные птицы или собаки. Впрочем, я достоверно знаю, что маги соблюдают этот обычай... Во всяком случае, персы предают земле тело покойника, покрытого воском» (Геродот. I. 140).

Видевдат (одна из частей священной для иранцев Авесты) рекомендует помещать кости в постройку из камня, камыша или извести, хотя для неимущих делается исключение, и кости их покойников можно оставлять на постели, «укрытой светом небес» (Рапопорт, 1971. С.17). Страбон описывает обычаи каспиев, которые «умерщвляют голодной смертью людей, которым за 70 лет, и выбрасывают их трупы в пустынные места; затем они наблюдают издали: если увидят, что птицы стаскивают трупы с носилок, то считают покойников блаженными, если же дикие звери и собаки — то менее блаженными; если трупы никто не утащит, то считают их несчастными (Страбон, XI, 11, 8).

Результаты этнографических экспедиций хорошо иллюстрируют обряды выставления в современных традиционных обществах. В Японии и на островах Рюкю / Окинава по сей день считается, что смерть не является мгновенным и окончательным разрывом человека с миром живых. Покойник нуждается в достаточно протяженном периоде перехода, который обязаны ему обеспечить живые члены социума. Эти традиции отражают широко распространенный культ предков, повсеместно практикующийся здесь и по сей день (Бакшеев, 2013. С. 122).

Посмертное обращение с телом покойного на Окинаве происходило в два этапа: вначале гроб с телом помещался во временное погребальное сооружение с возможностью последующего свободного доступа к телу покойника. Через нечетное количество лет (3-5-7-9) женщины-родственницы усопшего очищают кости от плоти

специальными деревянными палочками, обтирают досуха тканью и помещают в большой сосуд, освобождая умершего человека от скверны смерти (Бакшеев, 2013. С. 133). На финальной стадии манипуляций с костями покойного их смешивают с другими останками в коллективной гробнице, что символизирует переход в «дух коллективного предка» и потерю статуса «духа индивидуального предка».

Автор исследования по погребальной обрядности о. Окинава приводит множество примеров из жизни традиционных обществ Азиатско-Тихоокеанского региона, практиковавших обряды перехода по отношению к покойникам. Так, у древних айнов родственники до трех лет не расставались с усопшим, возя его тело повсюду с собой (Бакшеев, 2013. С. 141). В Новой Гвинее, у племени корики, через несколько месяцев после первоначального захоронения кости покойника извлекались, под пляски и музыку покойника упрашивали уйти навсегда, затем останки перезахоранивали. На Гавайях труп умершего мужчины мумифицировали, заворачивали в ткань и на время помещали в «мужской дом». Спустя определенное время кости очищали от остатков плоти и переносили в специальное помещение. На о. Пасхи тело покойного выставляли на носилках в особом месте до полного разложения, после этого переносили останки в специальную нишу.

В Китае с древности существовала устойчивая система двустадийной погребальной обрядности. Так, согласно обряду бинь в Северном Китае тело умершего вначале помещалось во временную могилу (иногда выставлялось), а через три месяца, в соответствии со строгим церемониалом, соответствующим социальному статусу покойника, переносилось на постоянное место (Бакшеев, 2013. С. 158).

Археологические, этнографические и письменные источники показывают, что, наряду с традиционным одноактным захоронением, на евразийском континенте с эпохи античности существовали сложные, многостадийные, формы погребальной обрядности, связанные с верой в протяженность перехода между миром живых и миром мертвых, необходимостью почитания духов умерших предков, помогающих (или вредящих) живущим потомкам из загробного мира.

Скифские и позднескифские памятники Центрального Крыма также демонстрируют присутствие в культуре многоактной погребальной традиции. Благодаря возросшему качеству

археологической полевой фиксации удалось выявить сложную форму двустадийной погребальной обрядности, всегда связанную с использованием монументальных каменных конструкций. При подробном рассмотрении полевого материала видны некоторые различия в обряде, представляющие собой разные варианты его толкования.

В курганах Сары-Кая 10, Чигирник 9, склепе из Опушек кости погребенных укладывались на свободном пространстве камеры в относительно целом состоянии. Следы намеренного дробления костей на мелкие фрагменты не отмечены, их растрескивание и поломка происходили со временем в силу естественных факторов — от давления грунта, камней, осыпания слоя в границах камеры.

В склепах могильника Кара-Тау, Тавельском кургане 5 и кургане II на Петровских высотах наблюдается противоположная картина. Лишенные мягких тканей кости во фрагментированном состоянии смешаны с погребальным инвентарем (часто также расколотым на фрагменты и поломанным) и засыпаны на место окончательного захоронения единой костной массой вперемешку с грунтом и мелким камнем. Есть признаки того, что значительное количество костей скелета просто не доходило до места финального упокоения. Так, в склепе 3 могильника Кара-Тау подсчет антрополога В.И. Безбородых выявил около 4500 единиц костей и 52 индивида (напомним, что ввиду специфики материала подсчет производился по 9 признакам на костях черепа и по 15 признакам на костях посткраниального скелета). Учитывая то, что все черепа и длинные кости скелета разбиты на мелкие фрагменты, количества подсчитанных фрагментов костей явно недостаточно для 52 индивидов, из этого следует резонный вопрос: а где же остальные фрагменты костей, и самое главное — какие манипуляции привели к таким потерям и насколько долго кости покойников находились вне камеры склепа.

Прослеженная археологически ситуация в границах каменного кромлеха кургана II на Петровских высотах показывает, что выставление тела происходило на открытом пространстве в пределах сакральной зоны кургана. На могильнике Кара-Тау, напротив, могла существовать единая ритуальная площадка для выставления тел покойных, откуда их останки впоследствии разносились в общие погребальные камеры. Значительная фрагментация костей скелета, большой процент их некомплектности для отдельных

индивидов показывает, что каменный склеп был последней стадией в ритуале, местом окончательного перехода покойных в «дух коллективного предка».

Относительно целые кости скелета, уложенные в определенном порядке на полу гробницы (Опушки, Чигирник 9, Сары-Кая 10), напротив, демонстрируют классическую двустадийность погребального обряда и значительно меньший промежуток времени между выставлением и окончательным захоронением умершего. Несомненно, общая черта в обоих вариантах обряда — принцип «коллективности», который предполагал воссоединение всех членов семьи, рода или племени после смерти в едином погребальном пространстве.

В контексте изучаемого археологического материала есть несколько интересных, но проблемных сюжетов. Один из них — сочетание двух противоположных погребальных традиций в границах единого некрополя, относящегося к одному и тому же населенному пункту. Так, на некрополе Кара-Тау каменные склепы с вторичными захоронениями (хоть и обособленно расположенные) сочетаются с синхронными грунтовыми конструкциями, среди которых как индивидуальные могилы, так и коллективные склепы с традиционной ингумацией. На Опушкинском могильнике каменный склеп 250 располагается в центре классического грунтового некрополя на площадке между грунтовыми склепами и подбойными могилами.

Интересен также вопрос о составе и принадлежности погребального инвентаря, обилие и разнообразие которого служит своеобразной визитной карточкой поздне скифской культуры полуострова. В культуре существовала устойчивая традиция помещения в могилу необходимых покойнику после смерти личных вещей и еды, амулетов, украшений, монет, косметических приспособлений, игрушек, предметов роскоши и вооружения, принадлежностей для охоты и отправления культа. В классических грунтовых конструкциях с единовременным погребением всегда хорошо фиксируется индивидуальная принадлежность инвентаря — каждый умерший член общества должен был быть наделен набором предназначенных именно ему в потустороннем мире предметов.

В каменных склепах-костницах Тавельского кургана, могильника Кара-Тау, в границах ритуальной площадки кургана II на Петровских высотах картина несколько отличается — из-за

специфики залегания костного материала нет возможности зафиксировать «индивидуальность» инвентаря, находки по большей части представлены небольшими предметами в разрозненном состоянии. Основная категория находок среди мелких фрагментов костей — это бусы, бисер, подвески, бронзовые фибулы, амулеты, серьги и перстни, пряжки, фрагментированные зеркала, детали шкатулок и предметы, которые были в шкатулки помещены. Похоже, что в понимании соплеменников напутственная пища и определенные орудия (для охоты, приготовления пищи, отпугивания злых духов) необходимы были покойнику лишь на коротком этапе его перехода между миром живых и мертвых. По завершении этого этапа нужда в таких вещах отпадала, и в костницы попадали лишь мелкие индивидуальные вещи.

Каменные гробницы-костницы неоднократно посещались с целью совершения поминальных действий. Об этом свидетельствуют многочисленные фрагменты краснолаковых и гончарных сосудов на полу дромоса и рядом с входом. В Тавельском кургане 5 зафиксирована плотно утрамбованная дорожка, ведущая в склеп и усеянная сотнями фрагментов разбитых сосудов небольшого объема. Многочисленные фрагменты краснолаковой посуды найдены на поверхности скалистого материка рядом с входом в склепы могильника Кара-Тау. Традиция отправления тризны по покойнику в Крыму хорошо известна по материалам скифских курганных некрополей V–IV вв. до н.э., она зафиксирована и в более поздний период уже на территории грунтовых некрополей оседлого варварского населения. Так, на могильниках Опушки, Дружное, Нейзац, Совхоз 10 найдена серия жертвенных ямок IV в. н.э. с сосудами, локализованных между погребальными сооружениями (Чарусов, 2024). Некоторые ямки насчитывали более трех десятков сосудов, многие из них содержали остатки пищи: куриные яйца, кости животных и птиц. Тризновые мероприятия свидетельствуют в пользу существования в варварской среде культа предков, вере в участие умерших сородичей в делах живых соплеменников.

Рассмотренные материалы современных полевых исследований показывают, что с IV в. до н.э. по III в. н.э. в Центральном Крыму практиковалась двустадийная погребальная обрядность. Эта традиция не была повсеместной, процент каменных склепов-костниц, по сравнению с классическими грунтовыми сооружениями, невелик. Тем не менее эти наблюдения на

современном этапе позволили получить важные данные о духовной жизни скифского и позднескифского населения полуострова, засвидетельствовать особые постпогребальные обряды перехода, связанные с политеистическими представлениями и культом предков.

Антропологический анализ костного материала из склепов 3 и 11 некрополя Кара-Тау, проведенный В.И. Безбородых, показал наличие на большинстве длинных костей «старых» сколов с явными следами засорения при относительно хорошем состоянии костной ткани — все эти признаки указывают на вероятно намеренное разрушение костей и на посмертные манипуляции с останками, производимые еще в древности. В будущем необходимо провести дополнительный биоархеологический анализ костного материала для получения серьезной доказательной базы полученных первичных наблюдений.

Трудноразрешимым остается вопрос об истоках подобной обрядности. Материалы ранних некрополей кизил-кобинской археологической культуры VIII–VI вв. до н.э. с погребениями в каменных ящиках показывают, что и в доскифское время в Предгорном и Горном Крыму могли практиковать вторичные погребения, однако этот сюжет требует самостоятельного изучения.

Исследование выполнено по гранту Российскойского научного фонда № 24-28-01266 «Горный массив Кубалач как новый феномен археологии Крыма в IV в. до н.э. — V в. н.э.»: <https://rscf.ru/project/24-28-01266/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бакшеев Е.С. «Две смерти» в культурах Японии и Рюкю (Окинавы): двустадийная погребальная обрядность в традиционных обществах как историко-культурологическая проблема (в контексте культур Азиатско-Тихоокеанского региона) // *Genesis: исторические исследования*. 2013. № 1. С. 129–191.
- Богомолов Г.И. Из истории зороастрийского погребального обряда // *Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития* / Ред. Т.Ш. Ширинов, Ш.Р. Пидаев. Ташкент; Самарканд: Фан, 2007. С. 77–81.
- Геродот. История в девяти книгах. Л.: Наука, 1972. 600 с.
- Зайцев Ю.П. Неаполь скифский (II в. до н.э. — III в. н.э.). Симферополь: Универсум, 2003. 212 с.
- Зайцев Ю.П., Мордвинова В.И. Отчет об охранных археологических исследованиях Тавельского кургана № 5 у с. Краснолесье Симферопольского района АР Крым в 2003 г. // Архив Института археологии Крыма РАН. Б/н.

- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Варварские погребения Крыма II в. до н.э. — I в. н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: докл. к 5 науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 174–192.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Курган с коллективными погребениями из окрестностей городища Ак-Кая // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах. 2010. № 22. С. 169–176.
- Мульд С.А. Опыт реконструкции каменного позднескифского склепа из могильника Опушки в центральном Крыму // Крым в сарматскую эпоху. Вып. X. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2024. С. 110–133.
- Неверов О.Я. Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья // Античная торевтика. Л.: Гос. Эрмитаж, 1986. С. 17–27.
- Радочин В.Ю., Бассалыго О.А. Антропологический материал из Тавельского кургана № 5 // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Вып. XI. Симферополь, 2005. С. 144–152.
- Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии). М.: Наука, 1971. 129 с.
- Ртвеладзе Э.В. Дальверзинский наус // Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана / Ред. Л.И. Ремпель. Ташкент: Фан, 1978. С. 97–114.
- Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М.: Восточная литература, 1997. 280 с.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И. К вопросу о некоторых варварских погребениях Боспора VI–V вв. до н.э. (постановка вопроса) // Древности Боспора. Т. 4 / Ред. А.А. Масленников, А.А. Завойкин. М.: ИА РАН, 2001. С. 377–384.
- Страбон. География в 17 книгах. М.: Ладомир, 1994. 824 с.
- Храпунов И.Н., Стоянова А.А. Каменный склеп Опушкинского могильника // Крым в сарматскую эпоху. Вып. VI. Симферополь: Салта, 2020. С. 66–112.
- Чарусов Т.А. Скопления сосудов из могильника Опушки // Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи / Ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2024. С. 56–64.
- Шкрибляк И.И. Отчет об археологических разведках на территории Белогорского района Республики Крым в 2014 году // Архив Историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский». Б/н.
- Шкрибляк И.И. Отчет об археологических раскопках в 2016 году античного святилища, некрополя и поселения на горе Кара-Тау, Белогорский район, Республика Крым // Архив Историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский». Б/н.
- Юстин Марк Юниан. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae». СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. 493 с.

COMPLEX FORMS OF FUNERAL RITUAL AT BARBARIAN SITES IN THE CRIMEAN FOOTHILLS FROM THE 4th CENTURY BC – 3rd CENTURY AD

Irina I. Shkriblyak*

Historical and Archaeological Museum-Reserve “Scythian Neapolis”, Simferopol, Russia

**E-mail: neapolis.scythian@gmail.com*

The article examines complex forms of funeral rites of the Scythian and late Scythian population of Crimea in the 4th century BC – 3rd century AD including those associated with the use of specially equipped stone crypts-ossuaries. The results of archaeological studies of the Kara-Tau burial grounds, the Chigirnik, Sary-Kaya and Tavel, and Opushki burial mounds are presented, which demonstrate the peculiarities of the funeral rites of the Crimea barbarian population in the Hellenistic and Roman periods. At the final stage of the funeral ceremony, the bone remains were transferred to stone burial structures, which were used repeatedly. The recorded two-stage funeral rituals suggest discussing the existence of special transition rites in this culture associated with polytheistic beliefs and the cult of ancestors.

Keywords: Crimean Peninsula, funeral rite, stone crypts, grave goods, Scythians, late Scythians.

REFERENCES

- Baksheev E.S., 2013. “Two deaths” in the cultures of Japan and Ryukyu (Okinawa): two-stage funeral rituals in traditional societies as a historical and cultural problem (in the context of the Asia-Pacific region cultures). *Genesis: istoricheskie issledovaniya [Genesis: historical research]*, 1, pp. 129–191. (In Russ.)
- Bogomolov G.I., 2007. From the history of the Zoroastrian burial ritual. *Rol' goroda Samarkanda v istorii mirovogo kul'turnogo razvitiya [The role of Samarkand in the history of world cultural development]*. T.Sh. Shirinov, Sh.R. Pidaev, eds. Tashkent; Samarkand: Fan, pp. 77–81. (In Russ.)
- Charusov T.A., 2024. Clusters of vessels from the Opushki burial ground. *Etnokul'turnye protsessy na severnykh*

- granitsakh Vostochnoy Rimskoy imperii [Ethnocultural processes on the northern borders of the Eastern Roman Empire]*. A.I. Aybabin, E.A. Khayredinova, eds. Simferopol': Antikva, pp. 56–64. (In Russ.)
- Gerodot, 1972. *Istoriya v devyati knigakh [The Histories]*. Leningrad: Nauka. 600 p.
- Khrapunov I.N., Stoyanova A.A., 2020. Stone crypt of the Opushki burial ground. *Krym v sarmatskuyu epokhu [Crimea in the Sarmatian period]*, VI. Simferopol': Salta, pp. 66–112. (In Russ.)
- Mul'd S.A., 2024. An experience in reconstruction of a stone late Scythian crypt from the Opushki burial ground in central Crimea. *Krym v sarmatskuyu epokhu [Crimea in the Sarmatian period]*, X. Simferopol': Nasledie tysyacheletiy, pp. 110–133. (In Russ.)
- Neverov O.Ya., 1986. Metal finger-rings of the archaic, classical, and Hellenistic periods from the Northern Pontic. *Antichnaya torevtika [Classical toreutics]*. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh, pp. 17–27. (In Russ.)
- Radochin V.Yu., Bassalygo O.A., 2005. Anthropological material from Tavel burial mound No. 5. *Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Tavrii [Materials on the history, archaeology and ethnography of Taurica]*, XI. Simferopol', pp. 144–152. (In Russ.)
- Rapoport Yu.A., 1971. *Iz istorii religii drevnego Khorezma (ossuarii) [From the history of the ancient Khorezm religion (ossuaries)]*. Moscow: Nauka. 129 p.
- Rtveladze E.V., 1978. *Dalverzin naus crypt. Dal'verzintep – kushanskiy gorod na yuge Uzbekistana [Dalverzintep – a Kushan town in the south of Uzbekistan]*. L.I. Rempel, ed. Tashkent: Fan, pp. 97–114. (In Russ.)
- Shkriblyak I.I. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v 2016 godu antichnogo svyatilishcha, nekropolya i poseleniya na gore Kara-Tau, Belogorskiy rayon, Respublika Krym [Report on the 2016 archaeological excavations in the ancient sanctuary, necropolis and settlement on Mount Kara-Tau, Belogorsk District, Republic of Crimea]. *Arkhir Istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika "Neapol' Skifskiy" [Archive of the Historical and Archaeological Museum-Reserve "Scythian Neapolis"]*.
- Shkriblyak I.I. Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na territorii Belogorskogo rayona Respubliki Krym v 2014 godu [Report on the 2014 archaeological surveys in Belogorsk District, Republic of Crimea]. *Arkhir Istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika "Neapol' Skifskiy" [Archive of the Historical and Archaeological Museum-Reserve "Scythian Neapolis"]*.
- Smirnov Yu.A., 1997. *Labirint: Morfologiya prednamerennogo pogrebeniya. Issledovanie, teksty, slovar' [Labyrinth: Morphology of intentional burial. Research, Texts, Glossary]*. Moscow: Vostochnaya literatura. 280 p.
- Sorokina N.P., Sudarev N.I., 2001. On some barbarian burials of the Bosporus in the 6th–5th centuries BC (invitational paper). *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 4. A.A. Maslennikov, A.A. Zavoykin, eds. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 377–384. (In Russ.)
- Strabon, 1994. *Geografiya v 17 knigakh [The Geographica]*. Moscow: Ladomir. 824 p.
- Yustin Mark Yunian, 2005. *Epitoma sochineniya Pompeya Troga "Historiae Philippicae" [Epitome of the "Historiae Philippicae" by Pompeius Trogus]*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 493 p.
- Zaytsev Yu.P., 2003. Neapol' skifskiy (II v. do n.e. – III v. n.e.) [Scythian Neapolis (2nd century BC – 3rd century AD)]. Simferopol': Universum. 212 p.
- Zaytsev Yu.P., Mordvintseva V.I. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniyakh Tavel'skogo kurgana № 5 u s. Krasnoles'e Simferopol'skogo rayona AR Krym v 2003 g. [Report on the 2003 salvage archaeological research of Tavel mound No. 5 near the village of Krasnolesye, Simferopol District, Autonomous Republic of Crimea]. *Arkhir Instituta arkheologii Kryma Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology of Crimea RAS]*.
- Zaytsev Yu.P., Mordvintseva V.I., 2004. Barbarian burials of Crimea in the 2nd century BC – 1st century AD. *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noy khronologii: doklady k 5 nauchnoy konferentsii "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii" [Sarmatian cultures of Eurasia: Problems of regional chronology: Reports for the 5th Scientific conference "Issues of Sarmatian archaeology and history"]*. Krasnodar, pp. 174–192. (In Russ.)
- Zaytsev Yu.P., Mordvintseva V.I., 2010. Burial mound with group burials from the vicinity of the Ak-Kaya fortified settlement. *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika. Arkheologicheskiy al'manakh [Ancient and Medieval Taurica. Archaeological almanac]*, 22, pp. 169–176. (In Russ.)

ДИСКУССИЯ

К ВОПРОСУ О РАННИХ ФОРМАХ КЕРАМИКИ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИХ ПОЯВЛЕНИЮ ФАРФОРА В КИТАЕ

© 2025 г. Л. Чжоу*

Университет Хэци, Хэци, Китай

**E-mail: lei423371707@mail.ru*

Поступила в редакцию 02.04.2025 г.

После доработки 02.04.2025 г.

Принята к публикации 18.06.2025 г.

Статья посвящена рассмотрению ранних форм керамического производства в Китае, развитие которых считается переходным этапом к формированию практики изготовления фарфора. На основе систематизации существующей научной литературы дается представление о проблематике исследования, обозначена проблема терминологии в исследовании ранних форм китайской керамики. Рассматриваются ключевые вопросы происхождения протофарфора. Особое внимание уделяется вопросу взаимосвязи протофарфора и штампованной твердой керамики. По результатам изучения методами SEM-EDS и EPMA-WDS изделий протофарфора и образцов штампованной керамики дан сравнительный анализ их химического состава, обозначены сходные черты и различия. Рассматривается вопрос о происхождении глазури на поверхности китайских керамических изделий. Сравнительный анализ состава глазури черепков и стеклообразных поверхностей печи демонстрирует существенную разницу между ними, что позволяет предположить, что их появление связано с различными процессами при использовании разных материалов, и в случае глазури протофарфоровых изделий имеет место сознательная разработка технологии ее создания.

Ключевые слова: штампованная керамика, протофарфор, примитивный фарфор, химический состав, керамическое производство, технология, Китай.

DOI: 10.7868/S3034577425040151

Фарфор как вершина развития керамического производства — бесспорно одно из самых замечательных технологических достижений доиндустриальной эпохи. Уникальное значение фарфора в мировой культуре невозможно переоценить: на протяжении многих веков благодаря международной торговле фарфор завоевывал прочные позиции в мировой материальной культуре, формируя образ жизни и эстетические предпочтения людей в самых различных регионах. С археологической точки зрения изобретение фарфора стало революционным прорывом в истории добычи глины и производстве керамики, охватывающей десятки тысячелетий.

Изобретение фарфора отнюдь не стало результатом какой-то одной технологической революции. Появлению фарфоровых изделий предшествовал длительный процесс исследования свойств глины, экспериментов с материалом и накопления знаний. До возникновения в Китае керамики, покрытой зеленой глазурью (селадон), примерно во II в. н.э., уже к XVII в. до н.э. в Юго-Восточном Китае мастера научились

производить изделия высокого обжига, образцы твердой керамики из фарфорового камня¹ (Kerr, Wood, 2004. Р. 135–144). Подобные изделия были широко распространены в центрах

¹ Если говорить в исторической ретроспективе, то фарфоровый камень был основным ингредиентом для изготовления фарфора в южном Китае с X до XIII в. В дальнейшем развилась практика добавлять в фарфоровую массу каолин. Каолин является одним из двух основных ингредиентов фарфоровой массы. Сочетание фарфорового камня с каолином порождает очень пластичную глину. Таким образом, фарфоровый камень является вторым основным ингредиентом фарфора. Фарфоровый камень в основном состоит из кварца и серицита, он широко распространен в Южном Китае. Древние изделия из этого материала имели кремнистую природу. С начала эпохи Юань и до династии Цин в фарфоровую массу добавлялось все больше и больше каолина с целью улучшить качество фарфора Цзиндэчжэнь. Кроме того, выбор в качестве материала для изготовления фарфора каолина, фарфорового камня или их сочетания был связан с региональным фактором. Северный фарфор изготавливался преимущественно из каолина. В Южном Китае основным материалом был фарфоровый камень. В императорских печах в Цзиндэчжэне, каолин добавляли в фарфоровый камень; в провинции Фуцзянь, на побережье и к востоку от Цзянси, использовался только фарфоровый камень.

древнейших династий Ся (2070–1600 до н.э.), Шан (1600–1046 до н.э.) и Чжоу (1046–256 до н.э.)² (Li, O'Sullivan, 2020; Zong et al., 2024). Среди найденных в ходе археологических раскопок керамических образцов те, что покрыты глазурью, в современной науке обозначаются общим термином «протофарфор», в то время как неглазурованные изделия, декорированные геометрическими орнаментами, называются «штампованной твердой керамикой»³. Обе эти формы керамики считаются предшественниками китайского фарфора и являются ключом к пониманию истоков происхождения фарфора (Wu et al., 2011).

В современной науке прослеживается тенденция к изучению взаимосвязи между стадией, предшествующей появлению фарфора, и стадией развития так называемого зрелого фарфора. Тем не менее до сих пор сравнительно малоизученным остается вопрос о происхождении и характере этой предшествующей стадии как таковой. Значимость и актуальность указанной проблематики определяются ее связью с широким кругом вопросов, например, таких как: особенности и

условия важнейшего перехода от глиняной посуды с низким обжигом к фарфору или керамике с высоким обжигом, эволюция технологии производства от использования легкоплавкой глины к применению огнеупорной глины, развитие искусства глазурирования керамики. Примечательно, что если по теме протофарфора уже накоплен определенный опыт исследований, то проблема штампованной твердой керамики остается практически неизученной (Yu et al., 2018; Zhou et al., 2019).

Если говорить о российской археологии, то здесь также существует острая нехватка исследований, в которых нашла бы отражение указанная проблематика. Российские ученые обращаются к тем или иным периодам развития китайского фарфора в основном с позиций искусствоведения, рассматривая общие особенности фарфора той или иной эпохи, решая вопросы атрибуции тех или иных произведений, описания коллекций (Винокуров, 2024). В своих исследованиях ученые опираются как на частные собрания (Винокуров, 2022), так и на российские музейные коллекции (Афанасьева, Винокуров 2023). Собственно археологических исследований, посвященных китайскому фарфору, сравнительно мало. В числе наиболее репрезентативных можно отметить многочисленные публикации Е.И. Гельман (1999; 2019 и др.), М.Д. Полубояриновой (2003а; б), А.Ю. Ожередовой (2022), В.Ю. Коваль (2024).

Понятие протофарфора в российской научной литературе раскрыто довольно фрагментарно. Некоторые сведения по вопросу можно почерпнуть в работах Е.И. Гельман, А.Д. Головиной: (Головина, 2020), М.М. Курбатовой (2017). Отдельный интерес представляет статья Цзисянь Се, посвященная задаче прояснения вопроса о происхождении и развитии китайского протофарфора (2022). Это исследование является первой в российской науке попыткой специального рассмотрения темы протофарфора. Очевидным недостатком данного исследования можно считать опору автора на российские работы и труды европейских и китайских ученых, которые не имеют прямой отсылки к протофарфору, а в ряде случаев и вовсе посвящены специальному рассмотрению поздней истории китайского фарфора. Настоящее исследование призвано систематизировать и обобщить последние результаты археологических исследований, непосредственно сфокусированных на анализе форм керамики, предшествовавших появлению фарфора в Китае.

В дискуссии о ранних формах китайской керамики неизбежно поднимается довольно

² Три династии Ся, Шан и Чжоу являются периодом основания китайской цивилизации.

³ Под термином «штампованная керамика» (stamped stoneware) в современных археологических исследованиях по истории и теории китайского фарфора принято понимать такой тип керамических изделий, который являлся предшественником раннего фарфора и имел следующие признаки: керамика высокого обжига, украшенная сложными узорами, отштампованными на зеленой глине до обжига (Min, Thilo, Jianming, 2011). Штампованным является именно декор, а не сами сосуды. Данная форма керамического производства изучена недостаточно хорошо, так, к сожалению, автору не удалось найти информацию о том, какие именно штампы применялись и для какой цели они использовались. Основная часть исследований посвящена изучению состава имеющихся артефактов с целью прояснить вопрос о взаимоотношениях штампованной керамики и прото-фарфора. В русскоязычной литературе используется, например, термин «неолитическая керамика с резным и штампованным орнаментом», приводятся сведения о том, что эта форма керамики получила распространение во многих странах Востока, так, например, в Тайланде она появилась «вследствие экспансии групп мигрантов с территории южного Китая» (Мальцева, 2023. С. 269). По данному вопросу можно обнаружить также следующие сведения: «В период неолита на территории Китая и Юго-Восточной Азии широкое распространение получила керамика с орнаментом, представляющим собой рельефный декор, для создания которого используются такие технические приемы, как резьба и штамповка, иногда пространство между резными линиями заполнялось оттисками штампа. Вырезанные и отпечатанные рисунки различаются в локальных контекстах, но по-прежнему демонстрируют общую совокупность, а в некоторых случаях и идентичные мотивы» (Мальцева, 2023. С. 269).

существенный вопрос о том, что в науке принято обозначать терминами «примитивный фарфор», «протофарфор», «штампованная твердая керамика» и пр. Российские исследователи разделяют мнение, что провести различия между так называемым фарфором и его протоформой затруднительно, кроме того, не существует единой терминологической базы в этой предметной области (Курбатова, 2017. № 1 (16). С. 72).

Проясняя вопрос терминологии, в данном случае следует в первую очередь исходить из того, что существуют два подхода к решению указанной проблемы: один из них сформировался в рамках китайской науки, второй — за пределами Китая.

Ранняя глазурованная керамика высокого обжига была впервые обнаружена китайскими археологами на стоянке Иньсу (XIII–XI вв. до н.э.) в Аньяне, провинция Хэнань, в 1929 г. (Yin, 2012. Р. 26), однако изучение этой формы керамики фактически началось лишь в конце 1950-х годов, когда были сделаны новые археологические открытия на стоянке Эрлиган (XVI–XIV вв. до н.э.) в Чжэнчжоу, провинция Хэнань. Обнаружение культуры Эрлиган вызвало дискуссию о необходимости разграничения терминов «ю тао» (*you tao* — глазурованная керамика или глазурованная глиняная посуда) и «цао ци дэ ци ци» (*zao qi de ci qi* — фарфор на ранней стадии). В 1960 г. исследователь Ань Цзиньхуай (1960) впервые выдвинул четыре критерия для определения фарфора, произведенного в Китае: 1) фарфоровая масса изготовлена из каолина; 2) покрытие глазурью; 3) черепок высокого обжига, стекловидный и резонирующий при постукивании; 4) непроницаемость. В соответствии с этими критериями ученый классифицировал керамику Эрлигана как раннюю глазурованную керамику высокого обжига, используя термины «юань ши ци ци» (*yuan shi ci qi* — примитивный фарфор) или «юань ши цин ци» (*yuan shi qing ci* — примитивная керамика с зеленой глазурью). Последующие археологические находки позволили прийти к выводу, что зеленый был самым распространенным, но не единственным цветом глазури ранних образцов керамического искусства Китая. В современной китайской науке большинство специалистов по китайской керамике называет этот тип фарфора *yuan shi ci qi* (примитивный фарфор), хотя некоторые специалисты все еще продолжают использовать общий термин *ю тао* (глазурованная керамика) (Yin, 2012. Р. 23).

В западной науке сложилась своя парадигма изучения ранних форм китайской керамики, и в ходе развития научных исследований в этой

области возникли довольно сильные разночтения в плане использования и понимания тех или иных терминов. Так, в первых работах на эту тему ранняя китайская глазурованная керамика высокого обжига обозначается такими понятиями, как «зеленая керамика» (green stoneware) (Tregear, 1976), «прото-селадон» (proto celadon) (Monroe, 1982) и «керамика с пепельной глазурью» (ash-glazed stoneware) (Sato, 1981), «изделия, близкие по качеству к “каменной керамике” с примитивной глазурью» (near-stoneware with primitive glaze) (Valenstein, 1989), «глазурованная керамика» (glazed stoneware) (Li, 1996; Vainker, 1991; Wood, 1999) и «глазурованные изделия, близкие по качеству к “каменной керамике”, высокой степени обжига» (high-fired glazed near-stoneware) (Valenstein, 1989).

Между учеными Китая и специалистами за его пределами существует большая разница в терминологии, относящейся к истории китайского керамического производства. Основное отличие состоит в том, что в Китае термин «фарфор» применяется более широко: под ним понимается также непрозрачная тонкая керамика. В западной парадигме существует следующее разделение, отражающее эволюцию китайского керамического производства:

- глиняные изделия (earthenware): относятся к периоду до династии Тан (618–907 гг.), изготовлены из обычной глины при низких температурах (950–1100°C), непрозрачный, неглазурованный черепок светло-желтого, бежевого, коричневого, красного, черного цветов;

- каменная керамика (stoneware): относится к периоду династий Шан — Сун (960–1279 гг.), изготовлена из каолина или фарфорового камня при высоких температурах (1100–1300°C), плотный и твердый, непрозрачный, как глазурованный, так и неглазурованный черепок;

- фарфоровидные изделия (porcelaneous ware): находятся между керамикой и фарфором (превосходят обычную керамику, но не обладают всеми характеристиками фарфора в западном понимании);

- фарфор (porcelain): образцы, относящиеся к периоду, начиная с династии Сун, изготовлены из каолина или фарфорового камня при высоких температурах (1300–1450°C), обладают высокой плотностью и прозрачностью, резонируют при постукивании, глазурованные, серого или белого цвета.

Тогда как в западной науке традиционно керамические изделия и фарфор являются

отдельными категориями, в настоящее время в мировой научной практике развивается тенденция обозначать терминами протофарфор, примитивный фарфор и глазурованные керамические изделия один и тот же вид глазурованной керамики высокого обжига, произведенной на ранней стадии развития китайской цивилизации. В настоящее время наблюдается рост англоязычных публикаций китайских исследователей, активно применяющих данную терминологию. Китайские исследователи все чаще проводят научную работу совместно с зарубежными учеными и публикуют результаты исследований в журналах, издаваемых в других странах мира. Применяя современные методы исследования, они также исходят из физико-химических свойств изучаемой археологической керамики и используют соответствующую терминологию для установления взаимопонимания с западной научной мыслью.

Соответственно, за пределами Китая не просто сложилась своя парадигма изучения ранних форм китайской керамики, исследователи в первую очередь отталкиваются от физико-химических свойств фарфора и изделий, близких к нему по качеству (главные — это коэффициент на водопоглощение, твердость, белый цвет черепка, полупрозрачность в тонкостенных изделиях, и проч.)

В качестве основных объяснений раннего появления и производства протофарфора в Китае выдвигались различные точки зрения, которые в целом можно резюмировать следующим образом: 1) открытие подходящего сырья; 2) усовершенствование технологии обжига; 3) случайные наблюдения и практика; 4) влияние производства изделий из нефрита. Все указанные четыре аспекта являются, по сути, взаимодополняющими факторами, объясняющими происхождение рассматриваемого феномена.

В современной науке превалирует точка зрения, согласно которой изобретение протофарфора в основе своей имеет факт обнаружения и успешной эксплуатации особого материала — фарфорового камня, который в изобилии встречается на юге Китая. Фарфоровый камень — это горная порода, состоящая в основном из кварца и серицита, а также небольшого количества каолинита и полевых шпатов. В результате измельчения фарфоровый камень превращается в глиняную массу, которая обладает хорошей пластичностью при смешивании с водой, обжиг осуществляется при температуре около 1200°C (Kerr, Wood, 2004. Р. 135). Этот материал, отличающийся высоким содержанием кварца, в сравнении с легкоплавкими глинами выдерживает

высокие температуры обжига, что обеспечивает материально-технологическую базу для производства изделий с высокой степенью обжига и глазури при условии достижения необходимой высокой температуры.

Усовершенствование конструкции печи и повышение температурного режима обжига — два решающих технологических фактора, обеспечивших появление ранней керамики высокого обжига (Ло, Ли, 1998. С. 646; Yin, 2012. Р. 27). Если говорить о достижениях археологической науки в прояснении этого вопроса, то необходимо в первую очередь отметить, что, к сожалению, довольно большое количество вопросов остается пока не проясненными. Основной причиной послужило то, что в ходе археологических раскопок было найдено очень мало ранних печей. Так, например, ранние печи для обжига в Китае встречаются очень редко, и трудно понять конструкцию печей того времени, потому что у большинства найденных при раскопках печей было только дно, а верхняя часть была утрачена (Томото, 2022). Соответственно, в науке нет четкого понимания того, как развивались конструкция печей и технологии для достижения высоких температур обжига. Известно, что примерно в 1500–500 гг. до н.э. в Китае использовались большие печи с естественной тягой, частично расположенные над поверхностью земли. Достигнутые максимальные температуры на тот момент составляли около 1200°C, при этом атмосфера в печи по-прежнему не контролировалась.

Интересно то, что мы, вероятно, можем получить некоторое представление о том, как развивалась передовая технология обжига во времена династий Шан и Чжоу, изучив бронзовое литье того времени. Китайские изделия из бронзы демонстрируют самый утонченный в мировой культуре подход к использованию керамических форм для бронзового литья (Kerr, Wood, 2004. Р. 102). Типичная температура бронзы в жидком состоянии составляет около 1150°C (Chase, 1983. Р. 105), что потребовало от мастеров разработки высокотемпературных технологий и керамических форм, способных выдерживать такую высокую температуру. Производство бронзовых изделий в основном процветало во времена династии Шан, и некоторые ученые (Ledderose, 2000. Р. 39) считают, что древнекитайское бронзовое литье ознаменовало триумф керамической технологии (рис. 1⁴), что в определенной степени указывает

⁴Здесь и далее приводятся фотографии, взятые автором статьи из открытых источников, в частности базы данных Института археологии Китайской академии общественных наук.

Рис. 1. Образец протофарфора, найденный при раскопках в гробницах Хуанфэндуй в Дэцине. С точки зрения формообразования обнаруживает сходство с бронзовыми изделиями.

Fig. 1. A proto-porcelain specimen excavated from the Huangfendui Tombs in Deqing. In terms of shape, it is similar to bronze ware

на то, что зрелая технология высокого обжига была разработана еще до или самое позднее в начале правления династии Шан.

В большинстве культур первая глазурь появляется случайно: например, в печи, работающей на дровах, зола может попасть на горшок, и содержащиеся в ней оксиды щелочных металлов соединятся с керамической поверхностью, образуя случайную глазурь (Vainker, 1991. Р. 29). Ранняя неглазуванная керамика низкого обжига производилась на обширных территориях Китая со времен неолита, и у древних китайских гончаров на протяжении поколений была возможность наблюдать следующие явления: 1) керамика, изготовленная из легкоплавких глин, «плавилась», не выдерживая высоких температур; 2) на внутренней поверхности печи образуется слой печного шлака; 3) древесная зола, образуемая в процессе обжига, может оседать на поверхности керамики и во время обжига преобразовываться в стекловидное покрытие (Yin, 2012. Р. 28). Методом проб и ошибок гончары,

вероятно, постепенно постигли принцип целенаправленного нанесения глазури на поверхность керамики и таким образом изобрели первую глазурь высокого обжига. Некоторые ученые (Kerr, Wood, 2004; Sato, 1981; Vainker, 1991; Wood, 1999) полагают, что самый первый протофарфор в Китае, вероятно, был изготовлен случайно; однако образцы этих очень ранних сосудов, случайно покрытых пепельной глазурью, до сих пор не найдены.

Раннее производство изделий из нефрита в Китае считается одним из важных импульсов для появления протофарфора (Сунь, 1995. С. 42). Нефрит издавна использовался в Китае. Самые ранние нефритовые изделия, которые были найдены в культуре Синлунва, датируются 8000 гг. До династии Чжоу китайский нефрит использовался в основном для ритуалов, в первую очередь для погребения и церемониальных практик. Предметы из нефрита в основном находили в гробницах знати, на основании чего был сделан вывод, что в древнем Китае нефрит рассматривался как символ власти и высокого статуса. Нефрит всегда ценился за его физические свойства: исключительную прочность, цвет, текстуру и прозрачность. Поверхность протофарфора, особенно раннего протофарфора с зеленой глазурью, очень похожа на поверхность нефрита в аспектах прочности, цвета и текстуры. Существует предположение, что раннее целенаправленное производство протофарфора, вероятно, отражало стремление людей имитировать характеристики нефрита (Сунь, 1995. С. 42). Сочетание природных свойств материала, фарфорового камня, который не плавится при высоких температурах и может обжигаться при температуре до 1200°C и более, а также усовершенствование высоких технологий обжига увеличили вероятность случайного наблюдения древнекитайскими гончарами возникновения стекловидного слоя, прилипающего к поверхности керамики в результате высокого обжига. Древние мастера, обнаружив, что цвет и текстура этого стекловидного материала очень близки к гладкой и блестящей поверхности нефрита, который ассоциировался с властью и статусом, стремились развить возможности этого открытия. Они старались усовершенствовать новое покрытие для керамики, чтобы придать ей сходство с нефритом с точки зрения цвета и текстуры, ведь по сравнению с производством изделий из нефрита создание статусных и высокоэстетичных предметов роскоши из керамики было менее дорогостоящим и более доступным в плане использования материалов.

Между штампованной керамикой и протофарфором существует тесная взаимосвязь, поскольку материал для изготовления этих изделий имеет много общего. Принято считать, что появление протофарфора во многом было связано с развитием технологий изготовления штампованной керамики, особенно технологии интенсивного обжига при температуре около 1100°C (Сун, 2000. С. 50). Кроме того, найденные в ходе археологических раскопок образцы штампованной керамики и протофарфора похожи по стилю и форме. В большинстве случаев эти две формы китайского керамического производства были обнаружены вместе как в гробницах, так и среди сохранившихся фрагментов печей для обжига. При этом стоит отметить, что число находок штампованной керамики намного превышает количество протофарфоровых изделий. Отмечая сходство между этими двумя формами керамического производства, некоторые ученые пытались изучить взаимосвязь, существующую между ними, а также возможные взаимовлияния. Широко распространено мнение, что штампованная керамика была прародителем протофарфора, и этап производства подобного рода изделий дал гончарам необходимый опыт и знания касательно свойств материала (Сун, 2000. С. 46–52; Yin, 2012. P. 69; Zong, 2024). В дальнейшем развитие технологий, позволившее повысить температуру обжига с 1100 до 1200°C, сделало возможным создание первых образцов протофарфора.

С точки зрения химического состава большинство образцов штампованной керамики и протофарфора имеют в своем составе кварц и оксид алюминия. Для протофарфора это примерно от 68 до 82% масс. и от 10 до 20% масс. Образцы, не относящиеся к протофарфору, богаче по содержанию оксидов, чем образцы протофарфора, особенно по содержанию оксидов железа. Вполне возможно, что для изготовления протофарфора гончары выбирали более чистое сырье, сознательно стремясь к использованию сырья более высокого качества. Содержание щелочи в изделиях штампованной керамики колеблется от 1 до 3% масс., в то время как содержание оксидов кальция и магния варьируется от 0.4 до 1.6% масс.

Сравнительный химический анализ образцов штампованной твердой керамики и протофарфора позволил прийти к выводу, что в первом случае имеет место более высокая степень содержания оксидов железа, магния и кальция. С точки зрения содержания оксида железа состав одного из образцов печного оборудования,

найденного на стоянке Ся Яншань, и глиняной подставки для обжига, обнаруженной на стоянке Хо Шаошань, очень похож на состав изделий протофарфора, в то время как другой предмет печного оборудования со стоянки Ся Яншань похож по содержанию оксидов железа на штампованные керамические изделия (рис. 2). Изучение глиняной части стен печи показало, что использованная для производства стен глиняная масса имеет сходство с изделиями протофарфора с точки зрения содержания оксидов кальция и магния, но при этом в ней содержится больше оксида железа. Некоторые примеси в образцах штампованной керамики аналогичны примесям в изделиях протофарфора, однако в большинстве случаев они сильно различаются. Этот факт, также принимая во внимание указанные выше данные о содержании щелочи и оксида железа, может свидетельствовать о том, что требования к качеству глиняной массы, используемой для изготовления оборудования и деталей конструкции, например стен печи, были не такими строгими, как требования к глиняной массе, используемой в производстве протофарфора. Стенки печи и оборудование скорее всего были изготовлены из ближайших доступных местных материалов.

Таким образом, в производстве штампованной керамики гончары, как правило, выбирали более темную глину с высоким содержанием

Рис. 2. Фрагмент печного оборудования. Стоянка Ся Яншань. Период Сражающихся царств (475–221 гг. до н.э.).

Fig. 2. A fragment of kiln equipment. Xia Yanshan site. Warring States period (475–221 BC)

оксида железа. С точки зрения химического состава подобного рода изделия в большей степени сближаются с деталями конструкции и оборудованием печей, нежели с протофарфором. Это может свидетельствовать о том, что переход от продукции штампованных керамических изделий низкого обжига к изделиям качественно более высокого уровня, определяемых как протофарфор, произошло лишь с момента открытия более чистой глины или возникновения практики более качественной обработки глины. Тем не менее из-за ограниченного количества проанализированных деталей печи этот вывод является весьма предварительным (Yin, 2012. P. 111).

Возвращаясь к основным компонентам в составе глиняной массы, следует отметить, что, по сравнению с протофарфоровыми изделиями, штампованная керамика содержит относительно меньше кварца (60–75% масс.) и больше оксида алюминия (15–25% масс.). Учитывая эту особенность, а также тот факт, что содержание оксида железа в этих изделиях относительно выше (2–10% масс), а также имеет более широкий диапазон, возможно, что для изготовления штампованных керамических изделий использовалось несколько иное местное сырье с более высоким содержанием оксида железа (более темное на вид). Общее содержание щелочи в них несколько более изменчиво (0.5–5% масс), чем в протофарфоре, где оно составляет от 1 до 4% масс. Это также показывает, что сырье, используемое для изготовления протофарфоровых изделий, подвергалось более тщательной обработке.

Выше поднимался вопрос о происхождении глазури на поверхности китайских керамических изделий. Необходимо прояснить, был ли обогащенный известью материал случайно нанесен на поверхность, например, в виде летучей золы из топки печи (Kerr, Wood, 2004. P. 455), или был ли он нанесен намеренно перед помещением сосудов в печь для обжига. Химический анализ глазури на протофарфоре и стекловидных поверхностях стенок печи позволяет пролить свет на этот вопрос, поскольку маловероятно, что какой-либо глазурирующий состав был нанесен преднамеренно также и на стенки печи. Стены печи и сосуды подвергались воздействию одной и той же атмосферы. Если глазурь на изделиях и стеклообразные поверхности на стенах печи (рис. 3; 4) схожи по своему составу, то разумно предположить, что они образовались в результате сходного, возможно, непреднамеренного процесса, в то время как явные различия между ними позволяют предположить, что поверхность

Рис. 3. Стеклообразная поверхность на фрагменте стенки печи для обжига. Стоянка Шуйдуну. Династия Шан (1600–1046 до н.э.).

Fig. 3. A glassy surface on a fragment of a kiln wall. Shuidongwu site. Shang Dynasty (1600–1046 BC)

Рис. 4. Стеклообразная поверхность на фрагменте стенки печи для обжига. Стоянка Ся Яншань. Период Сражающихся царств (475–221 гг. до н.э.).

Fig. 4. A glassy surface on a fragment of a kiln wall. Xia Yanshan site. Warring States period (475–221 BC)

изделий была намеренно обработана специальным глазурирующим материалом.

В результате анализа методами SEM-EDS и в дальнейшем EPMA-WDS удалось выяснить, что большинство стекловидных поверхностей стенок печи содержат много оксида калия, 5.7–10.2% масс., но во всех них довольно мало оксида кальция, не более 2% масс. Что касается глазури на протофарфоре, то она, наоборот, характеризуется высоким содержанием оксида кальция (10–20% масс.) и при этом низкой концентрацией оксида калия – 2–3% масс. Таким образом, между глазурью и стеклообразными

поверхностями печи существует очень явная разница в составе, что позволяет предположить, что их образование связано с различными процессами и при использовании разных материалов. Примечательно, что, несмотря на явные различия в составе между стеклообразными поверхностями и глазурью, именно древесная зола стала подходящим материалом, который привел к образованию обоих этих типов стеклообразных поверхностей, но в разных соединениях и с помощью разных технологий (Yin, 2012. Р. 139). Известно, что древесная зола в основном богата кальцием и калием, и также содержит незначительное количество кварца, магния, фосфора и других оксидов и карбонатов (Stern, Gerber, 2004. Р. 143), при этом значение калия и кальция обычно составляет от 0.2 до 0.8⁵ (Stern, Gerber, 2004. Р. 150). Однако в глазури протофарфора это значение редко превышает 0.3 и часто значительно ниже — 0.1, тогда как в составе стеклообразных поверхностей стенок печи оно достигает 5–10. Разница в составе говорит о том, что стеклообразные поверхности стенок печи, вероятно, представляют собой результат непреднамеренного остекловывания конструкции керамической печи из-за условий обжига и атмосферы печи, в то время как состав глазури для протофарфора является продуктом намеренной и сознательной деятельности.

Изделия штампованной керамики, как и образцы протофарфора, были созданы с применением локального материала — фарфорового камня, который в изобилии встречается в Южном Китае. Черепки, относящиеся к раннему протофарфору, как и черепки штампованной керамики, содержат больше оксидов, особенно оксида железа, чем черепки из более поздних периодов. В более поздних образцах содержание оксида железа несколько ниже, что указывает на то, что гончары со временем обнаружили разницу в материалах и начали осуществлять отбор сырья с точки зрения его качества. Гончары специально добавляли в керамические изделия промытую или иным образом обработанную древесную золу с высоким содержанием оксида кальция и низким содержанием калия для изготовления глазури в условиях высокой степени обжига; со временем выработался точный состав глазури, которая обжигалась с помощью механизма с регуляцией температуры. Различия в содержании оксида кальция в глазури у разных образцов протофарфора, вероятно, свидетельствуют о ранних

попытках гончаров найти идеальную формулу для получения глазури, а также об использовании различных температур и/или продолжительности обжига. Температура обжига глазури большинства изделий протофарфора составляет около 1200–1250°C, что свидетельствует о том, что гончары смогли достичь высокой температуры, необходимой для производства таких глазурей в печах, уже на раннем этапе формирования протофарфора.

Настоящее исследование позволило осветить лишь фрагментарно проблему ранних форм керамического производства, предшествовавших появлению фарфора в Китае. На многие вопросы еще предстоит ответить. Был ли фарфоровый камень единственным сырьем, использовавшимся для изготовления протофарфора? Какой была техника глазурования? Было ли изобретение протофарфора продиктовано желанием получить более доступную имитацию нефрита или же оно имеет самостоятельное происхождение и значение? Как развивались конструкции печей для достижения высоких температур обжига? Какое влияние сам факт появления протофарфора оказал на дальнейшее развитие штампованной керамики? Каковы возможные причины упадка обоих форм керамического производства в Китае? В поле дальнейших исследований представляется целесообразным обратиться к указанному кругу вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ань Ц. (安金槐). Обсуждение фарфора династии Шан из Чжэнчжоу (谈谈郑州商代瓷器的几个问题) // Культурные реликвии (文物). 1960. № 8–9. С. 68–70.
- Афанасьева А.Н., Винокуров С.Е. Западноевропейский фарфор в российских региональных коллекциях: проблемы атрибуции // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 2. С. 268–281.
- Винокуров С.Е. Китайский фарфор периода Канси в частном собрании А.В. Глазырина (Екатеринбург) // Россия — Китай: история и культура: сб. ст. и докл. участников XV Междунар. науч.-практ. конф. Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук Республики Татарстан, 2022. С. 63–70.
- Винокуров С.Е. Китайский фарфор позднечинского периода с «павильонными» марками: проблемы изучения и атрибуции произведений // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 53. С. 123–134.
- Гельман Е.И. Глазурованная керамика и фарфор средневековых памятников Приморья. Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, 1999. 222 с.

⁵ Речь идет не о «значении» калия и кальция, а о соотношении их содержания в составе глазури.

- Гельман Е.И. Очерки истории селадонов // Генуэзская Газария и Золотая Орда: памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань; Кишинев: Stratum Plus, 2019 (Археологические источники Восточной Европы). С. 33–51.
- Головина А.Д. Китайский фарфор: история появления керамики в Поднебесной // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: материалы IX Всерос. студенч. науч.-практ. конф. с междунар. участием: в 4 ч. Т. 4 / Под ред. Л.П. Полянской. Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2020. С. 69–71.
- Коваль В.Ю. Импортная керамика из раскопок в большом сквере Московского кремля в 2019–2021 гг. // Краткие сообщения Института археологии. 2024. Вып. 274. С. 314–329.
- Курбатова М.М. Китайский фарфор. Наследие тысячелетий // Наука, образование и культура. 2017. Вып. 1, № 16. С. 72–74.
- Ло Х.Ц., Ли Ц. Ч. Обсуждение определения примитивного фарфора (试论原始瓷的定义) // Археология (考古). 1998. № 7. С. 645–648.
- Мальцева А.И. Неолитическая керамика с резным и штампованным орнаментом на территории Таиланда: характеристика, распространение, основные памятники // 300-летие Российской академии наук – археология и этнография Сибири: традиции, школы и открытия: материалы LXIII Рос. (с междунар. участием) археолого-этнограф. конф. студентов и молодых ученых. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии Сибирского отд-ния РАН, 2023. С. 269–271.
- Ожередова А.Ю. К вопросу о китайском фарфоре в Сибири (по материалам археологии) // Мир Центральной Азии – V: сб. науч. ст. Новосибирск: Сибирское отд-ние РАН, 2022. С. 93–95.
- Полубояринова М.Д. Китайский селадон из Болгара // Российская археология. 2003а. № 2. С. 155–164.
- Полубояринова М.Д. Китайский фарфор с болгарского городища // Российская археология. 2003б. № 3. С. 136–144.
- Се Ц. Происхождение и развитие примитивного «фарфора» (протофарфора) в Китае // Философия и культура. 2022. № 7. С. 66–75.
- Сун Ц. (宋建). Исследование прото-фарфора и штампованной керамики культуры Мацяо (马桥文化原始瓷和印纹硬陶研究) // Культурные реликвии (文物). 2000. № 3. С. 45–53.
- Сунь Т. (孙天健). Об исторической неизбежности изобретения в Китае фарфора (论中国发明瓷器的历史必然性) // Исследование древней керамики (古陶瓷研究). 1995. № 4. С. 39–42.
- Chase W.T. Bronze casting in China: a short technical history // The Great Bronze Age of China: A Symposium / Ed. by G. Kuwayama. Seattle: University of Washington Press, 1983. P. 98–107.
- Kerr R., Wood N. Science and Civilisation in China. Vol. 5, part 12. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 968 p.
- Ledderose L. Ten Thousand Things: Module and Mass Production in Chinese Art. Princeton: Princeton University Press, 2000. 265 p.
- Li H. Chinese Ceramics: The New Standard Guide. London: Thames & Hudson, 1996. 352 p.
- Li H.C., O'Sullivan R. Diachronic change in the Shang Dynasty ritual package // Archaeological Research in Asia. 2020. Vol. 23. 100210.
- Min Y., Thilo R., Jianming Z. The earliest high-fired glazed ceramics in China: the composition of the proto-porcelain from Zhejiang during the Shang and Zhou periods (c. 1700–221 BC) // Journal of Archaeological Science. 2011. Vol. 38, iss. 9. P. 2352–2365. DOI 10.1016/j.jas.2011.04.014.
- Monroe B.I. Chinese Ceramics from Chicago Collections. Evanston: Northwestern University Press, 1982. 104 p.
- Sato M. Chinese Ceramics: A Short History. New York: John Weatherhill, 1981. 255 p.
- Stern W., Gerber Y. Potassium-calcium glass: new data and experiments // Archaeometry. 2004. Vol. 46. P. 137–156.
- Tomoko N. Kilns in East Asia and Their Characteristics // Kilns in East and North Asia: The Adoption of Ceramic Industries / Ed. by N. Tomoko, M. Shinoto, D. Nakamura. Oxford: British Archaeological Reports, 2022. P. 13–30.
- Tregear M. Catalogue of Chinese Greenware. Oxford: Clarendon Press, 1976. 84 p., 36 pl.
- Vainker S.J. Chinese Pottery and Porcelain. London: British Museum Press, 1991. 240 p.
- Valenstein S.G. A Handbook of Chinese Ceramics. 2nd edition. New York: The Metropolitan Museum of Arts, 1989. 331 p.
- Wood N. Chinese Glazes: Their Origins, Chemistry and Recreation. London: A&C Black, 1999. 280 p.
- Wu J., Zhang M.L., Wu J.M. et al. Study on the diversification of origins and primary development of Chinese porcelain glazes // Science China: Technological Sciences. 2011. Vol. 54. P. 99–104.
- Yin M. The earliest high-fired glazed ceramics in China: Scientific studies of the proto-porcelain from Zhejiang during the Shang and Zhou periods (c. 1700 – 221 BC): PhD Thesis / University College London. London, 2012. 370 p.
- Yu G., Jin Z.Y., Chen L.F. et al. Analyzing the earliest Chinese proto-porcelain: study on the materials from Liaotianjianshan kiln sites, Dehua County, Fujian Province (China) // Ceramics International. 2018. Vol. 44, № 17. P. 21648–21655.
- Zhou X.Q., Cui J.F., Ren X.Y. et al. The earliest high-fired glazed ceramic in China: Evidence from a glazed ceramic sample from the Lajia Site, Qinghai Province // Archaeometry. 2019. Vol. 61, № 3. P. 588–599.
- Zong X.F., Zhou Z.Y., Liu S.R. et al. The earliest stamped hard pottery and high-firing technology dating back to 5000 BP: Evidence from two sites in southeastern China // Journal of Archaeological Science. 2024. Vol. 166. 105977.

ON THE EARLY FORMS OF CERAMICS – THE PRECURSORS OF PORCELAIN IN CHINA

Zhou Lei*

Hechi University, Hechi, China

*E-mail: lei423371707@mail.ru

The article discusses the early forms of ceramic production in China, the precursors to Chinese porcelain, a transitional stage to the formation of porcelain manufacturing practice. The paper summarizes the results of previous research and outlines the problem of terminology in the study of early forms of Chinese ceramics. The study discusses the key issues of the origin of proto-porcelain. Special attention is paid to the issue of the relationship between proto-porcelain and stamped hard ceramics. Based on SEM-EDS and EPMA-WDS results of the chemical compositions of the proto-porcelain and stamped pottery bodies and glazes, the study identifies their similarities and differences. In addition, the author considers the question of the origin of glaze on the surface of Chinese proto-porcelain. A comparative analysis of the glaze composition indicates a significant difference between glaze of proto-porcelain body and the internal glassy surfaces of the kiln, which suggests that their formation is associated with different processes and different ceramic materials. In the case of proto-porcelain glazes, there is a intended development and mastering of early glazing technology.

Keywords: stamped hard ceramics, proto-porcelain, primitive porcelain, chemical composition, ceramic production, technology, China.

REFERENCES

- Afanas'eva A.N., Vinokurov S.E., 2023. European porcelain in Russian regional collections: Attribution issues. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts]*, vol. 25, no. 2, pp. 268–281. (In Russ.)
- An' Ts. (安金槐), 1960. Discussion of Shang Dynasty porcelain from Zhengzhou. *Kul'turnye relikvii (文物) [Cultural Relics]*, 8–9, pp. 68–70. (In Chinese).
- Chase W.T., 1983. Bronze casting in China: a short technical history. *The Great Bronze Age of China: A Symposium*. G. Kuwayama, ed. Seattle: University of Washington Press, pp. 98–107.
- Gel'man E.I., 1999. Glazurovannaya keramika i farfor srednevekovykh pamyatnikov Primor'ya [Glazed ceramics and porcelain from medieval sites in Primorye]. Vladivostok: Institut istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 222 p.
- Gel'man E.I., 2019. Studies on the history of Celadon. *Genuzskaya Gazariya i Zolotaya Orda: pamyati G.A. Fedorova-Davydova [Genuese Gazaria and the Golden Horde: in memory of G.A. Fedorov-Davydov]*. Kazan'; Kishinev: Stratum Plus, pp. 33–51. (Arkheologicheskie istochniki Vostochnoy Evropy). (In Russ.)
- Golovina A.D., 2020. Chinese porcelain: the history of the emergence of ceramics in China. *Molodezh' XXI veka: obrazovanie, nauka, innovatsii: materialy IX Vserossiyskoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [Youth of the 21st century: education, science, innovation: Proceedings of the IX All-Russian students scientific and practical conference with international participation]*, 4. L.P. Polyanskaya. Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 69–71. (In Russ.)
- Kerr R., Wood N., 2004. Science and Civilisation in China, vol. 5, part 12. Cambridge: Cambridge University Press. 968 p.
- Koval' V. Yu., 2024. Imported ceramics from excavations in the Grand Kremlin Public Garden in 2019–2021. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 274, pp. 314–329. (In Russ.)
- Kurbatova M.M., 2017. Chinese porcelain. The heritage of millennia. *Nauka, obrazovanie i kul'tura [Science, education and culture]*, iss. 1, no. 16, pp. 72–74. (In Russ.)
- Ledderose L., 2000. Ten Thousand Things: Module and Mass Production in Chinese Art. Princeton: Princeton University Press. 265 p.
- Li H., 1996. Chinese Ceramics: The New Standard Guide. London: Thames & Hudson. 352 p.
- Li H.C., O'Sullivan R., 2020. Diachronic change in the Shang Dynasty ritual package. *Archaeological Research in Asia*, 23, 100210.
- Lo Kh.Ts., Li Ts.Ch., 1998. Discussion of the definition of primitive porcelain. *Arkheologiya (考古) [Archaeology]*, 7, pp. 645–648. (In Chinese).
- Mal'tseva A.I., 2023. Neolithic ceramics with incised and stamped ornament in Thailand: features, distribution, and main sites. *300-letie Rossiyskoy akademii nauk – arkheologiya i etnografiya Sibiri: traditsii, shkoly i ot-krytiya: materialy LXIII Rossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh [300th anniversary of the Russian Academy of Sciences – archaeology and ethnography of Siberia: traditions, schools and discoveries]*

- Proceedings of the LXIII Russian (with international participation) archaeological and ethnographic conference of students and young researchers*. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 269–271. (In Russ.)
- Min Y., Thilo R., Jianming Z., 2011. The earliest high-fired glazed ceramics in China: the composition of the proto-porcelain from Zhejiang during the Shang and Zhou periods (c. 1700–221 BC). *Journal of Archaeological Science*, vol. 38, iss. 9, pp. 2352–2365. DOI 10.1016/j.jas.2011.04.014.
- Monroe B.I., 1982. Chinese Ceramics from Chicago Collections. Evanston: Northwestern University Press. 104 p.
- Ozheredova A.Yu., 2022. On the Chinese porcelain in Siberia (based on archaeological materials). *Mir Tsentral'noy Azii – V: sbornik nauchnykh statey [The World of Central Asia V: Collected articles]*. Novosibirsk: Sibirskoe otdelenie Rossiyskoy akademii nauk, pp. 93–95. (In Russ.)
- Poluboyarinova M.D., 2003. Chinese celadon from Bolgar. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 155–164. (In Russ.)
- Poluboyarinova M.D., 2003. Chinese porcelain from the Bolgar fortified site. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 136–144. (In Russ.)
- Sato M., 1981. Chinese Ceramics: A Short History. New York: John Weatherhill. 255 p.
- Se Ts., 2022. The origin and development of primitive “porcelain” (proto-porcelain) in China. *Filosofiya i kul'tura [Philosophy and culture]*, 7, pp. 66–75. (In Russ.)
- Stern W., Gerber Y., 2004. Potassium-calcium glass: new data and experiments. *Archaeometry*, 46, pp. 137–156.
- Sun' T. (孙天健), 1995. On the historical inevitability of the invention of porcelain in China. *Issledovanie drevney keramiki (古陶瓷研究) [Study of ancient ceramics]*, 4. C. 39–42. (In Chinese).
- Sun Ts. (宋建), 2000. A study of proto-porcelain and stamped ceramics of the Maqiao culture. *Kul'turnye relikvii (文物) [Cultural Relics]*, 3, pp. 45–53. (In Chinese).
- Tomoko N., 2022. Kilns in East Asia and Their Characteristics. *Kilns in East and North Asia: The Adoption of Ceramic Industries*. N. Tomoko, M. Shinoto, D. Nakamura, eds. Oxford: British Archaeological Reports, pp. 13–30.
- Tregear M., 1976. Catalogue of Chinese Greenware. Oxford: Clarendon Press. 84 p., 36 pl.
- Vainker S.J., 1991. Chinese Pottery and Porcelain. London: British Museum Press. 240 p.
- Valenstein S.G., 1989. A Handbook of Chinese Ceramics. 2nd edition. New York: The Metropolitan Museum of Arts. 331 p.
- Vinokurov S.E., 2022. Chinese porcelain of the Kangxi period in the private collection of A.V. Glazyrin (Ekaterinburg). *Rossiya – Kitay: istoriya i kul'tura: sbornik statey i dokladov uchastnikov XV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Russia – China: history and culture: Collected articles and reports of the XV International scientific and practical conference]*. Kazan': Izdatel'stvo «Fen» Akademii nauk Respubliki Tatarstan, pp. 63–70. (In Russ.)
- Vinokurov S.E., 2024. Chinese porcelain of the late Qing period with “pavilion” stamps: Problems of study and attribution of artworks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*, 53, pp. 123–134. (In Russ.)
- Wood N., 1999. Chinese Glazes: Their Origins, Chemistry and Recreation. London: A&C Black. 280 p.
- Wu J., Zhang M.L., Wu J.M. et al., 2011. Study on the diversification of origins and primary development of Chinese porcelain glazes. *Science China: Technological Sciences*, 54, pp. 99–104.
- Yin M., 2012. The earliest high-fired glazed ceramics in China: Scientific studies of the proto-porcelain from Zhejiang during the Shang and Zhou periods (c. 1700 – 221 BC): PhD Thesis. University College London. London. 370 p.
- Yu G., Jin Z.Y., Chen L.F. et al., 2018. Analyzing the earliest Chinese proto-porcelain: study on the materials from Liaotianjianshan kiln sites, Dehua County, Fujian Province (China). *Ceramics International*, vol. 44, no. 17, pp. 21648–21655.
- Zhou X.Q., Cui J.F., Ren X.Y. et al., 2019. The earliest high-fired glazed ceramic in China: Evidence from a glazed ceramic sample from the Lajia Site, Qinghai Province. *Archaeometry*, vol. 61, no. 3, pp. 588–599.
- Zong X.F., Zhou Z.Y., Liu S.R. et al., 2024. The earliest stamped hard pottery and high-firing technology dating back to 5000 BP: Evidence from two sites in south-eastern China. *Journal of Archaeological Science*, 166, 105977.

АКАДЕМИЯ НАУК И АРХЕОЛОГИЯ В РЕГИОНАХ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И СОТРУДНИЧЕСТВО (к 300-летию РАН) (Москва, 2025)

© 2025 г. Т.О. Галкин^{1,*}, Д.С. Коробов^{2,**}, И.А. Сорокина^{2,***}

¹Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль», Зарайск, Россия

²Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: timyrgalkin@gmail.com

**E-mail: dkorobov@mail.ru

*** E-mail: iasorokina@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.05.2025 г.

После доработки 05.05.2025 г.

Принята к публикации 18.06.2025 г.

8–10 апреля 2025 г. в Москве проходила Всероссийская конференция (с международным участием) «Академия наук и археология в регионах: взаимодействие и сотрудничество (к 300-летию РАН)», традиционно организованная отделом теории и методики ИА РАН. История археологической науки в последние десятилетия прочно заняла место среди направлений изучения археологии, что несомненно означает окончание процесса институционализации археологии как самостоятельной науки не только со своим понятийным и методологическим аппаратом (что было изначально), но и со своей историей, своими героями, школами и направлениями.

Посвященная 300-летию Академии наук конференция в первую очередь была обращена к региональным аспектам развития археологии, экспедициям, проводимым Академией в сотрудничестве с местными организациями, взаимодействию Академии и местных музеев, а также региональных археологических организаций.

Конференция стала логическим продолжением предыдущих конференций, посвященных процессу складывания советской археологии от 1917 до 1950-х годов (1917..., 2017; У истоков..., 2019; 2023; Советская археология..., 2021). Однако широта заявленной темы позволила раздвинуть рамки докладов вплоть до XVIII в.

Всего на конференции прозвучало 29 докладов ученых Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Ижевска, Пятигорска, Липецка, Симферополя, Краснодара, Кемерово, Новосибирска, Челябинска, Воронежа, Нальчика, Смоленска и Казани. Часть исследователей, которые по ряду причин не смогли приехать, выступили по видеоконференции

на платформе Zoom, организованной Отделом теории и методики. К моменту открытия конференции был подготовлен и издан сборник тезисов (Академия наук..., 2025), включивший в себя в том числе работы исследователей, которые по разным причинам не смогли принять участие в работе конференции.

После вступительного слова, произнесенного П.Г. Гайдуковым и И.В. Тункиной, и общей информации о регламенте конференции, озвученной И.А. Сорокиной, началась работа первого дня.

Доклад И.В. Тункиной (Санкт-Петербург) носил обобщающий характер и был посвящен обзору академического архива в Санкт-Петербурге. Вынесенное в заглавие доклада слово «сокровища» как нельзя лучше отражает суть сообщения. Архив Академии наук — действительно бесценная сокровищница, которую нужно хранить.

Следующий доклад И.Л. Тихонова (Санкт-Петербург) осветил непростую судьбу отдела археологии МАЭ (ИАЭ) АН СССР в 1930-е годы, открыв новые данные и разрешив ряд противоречий, в частности, с обсуждением и подготовкой альманаха «Советская археология», который изначально планировался к изданию именно в рамках этой организации.

В совместном докладе М.В. Медведевой и М.Т. Кошубы (Санкт-Петербург) было рассказано о подготовке недавно вышедшей в серии «Архивное наследие ИИМК РАН» монографии «Археологическая карта Причерноморья» В.И. Гошкевича и И.В. Фабрициуса (Археологическая карта..., 2024) и титанической работе, проделанной авторским коллективом по ее изданию.

Доклад *К.А. Руденко* (Казань, онлайн) охватил огромный хронологический пласт работ академических археологов в Казани, начиная с XVIII в., когда по указу Петра I были впервые осмотрены руины Болгарского городища и предприняты меры по их сохранению, и заканчивая созданием в 2012 г. самостоятельного Института археологии при Академии наук РТ.

В выступлении *Д.А. Сташенкова* (Самара, онлайн) были рассмотрены этапы академических работ в Самарском Поволжье и на сопредельных территориях, сотрудничество академических центров с местными музеями и вузами.

Доклад *О.М. Мельниковой* (Ижевск) был посвящен самому феномену юбилея и его преломления в «археологической плоскости». Докладчицей был проанализирован значительный материал «юбилейных» статей, представленных на страницах «Советской/Российской археологии», среди которых юбилеи ученых, организаций, создающих институциональные основы археологической науки (ИАК, МАО, ГАИМК, ИА РАН), отдельных экспедиций и даже отдельных памятников. Необычный взгляд на, казалось бы, рядовые разделы журнальной «Хроники» вызвал бурные дебаты и воспоминания участников.

Следующий доклад *И.В. Тункиной* (Санкт-Петербург) был посвящен уникальной коллекции эстампажей Русского археологического института в Константинополе. Было отмечено, что, несмотря на свою недолгую историю существования (1894–1914 гг.), институт провел огромную работу на землях, когда-то входивших в состав Византийской империи, собрав ценнейшую коллекцию эстампажей с византийских и пост-византийских надписей на греческом языке с памятников, немалая часть которых в вихрях XX–XXI столетий была просто физически уничтожена, а сохранившиеся уже не имеют той степени сохранности, которой обладали в конце XIX в. Настоящей сенсацией стало открытие древнееврейской надписи IX в. до н.э., чье значение так велико, что уже стало вехой в области изучения северозападносемитской филологии.

В.Ю. Юрочкин (Симферополь) посвятил собравшихся в сложные проблемы, связанные с работами на Крымском полуострове в послевоенную эпоху, проблеме славянского присутствия в Крыму в историческом и идеологическом преломлении и роли Крымской научно-исследовательской базы АН СССР в описываемых событиях.

В выступлении *С.Н. Савенко* (Пятигорск) были рассмотрены работы Е.И. Крупнова и целой плеяды его учеников, обогатившие наши представления об

археологии Кавказа и продолжающиеся по настоящее время.

Доклад *А.Н. Бессуднова* (Липецк) был посвящен работам Академии наук на Дону в советское и постсоветское время в сотрудничестве с Липецким музеем. Особенно подробно были освещены работы Верхне-Донской экспедиции, которая во второй половине 1960-х годов исследовала огромный массив памятников эпохи бронзы в зоне затопления Матырского водохранилища.

Завершился первый день конференции выступлением *В.В. Бегуновой* (Смоленск) о работах Академии наук в Смоленске, взаимоотношениях и сотрудничестве академических ученых и исследователей из местных музеев и Смоленского краеведческого научно-исследовательского института (прежде всего известного исследователя Смоленщины Е.А. Шмидта).

Второй день был посвящен серии докладов, освещавших работы Академии наук в союзных республиках, Сибири и на Дальнем Востоке.

Первый блок докладов открыл *С.С. Юрецкий* (Минск, Беларусь), рассказавший о восстановлении белорусской археологии в первую послевоенную пятилетку. Проблемы, представшие перед белорусскими археологами, ряды которых были изрядно прорежены во время репрессий 1930-х годов, были усугублены почти полным разрушением хозяйства республики в годы Великой Отечественной войны. Тяжелое впечатление оставляли фотографии разрушенного Минска с кладбищами в центре города.

Тем не менее республика и археология в ней восстанавливались, в том числе при активной помощи коллег из других союзных центров и Академии наук. Обзору трудов членов Императорской Академии наук по археологии, переданных из библиотеки Академии наук в Минск в послевоенные годы, был посвящен доклад *А.В. Стефановича* (Минск, Беларусь).

А.В. Вайтович (Минск, Беларусь, онлайн) рассказала присутствующим о работах ГАИМК на территории Белоруссии, особенно отметив такое значимое событие для академических учреждений, как организация в 1932 г. комплексной Полесской экспедиции. Отдельно была освещена такая перспектива, как организация всесоюзных археологических съездов (по логике вещей должных наследовать Всероссийским археологическим съездам, проводившимся до революции), один из которых был запланирован к проведению в столице БССР г. Минске.

Второй блок заседания открыл *М.Д. Бухарин* (Москва) с докладом, посвященным одному

малоизвестному, но важному аспекту, связанному с изучением этногенеза таджикского и узбекского народов и роли в этом довоенной археологии. На основании архивных данных и редкого издания А.А. Семенова «Материальные памятники арийской культуры» (Сталинабад, 1945 г., первое издание — 1925 г.) был показан накал борьбы внутри партийной верхушки советских республик, не чужающихся привлекать данные археологов для устранения политических оппонентов. В такой «бурлящей каше» рождалась послевоенная археология в советской Средней Азии.

Органично продолжила тему политической борьбы и репрессий *Е.Г. Застрожная* (Санкт-Петербург), посвятившая свое выступление истории ГАИМК в 1936–1937 гг. и проблемам ее реорганизации после печально знаменитого дела о «террористической группе ГАИМК». Исследовательница ознакомила собравшихся с документами, гриф секретности с которых был снят всего лишь 10 лет назад.

Очень яркий по содержанию доклад *Н.Н. Чемодурова* (Симферополь) был посвящен сохранившейся в архивах академика И.И. Мещанинова переписке с украинскими археологами, прежде всего относительно раскопок в Ольвии. Однако обширный круг вопросов, поднимаемых в переписке, касается гораздо более широкого перечня проблем на Украине в 1920–1930 гг.

А.Н. Ткачев (Краснодар, онлайн) посвятил свой доклад работам Краснодарского музея в Анапе и на Тамани в сотрудничестве с академическими учреждениями и несостоявшейся попытке создания филиала Академии наук СССР в Краснодаре.

Вечернее заседание было открыто докладом *Л.Ю. Китовой* (Кемерово), которая осветила не только создание Сибирского отделения Академии наук и работы академических археологов на Кузбассе, но и широкими мазками показала становление Кемеровской школы археологии, чьим лидером по праву является А.И. Мартынов, создатель одного из основных учебных пособий по археологии для вузов, к настоящему времени выдержавшего восемь переизданий.

Тема Сибири и Дальнего Востока была продолжена в выступлении *С.В. Алкина* (Новосибирск), на широком историческом и хронологическом фоне представившего работы Академии наук в указанных регионах с XVIII в. по начало XX в.

Доклад *З.А. Валиахметовой* (Челябинск) был посвящен формам сотрудничества ИИМК АН СССР с Челябинским музеем в 1930–1950-е годы. Особенно была отмечена роль академических учреждений в охране памятников культуры Челябинской области.

Доклад, подготовленный *А.В. Коротаевым* (Санкт-Петербург, онлайн), был посвящен работам ЛОИА РАН в Ямало-Ненецком АО и особенно изучению приполярного г. Пустозерска.

Завершило второй день конференции выступление *В.Я. Шумкина* (Санкт-Петербург, онлайн), которое из-за возникших неполадок со связью было зачитано ведущим секции *И.Л. Тихоновым*. Доклад был посвящен роли Академии наук в изучении Кольского полуострова и охватил не только собственно археологию, но и антропологию, этнографию и филологию региона.

Третий день конференции был посвящен личностям ученых, сотрудников Академии наук, и их взаимодействию с археологами в регионах.

Доклад *Е.Ю. Захаровой* (Воронеж) осветил более чем 25-летний научный путь П.Д. Либерова на Воронежской земле.

В совместном докладе *И.В. Белозёровой* и *Н.И. Демировой* (Москва) были рассмотрены вехи в биографии академика Б.А. Рыбакова по материалам ОПИ ГИМ. Этот доклад вызвал, наверное, одно из самых живых обсуждений на конференции, в очередной раз подчеркнув необходимость сохранения архивов наших предшественников.

Доклад *В.А. Фоменко* (Нальчик, онлайн) был посвящен работам Е.И. Крупнова в Кабардино-Балкарии в 1946–1970 гг.

Роли А.Я. Брюсова в развитии отечественной археологии был посвящен совместный доклад *С.В. Кузьминых* и *И.В. Белозёровой* (Москва). А.Я. Брюсов принадлежал к той редкой страте советских археологов, которые беспрепятственно могли выезжать за рубеж и транслировать идеи отечественной археологии среди иностранных коллег, в свою очередь привозя в СССР новые западные наработки и методики.

Доклад *Е.Н. Жуковой* (Тверь) был сосредоточен на работах Академии наук и Калининского (Тверского) государственного университета по составлению свода археологических памятников в Калининской (Тверской) области.

Завершающий доклад *И.А. Сорокиной* (Москва) подвел итоги полувековой работе Академии наук в пределах СССР/РФ с 1950 по 2022 г. Отмечено неуклонное снижение роли Академии в археологических работах в регионах и переход археологических исследований на места в ведение местных коммерческих организаций.

Все дни заседаний завершались глубокими обсуждениями высказанных в докладах наблюдений и проблем. По итогам трех дней заседаний было принято решение провести в 2027 г. восьмую конференцию по истории отечественной археологии.

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«II КОЛЧИНСКИЕ ЧТЕНИЯ. АРХЕОБИОЛОГИЯ»
Институт археологии РАН, Москва, 12–13 марта 2025 г.**

© 2025 г. А.С. Алешинская*, Л.В. Яворская**

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: asalesh@mail.ru*

*** E-mail: ly.yavorskaya@gmail.com*

Поступила в редакцию 19.05.2025 г.

После доработки 19.05.2025 г.

Принята к публикации 18.06.2025 г.

В 2024 г. в связи с юбилеем выдающегося ученого-археолога Бориса Александровича Колчина коллектив созданной им лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН провел конференцию «Естественнонаучные исследования в современной археологии: к 110-летию Б.А. Колчина». По предложению сотрудников лаборатории, поддержанному дирекцией института, было принято решение проводить ежегодные «Колчинские чтения» по основным направлениям использования естественнонаучных методов в археологии, а прошедшую конференцию считать «I Колчинскими чтениями».

Согласно этому решению, 12–13 марта 2025 г. в Институте археологии РАН состоялась Всероссийская научная конференция «II Колчинские чтения. Археобиология».

За последние годы арсенал археобиологических методов, применяемых в археологии, существенно расширился. Наряду со ставшими уже классическими археоботаническими, палинологическими, археозоологическими исследованиями появился целый ряд методов (антропологический, археопаразитологический, анализ крахмала и др.), которые вкупе с новыми подходами к интерпретации археобиологических данных позволяют ставить и решать вопросы стратегий жизнеобеспечения различных обществ и взаимоотношения природы и человека. Применение высокоточных генетических исследований для изучения археобиологических объектов позволяет расширить наши знания о происхождении домашних животных и растений.

В этой связи очень важно взаимодействие специалистов различных естественнонаучных направлений, позволяющее не только оценить успехи, но и выявить проблемы, возникающие при использовании новых методов в арсенале

археологии, и наметить возможные пути их решения.

Эти и другие вопросы рассматривались в ходе Всероссийской научной конференции «II Колчинские чтения. Археобиология». Работа конференции проходила в смешанном (очном и онлайн) формате. В ней приняли участие более 50 специалистов из академических институтов, вузов, музеев из 13 городов России и Молдовы. Было заслушано 29 докладов, из них 9 – в режиме онлайн. Вели заседания А.С. Алешинская и Л.В. Яворская.

Первый блок докладов, посвященный археозоологическим исследованиям, открыло выступление *Н.В. Росляковой* с соавторами (*О.П. Бачура, Д.Н. Шаймуратова, И.В. Аськеев, А.И. Королев*) «Домашние и дикие животные в хозяйственной деятельности населения лесостепного Поволжья в энеолите (по археозоологическим материалам поселения Лебяжинка VI)». Инвентарю из длинных трубчатых костей диких животных в погребальных комплексах кочевников раннего железного века Южного Приуралья был посвящен доклад *И.М. Сосновцевой*. *С.О. Двуреченская* подвела итоги многолетних исследований остеологической коллекции из раскопок цитадели крепости эллинистического времени Узундара в Узбекистане.

Вопросы хозяйственной жизни населения Одоевского городища ананьинской культурно-исторической области (по археозоологическим материалам) были рассмотрены в докладе *Г.Ш. Асылгараевой*. Археозоологическое изучение материалов, полученных при раскопках на центральной улице золотоордынского Азака, позволили *С.В. Семеновой* установить видовой состав домашних животных, спектр мясного потребления, а также реконструировать ремесленные

мастерские по обработке животного сырья в центральной части средневекового города.

Сравнению экономических факторов в жизнеобеспечении городского населения Древней Руси и Золотой Орды был посвящен доклад *Е.Е. Антипиной и Л.В. Яворской*. Выявлены археозоологические маркеры «производственных» костных скоплений, а исследование палеодие-ты домашних копытных по данным изотопного анализа подтвердило разнонаправленные перемещения домашнего скота как между лесостепной и степной зонами, так и внутри них.

Большой интерес вызвал доклад группы авторов из Федерального исследовательского центра животноводства ВИЖ им. Л.К. Эрнста (*Н.А. Зиновьева, А.С. Абдельманова, М.С. Форнара*) и Института археологии РАН (*Е.Е. Антипина, А.В. Энговатова, Л.В. Яворская*) «Ярославская корова: поиск исторических корней. Археология и генетика». Совместное сравнительное исследование генома коров из раскопок древнего Ярославля и современных коров ярославской породы, проведенное специалистами ФИЦ животноводства ВИЖ им. Л.К. Эрнста и ИА РАН, позволило установить, что предки современных коров традиционных российских пород, холмогорской и ярославской, которые активно используются в молочном и мясном животноводстве страны, происходили из средневековой Руси.

Доклад *Д.Н. Шаймуратовой, И.В. Аськеева, О.В. Аськеева* был посвящен археозоологическому исследованию остатков рыб из выгребных ям Троице-Сергиевой Лавры. Специфика изучаемых материалов (очень мелкий размер костей) требовала разработки и апробации методики их изучения, представленной в докладе. Проведенные исследования позволили получить список рыб, которые употреблялись в пищу жителями Троице-Сергиевой Лавры в XV–XVII вв. В дополнение к докладу *А.В. Энговатова* привела данные из письменных источников о питании монахов Лавры. Сравнение с археозоологическими материалами показало, что в письменных данных отражены не все источники питания, и археологические материалы хорошо их дополняют.

С результатами археопаразитологического анализа культурных слоев Московского Кремля (Тайницкий сад) познакомил *Б.А. Сергеев* с соавторами (*А.Н. Бабенко, А.В. Хрусталева*). Основной задачей археопаразитологии является выявление на археологических памятниках остатков паразитов, связанных с человеком или человеческой деятельностью, а также реконструкция различных сфер человеческой деятельности. Помимо констатации факта наличия или отсутствия

паразитов, археопаразитология может дать уникальные данные о диете, эпидемической ситуации и хозяйственной деятельности населения.

Три доклада были посвящены антропологическим исследованиям и анатомическим определениям археологической древесины. *А.Р. Смертин* представил «Опыт анатомического определения археологической древесины эпохи средневековья (по материалам Пермского Предуралья)» с использованием сканирующего электронного микроскопа, что вызвало дискуссию о целесообразности применения дорогостоящих и трудоемких исследований для определения породы древесины при хорошо себя зарекомендовавшем методе определения пород под световым микроскопом.

Таксономический состав древесных углей из культурных слоев городищ в истоках Волги и Западной Двины обсуждался в докладе *М.В. Бобровского, Д.А. Куприянова, А.Л. Смирнова, М.В. Добровольской*. Среди основных задач исследования — реконструкция истории формирования культурного слоя на площади городищ, включая анализ физических, химических, микробных свойств культурных слоев (почв) и их стратиграфии; педоантропологический анализ культурных слоев, включающий анализ концентрации и стратиграфии углей, таксономического состава древесины; изучение фоновых почв для реконструкции истории динамики антропогенных воздействий и состава растительности. Результаты антропологических и археоботанических исследований материалов с поселения Архыз-1 III–II вв. до н.э. (Карачаево-Черкесия) представлены в докладе *Д.А. Куприянова и А.Ю. Сергеева*.

Блок докладов был посвящен археопалинологическим исследованиям. В них представлены как «классические» результаты палинологических реконструкций природной среды и влияния на нее человека: *А.С. Алешинская, К.М. Андреев, А.А. Трошина* «Реконструкция природной среды в районе стоянок группы Сокольный в лесном среднем Поволжье»; *Д.А. Демаков, Е.Г. Лаптева, Е.Л. Лычагина* «Неолитические стоянки Хомутовское болото I–II: первые итоги палинологического изучения»; *Е.Г. Лаптева, О.М. Корона, А.Н. Саранулов* «Результаты палинологического и археоботанического изучения Роданова городища (эпоха средневековья, Пермское Предуралье)», так и озвучены возможности применения спорово-пыльцевого анализа для определения органических компонентов формочной массы в керамике неолитических поселений Синджарской долины Северной Месопотамии (*А.Н. Бабенко, А.С. Суворина*). Результаты комплексного изучения содержимого курильниц из

позднескифских погребений III–II вв. до н.э. (левобережье Нижнего Днестра) с применением палинологического, археоботанического, антракологического, липидного анализов представила группа авторов (*А.Н. Бабенко, А.Ю. Сергеев, Л.Н. Гриценко, Д.В. Киселева, В.С. Синика, В.А. Белоносова, Д.А. Данилов, В.А. Старчуков*).

Возможности и перспективы изучения временных стоянок пастухов на Центральном Кавказе как источника информации для реконструкции природных условий и хозяйственной деятельности человека в Средневековье были продемонстрированы в докладе *А.Н. Бабенко, А.Ю. Сергеева и Д.А. Куприянова*. В нем отражены результаты комплексных исследований с использованием палинологического, археоботанического, антракологического анализов, позволившие реконструировать существование отгонного скотоводства, сезон использования скальных навесов и пищу пастухов.

В докладах коллег из Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДО РАН, обратившихся к различным методам исследования, обращено внимание на реконструкцию жизнеобеспечения и хозяйственной деятельности древнего населения Приморья: *Ю.Е. Вострецов, М.С. Лящевская, С.В. Баштанник* «Грядковое поле кроуновской культуры железного века Приморья в свете междисциплинарного исследования»; *Е.А. Сергушева* «Земледельцы бассейна р. Амур: археоботанические исследования на памятниках I тыс. н.э.». *И.Е. Пантюхина* показала возможности анализа крахмала на керамике для реконструкции системы жизнеобеспечения (на примере памятников Приморья неолитической и более поздних эпох).

В блоке докладов, посвященных археоботаническим исследованиям, особый интерес вызвала презентация *И.Г. Чухиной* коллекции Всероссийского института генетических ресурсов растений им. Н.И. Вавилова и о возможностях ее использования для археоботанических исследований. Второй доклад коллег из ФИЦ ВИГРР им. Н.И. Вавилова (*Т.В. Семилет, А.В. Буракова*) касался палеогенетических подходов к изучению археоботанических находок (на примере карбонизированных зерновок из Усвятского городища и культурного слоя Троице-Сергиева монастыря).

Выступление *Н.М. Алтынова, А.Ю. Сергеева, А.С. Морозова* было посвящено сравнению археоботанической коллекции селища Гнездилово 6 и синхронных городищ Дьяково, Кикино, Ростиславль. В докладе *Н.М. Алтынова и А.Ю. Сергеева* дана оценка археоботанической изученности памятников I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. лесной зоны

центра Русской равнины и перспектив их дальнейших исследований. Приводятся данные по археоботаническим спектрам основных изученных памятников, насыщенности их слоев археоботаническими материалами, частоте встречаемости отдельных археологических культур по памятникам. *А.Ю. Сергеев и Д.С. Коробов* познакомили с археоботаническими исследованиями на поселениях I — начала II тыс. н.э. Кисловодской котловины, в результате которых выделены три археоботанических комплекса: ранний — II–IV вв. и два средневековых — V–IX и X–XIII вв.

В докладе *Д.С. Серезниковой и А.Ю. Сергеева* анализируется распределение ботанических макроостатков на усадьбах Г и Д раскопа «Богемия» (Новгород Великий). Установлено, что наибольшая насыщенность образцов лесными и садовыми видами отмечается на участке между сооружением и частоколом. Итоговые результаты археоботанических исследований в другом древнерусском городе — Переяславле Рязанском — представлены в докладе *С.С. Трофимовой*.

Проведенный семинар продемонстрировал высокий уровень исследований и необходимость привлечения специалистов различных археобиологических дисциплин к исследованиям артефактов и культурного слоя. Внедрение новых методов и методических разработок в сфере археобиологии, как показали доклады, позволило включить в исследование целый ряд новых типов объектов и расширить наши знания о жизнеобеспечении, хозяйственной деятельности, особенностях питания древнего населения, изменениях природной среды и т.д.

Представленные доклады убедительно показали, что комплексные исследования с применением нескольких естественнонаучных методов позволяют существенно расширить получаемую информацию и сделать более уверенные и обоснованные реконструкции палеоэкологических и палеоэкономических процессов в древности и Средневековье.

Новые подходы к интерпретации результатов естественнонаучных исследований позволяют получить данные о сельскохозяйственных традициях, которые обусловлены экономическими и природно-климатическими факторами, а также этническими традициями населения; проследить изменения в условиях среды обитания и выявить особенности использования растений и животных в питании и ритуальных практиках.

Доклады II Колчинских чтений показали высокий научный уровень проводимых в России археобиологических исследований и широкие перспективы их дальнейшего использования в археологии.

ТАРХАНКУТСКИЕ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ (пос. Черноморское, Республика Крым, 2024 г.)

© 2025 г. С.Б. Ланцов^{1,*}, Н.В. Куклева^{2,**}, В.В. Майко^{1,***}

¹Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия

²Историко-археологический Музей-заповедник «Калос-Лимен», Черноморское, Россия

*E-mail: sergey_lantsov@mail.ru

**E-mail: mus-chern@mail.ru

***E-mail: vadimmaiko1966@mail.ru

Поступила в редакцию 27.04.2025 г.

После доработки 27.04.2025 г.

Принята к публикации 18.06.2025 г.

23–25 сентября 2024 г. в поселке Черноморское Историко-археологическим музеем-заповедником «Калос-Лимен» и Институтом археологии Крыма РАН была проведена V Международная научно-практическая конференция, посвященная археологии и истории северо-западной части Крымского полуострова. Впервые, учитывая опыт предыдущих форумов (Западная Таврида, 2022), конференция получила название «Тарханкутские историко-археологические чтения». Это, казалось бы, достаточно рядовое научное событие заслуживает внимание, как нам кажется, по двум основным причинам. Во-первых, потому что географическое своеобразие региона обусловило некоторую специфику протекавших здесь в древности и средневековые процессов. Их сравнение с теми, что происходили в других регионах полуострова, позволяет получить новую интересную информацию. Во-вторых, сложная политическая ситуация в этой части Крыма делает проведение здесь конференций особо актуальным. В работе научного мероприятия приняло участие более 40 человек, с докладами выступили 32 специалиста. Из заявленных 37 докладов было заслушано 30. С материалами остальных можно было ознакомиться благодаря вышедшему к началу работы сборнику докладов (Тарханкутские историко-археологические чтения, 2024).

Среди обсуждаемых тем отметим прежде всего связанную с историей археологического изучения Северо-Западного Крыма. История раскопок, а главное, процесс создания заповедника «Калос-Лимен» рассматривался в пленарном докладе главных организаторов конференции Н.В. Куклевой (Черноморское) и С.Б. Ланцова (Симферополь). Н.Н. Чемодуров (Симферополь)

на основании новых документов из архива Института археологии Крыма РАН еще раз обратился к основным итогам работы Евпаторийской экспедиции ГАИМК 1933–1934 гг. под руководством П.Н. Шульца, важнейшей для правильного понимания причин возникновения Института археологии Крыма.

Хронологически наиболее ранней традиционно стала проблема изучения памятников Северо-Западного Крыма эпохи бронзы. Причем это не только вопросы их картографирования при помощи геомагнитной разведки, наиболее успешно применяемой в этой части полуострова, но и конкретные памятники и артефакты. Это и курган-святилище, связанный с ямной культурно-исторической общностью, представленный в докладе А.Е. Кислого (Симферополь), и артефакты из кости и рога поселения Багай-І, проанализированные в сообщении А.А. Горошниковой, З.В. Горошниковой и А.Н. Усачука (Москва), и показанный в выступлении Т.Н. Смекаловой (Санкт-Петербург) и А.Н. Гаврилюка (Симферополь) анализ состава клада, происходящего с этой территории, при помощи методов естественных наук.

Совершенно оправданно главное внимание работы конференции было посвящено проблематике Северо-Западного Крыма античного времени.

Запомнились доклады, построенные на источниках исторических, но с учетом археологических реалий. И.Е. Суриков (Москва) еще раз аргументированно подверг критике концепцию ахеменидского завоевания Боспора Киммерийского, а А.А. Супренков (Феодосия) произвел информативный сравнительный анализ различных

аспектов греческой колонизации Иберии и Таврики. Важное теоретическое значение имел и доклад *А.В. Куликова* (Керчь), посвященный эволюции системы обороны Европейского Боспора в эллинистическое и римское время. Автором, так или иначе, рассматривались и все основные периоды истории Пантикапея. В докладе *С.Б. Ланцова* (Симферополь) и *А.А. Филиппенко* (Севастополь) впервые в научный оборот были введены материалы раскопок 2012–2013 гг. городища Беляус, чрезвычайно важные для правильного понимания этого выдающегося памятника региона.

Целая серия докладов была связана с выполнением государственного задания Института истории Саратовского государственного университета, посвященного максимально полной каталогизации амфорной тары классического времени, с акцентом на амфоры, обнаруженные в ходе раскопок Керкинитиды и Калос-Лимена. Основные итоги подвел руководитель проекта *С.Ю. Монахов* (Саратов). Сотрудники коллектива ученых *Н.Б. Чурекова* (Саратов) и *Е.В. Кузнецова* (Саратов) рассказали о принципах формирования груза амфор и чрезвычайно полезной для полевых исследователей попытке создания каталога-определителя профильных частей амфор.

Проблематика изучения тарной керамики античного времени, в частности ее клеймение, активно обсуждалась и в других докладах. В сообщении *Н.В. Ефремова* (Штральзунд, Германия), *А.Б. Колесникова* (Москва) и *Е.В. Балонкиной* (Керчь) рассматривались амфорные клейма Хиоса, зафиксированные на Боспоре, а аналогичные находка и оттиск геммы, найденные на поселении Береговое в Северо-Западном Крыму, анализировались в информации *М.И. Тюрина* (Севастополь) и *М.И. Краснодубец* (Севастополь). Обратились докладчики и к более поздним амфорам римского времени. Редкие типы подобных сосудов, происходящие из Калос-Лимена, были приведены в докладе *Л.А. Ковалевской* (Севастополь). Амфора из поселения Тарпанчи рассмотрена *В.В. Дорошко* (Севастополь).

Уделено было внимание и различным категориям материальной культуры античных памятников Северо-Западного Крыма. В частности, уникальным для Тарханкута терракотам посвятил доклад *К.С. Коршун* (Симферополь), а литейная форма для их производства, найденная в последние годы благодаря масштабным раскопкам южного пригорода Херсонеса, была введена в научный оборот в сообщении

В.В. Вахонеева (Санкт-Петербург) и *С.Л. Соловьева* (Санкт-Петербург). Несколько докладов было посвящено и нумизматике античного Северо-Западного Крыма, в частности, новым иногородним монетам уделил внимание *Н.А. Алексеев* (Севастополь), а свинцовым тессерам — *А.Е. Терещенко* (Санкт-Петербург) и *И.Ю. Шауб* (Санкт-Петербург).

Не обошли вниманием участники конференции и проблемы скифской археологии, неразрывно связанные и в этой части Тавриды с собственно археологией античных полисов. Исходя из материалов раскопок последних лет на мысе Казантип, в докладе *Д.В. Бейлина* (Керчь) и *И.В. Рукавишниковой* (Москва) поднимался вопрос о разнообразии населения, относимого к скифам. *С.Г. Колтухов* (Симферополь) вновь обратился к вопросу об археологических критериях определения тавро-скифского пограничья и месте в этом процессе Керкинитиды. *В.В. Кропотов* (Симферополь) на конкретных примерах Тарханкута рассмотрел особенности грунтовых склепов I в. до н.э. с коридором-дромосом, а *О.П. Дорошко* (Севастополь) проанализировала кухонную посуду римского времени на позднескифских поселениях этого региона.

Проблематика Таврики эпохи Великого переселения народов, а также этническая и политическая ситуации в постгуннскую эпоху так же активно обсуждалась на конференции. Это и анализ письменных источников, и реконструкция исторических событий, приведенные в докладе тульских коллег *А.А. Внукова*, *С.В. Ярцева* и *Е.В. Шушуновой*, и анализ состава амфорного материала, прежде всего амфор типа Делакеу, часто выступающих в качестве хронологических индикаторов, проанализированных в сообщении *В.Г. Зубарева* (Тула) и *К.О. Марковой* (Тула). Свод археологических источников, позволяющий судить о взаимоотношениях ранневизантийского Херсона и местного варварского населения, был представлен в докладе *С.В. Ушакова* (Севастополь). Отметим и археологические источники, в частности амфоры с граффити в виде меноры, времени существования на Боспоре, в том числе и азиатском, в раннесредневековое время иудейской общины, вынесенные на суд слушателей в докладе *А.В. Бонина* (Москва).

Относительно эпохи средневековья рассматривалась история Тарханкута не салтово-маяцкого времени, ныне относительно неплохо изученная, а период второй половины XIII в. Это то время, когда благодаря политической

стабильности, наступившей после вхождения большей части Крыма в состав улуса Золотой Орды, небывалыми масштабами развивалась торговля. Таврика в ней играла важнейшую роль стратегического перевалочного пункта между востоком и западом. Археологические источники, позволяющие говорить о том, что в это время происходило на Тарханкуте, были приведены в докладе *В.В. Майко* (Симферополь) и *С.Б. Ланцова* (Симферополь).

В программе работы форума были и доклады, посвященные истории и археологии Тарханкута османского времени, вплоть до вхождения Крыма в состав Российской империи. Это прежде всего фортификационные сооружения на берегу пос. Черноморского, проблемы их археологического изучения, датировки и постановки на государственный учет, поставленные в докладе *Г.Н. Овчинниковой* (Черноморское). Вызвал интерес и доклад *И.А. Авраменко* (Чистополье, Республика Крым), *С.Б. Ланцова* (Симферополь) и *С.Л. Смекалова* (Керчь), посвященный картографированию, выявлению и анализу современного состояния крымско-татарских мечетей и некрополей XVII–XIX вв. Кезлевского каймаканства. В сообщении *О.А. Золотарева* (Тула) и

В.В. Лебединского (Москва) анализировались материалы подводных археологических раскопок, в частности место крушения корабля «Святой Александр».

Прозвучали и доклады, посвященные проблемам охранной деятельности в Черноморском районе Республики Крым. Проблема постановки на государственный учет и обоснования границ объектов археологического наследия, как самого Калос-Лимена, так и курганов в его округе, стала предметом скрупулезного анализа в докладах *М.В. Овчаренко* (Черноморское), *С.Б. Ланцова* (Симферополь), *А.Ю. Манаева* (Симферополь). Отметим плодотворную совместную деятельность в этом направлении Института археологии Крыма РАН и ООО «Таврическое археологическое общество».

Подводя итоги, все участники единодушно отметили тот факт, что в ходе работы прекрасно организованного форума были затронуты практически все важнейшие вопросы археологии, истории и сохранения объектов культурного наследия такого уникального региона Крыма, как Тарханкут. Проанализирована их специфика и намечены пути дальнейшего движения вперед.

«МЕТАЛЛ – ЧЕЛОВЕК – ВРЕМЯ...»: К 90-ЛЕТИЮ ЕВГЕНИЯ НИКОЛАЕВИЧА ЧЕРНЫХ

© 2025 г. С.В. Кузьминых*

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru*

Поступила в редакцию 06.09.2025 г.

После доработки 06.09.2025 г.

Принята к публикации 30.09.2025 г.

11 декабря 2025 г. Евгению Николаевичу Черных — доктору исторических наук, профессору, члену-корреспонденту РАН, многолетнему заведующему лабораторией естественнонаучных методов Института археологии РАН (1984–2019) исполнилось 90 лет. Долгая жизнь в науке большого ученого волей-неволей сопровождается официальными чествованиями, однако юбиляр старательно их избегал по случаю 70- и 80-летия. В лучшем случае он соглашался на поздравления от коллектива лаборатории, которые больше походили на семейные посиделки и были лишены официоза.

В посвященных этим датам статьях авторы, и я в их числе (РА. 2005. № 4. С. 61–69; 2016. № 1. С. 149–155), обращались к сугубо научной стороне многогранной деятельности Е.Н. Черных. В основу тех очерков легли воспоминания друзей, коллег, родных, но главным образом собственные труды ученого, которые вошли в золотой фонд не только отечественной, но и мировой археологической науки второй половины XX и первой четверти XXI в. В настоящих заметках нет необходимости повторять известные сведения, факты биографии и подробности научной деятельности Евгения Николаевича (с ними можно познакомиться в Интернете, академических справочниках и статьях) — я остановлюсь лишь на творческой работе юбиляра в минувшем десятилетии.

Научные поиски этих лет как нельзя лучше отражает заглавие статьи — «Металл — человек — время...», которое повторяет название известной научно-популярной книги Е.Н. Черных по истории древнейшей металлургии (М., 1972), на мой взгляд, лучшей в отечественной археологии. Термины «металл», «человек», «время» как нельзя лучше цементируют каркас многогранной научной деятельности Евгения Николаевича, которая — через череду решения конкретных и общих

научных проблем — предстает в виде целостной многолетней программы исследований самого ученого и его сподвижников по московской археометаллургической группе. Работы последнего десятилетия являются и частью, и продолжением этой программы, ориентированной не только на разработку нерешенных и дискуссионных проблем древней металлургии и металлообработки Северной Евразии, но и на пересмотр прежней парадигмы евразийской археологии с несравненно более сложной картиной развития, чем это представлялось ранее. Речь идет о предпринятой ученым в предшествующие годы переоценке роли культур Степного пояса Евразии и их взаимодействия с цивилизациями Запада и Востока (Степной пояс Евразии: феномен кочевых

Рудник в Оренбургской области, названный в честь Е.Н. Черных (фото С.В. Богданова)

культур. М., 2009; Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. Т. 1, 2. М., 2013).

Среди важнейших трудов Е.Н. Черных последнего времени отметим два блока монографий. Первый – развитие проекта 2010-х годов «Мегаструктура Евразийского мира» – нацелен на выявление и характеристику ключевых граней истории человеческих культур, сопровождавшихся резкими изменениями в динамике развития и в генеральных картинах культур на земле – от начальных этапов каменного века вплоть до Нового времени (Культуры Хомо: ключевые грани миллионной истории. Проблемные очерки. М., 2019; Мегаструктура Евразийского мира сквозь призму геологии, археологии, истории. М., 2020; 2-е изд. М., 2022). Эти процессы рассмотрены ученым в книге «Культуры Хомо...» в связке с проблемными, узловыми аспектами психологии человеческих культур. Автор не случайно дал книге подзаголовок «Проблемные очерки». Большинство из сформулированных и обсуждаемых им сюжетов являются дискуссионными. По каждому из них Е.Н. Черных

высказал собственную аргументированную точку зрения. Книга «Культуры Хомо...» рассматривается им прежде всего как приглашение к широкой и развернутой дискуссии, адресованное не только российской аудитории, но и зарубежной, благодаря изданию книги на английском языке (The cultures of Homo: Challenging essays about humankind's multimillion year history. Moscow, 2021).

Монография «Мегаструктура Евразийского мира сквозь призму геологии, археологии, истории» (выдержавшая два издания) во многом созвучна с более ранними работами Е.Н. Черных. В развитие ряда методологических позиций, сформулированных главным образом в книге «Культуры Хомо...», автор сосредоточил в ней внимание на кардинальных вопросах, которые определяли характер мегаструктуры всего Евразийского мира и которые относительно слабо были разработаны в его предшествующих работах. Эта книга обращена прежде всего к реконструируемым масштабным событиям геокосмического характера: к загадкам

мироздания — зарождению Земли, формированию ее геоморфологии и геоэкологии, появлению на ней Хомо. Автор подводит читателя к пониманию того, что коронные метаморфозы геологических макроструктур планеты порождали весьма значимые перемены в генеральных картинах мира этносов и культур Хомо. Сдвиги геокосмического характера относятся не только к отдаленному прошлому, но и к относительно недавним событиям времени голоцена и даже Нового времени. В книге представлены попытки вычленения важнейших блоков сложения Евразийского мира — иначе его анклавов. Е.Н. Черных считает, что именно анклавы явились реальными геофундаментами развития и формирования Евразийского мира. Они пребывают в тесной сопряженности с геокосмическими событиями, и это зачастую отражено в данных археологии и истории. Особое место отведено в книге анализу развития мировоззрения или миропонимания культур, относящихся по преимуществу к эпохе голоцена.

Второй блок монографий характеризует историко-металлургические исследования юбиляра. Второе издание книги «Каргалы — забытый мир» (Оренбург, 2018) стало откликом на неугасающий интерес российских и зарубежных специалистов к исследованию Каргалинского горно-металлургического комплекса и выходу в свет пятитомника «Каргалы» (2002–2007 гг.). Первое издание книги (1997 г.) подводило итоги начальных комплексных исследований этого уникального по своим основным чертам комплекса. Но не менее важной была и другая цель — привлечь внимание к Каргалам как к памятнику, заслуживающему особого статуса — национального парка-заповедника. Цель эта, благодаря усилиям Е.Н. Черных, была достигнута: в 1995 г. указом Президента Российской Федерации Каргалы объявляются памятником федерального значения. Второе издание книги, существенно переработанное, дополненное заметным блоком новых иллюстраций, конечно, было ориентировано не только на научную и студенческую аудиторию, но и адресовано широким слоям общественности. Спустя 20 лет Каргалы потребовали защиты от дельцов капитализма с «нечеловеческим» лицом, будучи выставленными на рыночную площадь — продавалось за гроши «Каргалинское месторождение медистых песчаников», а по сути уникальный федеральный памятник. Каргалы в итоге избежали участи превратиться в гигантские по территориальному размаху карьеры по добыче медной руды. Хочется надеяться, что

книга Е.Н. Черных и высказанное в ней предостережение («Каргалы после распродажи никак не восстановить»), борьба оренбургских коллег (С.В. Богданов и др.) в судах в защиту Каргалов уберегут в дальнейшем этот уникальный природно-ландшафтный, горнорудный и историко-металлургический комплекс от выставления на «рыночную площадь».

Труд «Древняя металлургия в Евразийских степях» (Синьцзян, 2024) издан в переводе на китайский язык. В его основу легла наиболее известная и цитируемая на западе книга Е.Н. Черных «Ancient Metallurgy in the USSR. The Early Metal Age» (Cambridge, 1992), дополненная Приложением «Степной пояс Евразии: радиоуглеродный анализ и металлургические провинции». Несмотря на почтенный возраст базового сочинения, понятно стремление Синьцзянского народного издательства представить общий взгляд на развитие древнейшей металлургии в Северной Евразии в эпоху раннего металла не только для археологов-профессионалов КНР, знакомых с английской версией книги, но прежде всего для входящей в науку молодежи. Уверен, труд российского ученого придаст дополнительный импульс для разработки в Китае историко-металлургических проблем бронзового века в срединных областях Азии. Несмотря на самые обобщенные характеристики основных культур и горно-металлургических центров, Е.Н. Черных удалось создать, по образному выражению Фила Кола, «невероятно богатое полотно общей или глобальной предыстории» Северной Евразии. Интерес археологов КНР к этим вопросам усилился в последние десятилетия: свидетельством тому — издание на китайском языке книги Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых «Древняя металлургия Северной Евразии» (Beijing, 2010), коренным образом изменившей вектор изучения археологами этой страны сейминско-турбинского транскультурного феномена. Связанная с ним проблематика — ключевая для эпохи поздней бронзы северной половины Европы и Азии — стала в настоящее время весьма значимым направлением исследований в китайской археологии (Лю Сян. Сейминско-турбинские древности и Китай в контексте евразийских степей. Шанхай, 2024; на кит. яз.).

Книги «Культуры Хомо...» и «Мегаструктура Евразийского мира...» передают в весьма сжатом изложении наиболее значимые и переломные моменты (или, по Е.Н. Черных, ключевые грани) в протяженной истории человеческих культур. Более подробно и детально близкие сюжеты

Евгений Николаевич изложил для заинтересованных читателей в цикле научно-популярных статей в журнале «Природа» (2018–2024 гг.). Статьи группируются по четырем проблемным направлениям: кочевой мир Евразии: структура и динамика развития (5 статей); археология и история: хронологическо-методологический диссонанс родственных культур (2); культуры *Ното*: узловые сюжеты миллионолетней истории (5); культуры *Ното* в оценках мироздания и архетипы мироздания (2). Они продолжают блок статей о культурах степного пояса Евразии, опубликованных в «Природе» в 2001–2015 гг.

С популяризацией результатов историко-металлургических исследований ученого связана серия статей, опубликованных в эти годы на научно-образовательном портале «Большой российской энциклопедии» и посвященных эпохе раннего металла, металлургическим провинциям (Балкано-Карпатская, Протоциркумпонтийская и Циркумпонтийская), выдающимся памятникам энеолита (Варненский могильник) и древнейшего горного дела (Айбунар).

Занятый крупными монографическими работами и блоком научно-популярных работ для «Природы», Е.Н. Черных в прошедшем десятилетии ограничился несколькими статьями о проблемах радиоуглеродной хронологии культур степного пояса Евразии (часть из них в соавторстве с Л.Б. Орловской), Циркумпонтийском ареале в макроструктуре Евразийского мира, 60-летнем юбилее лаборатории естественных методов Института археологии РАН и др. Под редакцией ученого вышел ряд книг и сборников.

В своих заметках я отразил лишь основные направления научных поисков и результатов исследований Е.Н. Черных. Труды, созданные им в последние годы, как и ранее, ожидаемы коллегами, они будоражат нас оригинальными мыслями и идеями, служат предметом обсуждения и дискуссий. Именно поэтому они по-прежнему востребованы в археологическом сообществе России и за рубежом. Концептуальные представления ученого легли в основу разделов об эпохе раннего металла 1-й книги 1-го тома «Истории России» (2025). Прижизненным памятником юбиляру – в память его выдающихся заслуг в изучении Каргалов – стало присвоение одному из крупнейших и ранее безымянных древних рудников Приуралья наименования «Черных».

2025 г. отмечен для Е.Н. Черных еще одним юбилеем: 70 лет в археологии. За его плечами фундаментальные труды, оригинальные идеи и полевые открытия. Ученый по-прежнему, как и в молодости, в постоянном поиске и творческой работе. От каких-то направлений исследований он сознательно отказывается и концентрируется на тех из них, которые считает для себя наиболее важными в настоящее время. Здесь не нужны ни советы, ни указы – это путь патриарха нашей науки.

Друзья, коллеги и ученики Е.Н. Черных – не только в стенах Института археологии РАН, но во многих научных центрах России, ближнего и дальнего зарубежья, члены редколлегии журнала «Российская археология» – от всей души поздравляют Евгения Николаевича с юбилеем, желают ему доброго здоровья и творческого долголетия.

АРХЕОЛОГИЯ КАК ПУТЬ ЖИЗНИ: К ЮБИЛЕЮ АХМАДАЛИ АСКАРОВИЧА АСКАРОВА

© 2025 г. Н.А. Аванесова^{1,*}, В.И. Ионесов^{2,**}

¹Самаркандский государственный университет, Самарканд, Узбекистан

²Самарский государственный институт культуры, Самара, Россия

*E-mail: non.avanesova@mail.ru

**E-mail: inservice@list.ru

Поступила в редакцию 07.09.2025 г.

После доработки 07.09.2025 г.

Принята к публикации 30.09.2025 г.

Наш юбиляр, который отмечает свое 90-летие, — выдающийся ученый, талантливый публицист, замечательный педагог, но главное поле его деятельности — археология. Невозможно переоценить вклад А.А. Аскарова, академика Академии наук Республики Узбекистан, доктора исторических наук, в археологию вообще и в узбекскую археологию в особенности. В летопись науки Ахмадали Аскарович Аскаров вошел как видный специалист по древней истории Узбекистана, обогативший отечественную археологию своими открытиями, уходящими корнями вглубь веков.

За выдающийся вклад в развитие археологической науки и организаторские способности А.А. Аскаров в 1984 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук. В следующем году ученый стал лауреатом Государственной премии Узбекистана им. А.Р. Беруни за цикл работ «Истоки и развитие урбанизации Центральной Азии по материалам археологических исследований в Узбекистане», а в 1987 г. — действительным членом Академии наук Узбекистана. Его научные интересы связаны с доисторическими культурами — от эпохи палеолита до раннего железного века Евразии. Об этом свидетельствует его участие в ряде крупных экспедиций (Байкальской, Красноярской, Махандарьинской, Южно-Туркменской, Северо-Афганской), руководимых всемирно известными учеными, такими как М.П. Грязнов, В.М. Массон, В.И. Сарияниди, Я.Г. Гулямов.

Ахмадали Аскарович проводил археологические исследования и в разных регионах Узбекистана: Бухаре, Карши-Сурхандарьинских степях, Ташкентской и Ферганской долинах. С 1965 г.

юбиляр возглавил Сурхандарьинскую комплексную экспедицию, которая позволила выявить этапы внутреннего развития южноузбекского центра высокоразвитых культур древневосточного типа. Речь идет о ранней городской древнеземледельческой сапаллинской археологической культуре эпохи бронзы юга Средней Азии. Актуальность проблемы урбанизации в регионе

стимулировало повышенное внимание к ней. Неслучайно А.А. Аскаровым по данной теме были организованы региональные международные конференции, где рассматривались проблемы урбанизации на фоне раннеземледельческих культур Средней Азии. Ученый разработал археологическую периодизацию культур степных племен эпохи бронзы и раннего железа в низовьях р. Зеравшан.

На протяжении более 50 лет А.А. Аскаров ведет фундаментальные исследования по истории Узбекистана. Его достижения в изучении первых цивилизаций, генезиса урбанизации, трансформации первобытных культур и формирования раннеклассового общества по археологическим материалам общепризнаны. Благодаря полевым исследованиям и открытиям ученого доказано существование ранее неизвестного южноузбекского центра древнебактрийской цивилизации, который был обнаружен и затем всесторонне изучен А.А. Аскаровым в его многочисленных трудах. На основе исследования памятников культуры Сапалли (Сапаллитепа и Джаркутан) ученый определил историческое место этих объектов в культурной системе Древнего Востока — в широком контексте межкультурных связей соседних культур и цивилизаций. Открытие им культового центра — Храма Огня в Джаркутане — предоставило важные свидетельства о зарождении зороастрийской идеологии в эпоху поздней бронзы.

Уникальные открытия Ахмадали Аскаревича Аскарова, включая находки шелковых, лубяных и хлопчатобумажных тканей в захоронениях Сапаллитепа, имеют важное историческое значение. Это позволило доказать, что производство натурального хлопка и шелка в регионе началось в бронзовом веке. Открыватель сапаллинской культуры был среди первых, кто поднял вопрос о том, что территория Узбекистана могла быть одним из центров шелкоткачества и хлопчатобумажного текстиля.

История орошаемого земледелия в Узбекистане удревнена на тысячи лет благодаря богатому археологическому материалу, обнаруженному в ходе многолетних полевых исследований А.А. Аскарова. Одним из важнейших следствий изучения сапаллинской культуры стало развенчание так называемого Бактрийского миража — концепции, согласно которой культурное и социальное развитие на территории древней Бактрии якобы вторично, заимствовано и зависимо от внешних, в первую очередь переднеазиатских

очагов цивилизации. Открытия на Сапаллитепе показали, что уже во II тыс. до н.э. в Южном Узбекистане существовала оригинальная и высокоразвитая культура с характерными признаками цивилизационного общества. Среди них — оседлое земледелие, архитектура с продуманной планировкой и сложной фортификацией, ирригационные сооружения, дифференциация ремесел, развитые культовые практики. Эти данные убедительно свидетельствуют о том, что Среднеазиатский регион был не пассивным получателем культурных влияний, а самостоятельным центром формирования цивилизации.

Юбилею принадлежат более 450 научных и научно-популярных работ, в том числе 22 фундаментальные монографии, 2 учебных пособия, 8 учебно-методических разработок. Около 70 статей издано на английском, французском, немецком, японском и китайском языках и более 200 широко цитируемых трудов — на русском. Одна из монографий посвящена древней земледельческой цивилизации Южного Узбекистана Кучук-тепе и представлена научному сообществу издательством Института археологии в Берлине. А.А. Аскаров — один из авторов шеститомной «Истории цивилизаций» Центральной Азии, выпущенной ЮНЕСКО. Под его редакцией издано 13 томов серии «История материальной культуры Узбекистана» и множество научно-популярных и просветительских брошюр на узбекском языке. Вершина научного наследия А.А. Аскарова — монография «История происхождения узбекского народа» (2018). Результаты этих исследований широко используются не только в теоретико-методологических разработках исторической науки, но и вошли в научно-педагогические программы многих университетов.

Немаловажен и опыт исследователя превращать прошлое в самое актуальное современное, выявлять связь времен, особенно ярко проявляемую через археологию, что А.А. Аскаров замечательно воплощает в своей научной деятельности. Он умеет как никто другой проникательно заглядывать в древность, пробираться в потаенные уголки исторического времени и одновременно быть на острие настоящего, прокладывая через уроки прошлого путь в будущее.

Хочется отметить, что А.А. Аскаров призывал смотреть на артефакты археологии не просто как на материальные объекты, но видеть через них и создателей находок, попавших в руки археологов, искать человеческое измерение в исторических контекстах и фрагментах предметного

мира культуры. Ученый ценил и любил полевую работу, рассматривая выявленные в ее процессе объекты в комплексе с характеристикой культуры в целом, т.е. и с ее носителями вместе с их традициями, бытовыми привычками (и даже гастрономическими привязанностями), хозяйственным укладом, освоенной территорией. Параллельно с самими раскопками он мог часами и допоздна ходить по местам археологических памятников, беседовать с местными жителями, вникая в их языковые и социальные различия, обычаи, ритуалы, одежду, переживания, интересоваться повседневной жизнью сельчан, не упуская из поля зрения любые детали.

В своей научной деятельности А.А. Аскаров руководствовался основными ориентирами: а) понять древнюю культуру без вовлечения в нее невозможно; б) так же нельзя понять современность без погружения в историю; в) важно выявлять не только корни любого явления, но и сохранившиеся традиции, чтобы понимать пульс времени. А.А. Аскаров всегда стремился показать, насколько значим процесс предметного конструирования в постижении смыслов культуры. Научишься собирать малое — сможешь собрать большое.

На фоне плодотворной научной деятельности юбиляра ярко проявился и его организаторский талант. Руководство Академии наук Узбекистана всегда высоко оценивало преданность Ахмадали Аскаровича Аскарова археологии, его строгость к себе и коллегам, принципиальность, неподкупность и чистоту как в научной работе, так и в личной жизни. Эти качества сыграли решающую роль в его назначении в 1970 г. на пост директора созданного Самаркандского Института археологии. Несмотря на многочисленные искусственные препятствия и сложности, сопровождавшие становление учреждения, молодой руководитель продемонстрировал решимость и целеустремленность, став примером того, как усердие и

настойчивость позволяют добиться признания научного учреждения на международном уровне. Именно по его инициативе и при его активном участии в институте были организованы научные конференции и симпозиумы различных масштабов — от региональных до международных. Под его руководством сформировалась крепкая команда археологов, которая впоследствии стала ядром Самаркандской археологической научной школы.

В экспедиционной работе А.А. Аскаров служил примером истинного профессионализма как в роли руководителя, так и исследователя. Он лично фиксировал процесс раскопок на фотографиях, чертил артефакты, подробно их описывал, вел полевые дневники с детальными записями о ходе исследований, создавал схемы и аналитические таблицы. Его точность, ответственность и внимание к деталям были эталоном для всей команды.

А.А. Аскаров удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Узбекистан» за выдающийся вклад в развитие отечественной археологической науки, многолетнюю исследовательскую деятельность, открытия, значительно расширившие представления о древней истории Центральной Азии, а также за создание научной школы, подготовившей плеяду высококвалифицированных археологов. Звание «Заслуженный наставник молодежи Республики Узбекистан» присвоено в 2023 г. в знак признания его многолетней педагогической работы, самоотверженного наставничества, значительных усилий в воспитании и формировании нового поколения исследователей, преданных делу науки и сохранению исторического наследия.

Авторы поздравляют юбиляра, уже ставшего маяком для будущих поколений, с пожеланием творческого долголетия.

К 75-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ДЬЯКОВА

© 2025 г. Е.В. Сидоренко*

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия

**E-mail: sidoriha3@yandex.ru*

Поступила в редакцию 01.07.2025 г.

После доработки 01.07.2025 г.

Принята к публикации 18.06.2025 г.

20 марта 2025 г. отметил 75-летний юбилей советский и российский археолог Владимир Иванович Дьяков, внесший весомый вклад в изучение древней истории Дальнего Востока.

В.И. Дьяков родился в 1950 г. в г. Орске Оренбургской области в семье профессора русской философии, выпускника МИФЛИ, направленного для усиления кадрового состава местного вуза. В 1952 г., согласно новому назначению, семья переезжает в г. Благовещенск Амурской области для работы в БГПИ им. М.И. Калинина.

С археологией юбиляр познакомился еще в школьные годы, когда в 1964 г. принял участие в полевых работах Дальневосточной археологической экспедиции, руководимой А.П. Окладниковым. *Alma mater* юбиляра – гуманитарный факультет НГУ (1968–1972), отделение «История» со специализацией «Археология Сибири и Дальнего Востока». Это время юности новосибирского академгородка, для чтения спецкурсов привлекались лучшие специалисты Москвы и Ленинграда.

1 июля 1971 г. вышло постановление АН СССР о создании во Владивостоке Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР. Директор института А.И. Крушанов обратился к А.П. Окладникову с просьбой порекомендовать перспективных исследователей в области археологии. Так, с легкой руки двух академиков в 1972 г. в молодой институт были распределены молодые специалисты Владимир Иванович и Ольга Васильевна Дьяковы. Владимир Иванович работал в секторе археологии первобытного общества с 1972 по 1978 г. (с отвлечением в 1973–1974 гг. на службу в рядах Советской армии). Им в этот период проведены археологические исследования в труднодоступных районах Северного Приморья, куда после экспедиций Владимира Клавдиевича Арсеньева и Алексея Павловича Окладникова «не ступала нога археолога». Требовалось установить этапы заселения данной территории. Проведенные разведки и раскопки таких памятников, как Чертовы Ворота, Лидовка-1–3, Благодатное-1–3, Самарга-1–5, Коппи и другие, позволили выделить лидовскую культуру эпохи палеометалла, обозначить признаки самаргинской и коппинской культур. Итогом исследований стала успешная защита в октябре 1978 г. в Новосибирске кандидатской диссертации «Сихотэ-Алинь в эпоху бронзы» под руководством академика А.П. Окладникова. Работы 1970-х годов явились

плацдармом для последующего масштабного изучения древностей Приморья.

В 1979 г. Владимир Иванович был приглашен в Дальневосточный госуниверситет (ДВГУ), где прошел путь от ассистента до заведующего кафедрой всеобщей истории. Следует заметить, что он оказался первым профессиональным археологом на факультете (изначально этой областью науки заправляли востоковеды-китаисты Э.В. Шавкунов, Д.Л. Бродянский). Он организовал Сихотэ-Алиньскую археологическую экспедицию, в которой проходили практику и специализацию многие дальневосточные археологи, получившие качественные навыки полевых и научных исследований (В.В. Осецкий, В.Н. Соколов, Е.В. Сидоренко (Чупахина), А.А. Крупянко, А.Н. Попов, О.Л. Морева, С.А. Коломиец, Ю.В. Кривуля). Были проведены широкомасштабные раскопки опорных памятников региона Лидовка-1, Благодатное-3, Рудная Пристань, Устиновка-4, Монастырка-2, -3, Самарга и другие. На базе ДВГУ В.И. Дьяковым была создана первая в крае специальная археологическая служба, впоследствии развившаяся в Инспекцию по охране культурного наследия Приморского края и положившая начало хозяйственным центрам историко-культурной экспертизы.

В 1989 г. В.И. Дьяков возглавил отдел Межотраслевого научно-производственного объединения (МНПО) «Дальэкос», в 1998 г. — отдел Проектно-изыскательского и научно-исследовательского Института «Дальводпроект». В этот период изучались памятники Весенняя, Улисс, Рудная Пристань, Устиновка-4, п-в Муравьева-Амурского, Монастырка-3, Петровка-1–9, Уссурийск и другие. Проведены разведочные работы в Амурской области, Хабаровском и Приморском краях. По итогам работ была защищена в 1999 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва) докторская диссертация «Периодизация древних культур Приморья (палеолит—эпоха бронзы)» (научные консультанты: академик В.И. Янин, д.и.н. П.М. Кожин, д.и.н., профессор Л.Р. Кызласов, д.и.н., профессор Г.И. Медведев), а оппонентами выступили доктора наук С.В. Ошибкина, Н.Б. Леонова, С.В. Кучера.

Благодаря своему исследовательскому таланту, трудолюбию, организаторским способностям В.И. Дьяков внес огромный вклад в дальневосточную археологию по широкому спектру проблем. Его научный стиль отличают доскональное знание источников, тщательность работы с материалом, филигранное владение словом,

доходчивость изложения. Его работы стали этапными в изучении палеолита, неолита и эпохи палеометалла.

В палеолитоведении им открыт и раскопан памятник Устиновка-4, до сих пор остающийся опорным в регионе. С 1981 г. девять лет на нем проводились широкомасштабные раскопки. Выявлены три древнейших в крае жилища, различные комплексы производственного, бытового и культового назначения, а также места горных выработок, связанные с добычей сырья для изготовления каменных орудий труда. По материалам памятника Устиновка-4 в дальневосточной археологии впервые был применен аппликативный метод исследования древних технологий. Применение этого метода показало принципиальную возможность и перспективность его использования; доказало неадекватность геологических страт и культурных слоев на памятнике (формирование литологии, кроме гумуса, происходило в период развития одной культуры в сравнительно небольшой хронологический период); помимо фиксации особенностей в технике расщепления (например попеременное снятие с противоположных площадок нуклеуса) отмечен факт изготовления орудий труда, что принципиально для установления типа памятника. В.И. Дьяковым в палеолите сихотэ-алиньского региона по результатам изучения техники расщепления выделены две традиции (бифасиальная и классическая призматическая с карандашевидными нуклеусами), а памятники объединены в два анклава (Тадушинский и Тернейский). Материалы подробно опубликованы в монографии «Приморье в раннем голоцене (Мезолитическое поселение Устиновка-4)» (Владивосток, 2000).

Параллельно с исследованием Устиновки-4 раскапывался многослойный памятник Рудная Пристань в Дальнегорском районе, где зафиксированы разнокультурные жилые, производственные и культовые комплексы. Проанализированы материалы раскопок А.П. Окладникова (1953, 1955 гг.) и с учетом новых данных предложена их другая интерпретация. Уникальность данного памятника заключается в наличии стратиграфически и планиграфически выдержанных комплексов лидовской (тетюхинская группа), зайсановской (тип Рудной Пристани) и руднинской культур, что позволило В.И. Дьякову выстроить аргументированную периодизацию двух этапов неолита и эпохи бронзы. Наличие монокультурных комплексов увеличило доказательную базу. Серия радиоуглеродных дат подтвердила и уточнила полученную по результатам

раскопок схему: руднинская неолитическая → зайсановская неолитическая → лидовская палеометаллическая культуры. Результаты отражены в монографии «Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья» (Владивосток, 1992).

Весомый вклад внесен В.И. Дьяковым в изучение эпохи палеометалла (бронза—железо): «Приморье в эпоху бронзы» (Владивосток, 1989); «Приморье у рубежа эр» (Владивосток, 1984, в соавторстве); «Древние культуры тихоокеанского побережья СССР» (Владивосток, 1983, в соавторстве). Им выделена эпоха бронзы как самостоятельная хронологическая единица и обозначена ее специфика; выделены две новые археологические культуры: лидовская и самаргинская на восточном побережье края, выделены локальные варианты в лидовской культуре и предложена их периодизация; раскопан и введен в научный оборот первый ритуальный комплекс в лидовской культуре (памятник Монастырка-2); охарактеризован комплекс эпохи бронзы памятника Падь Харинская в западном Приморье; выделен северный этап янковской культуры. Высказанные положения и опубликованные материалы актуальны до сих пор, активно используются исследователями, многие гипотезы получили подтверждение и дают толчок для дальнейшего изучения.

Владимиром Ивановичем и Ольгой Васильевной Дьяковыми впервые в дальневосточной археологии проведено обобщающее исследование такого многопланового исторического источника, как курганы. По архивным и опубликованным источникам собраны сведения о курганах в Приморье с добавлением к ним результатов собственных раскопок курганных комплексов памятников Петровка-9, Монастырка-3, Богополь; произведено их картирование, определена информативность каждого источника; для подавляющего большинства памятников определена хронологическая и культурная принадлежность; составлена периодизация курганов Приморья в широком хронологическом диапазоне от эпохи палеометалла (I тыс. до н.э.) до XII в. Результаты

исследований опубликованы в монографии «Курганы Приморья» (Владивосток, 2016).

Принципиальные положения высказаны В.И. Дьяковым в области методологии исследований. Им актуализировано понятие «поликомпонентности» памятника, что особенно важно для приморской археологии, где в одном литологическом слое могут залегать артефакты нескольких культур, порой от палеолита до средневековья включительно; конкретизировано понятие «комплекс» с выделением четырех его разновидностей: закрытый, замкнутый, локализованный, открытый; выделен «сихотэ-алиньский мешок» и охарактеризовано его влияние на протекание культурных процессов в регионе. Оно заключается в том, что горный хребет и море надежно защищают и изолируют территорию восточного Приморья, образовав так называемый сихотэ-алиньский мешок, который, в свою очередь, способствует консервации археологической культуры и длительному сохранению ее облика.

В 2000–2023 гг. Владимир Иванович работал во Владивостокском филиале Российской таможенной академии: доцент, профессор, заместитель ректора по научной работе, ректор. Сменив сферу деятельности, Владимир Иванович успешно продолжил научно-исследовательскую работу, выпустив монографии «Культурные ценности глазами таможенника» (Владивосток, 2004, в соавторстве) и «Начало высшего таможенного образования на Дальнем Востоке России» (Владивосток, 2010).

Владимира Ивановича отличают принципиальность, верность выбранной науке, чувство искренней признательности своим учителям, широкий кругозор. Он прекрасный лектор, увлеченно делящийся своими знаниями, вдохновляя коллег, учеников и собеседников своей творческой целеустремленностью. Искренне поздравляя Владимира Ивановича с юбилеем, желаем ему здоровья, душевной гармонии и новых достижений.

ПАМЯТИ ВЫДАЮЩИХСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: А.А. МИЛЛЕР (1875–1935), И.И. АХАНОВ (1900–1960)

© 2025 г. Лю Лицю^{1,*}, Ю.Г. Благодер^{2,**}

¹Нанкинский университет науки и технологии, Нанкин, Цзяньсу, Китайская Народная Республика

²Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

*E-mail: liqiu_2018@163.com

**E-mail: blagoder_1@mail.ru

Поступила в редакцию 07.09.2025 г.

После доработки 07.09.2025 г.

Принята к публикации 30.09.2025 г.

Статья посвящена юбилярам — известному ученому А.А. Миллеру и его достойному последователю И.И. Аханову, которые внесли весомый вклад в становление и развитие отечественной археологии. Многочисленные артефакты, обнаруженные в ходе археологических экспедиций, позволили представить развернутую характеристику древних и средневековых сооружений Причерноморья. Выявление, систематизация и комплексное исследование этнографических, археологических и иных источников — основополагающий принцип работы ученых. Благодаря их усилиям найденные в данном регионе монеты, керамические, стеклянные, железные изделия и их фрагменты дополнили коллекции отечественных научно-просветительских организаций: Русского музея, Эрмитажа, музеев ряда городов Краснодарского края. Посвятив свою жизнь изучению истории Причерноморья и одновременно музейному делу, талантливые ученые получили заслуженное признание коллег.

Ключевые слова: советская археология, А.А. Миллер, И.И. Аханов, Причерноморье, археологические раскопки, подкурганные дольмены.

DOI: 10.7868/S3034577425040161

2025 г. знаменателен юбилейными датами: 150 лет со дня рождения археолога и этнографа Александра Александровича Миллера, 125 лет со дня рождения его достойного последователя Ивана Ивановича Аханова. Исследовательский интерес и неутомимая работа по изучению древних захоронений Причерноморья (в настоящее время территория Краснодарского края) и одновременно преданность просветительской музейной деятельности прочно связали имена этих талантливых ученых в истории отечественной археологии.

Достижения А.А. Миллера (рис.1) в изучении истории народов Причерноморья хорошо известны в научном мире (Виноградов, 2022. С. 245–263; Виноградов, 2023. С. 312–320; Паромов, 2023. С. 69–71; Der Kaukasus zwischen..., 2020). «Большая работоспособность, знание дела и ... точная исполнительность» (Алёшкин, 2022. С. 108) позволяли совмещать многовекторную экспозиционную работу в Этнографическом отделе Русского музея с проведением полевых исследований. По поручению Императорской археологической

комиссии он «осматривал некоторые памятники древности Сухумского округа и производил исследование могильников Черноморской губернии, ранее известных лишь по случайным находкам» (Кутаисская и Черноморская губернии, 1910. С. 93). Путевые заметки, отчеты, рисунки, чертежи и фотографии свидетельствуют о проведенных в 1907 году исследованиях дольменов, как полностью составленных из каменных плит, так и высеченных в скале, близ посада Туапсе (статус города с 1916 г.) (Миллер, 1909. С. 84–86). Отдельные артефакты, обнаруженные в разграбленных памятниках, позволили ученому высказать неординарные суждения о предназначении этих древних каменных сооружений. Кроме того, найденные в данном районе византийские монеты, керамические, стеклянные, железные изделия и их фрагменты нашли достойное место в коллекции музея. В настоящее время они хранятся в отделе Востока и отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (Леусская, 2024; Российский этнографический музей ...).

Рис. 1. Александр Александрович Миллер. ФО НА ИИМК РАН. Отп. О. 1226/58.

Fig. 1. Aleksandr Aleksandrovich Miller. Scientific Archive at the Institute for the History of Material Culture RAS. List 1226/58

Насыщенным оказалось исследование древнего укрепления (крепостные стены, круглая башня, бастионы) близ города Сочи. ИАК в 1909 г. поручила А.А. Миллеру провести изучение курганного могильника близ Геленджика, который сильно разрушался в ходе строительных работ, а каменные плиты гробниц использовались при возведении дачных построек (Черноморская губерния, 1913, с. 160).

В результате А.А. Миллер раскопал четыре плиточных кургана в могильнике в окрестностях поселка Солнцедар (в настоящее время в черте города Геленджик), описал структуру сооружений и погребальные комплексы. Коллекция древностей из этих работ поступила в фонды Этнографического отдела Русского музея (Стеганцева, 2009. С. 689), позже часть предметов передали в Государственный Эрмитаж (Российский этнографический музей ...).

В 1910 и 1912 гг. Александр Александрович и его коллеги вновь посетили Кубанскую область и Черноморскую губернию с целью сбора этнографических коллекций. В 1920-е годы в рамках масштабной комплексной Северо-Кавказской экспедиции под руководством А.А. Миллера начались работы на территории Кубани и Причерноморья (Миллер, 1925. С. 1–42; Миллер, 1926а. С. 71–142; Миллер, 1926б. С. 314–316; Миллер, 1929. С. 60–122). Было осмотрено городище

в Краснодаре, проведена разведка земель вдоль берегов рек Лабы и Кубани, раскопаны 10 погребений могильника в станице Усть-Лабинской (Миллер, 1926а. С. 86–92), подтверждено наличие памятника Ильская палеолитическая стоянка. Одновременно члены экспедиции проводили экскурсии на места раскопок и систематизировали экспонаты местных музеев (к примеру, Краснодарского). Масштаб Таманской экспедиции ГАИМК в 1930–1931 гг. был велик: во-первых, было обследовано около 60 остатков древних поселений на Таманском полуострове, побережье Азовского и Черного морей, в Прикубанье; во-вторых, началась планомерная работа по исследованию древних городов Тамани (Миллер, 1931. С. 26–29; Иессен, Миллер. 1932. С. 58–61; Виноградов, Медведева, 2021, с. 312; Виноградов, 2022. С. 207–220; Виноградов, Григорьева 2020. С. 118–120; Виноградов, Григорьева, 2022. С. 245–263; Паромов, 2023). Трагические события прервали творческий путь ученого (Ашнин, 1994. С. 265; Застрожнова, 2022. С. 29–32; Застрожнова, 2023. С. 409–416). Между тем, А.А. Миллер успел подготовить плеяду молодых археологов, многие из которых, к примеру, М.И. Артамонов, Б.Е. Деген-Ковалевский, С.Н. Замятин, А.А. Иессен, Т.Н. Книпович, посвятили свою жизнь не только изучению исторических памятников Северного Кавказа, Причерноморья и Прикубанья, но и музейной, архивной и педагогической деятельности. Они продолжали использовать уникальный подход своего наставника и коллеги, который состоял в накоплении, систематизации и комплексном исследовании этнографических, археологических и иных источников для составления исчерпывающей картины развития древней культуры.

Под руководством своего брата участвовал в археологических раскопках и Михаил Александрович Миллер. Освоение принципов археологической работы Александра Александровича и приобретенные навыки полевой работы позволили ему после ареста и трагической гибели брата продолжить научные изыскания в Причерноморье. Так, в 1937 г. он провел обследование курганных групп на Тонком мысе близ Геленджика. В этой экспедиции принимал участие Иван Иванович Аханов (рис. 2), перенявший знания и опыт своих наставников — братьев Миллеров.

Коллектив исследователей изучил сотни небольших насыпей, составлявших могильник. В пяти курганах обнаружены каменные ящики — гробницы. Извлеченные остатки 9 костяков и изделия XII–XVII веков — керамика, железные

Рис. 2. Иван Иванович Аханов. МБУК «ГИКМ», госкаталог. РФ ГKM 6317.

Fig. 2. Ivan Ivanovich Akhanov. Municipal Budgetary Culture Institution «GIKM», state catalogue. RF GKM 6317

ножи и наконечники стрел, украшения (кольца, бусы, пряжки) — подтвердили предположение об использовании старых гробниц для погребений в более поздний период. Директору (с 1935 г.) краеведческого музея города Геленджик И.И. Аханову участие в серьезном исследовании, в основе которого лежал принцип комплексного анализа археологических и этнографических источников, разработанный А.А. Миллером, позволило приобрести колоссальные практические навыки. Уже спустя два года он самостоятельно подготовил экспедицию и впоследствии руководил ее работой. В поле зрения ее членов попали курганы: 20 близ Керченской щели, 11 в районе Адербиевской щели, а также дольмены: 1 в центре и 2 на северной окраине Геленджика, фрагменты дольмена в районе Фальшивого Геленджика. Великая Отечественная война прервала научные изыскания. Вернувшись с фронта в Геленджик, Иван Иванович сосредоточил все свои силы на возрождении музея,

пополнении его фондов. В 1949–1950 гг. по его инициативе были возобновлены раскопки неолитической стоянки и поселения эпохи бронзы (Аханов, 2009б. С. 113), начатые еще в 1928 г. на берегу Геленджикской бухты Б.С. Жуковым (Аханов, 1961б. С. 276–280), исследовали дольмены в районе Тонкого мыса города Геленджик. С 1951 по 1953 г. экспедиция, организованная сотрудниками геленджикского музея, завершила изучение гробниц в ущелье Коротенькая щель. Артефакты эпохи поздней бронзы — античности I тыс. до н.э. — IV в. до н.э. были размещены в Геленджикском краеведческом музее (Аханов, 2009а. С. 198). В этот период «были исследованы на территории от Геленджика до Фальшивого Геленджика несколько десятков подкурганных дольменов (группы и курганы-одиночки)» (Аханов, 1961а. С. 139–149), большая часть которых к тому времени была полностью или частично разграблена. Обнаруженные фрагменты глиняной посуды, предметы культа, бронзовые и железные наконечники стрел, копий и дротиков, топоры и ножички, браслеты, бляшки, пуговицы, бусины и иголки дополнили экспозицию местного краеведческого музея. Оставив по состоянию здоровья в 1955 г. должность руководителя музея, И.И. Аханов продолжал заниматься научной работой: участвовал в раскопках курганов (53 км шоссе Новороссийск — Сухуми), составил карту расположения памятников древности на правом берегу р. Жане.

И.И. Аханов не создал академической научной школы ученых-профессионалов, однако благодаря выдающемуся таланту исследователя и организатора ему удалось вести активную просветительскую работу, сплотить вокруг себя крепкий коллектив единомышленников, среди которых были молодые коллеги, сотрудники геленджикского музея Д.Е. Щеглов, Ф.Н. Потапова и абхазский археолог Ю.Н. Воронов, горожане-любители археологии Э.Г. Идельсон, М.М. Медянкина, художник А.Г. Волынский и многие другие, а также школьники-члены исторического кружка.

Александр Александрович Миллер и последователь его научных взглядов и принципов полевой работы Иван Иванович Аханов не только внесли весомый вклад в становление и развитие отечественной науки и культуры. Их обширная просветительская деятельность способствовала пробуждению интереса молодого поколения к древней и средневековой истории Причерноморья, желания участвовать в археологических экспедициях. Посвятив свою жизнь археологии

и музейному делу, талантливые и неутомимые исследователи получили заслуженное признание и уважение коллег.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алёкишин В.А.* Александр Александрович Миллер (1875–1935) / Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку: коллективная монография. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 100–126.
- Аханов И.И.* Геленджикские подкурганые дольмены // Советская археология. 1961а. № 1. С. 139–149.
- Аханов И.И.* Древняя стоянка в Геленджике // Советская археология. 1961б. № 3. С. 276–280.
- Аханов И.И.* Отчет о доследовании Геленджикских гробниц эпохи поздней бронзы 1951–1953 гг. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях: каталог. 1945–1954 гг. М.: ИА РАН, 2009а. С. 198.
- Аханов И.И.* Поздненеолитическая стоянка в Геленджике. Отчет о работах, проведенных в декабре 1949 г. и сентябре 1950 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях: каталог. 1945–1954 гг. М.: ИА РАН, 2009б. С. 113.
- Ашин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 284 с.
- Виноградов Ю.А.* Таманская экспедиция ГАИМК (1930–1931 гг.). Вопросы недолгой истории // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2022. Вып. 22 (1–2). С. 207–220.
- Виноградов Ю.А.* Из рукописного наследия А.А. Миллера // Проблемы истории, филологии, культуры. 2023. № 2. С. 312–320.
- Виноградов Ю.А., Григорьева О.В., Застрожнова Е.Г. и др.* А.А. Миллер и его Таманская экспедиция (по материалам научного архива ИИМК РАН) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2020. С. 118–120.
- Виноградов Ю.А., Григорьева О.В., Медведева М.В.* Археологические работы Таманской экспедиции ГАИМК // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2022. № 14. С. 245–263.
- Виноградов Ю.А., Медведева М.В., Панкратова Е.Г.* Таманская экспедиция ГАИМК: к истории создания // Археологические вести. 2021. № 30. С. 312–329.
- Застрожнова (Панкратова) Е.Г.* Следственное дело А.А. Миллера (1933–1934 гг.): общий обзор // Гуманитарно-педагогические исследования. 2022. Т. 6, № 3. С. 29–32.
- Застрожнова (Панкратова) Е.Г.* Исследователи античного наследия Боспора в годы репрессий (1920–1930-е гг.) // Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии: материалы междунар. науч. конф. (21–24 ноября 2023 г.). СПб.: Чистый лист, 2023. С. 409–416.
- Иессен А.А., Миллер А.А.* Таманская экспедиция 1931 г. (краткий предварительный отчет об исследованиях в Таманском городище) // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1932. № 11–12. С. 58–61.
- Кутаисская и Черноморская губернии* // Отчет Императорской Археологической комиссии за 1907 г. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1910. С. 93–95.
- Леусская Л.Е.* С разведкой в Средневековье. Находки археологов Эрмитажа в древнем городе на мысе Агрия // Санкт-Петербургские ведомости. 2024. № 210 (7786) (6 ноября).
- Миллер А.А.* Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // Известия Императорской Археологической Комиссии. 1909. Вып. 33. С. 71–102.
- Миллер А.А.* Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1923 году // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1925. Вып. 4. С. 1–42.
- Миллер А.А.* Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии Истории Материальной Культуры в 1924 и 1925 годах // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1926а. Т. 1. С. 71–142.
- Миллер А.А.* Северо-Кавказская экспедиция // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1926б. Т. 1. С. 314–316.
- Миллер А.А.* Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в 1926 и 1927 гг. // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1929. Т. 2. С. 60–122.
- Миллер А.А.* Таманская экспедиция ГАИМК // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1931. Вып. 1. С. 26–29.
- Паромов Я.М.* История археологических исследований на Таманском полуострове (1792–2016 гг.). М.: ИА РАН, 2023. 336 с.
- Российский этнографический музей. А.А. Миллер [Электронный ресурс]. URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/miller-aleksandr-aleksandrovich/> (дата обращения 20.05.2025).
- Стеганицева В.Я., Рысин М.Б.* Императорская Археологическая Комиссия и исследование памятников Кавказа и Предкавказья // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 661–782.
- Черноморская губерния* // Отчет Императорской Археологической комиссии за 1909 и 1910 гг. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1913. С. 160–162.
- Der Kaukasus zwischen Osteuropa und Vorderem Orient in der Bronze- und Eisenzeit: Dialog der Kulturen, Kultur des Dialoges = Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и*

железном веке: диалог культур, культура диалога: сб. докл. Междунар. науч. конф. по археологии Кавказа и Гумбольдт-лекторий (5–8 октября 2015

года, Санкт-Петербург). Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2020 (Archäologie in Iran und Turan; 19). 616 p.

IN MEMORY OF OUTSTANDING RESEARCHERS OF THE BLACK SEA REGION: A.A. MILLER (1875–1935) AND I.I. AKHANOV (1900–1960)

Liu Liqui^{1,*} and Yu.G. Blagoder^{2,**}

¹Nanjing University of Science and Technology, Nanjing, Jiangsu, People's Republic of China

²Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

*E-mail: liqui_2018@163.com

**E-mail: blagoder_1@mail.ru

The article is dedicated to the anniversary celebrants – the famous researcher A.A. Miller and his worthy follower I.I. Akhanov, who made a significant contribution to the formation and development of Russian archaeology. Numerous finds obtained during archaeological expeditions made it possible to present a detailed description of the ancient and medieval structures of the Black Sea region. Identification, systematization and comprehensive study of ethnographic, archaeological and other sources is the fundamental principle of the researchers' work. Thanks to their efforts, finds of coins, pottery, glass, iron products and their fragments from this region have replenished the collections of Russian scientific and educational organizations: the Russian Museum, the Hermitage Museum, and museums of several cities in Krasnodar Territory. These talented researchers dedicated their lives to studying the history of the Black Sea region and museum work, which resulted in well-deserved recognition from their colleagues.

Keywords: Soviet archaeology, A.A. Miller, I.I. Akhanov, Black Sea region, archaeological excavations, burial mound dolmens.

REFERENCES

- Akhanov I.I., 1961a. Gelendzhik dolmens under burial mounds. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 1, pp. 139–149. (In Russ.)
- Akhanov I.I., 1961b. Ancient site in Gelendzhik. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 3, pp. 276–280. (In Russ.)
- Akhanov I.I., 2009a. Otchet o dosledovanii Gelendzhikskikh grobnits epokhi pozdney bronzy 1951–1953 gg. [Report on the supplementary investigation of the Gelendzhik tombs from the Late Bronze Age in 1951–1953]. *Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii RAN. Otchety o polevykh issledovaniyakh: katalog. 1945–1954 gg.* [Scientific and subject-oriented archive of the Institute of Archaeology RAS. Field Research Reports: Catalogue. 1945–1954]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, p. 198.
- Akhanov I.I., 2009b. Pozdneoliticheskaya stoyanka v Gelendzhike. Otchet o rabotakh, provedennykh v dekabre 1949 g. i sentyabre 1950 g. [Late Neolithic site in Gelendzhik. Report on works conducted in December 1949 and September 1950]. *Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii RAN. Otchety o polevykh issledovaniyakh: katalog. 1945–1954 gg.* [Scientific and subject-oriented archive of the Institute of Archaeology RAS. Field Research Reports: Catalogue. 1945–1954]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, p. 113.
- Alekshin V.A., 2022. Aleksandr Aleksandrovich Miller (1875–1935). *Ottsy-osnovateli RAIMK: ikh zhiznenny put' i vklad v nauku: kollektivnaya monografiya* [The Founding Fathers of Russian Academy for the History of Material Culture: their life and contribution to science: Joint monograph]. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, pp. 100–126. (In Russ.)
- Ashnin F.D., Alpatov V.M., 1994. «Delo slavistov»: 30-ye gody [“The case of Slavic scientists: 1930s”]. Moscow: Nasledie. 284 p.
- Black Sea Province. *Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii za 1909 i 1910 gg.* [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1909 and 1910]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, 1913, pp. 160–162. (In Russ.)
- Der Kaukasus zwischen Osteuropa und Vorderem Orient in der Bronze- und Eisenzeit: Dialog der Kulturen, Kultur des Dialoges = Kavkaz mezhdur Vostochnoy Evropy i Perednim Vostokom v bronzovom i zheleznom veke: dialog kul'tur, kul'tura dialoga: sbornik dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po arkheologii Kavkaza i Gumboldt-lektoriy (2015). Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2020 (Archäologie in Iran und Turan; 19). 616 p.
- Iessen A.A., Miller A.A., 1932. Taman expedition of 1931 (a brief preliminary report on research in the Taman settlement). *Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury* [Communications of the State Academy for the History of Material Culture], 11–12, pp. 58–61. (In Russ.)

- Kutaisi and Black Sea Provinces. *Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii za 1907 g.* [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1907]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, 1910, pp. 93–95. (In Russ.)
- Leusskaya L.E., 2024. With surveys to the Middle Ages. Finds of Hermitage Museum archaeologists in the ancient city on Cape Agria. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [St. Petersburg news], 210 (7786). (In Russ.)
- Miller A.A., 1909. Surveys on the Black Sea coast of the Caucasus in 1907. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii* [Transactions of the Imperial Archaeological Commission], 33, pp. 71–102. (In Russ.)
- Miller A.A., 1925. Brief report on the activities of the North Caucasus expedition of the Academy in 1923. *Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury* [Bulletin of the State Academy for the History of Material Culture], 4, pp. 1–42. (In Russ.)
- Miller A.A., 1926a. Brief report on the activities of the North Caucasus expedition of the State Academy for the History of Material Culture in 1924 and 1925. *Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury* [Communications of the State Academy for the History of Material Culture], 1, pp. 71–142. (In Russ.)
- Miller A.A., 1926b. North Caucasus expedition. *Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury* [Communications of the State Academy for the History of Material Culture], 1, pp. 314–316. (In Russ.)
- Miller A.A., 1929. Archaeological works of the North Caucasus expedition of the State Academy for the History of Material Culture in 1926 and 1927. *Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury* [Communications of the State Academy for the History of Material Culture], 2, pp. 60–122. (In Russ.)
- Miller A.A., 1931. Taman Expedition of the State Academy for the History of Material Culture. *Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury* [Communications of the State Academy for the History of Material Culture], 1, pp. 26–29. (In Russ.)
- Paromov Ya.M., 2023. Istoriya arkheologicheskikh issledovaniy na Tamanskom poluostrove (1792–2016 gg.) [History of archaeological research on the Taman Peninsula (1792–2016)]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 336 p.
- Rossiyskiy etnograficheskiy muzey. A.A. Miller (Elektronnyy resurs) [Russian Ethnographic Museum. A. A. Miller (Electronic resource)]. URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/miller-aleksandr-aleksandrovich/>.
- Stegantseva V.Ya. Rysin M.B., 2009. Imperial Archaeological Commission and the study of sites in the Caucasus and Ciscaucasia. *Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya (1859–1917): K 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoy arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediya* [Imperial Archaeological Commission (1859–1917): to the 150th anniversary of its foundation. At the origins of Russian archaeology and the protection of cultural heritage]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 661–782. (In Russ.)
- Vinogradov Yu.A., 2022. Taman Expedition of the State Academy for the History of Material Culture (1930–1931). Issues of its short history. *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon. Research and publications on the history of the ancient world], 22 (1–2), pp. 207–220. (In Russ.)
- Vinogradov Yu.A., 2023. From the manuscript heritage of A.A. Miller. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 2, pp. 312–320. (In Russ.)
- Vinogradov Yu.A., Grigor'eva O.V., Medvedeva M.V., 2022. Archaeological works of the Taman expedition at the State Academy for the History of Material Culture. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Materials on the archaeology and history of the ancient and medieval Pontic region], 14, pp. 245–263. (In Russ.)
- Vinogradov Yu.A., Grigor'eva O.V., Zastrozhnova E.G. et al., 2020. A.A. Miller and his Taman expedition (based on materials from the scientific archive of the Institute for Material Culture RAS). *Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Samare* [Works of the VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress in Samara]. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy sotsial'no-pedagogicheskiy universitet, pp. 118–120. (In Russ.)
- Vinogradov Yu.A., Medvedeva M.V., Pankratova E.G., 2021. Taman expedition of the State Academy for the History of Material Culture: to the history of its foundation. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological news], 30, pp. 312–329. (In Russ.)
- Zastrozhnova (Pankratova) E.G., 2022. Investigative case of A.A. Miller (1933–1934): an overview. *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical research], 6, 3, pp. 29–32. (In Russ.)
- Zastrozhnova (Pankratova) E.G., 2023. Researchers of the Bosphorus classical heritage during the period of repressions (1920–1930s). *Bosporskiy fenomen: quarta pars saeculi. Itogi, problemy, diskussii: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Bosporan phenomenon: quarta pars saeculi. Results, problems, discussions: Proceedings of the International scientific conference]. St. Petersburg: Chisty list, pp. 409–416. (In Russ.)

К СТОЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЦЕХМИСТРЕНКО

© 2025 г. А.Б. Лагутин^{1,*}, О.В. Лагутина (Цехмистренко)^{2,**}

¹Московская губернская универсальная библиотека, Россия

²Московский научно-практический центр наркологии, Россия

*E-mail: anton@lagutin.ru

**E-mail: olga@lagutina.ru

Поступила в редакцию 11.06.2025 г.

После доработки 11.06.2025 г.

Принята к публикации 18.06.2025 г.

100 лет назад 5 сентября 1925 г. родился Владимир Ильич Цехмистренко. Он прожил недолгую, но яркую жизнь, которая трагически оборвалась, когда ему было 45 лет.

В нашем распоряжении есть, среди прочего, краткая автобиография Владимира Ильича, написанная в конце жизни для отдела кадров МГПИ им. В.И. Ленина, хранящаяся в домашнем архиве дочери ученого, и некролог, опубликованный в журнале «Советская археология» О.Д. Дашевской и И.Т. Кругликовой (СА. 1971. № 3. С. 312, 313).

Как написано в автобиографии В.И. Цехмистренко, он родился 5 сентября 1925 г. в станице Таманской Краснодарского края в семье служащего. До войны проживал с родителями в г. Краснодаре, где летом 1942 г. закончил 9 классов средней школы. Когда и где он был призван в армию, неизвестно. Известно, что он принимал участие в боях на Северном Кавказе, где был ранен и попал в госпиталь. После возвращения в строй воевал в западных областях Украины, Белоруссии и Литве. Награжден медалями «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией». В августе 1946 г. он был демобилизован.

После демобилизации Владимир Ильич закончил школу рабочей молодежи в городе

Краснодаре в 1947 г. с золотой медалью. В 1948 г. он поступил в Московский государственный университет (исторический факультет, кафедра археологии), который закончил в 1953 г. и был направлен на работу в Керченский государственный историко-археологический музей, где работал с августа 1953 по декабрь 1957 г. сначала научным сотрудником, затем главным хранителем музея.

Именно в Керчи В.И. Цехмистренко нашел главную тему научной деятельности. Еще со студенческих лет он начал работать в археологических экспедициях на Керченском полуострове. Видимо, именно в это время он познакомился с большой, но не разобранный коллекцией керамических клейм на античных амфорах, хранящейся в Керченском музее. Начав работать в музее, он занялся разборкой и классификацией этой коллекции. Скорее всего, именно он разложил клейма по центрам и штампам (Федосеев Н.Ф. Проект публикации коллекции керамических

Список сокращений: СА — журнал «Советская археология», КГИКЗ — Керченский государственный историко-культурный заповедник, ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук Союза Советских Социалистических Республик, КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук Союза Советских Социалистических Республик, УЗ МГПИ им. В.И.Ленина — Ученые записки Московского государственного педагогического института имени Владимира Ильича Ленина, МГПИ им. В.И.Ленина — Московский государственный педагогический институт имени Владимира Ильича Ленина, ГлавАПУ — Главное архитектурно-планировочное управление Москомархитектуры, ВЭ — сборник «Вопросы эпиграфики», ЭВ — сборник «Эпиграфический вестник», ГЭ — Государственный эрмитаж

клейм Керченского музея // Сборник трудов конференции «Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников». СПб.: ГЭ, 2005. С. 430–436.). В 1958 г. в «Советской археологии» была напечатана его первая статья по этой тематике (К вопросу о периодизации синопских керамических клейм // СА. 1958. № 1. С. 56–70). В архиве музея хранятся две рукописи В.И. Цехмистренко: одна посвящена методам сравнения штампов синопских клейм (Материалы изучения синопских керамических клейм // Архив КГИКЗ. Опись 5. Ед. хр. № 14), другая — «Синопские клейма Керченского музея» — имеет подзаголовок «Дополнение к изданиям В.В. Шкорпила» (Рукопись, Керчь // Архив КГИКЗ. Дело 109).

Кроме того, в этот период своей жизни В.И. Цехмистренко регулярно участвовал в охранных раскопках в Керчи и в работе Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции ИА АН СССР. По итогам этих раскопок им был издан ряд статей (см., например: Два керченских сосуда с акварельной росписью // КСИА. 1957. Вып. 70. С. 147–149; Склеп с уступчатым покрытием в районе Царского кургана близ Керчи // МИА. 1959. Вып. 69. С. 251–256 (в соавторстве с В.Э. Куниным).

В начале 1958 г. Владимир Ильич переехал в город Калинин (ныне Тверь). Здесь с января 1958 по февраль 1959 г. он работал ассистентом на заочном отделении педагогического института, где читал лекции и вел практические занятия по истории древнего мира, а также по основам археологии. Одновременно В.И. Цехмистренко работал научным сотрудником Калининского областного краеведческого музея. В феврале 1959 г. он поступил в очную аспирантуру Историко-филологического факультета МГПИ им. В.И. Ленина, а 20 мая 1963 г. на ученом совете Исторического факультета института защитил кандидатскую диссертацию (Клейма как источник для изучения керамического производства в Синопе в IV–II вв. до н.э.: Диссертация ... кандидата исторических наук. М. 1962. 293 с., ил.). Научным руководителем диссертации был Б.Н. Граков — признанный специалист по керамическим клеймам.

В процессе подготовки диссертации и после ее защиты, продолжая разрабатывать тему керамических клейм, В.И. Цехмистренко опубликовал серию статей, в которых излагались основные принципы его работы по интерпретации информации, которую несут в себе керамические клейма (см., например: Заметки о синопских клеймах //

СА. 1964. № 1. С. 321–324; 1967. № 1 С. 256–261; 1971. № 3. С. 67–76; О характере керамического клеймения в античную эпоху // КСИА. Вып. 128. М. Наука. 1971. С. 15–20). В 1969 г. он публикует первую в отечественной науке библиографию изучения керамических клейм в России и Советском Союзе (Античные керамические клейма как исторический источник (опыт библиографии вопроса) // УЗ МГПИ им. В.И. Ленина. Вып. 294. 1969. С. 209–224).

Летом 1962 г. Министерство просвещения РСФСР направило Владимира Ильича на работу в Марийский государственный педагогический институт (г. Йошкар-Ола) на кафедру истории в качестве старшего преподавателя, где он читал курсы археологии и истории средних веков. В декабре 1965 г. В.И. Цехмистренко был приглашен в МГПИ им. В.И. Ленина в качестве совместителя. В августе 1966 г. ему была предложена должность заместителя начальника инспекции по государственной охране памятников архитектуры Москвы при ГлавАПУ. В это время он подготовил впервые курс лекций по охране археологических памятников, а перейдя в 1969 г. в Центральную научно-исследовательскую лабораторию консервации и реставрации в качестве заведующего отделом прикладного искусства, всемерно содействовал делу сохранения археологических коллекций в музеях и подготовке кадров реставраторов, а также специалистов по охране памятников археологии.

Преподавательской работой в МГПИ удавалось заниматься по совместительству, а любимым делом — исследованием керамических клейм — в свободное время. Тем не менее научное наследие, оставленное Владимиром Ильичом, значительно. Им разработан ряд вопросов методологии изучения клейм, создана новая периодизация синопских клейм, существенно уточнены датировки этой важной группы источников, которыми сейчас пользуются многие археологи.

В эти годы (1960–1966) экспедиционная деятельность Владимира Ильича была связана главным образом с исследованием Западного Крыма: он был одним из основателей и ведущих сотрудников Донузлавской экспедиции ИА АН СССР, отдавая новому делу всю свою энергию и опыт, а также привлекая к работе многих своих учеников, проходивших под его руководством полевую практику.

В октябре 1970 г. В.И. Цехмистренко был принят на работу в МГПИ им. В.И. Ленина на кафедру истории древнего мира и средних веков и.о. доцента. Все, наконец, наладилось в жизни

ученого, но 2 января 1971 г. Владимира Ильича Цехмистренко не стало. Не выдержало сердце, с которым и раньше были проблемы. Врачи рекомендовали Владимиру Ильичу воздержаться от поездок в экспедиции, но он их не послушался. Ведь экспедиции были частью его жизни, его биологического цикла. За свою недолгую, но яркую археологическую карьеру он успел поработать более чем в 20 экспедициях.

Научное наследие В.И. Цехмистренко достаточно велико. До настоящего времени архив ученого хранится в семье его дочери О.В. Лагутиной (Цехмистренко). Он содержит многочисленные наброски, несколько незаконченных статей, а также упомянутый уже цикл лекций по охране памятников археологии.

При этом его революционный подход к интерпретации информации, которую несут в себе керамические клейма, делает наследие В.И. Цехмистренко актуальным до настоящего времени. Последние годы этим наследием занимаются А.Г. Авдеев и Н.В. Ефремов. Они доработали и опубликовали ряд статей ученого (Применение формально-сравнительного метода в изучении керамических клейм // ЭВ. Вып. 5. 1999. С. 33–63), а также активно используют наследие ученого в своих научных и библиографических работах (см., например: Авдеев А.Г., Ефремов Н.В. Античные керамические клейма и их изучение в Российской империи и СССР. Краткий библиографический указатель // ВЭ. 2012. Вып. VI. С. 224–579).

ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ МАТВЕЕВ
(05.09.1948 – 30.04.2025)

© 2025 г. Е.Ю. Захарова^{1,*}, Ю.В. Лунькова^{2,**}, Е.И. Гак^{3,***}, Л.И. Маслихова^{4,****}

¹Воронежский государственный университет, Россия

²Институт археологии РАН, Москва, Россия

³Государственный исторический музей, Москва, Россия

⁴Воронежский государственный технический университет, Россия

*E-mail: ez@hist.vsu.ru

**E-mail: ylunkova@rambler.ru

***E-mail: e.i.gak@mail.ru

****E-mail: lim29-78@mail.ru

Поступила в редакцию 15.06.2025 г.

После доработки 15.06.2025 г.

Принята к публикации 18.06.2025 г.

30 апреля 2025 г. не стало Юрия Петровича Матвеева, известного археолога, блестящего полевого, самобытного исследователя, внесшего значительный вклад в изучение эпохи бронзы Восточной Европы. Каждый, кто оказывался

рядом с ним, чувствовал доброжелательность и отзывчивость, сочетавшиеся с поразительной скромностью. Юрий Петрович всегда отличался удивительной сдержанностью, поэтому его быстрый уход стал неожиданным для коллег и друзей.

Юрий Петрович родился 5 сентября 1948 г. в городе Канакер Армянской ССР в семье офицера, участника Великой Отечественной войны. Детство прошло в постоянных разъездах вместе с семьей. Среднюю школу Юрий Петрович окончил в городе Ходоров Львовской области в 1966 г. В этом же году в возрасте 18 лет начал трудовую деятельность в городе Воронеж, куда переехала семья. Сначала в воинской части был лаборантом (1966–1967 гг.), затем рабочим геологоразведочной партии Гипротранс (1968–1970 гг.). Тогда же поступил в Воронежский государственный университет на вечернее отделение. Параллельно Юрий Петрович принимал участие в работах археологических экспедиций ВГУ, Новостроечной экспедиции Института археологии АН СССР (под руководством П.Д. Либерова и Б.Г. Тихонова), Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Именно тогда Юрий Петрович решил связать свой дальнейший жизненный путь с археологией, служению которой посвятил себя без остатка.

В 1971–1978 гг. работал в Воронежском областном краеведческом музее: сначала старшим научным сотрудником, а после службы в рядах Вооруженных сил СССР, куда был призван по

окончании университета, — заведующим отделом. Большая часть времени уходила на разбор и систематизацию фондов археологической коллекции музея, которую Юрий Петрович выполнял со свойственной ему скрупулезностью и аккуратностью. Совместно с А.Т. Синюком им была разработана структура экспозиции археологического материала, в основных чертах сохранившаяся в музее до сегодняшнего дня.

В 1978 г. Юрий Петрович поступил в аспирантуру на кафедру археологии и истории древнего мира ВГУ, по окончании которой (1981 г.) успешно защитил кандидатскую диссертацию «История среднедонской катакомбной культуры» (1982). С этого времени вплоть до выхода на пенсию (2008) Юрий Петрович оставался верен родному университету, пройдя путь от преподавателя до доцента кафедры археологии и истории древнего мира.

На протяжении всех этих лет он читал лекции по базовым дисциплинам: «Основы археологии», «История первобытного общества», «Культура первобытного общества», «Основы этнографии», а также авторские спецкурсы: «Культуры эпохи бронзы Восточной Европы», «Методика полевых археологических исследований», «Археология в музейном деле СССР», «Музееведение и охрана памятников археологии». Он был великолепным оратором. Его лекции постоянно выходили за рамки учебной программы, открывая студентам широкую панораму исторического процесса. Юрий Петрович пользовался уважением и подлинной любовью студентов и аспирантов, впечатляя своей исключительной эрудицией, тонкой иронией и остроумием. Он обладал редким тактом и в каждом своем ученике видел прежде всего личность, стремящуюся найти ответы на свои собственные вопросы. Именно поэтому Юрий Петрович, увлеченный изучением эпохи бронзы, сумел воспитать достойных исследователей в разных областях науки.

Полевые исследования (разведки, раскопки) занимают значительную часть жизни профессионального археолога. Так было и в судьбе Юрия Петровича. Начиная с конца 60-х годов XX в. и до последних дней он выезжал в поле и не представлял свою жизнь без экспедиций. Юрий Петрович — великолепный практик. Поиск археологических памятников был его истинным призванием; внимание к любым деталям, научное чутье и исключительное упорство позволяли ему находить их там, где, казалось бы, ничего нет. Интуиция, решительность и

коммуникабельность способствовали достижению результатов в сложнейших условиях. Для многих современных воронежских археологов он был наставником, определившим их профессиональные судьбы. Наставником не только в своем деле, своем ремесле, но и в отношении к профессии, к людям и жизни в целом.

Активная самостоятельная полевая деятельность Юрия Петровича связана с работами новострочных экспедиций начиная с 70-х годов прошлого столетия. В архиве Института археологии РАН хранится 40 отчетов за его авторством. В рамках этих исследований было проведено сплошное и масштабное археологическое изучение территории Среднего Дона, позволившее получить значительный массив новых данных по разным историческим эпохам. Полевой специализацией Юрия Петровича были курганные могильники, к раскопкам которых он питал особый интерес. Эти памятники послужили основой для разработки вопросов внутренней хронологии и периодизации ряда культур эпохи бронзы, выяснения характера их взаимоотношений и взаимодействий. В большой мере на результатах исследований Юрия Петровича базируются современные представления о древних обществах Волго-Донского междуречья. Показателен тот факт, что самые значимые результаты полевых работ были достаточно оперативно введены в научный оборот (Матвеев Ю.П. Позднекатакомбные погребения в кургане у пос. Ольховатка // АВЕЛ. Вып. 1. Воронеж, 1979. С. 98–102; Матвеев, Тихонов. Исследование могильника у с. Караяшник // Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. АВЕЛ. Вып. 5. Воронеж, 1984. С. 48–60; Матвеев. Новострочные исследования Воронежского университета // Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. АВЕЛ. Вып. 10. Воронеж, 1997. С. 57–62 и др.).

Отметим, что вплоть до 60-х годов прошлого века представления об эпохе бронзы бассейна Верхнего и Среднего Дона были очень скудными и опирались лишь на материалы единичных памятников, изученных в конце XIX — начале XX в., и случайные находки. Во многом благодаря систематическим работам Ю.П. Матвеева количество исследованных источников резко увеличилось. Будучи человеком большого научного дарования, он со свойственными ему особой наблюдательностью, стремлением разобратся в запутанных вопросах и трудных материалах сформировал собственный независимый взгляд на проблематику эпохи средней—поздней

бронзы. В публикациях Юрий Петрович предложил многокомпонентную систему сменяющих друг друга культурных образований, их взаимодействия и взаимовлияния, разработал внутреннюю периодизацию каждой из них, обосновал выделение покровского горизонта памятников в системе абашевских и срубных древностей Подонья, а также погребений воинов-колесничих и ряда других аспектов культурогенеза III — II тыс. до н.э. бронзового века Восточной Европы и сопредельных территорий.

Его перу принадлежит около 100 печатных работ, в которых, наряду с обоснованной самобытной оценкой той или иной научной проблемы, можно найти меткие наблюдения и гипотезы, касающиеся отдельных фактов и сюжетов. При всей широте своего кругозора Юрий Петрович опирался на археологический материал Волго-Донского региона, который знал досконально. Его публикации отличаются стройным изложением материала и детальным анализом, аргументированной системой доказательств. Среди наиболее значимых стоит упомянуть: Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж, 1988. 209 с. (в соавт. с А.Д. Пряхиным); Срубно-абашевские погребения переходного типа Волго-Донского междуречья // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж, 1988. С. 60–71; О векторе распространения «колесничных» культур эпохи бронзы // РА. 2005. № 3. С. 5–15.

Особое место в исследованиях Юрия Петровича, безусловно, занимала среднедонская катакомбная культура, навсегда поразившая его изяществом украшений и орнаментов на керамике, иррациональностью затрат и сложностью

погребального обряда. Одна из последних крупных работ «Среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы (по данным курганных комплексов)», написанная и изданная совместно с А.Т. Синюком в 2007 г., является ценнейшим сводом источников, в котором уточняется относительная хронология и периодизация среднедонской катакомбной культуры, определяются границы ее распространения на разных этапах и место в системе синхронных археологических культур. Юрий Петрович был не только замечательным курганщиком, но и исследователем поселений. Наиболее известными являются его раскопки в 1978–1979 гг. у с. Рыкань, сыгравшие важную роль на начальном этапе изучения бытовых памятников среднедонской катакомбной культуры.

Еще при жизни научное наследие Юрия Петровича Матвеева стало фундаментальной частью воронежской школы бронзоведения. Глубокое и детальное знание археологических материалов Донского региона, скрупулезность в работе с археологическими источниками, независимость мышления, а также удивительное чувство меры и такт, которыми Юрий Петрович обладал, оказались залогом дружественных отношений с археологами и историками, занимающимися синхронными материалами Волго-Донского междуречья и сопредельных территорий.

Всем, кто знал Юрия Петровича, дружил, работал с ним и в особенности под его началом, кто учился у него, всегда будет не хватать общения с этим незаурядным человеком — в высшей степени талантливым и душевным во всем и всегда.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 0110154 от 4 февраля 1993 г.,
выдано Министерством печати и информации Российской Федерации

Подписано к печати	Дата выхода в свет	Формат $60 \times 88^{1/8}$	Усл. печ. л.	Уч.-изд. л.
	Тираж экз.	Зак.	Цена свободная	

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Российская академия наук, 119991, г. Москва, Ленинский просп., 14
Исполнитель по контракту № 4У-ЕП-020-2-25 ФГБУ «Издательство «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.
Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1